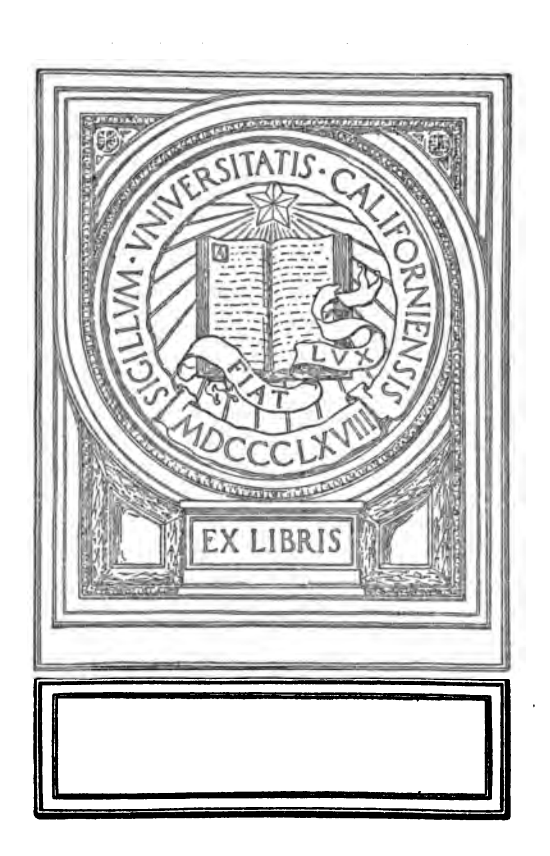
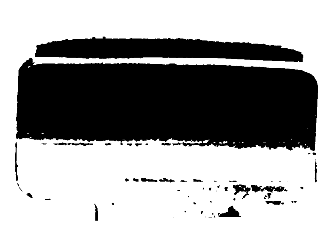

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

129 3 vols

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

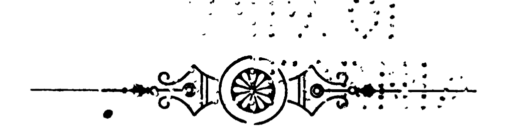
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. Дубровинъ.

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
и
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Томъ I.

(Съ картами и планами).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подьяческая, № 39.
1900.

ПАМЯТИ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

ПОСВЯЩАЕТЪ

БЛАГОДАРНЫЙ АВТОРЪ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.

А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ,
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.

Я спою, какъ, покинувъ и домъ и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.

Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что идутъ умирать
И какъ свято они умирали!

Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью,
Какъ за каждый клочекъ нашей Русской земли
Намъ платили враги своей кровью;

Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны,—

И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...

Пусть не радостна пѣсня, что я вамъ пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

А. Н. Апухтинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Карта окрестностей Севастополя.

Планъ Севастополя и его укрѣпленій.

Планъ сраженія на рѣкѣ Алмѣ 8-го (20-го) сентября 1854 г.

Въ октябрѣ 1871 года, гофмаршалъ двора Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, генералъ-адъютантъ Зиновьевъ, писалъ военному министру, что изъ доставленныхъ Наслѣднику Цесаревичу рукописей по Севастопольской оборонѣ, Его Высочеству благоугодно составить сборникъ статей, заслуживающихъ по своему содержанію особеннаго вниманія, и исторію Севастопольской обороны.

«Вслѣдствіе сего Его Императорское Высочество поручилъ мнѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, не признаете ли возможнымъ возложить оба труда на состоящаго при главномъ штабѣ полковника Дубровина, которому дѣло это болѣе извѣстно, какъ редактирующему «Севастопольскій сборникъ», издаваемый комитетомъ по устройству Севастопольскаго музея, буде онъ изъявитъ на то свое согласіе» [1]).

Черезъ четыре дня, бывшій тогда военный министръ Д. А. Милютинъ отвѣчалъ, что съ его стороны препятствія не встрѣчается на предложеніе мнѣ принять на себя составленіе какъ сборника рукописей, такъ и исторіи обороны Севастополя [2]).

3-го февраля 1872 года я получилъ лестное для меня порученіе и, приступая къ занятіямъ, просилъ разрѣшенія о допущеніи меня въ тѣ архивы, въ которыхъ хранятся дѣла, относящіяся до исторіи Восточной войны 1853—1856 гг. Послѣдовавшее разрѣшеніе сопровождалось весьма значительными ограниченіями. Канцлеръ кн.

---

[1]) Письмо гофмаршала военному министру, отъ 27-го октября 1871 г., № 1569.

[2]) Письмо военнаго министра гофмаршалу В. Зиновьеву, 31-го октября 1871 г., № 669.

Горчаковъ разрѣшилъ мнѣ пользоваться дѣлами архива министерства иностранныхъ дѣлъ, «*за исключеніемъ дипломатической и секретной переписки* [1]), такъ какъ она не имѣетъ прямаго отношенія (?) къ военнымъ дѣйствіямъ той эпохи и не подлежитъ еще оглашенію» [2]).

Такое ограниченіе ставило меня въ положеніе автора, принужденнаго начать свое изслѣдованіе не съ начала, а съ середины; но несмотря на мое заявленіе объ этомъ, Его Высочеству угодно было повелѣть продолжать собираніе матеріаловъ и заняться описаніемъ исключительно военныхъ дѣйствій. Въ исполненіи такого порученія я также встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Для полной и основательной оцѣнки хода военныхъ дѣйствій необходимо было близко ознакомиться съ перепискою Императора Николая съ главнокомандующими и начальниками отдѣльныхъ отрядовъ, и въ отвѣтъ на мою просьбу, я получилъ разрѣшеніе, съ соблюденіемъ двухъ условій:

1) «Чтобы вы обязались не снимать копій съ означенной переписки и не помѣщать отрывковъ изъ оной въ частныхъ изданіяхъ, и

2) «Чтобы мѣста изъ переписки и ссылки на оную, которыя вы сочтете нужнымъ включить въ свой трудъ, были предварительно печатанія подвергнуты разсмотрѣнію въ Военно-Ученомъ комитетѣ» [3]).

Такое ограниченіе ставило меня почти въ полную невозможность продолжать разработку матеріаловъ и хотя впослѣдствіи мнѣ было разрѣшено воспользоваться частью переписки Императора Николая I, но большая часть ея осталась для меня недоступною.

Я разсказалъ весь ходъ своей работы для того, чтобы уяснить читателю, какъ я самъ смотрю на предлагаемую его вниманію «Исторію Крымской войны и обороны Севастополя». Несмотря на всѣ ограниченія, рукопись признана была неудобною для обнародованія, и только спустя 25 лѣтъ она появляется въ печати съ соиз-

---

[1]) А другой никакой и не могло быть въ архивѣ.

[2]) Письмо гофмаршала ко мнѣ, отъ 16-го февраля 1872 г., № 243.

[3]) Отношеніе канцеляріи Военно-Ученаго комитета, отъ 25-го апрѣля 1873 г., № 154.

воленія Государя Императора и въ томъ видѣ, въ какомъ была представлена въ Бозѣ почившему Императору Александру III.

Ни мои годы, ни служебныя обязанности не дозволяютъ мнѣ приступить къ собиранію новыхъ матеріаловъ для дополненія и переработки текста, и я льщу себя только одною надеждой, что трудъ мой все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе и можетъ быть полезенъ для будущаго историка Восточной войны 1853—1856 г. Въ немъ онъ и читатель найдутъ такія данныя, которыя собраны мною изъ показаній очевидцевъ и рукописныхъ записокъ лицъ нынѣ умершихъ, свидѣтельство которыхъ остается единственнымъ объясненіемъ совершившихся фактовъ и дополненіемъ къ оффиціальнымъ источникамъ, изъ коихъ нѣкоторые уже уничтожены.

Ваше Императорское Высочество!

Въ прошломъ году Вашему Императорскому Высочеству угодно было поручить мнѣ составленіе «Исторіи Крымской войны и славной обороны Севастополя».

Осчастливленный столь высокимъ вниманіемъ и руководимый чувствомъ глубокаго уваженія къ эпохѣ памятной для Россіи во многихъ отношеніяхъ, я старался, при характеристикѣ лицъ и описаніи совершившихся событій, положить въ основаніе своего труда полное безпристрастіе.

Въ то тяжкое для Россіи время, въ рядахъ славной русской арміи, не было у меня ни друга, ни недруга; не было ни брата, ни свойственника: предо мною были только соотечественники, одинаково мнѣ близкіе, одинаково жертвовавшіе своею жизнію, достояніемъ и имуществомъ.

Каждому изъ насъ памятны тѣ дни, когда на долю нашихъ отцовъ, матерей, женъ, братьевъ и сестеръ выпала трудная обязанность защиты родины и обновленія ея новою жизнію. Богатырскіе подвиги однихъ, посильный трудъ другихъ и родная намъ слеза матерей и женъ должны быть священны и не опозорены неправдою ни въ осужденіи, ни въ защитѣ дѣятелей. Слава послѣднихъ составляетъ гордость настоящаго поколѣнія, ошибки ихъ — урокъ для него. Какъ то, такъ и другое могутъ вытекать только изъ полнаго безпристрастія и спокойнаго обсужденія событій, обсужденія, предпринятаго безъ всякой предвзятой идеи опорочить лицо, или придать ему значеніе бо́льшее того, которое онъ заслуживалъ.

Воздавая каждому по заслугамъ, я излагалъ событія такъ, какъ представлялись они мнѣ, по собраннымъ документамъ и тѣмъ

матеріаламъ,—доставленнымъ дѣятелями славной эпохи—которые Вашему Императорскому Высочеству угодно было приказать передать мнѣ для пользованія.

Политическій ходъ вопроса, приведшаго насъ къ столкновенію съ четырьмя государствами Европы, признанъ рановременнымъ для обнародованія, и потому я вынужденъ начать разсказъ съ открытія военныхъ дѣйствій.

Напрасно историкъ Крымской войны сталъ бы искать причинъ неудачи только въ различныхъ злоупотребленіяхъ, проявившихся въ администраціи—онъ погрѣшилъ бы противъ истины и не уяснилъ бы себѣ многаго. Несомнѣнно, злоупотребленія существовали въ нашей арміи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и присвоеніе казенной собственности считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, нисколько не предосудительнымъ. Но не справедливо было бы то мнѣніе, что расхищеніе казны имѣло исключительное вліяніе на исходъ военныхъ дѣйствій. При наклонности къ пользованію казенною собственностью, содержаніе войскъ стоило въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ могло бы стоить, но нашъ солдатъ, въ теченіе всей войны, не ощущалъ особыхъ недостатковъ ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ.

Наши неудачи происходили не отъ недостатка пищи или одежды, а заключались въ совокупности другихъ причинъ и прежде всего въ ошибочномъ опредѣленіи пунктовъ обороны нашей обширной границы. Мы не шли на встрѣчу опасности, а слѣдовали за нею и оттого всегда опаздывали.

Ни одно государство не въ состояніи оберегать границу съ одинаковою силою на всемъ ея протяженіи; оно не имѣетъ даже въ этомъ и нужды; но опредѣленіе наиболѣе важныхъ пунктовъ обороны, умѣнье сосредоточить на нихъ наибольшее число войскъ, дабы имѣть перевѣсъ надъ непріятелемъ, составляетъ всю мудрость военнаго дѣла. То же число войскъ, но разбросанное на значительномъ разстояніи, или вводимое въ дѣло въ порядкѣ постепенности, не въ состояніи оказать должнаго сопротивленія и не принесетъ той существенной пользы, которую принесло бы, если бы войска были сосредоточены на одномъ важномъ пунктѣ.

Крымская война застала насъ въ періодъ разбросанности; она явилась, когда войска были растянуты на всемъ протяженіи границы, отъ Ботническаго залива до Каспійскаго моря, когда большая ихъ часть была стянута къ западной и юго-западной границѣ, и только лишь незначительная доля была назначена для защиты черноморскаго прибрежья и Крымскаго полуострова. Здѣсь долгое время видѣли наименьшую опасность, но за то, когда она явилась, то не въ силахъ уже были отвратить ее—мы опоздали.

Крымская война, при всѣхъ ея недостаткахъ и ошибкахъ, будетъ всегда служить для настоящаго и будущаго поколѣнія поучительнымъ и прекраснымъ примѣромъ того, какъ слѣдуетъ любить свое отечество и жертвовать за него жизнію. Каждый изучающій ее будетъ удивленъ не обиліемъ стратегическихъ соображеній, но обиліемъ героевъ, проявившихъ удивительную стойкость и энергію.

Война эта замѣчательна горячимъ участіемъ въ ней дѣда Вашего Императорскаго Высочества въ Бозѣ почившаго Императора Николая I-го, коему принадлежитъ слава защиты Севастополя, все новое, небывалое въ лѣтописяхъ обороны и исторіи инженернаго искусства.

Возможность указать, съ достаточною подробностію, на предначертанія почившаго Императора, составляющія блестящую страницу изъ дѣятельности нашей въ Севастополѣ—была бы лучшею для меня наградою.

Изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ началу военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ, и постепенное развитіе этихъ дѣйствій—составляетъ содержаніе настоящаго труда. Повергая начало его вниманію Вашего Императорскаго Высочества, осмѣливаюсь испрашивать милостиваго снисхожденія къ многочисленнымъ его недостаткамъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и безпредѣльной преданности имѣю счастіе быть,

Вашего Императорскаго Высочества

1874 г. всепреданнѣйшій слуга

Николай Дубровинъ.

I.

Объявленіе войны Турціи.—Крейсерство Черноморскаго флота.—Взятіе Корниловымъ турецкаго парохода «Первазъ-Бахры».—Синопское сраженіе.—Возвращеніе эскадры въ Севастополь.

Посольство князя Меншикова въ Константинополь, по вопросу о Святыхъ мѣстахъ, не увѣнчалось успѣхомъ, и Порта не согласилась удовлетворить справедливымъ требованіямъ Россіи. Князь Меншиковъ 9-го (21-го) мая 1853 года оставилъ столицу Турціи и возвратился въ Одессу. Требованіе его было повторено русскимъ правительствомъ и послано въ видѣ ультиматума съ тѣмъ, что если Порта не согласится на уступки, то русскія войска займутъ Дунайскія княжества.

Съ полученіемъ ультиматума турецкое правительство быть можетъ и готово было бы удовлетворить желанію Россіи, но посланники Франціи и Англіи, обѣщая помощь своихъ правительствъ, убѣждали его не соглашаться на требованіе Россіи. Для приданія Портѣ большей энергіи, французскій и англійскій флоты получили приказаніе немедленно приблизиться къ Дарданеламъ и, 2-го (14-го) іюня, союзная эскадра явилась въ Безикѣ, у острова Тенедоса.

Поддержанная двумя западными державами, Порта отвергла ультиматумъ, и потому 20-го іюня (2-го іюля) 1853 года русская армія подъ начальствомъ князя Горчакова вступила въ Придунайскія княжества.

Возможность мирнаго рѣшенія вопроса прекращалась. Въ концѣ сентября диванъ рѣшился объявить войну Россіи, если армія князя Горчакова, въ теченіе двухъ недѣль, не очиститъ княжествъ.

Предвидя, что наше правительство отвѣтитъ на это требованіе отказомъ, князь Меншиковъ призналъ необходимымъ усилить крейсерство на Черномъ морѣ, и тогда же вице-адмиралъ Нахимовъ получилъ приказаніе выйти съ эскадрою въ море, для наблюденія за непріятелемъ на всемъ пространствѣ между Крымомъ и Анатоліею, и преимущественно для наблюденія за сообщеніемъ Константинополя съ Батумомъ. Слѣдя за движеніемъ турецкаго флота, Нахимову дозволено было подходить на видъ непріятельскихъ береговъ, но, до полученія приказаній, не начинать военныхъ дѣйствій съ турками, развѣ сами они начнутъ ихъ.

Получившій такую инструкцію, Нахимовъ передъ выступленіемъ своимъ въ море, отдалъ приказъ, въ которомъ писалъ, что, при встрѣчѣ съ турецкими судами, первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть сдѣланъ непріятелемъ, но за то, если турки на это рѣшатся, *то должны быть уничтожены.*

Чуть свѣтъ 11-го октября эскадра наша, состоявшая изъ четырехъ кораблей [1]), одного фрегата и одного брига [2]), тихо и торжественно снялась съ Севастопольскаго рейда. Какъ рано ни было, но жители города толпились на возвышеніяхъ, напутствуя уходящихъ желаніемъ славы и побѣды. Это было въ тотъ самый день, когда турки начали военныя дѣйствія на Дунаѣ и ихъ батареи, расположенныя близъ крѣпости Исакчи, открыли огонь по нашей гребной флотиліи, шедшей въ Галацъ подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Варпаховскаго.

На слѣдующій день, 12-го октября, въ Одессѣ узнали о дѣлѣ Варпаховскаго, и находившійся въ этомъ городѣ князь Меншиковъ вмѣстѣ съ вице-адмираломъ Корниловымъ, — бывшимъ въ то время начальникомъ штаба Черноморскаго флота,—немедленно отправились въ Николаевъ, откуда послѣдній тотчасъ же поѣхалъ въ Севастополь, для необходимыхъ распоряженій, порученныхъ ему княземъ Меншиковымъ. Здѣсь Корниловъ проявилъ особую дѣятельность: онъ осматривалъ суда, дѣлалъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тревогу, устанавливалъ артиллерію на пакетботныхъ пароходахъ, раздѣлилъ остав-

---

[1]) Корабли: «Императрица Марія», «Чесма», «Храбрый» и «Ягудіилъ».

[2]) Фрегатъ «Кагулъ» и бригъ «Язонъ».

шійся на рейдѣ флотъ на двѣ эскадры и приказалъ имъ быть готовыми сняться съ якоря по первому требованію, а до того времени производить ежедневно ученья, какъ на судахъ, такъ и на сухопутныхъ батареяхъ.

Составивши предположеніе о болѣе выгодномъ расположеніи флота, на случай атаки Севастополя съ моря, и поручивъ привести это дѣло въ исполненіе командиру Севастопольскаго порта, самъ Корниловъ сформировалъ для себя отрядъ изъ четырехъ пароходовъ и утромъ 23-го октября вышелъ съ ними въ море, для рекогносцировки турецкихъ береговъ.

Черезъ три дня, 26-го октября, онъ замѣтилъ вышедшую изъ Босфора эскадру турецкихъ крейсеровъ и тотчасъ же отправился въ Севастополь, гдѣ въ тотъ же день отдалъ приказъ, которымъ подчинилъ себѣ эскадру контръ-адмирала Новосильскаго.

„Получивъ приказаніе г. начальника главнаго морскаго штаба,— писалъ онъ въ приказѣ,—вступить въ командованіе эскадрою, бывшею подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго [1]), съ присоединеніемъ пароходовъ „Владиміръ", „Одесса" и брига „Эней", и слѣдовать немедленно для открытія и истребленія турецкаго флота, вышедшаго изъ Босфора, буде оный перешелъ параллель Инады,—я объявляю объ этомъ, для свѣдѣнія, кому слѣдуетъ; при чемъ присовокупляю, что флагъ мой будетъ поднятъ на кораблѣ „Великій князь Константинъ" и что сего же числа ночью или со свѣтомъ я намѣренъ сняться, надѣясь, что еслибы счастье намъ благопріятствовало и мы бы встрѣтили непріятеля, то съ помощію Божіей, офицеры и команды судовъ, со мною отплывающихъ, вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми кораблями.

„Такъ какъ манифеста о войнѣ нѣтъ, то судамъ нашимъ разрѣшено брать и истреблять одни только турецкія военныя суда, купеческія же осматривать и въ такомъ только случаѣ отпускать, если они не будутъ имѣть войска или грузъ, турецкому правительству принадлежащій. Что касается до судовъ военныхъ и купеческихъ

---

[1]) Корабли: «Великій Кн. Константинъ», «Двѣнадцать-Апостоловъ», «Святославъ», «Три-Святителя», «Парижъ» и «Ростиславъ».

*

другихъ націй, то все остается въ старомъ порядкѣ и ихъ не должно ни подъ какимъ предлогомъ останавливать.

„При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія-либо наставленія: дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на самое близкое разстояніе—по-моему лучшая тактика“ [1]).

Съ разсвѣтомъ 29-го октября Корниловъ вмѣстѣ съ своею эскадрою оставилъ Севастополь. Въ 10-ть часовъ утра, по сигналу адмирала на всѣхъ судахъ отслужили молебенъ, и въ полдень былъ поданъ сигналъ: „Объявить командамъ, что государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія!“.

Получивши разрѣшеніе дѣйствовать непріязненно, Корниловъ понесся по направленію къ Варнѣ, съ полною надеждою истребить видѣнныя имъ турецкія суда. Уходя въ море, онъ отправилъ, на фрегатѣ „Коварна“, письмо Нахимову съ извѣстіемъ, что, открывши турецкій флотъ, идетъ ему на встрѣчу и если не найдетъ его ни въ Варнѣ, ни въ Бургасѣ—далѣе которыхъ переступать не велѣно—то пойдетъ на свиданіе съ нимъ, съ Нахимовымъ.

Послѣдній, оставаясь все время въ морѣ, боролся съ свѣжими вѣтрами, неразлучными спутниками наступавшей осени. Бурная погода началась почти съ тѣхъ поръ, какъ Нахимовъ оставилъ Севастопольскій рейдъ. Непрестанные порывистые вѣтры, туманы, штормы и шквалы составляютъ особенность Чернаго моря въ это время года. Нахимовъ, несмотря на бури, постоянно держался въ морѣ, испытывалъ со своею эскадрою всѣ невзгоды отъ сильной качки, дождя и холода и неутомимо сторожилъ турецкій флотъ.

Такое упорное и продолжительное крейсерство Нахимова въ осеннее время, среди бурь и непогоды, составляетъ блестящую страницу въ исторіи Черноморскаго флота, къ сожалѣнію впослѣдствіи затмившуюся въ лучахъ Синопской славы. Нѣкоторыя суда, вслѣдствіе полученныхъ поврежденій, уходили въ портъ; ихъ смѣняли другія, но вѣрный своему долгу Нахимовъ, какъ безсмѣнный часовой, все время оставался въ виду Анатолійскихъ береговъ. Было время, когда въ его распоряженіи оставалось только три корабля,

---

[1]) Матеріалы для обороны Севастополя, Жандра, стр. 87.

противъ всѣхъ силъ Турціи, могущихъ выйти изъ Босфора подъ покровительствомъ своихъ союзниковъ.

„На морѣ,—пишетъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ писателей русскаго флота [1]),—чтобъ увидѣть и побѣдить, нужно долго ходить, и никакой адмиралъ никогда не могъ привести кстати тирады Цезаря. Раскрывъ морскую исторію, мы увидимъ, что всѣ почти рѣшительные успѣхи были плодомъ долгаго, бдительнаго крейсерства, удѣломъ тѣхъ только, кто изнурялъ тѣло и томилъ духъ, сторожа день за днемъ горизонтъ въ надеждѣ открыть противника. Только такимъ пустыннымъ труженикамъ удавались пиры, вознаграждавшіе за безпокойство и рвеніе".

Томясь въ ожиданіи развязки и не получая весьма долго никакихъ опредѣленныхъ приказаній, Нахимовъ находился въ лихорадочномъ состояніи, не зная что̀ дѣлать въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ флотомъ. Наконецъ среди холода и самой бурной погоды, когда штормъ не прекращался, а волненіе было такъ велико, что бросало трехъ-дечные корабли какъ тендеръ,—Нахимовъ получилъ въ воскресенье, 1-го ноября, манифестъ съ объявленіемъ войны Турціи.

Князь Меншиковъ разрѣшалъ ему теперь располагать движеніемъ своей эскадры по усмотрѣнію, пересѣкать сообщенія непріятеля, но попрежнему держаться между берегами Крыма и Анатоліи.

Въ тотъ же день Нахимовъ поднялъ своей эскадрѣ радостный и короткій сигналъ: „война объявлена! Турецкій флотъ вышелъ въ море; отслужить молебствіе и поздравить команду!"

Вечеромъ 2-го ноября, онъ отдалъ приказъ замѣчательный по увѣренности въ побѣдѣ и по высокому довѣрію начальника къ своимъ подчиненнымъ.

„Не имѣя возможности,—писалъ онъ,—за крѣпкимъ вѣтромъ и большимъ волненіемъ, два дня передать на суда ввѣреннаго мнѣ отряда копію съ манифеста объявленія войны съ Турціею, я передаю ихъ теперь и предлагаю гг. командирамъ приказать священникамъ прочесть ихъ при собраніи всей команды. Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ

---

[1]) Ив. Шестаковъ, «Обзоръ дѣйствій на морѣ въ теченіе настоящей войны». Матер., вып. I, 218.

Сухумъ-Кале, и что для отысканія непріятельскаго флота отправленъ изъ Севастополя, съ шестью кораблями, генералъ-адъютантъ Корниловъ.

„Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ пройти мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, я надѣюсь съ честью принять сраженіе. Увѣдомляю, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло".

Прошло три дня. Часовъ въ 11-ть утра, 5-го ноября издали слышны были выстрѣлы съ нѣкоторыми промежутками. Предполагая, что Корниловъ, встрѣтивши турецкій флотъ, имѣетъ съ нимъ дѣло, и желая оказать ему содѣйствіе своею эскадрою, Нахимовъ двинулся по направленію слышанной имъ канонады. При стоявшемъ въ тотъ день штилѣ онъ шелъ весьма медленно и долго не могъ узнать причины выстрѣловъ. Только въ десятомъ часу вечера вдали показались сначала огни, а за ними ясно обозначилась эскадра вице-адмирала Корнилова. Послѣдній, обойдя весь турецкій берегъ, тщетно искалъ турецкаго флота—онъ не нашелъ его. Турки возвратились въ Босфоръ, а отъ встрѣченнаго на пути валахскаго судна Корниловъ узналъ только, что, дней пять тому назадъ, три большіе турецкіе парохода пошли съ войскомъ въ Требизондъ.

Надежда на встрѣчу съ непріятелемъ и на возможность блестящей побѣды оставила Корнилова, и онъ рѣшился возвратиться въ Севастополь на пароходѣ „Владиміръ", которому необходимо было отправиться туда, чтобы запастись углемъ.

Поручивши начальство надъ эскадрою контръ-адмиралу Новосильскому, Корниловъ приказалъ ему прежде возвращенія въ Севастополь слѣдовать на соединеніе съ Нахимовымъ, которому и оставить два корабля, если окажется необходимымъ.

Пересѣвши на пароходъ „Владиміръ", Корниловъ 5-го ноября отправился къ порту Амастро. Около полудня онъ замѣтилъ на горизонтѣ пароходный дымъ и потому приказалъ поставить паруса и слѣдо-

вать на пересѣченіе пути непріятельскаго парохода. „Владиміръ“ топился антрацитомъ, не дающимъ дыму, и первое время турки, считая его купеческимъ парусным судномъ, продолжали слѣдовать своею дорогою. Въ девять съ четвертью часовъ утра Корниловъ приказалъ поднять опознательный сигналъ, но отвѣта не было; тогда „Владиміръ“ поднялъ русскій флагъ, на что противникъ отвѣчалъ поднятіемъ турецкаго и перемѣнилъ направленіе. Съ парохода „Владиміръ“ пустили ядро передъ носъ непріятельскаго судна, на что турки отвѣчали огнемъ всего борта. Преслѣдуя врага и поддерживая артиллерійскій огонь, „Владиміръ“ подошелъ на картечный выстрѣлъ и послѣ трехъ-часоваго упорнаго боя противникъ, потерявшій начальника, спустилъ свой флагъ и сдался военно-плѣннымъ. Это былъ турецкій пароходъ „Первазъ-Бахры“.

Взявши свой побѣдный трофей, вице-адмиралъ Корниловъ снова догналъ эскадру Новосильскаго, передалъ ему часть плѣнныхъ, приказалъ идти на соединеніе съ Нахимовымъ, передать все видѣнное и слышанное и затѣмъ возвратиться вслѣдъ за нимъ въ Севастополь. Встрѣтившись съ Нахимовымъ и сообщивши необходимыя свѣдѣнія, Новосильскій оставилъ ему два корабля „Святославъ“ и „Ростиславъ“, а съ остальными пошелъ обратно въ портъ.

Въ морѣ по-прежнему остался только одинъ Нахимовъ со своею эскадрою, боровшеюся съ бурями и сильнымъ волненіемъ.

Послѣ полудня 8-го ноября, вѣтеръ сталъ крѣпчать съ большою быстротою, такъ что, къ 3-мъ часамъ по полудни, онъ превратился въ штормъ съ проливнымъ дождемъ и морозомъ. Хотя черноморцы выдержали и этотъ штормъ, но послѣдствія его были видны почти на каждомъ изъ судовъ: всѣ они потеряли гротъ-марсель; у однихъ былъ сломанъ фока-рей, у другихъ поврежденъ грота-рей или треснула гротъ-мачта. Эти поврежденія заставили Нахимова отправить въ Севастополь для исправленія корабли „Святославъ“ и „Храбрый“, фрегатъ „Коварну“ и пароходъ „Бессарабію“. Въ его распоряженіи оставалось только три корабля, когда отъ одного грека получено было свѣдѣніе, что на Синопскомъ рейдѣ находится отрядъ турецкихъ судовъ съ десантомъ, для доставленія его и боевыхъ припасовъ на Кавказскій берегъ; что отрядъ этотъ состоитъ изъ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ,

одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, подъ начальствомъ Османа-паши.

Бури и непогоды, съ такою стойкостію выдержанныя эскадрою вице-адмирала Нахимова, загнали Османа-пашу на Синопскій рейдъ. Онъ зналъ, что Нахимовъ зорко слѣдитъ за нимъ и что, при такомъ бдительномъ надзорѣ предпріимчиваго противника, ему не удастся пробраться по назначенію къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Осману-пашѣ представлялось два средства: возвратиться въ Босфоръ или принять бой на мѣстѣ подъ защитою береговыхъ батарей. Въ первомъ случаѣ, пользуясь мрачностью погоды и волненіемъ, онъ могъ надѣяться вовсе ускользнуть отъ встрѣчи съ Нахимовымъ, или подвергнуться только случайностямъ бѣглаго огня съ трехъ русскихъ кораблей. Во второмъ же случаѣ, оставаясь на Синопскомъ рейдѣ, онъ долженъ былъ предоставить противнику усиливаться по произволу и атаковать его тогда, когда это будетъ признано удобнымъ. Несмотря на всѣ невыгоды послѣдняго положенія, Османъ-паша, зная отвращеніе турецкихъ моряковъ къ плаванію въ бурное время, предпочелъ оставаться на Синопскомъ рейдѣ, хотя и не принималъ никакихъ мѣръ къ усиленію своей обороны.

Синопскій рейдъ извѣстенъ какъ одинъ изъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ на берегахъ Анатоліи; возвышенный полуостровъ Бозъ-Тепе закрываетъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. На перешейкѣ, соединяющемъ этотъ полуостровъ съ материкомъ, расположенъ городъ Синопъ, имѣвшій тогда отъ 10 до 12 тысячъ жителей, христіанскаго и магометанскаго вѣроисповѣданія. Христіанское населеніе составляли почти исключительно одни греки, жившіе въ совершенно отдѣльной части города, ближайшей къ полуострову. Находившаяся по срединѣ перешейка крѣпость отдѣляла христіанское населеніе отъ турецкаго квартала, расположеннаго ближе къ материку, на которомъ возведено было нѣсколько береговыхъ батарей, преграждавшихъ доступъ на рейдъ.

Получивши свѣдѣніе, что у Синопа стоитъ отрядъ турецкихъ судовъ, Нахимовъ, несмотря на ничтожность своихъ силъ, тотчасъ же отправился осмотрѣть бухту, расположеніе непріятеля и укрѣпленій. Смѣло приблизясь къ рейду, онъ сдѣлалъ рекогносцировку всей

бухты въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, снялъ на бумагу расположеніе турецкаго флота и отправилъ бригъ „Эней“ съ донесеніемъ въ Севастополь. Не рѣшась однако же атаковать непріятеля съ столь незначительными силами, бывшими въ его распоряженіи, Нахимовъ просилъ о присылкѣ подкрѣпленій и въ особенности пароходовъ, которые для крейсерства были необходимы.

Въ ожиданіи ихъ прибытія, онъ все время держался не далѣе 15-ти миль отъ берега, съ тою цѣлью, чтобы, постоянно наблюдая за непріятелемъ, не дозволить ему выйти изъ порта и бѣжать въ Константинополь.

Оба противника смотрѣли до времени другъ на друга: Нахимовъ съ желаніемъ получить поскорѣе подкрѣпленіе, а Османъ-паша—съ опасеніемъ выйти въ море и наткнуться на превосходныя силы русскаго флота. Онъ полагалъ, что Нахимовъ со своими кораблями вызываетъ его въ море, гдѣ ожидаетъ турокъ весь русскій флотъ.

Между тѣмъ нѣсколько ранѣе полученія этого донесенія кн. Меншиковъ, узнавши, что въ Синопѣ стоитъ часть турецкой флотиліи, тотчасъ же приказалъ контръ-адмиралу Новосильскому слѣдовать на соединеніе съ Нахимовымъ. 12-го ноября Новосильскій съ тремя кораблями и фрегатомъ [1]) выступилъ изъ Севастополя, и рано утромъ 16-го ноября обѣ эскадры соединились. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ къ эскадрѣ Нахимова и фрегатъ „Кулевча“, посланный кн. Меншиковымъ съ объявленіемъ, содержавшимъ въ себѣ Высочайшее повелѣніе не атаковать турецкихъ приморскихъ городовъ, но истребить турецкій флотъ, если онъ вышелъ въ море, и отрѣзать сообщеніе между Константинополемъ и Батумомъ. Сознавая, что съ такими силами [2]) можно съ успѣхомъ атаковать непріятеля, Нахимовъ 16-го ноября пригласилъ къ себѣ всѣхъ командировъ судовъ, сообщилъ имъ планъ дѣйствій и отдалъ по эскадрѣ приказъ, въ которомъ заранѣе было все предусмотрѣно и соображено.

---

[1]) Корабли: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя» и фрегатъ «Кагулъ».

[2]) Теперь въ распоряженіи Нахимова были корабли: «Императрица Марія» (84 пуш.), «Чесма» (84 пуш.), «Ростиславъ» (84 пуш.), «Парижъ» (120 пуш.), «Великій Князь Константинъ» (120 пуш.), «Три Святителя (120 пуш.), и два фрегата: «Кагулъ» (44 пуш.) и «Кулевча» (56 пуш.).

Въ десяти небольшихъ пунктахъ, адмиралъ сказалъ все, что̀ слѣдовало дѣлать при различныхъ обстоятельствахъ боя. Онъ предписалъ не стрѣлять даромъ по судамъ, которыя признаютъ себя побѣжденными, и не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные флаги. Не желая однако же стѣснять своими правилами командировъ судовъ, особенно при перемѣнѣ обстоятельствъ боя, которыя предвидѣть заранѣе нѣтъ возможности, Нахимовъ предоставилъ каждому дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

„Въ заключеніе,—писалъ онъ,—я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія,—прибавлялъ онъ въ концѣ своего приказа,—ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота, отъ васъ зависитъ оправдать ожиданія“.

— Каждый будетъ на своемъ мѣстѣ,—замѣчалъ Нахимовъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ офицерами,—если подойдутъ на пистолетный выстрѣлъ къ непріятелю.

Послѣ ужина офицеры остались въ каютъ-кампаніи: иные писали письма, другіе передавали свои послѣднія мысли, свои желанія. Тишина была торжественная; у всѣхъ было одно слово на умѣ: *„завтра“* [1]).

Утромъ 18-го ноября шелъ дождь и дулъ сильный вѣтеръ, но едва онъ сталъ стихать, какъ въ $9^1/_2$ часовъ русская эскадра приготовилась къ бою такъ же спокойно, какъ бы приготовлялась къ обыкновенному ученью. Въ десять часовъ утра командамъ данъ былъ обѣдъ, а въ одиннадцать часовъ на всѣхъ судахъ былъ отслуженъ молебенъ; священники обошли палубы, окропили всѣхъ святою водою, и около полудня эскадра построилась въ двѣ колонны [2]), спустила гребныя суда, чтобы сберечь ихъ отъ выстрѣловъ, и, по щегольскому обычаю,

---

[1]) А. Сатинъ, «Синопъ», «Русскій Вѣстн.» 1872 г.

[2]) Въ одной колоннѣ находились корабли: «Императрица Марія», «Великій Князь Константинъ» и «Чесма»; въ другой—«Парижъ», «Три Святителя» и «Ростиславъ».

принятому во флотѣ, помчалась на Синопскій рейдъ, подъ національными флагами на брамъ-стеньгахъ. Впереди всѣхъ шли адмиралы: Нахимовъ на кораблѣ „Императрица Марія“ и Новосильскій—на кораблѣ „Парижъ“.

Англійскіе офицеры, собиравшіе впослѣдствіи подробности Синопской битвы, не могли надивиться той явной и поражающей рѣшимости, съ которою русская эскадра неслась на кровавое пиршество въ безукоризненномъ строю [1]).

Эскадра шла двумя колоннами для того, чтобы развернуться вееромъ противъ турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ береговыхъ батарей. Бывшіе при эскадрѣ два фрегата, „Кагулъ“ и „Кулевча“, получили приказаніе остаться подъ парусами у входа въ бухту, для наблюденія за непріятельскими пароходами въ случаѣ, если бы, пользуясь парами, они вздумали вредить кораблямъ или рѣшились бы бѣжать изъ бухты.

Сигналъ, поднятый на кораблѣ „Императрица Марія“, принятъ былъ командами какъ знакъ, по которому послѣдуетъ приказаніе командировъ приготовиться къ бою, но, вмѣсто того, на адмиральскомъ кораблѣ, какъ въ обыкновенное мирное время, показанъ былъ полдень.

Несмотря на дождь и пасмурную погоду, непріятель издали замѣтилъ приближеніе русской эскадры; надъ его пароходами клубился уже дымъ; остальныя суда готовились къ бою.

На нашихъ корабляхъ тревоги еще не было, но каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ въ ожиданіи приказанія *начинать*. Попутный вѣтеръ быстро гналъ нашу эскадру къ непріятелю. Подойдя на довольно близкое разстояніе къ рейду, на нашихъ судахъ ударили тревогу, вызвавшую усиленную дѣятельность со стороны экипажей. Матросы смачивали палубы и опускали сукно надъ крюйтъ-камерами; командоры осматривали ударные замки и брались за шнурки, чтобы по первому знаку произвести выстрѣлъ,—но знака этого нѣтъ какъ нѣтъ, а всѣ ждутъ его, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за кораблемъ „Императрица Марія“. Онъ идетъ впереди всѣхъ спокойно, величаво и, гонимый вѣтромъ, быстро сближается съ непріятелемъ. „Ужъ мы на

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны и проч., вып. I, 229.

пушечномъ выстрѣлѣ,—пишетъ участникъ [1]),—ужъ ближе, видно, какъ турки наводятъ орудія, но пальбы не начинаютъ. Было 12-ть часовъ 20 минутъ. Но вотъ на турецкомъ адмиральскомъ фрегатѣ показался клубъ дыму, раздался первый выстрѣлъ и, не успѣло ядро просвистать, какъ непріятельская эскадра опоясалась бѣлою пеленою и ураганъ ядеръ проревѣлъ надъ нами. За залпомъ послѣдовалъ батальный огонь“ ..

Въ половинѣ перваго, по первому выстрѣлу съ турецкаго фрегата, Нахимовъ бросился на Синопскій рейдъ, и тогда закипѣлъ тотъ ожесточенный бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турокъ, взятіемъ въ плѣнъ раненаго начальника турецкой эскадры и двухъ командировъ судовъ.

Шедшіе впереди всѣхъ корабли „Императрица Марія“ и „Парижъ“ были засыпаны непріятельскими снарядами, но, несмотря на свои поврежденія, смѣло подвигались впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, мимо которыхъ проходили. Приблизившись къ непріятелю, не далѣе ружейнаго выстрѣла, эскадра остановилась и дѣйствовала, какъ на ученьѣ: срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда—однимъ словомъ, истребила своего врага.

Что было въ первыя минуты боя, сказать трудно: обѣ стороны опоясались двумя дымными стѣнами, сквозь которыя ничего не было видно, такъ что приходилось стрѣлять или на-угадъ, или по направленію, избранному при самомъ началѣ вступленія въ бой. Громъ выстрѣловъ, свистъ ядеръ, удары книпелей, грохотъ орудій при откатѣ, шумъ и крикъ людей, стоны раненыхъ—вотъ тѣ особенности, которыя окружали каждаго изъ сражавшихся.

Предполагая, что, бросивъ якорь, адмиралъ пошлетъ людей по реямъ убирать паруса, турки навели свои орудія по мачтамъ, но ошиблись; наши корабли, подойдя на близкій выстрѣлъ, стали къ непріятелю бортомъ и не крѣпя парусовъ открыли огонь.

„Разстояніе между линіями непріятеля и нашихъ кораблей,—писалъ одинъ изъ участниковъ подъ живымъ еще впечатлѣніемъ боя [2]),—

---

[1]) А. Сатинъ, «Синопъ», «Русскій Вѣстн.» 1872 г.

[2]) М. Коцебу къ Э. В. Бриммеру.

было три кабельтова (300 саж.). Крѣпость и непріятельская линія открыли огонь по „Императрицѣ Маріи“ не задолго до отдачи якоря, и пока корабль сталъ по направленію шпринга и слѣдовательно могъ открыть изъ праваго борта огонь, одна батарея и четыре фрегата успѣли намъ задать трезвону. Первые моменты морскаго боя всегда самые важные: не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, мы имѣли уже убитыхъ, раненыхъ и много поврежденнаго рангоута. Матросики перекрестились, крикнули „ура!“ и пошли бить басурмана“.

Всѣ корабли дѣйствовали лихо; жестокая канонада длилась полтора часа и совершенно прекратилась къ четыремъ часамъ. Нахимову щепка продавила эполетъ; нѣсколько разъ близко отъ адмирала падали блоки, снасти, обломки щепы и летали ядра, гранаты, книпели и картечь. Первый взлетѣвшій на воздухъ турецкій фрегатъ осыпалъ сражавшихся искрами, обломками досокъ, обрывками тлѣвшихъ веревокъ и пепломъ. Ужасна картина взрыва военнаго судна: бой на минуту прекратился съ обѣихъ сторонъ, и всѣ видѣли, какъ люди и обломки, въ черномъ клубѣ дыма, высоко поднялись и разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Оставшіяся заряженными пушки, отъ провалившихся палубъ, получили большой уклонъ, и ядра, описывая крутую дугу и падая далеко, пѣнили море. Вскорѣ послѣ перваго другой фрегатъ пошелъ на дно моря. Русское „ура!“ сравнялось съ шумомъ канонады. Турки, не въ силахъ будучи бороться, замѣтно ослабили огонь и начали дезертировать; одни садились на гребныя суда и спасались на берегъ, другіе расклепывали цѣпи, бросались на отмели и оттуда спасались вплавь, но немногіе изъ нихъ достигли до берега.

Во время боя особенно отличились корабли: „Императрица Марія“, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Ергомышева; „Ростиславъ“— подъ командою капитана 1-го ранга Кузнецова [1]) и „Парижъ“, подъ командою капитана 1-го ранга Истомина и подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго. Нахимовъ хотѣлъ изъявить этому кораблю свою благодарность во время самаго боя, но не на чемъ было поднять сигналъ—всѣ фалы были перебиты.

---

[1]) Корабль этотъ особенно смѣло вышелъ впередъ и сталъ на разстояніи 150 саженъ отъ непріятеля.

Почти въ самомъ началѣ боя, 20-ти пушечный непріятельскій пароходъ „Таифъ", подъ начальствомъ англичанина Следа, вышелъ изъ линіи сражавшихся и помчался въ Константинополь. Видя по ходу боя, что, оставаясь на мѣстѣ, онъ будетъ только лишнею жертвою, и сознавая, что усилія фрегатовъ „Кагула" и „Кулевчи" не въ состояніи остановить убѣгающаго парохода, капитанъ „Таифа" смѣло бросился впередъ и не ошибся. Фрегаты хотя и погнались за нимъ, но быстрый пароходъ скоро вышелъ изъ-подъ ихъ выстрѣловъ. Въ это время за Синопскимъ мысомъ показался пароходъ „Одесса", на которомъ находился вице-адмиралъ Корниловъ, а за „Одессою" слѣдовали еще два парохода „Херсонесъ" и „Крымъ", на которомъ былъ начальникъ пароходнаго отряда контръ-адмиралъ Панфиловъ.

Когда получено было извѣстіе, что въ Синопѣ стоитъ непріятельская эскадра, Корнилова не было въ Севастополѣ,—онъ былъ посланъ кн. Меншиковымъ въ Николаевъ. Возвратившись въ Севастополь, послѣ полдня 15-го ноября, Корниловъ узналъ, что въ трехдневное его отсутствіе произошли большія перемѣны; что обѣихъ эскадръ нѣтъ на рейдѣ, и что изъ всего флота остались только одни пароходы, которые впрочемъ могутъ немедленно оставить портъ и выйти въ море. Сознавая, что наступилъ часъ серьезнаго столкновенія, которое безъ сомнѣнія увѣнчается полною побѣдою русскаго оружія, Корниловъ, нѣсколько разъ уже пускавшійся въ море отыскивать непріятеля, чувствовалъ себя не хорошо въ Севастополѣ, вдали отъ тѣхъ, которые стояли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Схвативши, съ согласія кн. Меншикова, три парохода, онъ, 17-го ноября, наканунѣ Синопскаго сраженія, отправился въ море на соединеніе съ эскадрами, и, какъ говорятъ многіе участники, отправился для того, чтобы принять начальство [1]). Слѣдомъ за нимъ пошелъ пароходъ „Громоносецъ" прямо къ Нахимову для освѣдомленія, не будетъ ли отъ него какихъ-либо новыхъ извѣстій. Въ полдень 18-го ноября, приближаясь къ Синопу, Корниловъ,

---

[1]) См. А. Сатина «Синопъ», «Русск. Вѣстн.» 1872 г. Мы также слышали отъ многихъ лицъ, служившихъ въ Черноморскомъ флотѣ, что Корниловъ, пользуясь званіемъ начальника штаба, имѣлъ предписаніе кн. Меншикова принять начальство надъ соединенными эскадрами, но копіи съ этого предписанія, или ссылки на него въ письменныхъ документахъ, мы при всѣхъ усиліяхъ не могли отыскать.

стоя на площадкѣ парохода „Одесса“, замѣтилъ русскій флагъ на кораблѣ „Императрица Марія“ и тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло.

Какъ ни торопился Корниловъ соединиться съ дѣйствующими эскадрами, онъ видѣлъ, что усилія его останутся напрасными и что лавровый вѣнокъ побѣды будетъ принадлежать достойнѣйшему. Корнилову не оставалось ничего болѣе, какъ пожелать успѣха Нахимову.

— Помоги Господи Павлу Степановичу!—проговорилъ онъ, крестясь и приказывая поднять сигналъ: *„держаться соединенно“*.

Въ это-то время изъ-за Синопскаго мыса выскочилъ пароходъ „Таифъ“, бѣжавшій съ поля сраженія и преслѣдуемый фрегатами „Кагулъ“ и „Кулевча“. Корниловъ тотчасъ же поднялъ сигналъ: „пароходамъ атаковать непріятеля, поставивъ его въ два огня“. Пароходъ „Крымъ“, находившійся ближе другихъ къ „Таифу“, бросился въ погоню и открылъ огонь по убѣгавшему пароходу; пароходъ „Одесса“, а за нимъ и „Херсонесъ“ старались пересѣчь ему путь, но „Таифъ“ имѣлъ гораздо большій ходъ, такъ что выстрѣлы наши не достигали до него. Замѣтивши безполезность преслѣдованія, Корниловъ остановилъ пароходы и, поворотивши къ Синопу, пришелъ туда тогда, когда сраженіе было уже кончено.

Съ громкими криками „ура!“ прибывшіе привѣтствовали побѣдителей, и Корниловъ на пароходѣ „Одесса“ отправился прямо къ флагманскому кораблю „Императрица Марія“. Не видя на немъ Нахимова, онъ нѣсколько разъ спросилъ: „здоровъ ли адмиралъ?“ Получивши удовлетворительный отвѣтъ и увидѣвши Нахимова на шканцахъ, Корниловъ бросился обнимать его[1]), но объятія эти не были искренни[2]). Всегда, впрочемъ, сдержанный, Корниловъ съумѣлъ скрыть если не зависть, то сожалѣніе о томъ, что не прибылъ во-время.

— Поздравляю, васъ Павелъ Степановичъ,—говорилъ онъ,—съ побѣдою, которою вы оказали большую услугу Россіи и прославили свое имя въ Европѣ.

---

[1]) Жандръ, 106.

[2]) «Корниловъ, говорятъ, не доволенъ имъ (Нахимовымъ),—писалъ В. Княжевичъ въ письмѣ къ брату отъ 26-го ноября 1853 года,—ибо онъ не подождалъ его».

Побѣда была дѣйствительно полная, и исторія представляетъ весьма рѣдкіе примѣры такого совершеннаго истребленія непріятеля. Не болѣе какъ въ три часа все было кончено на Синопскомъ рейдѣ, и уничтожено до шестнадцати военныхъ и купеческихъ непріятельскихъ судовъ, со всѣмъ ихъ экипажемъ. Командовавшій эскадрою Османъ-паша и два командира фрегатовъ были взяты въ плѣнъ и привезены въ Севастополь.

Поразительно было зрѣлище гибели турецкихъ судовъ: прибитыя волненіемъ къ берегу, они горѣли и по мѣрѣ того, какъ раскалялись бывшія на нихъ орудія, суда стрѣляли ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, никакого вреда нашимъ кораблямъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. На отмели горѣлъ турецкій пароходъ, а по срединѣ рейда, какъ громадные кресты надъ могилами, торчали мачты отъ потопленнаго фрегата, съ реями поперекъ, фантастически освѣщаемыя заревомъ горѣвшаго Синопа. Никто не приходилъ тушить объятыхъ пламенемъ домовъ, и вѣтеръ, свободно перенося искры съ одного мѣста на другое, усиливалъ пожаръ города, всѣ жители котораго искали спасенія въ окрестныхъ горахъ. Множество бѣлыхъ голубей летало надъ пожарищемъ, а на обгорѣлыхъ остовахъ кораблей видны были ползующіе люди.

Съ самаго начала боя, синопскій губернаторъ, начальникъ береговыхъ батарей и все начальство города бѣжало въ горы. Солдаты гарнизона и всѣ тѣ, которые могли спастись съ кораблей, бѣжали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, было охвачено пламенемъ пожара; часть же города, населенная греками и христіанами, осталась невредимою.

Синопъ былъ совершенно пустъ и долго послѣ боя въ прибрежныхъ волнахъ и на берегу валялись трупы убитыхъ и видны были уничтоженныя батареи. Въ уцѣлѣвшихъ домахъ, по свидѣтельству австрійскаго консула, найдены только раненые и умирающіе. Вмѣстѣ съ кораблями и пушками, непріятель потерялъ почти весь дессантъ, и высадка турецкихъ войскъ на Кавказскій берегъ сдѣлалась невозможною. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Синопскомъ сраженіи погибло до 4-хъ тысячъ человѣкъ турокъ; наша же потеря состояла изъ 37-ми человѣкъ убитыхъ и 299-ти—раненыхъ.

Побѣдители-черноморцы тотчасъ же послѣ сраженія начали исправлять поврежденія въ корпусахъ кораблей, потерпѣвшихъ не мало. Почти на всѣхъ судахъ рангоуты и такелажъ до такой степени были изранены и порваны, что нельзя не удивляться, какъ на нѣкоторыхъ корабляхъ устояли мачты. Болѣе всѣхъ пострадалъ отъ выстрѣловъ корабль „Императрица Марія", у котораго почти всѣ мачты были перебиты. Всю ночь производились починки и исправленія поврежденій, при чемъ пароходы въ то же время отводили наши корабли отъ берега изъ опасенія, чтобы, съ перемѣной вѣтра, горящія турецкія суда не нанесло на нашу эскадру. Только неутомимая дѣятельность, ревность къ службѣ и знаніе морскаго дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ, дали возможность, въ продолженіе 36-ти часовъ, поставить эскадру въ такое состояніе, что она могла предпринять обратное плаваніе, въ глубокую осень и среди безпрерывныхъ бурь, чрезъ все Черное море.

Утромъ слѣдующаго дня былъ отслуженъ на эскадрѣ благодарственный молебенъ, послѣ котораго хоронили убитыхъ и весь день опять трудились надъ исправленіемъ. Въ 8-мь часовъ утра, 20-го ноября, эскадра снялась съ якоря, за исключеніемъ корабля „Императрица Марія", поврежденія котораго, по своей значительносги, не могли быть такъ скоро исправлены. Пересѣвъ на корабль „Великій Князь Константинъ", Нахимовъ поручилъ контръ-адмиралу Панфилову, оставшись на мѣстѣ съ пароходомъ „Крымъ" и фрегатами „Кагулъ" и „Кулевча", исправить поврежденія въ кораблѣ „Императрица Марія" и привести его въ Севастополь. Снявшись съ якоря только въ три часа по полудни, контръ-адмиралъ Панфиловъ явился однако же въ Севастополь ранѣе эскадры, за чтò и получилъ благодарность адмирала. Самъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, съ потерпѣвшею отъ боя эскадрою, совершилъ свой путь безъ всякаго затрудненія и, на удивленіе всей Европы, 22-го ноября былъ уже въ Севастополѣ.

„Часть русскаго флота,—писали въ англійскихъ газетахъ,—держалась въ морѣ нѣсколько дней, въ такую ужасную непогоду, въ которую ни турки, ни австрійскіе пароходы, на противоположномъ берегу, не смѣли показываться въ морѣ. Неужели эти русскіе матросы тѣ самые трусливые новобранцы, о которыхъ намъ натолковали? Боевой ихъ порядокъ въ дѣлѣ удивительный. Разстояніе, въ которомъ они дрались, конечно, было очень близкое, потому что одинъ спасшійся турокъ разсказываетъ,

что онъ, взглянувъ на верхъ, увидѣлъ цѣлую стѣну пушекъ, и тотчасъ же послѣ того весь бокъ корабля былъ изстрѣленъ, какъ рѣшето. Такого совершеннаго истребленія и въ такое короткое время никогда еще не бывало. Русскіе показали, что имъ извѣстны всѣ улучшенія новѣйшаго артиллерійскаго искусства, осыпая непріятеля безпрестаннымъ дождемъ бомбъ. Турецкій вице-адмиралъ Османъ-паша взятъ былъ въ плѣнъ съ кораблемъ его, но послѣдній былъ такъ избитъ, что принуждены были пустить его ко дну [1]) какъ равно и прочія суда турецкой эскадры.

„Какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы, моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, несмотря на повреждения“ [2]).

Среди всеобщаго ужаса, распространеннаго въ Турціи, русская эскадра пришла въ Севастополь, гдѣ была встрѣчена радостными привѣтствіями всего остальнаго флота и всѣхъ жителей города.

„Ура“! самое громкое, какое только гремѣло когда-либо на крымскихъ брегахъ, грянуло на встрѣчу побѣдителей, громче синопскихъ пушекъ. Севастополь ликовалъ нѣсколько дней неподдѣльнымъ восторгомъ и привѣтствовалъ побѣдителей горячею любовью.

Замѣченная съ маяка эскадра наша составляла предметъ нетерпѣливаго ожиданія всѣхъ жителей города. Все народонаселеніе, еще съ утра, высыпало по обоимъ берегамъ рейда и покрыло множествомъ шлюпокъ всю бухту. Обыватели города, офицеры и всѣ тѣ, кто только зналъ Нахимова, хотѣли встрѣтить его достойнымъ образомъ и готовили множество различнаго рода овацій. Стоявшія на рейдѣ суда были иллюминованы флагами, матросы въ мундирахъ разставлены по реямъ—почесть, отдаваемая высшимъ лицамъ. Прежде другихъ явился избитый корабль „Императрица Марія“, онъ шелъ медленно, буксируемый пароходомъ и конвоируемый фрегатами. Крѣпость и суда салю-

---

[1]) Это не справедливо—корабль, на которомъ находился Османъ-паша, былъ сожженъ.

[2]) Матер., вып. I. 218.

товали, поднявши вымпелъ „Маріи“; громкое „ура!“ покрывало выстрѣлы. Израненный корабль съ прострѣленнымъ флагомъ отвѣчалъ салютомъ и также громкимъ крикомъ „ура!“.

Вслѣдъ за кораблемъ „Императрица Марія“ входила на рейдъ и вся эскадра, представлявшая, съ ея избитымъ рангоутомъ, пробитыми кораблями, весьма торжественный видъ, оживляемый всеобщимъ восторгомъ жителей, бросаньемъ къ верху фуражекъ, маханьемъ платковъ и поздравленіемъ съ шлюпокъ, сновавшихъ между кораблями.

Князь Меншиковъ въ числѣ другихъ также привѣтствовалъ побѣдителей, хотя и не очень былъ доволенъ тѣмъ, что лавровый вѣнокъ побѣды достался Нахимову, а не Корнилову, но обстоятельства были слишкомъ крупны, побѣда стала всѣмъ извѣстна, и князь оффиціально примирился съ Нахимовымъ—виновникомъ торжества Севастополя, а съ нимъ и русскаго народа. Выѣхавши на рейдъ, на катерѣ, свѣтлѣйшій приказалъ своимъ гребцамъ салютовать Нахимову поднятіемъ веселъ, но, взойдя на корабль, гдѣ находился адмиралъ, онъ прежде всего велѣлъ выкинуть карантинный флагъ и затѣмъ уже обратился къ Нахимову съ поздравленіемъ. Оставляя корабль, князь приказалъ, чтобы ни одинъ человѣкъ эскадры не имѣлъ сообщенія съ берегомъ. Въ силу этого приказанія и Павелъ Степановичъ также принужденъ былъ оставаться на кораблѣ.

— На долго ли будетъ поднятъ флагъ? — спросилъ Нахимовъ князя Меншикова.

— Я дамъ знать,—отвѣчалъ князь уклончиво.

Этимъ распоряженіемъ онъ уничтожилъ всѣ празднества, ослабилъ первое впечатлѣніе побѣды и лишилъ эскадру возможности принять мѣры къ скорѣйшему исправленію. Суда требовали починки и сношенія съ адмиралтействомъ, а этого сдѣлать было нельзя. Справедливо опасаясь, что союзные флоты могутъ нагрянуть ежеминутно, и что тогда избитому флоту придется искать безславнаго спасенія подъ защитою береговыхъ батарей, Нахимовъ выходилъ изъ себя и просилъ князя Меншикова снабдить его хотя матеріалами, необходимыми для починки кораблей.

Черезъ четыре дня вечеромъ Нахимовъ получилъ записку, въ которой разрѣшалось спустить карантинный флагъ, такъ что побѣди-

*

тели могли сойти на берегъ только ночью и явиться среди семьи или близкихъ родственниковъ.

Торжество побѣды стушевалось, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать всеобщимъ торжествомъ два-три обѣда или бала сдѣланныхъ отдѣльными лицами. Карантинъ достигъ своей цѣли, хотя въ немъ и не было надобности. Всѣмъ было извѣстно, что никто изъ участниковъ Синопской побѣды не былъ на турецкомъ берегу, а вѣроятность заразы отъ плѣнныхъ была не болѣе той, съ которою явился въ Севастополь Корниловъ, послѣ взятія парохода „Первазъ-Бахры". Хотя Корниловъ привезъ съ собою точно такихъ же плѣнныхъ, но князь Меншиковъ не считалъ нужнымъ налагать на него карантинное очищеніе, вѣроятно потому, что въ это время симпатіи князя клонились на сторону Корнилова гораздо болѣе, чѣмъ на сторону Нахимова [1]).

За Синопскій бой, одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ новѣйшее время, Павелъ Степановичъ Нахимовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, при слѣдующей высочайшей грамотѣ, отъ 28-го ноября 1853 года: „Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

„Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

„Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени большаго креста, пребывая къ вамъ императорскою милостію нашею благосклонны".

Россія ликовала. Всѣ, кому только дорога слава отечества, заявляли свой восторгъ и удивленіе подвигу П. С. Нахимова и его сподвижниковъ, моряковъ Черноморскаго флота. Истинно русскіе люди, скрывая свое имя, посылали Павлу Степановичу лики святыхъ и въ числѣ ихъ образъ Николая Чудотворца, какъ бы благословляя тѣмъ доблестнаго адмирала на будущіе подвиги. На сценѣ давали піесу, написанную Кукольникомъ, по поводу Синопской битвы, и встрѣчен-

---

[1]) Ниже мы увидимъ, что расположеніе князя Меншикова къ Корнилову настолько ослабилось, что онъ не присутствовалъ даже на его похоронахъ.

ную съ восторгомъ, несмотря на всѣ ея недостатки. Отовсюду, со всѣхъ концовъ России, посыпались къ Нахимову поздравительныя письма и стихи, которыхъ, по своей врожденной скромности, Павелъ Степановичъ не хотѣлъ обнародовать. Признательность царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава и извѣстность осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами.

Синопская побѣда, доказавшая отличное состояніе Черноморскаго флота, возбудила у всѣхъ живѣйшую радость, и имя Павла Степановича Нахимова стало извѣстно каждому — оно сдѣлалось народнымъ.

Происшествіе въ Синопѣ надѣлало много шуму въ европейскихъ государствахъ. Подвигъ Павла Степановича разнесся съ необыкновенною быстротою во всѣ концы вселенной, и черезъ семь дней онъ достигъ до завистливой Англіи; еще раньше услышали о немъ во Франціи.

Выстрѣлы у Синопа очень непріятно отозвались въ сердцахъ французовъ и англичанъ. Сначала они не вѣрили въ возможность такого погрома и отправили на мѣсто боя нѣсколько пароходовъ, чтобы убѣдиться собственными глазами въ справедливости столь печальнаго происшествія. Одинъ за другимъ бѣжали англо-французскіе пароходы въ Синопъ и обратно; одинъ за другимъ приносили они печальныя извѣстія, что въ водахъ Синопа плаваютъ только щепки отъ кораблей, и что гладко то мѣсто, гдѣ были укрѣпленія, пытавшіяся остановить русскую эскадру. Извѣстія эти все болѣе и болѣе раздражали англичанъ и французовъ, съ нетерпѣніемъ искавшихъ случая отомстить за пораженіе, нанесенное, въ виду ихъ, турецкому флоту.

II.

Непріязненныя дѣйствія со стороны Англіи и Франціи.—Крейсерство союзнаго флота въ Черномъ морѣ.—Послѣдствія этого крейсерства.—Краткій взглядъ на географическое и топографическое положеніе Крымскаго полуострова.—Положеніе Севастополя.—Основаніе Черноморскаго флота и постепенное его развитіе.—Адмиралы Лазаревъ, Корниловъ и Нахимовъ.—Составъ Черноморскаго флота при началѣ военныхъ дѣйствій.

Возвратившись въ Севастополь, побѣдители-черноморцы знали, что побѣда при Синопѣ не пройдетъ имъ даромъ, что европейскія

державы, союзницы Турціи, постараются такъ или иначе нанести ударъ одному изъ важнѣйшихъ прибрежныхъ пунктовъ нашей обширной границы.—Такимъ наиболѣе выдающимся пунктомъ былъ, конечно, Севастополь—средоточіе Черноморскаго флота и главный военный портъ на Черномъ морѣ.

Предположенія севастопольцевъ, казалось, были готовы осуществиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ Рождество Христово, 25-го декабря 1853 года, въ виду города, совершенно неожиданно, явился англійскій винтовой пароходъ „Retribution". Онъ готовъ былъ уже войти въ гавань, но выстрѣлы съ крѣпости остановили его; на встрѣчу прибывшему былъ высланъ, на катерѣ, одинъ изъ флотскихъ офицеровъ. Командиръ парохода, капитанъ Друмондъ, встрѣтилъ офицера какъ бы съ удивленіемъ.

— Развѣ нельзя войти въ городъ?—спросилъ онъ.

— Нуженъ карантинъ,—отвѣчалъ ему уклончиво нашъ офицеръ.

— Долго ли?

— Двѣ недѣли?

— Здѣсь ли главнокомандующій?—спросилъ опять капитанъ Друмондъ.

— Такого нѣтъ въ Севастополѣ,—былъ отвѣтъ.

Тогда командиръ парохода передалъ пакетъ, говоря, что отвѣта не нужно, а только росписка въ полученіи [1]).

Въ оставленномъ конвертѣ заключалось объявленіе адмираловъ двухъ соединенныхъ флотовъ о готовности французской и англійской эскадръ войти въ Черное море [2]).

Такое объявленіе заставило Императора Николая I потребовать объясненіе отъ находившагося въ С.-Петербургѣ англійскаго посланника. Сеймуръ отвѣчалъ, что объявленія союзныхъ адмираловъ согласны съ рѣшеніемъ двухъ западнымъ державъ, Франціи и Англіи, но при этомъ прибавилъ, что точно такое же объявленіе сдѣлано и туркамъ. Сомнѣваясь въ справедливости послѣднихъ словъ Сеймура,

---

[1]) Изъ письма В. Княжевича отъ 31-го декабря 1853 г.

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 26-го декабря 1853 г. № 205. Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 4251.

русское правительство потребовало отъ обоихъ кабинетовъ рѣшительный отвѣтъ, дѣйствительно ли сдѣлано или нѣтъ точно такое же заявленіе туркамъ съ тѣмъ, что „если *нѣтъ*—то послѣдствіемъ война съ обѣими державами; ежели *да*—то перемиріе на морѣ подъ ихъ ручательствомъ [1]).

Между тѣмъ союзный флотъ не дождался отвѣта своихъ кабинетовъ, на предложенный имъ вопросъ, и одновременно съ пароходомъ „Retribution“ и именно 23-го декабря [2]) вступилъ въ Черное море. Вступленіе это послужило самымъ лучшимъ и несомнѣннымъ доказательствомъ, что Франція и Англія давно рѣшились уже начать военныя дѣйствія съ Россіею, и что разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній путемъ мирныхъ переговоровъ едва-ли будетъ возможно.

Держась на срединѣ моря, союзники занимались ловлею русскихъ купеческихъ судовъ. Одно изъ такихъ судовъ, нагруженное хлѣбомъ, основываясь на послѣднемъ фирманѣ Порты, дозволявшемъ свободное плаваніе купеческимъ судамъ, отправилось въ Константинополь. На пути судно это встрѣтилось съ французскою эскадрою. При опросѣ его, адмиралъ объявилъ, что фирманъ относится только до тѣхъ русскихъ судовъ, которыя идутъ изъ Средиземнаго моря въ русскіе порты, но не распространяется на суда, идущія обратно изъ Чернаго въ Средиземное море, и что подобныя суда рискуютъ быть захваченными турками. Выслушавши замѣчаніе адмирала, капитанъ судна повернулъ назадъ и пришелъ въ Одессу. Съ приходомъ его, былъ прекращенъ выпускъ изъ черноморскихъ портовъ за границу всѣхъ иностранныхъ купеческихъ судовъ, готовыхъ возвратиться въ западныя моря [3]).

Встрѣча судна съ непріятелемъ и возвращеніе его въ Одессу, естественно, возбудило большія опасенія во всемъ торговомъ мірѣ. Предположеніе кн. Меншикова, что при первомъ появленіи союзнаго

---

[1]) Собственноруч. письмо императора Николая I князю Воронцову отъ 5-го января 1854 года, Арх. канц. воен. минис., дѣло 1853 года № 60.

[2]) Всеподданн. донесеніе кн. Меншикова отъ 30-го декабря 1853 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 7-го января 1854 г. № 215. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

флота въ Черномъ морѣ совершенно прекратится кабатажное судоходство—оправдалось вполнѣ [1]). Опасаясь съ выходомъ въ море попасть въ руки непріятеля, никто не рѣшался заключать контракта съ правительствомъ на доставку различныхъ потребностей для нашихъ черноморскихъ портовъ и крѣпостей, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ.

Такимъ образомъ, не имѣя еще прямаго разрыва съ Франціею и Англіею, наше правительство было уже ограничено въ средствахъ снабженія крѣпостей всѣмъ необходимымъ. Оно принуждено было прибѣгнуть къ сухопутной доставкѣ, которая, при отсутствіи хорошихъ путей сообщенія, стоила огромныхъ издержекъ и при всемъ томъ шла весьма медленно. Чтобы судить о неудобствахъ перевозки сухимъ путемъ, стоитъ только припомнить географическое положеніе Крымскаго полуострова и физическія свойства его мѣстности.

Крымскій полуостровъ, имѣя видъ четыреугольника, вдается въ Черное и Азовское моря тремя углами, а четвертымъ соединяется съ материкомъ и образуетъ узкій проходъ, въ 18 верстъ ширины, извѣстный подъ именемъ Перекопскаго перешейка. Наибольшая ширина полуострова отъ запада къ востоку до 316 верстъ, а съ сѣвера къ югу, отъ г. Перекопа до мыса Ляспи, не болѣе 200 верстъ; все пространство его заключаетъ въ себѣ 26 тысячъ квадратныхъ верстъ.

Вдавшись въ материкъ, Черное море образуетъ въ сѣверо-западномъ углу Крымскаго полуострова Перекопскій заливъ и незначительную бухту, у впаденія въ море рѣчки Четарлыкъ. Отсюда на всемъ 120 верстномъ протяженіи берега, идущаго въ юго-западномъ направленіи до мыса Карашутъ, глубина моря столь незначительна, что не представляетъ мѣстъ удобныхъ для якорной стоянки. Исклю-

---

[1]) «Вы мнѣ приказали передать,—писалъ кн. Горчаковъ князю Меншикову 8-го (20-го) іюня 1853 г.,—что въ случаѣ если Англія и Франція серьезно возстанутъ противъ насъ, то онѣ будутъ хозяевами Чернаго моря. Я въ этомъ никогда не сомнѣвался. Безумно было бы предполагать, что вы могли удержать за собою море съ 14-тью кораблями, противъ флотовъ Англіи, Франціи и Турціи. Думаю, что никто обольщаться этимъ не будетъ». Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253, ч. II.

ченіе въ этомъ составляетъ небольшой Каркинитскій заливъ, съ находящеюся въ немъ довольно сносною Акмечетскою бухтою, имѣющею отъ 4-хъ до 7-ми саженъ глубины. Хотя въ Акмечетской бухтѣ были устроены карантинъ и таможня, но, по незначительности торговли, малолюдности и малой производительности прилежащаго къ ней края, въ бухту эту заходило въ годъ два или три каботажныхъ судна.

Въ трехъ миляхъ отъ мыса Карашутъ, на юго-западъ, находится мысъ Тарханкутъ, составляющій самую западную оконечность полуострова. Между этими двумя мысами море вдается въ берегъ пологою дугою и служитъ для укрытія судовъ отъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго вѣтровъ, дующихъ съ особенною силою осенью и зимою. Глубина воды, достигающая здѣсь до 25 футовъ, дозволяетъ, въ случаѣ ненастья, укрываться тѣмъ судамъ, которыя находятся на пути изъ Севастополя въ Одессу и обратно. Остановившись въ недальнемъ разстояніи отъ берега, суда обыкновенно пережидаютъ здѣсь бурное время и за тѣмъ слѣдуютъ далѣе.

Отъ Тарханкута берегъ полуострова поворачиваетъ на юго-востокъ, и, на протяженіи 145 верстъ длины, имѣя видъ дуги, образуетъ два залива Евпаторійскій и Севастопольскій. Евпаторійскій рейдъ или бухта, при которой расположенъ городъ Евпаторія, открыта съ моря и доступна для большихъ судовъ только въ разстояніи $2^1/_2$ верстъ отъ города. Она не только не представляетъ особенныхъ удобствъ для якорной стоянки, а напротивъ того считается не вполнѣ безопасною, особенно отъ сѣверо-восточнаго вѣтра, который съ страшными порывами дуетъ съ обширной равнины, лежащей за Евпаторіею.

Совершенно противоположными качествами обладаетъ находящаяся въ 33-хъ миляхъ отъ Евпаторійскаго рейда Севастопольская бухта, справедливо считающаяся одною изъ лучшихъ въ свѣтѣ. Имѣя около шести верстъ въ длину, почти вездѣ около версты въ ширину и отъ пяти до десяти саженъ въ глубину, гавань эта была извѣстна съ древнѣйшихъ временъ какъ отличное безвѣтренное, почти никогда не замерзающее и вполнѣ удобное мѣсто стоянки для многочисленнаго флота. При входѣ въ Севастопольскую бухту южная часть берега выдается верстъ на десять къ западу, образуя Херсонесскій или Ирак-

лійскій полуостровъ съ его пятью бухтами: Казачьею, Камышевою, Круглою или Песчаною, Стрѣлецкою и Карантинною.

Отъ мыса Херсонесъ до мыса Ляспи берегъ снова поворачиваетъ на юго-востокъ и на этомъ пространствѣ образуетъ только одинъ глубокій Балаклавскій заливъ, который хотя и владѣетъ всѣми удобствами для стоянки большихъ судовъ,—но по малой ширинѣ устья, извилистому фарватеру и крутымъ поворотамъ, представляетъ немалыя затрудненія для входа и выхода, въ особенности при сильныхъ вѣтрахъ.

Отъ мыса Ляспи берегъ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и, до самой Ѳеодосіи, не образуетъ ни одного залива, сколько-нибудь заслуживающаго вниманіе. Существующіе на этомъ пространствѣ заливы: Ялтинскій, Алуштскій и Судакскій совершенно открыты, и останавливаться въ нихъ все равно, что останавливаться въ открытомъ морѣ. Ѳеодосійскій рейдъ лежитъ въ юго-западномъ углу обширной бухты, имѣющей до 18 миль ширины. Рейдъ этотъ, имѣя отъ 11-ти до 35-ти футъ глубины, закрытъ отъ сѣверныхъ, восточныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ. Весьма важная особенность Ѳеодосійскаго порта заключается въ томъ, что онъ никогда не замерзаетъ и имѣетъ песчано-илистый грунтъ, до такой степени надежный для якорной стоянки, что не было еще примѣра, чтобы на рейдѣ судно потерпѣло крушеніе [1]).

Восточнѣе Ѳеодосійскаго рейда Черное море соединяется съ Азовскимъ Керчь-Еникальскимъ проливомъ, имѣющимъ до 40 верстъ длины и образующимъ Керченскій заливъ, вдающійся внутрь берега на три версты. Стоящія въ этомъ заливѣ суда, на якоряхъ, защищены отъ всѣхъ вѣтровъ и волненія, но за то тѣ суда, которыя сидятъ въ водѣ болѣе 12 футъ, подходить къ городу не могутъ. При многихъ выгодахъ заливъ этотъ имѣетъ то неудобство, что каждый годъ покрывается льдомъ на нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ.

Наилучшій входъ въ Керченскій заливъ, со стороны Чернаго моря, находится подлѣ мыса Ак-буруна, въ полутора верстѣ отъ

---

[1]) «Черное море и его берега». Мат., вып. III. «Военно-статистическое описаніе Таврической губерніи», Герсеванова, т. XI (изд. 1849 г.)

котораго, на самомъ берегу, была построена Павловская батарея, защищавшая входъ въ проливъ. Въ 1853 году батарея эта находилась въ полуразрушенномъ состоянiи, хотя въ ней видны еще были амбразуры для десяти орудiй. По сѣверную сторону Керченскаго залива находится замокъ Еникале, гдѣ въ прежнее время была крѣпость, впослѣдствiи упраздненная. Въ 1853 году Еникальская крѣпость была еще въ довольно хорошемъ состоянiи и могла быть исправлена въ случаѣ надобности.

За Керчь-Еникальскимъ проливомъ начинается Азовское море, омывающее только сѣверную часть Керченскаго полуострова. На всемъ 123 верстномъ протяженiи своемъ Азовское море, по малой глубинѣ, не представляетъ особенно выгодныхъ условiй для судоходства, но, какъ окруженное со всѣхъ сторонъ русскими владѣнiями, оно служитъ весьма удобнымъ путемъ для доставленiя грузовъ въ Черноморскiе порты и для перевозки всѣхъ жизненныхъ и боевыхъ потребностей для войскъ, расположенныхъ въ Крыму и на Кавказѣ.

Узкая Арабатская стрѣлка, имѣющая до 100 верстъ длины, отдѣляетъ Азовское море отъ Сиваша или Гнилаго моря, съ которымъ оно соединяется посредствомъ Геническаго пролива. Къ западу верстахъ въ 15-ти отъ этого пролива лежитъ выдавшiйся въ море почти не обитаемый полуостровъ Чонгаръ или Чунгаръ, который отдѣляется отъ крымскихъ береговъ небольшимъ проливомъ, въ 60 саженъ шириною. Въ 1846 году черезъ проливъ этотъ былъ построенъ мостъ, извѣстный подъ именемъ Чонгарскаго и служившiй для постояннаго сообщенiя сѣверной части Таврической губернiи съ Крымскимъ полуостровомъ. Путь этотъ, по обилiю воды, считается самымъ удобнымъ, такъ какъ два другiе пути: черезъ Перекопъ и по Арабатской стрѣлкѣ, представляютъ почти безводное пространство.

Недостатокъ въ водѣ ощущается на большей части Крымскаго полуострова, который по характеру мѣстности дѣлится на двѣ совершенно противоположныя части: на бо̀льшую или степную и почти совершенно безводную и на меньшую или горную. Обѣ эти части довольно точно разграничиваются дорогою, идущею изъ Севастополя по сѣверную сторону рейда, потомъ долиною р. Бельбекъ, черезъ Бахчисарай и Симферополь, въ Ѳеодосiю. Все, что сѣвернѣе этой дороги, представляетъ

почти голую степь; пространство же на югъ, до самаго моря, состоитъ почти изъ одной сплошной гряды горъ, извѣстной подъ именемъ Крымскихъ.

Начинаясь у мыса Фіолентъ, близъ монастыря св. Георгія, цѣпь Крымскихъ горъ, извѣстная здѣсь подъ общимъ именемъ *Яйлы*, слѣдуетъ за всѣми извилинами берега и имѣетъ направленіе отъ запада къ сѣверо-востоку. Не доходя девяти верстъ до Балаклавы, горы подымаются какъ бы со дна моря отвѣсною стѣною и въ такомъ видѣ тянутся до мыса *Аія*, за которымъ, отдаляясь отъ морскаго берега, образуютъ *Ялтинскую* долину, съ ея вѣтвями: *Айвасильскою*, *Аутскою* и *Гурзуфскою*. У мѣстечка *Біюкъ-Ламбато* хребетъ *Яйла* прерывается, представляя при своей оконечности,—извѣстной подъ именемъ *Бабуганъ-Яйлы*,—возвышенную, широкую плоскость, покрытую лѣсомъ. Небольшой хребетъ *Азысъ-Хыръ*, по которому пролегаетъ дорога изъ Алушты въ Бешевъ, соединяетъ *Бабуганъ-Яйлу* съ *Чатыръ-Дагомъ*, считающимся самымъ высокимъ пунктомъ въ цѣпи Крымскихъ горъ.

Съ другой стороны незначительный хребетъ горъ, по которому пролегаетъ почтовая дорога изъ Алушты въ Симферополь, соединяетъ *Чатыръ-Дагъ* съ высокою горою *Дамерджи* (или Дамерджинская Яйла), которая замыкаетъ съ сѣверо-востока Алуштинскую долину. Отсюда хребетъ горъ удаляется отъ морскаго берега верстъ на десять и образуетъ плоскую возвышенность *Караби-Яйла*, отдѣляющуюся отъ остальной цѣпи горъ обширною *Ускютскою* долиною. Въ тридцати верстахъ отъ Ускюта, цѣпь горъ прерывается *Судакскою* долиною, за которою горы, постепенно понижаясь, исчезаютъ у города Ѳеодосіи [1]).

Такимъ образомъ, отдаляясь постепенно отъ моря, Крымскія горы отдѣляютъ чрезвычайно плодородную и живописную полосу земли, извѣстную подъ общимъ именемъ южнаго берега Крыма. Этотъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ уголокъ, защищенный крутыми и обрывистыми южными скатами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, пользуется самымъ бла-

---

[1]) «Военно-статистическое обозрѣніе Таврической губерніи», Герсеванова, изд. 1849 г.

горастворенным климатомъ, обиленъ водою, растительностію, виноградниками и всякаго рода плодовыми деревьями.

Сѣверный склонъ главной цѣпи Крымскихъ горъ, покрытый лѣсомъ, имѣя пологіе скаты и постепенно развѣтвляясь, сливается совершенно незамѣтно со степнымъ пространствомъ. Одна изъ самыхъ значительныхъ сѣверныхъ отраслей Крымскихъ горъ, начинаясь въ трехъ верстахъ отъ селен. *Кучукъ-Узенбашъ* и слѣдуя на западъ къ селен. Чоргунъ и Инкерману, образуетъ, вмѣстѣ съ главнымъ хребтомъ, сначала обширную *Байдарскую* долину, имѣющую до трехъ верстъ длины, а затѣмъ *Инкерманскую* долину и *Севастопольскую* бухту. Далѣе горы развѣтвляясь ограничиваютъ нѣсколько долинъ, на днѣ которыхъ текутъ рѣки: Салгиръ, Алма, Кача и Бельбекъ, отчего и самыя долины получили названія *Салгирской*, *Алминской, Качинской*, и *Бельбекской*.

На востокъ отъ р. Бельбекъ и до верховій р. Салгира, сѣверный склонъ горъ имѣетъ довольно суровый видъ: долины рѣкъ узки, глубоки, скаты горъ каменисты и безплодны. Пространство, занятое сѣвернымъ склономъ Крымскихъ горъ, не имѣетъ того обилія водъ, которымъ пользуется южный берегъ, и потому природа здѣсь не такъ роскошна, но въ долинахъ, по которымъ протекаютъ рѣчки, почва весьма плодородна и берега рѣкъ покрыты виноградниками, табачными плантаціями и хорошею растительностію.

Изъ всѣхъ рѣкъ сѣвернаго склона горъ наиболѣе значительна р. *Черная* или *Біюкъ-озень,* орошающая сначала Байдарскую долину, потомъ протекающая по болотистой Инкерманской долинѣ и наконецъ впадающая въ Севастопольскую бухту. Остальныя сколько-нибудь замѣчательныя рѣки: Бельбекъ, Кача и Алма, получая начало свое на возвышенностяхъ Яйлы, текутъ почти параллельно, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, и впадаютъ въ Черное море между Севастополемъ и мысомъ *Улуколъ* или *Лукулъ*.

Самою значительною рѣкою, на всемъ Крымскомъ полуостровѣ, считается рѣка *Салгиръ*, берущая начало у подошвы Чатыръ-Дага и впадающая въ Сивашъ или Гнилое море. Имѣя до 140 верстъ длины, Салгиръ не отличается однакоже обиліемъ водъ и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ во многихъ мѣстахъ пересыхаетъ. Сѣвернѣе

Салгира нѣтъ другихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ рѣкъ, и отсюда все пространство Крымскаго полуострова, до Перекопа, представляетъ голую, безводную степь, въ которой нѣтъ горъ, нѣтъ не только лѣсу, но и кустарниковъ, нѣтъ рѣкъ и даже прѣсной воды очень мало. Здѣсь рѣчки и ручьи наполняются водою только въ дождливое время, а существующія озера имѣютъ соленую воду и при испареніи осаждаютъ соль въ изобиліи.

На всемъ этомъ протяженіи край малолюденъ, селенія маленькія, расположенныя, преимущественно, на равнинахъ или въ неглубокихъ балкахъ, въ которыхъ нѣтъ ни проточной воды, нѣтъ и прудовъ. Туземные жители добываютъ воду изъ колодцевъ, глубиною отъ 20 до 50 саженъ, но и тѣ настолько бѣдны по содержанію, что весьма часто воды не хватаетъ для жителей деревни, состоящей изъ весьма малаго числа дворовъ. Къ тому же вода, добываемая изъ колодцевъ, рѣдко бываетъ совершенно прѣсною; въ большинствѣ же случаевъ имѣетъ также солоноватый вкусъ. Есть такія мѣста, въ которыхъ нельзя добыть воду при помощи самыхъ глубокихъ колодцевъ, и тогда поселяне устраиваютъ гати, копаютъ пруды, извѣстные подъ именемъ *„гутовъ“*, куда собирается вода отъ дождей и тающаго въ началѣ весны снѣга.

Недостатокъ воды оказываетъ большое вліяніе на растительность, весьма скоро выгорающую отъ солнечнаго зноя, такъ что здѣсь подножный кормъ продолжается не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Грунтъ земли степной части полуострова глинисто-солонцеватый и дороги осенью распускаются до такой степени, что проѣздъ по нимъ крайне затруднителенъ, а перевозка тяжестей почти невозможна.

На всемъ Крымскомъ полуостровѣ существовала только одна шоссейная дорога между Симферополемъ и Севастополемъ, пролегавшая по южному берегу Крыма. Не имѣя никакого значенія въ военномъ отношеніи и устроенное только для оживленія края, бывшаго до того пустыннымъ, шоссе это не начиналось у Симферополя и не доходило до Севастополя. Оно начиналось отъ Таушанъ-Базара, второй станціи отъ Симферополя, пересѣкало хребетъ Яйлу и, спустившись по южному склону горъ у Алушты, шло берегомъ моря до Байдарской станціи, отъ которой до Севастополя вела уже обыкновенная почтовая дорога.

Средоточіемъ всѣхъ остальныхъ путей сообщенія былъ Симферополь, откуда, какъ отъ центра, расходились, въ разныя стороны, всѣ дороги,

шедшія къ городамъ и наиболѣе замѣчательнымъ мѣстечкамъ Крымскаго полуострова. Главнѣйшею изъ нихъ была дорога въ Перекопъ. Имѣя $133^3/_4$ версты протяженія, дорога эта была жизненною артеріею всего Крыма, такъ какъ по ней исключительно производились почти всѣ сношенія полуострова съ полуденными губерніями Россіи. Несмотря на то, дорога эта, какъ и всѣ остальныя, проходившія по полуострову, была не въ удовлетворительномъ состояніи и по характеру своему принадлежала къ первобытнымъ степнымъ дорогамъ южной Россіи. Единственныя улучшенія, дозволявшія отличить эту дорогу отъ окружающей ее степи и отъ обыкновенныхъ проселочныхъ дорогъ, „проложенныхъ цѣликомъ“, заключались въ устройствѣ нѣсколькихъ мостовъ, подъемовъ и спусковъ, исправленіе и починка которыхъ лежала на обязанности земства. Но кому не извѣстно, какъ чинитъ оно дороги на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи, а тѣмъ болѣе на Крымскомъ полуостровѣ, бѣдномъ населеніемъ, почти не имѣющемъ понятія объ удобствахъ жизни и важности путей сообщенія. Къ тому же дорога эта, пролегая по глинистой почвѣ, проходила по совершенно ровной, безлѣсной и безводной степи, гдѣ вода добывалась съ большимъ затрудненіемъ, или на весьма значительной глубинѣ. Такъ, на станціи Трехъ-Абламъ вода находилась на глубинѣ сорока пяти саженъ, да и то въ количествѣ недостаточномъ для большаго числа войскъ, или значительныхъ обозовъ.

Изъ Симферополя въ Севастополь вела только одна дорога черезъ Бахчисарай, но и та, пролегая по мѣстамъ глинистымъ, гористымъ и каменистымъ, была въ дурномъ состояніи, хотя для переправы черезъ рѣки Алму, Качу и Бельбекъ были устроены постоянные мосты. Отъ Бахчисарая до Бельбека дорога шла среди садовъ и огородовъ, такъ что объѣхать было некуда, а при малѣйшемъ дождѣ она становилась непроѣзжею. У станціи Бельбекъ дорога эта раздѣлялась на двѣ вѣтви: одна, высотами приморскаго берега, вела прямо на сѣверную сторону Севастополя; другая—на южную сторону города, черезъ болотистую Инкерманскую долину, по устроенной для того плотинѣ въ 327 саженъ длиною, шесть саженъ шириною и два аршина вышиною. Плотина эта оканчивалась у деревяннаго моста, перекинутаго черезъ Черную рѣчку и имѣвшаго восемь саженъ длины. Отъ этой послѣдней дороги, верстахъ въ пяти отъ Бахчисарая, отдѣлялась на востокъ другая, которая черезъ такъ называемый Трактирный мостъ на р. Черной вела въ Балаклаву.

Всѣ остальныя дороги: въ Евпаторію и далѣе къ Акъ-мечети, въ Карасубазаръ, Ѳеодосію и Керчь были еще въ худшемъ состояніи противу той, которая вела изъ Симферополя въ Перекопъ; на многихъ изъ нихъ не было вовсе мостовъ черезъ рѣки и овраги; во многихъ мѣстахъ были крутые спуски и подъемы, дѣлавшіе въ дурное время года пути эти крайне затруднительными для ѣзды.

Въ Крымскій полуостровъ изъ южной Россіи вели три дороги: черезъ Перекопъ, въ Симферополь, черезъ Чонгарскій мостъ въ Симферополь и по Арабатской стрѣлкѣ въ Керчь и Ѳеодосію. Лучшимъ изъ этихъ трехъ путей, какъ мы сказали уже, была дорога черезъ Чонгарскій мостъ, проходившая по мѣстамъ обильнымъ водою и къ тому же значительно сокращавшая путь до Никополя, Орѣхова и Мелитополя, т. е. до тѣхъ пунктовъ Таврической губерніи, черезъ которые преимущественно слѣдуютъ транспорты съ товарами и сельскими произведеніями. Что касается до дороги черезъ Арабатскую стрѣлку, то, кромѣ паромной переправы черезъ Геническій проливъ, имѣющій до 50 саженъ ширины, путь этотъ представляетъ совершенную пустыню, лишенную воды на протяженіи 80 верстъ, и потому транспорты могутъ слѣдовать по немъ только въ случаѣ крайней необходимости. Здѣсь даже нѣтъ вовсе татарскихъ селеній, тогда какъ на прочихъ трактахъ они встрѣчаются довольно часто. Но малочисленность дворовъ и разбросанность селеній на значительномъ разстояніи другъ отъ друга не представляютъ никакихъ удобствъ для размѣщенія войскъ. Въ этомъ отношеніи въ Таврической губерніи встрѣчаются не малыя затрудненія. Большинство ея населенія состоитъ изъ нагаевъ и татаръ, исповѣдующихъ магометанскую религію, и потому располагать въ ихъ аулахъ войска почти невозможно: ихъ нравы, обычаи, религіозные предразсудки, пища и наконецъ самая постройка домовъ совершенно противны духу и привычкамъ русскаго солдата.

Поселившіеся на полуостровѣ крымскіе татары, по характеру мѣстности раздѣляясь на степныхъ и горныхъ, различаются между собою и по образу жизни. Горный татаринъ обладаетъ болѣе роскошною природою и потому знакомъ съ бо̀льшимъ довольствомъ домашней жизни, но за то гораздо лѣнивѣе степнаго. Онъ сидитъ цѣлый день въ тѣни своихъ садовъ, куритъ трубку и, смотря на обиліе плодовъ, увѣренъ, что сбытъ ихъ обезпечитъ въ достаточной степени, на круглый годъ, все

его семейство. Имѣя много свободнаго времени, горный татаринъ любитъ проводить время въ бесѣдѣ, предаваться разнымъ увеселеніямъ, верховой ѣздѣ и другимъ забавамъ, развивающимъ его предпріимчивость и умственныя способности. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо выше своего собрата-степняка, хотя, по значительной лѣни и бездѣятельности въ домашнемъ быту, живетъ также грязно и бѣдно: его жилище, пища и одежда отличаются необыкновенною простотою и воздержанностію.

Еще въ худшемъ положеніи находится жизнь степнаго татарина. По природѣ лѣнивый, онъ работаетъ только по необходимости и настолько, чтобы не умереть съ голода. Татаринъ пашетъ землю, роетъ водопроводныя канавы, для поливки своихъ полей, только потому, что безъ нихъ невозможно его существованіе. Степной татаринъ можетъ по пальцамъ пересчитать, сколько разъ въ своей жизни онъ пробовалъ баранье или говяжье блюдо; если онъ ѣстъ пшено на молокѣ, какую-нибудь жидкую кашицу и круглый годъ хлѣбъ—онъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и не станетъ никогда жаловаться на свою участь, или бѣдность. Вокругъ него повсюду видно отсутствіе довольства; его домъ или лучше мазанка, съ плоскою черепичною крышею, построена наскоро, кое-какъ, обмазана глиною и мало защищаетъ отъ непогоды; его полуразвалившійся, со дня постройки, заборъ сложенъ изъ кизяка или насухо изъ мелкаго камня. Въ аулѣ видна безпорядочность постройки, кучи сору, отсутствіе жизни и дѣятельности; въ домѣ татарина—нечистота и неопрятность составляютъ характеристическую принадлежность каждаго семейства.

Въ силу религіозной особенности и различія нравовъ и обычаевъ, татары освобождены отъ военнаго постоя, но если бы этого не было, то и тогда располагать въ татарскихъ аулахъ войска было бы весьма не удобно. Татаринъ не имѣетъ никакихъ пристроекъ и потому не можетъ дать ни помѣщенія для начальниковъ, ни сараевъ для цейхгаузовъ; онъ не можетъ дать солдату приварка и даже затрудняется продовольствіемъ войскъ, при прохожденіи ихъ черезъ аулъ. При такихъ условіяхъ располагать войска по татарскимъ ауламъ было бы все равно, что располагать ихъ бивуакомъ: солдатъ не находилъ у жителей ни приварка, ни убѣжища отъ холода и зноя, ни дровъ для варки пищи и отопленія, ни соломы для подстилки, ни хорошей воды. За недостаткомъ

ея самъ татаринъ пьетъ *язму*—овечье кислое молоко или *катыкъ*—тоже молоко, разведенное водою и, имѣя его въ ограниченномъ количествѣ, не можетъ предложить солдату.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на Крымскомъ полуостровѣ считалось болѣе 430 т. человѣкъ народонаселенія обоего пола, въ томъ числѣ 257 т. человѣкъ татаръ и до 80 т. человѣкъ городскаго населенія. Остальное населеніе составляли русскіе переселенцы и нѣмцы-колонисты, поселившіеся въ Ѳеодосійскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ. Довольство, чистота и опрятность составляютъ особенность нѣмцевъ-колонистовъ; но богатыя селенія ихъ изъяты отъ военнаго постоя. Нѣмцы-колонисты единственные производители всего Крымскаго полуострова, но число ихъ незначительно, а избытокъ ихъ произведеній недостаточенъ для продовольствія войскъ, которыя приходится держать на полуостровѣ, не имѣющемъ ни одной сколько-нибудь значительной фабрики, ни одного завода. Производительность края удовлетворяетъ только мѣстной потребности жителей, такъ что Симферопольская провіантская коммиссія принуждена была пріобрѣтать провіантъ для войскъ въ отдаленныхъ губерніяхъ Харьковской, Курской и Воронежской.

По характеру мѣстности и климатическимъ условіямъ татары сѣверной части полуострова занимаются скотоводствомъ; горные же татары—садоводствомъ, огородничествомъ и преимущественно винодѣліемъ. Естественныя богатства полуострова заключаются въ обиліи плодовъ, вывозимыхъ въ Россію, и въ существованіи въ сѣверной части полуострова множества соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добывается самосадочная соль. Всѣ же остальныя произведенія, необходимыя для содержанія солдата, приходилось доставлять изъ южныхъ губерній Россіи, что при дурномъ состояніи дорогъ представляло немалыя затрудненія. Въ мирное время неудобство доставки устранялось тѣмъ, что наибольшее количество грузовъ перевозилось по морямъ Черному и Азовскому; сухопутная же доставка производилась только во внутренніе пункты Крымскаго полуострова, гдѣ всегда стояло наименьшее число войскъ; большинство же ихъ размѣщалось по прибрежнымъ пунктамъ и преимущественно въ Ѳеодосіи, Судакѣ, Карасубазарѣ, Бахчисараѣ, Севастополѣ и Евпаторіи, гдѣ были выстроены казармы и бараки.

Такое размѣщеніе войскъ вызывалось необходимостію и самымъ положеніемъ Крыма. Далеко выдавшись въ море, Крымскій полуостровъ

находится въ столь недальномъ разстояніи отъ предѣловъ Турціи, что изъ крайняго его пункта, какъ напримѣръ изъ Севастополя, при попутномъ вѣтрѣ или на паровыхъ судахъ, можно быть въ Константинополѣ,—менѣе чѣмъ въ двое сутокъ. Точно также и турецкій флотъ могъ въ самый короткій промежутокъ времени явиться въ виду Крымскихъ береговъ. Поэтому для обезпеченія нашихъ границъ войска должны всегда находиться въ близкомъ разстояніи отъ берега и быть расположены такъ, чтобы въ случаѣ нужды могли сѣсть на суда въ одной гавани и перенестись въ другую. Всѣ гавани, которымъ могла угрожать опасность отъ непріятельскаго вторженія, находятся на южной и на юго-западной границахъ полуострова, отъ Евпаторіи до Керчи, а потому и войска располагались преимущественно въ этомъ направленіи. Защита прибрежныхъ пунктовъ обезпечивалась какъ сухопутными войсками, вблизи ихъ расположенными, такъ и Черноморскимъ флотомъ, сосредоточеннымъ въ Севастополѣ.

Расположенный въ самомъ дальнемъ юго-западномъ углу Крымскаго полуострова, Севастополь обладаетъ весьма обширною гаванью, удобною для размѣщенія многочисленнаго флота. На южной сторонѣ Севастопольскаго рейда виднѣются три бухты: правая или западная, ближайшая къ морю *Артиллерійская*, средняя и самая большая—*Южная*, съ вдавшеюся въ нее *Корабельною бухтою*, а затѣмъ лѣвѣе или восточнѣе всѣхъ—*Киленъ-оухта*. Удобства и достоинства Севастопольской бухты или рейда извѣстны были съ древнихъ временъ. Еще до Рождества Христова, на берегу этой бухты процвѣталъ торговлею, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Корсуня, городъ Херсонесъ, имѣющій огромное значеніе въ жизни русскаго народа.

Изъ древняго Херсонеса таврическаго, находящагося и по нынѣ въ развалинахъ неподалеку отъ города Севастополя, возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю русскую. Здѣсь русскій великій князь Владиміръ принялъ святое крещеніе.

Желая наказать византійскихъ императоровъ, за нарушеніе мирнаго договора, Владиміръ осадилъ Херсонесъ въ 988 году. Прибывъ къ городу на судахъ, съ многочисленными войсками, Владиміръ расположилъ свои суда въ той самой бухтѣ, которая впослѣдствіи названа Севастопольскою, и приступилъ къ осадѣ.

Жители защищались упорно: сдѣлавъ подъ стѣною, окружавшею городъ, подкопъ, они уносили къ себѣ всю землю, которою русскіе хотѣли засыпать ровъ. Херсонесцы сдались только тогда, когда были разрушены трубы, снабжающія городъ прѣсною водою. Вступивъ побѣдителемъ въ осажденный городъ, Владиміръ принялъ тамъ христіанскую вѣру; на мѣстѣ своего крещенія построилъ храмъ и, возвративъ побѣжденный городъ византійскимъ императорамъ, отправился во-свояси.

Примѣру своего князя послѣдовала и вся Русь, привыкшая съ тѣхъ поръ считать Херсонесъ своею колыбелью, своею второю родиною.

Прошло съ той поры 800 лѣтъ. Херсонесъ, подпавшій подъ власть татаръ и турокъ, лежитъ нынѣ въ развалинахъ, но дорогъ намъ по духовной жизни народа православнаго. Близъ этихъ развалинъ, на родныхъ намъ поляхъ, возникъ и Севастополь, весьма важный въ стратегическомъ отношеніи для войны какъ наступательной, такъ и оборонительной: тотъ, кто владѣлъ Севастопольскою бухтою, могъ назваться господиномъ или хозяиномъ всего Чернаго моря.

Турки и татары, владѣя Крымомъ, не сознавали важнаго значенія Севастопольской бухты, не обращали вниманія на удобства гавани и не заботились о распространеніи торговли. Вытѣснивъ христіанство и разрушивши все христіанское, магометане оставили берегъ моря въ запустѣніи. На мѣстѣ нѣкогда цвѣтущаго города, полнаго жизни, образовалась дикая, необитаемая мѣстность, покрытая дубнякомъ, можжевельникомъ и другими кустарниками.

Среди этой пустыни, на берегу бухты, одиноко стояли восемь дворовъ татарской деревни Ахтьяръ (что значитъ бѣлый утесъ), по имени которой и самая бухта получила названіе Ахтьярской. Восточнѣе Ахтьяра, при устьѣ Черной рѣчки, извѣстной тогда подъ именемъ Акерманки, видны были развалины города Акермана, а подлѣ него деревня домовъ въ 25, оставленная жителями и занятая русскими войсками со времени появленія ихъ въ этой мѣстности.

Первое посѣщеніе русскими Ахтьярской бухты послѣдовало въ концѣ 1782 года. 17-го ноября этого года, два русскихъ фрегата, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Одинцова, въ первый разъ вошли въ Ахтьярскую бухту и остались тамъ на зимовку. Имѣя приказаніе отъ адмиралтейской коллегіи осмотрѣть бухту, Одинцовъ произвелъ промѣръ

и карту этого промѣра, 7-го марта 1783 года, представилъ начальнику Херсонскаго порта [1]). Въ маѣ слѣдующаго года прибылъ въ Ахтьярскую бухту вице-адмиралъ Клокачевъ, назначенный командиромъ вновь заводимаго нами флота на Азовскомъ и Черномъ моряхъ.

„При самомъ входѣ въ Ахтьярскую гавань,—доносилъ онъ графу Чернышеву [2]),—дивился я хорошему ея съ моря положенію; а вошедши и осмотрѣвши, могу сказать, что во всей Европѣ нѣтъ подобной сей гавани положеніемъ, величиной и глубиной. Можно въ ней имѣть флотъ до ста линейныхъ судовъ; ко всему же тому сама природа такія устроила лиманы, что сами по себѣ отдѣлены на разныя гавани, то-есть военную и купеческую. Безъ собственнаго обозрѣнія нельзя повѣрить, чтобъ такъ сія гавань была хороша“.

Вслѣдъ затѣмъ вице-адмиралъ Клокачевъ былъ назначенъ завѣдующимъ всею Черноморскою портовою администраціею, на мѣсто командира Херсонскаго порта Ганнибала. Отправляясь къ мѣсту новаго служенія въ г. Херсонъ, Клокачевъ передалъ начальство надъ дѣйствующею эскадрою прибывшему вмѣстѣ съ нимъ контръ-адмиралу Мекензи, на долю котораго выпалъ жребій быть основателемъ перваго русскаго порта на Черномъ морѣ. Предоставленный самому себѣ и подчиненный только одному князю Потемкину-Таврическому, Мекензи трудился самостоятельно и вполнѣ независимо. Онъ нашелъ берега Ахтьярской бухты въ совершенномъ запустѣніи, нѣкогда знаменитаго здѣсь города не существовало, а виднѣлись только тамъ и сямъ развалины древнихъ башенъ и стѣнъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Подъ руководствомъ Мекензи русскіе люди усиленно трудились надъ устройствомъ порта, рубкою лѣса и очищеніемъ дорогаго имъ мѣста. Скоро появились здѣсь церковь во имя Николая Чудотворца, казармы для зимующихъ въ бухтѣ командъ, помѣщенія для больныхъ, склады для судовыхъ матеріаловъ и даже небольшое адмиралтейство. Всѣ вновь возводимыя постройки воздвигались довольно успѣшно собственно потому, что подъ руками командъ былъ готовый тесанный камень, добываемый изъ близъ лежавшихъ развалинъ древняго города. Такимъ образомъ черезъ три мѣсяца, послѣ манифеста о присоединеніи Крыма, Россія стояла уже твердою ногою на Черномъ морѣ.

---

[1]) Головачевъ, «Исторія Севастополя», 68.

[2]) Отъ 6-го мая 1783 г., тамъ же.

Въ октябрѣ 1783 года прибылъ въ Ахтьяръ кн. Потемкинъ-Таврическій. Осмотрѣвши гавань, суда и вновь возведенныя строенія, онъ разрѣшилъ Мекензи, на случай пріѣзда гостей, построить домъ для начальника эскадры у входа въ Южную бухту, на западной ея сторонѣ[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что Мекензи большой охотникъ до садоводства, Потемкинъ подарилъ ему мѣсто на одной изъ высотъ, близъ впаденія Черной рѣчки въ бухту. Построенный тамъ хуторъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Мекензіева. Хуторъ этотъ давно исчезъ, но гора, на которой онъ былъ построенъ, и до сихъ поръ, называется Мекензіевою.

Первое посѣщеніе Потемкинымъ Ахтьяра не осталось безслѣднымъ. По его представленію, 10-го февраля слѣдующаго 1784 года, послѣдовалъ указъ императрицы Екатерины II, повелѣвавшій при Ахтьярской бухтѣ основать городъ и назвать его греческимъ словомъ *Севастополь*, что̀ по-русски означаетъ *знаменитый* или *почтенный* городъ.

Въ слѣдующемъ году императрица, утвердившая первые штаты для Черноморскаго флота, выразила желаніе лично посѣтить вновь основанный портъ и городъ, но путешествіе это состоялось только въ 1787 году, и Мекензи не дождался ея прибытія. 10-го января 1786 года онъ скончался, оставивъ потомству довершать начатое имъ великое дѣло могущества Россіи на Черномъ морѣ.

Вмѣсто Мекензи командиромъ дѣйствующаго флота и Севастопольскаго порта былъ назначенъ графъ М. И. Войновичъ. Найденный имъ портъ и городъ были еще только при своемъ зарожденіи. Въ Севастополѣ насчитывалось тогда отъ сорока до шестидесяти жилыхъ зданій—все построенныхъ руками матросовъ.

„Сажень на триста,—пишетъ Головачевъ[2]),—отъ оконечности западнаго мыса Южной бухты еще въ 1785 году, по первому ожиданію пріѣзда императрицы въ Крымъ, Мекензи сдѣлалъ пристань изъ тесанаго камня. Недалеко отъ пристани находился его домъ, выложенный изъ такого же камня. Далѣе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Мекензи, на томъ же мысѣ, въ его западной сторонѣ находился каменный домъ

[1]) Впослѣдствіи домъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Екатерининскаго дворца.

[2]) «Исторія Севастополя», 105.

капитана 1-го ранга Тисделя. Самая пристань, по приказанію Потемкина, названа была оффиціально Екатерининскою; но приказаніе отдано было на словахъ, и потому неоффиціально она называлась „Графскою", вслѣдствіе привычки графа Войновича садиться съ нея въ шлюпку и приставать къ ней, во время его выѣздовъ на эскадру. Отъ этой пристани, въ разстояніи отъ нея саженъ ста внутрь Южной бухты, по берегу,—начиналось мѣсто, отдѣленное подъ адмиралтейство, которое въ 1787 году обнесено было деревянной рѣшеткой. Въ этомъ адмиралтействѣ имѣлись уже магазины для запасныхъ вещей и судовыхъ матеріаловъ, шлюпочный сарай, мастерскія и домъ для конторы надъ портомъ".

Число зданій въ городѣ быстро возрастало, но въ немъ ощущался недостатокъ въ прѣсной водѣ, и потому, почти со дня основанія Севастополя, хлопотали о проведеніи воды изъ хорошихъ ключей, находившихся верстахъ въ пяти на югъ отъ города, и затѣмъ приступили и къ проложенію водопроводныхъ трубъ. Еще при жизни Мекензи трубы эти были проложены саженъ на 400 отъ источниковъ.

Въ такомъ положеніи былъ Севастополь, когда въ 1787 году императрица посѣтила возникшій городъ.

Въ 8-мь часовъ утра 22-го мая Екатерина II выѣхала изъ Бахчисарая и въ полдень остановилась въ особомъ павильонѣ, устроенномъ для нея на Инкерманскихъ высотахъ. Во время обѣда, съ бывшаго противъ нея окна, была отдернута занавѣсь, и передъ императрицей открылась грандіозно-величественная перспектива Севастопольскаго рейда.

„Въ лѣвой рукѣ, разстилались зеленые холмы, перерѣзанные бухтами, испещренные деревьями, развалинами, домиками, и замкнутые бурыми горами южнаго берега Крыма. Вправо—цѣлый рядъ береговыхъ возвышеній какъ бы склонялся къ сторонѣ Инкермана. Между ними, по впадинамъ мелькали домики и высокія, темно-зеленыя, колонны южныхъ тополей. Море безконечнымъ щитомъ облегало всю эту роскошную перспективу холмовъ, между которыми, какъ широкая бурая лента, къ широкому подножію павильона, протягивался длинный заливъ или рейдъ. По этому заливу тянулась длинная линія нашихъ военныхъ судовъ, прямая, стройная линія. На ней появился кейзеръ-флагъ главнокомандующаго, и съ обоихъ портовъ кораблей раздались выстрѣлы. Дымъ отъ

нихъ клубами разостлался въ обѣ стороны. Онъ закуталъ эскадру и примѣшалъ новое живое движеніе на красивомъ ландшафтѣ“ [1]).

Два дня пробыла императрица въ Севастополѣ, и оба эти дня были рядомъ непрерывнаго торжества для моряковъ-первенцевъ Черноморскаго флота. Императрица осматривала флотъ, состоявшій тогда изъ 29 военныхъ и 8 транспортныхъ судовъ, осматривала окрестности города, Инкерманскія развалины и главныя пещеры. Она посѣтила нѣкоторыя бухты, предпринимала путешествіе въ Байдарскую долину и вечеромъ 24-го мая оставила Севастополь.

Съ отъѣздомъ императрицы Севастополь росъ не по днямъ, а по часамъ. Удаленный отъ большихъ дорогъ, расположенный на окраинѣ русскаго царства, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова, Севастополь развивался самобытно. Въ его обширной гавани располагалась большая часть Черноморскаго флота, всегда бывшаго передовымъ сторожемъ и оберегателемъ могущества Россіи на водахъ Чернаго моря.

Руководимые кн. Потемкинымъ, такъ ревниво хлопотавшимъ о славѣ Россіи, черноморцы, съ самаго зарожденія флота, привыкли одерживать побѣды надъ врагами. Славная смерть въ бою или побѣда были ихъ девизомъ. „Подтверждаю вамъ,—писалъ осенью 1787 года кн. Потемкинъ графу Войновичу,—собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и могущества вашего и подчиненныхъ вашихъ. *Хотя бъ всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля.* Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, *атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бъ всѣмъ пропасть*“.

Предписаніе это было исполнено въ точности и исполнялось въ послѣдующія времена, до послѣднихъ дней существованія флота. Черноморцы неоднократно доказали свою неустрашимость, мужество и храбрость. Подвиги нашихъ небольшихъ отрядовъ у Балаклавы и Суджукъ - Кале, подъ начальствомъ Кинсбергена; подвигъ мичмана Ломбарда, который съ одною своею галерою бросился на 8 турецкихъ судовъ и два изъ нихъ уничтожилъ; и наконецъ подвигъ

---

[1]) «Исторія Севастополя», 111.

капитана Сакена, взорвавшаго себя на воздухъ и со славою погибшаго въ бою—были прекрасными примѣрами, для послѣдующихъ дѣятелей. Черноморскаго флота. Война съ Турціей, продолжавшаяся съ 1787 по 1791 годъ, доставила черноморцамъ случай составить себѣ блистательную репутацію.

Подвиги адмирала Ушакова у мыса Таклы, при островѣ Тендрѣ, сраженіе при Каіакріи, всѣ дѣйствія въ Средиземномъ морѣ, — при освобожденіи отъ французскаго владычества Іоническихъ острововъ и Неополитанскаго королевства,—и наконецъ подвигъ, въ 1829 году, капитанъ-лейтенанта Казарскаго съ бригомъ „Меркурій", отбившагося отъ двухъ турецкихъ линейныхъ кораблей—были превосходною школою, изъ которой вышли многіе знаменитые предводители Черноморскаго флота.

Особенно благотворна была дѣятельность главнаго командира Черноморскаго флота Михаила Петровича Лазарева.

Получившій воспитаніе въ Англіи, совершившій три кругосвѣтныхъ плаванія, принимавшій участіе въ Трафальгарскомъ сраженіи и покрывшій себя славою при Наваринѣ, Михаилъ Петровичъ, съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній и опытности, дѣйствительно весьма много сдѣлалъ для Черноморскаго флота, какъ въ отношеніи боевомъ, такъ и административномъ. При Лазаревѣ Черноморскій флотъ доведенъ былъ до комплектнаго числа судовъ, построенныхъ по новѣйшимъ чертежамъ и снабженныхъ сильною артиллеріею. Всѣ нововведенія и измѣненія въ судостроеніи и судовой практикѣ не были забыты главнымъ командиромъ, зорко слѣдившимъ за всѣми усовершенствованіями и тотчасъ же вводившимъ ихъ у себя. Черноморскій флотъ могъ поспорить съ лучшими флотами въ Европѣ, если не численностію своихъ судовъ, то ихъ конструкціею, порядкомъ службы, знаніемъ своего дѣла, строгою и разумною дисциплиною. Нравственная и боевая стороны были доведены здѣсь до совершенства, и въ этомъ заключается главная заслуга адмирала Лазарева.

Какъ истинно государственный человѣкъ, онъ сознавалъ, что для принесенія наибольшей пользы отечеству и исполненія важныхъ предначертаній, недостаточно дѣятельности и жизни одного человѣка и что для достиженія полезныхъ результатовъ, главная заботливость начальника

должна состоять въ выборѣ способныхъ помощниковъ, которые сначала поняли бы виды его, потомъ содѣйствовали ему и наконецъ могли продолжать начатое дѣло самостоятельно и въ томъ же направленіи. Строго слѣдуя этому правилу, Лазаревъ обладалъ рѣдкою и драгоцѣнною въ людяхъ способностью отличать дарованія въ подчиненныхъ ему офицерахъ, окружать себя людьми способными и среди ихъ выбирать себѣ помощниковъ. Михаилъ Петровичъ зналъ каждаго офицера, ощупывалъ его съ разныхъ сторонъ и, замѣтивши способности, умѣлъ во-время поощрить ихъ и направить именно въ ту сторону, гдѣ они могли принести наибольшую пользу общему дѣлу.

„Всякій новый офицеръ,—пишетъ Головачевъ [1]),—прибывши на службу въ Черноморскій флотъ, незамѣтно для него самого, со всѣхъ сторонъ въ тонкости ощупывался лицами, окружавшими Михаила Петровича, и потомъ, по большей части отправлялся въ Сухумскій или Суджукскій отрядъ. Эта школа для нашего моряка была—школой водяной и огненной: для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать, изъ „Лѣтописи крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота“, тѣ ея мѣста, которыя относились къ бѣдствіямъ послѣднихъ, претерпѣнныхъ ими у кавказскаго берега. Затѣмъ, если новый питомецъ возвращался живой изъ своей первой школы, онъ находилъ всегда себѣ мѣсто на одномъ изъ лучшихъ судовъ флота—гдѣ могъ продолжать, незамѣтнымъ образомъ, свое служебное образованіе, по части того образцоваго порядка, въ какомъ надлежитъ содержать команду и суда военнаго флота. Всякое проявленіе дѣятельности и личнаго труда каждаго изъ тогдашнихъ офицеровъ находило лучшихъ знатоковъ и экспертовъ въ особѣ Михаила Петровича и лицъ, непосредственно его окружавшихъ, и то была истинно тонкая и невидимая связь всѣхъ тогдашнихъ сослуживцевъ по Черноморскому флоту, не зависѣвшая ни отъ какихъ почестей и наградъ“.

Если М. П. Лазаревъ замѣчалъ въ комъ-либо изъ офицеровъ особыя способности, точность и аккуратность въ исполненіи, онъ вводилъ его въ школу болѣе спеціальную, и, независимо отъ практической дѣятельности, дѣлалъ такого офицера хорошимъ теоретикомъ въ постройкѣ

---

[1]) «Исторія Севастополя», 250 и 251.

и вооруженіи судовъ. Какъ на примѣръ такого веденія офицера можно указать на вице-адмирала В. А. Корнилова, бывшаго впослѣдствіи начальникомъ штаба Черноморскаго флота.

Воспитываясь въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, имѣя только 16-ть лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ на службу въ 1823-мъ году. Не чувствуя ни къ чему особаго призванія, молодой Корниловъ предался всеувлекающей свѣтской столичной жизни и черезъ два года, послѣ выпуска въ офицеры, по связямъ отца, былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу. Здѣсь молодой офицеръ не оправдалъ ожиданія начальства и скоро былъ удаленъ изъ экипажа, какъ человѣкъ, въ которомъ не было найдено достаточной для фронта бодрости. Такимъ образомъ первые шаги на служебномъ поприщѣ, по-видимому, не благопріятствовали Корнилову. Отчисленный въ 20-й экипажъ и оставаясь при немъ, онъ проводилъ время праздно и весело. „Всему учившись,—говоритъ его біографъ,—онъ ничего не зналъ основательно, не имѣлъ направленія; одаренный природою—былъ способенъ на все и ни на что особенно не годенъ“. Владиміръ Алексѣевичъ былъ тогда именно въ той порѣ жизни, когда человѣку необходимъ толчокъ, и часто отъ направленія этого толчка зависитъ вся послѣдующая жизнь молодаго человѣка.

Такимъ толчкомъ для Корнилова было назначеніе его въ 1827 году на корабль „Азовъ“, отплывавшій въ Средиземное море.

Капитанъ „Азова“, впослѣдствіи главный командиръ Черноморскаго флота, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, принадлежалъ къ числу немногихъ людей, отличающихся прекрасными качествами души и рѣдкимъ постоянствомъ. Прекрасная, недоступная неправдѣ душа указывала ему человѣка; познанія и опытность—способнаго офицера, а постоянство характера и свѣтлыя понятія побуждали вести за собою однажды избранныхъ, заботясь объ ихъ усовершенствованіи.

Такимъ избраннымъ на этотъ разъ былъ молодой Корниловъ.

М. П. Лазаревъ скоро замѣтилъ въ Корниловѣ способности, но къ сожалѣнію видѣлъ, что онѣ всецѣло расходуются на чтеніе пустыхъ французскихъ авторовъ, которыми была наполнена скромная библіотека молодаго мичмана. Не препятствуя Корнилову продолжать упиваться романами, Лазаревъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на такую пустую

умственную дѣятельность способнаго юноши и выражалъ свое неудовольствіе особенно строгими взысканіями за всѣ упущенія по службѣ. Корниловъ смотрѣлъ на эти взысканія какъ на гоненіе, какъ на желаніе командира придраться къ случаю и наказать незаслуженно. Вспоминая, по временамъ, прежнюю веселую и беззаботную столичную жизнь, Владиміръ Алексѣевичъ сожалѣлъ о томъ, что судьба привела его на „Азовъ", и готовъ былъ просить о переводѣ на другое судно, какъ на помощь къ нему явился самъ мнимый преслѣдователь.

Пригласивши къ себѣ Корнилова, М. П. Лазаревъ просилъ его сказать откровенно, желаетъ ли онъ служить во флотѣ? Получивши утвердительный отвѣтъ, Лазаревъ выбросилъ за бортъ всю библіотеку Корнилова, замѣнивъ ее сочиненіями изъ своей библіотеки. Откровенный и прямой поступокъ этотъ произвелъ крутой и благодѣтельный переломъ въ жизни молодаго человѣка, впослѣдствіи ставшаго ближайшимъ помощникомъ Михаила Петровича.

Съ уничтоженіемъ библіотеки кончилась и праздная жизнь Корнилова; онъ сталъ заниматься дѣломъ, изучать то, чего не зналъ; сталъ слѣдить за собою, серьезнѣе относиться ко всему окружающему, словомъ, началъ жить новою жизнію. Способности были,—недоставало только желанія, но лишь пришло оно, и передъ Корниловымъ открылось поле широкой дѣятельности.

„Долгая кампанія въ Средиземномъ морѣ, — пишетъ И. Шестаковъ [1]),—примѣчательная блистательнымъ эпизодомъ Наварина и послѣдовавшею за тѣмъ военною дѣятельностью, произвела нѣсколько отличныхъ офицеровъ, а соревнованіе, возбужденное присутствіемъ иностранныхъ эскадръ, и самолюбіе, терзаемое при сравненіи, породило въ тѣхъ изъ нихъ, которые были созданы или находились подъ вліяніемъ способныхъ начальниковъ, желаніе вывести флотъ нашъ изъ пагубнаго, возмущавшаго душу застоя".

При такомъ желаніи тотчасъ послѣ возвращенія эскадры изъ Средиземнаго моря М. П. Лазареву поручена была постройка и изготовленіе образцовой эскадры, какъ въ отношеніи техническаго устройства, такъ

---

[1]) «Генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ». Матер., вып. I.

и боевой дѣйствительности. Для осуществленія такого порученія Лазареву необходимы были полезные и просвѣщенные дѣятели, исполнители его предначертаній, и во главѣ ихъ стоялъ В. А. Корниловъ.

Возвратившись въ Кронштадтъ въ 1830 году и оцѣненный начальникомъ, Корниловъ, имѣя только 24 года отъ роду, былъ произведенъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ, 1831 году, назначенъ командиромъ тендера „Лебедь", на которомъ плавалъ до 1833 года, т. е. до того времени, когда Лазаревъ, назначенный начальникомъ штаба Черноморскаго флота, перевелъ Корнилова къ себѣ.

Владиміръ Алексѣевичъ явился къ новому мѣсту служенія тогда, когда часть Черноморскаго флота, подъ начальствомъ того же Лазарева, находилась у береговъ Турціи, для защиты султана, по случаю приближенія къ Константинополю возставшаго противъ него Ибраима-паши египетскаго. Корниловъ тотчасъ же отправился на одномъ изъ кораблей на соединеніе съ дѣйствующею эскадрою. Недоброжелательно смотрѣли черноморцы на „Балтійскаго выходца" и при первомъ удобномъ случаѣ спустили Корнилова на жалкое, зафрахтованное подъ войско купеческое судно. Прибывши на немъ въ Босфоръ, Корниловъ, къ немалому удивленію всѣхъ, былъ тотчасъ же назначенъ по особымъ порученіямъ къ начальнику эскадры. Съ этихъ поръ началась та безпрерывная и неутомимая дѣятельность Владиміра Алексѣевича, которая не прерывалась до самой его кончины.

Командуя поочередно бригомъ, потомъ корветомъ и наконецъ 120-ти пушечнымъ кораблемъ „Двѣнадцать Апостоловъ", Корниловъ, независимо отъ прямой своей обязанности, былъ всегда начальникомъ штаба во флотѣ, когда главный командиръ подымалъ свой флагъ. Своимъ умѣньемъ обращаться со всѣми, устранить недоразумѣнія и направить дѣло Корниловъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и скоро „флотъ уже угадывалъ въ немъ человѣка, которому предстояли важныя обязанности". За исключеніемъ командировки въ Англію, для наблюденія за постройкою нѣсколькихъ судовъ, Корниловъ постоянно находился при М. П. Лазаревѣ и дѣятельно трудился на пользу общаго дѣла. Среди прямыхъ служебныхъ занятій Корниловъ издалъ переводъ „Морской службы въ Англіи"—прекраснаго руководства для молодыхъ офицеровъ,—трудился надъ составленіемъ и провѣркою штатовъ, составилъ

новыя правила для пользованія книгами изъ Севастопольской библіотеки, и, принявши на себя обязанность секретаря-казначея, тщательно слѣдилъ за исполненіемъ этихъ правилъ.

Подготовленный такимъ образомъ по всѣмъ отраслямъ морскаго дѣла и, можно сказать, самъ шедшій во главѣ всѣхъ нововведеній и усовершенствованій, Корниловъ, вскорѣ послѣ производства въ контръ-адмиралы, былъ назначенъ въ 1849 году исправляющимъ должность начальника штаба Черноморскаго флота. Весьма понятно, что назначеніе это поставило Корнилова въ еще болѣе близкія отношенія къ М. П. Лазареву: онъ сталъ ближайшимъ помощникомъ главнаго командира и послѣ него первымъ лицомъ во флотѣ.

Самолюбивый, жаждущій почета и извѣстности, Корниловъ достигъ своихъ желаній и, съ жаромъ человѣка еще сравнительно молодаго, принялся за новую, широкую дѣятельность. Летучія эскадры, дѣйствовавшія подъ начальствомъ Корнилова въ 1848 и 1849 годахъ, показали въ немъ способности адмирала, а распоряженія по управленію флотомъ опредѣлили его знаніе, опытность и административныя способности. Словомъ сказать, Корниловъ поставленъ былъ на нѣкоторое время въ положеніе человѣка, которому не оставалось желать ничего болѣе.

Прошло два года. Владиміръ Алексѣевичъ успѣлъ побывать въ Петербургѣ, быть представленнымъ и имѣть продолжительную аудіенцію у государя императора. Въ теченіе этого времени онъ съумѣлъ заслужить репутацію дѣятельнаго и весьма полезнаго помощника главнаго командира, ощущавшаго уже тяжесть лѣтъ и нуждавшагося въ отдыхѣ. Удрученный годами и припадками смертельной болѣзни, адмиралъ Лазаревъ чувствовалъ уже бремя многосложныхъ административныхъ занятій и понемногу передавалъ ихъ въ распоряженіе Корнилова. Послѣдній, сдѣлавшись незамѣтно главнымъ распорядителемъ флота, ревниво оберегалъ свое положеніе, стараясь сохранить его за собою.

Смерть Михаила Петровича поставила Корнилова въ лихорадочное состояніе. Привыкнувшій до нѣкоторой степени къ самовластію, онъ опасался быть ограниченнымъ въ этомъ, при назначеніи новаго командира. Съ другой стороны, съ кончиною Лазарева и до назначенія ему преемника Корниловъ, какъ начальникъ штаба, былъ поставленъ въ совершенно новое положеніе: онъ сталъ лицомъ отвѣтственнымъ передъ

государемъ и Россiею. Скоро сомнѣнiя и опасенiя Корнилова разсѣялись назначенiемъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота престарѣлаго адмирала Берха. При содѣйствiи князя Меншикова, бывшаго въ то время начальникомъ главнаго морскаго штаба, Корниловъ прiобрѣлъ при новомъ главномъ командирѣ еще болѣе власти и значенiя. Всѣмъ было извѣстно, что Владимiръ Алексѣевичъ былъ правою рукою М. П. Лазарева во всемъ, чтò касалось до введенiя тѣхъ усовершенствованiй по судостроенiю, вооруженiю и корабельной морской практикѣ, которыми отличался Черноморскiй флотъ. „Сiе побуждаетъ меня думать,—писалъ кн. Меншиковъ [1]),—что пока тотъ же Корниловъ пользоваться будетъ одинаковымъ довѣрiемъ и у другаго главнаго командира, то существующiй порядокъ не только сохранится, но и въ успѣхахъ не остановится".

Дѣйствительно отличаясь самъ неутомимою дѣятельностiю, Корниловъ умѣлъ внушить своимъ подчиненнымъ любовь къ дѣлу, усердiе къ службѣ и довѣрiе другъ къ другу. Проникнутый чувствомъ высокой любви къ отечеству, онъ вселялъ то же чувство и въ своихъ подчиненныхъ. Осчастливленный вниманимiемъ монарха, Корниловъ предавался занятiямъ съ полнымъ увлеченiемъ, доводилъ ихъ до конца, но не любилъ встрѣчать преградъ и ловко расчищалъ себѣ путь, устраняя все то, что могло воспрепятствовать ему стать во главѣ Черноморскаго флота.

Какъ начальникъ штаба, онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ почти все высшее управленiе флотомъ и, по кончинѣ М. П. Лазарева, можно сказать, управлялъ имъ самостоятельно и почти независимо. Черноморцы знали, что въ Николаевѣ живетъ ихъ главный командиръ, но видѣли, что всѣ распоряженiя исходятъ отъ его начальника штаба. Кн. Меншиковъ также покровительствовалъ Корнилову и дозволилъ ему, прикрываясь своимъ именемъ, распоряжаться Черноморскимъ флотомъ почти самовластно. Надо сказать при этомъ, что Корниловъ съ большимъ искусствомъ распутывалъ тѣ нити, которыя могли привести его въ Николаевъ, на степень главнаго командира, такъ что если бы преждевременная смерть не свела его въ могилу, то нѣтъ сомнѣнiя, что онъ достигъ бы своихъ завѣтныхъ желанiй. Человѣкъ самолюбивый и самоувѣренный, Корниловъ шелъ смѣло впередъ, не останавливаясь ни передъ какими

---

[1]) Всеподд. докладъ кн. Меншикова въ августѣ 1851 г. Арх. морск. минис., дѣла Меншикова, № 287.

препятствіями; рѣшительный и храбрый, онъ, въ минуты опасности, становился еще дѣятельнѣе и казался спокойнѣе обыкновеннаго. Въ присутствіи Корнилова унынію не было мѣста; онъ всегда умѣлъ ободрить подчиненныхъ и внушить имъ увѣренность въ самихъ себя, въ свою силу и могущество. Хорошо зная все, что касалось до морской службы и до управленія флотомъ, Корниловъ пріобрѣлъ среди моряковъ такую довѣренность, что, какъ увидимъ ниже, въ минуту опасности, они, руководимые своимъ начальникомъ штаба, заслужили безсмертную славу въ исторіи русскаго народа.

Другимъ предводителемъ Черноморскаго флота и представителемъ его славы былъ вице-адмиралъ Нахимовъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ вполнѣ лихой морякъ. Это былъ человѣкъ самой чистой и свѣтлой души, горячаго и любящаго сердца, человѣкъ на удивленіе храбрый, необыкновенно дѣятельный, неограниченно преданный своему дѣлу, любившій своихъ подчиненныхъ какъ родныхъ братьевъ и дѣтей и, въ свою очередь, обожаемый ими.

Совершивъ въ молодости кругосвѣтное путешествіе, подъ начальствомъ того же М. П. Лазарева, Павелъ Степановичъ пріобрѣлъ опытъ въ морскомъ дѣлѣ, и едва только возвратился въ Россію, какъ принялъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи, за которое получилъ чинъ и орденъ св. Георгія. Скоро опытность въ управленіи кораблемъ, храбрость въ сраженіи и преданность морской службѣ обратили на себя вниманіе, и Павелъ Степановичъ, имѣя отъ роду только 24 года, былъ уже штабъ-офицеромъ. Человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ, прямой, откровенный и любящій, онъ, съ первыхъ же дней командованія отдѣльными судами, пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ.

Одною изъ самыхъ достойныхъ чертъ Павла Степановича была простота, доступность и терпѣніе, съ которымъ онъ выслушивалъ нужды своихъ подчиненныхъ. Каждый матросъ шелъ къ нему смѣло, говорилъ откровенно, случалось, просилъ и помощи. Павелъ Степановичъ никогда не отказывалъ. Получая довольно значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя очень скромно, Нахимовъ почти никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ бѣднымъ, и въ особенности на пособіе матросамъ и ихъ семействамъ. Эта заботливость о матросѣ не укрылась отъ вниманія тѣхъ, о которыхъ всю свою жизнь хлопоталъ Нахимовъ.

— Ребята! вотъ отецъ матросовъ идетъ,—говорили солдаты, завидя издали Нахимова.

Высокое уваженіе къ личности каждаго и строгое исполненіе служебныхъ обязанностей ставили Павла Степановича образцомъ для всѣхъ его подчиненныхъ.

Самъ служа примѣромъ неутомимой дѣятельности, онъ, какъ знатокъ дѣла, требовалъ того же и отъ ввѣренной ему команды. Подчиненные, видя, что Павелъ Степановичъ трудится болѣе ихъ, исполняли тяжелую работу безъ ропота, вполнѣ увѣренные, что если можно въ чемъ сдѣлать облегченіе, командиромъ не будетъ забыто. Эта любовь къ дѣлу и умѣнье внушить его своей командѣ сдѣлали Нахимова однимъ изъ лучшихъ командировъ Черноморскаго флота.

Суда, которыми командовалъ Нахимовъ, считались образцовыми; многіе офицеры пріѣзжали посмотрѣть на нихъ и поучиться чистотѣ, порядку и вооруженію. Какъ примѣрный командиръ и знатокъ дѣла, Нахимовъ пріобрѣлъ такое уваженіе со стороны своихъ сослуживцевъ, что каждый старался заслужить его похвалу или одобреніе — такъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка.

Плавая по всѣмъ морямъ двадцать два года, Павелъ Степановичъ изучилъ морское дѣло въ совершенствѣ; онъ перенесъ на морѣ всѣ роды службы, отъ простаго плаванія до громадныхъ битвъ, рѣшавшихъ судьбу народовъ. Понятпо, что, при подобной дѣятельности, Нахимовъ былъ опытнымъ наставникомъ и отличнымъ вожатымъ Черноморскаго флота. Каждый морякъ, будь то офицеръ, или матросъ, плавая подъ флагомъ Нахимова, зналъ, что начальникъ самъ зорко слѣдитъ за всѣмъ; что онъ взвѣшиваетъ каждое обстоятельство, и если рѣшится на что-либо, то съ несомнѣнною надеждою на успѣхъ. Вотъ причины, почему подчиненные Павла Степановича готовы были идти съ нимъ въ огонь и воду.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что Нахимовъ не сознавалъ своего сильнаго нравственнаго вліянія на окружающихъ; напротивъ, онъ лучше другихъ видѣлъ слѣпую преданность къ себѣ сослуживцевъ, отъ капитана до матроса, и когда встрѣтилась надобность, онъ, какъ мы видѣли, воспользовался этою преданностію самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ предварительныя распоряженія и самый ходъ Синопскаго сраженія не указываютъ ли ясно, что Нахимовъ хорошо зналъ своихъ подчиненныхъ,

былъ увѣренъ, что все приказанное имъ будетъ въ точности исполнено и что каждый твердо знаетъ свою обязанность, которую нѣтъ надобности разъяснять ни приказами, ни предписаніями. Только врожденная скромность, отсутствіе самохвальства и самоувѣренности заставляли Нахимова успѣхъ сраженія приписать не себѣ, а другому.

— Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ,—говорилъ онъ послѣ сраженія, и говорилъ это съ чистымъ убѣжденіемъ и полнымъ благоговѣніемъ къ имени человѣка, много сдѣлавшаго для Черноморскаго флота.

Дѣйствительно нельзя отрицать того, что часть Синопской славы принадлежитъ М. П. Лазареву, умѣвшему сплотить семью моряковъ въ одно цѣлое, дать имъ одну общую душу и общее стремленіе. Черноморцы составляли одно дружное общество, привыкшее къ необыкновенной дѣятельности. Въ Севастополѣ, можно сказать, жила огромная семья родныхъ братьевъ, крѣпкихъ своимъ духовнымъ родствомъ и сильныхъ своимъ единодушіемъ. Преданные одной цѣли, одному дѣлу, каждый членъ этой семьи старался перещеголять другъ друга, не изъ одного самолюбія стать выше своего товарища-сослуживца, а изъ-за того, чтобы принести наибольшую пользу службѣ и содѣйствовать улучшенію Черноморскаго флота. Подъ рукой такого опытнаго начальника, какимъ былъ адмиралъ Лазаревъ, въ Севастополѣ все такъ и кипѣло, вращалось, двигалось, и крѣпли удивительныя силы.

Тутъ люди цѣнились по заслугамъ, безспорно признаннымъ всѣми сослуживцами. Тутъ престарѣлый ветеранъ, небольшихъ чиновъ, смиренно доживающій свой вѣкъ, но принесшій пользу флоту, пользовался бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ иной чиновный любимецъ счастья, имѣющій сильныхъ покровителей. Поэтому Черноморскій флотъ былъ силенъ не одними величественными кораблями и большими пушками: — корабли гніютъ, пушки ржавѣютъ — а силенъ онъ былъ нравственною, живою силою, тѣмъ, что называлось Черноморскимъ духомъ. Этотъ духъ не зависитъ ни отъ мѣста, ни отъ времени, а зависитъ онъ отъ дружбы и единства семьи, и проявился во всемъ блескѣ тогда, когда кораблей не было, когда на стѣнахъ Севастопольскихъ храбрый матросъ сдѣлался еще болѣе храбрымъ солдатомъ.

Здѣсь все дышало отвагой и любовью къ родинѣ. Даже женщины

Севастополя, рыночныя бабы, отличались смѣлостію и сознаніемъ собственнаго достоинства. Городокъ росъ, мужалъ и выработалъ себѣ тотъ непоколебимо-стойкій характеръ, который говорилъ: меня не тронь, а тронешь, доволенъ останешься.

Будучи главнымъ военнымъ портомъ на югѣ имперіи, Севастополь былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для флота. Тамъ было прекрасное такъ называемое Лазаревское адмиралтейство, доки и водопроводъ, замѣчательные по обширности работъ, предпринятыхъ для ихъ постройки, громадности воздвигнутыхъ зданій и по чистотѣ ихъ отдѣлки. Въ Севастополѣ былъ окружной арсеналъ, дѣловые дворы, провіантскіе магазины, лабораторія, значительный складъ орудій, пороха и прочихъ припасовъ; тамъ былъ сухарный заводъ, казармы для морскихъ чиновъ и два госпиталя. Словомъ сказать, Севастополь могъ собственными средствами выпечь 86.000 пудовъ сухарей, помѣстить въ своихъ магазинахъ болѣе 92.000 четвертей хлѣба и имѣлъ помѣщеніе на 2.000 больныхъ. Въ городѣ было нѣсколько церквей и много великолѣпныхъ зданій, изъ коихъ обращали на себя вниманіе Благородное собраніе или домъ флагмановъ, театръ и зданіе морской библіотеки, особенно замѣчательное какъ по красотѣ и роскоши постройки, такъ по числу и разнообразію сочиненій. Въ Севастополѣ насчитывалось до 2.000 домовъ, почти все каменныхъ, и до 40.000 жителей, преимущественно служащихъ.

Самый городъ былъ очень красивъ и раскинутъ по обѣимъ сторонамъ Южной бухты. Вся часть города, расположенная на лѣвой или восточной части Южной бухты, называлась *Корабельною слободою*, а на правой или западной ея сторонѣ, на узкомъ и длинномъ холмѣ, идущемъ между Артиллерійскою и Южными бухтами, раскинута была амфитеатромъ *Городская сторона* или самый городъ, съ расположенною на правой, западной, окраинѣ его *Артиллерійскою слободкою*. Обѣ части города: Городская и Корабельная сообщались между собою при посредствѣ дороги, пролегавшей по мѣстности, извѣстной подъ именемъ Пересыпи, находившейся въ вершинѣ Южной бухты.

Большая часть Севастопольскихъ улицъ были не длинны, и хотя правильно расположены, но, имѣя крутые подъемы и спуски, при отсутствіи мостовыхъ, представляли неудобство въ сообщеніи. Только двѣ улицы, Екатерининская и Морская, почти параллельныя между собою, были ров-

ны, широки и, начинаясь сѣверными концами своими у Николаевской площади, тянулись вдоль всего города и сходились вмѣстѣ, въ самомъ южномъ концѣ его, у Театральной площади.

Севастополь былъ городъ исключительно военный; въ немъ находился весь Черноморскій флотъ, помѣщавшійся въ Южной бухтѣ, имѣвшей болѣе двухъ верстъ длины, отъ 100 до 200 саженъ ширины и отъ пяти до восьми саженъ глубины. Бухта эта, совершенно защищенная отъ всѣхъ вѣтровъ, представляетъ превосходную естественную гавань, въ которой военныя суда могли подходить къ самому берегу, а по своимъ размѣрамъ была съ избыткомъ достаточна для размѣщенія всѣхъ наличныхъ военныхъ судовъ.

Въ 1853—1854 годахъ въ Черноморскомъ флотѣ состояло: 15 кораблей [1]), 7 фрегатовъ [2]), 4 корвета, 12 бриговъ, 8 шкунъ, 9 тендеровъ, 2 яхты, 1 бомбарда, 1 палубный ботъ, 5 боевыхъ и 4 посыльныхъ пароходовъ, 12 большихъ и 5 малыхъ транспортовъ и 5 лоцъсудовъ,—всего 62 военныхъ судна, съ 23 транспортными и посыльными, не считая вооруженныхъ рѣчныхъ, мелкоходныхъ и портовыхъ, состоявшихъ при другихъ Черноморскихъ портахъ, число которыхъ доходило до 90 судовъ [3]).

---

[1]) Четыре корабля 120 пушечныхъ: «Двѣнадцать-Апостоловъ», «Парижъ», «Три Святителя» и «Великій Князь Константинъ»; одиннадцать кораблей 84 пушечныхъ: «Трехъ-Іерарховъ», «Гавріилъ», «Селафаилъ», «Уріилъ», «Варна», «Іегудіилъ», «Ростиславъ», «Святославъ», «Храбрый», «Чесма» и «Императрица Марія».

[2]) «Месемврія», «Мидія», «Кулевча», «Сизополь», «Коварна», «Флора» и «Кагулъ».

[3]) Головачевъ, «Исторія Севастополя», 255.

III.

Историческій ходъ вопроса по укрѣпленію Севастополя.—Состояніе укрѣпленій передъ началомъ военныхъ дѣйствій.—Появленіе непріятельскихъ пароходовъ въ виду Керчи и Өеодосіи.—Мѣры къ укрѣпленію этихъ пунктовъ.—Первыя извѣстія о намѣреніяхъ англо-французовъ высадиться въ Крыму.—Опасеніе кн. Меншикова за Севастополь.—Мѣры, принятыя имъ для усиленія обороны этого города и всего Крымскаго полуострова.—Предложеніе объ усиленіи войскъ, назначенныхъ для защиты Крымскаго полуострова.—Рескриптъ императора кн. Меншикову.—Назначеніе фельдмаршала кн. Варшавскаго главнокомандующимъ Западною и Южною арміями.—Вліяніе этого назначенія на оборону Крыма.—Снятіе гарнизоновъ среднихъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи.

Стратегическое значеніе Севастополя, сосредоточеніе въ немъ всего Черноморскаго флота и весьма значительнаго числа боевыхъ запасовъ всякаго рода требовали обезпеченія его отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній. Вопросъ объ укрѣпленіи столь важнаго порта явился съ самаго начала его основанія и шелъ, можно сказать, параллельно съ развитіемъ и расширеніемъ самаго города.

Какъ приморскій городъ и портъ, Севастополь прежде всего могъ ожидать нападенія съ моря, и потому естественно, что все вниманіе было обращено на укрѣпленіе его съ морской стороны. Такъ, одновременно съ занятіемъ Ахтьярской гавани, для защиты входа въ бухту, на обоихъ берегахъ ея, были построены сначала двѣ полевыя батареи, а впослѣдствіи число ихъ было доведено до пяти и придана имъ профиль долговременныхъ укрѣпленій.

Батареи эти, имѣя на своемъ вооруженіи не болѣе 100 орудій, конечно, не могли оказать сильнаго сопротивленія, въ случаѣ атаки значительнымъ непріятельскимъ флотомъ и потому еще въ 1806 году, главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ, маркизъ де-Траверсе, находилъ необходимымъ усилить береговую оборону Севастополя семью земляными батареями и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить городъ съ сухаго пути.

„Несчастливое положеніе Ахтьярскаго порта,—доносилъ онъ отъ 29-го марта 1806 года [1]),—много затрудняетъ въ принятіи надежнѣй-

[1]) Головачевъ, «Исторія Севастополя», 218.

шихъ мѣръ, поелику отъ Стрѣлецкой бухты и далѣе къ мысу Херсонесу, со стороны моря, непріятель можетъ имѣть покушеніе и батареи хотя охранены будутъ и съ тыла, но, по положенію мѣста, непріятель, находясь на высотѣ, всегда будетъ имѣть преимущество и командовать оными".

Всматриваясь въ положеніе города, относительно окружающей его мѣстности, маркизъ де-Траверсе находилъ необходимымъ возвести Севастополь на степень первоклассной крѣпости и предполагалъ оцѣпить городъ рядомъ долговременныхъ укрѣпленій, построивъ ихъ на тѣхъ самыхъ высотахъ и по тѣмъ линіямъ, по которымъ они были возведены впослѣдствіи, во время обороны Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ.

Предположенію маркиза де-Траверсе не суждено было осуществиться вполнѣ. Ему разрѣшено было, для защиты рейда и усиленія береговой обороны, насыпать семь земляныхъ батарей, а для защиты и обезпеченія города съ сухаго пути, построить, на Южной и Сѣверной сторонахъ рейда, только по одному сомкнутому укрѣпленію.

Такимъ образомъ на сѣверной сторонѣ города возникло такъ называемое *„Сѣверное укрѣпленіе"*, а на южной—батареи №№ 8 и 10, сохранившіяся до послѣднихъ дней обороны. Что же касается до оцѣпленія города непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій, то эту мѣру считали излишнею роскошью, такъ какъ въ укрѣпленіяхъ такого рода могла встрѣтиться необходимость въ томъ лишь случаѣ, еслибы непріятель рѣшился предпринять высадку и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ. Такое событіе въ то время считалось невозможнымъ. Не только тогда, но и незадолго до осады Севастополя, допускали возможность высадки только небольшихъ дессантовъ, съ цѣлію угрожать тылу береговыхъ укрѣпленій, когда флотъ атакуетъ ихъ со стороны моря. Высадку же такого отряда войскъ, который могъ бы дѣйствовать самостоятельно на сухомъ пути, считали дѣломъ несбыточнымъ.

Въ подтвержденіе справедливости этихъ словъ мы должны нѣсколько опередить событія.

Въ октябрѣ 1853 года, одному изъ нашихъ лучшихъ боевыхъ генераловъ было предложено [1]) представить свои соображенія относи-

---

[1]) Отношеніе воен. минис. отъ 31-го октября 1853 года № 11016.

тельно способовъ обороны прибрежья Чернаго моря отъ устья Дуная до города Керчи. Спрошенный генералъ полагалъ, что дессантъ въ Крыму можетъ быть сдѣланъ только на южномъ берегу и при томъ въ составѣ не болѣе какъ отъ 20-ти до 30 тысячъ человѣкъ. По мнѣнію его, Евпаторія не представляла никакихъ удобствъ для высадки, „вокругъ нея,—говорилъ онъ,—однѣ только степи, татарскихъ селеній очень мало и хотя евпаторійскій рейдъ довольно хорошъ, но представляетъ то неудобство, что судамъ невозможно наливаться прѣсною водою“.

Предположивши однако же, что высадка въ Евпаторіи можетъ состояться, генералъ находилъ, что движеніе непріятеля къ Севастополю будетъ крайне неудобно; ибо главныя наши силы, направившись изъ Симферополя на перерѣзъ его пути, поставятъ непріятеля въ большое затрудненіе. Изъ этого слѣдуетъ,—говорилъ онъ,—что Евпаторія не можетъ служить опорнымъ пунктомъ для дѣйствій, и потому городъ этотъ можетъ быть охраняемъ *сотнею* казаковъ. Относительно же Севастополя онъ писалъ:—„Быть можетъ, непріятель будетъ стараться высадить дессантъ, дабы дѣйствовать съ сухаго пути. Резервная бригада въ самомъ Севастополѣ, а на сѣверной сторонѣ одинъ полкъ пѣхоты, съ полевою батареею, при содѣйствіи морскаго вѣдомства, *кажется, достаточно охранили бы Севастополь*“ [1]).

Если подобный взглядъ на высадки существовалъ въ 1853 году, когда въ составъ флота давно уже были введены паровыя суда, то несправедливо было бы обвинять тѣхъ, которые не раздѣляли мнѣнія маркиза де-Траверсе о необходимости прочной обороны Севастополя съ сухаго пути.

Вопросъ этотъ долгое время оставался нерѣшеннымъ и лишь въ 1834 году, по распоряженію инженернаго департамента, былъ составленъ новый проектъ по укрѣпленію города. Проектъ этотъ частію приводился уже въ исполненіе, когда въ 1837 году императоръ Николай I, посѣтившій Севастополь и лично осмотрѣвшій окрестности города, повелѣлъ нѣсколько измѣнить предположенія инженернаго департамента, и, сдѣлавши точныя указанія на мѣстѣ, окончательно рѣшилъ вопросъ по укрѣпленію Севастополя,—какъ съ морской, такъ и

---

[1]) См. Приложеніе № 1.

сухопутной сторонъ. Тогда же рѣшено было приступить къ работамъ и начать ихъ съ береговыхъ укрѣпленій, какъ представляющихъ наибольшую важность въ защитѣ города и порта. Рядъ казематированныхъ батарей, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рейда, долженъ былъ защищать портъ съ моря.

Приближаясь къ Севастополю съ сѣверной стороны, прежде всего встрѣчалось то значительныхъ размѣровъ укрѣпленіе, которое было построено еще въ 1818 году и извѣстно подъ именемъ „Сѣвернаго“.

За Сѣвернымъ укрѣпленіемъ лежитъ севастопольскій рейдъ, а правѣе его Черное море [1]). На мысу, служащемъ какъ бы рубежемъ между моремъ и сѣвернымъ берегомъ рейда, строилась Константиновская батарея, на 94 орудія; лѣвѣе или восточнѣе ея, и на томъ же берегу, въ глубинѣ рейда—Михайловская, съ 77-ю орудіями и батарея № 4-го,—на 47-мь орудій.

Для защиты рейда съ южной стороны, на берегу Карантинной бухты, стояла, далеко выдавшаяся въ море, полуразрушенная батарея № 10-го—на 58 орудій; восточнѣе ея строились: Александровская батарея, на 56 орудій, и батарея № 8-го, которая, вмѣстѣ съ соединяющимся съ нею бастіономъ № 7-го, должны были имѣть на своемъ вооруженіи 62 орудія. По обоимъ берегамъ Южной бухты были расположены двѣ батареи: Николаевская съ 105 орудіями и Павловская съ 34 орудіями.

Этими батареями обезпечивалась безопасность Севастополя со стороны моря.

Что касается до защиты города съ сухаго пути, то, по проекту, высочайше утвержденному въ 1837 году, предположено было возвести рядъ укрѣпленій, опоясывающихъ городъ съ южной стороны.

Вся южная часть города была окружена хребтами горъ и отдѣльными возвышеніями, между которыми пролегали длинныя и глубокія балки (овраги), имѣвшія направленіе съ юга на сѣверъ. Сообразно съ положеніемъ города, относительно окружающихъ его высотъ и направленія балокъ, предполагалось построить полукругомъ восемь укрѣпленій и протянуть ихъ отъ Киленъ-бухты до Артиллерійской бухты.

---

[1]) См. Планъ укрѣпленій Севастополя.

Возлѣ самой Киленъ-бухты положено было основаніе бастіону № 1-го, а въ 260 саженяхъ правѣе на юго-западъ, обозначено мѣсто для бастіона № 2-го; еще правѣе, на высокомъ Малаховомъ курганѣ, предполагалось также устроить укрѣпленіе бастіоннаго начертанія. Западнѣе Малахова кургана, близъ вершины Южной бухты, на лѣвомъ ея берегу, на такъ называемой Бамборской высотѣ [1]), основанъ бастіонъ № 3-го, а на правомъ берегу Южной бухты на высотѣ, извѣстной подъ именемъ Бульварной—бастіонъ № 4-го. Затѣмъ, еще западнѣе, на высотѣ, лежащей между двумя балками, Городскою и Загородною, было назначено мѣсто для бастіона № 5-го, а правѣе его, въ разстояніи 500 саженъ на той же высотѣ—бастіона № 6-го; наконецъ, на самомъ берегу рейда, построенъ уже былъ бастіонъ № 7-го, примыкавшій къ береговой батареѣ № 8-го.

Такимъ образомъ четыре укрѣпленія назначались для защиты Корабельной слободы и четыре для защиты города.

Усиленныя работы по устройству береговыхъ батарей, обезпечивавшихъ портъ отъ атаки съ моря, были причиною, что постройка сухопутныхъ укрѣпленій была отложена и производилась въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ, начаты были только нѣкоторыя работы по возведенію бастіоновъ №№ 1-го, 5-го и 6-го и въ горжахъ ихъ построены оборонительныя казармы, назначенныя какъ для прикрытія укрѣпленій съ тыла, такъ и для доставленія имъ внутренней обороны;—мѣста же для остальныхъ бастіоновъ были обозначены лишь только небольшими выемками земли.

Къ концу 1852 года постройка казематированныхъ береговыхъ батарей была окончена; оставалось только вооружить ихъ и снабдить необходимыми боевыми припасами. Снабженіе это шло довольно медленно, такъ что, въ маѣ 1853 года, батареи эти еще не были совершенно готовы къ тому, чтобы встрѣтить непріятеля. Береговая батарея № 10-го находилась въ полуразрушенномъ состояніи; Павловская батарея не имѣла никакого вооруженія; во всей Севастопольской крѣпости

---

[1]) Такъ называется одна изъ высотъ, находящихся между Лабораторною балкою и Доковымъ оврагомъ; другая же высота на томъ же хребтѣ, находящаяся въ одной верстѣ отъ первой, носитъ названіе Воронцовской горы.

не было ни одной снаряженной бомбы; гарнизонная артиллерія производила практическую стрѣльбу только изъ двухъ внѣшнихъ, ближайшихъ къ морю батарей, а съ остальныхъ совсѣмъ не стрѣляли, такъ что ни угловъ возвышенія, ни величины заряда, ни дѣйствительности выстрѣловъ опредѣлено не было.

Пріѣхавшій въ Севастополь для осмотра флота князь Меншиковъ, видя совершенную беззащитность города, рѣшился, не ожидая распоряженій инспектора артиллеріи, приказать производить практическую стрѣльбу со всѣхъ батарей и бомбическихъ пушекъ. Онъ поручилъ въ то же время, находившемуся тогда въ Севастополѣ свиты его величества генералъ-маіору Баранцеву, снарядить 300 бомбъ 3-хъ пудоваго калибра и безотлагательно вооружить Павловскую батарею какими-нибудь орудіями, хотя бы и не тѣхъ калибровъ, которые назначены по положенію [1]. „D'ailleurs—прибавлялъ князь Меншиковъ [2],—ce que j'ai ordonné n'est qu'un à-compte à ce qu'il aurait encore à faire pour compléter les moyens défensifs [3])".

Въ іюнѣ въ Севастополь пріѣхалъ начальникъ штаба инспектора артиллеріи генералъ-адъютантъ Безакъ, имѣвшій порученіе осмотрѣть крѣпости по берегу Чернаго моря и на мѣстѣ привести въ исполненіе программу Ученаго артиллерійскаго комитета, относительно новаго вооруженія крѣпостей. Программа эта, по мнѣнію князя Меншикова, ни къ чему другому не стремилась, какъ только къ тому, чтобы лишить Севастополь всѣхъ средствъ защиты въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ мѣсяцевъ. „Этого нельзя считать благоразумнымъ,—писалъ онъ [4],—въ эпоху, когда эскадры двухъ морскихъ державъ находятся въ такомъ положеніи, что черезъ пять или шесть дней могутъ явиться передъ Севастополемъ. Я не говорю, чтобы это было вѣроятно (que cela soit probable,) но въ случаѣ войны считаю это дѣло возможнымъ".

---

[1]) Отношеніе князя Меншикова воен. минис. 21-го мая № 367. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 1-й.

[2]) Письмо его же воен. минис. отъ 21-го мая. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[3]) Впрочемъ, то, что я приказалъ, составляетъ только часть того, что нужно еще сдѣлать, чтобы пополнить оборонительныя средства.

[4]) Въ письмѣ князю Долгорукову отъ 6-го іюля 1853 года изъ Одессы. Военн.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

Эта возможность и заставляла князя Меншикова настаивать на скорѣйшемъ вооруженіи приморскихъ батарей и фортовъ.

Осматривая Сѣверное укрѣпленіе, князь Меншиковъ замѣтилъ трудность опредѣленія разстояній по глазомѣру, и, имѣя въ виду, что всѣ суда, входящія на рейдъ, должны неизбѣжно слѣдовать по створной линіи, или въ недальнемъ отъ нея разстояніи—приказалъ генералъ-маіору Баранцеву провести на фортахъ *сигнальныя линіи*. Эти линіи, обозначавшія пересѣченіемъ своимъ со створною линіею время вступленія судовъ въ сферу прицѣльнаго дѣйствія крѣпостныхъ орудій—были зачаткомъ идеи о сосредоточенной стрѣльбѣ изъ орудій.

Такія сигнальныя линіи были проведены на батареяхъ № 10-го, Александровскомъ и Константиновскомъ фортахъ и обозначались желѣзною полосою съ двумя вертикальными шпилями. Полоса эта была накрѣпко утверждена на кронѣ бруствера [1]).

Осмотрѣвши укрѣпленія и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, князь Меншиковъ уѣхалъ изъ Севастополя, гдѣ благодаря его указаніямъ и дѣятельности генерала Баранцева все приводилось въ нѣкоторый порядокъ. Въ іюлѣ на Павловской батареѣ стояли уже всѣ 34 орудія различныхъ калибровъ [2]), но такъ какъ для дѣйствія изъ орудій, поставленныхъ на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, не доставало артиллерійской прислуги, то пришлось образовать особыя команды, которыя и обучались дѣйствію при орудіяхъ [3]). Команды эти были сформированы изъ полковъ 13-й пѣхотной дивизіи, изъ мастеровыхъ и рабочихъ экипажей, большею частію изъ мастеровыхъ, незнакомыхъ вовсе съ орудіями и ихъ употребленіемъ. Заботясь о скорѣйшемъ ихъ обученіи, князь Меншиковъ приказалъ откинуть всѣ уставныя формальности и ограничиться выполненіемъ самыхъ простыхъ дѣйствій. По наставленію, составленному самимъ княземъ, они обучались дѣйствію изъ орудій по самымъ простымъ приказаніямъ: *подай*, *братецъ*, *вложи*, *братецъ*,

---

[1]) Рапортъ ген.-маіора Баранцева воен. минис. отъ 20-го августа 1853. № 124. Арх. канц. воен. минис., д. № 1-й. Желающіе ближе познакомится съ подробностями проведенія сигнальныхъ линій найдутъ ихъ въ выше приведенномъ донесеніи.

[2]) Рапортъ его же военному министру 26-го іюля 1853 года № 114. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 1.

[3]) Рапортъ его же, отъ 13-го августа № 121-й, тамъ же.

пали, братецъ! Различіе снарядовъ и пріученіе прислуги отличать одинъ снарядъ отъ другаго также объяснялось самымъ незатѣйливымъ образомъ, по способу, предложенному П. С. Нахимовымъ. Такъ солдату говорили, что ядро—*хлѣбъ, булка*, а граната или бомба—*пирогъ съ начинкой* [1]).

Вся команда нижнихъ чиновъ, такимъ образомъ обученныхъ, была впослѣдствіи распредѣлена по береговымъ батареямъ Севастополя, въ помощь четыремъ съ половиною ротамъ гарнизонной артиллеріи, составлявшимъ только одну четвертую часть того числа людей, которые необходимы были для дѣйствія изъ орудій. Изъ 2.708 человѣкъ, составлявшихъ общую потребность для всѣхъ батарей, до трехъ четвертей и именно 2 тысячи человѣкъ, было собрано изъ разныхъ командъ и обучено настолько, что они едва только могли зарядить орудіе и выстрѣлить.

Между тѣмъ соображая на мѣстѣ всѣ обстоятельства касательно вооруженія севастопольскихъ батарей, князь Меншиковъ и генералъ Безакъ признали необходимымъ принять скорѣйшія мѣры къ усиленію защиты постройкою нѣсколькихъ новыхъ укрѣпленій. Предположенія этихъ лицъ, разсмотрѣнныя въ инженерномъ департаментѣ и одобренныя государемъ императоромъ, повелѣно было привести немедленно въ исполненіе, подъ руководствомъ князя Меншикова, который въ то же время былъ назначенъ командующимъ войсками, находившимися въ губерніяхъ Таврической и части Херсонской, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Буга [2]). Князю Меншикову было разрѣшено теперь распоряжаться самостоятельно и укрѣплять Севастополь, по своему усмотрѣнію, не испрашивая каждый разъ особыхъ разрѣшеній. На первый же разъ ему поручено позаботиться обо усиленіи обороны слѣдующими мѣрами: въ батареѣ № 10, части, примыкающія къ горжѣ, усилить палисадомъ во рву; вооружить Сѣверное укрѣпленіе, докончить недостроенные въ немъ люнеты и возвести новые, согласно съ указаніями императора въ 1837 году. Для защиты южной части города съ сухаго пути,

---

[1]) П. Бабенчиковъ: «Атака Севастополя» и проч. Мат., вып. III, 331.

[2]) Указъ Сенату отъ 19-го ноября 1853 года. Одновременно съ этимъ все прибрежье Чернаго моря: область Бессарабская, губерніи: Херсонская и Таврическая были объявлены состоящими на военномъ положеніи.

находящіяся вблизи его бухты: Казачью, Камышевую, Круглую или Песчаную и Стрѣлецкую прикрыть временными батареями; при селеніи Учкуй, на сѣверномъ берегу Севастополя, устроить также временную батарею, другое такое же укрѣпленіе поставить по дорогѣ къ Бельбеку, для прегражденія непріятелю доступа къ господствующей высотѣ [1]).

Предположенія эти еще не достигли до Севастополя, когда Корниловъ, производя маневры примѣрной атаки и обороны съ моря, замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста рейда остаются необстрѣленными съ нашихъ батарей; что непріятельскій флотъ, расположившись на этихъ мѣстахъ, можетъ громить городъ и укрѣпленія, не подвергаясь самъ дѣйствію выстрѣловъ.

Для устраненія этого недостатка немедленно приступлено было къ постройкѣ трехъ новыхъ земляныхъ батарей: двухъ на сѣверной сторонѣ рейда и одной на южной. Экипажи съ кораблей „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Парижъ“ строили двѣ первыя батареи, и экипажъ съ корабля „Святославъ“—третью на южной сторонѣ рейда. По именамъ кораблей и самыя батареи названы *Двѣнадцати-Апостольскою, Парижскою* и *Святославскою*.

Расположенная противъ устья Киленъ-бухты, *Двѣнадцати-Апостольская* батарея была вооружена 20 орудіями; лѣвѣе или восточнѣе ея, на выдавшемся впередъ мысѣ сѣвернаго берега рейда была устроена *Парижская* батарея, на 22 орудія, и наконецъ по южную сторону рейда, и на западномъ берегу Киленъ-бухты, была воздвигнута *Святославская* батарея на 17 орудій.

Батареи эти строились изъ приносной земли и несмотря на всѣ затрудненія, неразлучныя съ осеннимъ и зимнимъ временемъ года, 6-го января 1854 года были освящены и салютовали при обычномъ освященіи знаменъ на Екатерининской пристани. Съ окончаніемъ этихъ батарей все вниманіе и заботы кн. Меншикова обращены были на исправленіе и усиленіе батареи № 10-го. Выдавшись впередъ, батарея эта, долженствовавшая прежде другихъ встрѣтить непріятеля, не имѣла вовсе тыльной обороны и стояла одиноко, въ положеніи далеко не оконченномъ. Сколько ни хлопоталъ кн. Меншиковъ о скорѣйшемъ исправленіи и

---

[1]) Отношеніе военнаго министра князю Меншикову 21-го ноября 1853 года № 7183. Арх. канц. воен. минис. по описи 1-го стола 1854 года, дѣло № 10-й а.

вооруженіи этой батареи, но работы шли весьма медленно, по причинѣ наступившей распутицы. Земля, растворенная дождями, служила большимъ препятствіемъ успѣху работъ, и, въ концѣ января 1854 года, батарея № 10-го находилась еще, можно сказать, въ полуразрушенномъ состояніи. „Pour vous donner,—писалъ кн. Меншиковъ военному министру кн. Долгорукову [1]), une idée de l'état ou se trouvait cet ouvrage, je vous dirai que j'y suis entré à cheval avec les officiers qui me suivaient traversant fossé et parapet“ [2]).

Медленность, съ которою производились работы, и незначительность войскъ, бывшихъ въ распоряженіи кн. Меншикова, имѣвшаго только до 8.000 человѣкъ, ставили его въ весьма затруднительное положеніе. Хотя на усиленіе боевыхъ средствъ Крыма и обѣщано было двинуть 16-ю пѣхотную дивизію, но до ея прибытія—которое могло быть не ранѣе мая мѣсяца—вся надежда на защиту города и порта опиралась исключительно на Черноморскомъ флотѣ, который дѣятельно готовился къ встрѣчѣ непріятеля.

Въ городѣ и по берегу моря, до мыса Лукулла, устраивались телеграфы и были разставлены пикеты, для наблюденія за приближавшимися судами; установлены особые ночные и дневные сигналы. На крайнія къ морю батареи, Константиновскую, № 10-го и Александровскую назначены флотскіе офицеры, которые, дежуря тамъ днемъ и ночью, обязаны были слѣдить за судами, идущими къ городу, останавливать ихъ и въ случаѣ подозрѣнія опрашивать.

Севастопольское адмиралтейство приняло самый оживленный видъ: оно превратилось въ огромный муравейникъ, въ которомъ дѣятельность не прекращалась ни днемъ, ни ночью; одни рабочіе смѣняли другихъ, чинили корабли, и, исправленные, они выходили на рейдъ одинъ за другимъ.

Въ то время, когда портъ неусыпно трудился, кн. Меншиковъ, при неутомимомъ содѣйствіи вице-адмирала Корнилова, принималъ всѣ необходимыя предосторожности и обдумывалъ мѣры къ огражденію Сева-

---

[1]) Отъ 20-го января 1854 г. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 60.

[2]) Чтобы дать вамъ понятіе о состояніи, въ которомъ находится эта работа, скажу, что я съ офицерами, меня сопровождавшими, въѣхалъ въ укрѣпленіе на лошади, переправившись черезъ ровъ и брустверъ.

стополя отъ нечаяннаго нападенія. Для этого приказано было снять вѣхи со взморья, закрыть створные маяки хворостомъ и раздѣлить рейдъ на внѣшній и внутренній, поставивши поперекъ его бонъ, назначенный для Южной бухты. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые корабли приготовлены были къ снятію съ якоря и могли, по первому требованію, выйдти въ море. Всему флоту приказано быть постоянно готовымъ на случай тревоги; экипажамъ, бывшимъ по разнымъ случаямъ на берегу, при общей тревогѣ указаны мѣста, на которыхъ они должны были собираться, имѣя нижнихъ чиновъ въ полной походной аммуниціи, съ ружьями и положеннымъ числомъ патроновъ въ сумахъ. Для обученія командъ какъ на судахъ, такъ и на батареяхъ производилась нѣсколько разъ пробная стрѣльба и ежедневно артиллерійское ученье [1]).

Обезпеченіе города отъ нападенія съ сухопутной стороны также не было забыто, хотя надо сознаться, что всѣ предпринятыя мѣры были сравнительно ничтожны. Въ то время Севастополь защищался только нѣсколькими оборонительными казармами и прикрывался немногими оборонительными стѣнками. Отсутствіе укрѣпленій, которыя можно бы было вооружить орудіями, заставило кн. Меншикова просить о скорѣйшей присылкѣ къ нему 6-го саперного батальона [2]) и о доставленіи нѣсколькихъ крѣпостныхъ ружей, чтобы организовать послѣдними хотя нѣкоторую защиту города съ сухаго пути, а впослѣдствіи употреблять ихъ для обороны тѣхъ пунктовъ, куда не могутъ быть направлены выстрѣлы изъ орудій.

Въ ожиданіи присылки этихъ ружей, по распоряженію Корнилова, для усиленія сухопутной обороны было приказано, имѣвшіеся на судахъ на случай дессанта, десять 10-ти фунтов. горныхъ единороговъ свезти на берегъ. Командиру 34-го флотскаго экипажа, капитану 1-го ранга Варницкому поручено сформировать изъ этихъ единороговъ, по образцу полевыхъ пѣшихъ батарей, особую батарею, которая и получила названіе *морской подвижной батареи*. Расположенная на южной сторонѣ города, батарея эта должна была дѣйствовать въ тѣхъ мѣстахъ,

---

[1]) Жандръ, «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и проч.», 109—126.

[2]) Батальону этому приказано было выступить немедленно, и онъ долженъ былъ прибыть 10-ю или 15-ю днями ранѣе назначеннаго времени. Письмо кн. Долгорукова кн. Меншикову отъ 16-го февраля. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

гдѣ укажетъ надобность. Независимо отъ этого, все носившее на себѣ отпечатокъ военнаго званія было призвано къ защитѣ города и вооружено. По приказанію кн. Меншикова были розданы ружья всѣмъ нестроевымъ командамъ, госпитальной прислугѣ, даже музыкантамъ и писарямъ всѣхъ вѣдомствъ. Всѣ они, составляя особый отрядъ, подъ командою старшаго адъютанта, лейтенанта Обезьянинова, должны были собираться на Театральной площади. Впослѣдствіи для образованія резерва были сформированы изъ матросовъ эскадра гребныхъ судовъ и два дессантныхъ батальона. Эти послѣдніе предназначались для отраженія непріятеля въ случаѣ высадки.

Хотя въ январѣ мѣсяцѣ нельзя было ожидать рѣшительнаго нападенія на Севастополь, но, по мнѣнію кн. Меншикова, можно было предполагать, что, пользуясь темнотою ночи, союзники попробуютъ сдѣлать „внезапную и дерзкую съ пароходовъ высадку въ Карантинной бухтѣ съ цѣлію овладѣть батареею № 10-го изъ одной только наглости....“.

„Но съ началомъ весны,—писалъ онъ далѣе [1]),—когда минуетъ періодъ равноденственныхъ бурь, т. е. въ мартѣ и въ апрѣлѣ, до прибытія сюда 16-й пѣхотной дивизіи,—которой головной батальонъ вступаетъ лишь 3-го мая,—Севастополь можетъ быть дѣйствительнѣе потревоженъ непріятелемъ, ежели онъ возъимѣетъ намѣреніе произвесть нападеніе совокупно и съ моря судами и съ берега—дессантомъ, для овладѣнія батареями“.

Въ такомъ случаѣ отраженіе могло потребовать тѣмъ большихъ усилій, что гарнизонъ по необходимости долженъ былъ раздѣлиться на двѣ части: сѣверную и южную, не имѣющихъ между собою никакихъ сообщеній. Оставаясь безъ взаимнаго подкрѣпленія, и при ограниченной численности войскъ, бывшихъ въ Севастополѣ, каждый изъ отрядовъ долженъ былъ быть слабѣе того, который могъ быть высаженъ непріятельскимъ флотомъ.

„Предполагая,—доносилъ кн. Меншиковъ,—что нападающая эскадра будетъ состоять изъ 16 кораблей и 12 пароходовъ и фрегатовъ, и принимая въ разсчетъ, что каждый корабль можетъ употребить на высадку

---

[1]) Всепод. донесеніе князя Меншикова отъ 21-до января 1854 г. № 233. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

до 200 человѣкъ и болѣе, а каждый фрегатъ и пароходъ до 100 человѣкъ и болѣе—весь дессантъ составится изъ 4.400 человѣкъ, къ которымъ могутъ быть присовокуплены и турецкіе батальоны.

„Непріятеля я выставляю здѣсь потому въ такой численности, что предполагаю въ немъ намѣреніе уничтожить нашъ флотъ, которое онъ конечно и имѣетъ и слѣдовательно для достиженія этой цѣли употребитъ безъ сомнѣнія наибольшую часть наличныхъ своихъ средствъ“.

Въ ожиданіи такого нападенія, кн. Меншиковъ двинулъ въ Севастополь изъ Бахчисарая четвертый батальонъ Волынскаго пѣхотнаго полка, съ легкою № 3-го батареею 14-й артиллерійской бригады и возвратилъ назадъ слѣдовавшій въ Θеодосію Черноморскій линейный батальонъ [1]).

Считая Карантинную бухту наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для высадки непріятеля, князь Меншиковъ не могъ не заботиться объ окончаніи и вооруженіи ближайшей къ ней батареи № 10-го. Къ этому времени съ восточной стороны этого укрѣпленія было пристроено два капонира, и сверхъ того, для обстрѣливанія самой бухты, поставленъ блокшифомъ старый корветъ „Орестъ“, на которомъ помѣщена карантинная стража, обученная дѣйствію изъ орудій [2]).

Между тѣмъ 19-го января въ виду Θеодосіи появились два французскіе и два англійскіе парохода. Пробывъ полчаса внѣ пушечнаго выстрѣла, они отправились къ югу, откуда пришли. Подойти къ Керчи они не имѣли возможности, ибо Керченскій заливъ такъ сильно замерзъ, что черезъ него перегнали гуртъ скота изъ Черноморья въ Крымъ [3]).

Появленіе этихъ пароходовъ и въ слѣдъ за тѣмъ сообщенное газетами извѣстіе о приготовленіи для дессанта 20 т. человѣкъ во Франціи и пяти полковъ въ Англіи произвели между жителями всеобщую панику. Опасаясь высадки, прибрежное населеніе, въ особенности женщины, стали оставлять край [4]). Въ Крыму проявилось лихорадочно-безпокойное

---

[1]) Батальонъ этотъ прибылъ въ Севастополь 10-го февраля. Арх. деп. Генер. штаба 1-го отд., дѣло № 52.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 21-го января 1854 г. № 235. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

[3]) То же отъ 21-го января № 236.

[4]) Письмо кн. Меншикова къ Долгорукову отъ 28-го января 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254.

движенiе; всѣ начинали вѣрить, что союзники имѣютъ рѣшительное намѣренiе атаковать насъ на берегахъ Тавриды. Въ этомъ убѣждало многихъ приготовленiе экспедицiоннаго корпуса и осмотръ пароходами Ѳеодосiйскаго рейда, который, по мнѣнiю самого князя Меншикова, представлялъ „всевозможныя удобства для высадки войскъ“ и, послѣ Севастополя, былъ лучшимъ пунктомъ для якорной стоянки на всемъ протяженiи Крымскихъ береговъ.

Чтобы сколько-нибудь обезпечить какъ этотъ рейдъ, такъ и Керченскiй проливъ отъ непрiятельскаго вторженiя, командующiй войсками въ Крыму, еще въ концѣ 1853 года, признавалъ необходимымъ устроить въ Ѳеодосiи и Керчи, по одной или по двѣ батареи, но заявлялъ, что къ возведенiю ихъ не имѣетъ никакихъ средствъ [1]). Ему предложено было употребить для этого военно-рабочiя роты инженернаго вѣдомства и 6-й саперный батальонъ, направленный въ Крымъ. Масса работъ въ Севастополѣ и позднее прибытiе сапернаго батальона не дозволили привести въ исполненiе предлагаемой мѣры, и кн. Меншиковъ ограничился отправленiемъ въ Ѳеодосiю свиты его величества генералъ-маiора Баранцева, съ порученiемъ удостовѣриться на мѣстѣ, гдѣ и какъ удобнѣе устроить батареи въ Ѳеодосiи и возможно ли возобновить Павловскую батарею въ Керчи.

По полученiи удовлетворительнаго отвѣта, въ Керчь и Ѳеодосiю было отправлено по одному инженерному офицеру, которымъ поручено, для работъ по возведенiю укрѣпленiй, употреблять въ Керчи мѣстныхъ арестантовъ, а въ Ѳеодосiи нижнихъ чиновъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизiи [2]).

Благодаря содѣйствiю городскаго населенiя и частныхъ пожертвованiй [3]), Павловская батарея въ Керчи и батарея въ Ѳеодосiи въ февралѣ мѣсяцѣ были уже готовы.

---

[1]) Отношенiе кн. Меншикова воен. минист. 12-го ноября 1853 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4279.

[2]) Отношен. кн. Меншикова кн. Долгорукову 26-го декабря 1853 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4279.

[3]) Въ Керчи купеческiй сынъ Гущинъ доставилъ для Павловской батареи на свой счетъ хворостъ и фашины. Въ Ѳеодосiи городской голова Григорiй Вейсъ, бывшiй виртембергскiй уроженецъ, а теперь подданный Россiи, доставилъ

Обезпеченіе Керчи и Ѳеодосіи отъ непріятельскихъ покушеній не имѣло, конечно, столь большой важности, какъ обезпеченіе Севастополя, и потому, въ огражденіе его отъ всѣхъ случайностей, кн. Меншиковъ еще усилилъ себя войсками. Онъ перевелъ въ Севастополь одинъ батальонъ Минскаго полка и предполагалъ ввести внутрь Крыма одинъ гусарскій полкъ [1]) съ конною батареею, изъ числа расположенныхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи, а другой полкъ приблизить къ Перекопу. Мѣры эти кн. Меншиковъ признавалъ однако же далеко недостаточными для обезпеченія Севастополя.

„Я очень озабоченъ моимъ положеніемъ,—писалъ онъ кн. Долгорукову [2]),—съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что союзники Турціи дѣйствительно приготовляютъ экспедиціонные корпуса, въ пять или шесть разъ сильнѣйшіе тѣхъ, которые я могу имъ противопоставить здѣсь, прежде нескораго прибытія 16-й пѣхотной дивизіи... Черезъ шесть недѣль мы будемъ имѣть прекрасную погоду, которая, въ 10 или 12 дней плаванія, можетъ привести изъ Тулона въ Крымъ 20 т. французовъ, сосредоточенныхъ для всѣхъ случайностей на Востокѣ. Я надѣюсь, что этого не будетъ, но надежда не есть еще увѣренность, такъ какъ только въ половинѣ мая ко мнѣ придутъ подкрѣпленія“.

Въ Петербургѣ сознавали какъ затруднительность положенія кн. Меншикова, такъ и опасность, угрожавшую Крыму.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 г., въ военномъ министерствѣ получены были довольно вѣрныя свѣдѣнія, что въ Парижѣ и Лондонѣ уже рѣшено предпринять экспедицію въ Крымъ и произвести высадку недалеко отъ Севастополя, съ тѣмъ чтобы атаковать его укрѣпленія съ тыла [3]). Цѣль Англіи и Франціи въ предстоящей кампаніи—говорилось въ другихъ

на свой счетъ всѣ рабочіе инструменты и матеріалы: сырцовый кирпичъ, колья, хворостъ, двери съ приборомъ, шесть ядрокалительныхъ желѣзныхъ решетокъ и нанималъ вольныхъ каменщиковъ, которымъ заплатилъ болѣе 125 руб. «По выраженію Григорія Вейсъ,—доносилъ генералъ Жабокритскій князю Меншикову,—онъ жертвуетъ это для блага новаго отечества, гдѣ нашелъ спокойный пріютъ и средство къ трудамъ, которыми пріобрѣлъ нынѣшнее свое состояніе».

[1]) Второй бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи.

[2]) Отъ 27-го января 1854 года, тамъ же.

[3]) Письмо кн. Долгорукова кн. Меншикову 18-го февраля. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 60.

вслѣдъ за тѣмъ доставленныхъ извѣстіяхъ,—состоитъ въ томъ, „чтобы, отдѣливъ отъ Россіи Кавказскія провинціи, передать ихъ потомъ Турціи и Персіи и, тѣмъ самымъ увеличивъ владѣнія этихъ державъ, поставить ихъ въ возможность сопротивляться Россіи. Англія и Франція положили во что бы то ни стало покорить Крымъ, чтобы уничтожить могущество Россіи на Черномъ морѣ. Двадцать тысячъ турокъ, 15 т. французовъ и 5 т. англичанъ въ непродолжительномъ времени высадятся для овладѣнія крѣпостями этой провинціи. Если не возможно будетъ тамъ удержаться, то разрушатъ Севастополь, Каффу (Ѳеодосію) и всѣ русскія учрежденія на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей“ [1]).

Хотя фактическаго разрыва еще не было, но Франція и Англія считали этотъ вопросъ конченнымъ и ожидали только удобнаго случая и благовиднаго предлога, для формальнаго объявленія войны Россіи. Продолжавшіеся переговоры были только ширмами, за которыми скрывались истинныя намѣренія и дѣлались всѣ необходимыя военныя приготовленія. Въ Парижѣ и Лондонѣ вся дипломатическая переписка съ намѣреніемъ оттѣнялась такими штрихами, которые, не обѣщая примиренія, втягивали союзниковъ на тотъ враждебный путь къ Россіи, съ котораго уже не было возврата. Обѣ державы шли по этому пути охотно, рука объ руку, хотя съ различными видами и желаніями. Наполеонъ III,—желая отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ и заставить ихъ забыть переворотъ 2-го декабря,—день, когда Франція, какъ онъ самъ выражался, дала себѣ императора,—видѣлъ въ войнѣ съ Россіею упроченіе своей власти и сохраненіе трона; англичане же—ослабленіе Россіи и усиленіе своего могущества на морѣ.

Англійскій историкъ Крымской войны, г. Кинглэкъ, не скрываетъ того, что его соотечественники, смотря на Севастополь, не могли примириться съ тою мыслію, что севастопольскій рейдъ и его батареи вполнѣ защищаютъ русскій флотъ отъ выстрѣловъ англійскихъ кораблей. Истребленіе этого флота съ его огромными запасами и вмѣстѣ съ нимъ уничтоженіе могущества Россіи на Черномъ морѣ—составляло искреннѣйшее желаніе каждаго изъ жителей Великобританіи. Высадка въ Крыму и овладѣніе Севастополемъ являлись естественною цѣлью пред-

---

[1]) Извѣстія, достав. кн. Горчакову воен. министромъ отъ 13-го февраля. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3323 ч. I.

стоявшихъ военныхъ дѣйствій. Наиболѣе распространенная въ Англіи газета „Times“ давно и во всеуслышаніе трубила объ этомъ, во всѣхъ закоулкахъ своего отечества, подготовляя и направляя общественное вниманіе на этотъ уголокъ Россіи.

Голосъ наиболѣе распространенной англійской газеты былъ принятъ во Франціи съ тѣмъ сочувствіемъ и предупредительностію, которыми обыкновенно отличается человѣкъ, заискивающій у другаго. Какъ бы въ подтвержденіе единомыслія союзниковъ, въ одномъ изъ нумеровъ „Journal des débats“ явилось довольно подробное, и, надо сказать, довольно вѣрное описаніе Севастопольскихъ укрѣпленій, какъ береговыхъ, такъ и сухопутныхъ [1]).

Вскорѣ послѣ того, назначенный главнокомандующимъ англійскихъ войскъ лордъ Рагланъ отправился во Францію для окончательныхъ совѣщаній и обсужденія плана дѣйствій. Утромъ 16-го (28-го) февраля въ Парижѣ былъ собранъ большой военный совѣтъ, на которомъ присутствовали многіе французскіе генералы и начальники отдѣленій военнаго министерства. Шумное засѣданіе продолжалось около трехъ часовъ, предлагалось на обсужденіе много проектовъ, но наконецъ большинство членовъ совѣта одобрили планъ кампаніи маршала Вальяна, предлагавшаго открыть военныя дѣйствія одновременно на сѣверѣ у Выборга и на югѣ—въ Черномъ морѣ.

По мнѣнію Вальяна, прежде всего необходимо было овладѣть Крымомъ и для того высадить двѣ дивизіи въ Перекопѣ, чтобы отрѣзать сообщеніе полуострова съ материкомъ и не дозволить нашимъ подкрѣпленіямъ явиться на помощь гарнизону Севастополя, который долженъ быть осажденъ всѣми соединенными флотами Англіи и Франціи, при первомъ открытіи военныхъ дѣйствій. Второй пунктъ для высадки одной дивизіи назначался въ Анапѣ и третій—въ окрестностяхъ Поти, для дѣйствій въ Азіатской Турціи.—Всѣ резервы экспедиціонной арміи предполагалось сосредоточить въ Варнѣ и частію въ Адріанополѣ для прикрытія столицы султана [2]).

---

[1]) Отношеніе воен. министра кн. Меншикову 20-го февраля № 130. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 60.

[2]) Воен.-Учен. арх., дѣло № 3323 ч. I.

Вполнѣ одобривъ этотъ планъ, лордъ Рагланъ заявилъ, что готовъ его исполнить, когда наступитъ время, и уѣхалъ въ Лондонъ. Союзники стали дѣятельно готовиться къ экспедиціи, приглашая и отыскивая повсюду всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя бывали въ Крыму и могли доставить имъ свѣдѣнія о полуостровѣ, или же быть проводниками въ окрестностяхъ Севастополя [1]).

Приготовленія шли настолько успѣшно, что недѣли черезъ три союзники надѣялись отплыть въ Турцію. „Dans trois semaines,—телеграфировалъ одинъ изъ нашихъ посланниковъ [2]),—les anglo-français débarqueront en Turquie, et alors la guerre nous sera déclarée. Ces troupes ne formeront 40 mille hommes que quinze jours plus tard. Leur principal objet sera de nous enlever la Crimée par une opération de terre et de mer“ [3]).

Въ виду того, что вмѣстѣ съ объявленіемъ войны англо-французы могутъ явиться у Крымскихъ береговъ, гдѣ кн. Меншиковъ съ своими незначительными силами будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе, было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ направленіи въ Крымъ изъ Одессы и Николаева резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи.

„Считаю нужнымъ тебя увѣдомить, любезный Меншиковъ,—писалъ императоръ въ собственноручномъ письмѣ отъ 10-го февраля [4]),—что я приказалъ, для скорѣйшаго усиленія способовъ обороны Крыма, направить къ тебѣ сейчасъ всю резервную бригаду 14-й дивизіи. Желаю, чтобъ ты назначилъ ее собственно для обороны Кинбурна и Севастополя, съ тѣмъ чтобъ въ случаѣ нужды, и до прихода 16-й дивизіи, ты

---

[1]) Un ingénieur polonais,—говорилось въ извѣстіяхъ, доставленныхъ $^1/_{13}$ февраля 1854 года,—détenu longtemps à Sébastopol, comme le disent les feuilles anglaises, a été engagé à bord de l'éscadre anglaise. Un M-r Elcock, qui doit avoir servi en Russie et connaître Sébastopol comme ses poches, a été placé comme ingénieur en chef à bord de l'un des vapeurs de la flotte. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3323.

[2]) Отъ 25-го февраля (9-го марта). Тамъ же дѣло № 4253 ч. II.

[3]) Черезъ три недѣли англо-французы высадятся въ Турціи, и тогда война будетъ намъ объявлена. Эти войска составятъ 40 тысячъ человѣкъ только черезъ 15 дней. Ихъ главная цѣль будетъ захватить Крымъ дѣйствіемъ со стороны моря и съ сухаго пути.

[4]) Арх. канц. военн. минис., дѣло № 60.

могъ бы употребить 1-ю бригаду 14-й дивизіи для полевыхъ дѣйствій внѣ Севастополя, въ особенности для занятій тѣснинъ, ведущихъ отъ Ѳеодосіи, во внутрь края, въ тылу Севастополя.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ елико возможно ускорить приходъ хотя части 16-й дивизіи, я приказалъ головной бригадѣ слѣдовать на подводахъ, что̀, надѣюсь, ускоритъ ея прибытіе почти двумя недѣлями, т. е. что прибыть могутъ къ 15-му апрѣля.

„Атаки или форсированія входа въ Севастополь съ моря—не опасаюсь, и почти что желаю, ибо надѣюсь на милость Божію, что отобьемся славно.

„Не думаю, чтобъ и высадка вблизи Севастополя была опасна, ибо другаго къ сему мѣста не знаю, какъ по дорогѣ въ Бахчисарай, подъ высотой, гдѣ „Сѣверное укрѣпленіе". Да и тутъ надо будетъ подыматься на высоту и брать штурмомъ укрѣпленіе, что̀ даромъ не обойдется.

„Гораздо опаснѣе высадка въ Ѳеодосіи или у Алушты, ибо, ежели не остановить непріятеля въ дефиляхъ, онъ можетъ безпрепятственно взять рейдъ въ тылъ, и флотъ нашъ безъ дѣйствія пропадетъ.

„Потому полагаю, что надо будетъ всѣми силами стараться воспрепятствовать, ежели не самой высадкѣ, то по крайней мѣрѣ слѣдованію чрезъ дефиле, на Симферополь и далѣе къ Акерману.

„Но ежели и сіе не удастся, тогда надо рѣшиться сейчасъ флотъ вывесть въ море, и, обогнувъ юго-западный мысъ Крыма, хотя съ неравными силами, идти атаковать флоты у Ѳеодосіи, *на смерть или побѣду*.

„Лучше погибнуть въ бою съ честью, чѣмъ дать себя сжечь въ гавани безъ боя. Богъ милостивъ; можетъ быть, и мы побѣдимъ, хотя и съ жестокой потерей. При чемъ не надо забывать, что ежели дессантъ будетъ исполненъ, и корпусъ, его исполнившій, углубится въ край, то врядъ-ли полагать можно, чтобъ флотъ смѣлъ далеко удалиться отъ мѣста высадки, и вѣроятно мы застигнемъ его или въ Ѳеодосіи, или близъ оной въ морѣ.

„Разсуди и рѣши, какъ за лучшее найдешь, но я свое мнѣніе тебѣ высказалъ... Богъ съ тобой, обнимаю, а героямъ нашимъ мой поклонъ и благословеніе на новую славу".

Предполагая, что въ случаѣ выхода нашего флота въ море, князь Меншиковъ самъ отправится вмѣстѣ съ нимъ, императоръ находилъ необходимымъ назначить ему помощника, который, во время отсутствія командующаго войсками, въ Крыму, могъ бы принять на себя сухопутную оборону Крымскаго полуострова. Онъ предполагалъ назначить въ распоряженіе кн. Меншикова только-что поступившаго вновь на службу генерала-отъ-инфантеріи, кн. П. Д. Горчакова.

На запросъ кн. Меншикову, желаетъ ли онъ имѣть кн. Горчакова своимъ помощникомъ, свѣтлѣйшій отвѣчалъ, что будетъ весьма доволенъ видѣть его у себя, такъ какъ признаетъ князя Горчакова наиболѣе способнымъ передъ всѣми корпусными командирами, ибо онъ практически знакомъ и съ артиллерійскимъ и инженернымъ искусствомъ [1]).

Между тѣмъ получивши вышеприведенный рескриптъ императора, князь Меншиковъ, на слѣдующій день, получилъ письмо военнаго министра, въ которомъ кн. Долгоруковъ писалъ, что государь императоръ приказалъ остановить движеніе въ Крымъ резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи, послѣ переговоровъ съ вызваннымъ въ Петербургъ изъ Варшавы фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ [2]).

Двусмысленная политика Австріи и возможность скораго разрыва съ этою державою заставляли наше правительство принять мѣры къ защитѣ западныхъ границъ Имперіи отъ покушеній новыхъ враговъ и въ то же время обезпечить отъ нападенія тѣхъ же австрійцевъ тылъ и фланги южной арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ. Сосѣдственное положеніе двухъ армій южной и западной или дѣйствующей и необходимость взаимной поддержки другъ другу привели къ мысли, что, для единства и лучшаго направленія военныхъ дѣйствій, полезно соединить въ одномъ лицѣ начальство надъ обѣими арміями.

Такимъ лицомъ былъ избранъ кн. Варшавскій.

Боевая репутація фельдмаршала, его опытность и огромное довѣріе къ нему императора ставили князя Варшавскаго въ совершенно исклю-

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 4-го марта 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[2]) Письмо кн. Долгорукаго кн. Меншикову отъ 11-го февраля 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

чительное положеніе, выдѣляющее его изъ ряда всѣхъ остальныхъ государственныхъ людей того времени. Высказанные имъ взгляды на военныя событія не требовали тѣхъ вѣсскихъ доказательствъ и подтвержденій, которыхъ требовали отъ другихъ; его мнѣнія считались непогрѣшимыми, всѣ требованія исполнялись съ особою предупредительностію и съ убѣжденіемъ, что они необходимы для общей пользы.

Принимая званіе главнокомандующаго надъ двумя арміями, растянутыми вдоль границъ отъ Рижскаго залива на Балтійскомъ морѣ и до устья Буга на Черномъ, Паскевичъ понималъ всю трудность лежащей на немъ обязанности. Опасаясь на закатѣ своей жизни потерять всю свою боевую славу, пріобрѣтенную въ предшествовавшихъ кампаніяхъ, онъ считалъ себя въ правѣ предложить такія условія и заявить такія требованія, которыя могли бы дать ему нѣкоторый залогъ въ успѣхѣ предстоящихъ дѣйствій. Руководимый этою идеею, фельдмаршалъ видѣлъ опасность только тамъ, гдѣ самъ командовалъ войсками; онъ видѣлъ ее на юго-западной нашей границѣ, со стороны Австріи, и не признавалъ важности другихъ пунктовъ обороны. Опасаясь, что къ началу мая Австрія объявитъ намъ войну, Паскевичъ находилъ необходимымъ ввести въ царство Польское какъ можно болѣе войскъ [1]).

— Война съ Австріей неизбѣжна,—часто повторялъ фельдмаршалъ,—а если она будетъ, то австрійцы возьмутъ насъ въ тылъ.

Имѣя громадное вліяніе на всѣхъ окружающихъ, Паскевичъ скоро убѣдилъ въ справедливости своихъ доводовъ и, за тѣмъ, стараясь присоединить къ себѣ всѣ войска, которыя оказывались до нѣкоторой степени свободными, просилъ отмѣнить отправленіе 17-й дивизіи на Кавказъ и резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи—въ Севастополь, считая присутствіе ея въ Одессѣ болѣе нужнымъ, чѣмъ въ Крыму.

„Мнѣ эта перемѣна не очень нравится,—писалъ императоръ въ собственноручной запискѣ военному министру князю Долгорукову [2]),—но чтобы не противорѣчить князю въ его соображеніяхъ, я согласенъ отмѣнить первыя распоряженія, и тогда резервная бригада 14-й дивизіи останется въ Одессѣ и Николаевѣ, о чемъ сдѣлать распоряженіе и увѣдомить Меншикова, сказавши и причину“.

---

[1]) Арх. канц. воен. минис., дѣло № 60.

[2]) Арх. канц. воен. минис., дѣло 1853 г. № 60.

Недѣлю спустя князю Меншикову было сообщено [1]), что и 16-я пѣхотная дивизія также будетъ направлена не въ Крымъ, а въ Николаевъ, и что взамѣнъ ея будутъ присланы въ Крымъ вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи, остановленная въ окрестностяхъ Бахмута, и двѣ легкія батареи 17-й артиллерійской бригады, находившіяся около Ростова [2]).

Причиною такой перемѣны былъ тотъ же князь Варшавскій. „Le marechal,—писалъ военный министръ князю Меншикову [3]),—veut tout prendre, pour augmenter le nombre des troupes qui se trouvent sous son commandement [4])“.

Опасеніемъ видѣть непріятеля то въ Одессѣ, то въ устьѣ Днѣстра, то наконецъ въ Анапѣ мотивировалась эта перемѣна, и князь Меншиковъ оставленъ былъ безъ серьезныхъ подкрѣпленій до болѣе опредѣленнаго разъясненія дѣла.

„Напередъ надо,—писалъ императоръ [5]),—чтобъ двуличность Австріи прояснилась, равномѣрно, чтобъ открылось, куда будутъ направлены дѣйствія англичанъ и французовъ. Слухи разны, но наиболѣе упоминается о намѣреніи сдѣлать высадку у Сухумъ-Кале, у Анапы и въ Крыму, въ тылъ Севастополю. Все это возможно, но ежели все это дѣлать будутъ разомъ, то они нигдѣ сильны не будутъ. Говорятъ, что будто и на устье Днѣстра и въ Одессу есть намѣреніе“.

Высадка въ Анапѣ и Сухумъ-Кале, или вообще въ другомъ какомъ-либо пунктѣ Кавказскаго берега Чернаго моря, особенно безпокоила наше правительство и внушала опасеніе за Черноморскую береговую линію, которая могла быть поставлена въ безвыходное положеніе нападеніемъ съ двухъ сторонъ: со стороны моря,—англо-французскимъ флотомъ и съ сухаго пути—скопищами горцевъ, подговариваемыхъ турками къ единодушному возстанію и совокупному дѣйствію.

---

[1]) Письмо кн. Долгорукова кн. Меншикову 25-го февраля. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[2]) Арх. департ. Генер. штаба по I отд., дѣло № 56.

[3]) Отъ 1-го марта. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[4]) Фельдмаршалъ желаетъ все взять, чтобы увеличить число войскъ, находящихся подъ его начальствомъ.

[5]) Кн. Горчакову отъ 24-го февраля (8-го марта) 1854 г. Арх. канц. воен. министер., дѣло № 60.

Съ самаго начала несогласій нашихъ съ Портою, турецкое правительство употребляло всѣ свои усилія къ тому, чтобы возмутить противъ Россіи кавказскихъ горцевъ и уговорить ихъ произвести единодушное вооруженное возстаніе. Посланные одинъ за другимъ являлись на восточномъ берегу Чернаго моря, возбуждая черкесъ къ возстанію и обѣщая имъ помощь трехъ союзныхъ державъ.

Подговоры эти не прошли безслѣдно.

Магометъ-Аминь, захватившій тогда власть въ свои руки почти во всемъ Закубаньѣ, повѣстилъ горцевъ, чтобы они собирались въ походъ и были готовы, въ числѣ до 30 т. человѣкъ, напасть на наши прибрежныя укрѣпленія, съ первымъ появленіемъ, въ виду этихъ укрѣпленій, иностранныхъ судовъ для дѣйствія со стороны моря.

Такимъ образомъ положеніе гарнизоновъ Черноморской береговой линіи становилось крайне затруднительнымъ. Поставленные въ два огня, не имѣющіе сухопутныхъ сообщеній и разобщенные другъ съ другомъ, малочисленные гарнизоны этихъ укрѣпленій могли держаться только до израсходованія провіанта, бывшаго въ запасѣ. Но и при этомъ оставаясь безъ улучшенной пищи, при тамошнемъ климатѣ, должны были подвергнуться сильному развитію цинготной болѣзни, не говоря уже о томъ, что, при паденіи или сдачѣ, подвергались жестокой смерти со стороны горцевъ.

Съ появленіемъ англо-французскаго флота въ виду кавказскихъ береговъ, спасеніе укрѣпленій Черноморской береговой линіи становилось невозможнымъ. Нашъ флотъ, по необходимости запертый тогда въ Севастополѣ, не могъ оказать помощи гарнизонамъ этихъ укрѣпленій, изъ которыхъ почти всѣ, начиная отъ Геленджика и до границы Абхазіи, не имѣли никакого отступленія. Блокируя Севастополь и нашъ Черноморскій флотъ, союзникамъ достаточно было одного турецкаго флота для того, чтобы уничтожить береговыя укрѣпленія и захватить въ свои руки ихъ гарнизоны.

Въ виду столь опаснаго положенія береговой линіи, начальникъ ея, вице-адмиралъ Серебряковъ, въ январѣ 1854 года отправился въ Севастополь, чтобы лично доложить кн. Меншикову отъ угрожающей ей опасности. Въ Севастополѣ онъ нашелъ весь флотъ нашъ въ сборѣ и въ готовности на случай разрыва съ Франціею и Англіею. Построенныя

въ боевой порядокъ, военныя суда никуда не выходили изъ бухты, и кн. Меншиковъ признавалъ весьма опаснымъ выслать въ море хотя часть флота, изъ боязни, чтобы объявленіе войны съ западными державами не застало наши суда въ такомъ положеніи, изъ котораго они не успѣютъ отступить въ Севастополь.

Заботясь о сохраненіи въ цѣлости морскихъ силъ нашихъ, дающихъ намъ значительный перевѣсъ надъ турками и господство на Черномъ морѣ, кн. Меншиковъ отказалъ въ просьбѣ вице-адмирала Серебрякова усилить эскадру, крейсирующую на восточномъ берегу моря и состоящую изъ двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ. Случайности войны могли лишить насъ этихъ судовъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, но потеря эта не могла быть особенно важною для нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ; добавленіе же къ нимъ другихъ военныхъ судовъ и потеря ихъ могла быть весьма чувствительна.

„Съ величайшимъ уваженіемъ,—доносилъ вице-адмиралъ Серебряковъ [1]), — къ мнѣнію адмирала князя Меншикова, основанному на важнѣйшей необходимости сохранить для Россіи одинъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ ея силы—Черноморскій флотъ, котораго лишить насъ можетъ быть только и выжидаютъ удобнаго случая враждебныя намъ державы, я, какъ частный начальникъ, долгомъ считаю, однакоже, почтительнѣйше доложить вашему сіятельству, что ввѣренная мнѣ линія, при слабыхъ морскихъ средствахъ, находится въ печальномъ положеніи“.

Безвыходное положеніе, въ которое могли быть поставлены гарнизоны, по недостатку продовольствія, заставляло вице-адмирала Серебрякова просить объ уничтоженіи нѣкоторыхъ среднихъ укрѣпленій и снятіи съ нихъ гарнизоновъ до объявленія войны западнымъ державамъ; тѣмъ болѣе, что съ началомъ военныхъ дѣйствій они оказывались совершенно безполезными.

Владѣя пространствомъ вокругъ себя не далѣе пушечнаго выстрѣла, среднія укрѣпленія были основаны не для содержанія въ нашей власти морскаго берега, но какъ опорные пункты для гребной Азовской флотиліи. Съ потерею нашимъ флотомъ господства на Черномъ морѣ, прекраща-

---

¹) Кн. Воронцову отъ 9-го января 1854 г. № 1. Арх. канц. воен. минис. по секретн. части по описи 1853 г. дѣло № 60.

лось наше крейсерство вдоль восточнаго берега, какъ военныхъ судовъ, такъ и лодокъ, слѣдовательно, и самыя укрѣпленія теряли всякое значеніе. При такомъ положеніи дѣла, существовали ли эти укрѣпленія или нѣтъ, ни для насъ, ни для непріятеля не могло быть никакой разницы въ общемъ ходѣ войны, но для насъ было весьма важно снять гарнизонъ, число котораго простиралось до четырехъ батальоновъ отличныхъ войскъ, могущихъ принести большую пользу въ другомъ мѣстѣ.

Совсѣмъ другое значеніе имѣли фланги береговой линіи: Анапа, Новороссійскъ, Геленджикъ и Сухумъ-Кале. Утвердясь въ нихъ, непріятель пріобрѣталъ существенную пользу для веденія войны. Съ занятіемъ сѣверной оконечности, т. е. Анапы, Новороссійска и Геленджика, непріятель получалъ въ свое распоряженіе двѣ хорошія бухты, въ которыхъ его суда въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ въ году имѣли бы хорошую якорную стоянку, вблизи Крымскаго берега. Отсюда союзники могли угрожать хлѣбородному прибрежью Азовскаго моря, поддерживать войсками дѣйствія горцевъ противъ Черноморіи; возмущая крымскихъ татаръ и угрожая ежеминутнымъ вторженіемъ въ Крымъ и прекращеніемъ сообщенія Грузіи съ внутренними областями Россіи, — держать наши войска въ постоянно напряженномъ состояніи. Съ другой стороны, паденіе Сухума передавало во власть непріятеля рейдъ, удобный для зимовки флота, и возможность изъ Абхазіи вторгнуться въ Гурію и Имеретію. Паденіе этихъ пунковъ, давая огромныя преимущества непріятелю, заставляло насъ защищать ихъ до послѣдней крайности, но за то мы имѣли полную возможность безъ всякаго ущерба уничтожить и снять гарнизоны съ среднихъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи.

Поручивъ защиту Сухумъ-Кале войскамъ Кавказской арміи, государь императоръ возложилъ оборону сѣверныхъ пунктовъ и защиту всего Азовскаго прибрежья на наказнаго атамана войска Донскаго генерала-отъ-кавалеріи Хомутова. Ему тогда же подчинены были на правахъ командира отдѣльнаго корпуса вся Черноморія, сѣверная часть Черноморской береговой линіи до Геленджика, Екатеринославская губернія, Таганрогское градоначальство и правый флангъ Кавказской линіи, со всѣми войсками, тамъ расположенными. Возлагая оборону этой мѣстности преимущественно на казаковъ, императоръ повелѣлъ сформировать нѣсколько новыхъ полковъ и батарей и приготовить призывъ на службу всѣхъ способныхъ носить оружіе.

Хомутовъ сформировалъ 29 полковъ и 5 конныхъ батарей, часть которыхъ была оставлена въ резервѣ, а остальные расположены на всемъ протяженіи отъ Таврической губерніи до Таманскаго округа, при чемъ два полка отправлены были на правый флангъ Кавказской линіи.

Распорядившись такимъ образомъ относительно защиты прибрежья Азовскаго моря и фланговъ Черноморской береговой линіи, правительство осталось при убѣжденіи о безполезности среднихъ ея укрѣпленій и вполнѣ соглашалось съ мнѣніемъ вице-адмирала Серебрякова о необходимости уничтожить укрѣпленія и снять ихъ гарнизоны.

Князь Меншиковъ и намѣстникъ Кавказа князь Воронцовъ раздѣляли также это мнѣніе, но оба устраняли себя отъ этого дѣла. Кн. Воронцовъ находилъ, что всѣ мѣры для снятія этихъ укрѣнленій должны быть „совершенно чужды отъ здѣшняго управленія и отъ войскъ здѣшняго корпуса“. Кн. Меншиковъ объявилъ вице-адмиралу Серебрякову, что для снятія укрѣпленій не могутъ быть назначены никакія изъ военныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ, которыя были въ распоряженіи Серебрякова. Послѣднихъ же было недостаточно для выполненія столь труднаго предпріятія и къ тому же въ зимнее время. Снимая гарнизоны по одиночкѣ, мы подвергались опасности понести большія потери отъ горцевъ, а снимать по нѣскольку вдругъ можно бы только при большемъ числѣ судовъ. Сверхъ того въ зимнее время бываетъ немного дней удобныхъ для амбаркаціи войскъ и нагрузки судовъ на открытыхъ рейдахъ, слѣдовательно, предпріятіе это могло протянуться неопредѣленное время, а каждая потерянная минута могла быть невознаградимою.

Съ одной стороны безполезность среднихъ укрѣпленій и возможность „*варварской*“, какъ выразился кн. Воронцовъ, потери гарнизона, а съ другой малая вѣроятность въ какомъ бы то ни было успѣхѣ обороны, побудили императора, несмотря на зимнее время, приказать снять гарнизоны и уничтожить среднія укрѣпленія. Исполненіе этого предпріятія все-таки поручено было кн. Меншикову.

„Войди въ сношеніе съ Серебряковымъ,—писалъ ему императоръ— которые изъ фортовъ береговой линіи признаетъ онъ *менѣе вреднымъ* бросить? Исполнить это можно только тѣми судами, которыя у него въ распоряженіи, и наймомъ хотя малыхъ каботажныхъ судовъ въ Керчи и

Азовскомъ морѣ, съ тѣмъ чтобы спасти *только* людей, заклепавъ или бросивъ въ море орудія, ежели ихъ увезти нельзя, а лафеты, снаряды и прочее, что̀ спасти нельзя, сжечь и подорвать. Людей же перевозить куда легче и ближе въ Сухумъ ли или Новороссійскъ. Жаль людей дать на пропажу, когда ихъ спасти можно. Что условишься съ Серебряковымъ, о томъ меня сейчасъ увѣдомь".

Употребивъ для этой цѣли военныя суда, находившіеся у Сухума, кн. Меншиковъ, для скорѣйшаго исполненія порученія, отправилъ въ помощь къ нимъ три парохода изъ Севастополя, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова. 27-го февраля Панфиловъ находился въ Новороссійскѣ, гдѣ и присоединились къ нему нѣсколько судовъ Сухумской эскадры подъ начальствомъ контръ-адмирала Вукотича.

Въ Черномъ морѣ свирѣпствовали сильныя бури, по всему прибрежью продолжались еще морозы, а глубокіе снѣга препятствовали всякой растительности, которая обыкновенно въ это время тамъ развивается. Въ горахъ чувствовался большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и потому на линіи было все спокойно, хотя и слѣдовало предполагать, что при очищеніи укрѣпленій горцы станутъ преслѣдовать отступавшихъ.

Жестокость погоды была причиною, что экспедиція эта была долго задержана въ Новороссійскѣ и Геленджикѣ, и наконецъ 3-го марта эскадра выступила въ составѣ семи пароходовъ, буксировавшихъ пять траспортовъ и нѣсколько гребныхъ судовъ.

Слѣдуя вдоль Кавказскаго берега, эскадра оставляла суда у каждаго укрѣпленія, для пріема гарнизоновъ. Подойдя къ Навагинскому укрѣпленію, наши моряки замѣтили два непріятельскихъ парохода: одинъ французскій, а другой англійскій. Нагрузка была тотчасъ же пріостановлена, эскадра приготовилась къ бою, но непріятель прошелъ мимо, и посадка на суда продолжалась.

Союзные пароходы, слѣдуя также вдоль Кавказскаго берега, на высотѣ бывшаго Вельяминовскаго укрѣпленія остановили транспортъ „Бзыбь", къ которому подъѣхали два непріятельскихъ офицера.

— Какіе пароходы видѣли мы у Навагинскаго укрѣпленія?—спросили они у командира транспорта лейтенанта 44-го экипажа Чебышева.

— Русскіе, военные,—отвѣчалъ тотъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— Тамъ адмиралъ, и онъ мнѣ не сообщаетъ своихъ намѣреній.

— Вы или черкесы уничтожаютъ укрѣпленія?

— Мы.

— Отчего вы ихъ уничтожаете?

— Оттого что такъ приказано.

— Гдѣ вашъ флотъ?

— Не знаю, но полагаю, что въ морѣ и близко.

Послѣ такихъ отвѣтовъ спрашивавшіе удалились, и 5-го марта вся эскадра совершено безпрепятственно прибыла въ Новороссійскъ, гдѣ и высадила на берегъ 3.849 человѣкъ [1]).

Бури и непогоды воспрепятствовали контръ-адмиралу Вукотичу снять вмѣстѣ съ другими гарнизонъ укрѣп. св. Духа. Вукотичъ былъ отнесенъ къ берегамъ Крыма, такъ что для снятія его былъ отправленъ вторично флигель-адъютантъ полковникъ Сколковъ, который по доставленіи его въ Новороссійскъ, въ числѣ 438 душъ обоего пола, былъ тотчасъ же отправленъ княземъ Меншиковымъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о благополучномъ окончаніи столь труднаго предпріятія [2]).

Семейства офицеровъ и нижнихъ чиновъ, снятыхъ съ покинутыхъ фортовъ, находились въ самомъ крайнемъ положеніи относительно средствъ къ жизни и не имѣли ничего въ прямомъ смыслѣ этого слова. Они были немедленно отправлены въ Крымъ, вмѣстѣ съ семействами офицеровъ Новороссійскаго и Геленджикскаго гарнизоновъ.

„Вчера прибылъ Сколковъ—писалъ императоръ [3])—и обрадовалъ меня вѣстью о благополучно совершенномъ вывозѣ гарнизоновъ бере-

---

[1]) Именно: Навагинскаго 2 роты 8-го бат. съ разночинцами 869 человѣкъ; Головинскаго 1 рота 7-го бат. съ разночинцами 420 челов.; Лазарева 3 роты 7-го бат. съ разночинцами 700 челов.; Вельяминовскаго 2 рот. 6-го бат. съ разночинцами 820 челов.; Тенгинскаго 2 рот. 6-го бат. съ разночинцами 620 челов.; Новотроицкаго 1 рот. 5-го бат. съ разночинцами 420 человѣкъ.

[2]) Донесен. кн. Меншикова государю императору, отъ 24-го февраля, 4-го и 13-го марта за №№ 272, 279 и 280. Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 4251.

[3]) Въ собственноручномъ рескриптѣ кн. Меншикову отъ 23-го марта 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи 1853 г., дѣло № 60.

говой линіи. Душевно благодарю тебя, любезный Меншиковъ, за твое дѣятельное содѣйствіе спасенію сихъ несчастныхъ; теперь, кажется, можно быть спокойнымъ за Геленджикъ, Новороссійскъ и подавно за Анапу. Входя въ положеніе семействъ сихъ гарнизоновъ, посылаю деньги кн. Гагарину [1]), чтобы ихъ обезпечить на первый разъ, но надо будетъ Пестелю [2]) приказать расквартировать ихъ по Крыму, гдѣ удобнѣе, и обезпечить существованіе на принятомъ основаніи для всѣхъ семействъ солдатскихъ и офицерскихъ".

Съ упраздненіемъ части береговой линіи прибавилось около четырехъ тысячъ человѣкъ отличнаго войска, усилившаго наши боевыя средства между Геленджикомъ и Кубанью.

Въ концѣ апрѣля былъ доставленъ въ Керчь и гарнизонъ, снятый съ укрѣпленія Гагры.

Укрѣпленіе Гагры закрывало собою единственное ущелье, чрезъ которое можно было проникнуть съ сѣвера въ Абхазію. Хотя пунктъ этотъ былъ весьма важенъ, но, въ виду его изолированнаго положенія и немногочисленнаго гарнизона, рѣшено было его также оставить, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Аминь собиралъ всѣ силы черкесъ и даже исправлялъ дорогу, чтобы легче было проникнуть въ это укрѣпленіе. Посылка военныхъ судовъ для снятія Гагринскаго гарнизона была не возможна, такъ какъ они легко могли быть отрѣзаны непріятелемъ. Въ это время въ Керчи замѣтно было большое движеніе среди грековъ, которые, руководимые чувствомъ патріотизма, вооружили изъ своей среды до 300 человѣкъ и предоставили ихъ въ распоряженіе правительства. Одинъ изъ грековъ, по имени Фотья, явился къ керчь-еникольскому градоначальнику князю Гагарину, съ предложеніемъ дозволить ему снять гарнизонъ Гагры. За Фотью ухватились какъ за спасительный якорь и обѣщали ему за то деньги.

— Это за деньги не дѣлается,—отвѣчалъ Фотья.

Ему обѣщали тогда награду.

---

[1]) Керчь-еникольскій градоначальникъ. По приказанію императора было отправлено въ распоряженіе кн. Гагарина 10 т. руб. сер.

[2]) Таврическій губернаторъ.

— Еслибъ Богъ послалъ мнѣ,—говорилъ Фотья,—спасти 500 человѣкъ, то что можетъ быть лучше этой награды.

Объявивши своей командѣ, что идетъ въ Гагры спасать гарнизонъ, Фотья заявилъ, что самъ лично отказался отъ денегъ, обѣщанныхъ правительствомъ, но предоставляетъ командѣ получить ихъ, если желаетъ. Восторженные греки отказались даже и отъ жалованья за все время плаванія.

Въ среду на Пасхѣ 14-го апрѣля, Фотья вышелъ въ море, благополучно совершилъ свое путешествіе, снялъ гарнизонъ со всѣми его пожитками, помѣстилъ на суда часть пороха и снарядовъ и возвратился въ Керчь. Входя въ проливъ, Фотья, въ пылу восторга, поднялъ на своихъ судахъ всѣ флаги, какіе только у него были: русскій, греческій, іонійскій, и сталъ салютовать. Кордонные казаки, не распознавшіе флаговъ, дали знать въ Керчь, что къ городу приближается непріятель. Поднялась тревога, но скоро дѣло разъяснилось, и жители съ восторгомъ встрѣтили Фотью и всю его команду [1]). На слѣдующій день Фотью данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ наказной атаманъ войска Донскаго генералъ-отъ-кавалеріи Хомутовъ, и восторгу грековъ не было предѣловъ......

IV.

Прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Франціею и Англіею.—Отплытіе на Востокъ экспедиціоннаго корпуса англо-французовъ.—Затруднительность положенія кн. Меншикова.—Недостаточность войскъ для обороны Крыма.—Работы по возведенію укрѣпленій на Сѣверной и Южной сторонахъ Севастополя.—Постройка батареи Карташевскаго и башни Волохова.—Расположеніе войскъ, назначенныхъ для защиты Крымскаго полуострова.—Готовность жителей содѣйствовать оборонѣ.—Рескриптъ императора.—Объявленіе войны Франціи и Англіи.—Появленіе союзной эскадры въ виду Севастополя, Ѳеодосіи, Керчи и Анапы.—Устройство саперной дороги и башни на Малаховомъ курганѣ.—Мѣра по оборонѣ Керченскаго полуострова.

Манифестомъ 9-го (21-го) февраля 1854 года было объявлено о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею. Хотя война и не была еще объявлена, но лишь только

---

[1]) Изъ письма В. Княжевича отъ 29-го апрѣля 1854 г.

наши посольства оставили Парижъ и Лондонъ, какъ въ Петербургѣ узнали объ отплытіи на востокъ экспедиціоннаго корпуса англо-французовъ.

Нашъ консулъ въ Мальтѣ доносилъ, что 28-го февраля (12-го марта) прибыло туда много войскъ; что ожидаютъ прибытія втораго эшелона; что число прибывшихъ доходитъ до 25 т. человѣкъ и что французское интендантство заготовило для себя около 42.250 четвертей зерноваго хлѣба и дѣлаетъ еще новыя закупки [1]. По свѣдѣніямъ, полученнымъ съ разныхъ сторонъ, подтверждалось, что союзники намѣрены были сдѣлать высадку на Крымскомъ берегу, съ цѣлью атаковать Севастополь съ сухаго пути. Не ограничиваясь этимъ, они въ то же время думали занять Перекопскій перешеекъ и, сильно укрѣпившись на немъ, учредить тамъ опорный пунктъ, изъ котораго можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать къ западу,—на Прутъ, и къ востоку—на Анапу. Занятіе Перекопскаго перешейка, прекративши сухопутное сообщеніе Крыма съ внутренними губерніями Россіи, облегчило бы союзникамъ предпріятіе противъ Севастополя.

Дѣйствія эти могли открыться въ самомъ непродолжительномъ времени. Предлагая намъ очистить Придунайскія княжества: Франція 3-го (15-го) апрѣля, а Англія—къ 18-му (30-му) апрѣля, морскія державы объявили, что неисполненіе этого предложенія они сочтутъ равносильнымъ объявленію войны [2]. Такъ какъ на подобное требованіе рѣшено было отвѣчать отказомъ, то и надо было предполагать, что союзники откроютъ непріязненныя противъ насъ дѣйствія ранѣе назначеннаго ими срока. Въ виду этого наше правительство признало необходимымъ разрѣшить всѣмъ начальникамъ прибрежныхъ укрѣпленій, въ случаѣ появленія англо-французскаго флота и вообще военныхъ судовъ этихъ націй на выстрѣлъ отъ одного изъ прибрежныхъ укрѣпленій, открывать по нимъ огонь „хотя бы онѣ съ перваго раза и не приступали къ военнымъ дѣйствіямъ“ [3].

---

[1]) Арх. морскаго министерства по канцеляріи, дѣло № 13271.

[2]) Письмо кн. Долгорукаго кн. Меншикову 5-го марта 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по I отд., дѣло № 1.

[3]) Отнош. воен. минис. кн. Меншикову 9-го марта № 254. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4269.

*

Между тѣмъ дошедшій до Петербурга планъ дѣйствій союзниковъ былъ столь обширенъ, что для защиты всѣхъ тѣхъ пунктовъ Крыма, въ которыхъ они предполагали сдѣлать высадки, необходима была весьма значительная армія, располагавшая многочисленною кавалеріею и артиллеріею. Въ распоряженіи же князя Меншикова, на всемъ Крымскомъ полуостровѣ было 17-ть батальоновъ пѣхоты и 16-ть эскадроновъ кавалеріи. Съ такою горстью ничего нельзя было предпринять кромѣ защиты Севастополя; остальное прибрежье полуострова оставалось вовсе безъ обороны. Хотя на усиленіе боевыхъ средствъ Крыма и была направлена вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи, но прибытіе восьми баталіоновъ все-таки не могло значительно облегчить тяжелое состояніе князя Меншикова.

„Ваше положеніе ужасно трудно, — писалъ ему военный министръ,—но я надѣюсь, что съ помощію Божіею и при вашемъ талантѣ вы выйдете изъ него съ честью и славою“.

„Да, — отвѣчалъ князь Меншиковъ, — dans ce moment je ne peux que dire: fais ce que dois, arrive que pourra“ [1]).

Придерживаясь этой поговорки, оставалось, не обращая вниманія на беззащитность прочихъ пунктовъ Крымскаго полуострова, защищать только одинъ Севастополь, какъ пунктъ наиболѣе важный.

Князь Меншиковъ такъ и сдѣлалъ.

Съ прибытіемъ въ Севастополь 6-го сапернаго баталіона, онъ приступилъ къ постройкѣ укрѣпленій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Изъ всѣхъ полковъ и пѣхотныхъ командъ, находившихся въ городѣ, были назначены нижніе чины для работъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи и на бастіонахъ №№ 5-го и 6-го; въ то же время около тысячи человѣкъ матросовъ, собранныхъ съ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ, были употреблены на работы по возведенію укрѣпленій въ глубинѣ Южной бухты.

Въ Сѣверномъ укрѣпленіи строился редюитъ, но и съ окончаніемъ его предстояли еще значительныя земляныя работы, для возвышенія

---

[1]) Письмо кн. Долгорукаго кн. Меншикову 18-го февраля. Отвѣтъ кн. Меншикова 13-го марта. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I. «Въ настоящій моментъ я могу только сказать: дѣлай, что должно дѣлать, случись, что можетъ случиться».

двухъ полигоновъ западной стороны, черезъ которые на ружейный выстрѣлъ видна была вся внутренность укрѣпленія.

Климатическія условія не содѣйствовали успѣху работъ. Стояла такая дурная погода, какой не запомнятъ старожилы. Въ концѣ марта весна еще не показывалась; безпрерывные дожди смѣнялись морозами, растительности не было, и животныя умирали отъ истощенія. Въ Севастополѣ мясо сдѣлалось рѣдкостью и очень дорого, а овощей вовсе не было; въ продолженіе двухъ дней князь Меншиковъ не могъ достать ничего съѣстнаго для своего стола [1]). Офицеры терпѣли во всемъ большой недостатокъ и не могли разсчитывать на скорое удешевленіе продуктовъ, такъ какъ дороги были весьма дурны.

За недостаткомъ рабочихъ, работа подвигалась медленно, туго, и къ довершенію всего въ Сѣверномъ укрѣпленіи обвалилась часть эскарповой стѣны, вѣроятно отъ давленія присыпаннаго парапета.

На южной сторонѣ города работы шли нѣсколько успѣшнѣе. Тамъ бастіонъ № 4-го подымался быстрѣе другихъ и когда пришлось ставить на немъ орудія, то запасы сухопутнаго вѣдомства оказались далеко недостаточными. Чтобы не останавливать работъ по вооруженію вновь возводимыхъ построекъ, князь Меншиковъ принужденъ былъ всю линію укрѣпленій, охватывающихъ городъ съ южной стороны, раздѣлить на двѣ части и поручить вооруженіе ихъ двумъ различнымъ вѣдомствамъ. Одна часть, заключавшая въ себѣ пространство отъ бастіона № 7-го до городскаго оврага, была поручена сухопутному вѣдомству, а другая—отъ городскаго оврага до Киленъ-бухты—Черноморскому флоту.

Орудія, находившіяся въ арсеналѣ морскаго вѣдомства, не имѣли ни станковъ, ни принадлежности, и потому на бастіонъ № 4-го были поставлены пушко-карронады съ корвета „Пиладъ“.

Несмотря на то бастіоны №№ 4-го и 6-го можно считать самими капитальными сооруженіями того времени, тогда какъ остальныя противу-поставляемыя непріятелю преграды имѣли характеръ временныхъ построекъ и состояли преимущественно изъ различнаго рода стѣнокъ,

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 21-го марта.

сложенныхъ изъ плитняка частію насухо, частію на глинѣ и съ весьма незначительною высотою [1]).

Хотя непрочность этихъ укрѣпленій и малая профиль обусловливалась свойствомъ грунта, преимущественно скалистаго и покрытаго тонкимъ слоемъ земли, которую приходилось приносить издали, но князь Меншиковъ былъ недоволенъ размѣрами вновь строившихся укрѣпленій. Онъ справедливо находилъ, что лучше имѣть ихъ менѣе по числу, но прочнѣе по постройкѣ. Власть корпуснаго командира, которою облеченъ былъ князь Меншиковъ, не давала ему права вмѣшиваться въ дѣла инженеровъ и руководить ими. „Вы себѣ представить не можете,—писалъ онъ князю Горчакову [2]),—какую борьбу долженъ я выдерживать съ инженерами, строющими мнѣ укрѣпленія, едва достаточныя, чтобы прикрыть двѣнадцатилѣтняго ребенка“.

Вскорѣ въ Сѣверномъ укрѣпленіи обвалилась еще часть эскарповой стѣны, и самое укрѣпленіе, похожее болѣе на развалины, могло оказать весьма слабое содѣйствіе въ оборонѣ впереди лежащей мѣстности.

За исключеніемъ Сѣвернаго укрѣпленія, на сѣверной сторонѣ города не было ни одной постройки, которая могла бы обезпечить его отъ атаки съ сухаго пути. Князь Меншиковъ находилъ необходимымъ дополнить оборону этой части устройствомъ оборонительной стѣны, огибающей городъ и примыкающей своими концами къ морю. Сѣверное укрѣпленіе, находясь тогда въ срединѣ этого ограожденія, могло бы быть главнымъ фланкирующимъ бастіономъ и центральнымъ пунктомъ для войскъ, охраняющихъ сѣверный берегъ рейда, но въ виду возможнаго появленія непріятеля и неимѣнія никакихъ средствъ для столь обширной работы, командующій войсками сознавалъ, что такое предпріятіе ему не по силамъ и потому „не подлежитъ настоящему времени“ [3]). Теперь, по собственному выраженію князя Меншикова, онъ занимался временнымъ ограожденіемъ Севастополя съ

---

[1]) Жандръ, «Матеріалы для обороны Севастополя», 130—135. Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. I, 118—120.

[2]) Отъ 24-го марта 1854 года. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

[3]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова отъ 26-го марта 1854 года. Арх. канц. воен. минис. по описи I отд., дѣло № 1.

береговой стороны, и съ этою цѣлью дѣлалъ промѣры, производилъ осмотры и рекогносцировки морскаго берега.

На одной изъ подобныхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ вице-адмираломъ Корниловымъ, 17-го марта, было замѣчено, въ тылу Константиновской батареи, пространство, совершенно ничѣмъ не обстрѣливаемое. Остановившись здѣсь, непріятельскія суда могли, черезъ перешеекъ, на которомъ находилась эта батарея, совершенно безнаказанно бросать на внутренній рейдъ снаряды дальняго полета [1]), поражать въ тылъ батарею и бомбардировать городъ и флотъ. Въ предупрежденіе этого, позади Константиновской батареи, было поставлено шесть мортиръ и поручено гвардейской артиллеріи полковнику Карташевскому, независимо отъ этого, устроить особую земляную батарею на пять орудій.

Получивши названіе *„Карташевскаго батареи“*, укрѣпленіе это было построено на высокой скалѣ, близъ телеграфа, къ сѣверу отъ Константиновскаго форта. Одновременно съ батареею Карташевскаго и сѣвернѣе ея, тамъ, гдѣ морской берегъ поворачиваетъ къ востоку, положено основаніе оборонительной башни на восемь орудій.

Башня эта строилась при содѣйствіи чиновъ эскадры вице-адмирала Корнилова, на средства отставнаго поручика Волохова, и, сохраняя его имя, извѣстна была во все время осады подъ именемъ *Волоховой башни*. Обѣ эти постройки: Карташевскаго батарея и Волохова башня, 26-го апрѣля были готовы и вооружены. Построенная на высокой, висящей надъ моремъ, скалѣ и сама почти совсѣмъ скрытая во рву, Волохова башня представляла ничтожную цѣль для непріятеля, тогда какъ сама поражала его изъ восьми орудій большаго калибра. Прозванная союзниками *осою*, Волохова башня обстрѣливала обширное пространство, такъ что снаряды ея достигали до устья р. Бельбека.

Хотя въ концѣ марта большая часть укрѣпленій были далеко не окончены и не вооружены еще окончательно, тѣмъ не менѣе, со стороны моря, Севастополь можно было считать совершенно обезпеченнымъ. Если бы непріятель предпринялъ атаку однимъ флотомъ, то

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова отъ 21-го апрѣля 1854 года. № 307. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251. Жандръ, «Матеріалы» и проч., 135.

въ разстояніи 1.200 саженъ отъ входа на рейдъ, онъ подвергался уже дѣйствію огня нашей артиллеріи, постепенно усиливавшемуся по мѣрѣ приближенія. При такихъ условіяхъ нападающій долженъ былъ встрѣтить значительныя затрудненія: онъ долженъ былъ преодолѣть плаваніе длинною, узкою окраенною каменными рифами бухтою; долженъ былъ уничтожить два бона, протянутыхъ поперекъ рейда, между Николаевскою и Михайловскою батареями и подъ огнемъ всѣхъ внутреннихъ батарей Севастопольскаго рейда. Подвигаясь далѣе подъ огнемъ нѣсколькихъ сотъ орудій береговыхъ батарей, непріятель входилъ въ сферу огня 12 большихъ кораблей, занимающихъ позиціи недоступныя атакѣ иначе какъ съ равными силами. „Я не упоминаю уже,—писалъ Корниловъ въ своей инструкціи,—о пяти большихъ фрегатахъ, пароходахъ и другихъ судахъ, которыя въ русскихъ рукахъ, конечно, не останутся праздными зрителями въ побоищѣ за ихъ родные домы“ [1]).

Для оказанія въ этомъ случаѣ наибольшаго сопротивленія непріятелю, суда Черноморскаго флота, имѣвшія на своемъ вооруженіи до 2.000 орудій, были размѣщены въ наиболѣе выгодной боевой позиціи. Въ глубинѣ рейда для встрѣчи непріятеля съ фронта стояла эскадра вице-адмирала Нахимова [2]); при входѣ въ Южную бухту, для встрѣчи съ фланга и для прикрытія собранныхъ въ ней разнаго рода военныхъ судовъ, находилась эскадра вице-адмирала Корнилова [3]). Оставаясь въ такомъ положеніи, почти до дня высадки, флотъ строго держался всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя обезпечивали его отъ нечаяннаго нападенія: часовые на судахъ стояли, по ночамъ, съ заряженными ружьями, и даже свои шлюпки не допускались къ борту, иначе какъ съ отзывомъ и паролемъ.

Здѣсь же, въ Севастополѣ и его окрестностяхъ, сосредоточены были и всѣ сухопутныя войска, назначенныя для защиты Крымскаго полуострова; только незначительная часть ихъ находилась въ Ѳеодосіи и Керчи.

---

[1]) Жандръ, «Матеріалы для обороны Севастополя», 136.

[2]) Эскадра эта состояла изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, нѣсколькихъ пароходовъ и другихъ мелкихъ судовъ.

[3]) Изъ 4-хъ кораблей, одного фрегата и 4-хъ пароходовъ.

Такъ Өеодосія защищалась однимъ батальономъ Минскаго полка, двумя ротами Таврическаго гарнизоннаго батальона и четырьмя орудіями легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады.

Въ Керчи было еще менѣе войскъ, и безопасность ея обезпечивалась Керченскимъ гарнизоннымъ батальономъ, ожидаемымъ къ прибытію Азовскимъ казачьимъ полубатальономъ и 400 человѣкъ карантинной и пограничной стражи, для вооруженія которыхъ недоставало 300 ружей. Сверхъ того предполагалось вооружить нѣкоторое число тамошнихъ греческихъ волонтеровъ [1]).

Въ Севастополѣ и его окрестностяхъ были расположены: семь батальоновъ первой бригады 14-й пѣхотной дивизіи [2]), 8 батальоновъ резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи [3]), слабый по составу Черноморскій резервный линейный батальонъ, 12 полевыхъ орудій 14-й артиллерійской бригады [4]), 12 эскадроновъ кавалеріи [5]), съ 8 орудіями конной артиллеріи [6]). Силъ этихъ было едва достаточно для отраженія отъ стѣнъ города только незначительнаго дессанта, но очевидно, что число войскъ было слишкомъ мало для воспрепятствованія высадки непріятеля въ значительныхъ силахъ. Въ распоряженіи кн. Меншикова не было въ это время даже ни одного казачьяго полка, который онъ могъ бы назначить для содержанія наблюдательныхъ постовъ, на всемъ пространствѣ отъ Перекопа до Евпаторіи.

При крайнемъ разнообразіи слуховъ относительно пункта, избраннаго союзниками для высадки, содержаніе прибрежныхъ пикетовъ становилось существенно необходимымъ. Въ виду этого, кн. Меншиковъ

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 10/а.

[2]) Четыре батальона Волынскаго и три батальона Минскаго полковъ.

[3]) Пятые и шестые батальоны Брестскаго, Бѣлостокскаго, Виленскаго и Литовскаго полковъ.

[4]) Восемь орудій легкой № 3-го и четыре—легкой № 4-го батарей.

[5]) Восемь эскадроновъ Гусарскаго Николая Максимиліановича полка и четыре—Гусарскаго гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полка. Остальные четыре эскадрона этого полка составляли резервъ и были расположены въ Карасубазарѣ и Старомъ Крымѣ.

[6]) Конно-легкой № 12-го батареи. Всеподд. донес. кн. Меншикова отъ 31-го марта, Арх. Деп. Генер. штаба по 1 отд., дѣло № 52.

рѣшился просить императора позволить ему потребовать отъ наказнаго атамана войска Донскаго хотя одинъ казачій полкъ изъ числа трехъ, расположенныхъ отъ устья Дона до границъ Таврической губерніи [1]).

Всеобщее убѣжденіе въ томъ, что мелководіе Керченскаго пролива не дозволяетъ большимъ непріятельскимъ судамъ войти въ Азовское море, дѣлало присутствіе казачьихъ полковъ въ этой мѣстности не столь необходимымъ, и генералъ Хомутовъ самъ предложилъ отправить одинъ изъ казачьихъ полковъ въ распоряженіе кн. Меншикова [2]). Послѣдній просилъ Хомутова направить этотъ полкъ въ Крымъ, какъ можно скорѣе, и расположить его у Евпаторіи и Тарханкута, для наблюденія за Каркинитскимъ заливомъ, Евпаторійскою и Акмеческою бухтами и вообще за тѣми приморскими мѣстами, гдѣ непріятельскіе крейсеры могутъ безнаказанно предпринимать на берега наши разбойничьи набѣги.

Хотя на столь значительномъ протяженіи морскаго берега и трудно было одному казачьему полку препятствовать набѣгамъ, но недостатокъ войскъ въ Крыму былъ такъ великъ, что кн. Меншиковъ возлагалъ на казачій полкъ большія надежды и писалъ Хомутову, что полкъ этотъ, примыкая къ Перекопскому перешейку, удобно можетъ дѣйствовать противъ покушеній занять этотъ пунктъ для преграждения сухопутнаго сообщенія съ Крымомъ [3]). Впослѣдствіи, чтобы придать этому полку нѣкоторую долю самостоятельности, при дѣйствіи противъ непріятеля, кн. Меншиковъ приказалъ отпустить изъ Севастопольскаго склада, въ распоряженіе казаковъ, найденныя тамъ два горныхъ единорога съ принадлежностью и зарядами. Прислуга къ этимъ единорогамъ назначена была изъ нижнихъ чиновъ полка, обученныхъ дѣйствію при орудіяхъ [4]).

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 9-го марта. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. I.

[2]) Отношеніе воен. минис. кн. Меншикову 22-го марта № 4492. Тамъ же, д. № 4279.

[3]) Кн. Меншиковъ генералу Хомутову 10-го апрѣля № 406. Тамъ же.

[4]) Письмо кн. Меншикова военному министру 7-го іюля. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. I.

Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и кн. Меншиковъ пользовался случаемъ присоединить къ себѣ хоть какую-нибудь частицу войскъ, усиливающую его боевыя средства. Сознавая свое трудное положеніе и указывая постоянно на недостатокъ войскъ, онъ просилъ однако же не выводить изъ того заключенія объ упадкѣ духа.

„Ce sentiment,—писалъ онъ князю Долгорукову,—nous est inconnu ici et la troupe a soif de combattre. Le meilleur esprit y règne..... Je suis très-content des bataillons de la 14 division en garnison à Sébastopol. Le service se fait avec exactitude, le soldat est bien nourri et a un air dispos..... Les recrues de la 13-ème division sont en progrès dispos et croiseront la baïonette avec ardeur; la brigade de la 17-ème est à portée et nous pouvons dire à l'ennemi: милости просимъ пожаловать“ [1]).

Несмотря на всеобщее воодушевленіе войскъ, кн. Меншиковъ, не надѣясь удержать непріятеля въ полѣ, приказалъ загораживать улицы и строить баррикады, чтобы, за ними и въ домахъ, можно было защищаться мужскому населенію города. „Главная моя теперь забота состоитъ въ томъ,—писалъ кн. Меншиковъ [2]),—чтобы набрать достаточное число защитниковъ на стѣны и баррикады, не изъ числа фронтовыхъ, дабы имѣть по возможности больше батальоновъ, съ которыми я могъ бы держаться въ полѣ“.

Недостатка въ такихъ охотникахъ не было, многіе изъ жителей изъявляли полную готовность принять участіе въ оборонѣ. Государ-

---

[1]) Письма кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 12-го февраля, 9-го и 13-го марта. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. I.

«Здѣсь это чувство намъ неизвѣстно, и войско жаждаетъ сразиться; самый лучшій духъ царствуетъ здѣсь..... Я очень доволенъ батальонами 14-й пѣхотной дивизіи, находящимися въ Севастопольскомъ гарнизонѣ. Служба исполняется ими съ точностью, солдатъ хорошо накормленъ и поворотливъ..... Рекруты 13-й дивизіи дѣлаютъ успѣхи, поворотливы и ударятъ въ штыки съ жаромъ; бригада 17-й дивизіи близка къ намъ, и мы можемъ сказать непріятелю: милости просимъ пожаловать».

[2]) Кн. Горчакову отъ 26-го марта. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. I. «L'objet de ma sollicitude est maintenant de garnir murailles et barricades de défenseurs hors ligne afin de tenir les débars avec le plus de bataillons que je pourrais concentrer».

ственные крестьяне Таврической губерніи выразили желаніе вооружиться и служить по усмотрѣнію начальства; крымскій помѣщикъ Мальцовъ ходатайствовалъ о снабженіи оружіемъ всего христіанскаго народонаселенія въ Крыму, какъ для обезпеченія его отъ татаръ въ случаѣ ихъ возстанія, такъ для защиты противъ непріятеля. Наконецъ, около четырехъ сотъ русскихъ плотниковъ и каменщиковъ, пришедшихъ въ Севастополь для работъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи, просили кн. Меншикова принять ихъ въ число защитниковъ города. „Я бы могъ,—писалъ онъ военному министру [1]),—употребить ихъ для защиты амбразуръ, но я не имѣю оружія для раздачи, даже пикъ противъ штурма, потому что въ этой мѣстности нѣтъ возможности пріобрѣсти шестовъ. Рекруты, которые придутъ къ намъ также съ пустыми руками, будутъ только однимъ бременемъ. Не могутъ ли они захватить ружья при проходѣ черезъ депо?“

По высочайшему повелѣнію было отпущено изъ Херсонскаго склада 2.000 кремневыхъ ружей, часть которыхъ, по распоряженію кн. Меншикова, пошла на вооруженіе Керченской карантинной стражи [2]), а остальныя оставлены въ Севастополѣ, для раздачи охотникамъ и разнымъ нестроевымъ командамъ.

Въ такомъ положеніи была оборона Севастополя и всего Крымскаго полуострова, когда войска южной арміи, бывшія подъ начальствомъ кн. М. Д. Горчакова, перешли Дунай. Расположенные на зимнихъ квартирахъ въ Дунайскихъ княжествахъ и Южной Бессарабіи, полки 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ занимали лѣвый берегъ Дуная на протяженіи четырехъ сотъ верстъ. Турки хотя держались еще въ Калафатѣ, но послѣ горячаго дѣла при Четати, заключившаго кампанію 1853 года, не отваживались болѣе переправляться черезъ Дунай въ значительныхъ силахъ. Повидимому, они рѣшились, частыми нападеніями, тревожить наши посты, въ надеждѣ прорвать гдѣ-либо растянутую нашу линію обороны, но всѣ произведенныя ими покушенія: у Силистріи, Туртукая, Рущука, Зимницы, Никополя и Журжи были безуспѣшны. Чтобы поло-

---

[1]) Князю Долгорукову отъ 13-го марта 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

[2]) Арх. канц. воен. минис., д. № 63. Письмо кн. Долгорукаго кн. Меншикову 10-го апрѣля. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. I.

жить конецъ этимъ покушеніямъ непріятеля и лишить его средствъ переправы на лѣвый берегъ, князь Горчаковъ рѣшился истребить турецкія флотиліи, стоявшія подъ защитою Рущука, Систова, Никополя и Силистріи.

Для отвлеченія вниманія непріятеля отъ этихъ пунктовъ, была произведена рекогносцировка Калафатскихъ укрѣпленій, а на противуположномъ флангѣ генералъ-адъютантъ Лидерсъ тревожилъ турокъ устройствомъ батарей на островѣ Бындоѣ, на нижнемъ Дунаѣ. Работы на главныхъ пунктахъ шли довольно успѣшно, такъ-что къ 3-му февраля у Рущука батареи были уже окончены.

Построенныя подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника инженеровъ генералъ-адъютанта Шильдера, онѣ дѣйствовали такъ удачно, что, несмотря на огонь крѣпости, многія непріятельскія суда были потоплены, а другія повреждены. У Систова и Никополя артиллерія также успѣшно дѣйствовала противъ непріятельской флотиліи, а у Силистріи турки пытались препятствовать устройству батареи, переправились для этого въ значительныхъ силахъ на лѣвый берегъ Дуная, но генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, руководившій работами, опрокинулъ непріятеля въ рѣку, вооружилъ батареи и открылъ столь удачный огонь, что самый городъ загорался во многихъ мѣстахъ.

Среди этихъ дѣйствій генералъ-адъютантъ кн. Горчаковъ, сдѣлавши втайнѣ всѣ приготовленія къ наступательному движенію за Дунай, стянулъ до 50 батальоновъ и 32 эскадроновъ къ тремъ пунктамъ переправы: Измаилу, Галацу и Браилову. Всѣ три колонны, 11-го марта, переправились съ полнымъ успѣхомъ и почти безпрепятственно. Только лѣвая колонна генералъ-лейтенанта Ушакова, назначенная для демонстраціи, встрѣтила со стороны непріятеля довольно упорное сопротивленіе.

Переправившись на правый берегъ Дуная, наши войска заняли Тульчу, Мачинъ и продолжали наступать къ Бабадагу. Турки отступали къ Базарджику, Варнѣ и Шумлѣ, покинули Кюстенджи и Мангалію. Къ 20-му марта вся Бабадагская область до Троянова вала была занята нашими войсками, бывшими на пути къ Силистріи.

„Удачная переправа черезъ Дунай,—писалъ императоръ князю Меншикову [1]), кажется, будетъ имѣть хорошія послѣдствія и для васъ,

---

[1]) Въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 23-го марта 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи 1853 г., дѣло № 60.

оттянувъ, какъ я полагаю, часть союзныхъ силъ на подачу ближней помощи Силистріи. Едва-ли быть можетъ, чтобъ союзники, при тѣхъ силахъ, кои, какъ извѣстно, уже отправлены, въ состояніи будутъ защищать или занимать Босфоръ и Дарданеллы и дѣлать дессанты въ Варнѣ, въ Аккерманѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Анапѣ или Поти; вѣроятнѣе кажется, что они ограничатся Варной и атакой на Крымъ.

„Когда дойдетъ бригада 17-й дивизіи до Севастополя, буду тебя считать вполнѣ обезпеченнымъ, ибо у тебя будетъ тогда семнадцать полевыхъ батальоновъ и девять резервныхъ. Эти послѣдніе должны ежедневно усиливаться обученіемъ и поступленіемъ рекрутъ въ ряды.....

„Ежели позднѣе объяснится, что всѣ усилія союзниковъ обратятся на Крымъ, а не на Анапу, вѣроятно можно будетъ тебя усилить еще перевозомъ первой бригады 17-й пѣхотной дивизіи изъ Тамани въ Керчь, на пароходахъ береговой линіи. Теперь же сіе рѣшить еще рано, за неизвѣстностію, что быть можетъ.

„Планы временныхъ укрѣпленій Севастополя и Николаева нахожу очень дѣльными; въ свободное время не мѣшало бы продолжать работы по сухопутной оборонѣ по общему плану Севастополя, въ особенности хорошо бы начать *Донжономъ,* который мы съ тобой назначили на Малаховомъ курганѣ, гдѣ слободка—дабы всѣмъ командовать въ видѣ цитадели.

„Хомутовъ тебѣ предложилъ къ услугамъ часть казачьяго отряда съ береговъ Азовскаго моря, отъ тебя зависитъ взять, что хочешь къ себѣ ли или къ Николаеву, гдѣ считалъ бы полезнымъ придать хоть полкъ казачій и конную батарею... Князь Горчаковъ (Петръ) ѣдетъ къ тебѣ, заѣхавъ прежде въ Николаевъ; онъ будетъ тебѣ хорошимъ помощникомъ“.

Если съ одной стороны можно было предполагать, что движеніе наше за Дунай должно было отвлечь, на нѣкоторое время, вниманіе союзниковъ отъ всякихъ покушеній на дессанты и заставить ихъ употребить всѣ способы на поправленіе дѣлъ на Дунаѣ, скорѣйшею помощью главнымъ турецкимъ силамъ, то съ другой стороны можно было предполагать и то, что англо-французы, оставивъ турокъ на произволъ судьбы, могли обратить всѣ свои усилія на Крымъ, съ тѣмъ, чтобы, атакою Севастополя съ моря и съ сухаго пути, заставить насъ остановить дальнѣйшія движенія за Дунаемъ. Для предупрежденія послѣдняго случая, рѣшено

было, находившуюся на Кавказскомъ берегу, первую бригаду 17-й пѣхотной дивизіи [1]), съ ея артиллеріею, придвинуть къ Фанагоріи или Тамани, съ тѣмъ, чтобы, при первой надобности, можно было переправить ее въ Крымъ на пароходахъ [2]). Ссылаясь на то, что бригада эта необходима въ Черноморьи, для отраженія покушеній союзниковъ на восточный берегъ Чернаго моря и для дѣйствія противъ горцевъ, Хомутовъ говорилъ, что можетъ отдѣлить отъ себя только одинъ батальонъ Московскаго полка, который и направляетъ въ Керчь съ двумя конными донскими орудіями [3]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ кн. Меншиковъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ получить подкрѣпленія. А между тѣмъ они были необходимы въ виду фактической опасности, угрожавшей Крыму.

На разсвѣтѣ 31-го марта, среди разсѣявшагося тумана, въ Севастополѣ замѣтили приближающійся пароходъ подъ австрійскимъ флагомъ. Когда пароходъ подошелъ на довольно близкое разстояніе, то видно было, что онъ приближается къ русскому купеческому судну „Александръ Невскій“, вышедшему ночью для слѣдованія въ Евпаторію. Подходя къ этому судну, пароходъ спустилъ австрійскій флагъ и поднялъ—англійскій.

Съ первымъ появленіемъ парохода въ виду Севастополя, на кораблѣ „Великій Князь Константинъ“ былъ поднятъ сигналъ: *„пароходу „Херсонесъ“ развести пары, фрегатамъ „Кулевча“ и „Коварна“ приготовиться къ походу“*. Вслѣдъ за тѣмъ, когда замѣтили, что непріятель, приваливши къ судну, взялъ его на буксиръ, тогда обоимъ фрегатамъ приказано было сняться съ якоря и выйти въ море. Приближеніе двухъ фрегатовъ заставило смѣлый пароходъ обрубить буксиръ, бросить призъ и поспѣшно удалиться. Противники обмѣнялись выстрѣлами, безвредными другъ для друга, при чемъ первый выстрѣлъ былъ произведенъ англичанами [4]).

Появленіе непріятеля въ виду Севастополя хотя и наводило на мысль, что союзники серьезно намѣрены дѣйствовать противъ Крыма, но

---

[1]) Полки Московскій и Бутырскій.

[2]) Отношеніе воен. минис. наказному атаману войска Донскаго отъ 25-го марта № 4689. Воен.-Учен. Арх., д. № 4279.

[3]) Хомутовъ кн. Меншикову 22-го апрѣля. Тамъ же.

[4]) Всеподдан. донесеніе кн. Меншикова отъ 31-го марта. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

князь Меншиковъ, надѣясь, что для того не наступило еще время, полагалъ однако же, что если союзники намѣрены высадиться въ Крыму, то главнѣйшею цѣлью ихъ экспедиціи можетъ быть только одинъ Севастополь.

„Покушенія непріятеля,—доносилъ онъ [1]),—на отдаленный отъ якорныхъ мѣстъ и безводный Перекопъ я не предполагаю, равно какъ и всякаго во внутрь полуострова движенія, требующаго значительныхъ подвозныхъ способовъ, продовольствія и во многихъ мѣстахъ даже воды для людей и лошадей, ежели дессантный отрядъ будетъ въ сильномъ составѣ; въ малочисленномъ же было бы крайне опрометчиво подвергнуть его совершенному истребленію.

„Поэтому я полагаю, что ежели противники наши намѣрены и *въ состояніи* произвести на Крымъ нападеніе, то лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могли бы прямо отъ своихъ судовъ продовольствоваться, какъ въ окрестностяхъ Севастополя, истребленіе котораго съ флотомъ должно быть главнѣйшею ихъ цѣлію; но пока мы живы, они въ разсчетѣ своемъ ошибутся“.

Неудачное бомбардированіе Одессы 10-го апрѣля, казалось, подтверждало мнѣніе кн. Меншикова въ томъ, что союзники намѣрены дѣйствовать пока исключительно противъ приморскихъ городовъ. Севастополь, какъ прибрежный пунктъ, давно былъ готовъ къ отраженію непріятельскаго нападенія со стороны моря. На его рейдѣ стояло 12 кораблей, 4 фрегата и 6 пароходовъ, въ полной готовности поднять паруса и вступить въ бой, а въ городъ вступали полки второй бригады 17-й пѣхотной дивизіи, о которыхъ кн. Меншиковъ писалъ: c'est une belle troupe, et qui promet pour le combat [2]). Слѣдомъ за ними шелъ 6-й стрѣлковый батальонъ.

12-го апрѣля до Севастополя достигло извѣстіе о бомбардированіи Одессы, а нѣсколько дней спустя полученъ былъ манифестъ объ объяв-

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Меншикова отъ 9-го апрѣля 1854 г. Воен.-Учен. Арх., д. № 4251.

[2]) Полки Бородинскій и Тарутинскій прибыли въ Севастополь въ промежутокъ между 11-мъ и 17-мъ апрѣля, а артиллерія между 19-мъ и 20-мъ числомъ. Всеподд. рапортъ кн. Меншикова 12-го апрѣля. Письмо его же кн. Долгорукову 17-го апрѣля. Воен.-Учен. Арх., д. №№ 4251 и 4254 ч. I.

леніи войны Франціи и Англіи. Тогда же послѣдовало высочайшее повелѣніе остановить всѣ купеческія суда этихъ державъ, находившіяся въ Керчи, Ѳеодосіи и другихъ приморскихъ городахъ.

Хотя непріятельскій флотъ все еще не показывался въ виду Севастополя, тѣмъ не менѣе признано было необходимымъ установить постоянное за нимъ наблюденіе. Съ этою цѣлью, у входа на рейдъ, въ виду города, крейсировалъ день и ночь пароходъ „Владиміръ", зорко слѣдившій за всѣми судами, появлявшимися на горизонтѣ.

Въ часъ по полудни, 15-го апрѣля, командиръ парохода „Владиміръ" донесъ, что видитъ непріятельскій флотъ, двигающійся по направленію къ Севастополю. Такъ какъ союзники были еще слишкомъ удалены отъ города, то и приказано было всѣмъ войскамъ и флотскимъ экипажамъ, бывшимъ на берегу, продолжать работы.

Около четырехъ часовъ по полудни непріятельскій флотъ остановился въ виду Евпаторіи и бросилъ якорь. Отдѣлившіеся отъ эскадры два парохода взошли на Евпаторійскій рейдъ, взяли на одинъ изъ пароходовъ шкипера австрійскаго судна, разспрашивали его объ укрѣпленіи города, о числѣ находящихся въ немъ войскъ, и объявили, что скоро опять придутъ въ Евпаторію, со всею эскадрою, за хлѣбомъ и если таковой не будетъ выданъ, то поступятъ съ городомъ по правиламъ войны. Уходя на присоединеніе къ эскадрѣ, пароходы взяли на буксиръ стоявшія на якоряхъ три русскихъ каботажныхъ судна, одну подвозную лодку и казенный таможенный катеръ, съ бывшимъ на немъ корабельнымъ смотрителемъ Яшниковымъ и пятью гребцами.

Появленіе непріятельскихъ пароходовъ на Евпаторійскомъ рейдѣ и угроза ихъ снова вернуться произвели большой переполохъ между жителями. Управляющій таможнею распорядился объ отправленіи въ городъ Перекопъ всѣхъ денежныхъ суммъ, книгъ, дѣлъ и прочаго казеннаго имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ всѣмъ чиновникамъ жалованье по 1-е октября

Уѣздное казначейство и прочія присутственныя мѣста также оставили Евпаторію [1]), а уѣздный предводитель дворянства выѣхалъ въ

---

[1]) Донесеніе управляющаго Евпаторійскою таможнею отъ 16-го апрѣля. Арх. морск. минис., дѣло № 13271.

близъ лежащую деревню Саки. Въ Симферополь прислано было изъ Евпаторіи двѣ эстафеты, изъ которыхъ въ первой увѣдомлялось о прибытіи союзнаго флота къ городу; во второй сообщалось губернатору, что въ шести верстахъ отъ Евпаторіи непріятель дѣлаетъ высадку и что при немъ есть кавалерія. „Вѣсти росли съ утра до вечера,—пишетъ одинъ изъ жителей Симферополя[1]),—и возросли до высадки въ 50.000 войска. Гусары изъ нашихъ окрестностей проскакали на рысяхъ черезъ городъ. Все это сдѣлало смятеніе между жителями до того, что нѣкоторые бѣжали, многіе перепугались на смерть".

На другой день гусары вернулись домой, и тревога оказалась ложною. Въ Евпаторіи же большая часть жителей оставила городъ, въ томъ числѣ и хозяева складовъ хлѣба, приготовленнаго къ отправленію за границу, количество котораго простиралось до 70.000 четвертей. Чтобы непріятель не могъ имъ воспользоваться, князь Меншиковъ предложилъ хозяевамъ вывезти свой хлѣбъ изъ Евпаторіи и, на слѣдующій же день, отправилъ туда одинъ батальонъ Минскаго полка съ двумя орудіями, для прикрытія вывоза, а въ случаѣ нужды и для истребленія запасовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ предложилъ всѣмъ русскимъ купеческимъ судамъ, находившимся въ Евпаторіи, перейти подъ защиту Севастополя.

Почти такой же запасъ хлѣба находился и въ Керчи. Значительная торговая дѣятельность 1853 года побудила негоціантовъ Таганрога и Бердянска отправить часть своихъ запасовъ въ городъ Керчь, гдѣ они съ бо̀льшимъ удобствомъ нагружали его на иностранныя суда, приходящія къ этому порту. Ранняя и продолжительная зима 1853—1854 годовъ и запрещеніе вывоза за границу зерноваго хлѣба были причиною того, что въ магазинахъ города Керчи скопилось около 50.000 четвертей разнаго хлѣба, принадлежавшаго негоціантамъ. Сверхъ того здѣсь находились запасы провіантскаго вѣдомства и объявлены были торги на доставку въ Керчь 120.000 кулей муки, для войскъ. Керчь-еникольскій градоначальникъ, опасаясь, что запасы эти могутъ достаться въ руки непріятеля,—спрашивалъ князя Менши-

---

[1]) Изъ письма В. Княжевича отъ 22-го апрѣля.

кова, какъ поступить съ ними. Князь приказалъ объявить немедленно хозяевамъ, чтобы они везли свой хлѣбъ обратно въ Азовскіе порты, ибо, въ случаѣ покушенія непріятеля, запасы эти будутъ уничтожены. Запасы же казеннаго хлѣба, предназначавшіеся для склада въ Керченскій магазинъ, велѣно было направить въ Темрюкъ [1]). То же самое было сдѣлано и относительно негоціантовъ Θеодосіи. Находившійся же въ Θеодосіи казенный провіантъ, въ количествѣ 417-ти четвертей, былъ перевезенъ на станцію Криничкн и въ Старый Крымъ [2]).

Между тѣмъ, снявшись раннимъ утромъ 16-го апрѣля съ якоря у Евпаторіи, соединенная эскадра явилась въ тотъ же день въ виду Севастополя въ числѣ 28-ми вымпеловъ [3]). Непріятельскія суда то приближались къ городу, то удалялись отъ него; по всему видно было, что они осматривали берега и укрѣпленія. Изъ всей эскадры особенно рѣзко выдавался винтовой корабль, подъ адмиральскимъ флагомъ. То былъ англійскій корабль „Агамемнонъ", съ адмираломъ Лайонсомъ, осматривавшимъ входъ на рейдъ и Севастопольскія укрѣпленія. Оставаясь въ теченіе цѣлаго дня въ виду Севастополя, непріятельскій флотъ на закатѣ солнца былъ усиленъ прибытіемъ двухъ трехъ-мачтовыхъ судовъ. Не предпринимая ничего рѣшительнаго и даже не подходя близко къ берегу, союзники къ вечеру ушли въ море.

Появленіе этой эскадры не вызвало среди севастопольцевъ ни страха, ни удивленія. Своимъ присутствіемъ въ виду города непріятельскіе корабли возбуждали только одно любопытство. Толпа зрителей собралась на возвышенныхъ мѣстахъ,—откуда было видно море,—чтобы посмотрѣть на непріятельскія суда, стоявшія въ отдаленіи и не рѣшавшіяся приблизиться къ берегу. Съ уходомъ ихъ и въ Севастополѣ все пришло въ обычный, прежній порядокъ: никто не думалъ о предстоящей опасности, городская жизнь и увеселенія шли по-прежнему. Ежедневно съ шести часовъ вечера на корабляхъ, на пристани и на бульварѣ играло нѣсколько хоровъ музыки. Къ ней стекались люди

---

[1]) Рап. кн. Гагарина Меншикову отъ 9-го апрѣля, № 205 и отвѣтъ Меншикова 13-го апрѣля, № 416. Воен.-Учен. Арх., д. № 4279.

[2]) Тамъ же.

[3]) Кораблей трехъ-дечныхъ 5, двухъ-дечныхъ 12, фрегатовъ парусныхъ 1, винтовыхъ 1 и пароходовъ 9.

*

всѣхъ званій, чтобы отдохнуть послѣ утомительныхъ работъ и кабинетныхъ занятій; не рѣдко приходилъ туда и князь Меншиковъ, любившій пошутить, посмѣяться, а при случаѣ и съострить [1]). Толпы гуляющихъ густою волною наполняли бульваръ. Они любовались, какъ на рейдѣ стройно и величаво стояли суда нашего Черноморскаго флота, какъ между ними, на гладкой поверхности моря, извивались гребныя суда, перевозившія команды съ кораблей на берегъ и съ берега на корабли. Смотря на эти корабли, спокойно качавшіеся въ родныхъ имъ водахъ бухты, многіе сожалѣли, что нашъ флотъ былъ малочисленъ для того, чтобы встать лицомъ къ лицу и помѣриться силами съ непріятелемъ, державшимся въ виду Севастополя. А между тѣмъ эта встрѣча была искреннѣйшимъ желаніемъ каждаго черноморца, она была при извѣстныхъ условіяхъ желаніемъ и покойнаго императора. Зная прекрасный военный духъ черноморцевъ, ихъ горячую любовь къ родинѣ и образцовый порядокъ, существовавшій во флотѣ, императоръ былъ вполнѣ увѣренъ, что встрѣча съ врагомъ будетъ новою славою для Черноморскаго флота.

Увѣдомляя князя Меншикова о полученіи послѣднихъ его донесеній, императоръ писалъ ему [2]):—„Съ тѣхъ поръ получилъ я донесеніе о прибытіи союзнаго флота предъ Одессу и о первой удачно отбитой атакѣ. Вѣроятно, будетъ она не послѣдняя. Будемъ надѣяться на милость Божію, что быть можетъ опять отобьемся; коль нѣтъ, то и это предвидѣно. Сакенъ [3]) довольно силенъ, чтобъ опять овладѣть городомъ, или разбить дессантъ, ежели бъ таковой очутился, чего однако и полагать нельзя, покуда.

---

[1]) Такъ однажды,—разсказываетъ присутствовавшій на подобномъ гуляньѣ—кн. Меншиковъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе бывшимъ въ его рукахъ небольшимъ клочкомъ бумаги. «Посмотрите,—говорилъ князь—какъ это странно: въ Балтійскомъ морѣ будутъ сражаться два Нэпира,—и съ этими словами показывалъ бумажку, на которой, одно подъ другимъ, нанисаны были слѣдующія слова: «Начальникъ эскадры Петръ Ивановичъ Рикордъ». Заглавная буквы фразы составляли слово: Нэпиръ. (Изъ письма В. Княжевича отъ 27-го мая 1854 г.).

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го (31-го) апрѣля 1854 г. Арх. канц. воен. мин., но секретной описи, д. № 42.

[3]) Начальствовавшій войсками въ Одессѣ.

„Теперь другое и важное. Думаю, что повторенная атака, или атаки Одессы нѣсколько облупятъ союзные флоты, которыхъ три парохода порядкомъ пострадали уже при первой. Не настала-ли пора выгадать минуту, гдѣ мы съ пользою могли бъ встрѣтить сей флотъ нашимъ? Мудрено мнѣ сіе отсюда опредѣлить, но мысль мою тебѣ сообщаю, вполнѣ полагаясь на тебя и нашихъ черноморскихъ героевъ, что минуты не пропустите наказать варваровъ, Божіихъ отступниковъ. Свѣдѣнія твои будутъ свѣжѣе моихъ и полнѣе насчетъ положенія союзнаго флота, послѣ сихъ дѣйствій; пострадалъ-ли онъ такъ, чтобъ съ выгодой можно было сразиться,—тутъ-то и пора. Не пострадалъ онъ много—подожди, покуда обломается объ Севастополь“.

Постепенное усиленіе союзнаго флота, ежедневнымъ присоединеніемъ къ нему новыхъ судовъ, не давало никакой надежды на возможность атаковать его нашимъ Черноморскимъ флотомъ. По мнѣнію князя Меншикова, при силѣ союзнаго флота почти вдвое бо́льшей противъ нашей и при значительномъ большинствѣ паровыхъ двигателей, всякое наступательное предпріятіе съ нашей стороны было крайне рисковано. Намъ оставалось только выжидать благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ, но англо-французы, такъ громко кричавшіе о неравенствѣ силъ подъ Синопомъ, опасались встрѣтиться съ русскимъ флотомъ при равныхъ условіяхъ и предпочитали подходить къ Севастополю, съ силами, значительно превышавшими весь Черноморскій флотъ.

Отойдя отъ Севастополя, союзники продолжали крейсировать на высотѣ порта, въ разстояніи 20 или 25 миль отъ города. Весь день 17-го апрѣля, непріятельская эскадра, въ 20 вымпеловъ, простояла снова въ виду Евпаторіи, противъ селенія Контоуганъ, а вслѣдъ затѣмъ направились опять къ Севастополю. То приближаясь, то отдаляясь отъ нашихъ береговъ, англо-французы вечеромъ 21-го числа снова подошли къ порту, въ числѣ 27 вымпеловъ, но ничего не предпринимали. Для наблюденія за непріятелемъ, изъ Севастополя, высылались, отъ времени до времени, наши пароходы [1]), постоянно державшіеся въ морѣ.

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 21-го апрѣля № 309. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

Утромъ 24-го апрѣля, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ явился въ виду Балаклавской бухты, заглянулъ въ нее и ушелъ въ море. Осмотръ этой бухты не возбудилъ никакихъ подозрѣній собственно потому, что она считалась недоступною для входа непріятеля. Князь Меншиковъ писалъ, что съ успѣхомъ войти въ эту бухту „и предполагать нельзя“ [1]). Онъ находилъ, что по узкости Балаклавской бухты большимъ судамъ поворотиться въ ней невозможно, а при тѣснотѣ входа, расположеннаго между неприступными скалами, попытка непріятеля войти въ бухту, съ малыми судами, могла стоить ему большихъ потерь и пожертвованій.

Расположенные на скалахъ, по обѣ стороны бухты, стрѣлки, дѣйствуя по непріятелю на самомъ близкомъ разстояніи, могли нанести ему значительный вредъ, тогда какъ сами, находясь на высотѣ, были внѣ дѣйствія непріятельскихъ орудій. Неудобство Балаклавской бухты поддерживало увѣренность, что она не можетъ быть избрана мѣстомъ для высадки, тѣмъ болѣе, что союзники, казалось, сами сознавали это и, нѣсколько дней спустя, произвели осмотръ береговъ у Өеодосіи, Керчи и у Анапы.

Въ пять съ половиною часовъ утра, 26-го апрѣля, союзная эскадра, состоявшая изъ двухъ винтовыхъ кораблей и трехъ большихъ, трехъ-мачтовыхъ пароходовъ, показалась въ виду Өеодосіи, и, постепенно приближаясь къ рейду, около девяти съ половиною часовъ выстроилась противу береговыхъ батарей въ разстояніи около 1.500 саженъ. Пытаясь подойти ближе къ городу, непріятель былъ встрѣченъ сначала холостыми выстрѣлами, а вслѣдъ затѣмъ батареи открыли огонь и боевыми зарядами. Послѣ первыхъ выстрѣловъ эскадра поворотила назадъ и, выйдя изъ-подъ огня нашихъ батарей, простояла въ виду города около полутора часа. Въ $11^1/_2$ часовъ утра пароходы стали прибавлять пары, и затѣмъ всѣ непріятельскія суда ушли въ море [2]).

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова, 27-го апрѣля № 319. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

[2]) Рап. генерала Жабокритскаго кн. Меншикову, 26-го апрѣля, № 204. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 10(а).

Въ тотъ же день, около десяти съ половиною часовъ утра, въ Керчи было получено свѣдѣніе, что у Таклынскаго маяка появилось три парохода, изъ коихъ два остались у маяка, а третій вошелъ въ проливъ, остановилъ выстрѣлами два купеческихъ судна: прусское и греческое, опросилъ ихъ и, дойдя до Камышъ-Буруна, возвратился къ маяку. Около двухъ часовъ по полудни въ Керчи узнали, что одинъ изъ трехъ пароходовъ сталъ на мель, близъ маяка, и что два другіе употребляютъ всѣ усилія, чтобы скорѣе снять его съ мели. Провозившись до глубокой ночи, пароходы сняли сѣвшій на мель и ушли въ море [1]).

Въ Керчи въ то время не было вовсе артиллеріи, а потому случай этотъ, точно также какъ и происшествіе съ пароходомъ „Тигръ" близъ Одессы, привели князя Меншикова къ заключенію, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ артиллеріи, или куда невозможно отдѣлить ее, весьма полезно бы было имѣть ракеты, дѣйствовать которыми легко пріучить каждаго солдата [2]). Сдѣлавши распоряженіе, чтобы нѣсколько такихъ ракетъ было приготовлено въ Севастополѣ [3]),—князь Меншиковъ просилъ о доставленіи ихъ изъ ракетнаго заведенія, дабы за недостаткомъ артиллеріи можно было снабдить ими прибрежныя батареи. Артиллерійское вѣдомство отправило въ Крымъ 600 боевыхъ ракетъ, которыя достигли до Севастополя только въ концѣ августа и не могли быть употреблены въ дѣло, по неимѣнію станковъ [4]).

Осмотрѣвши берега Ѳеодосіи и Керчи, непріятельскіе крейсеры появились 28-го апрѣля въ виду Анапы въ числѣ шести судовъ: двухъ винтовыхъ кораблей, трехъ винтовыхъ и одного колеснаго пароходовъ. Проходя вдоль крѣпости къ сѣверо-западу, эскадра эта, повидимому, была занята измѣреніемъ глубины моря и рекогносцировкою

---

[1]) Ран. керчь-еникольскаго градоначальника князю Меншикову, 27-го апрѣля, № 3083. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 10(а).

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 4-го мая. Тамъ же.

[3]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 70. Письмо князя Меншикова князю Долгорукову 4-го мая. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[4]) Отношеніе штаба инспект. артиллеріи директору канцеляріи, 17-го мая. Тамъ же. Воспоминанія о началѣ Крымской кампаніи, матер. вып. II, 466.

береговъ [1]). Отсюда она пошла по направленію къ Новороссійску и затѣмъ присоединилась къ союзному флоту, все еще стоявшему въ виду Севастополя, въ числѣ 22 линейныхъ кораблей и 6 большихъ пароходовъ [2]).

„Соединенные флоты,—писалъ князь Меншиковъ [3]),—продолжаютъ держаться передъ Севастополемъ въ открытомъ морѣ, и только ихъ пароходы подходятъ по временамъ къ берегу съ цѣлью изучить мѣстность Парѳенонскаго мыса, гдѣ стоитъ маякъ, означенный на нашихъ картахъ подъ именемъ Херсонесскаго мыса.

„По сообщеннымъ мнѣ вами извѣстіямъ, полученнымъ изъ Парижа, этотъ мысъ считается самымъ удобнымъ пунктомъ, для устройства складовъ дессантнаго отряда. Мѣсто это хорошо выбрано, потому что, перекопавъ перешеекъ, соединяющій мысъ съ твердою землею, его можно укрѣпить безъ особыхъ затрудненій, а бухты и заливы, его окружающіе, представляютъ закрытіе для амбаркаціи дессанта“.

Вечеромъ 30-го мая три большихъ непріятельскихъ парохода опять появились въ трехъ миляхъ отъ входа на рейдъ, прошли къ Херсонесскому мысу и затѣмъ скрылись. Въ погоню за ними былъ немедленно отправленъ отрядъ изъ шести пароходовъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова. Прокрейсировавъ въ морѣ всю ночь до разсвѣта и не догнавъ уходившаго непріятеля, Панфиловъ возвратился въ портъ.

Нѣсколько дней спустя, 3-го іюня, тѣ же самые пароходы снова появились въ виду Севастополя и были преслѣдуемы тѣмъ же пароходнымъ отрядомъ, при которомъ находилось много охотниковъ, изъ числа офицеровъ Черноморскаго флота. Послѣ небольшой перестрѣлки непріятель скрылся и не показывался до 14-го іюля.

Въ этотъ промежутокъ времени Черноморскій флотъ не оставался бездѣятельнымъ и зорко слѣдилъ за англо-французами. Капитанъ 2-го

---

[1]) Рапор. генер. Хомутова князю Меншикову, 29-го апрѣля, № 307-ой, Арх. канц. воен. мин. по снаряженію войскъ, д. № 10(а).

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову, 29-го апрѣля. Воен.-Учен. Арх., д. № 4253 ч. II.

[3]) Кн. Долгорукову 27-го апрѣля. Тамъ же дѣло № 4254 ч. I.

ранга Бутаковъ, посланный на пароходѣ „Владиміръ“, для развѣдыванія о непріятелѣ, смѣло перерѣзалъ все Черное море, явился въ виду Синопа, осмотрѣлъ его рейдъ и, найдя тамъ только одно купеческое судно, возвратился въ Севастополь. Слѣдомъ за нимъ пошелъ въ Николаевъ на пароходѣ „Тамань“ капитанъ-лейтенантъ Сотири, а за нимъ капитанъ-лейтенантъ Поповъ сходилъ въ Одессу два раза и доставилъ въ Николаевъ котлы, назначенные для постановки на пароходъ „Тамань“.

Продолжительное пребываніе союзнаго флота въ виду Севастополя и настойчивый осмотръ Херсонесскаго мыса наводили князя Меншикова на мысль, что мѣсто это избрано для дессанта. Впослѣдствіи, за нѣсколько дней до высадки, онъ производилъ въ этой мѣстности нѣсколько разъ маневры и имѣлъ случай настолько познакомиться съ боевымъ взглядомъ своихъ начальниковъ дивизій, что, выступая на р. Алму, одного оставилъ въ Севастополѣ, а другаго устранилъ отъ распоряженій по расположенію войскъ на позиціи.

Маневры эти производились гораздо позже, не задолго до высадки, но теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число войскъ, князь Меншиковъ могъ выставить въ этой мѣстности только небольшой наблюдательный отрядъ, который бы принялъ на себя первое нападеніе, пока войска, расположенныя въ Севастополѣ и его окрестностяхъ, могли быть собраны на южной сторонѣ города. Съ этою цѣлью неподалеку отъ Херсонесскаго мыса былъ поставленъ лагеремъ Волынскій полкъ съ легкою батареею, такъ какъ въ составѣ войскъ Крымской арміи не было ни одного батарейнаго орудія.

Командующій войсками въ Крыму просилъ направить къ нему ту батарейную батарею, которая назначена была въ Николаевъ, но, получивъ въ томъ отказъ, принужденъ былъ довольствоваться обѣщаніемъ генерала Хомутова прислать къ нему Донскую конно-батарейную батарею, когда она будетъ сформирована. Дѣятельность же легкой батареи, назначенной въ составъ отряда, была весьма ограничена, при высадкѣ непріятеля подъ покровительствомъ огня съ флота.

Вынужденный слѣдить за непріятелемъ на двухъ берегахъ—сѣверномъ и южномъ—раздѣленныхъ обширнымъ Севастопольскимъ рейдомъ, князь Меншиковъ выставилъ точно такой же наблюдательный отрядъ и

на сѣверной сторонѣ города. Высланнымъ на позицію войскамъ приказано соблюдать всѣ военныя предосторожности и на ночь выставлять по берегу секреты, съ цѣлью препятствовать непріятелю осматривать берега и дѣлать промѣры. Въ случаѣ дессанта на одномъ изъ береговъ бухты, для подкрѣпленія находящагося тамъ наблюдательнаго отряда войсками, расположенными на противуположномъ берегу рейда, устроена была переправа при помощи шлюпокъ и пароходовъ, поставленныхъ у каждаго изъ береговъ. Переправа эта не могла считаться вполнѣ удобною, въ особенности при снабженіи войскъ всѣми необходимыми для нихъ матеріальными и боевыми припасами. Такое снабженіе производилось обыкновенно окольнымъ путемъ вокругъ всей бухты по дорогѣ, имѣвшей до 20 верстъ протяженія. Чтобы сколько-нибудь сократить этотъ путь, князь Меншиковъ призналъ необходимымъ разработать тропинку, идущую вдоль южнаго берега рейда и сокращающую путь на шесть верстъ, и устроить ее такъ, чтобы возможно было перевозить орудія и обозъ. Работа эта была поручена тремъ ротамъ 6-го саперснаго батальона, отчего и самая дорога получила впослѣдствіи названіе *саперной* [1]).

Начинаясь у Инкерманскаго моста и пролегая вдоль южнаго берега рейда, дорога эта шла по Георгіевской балкѣ, подымалась на Киленбалочный хребетъ, спускалась съ него къ Киленъ-бухтѣ и выходила на Корабельную сторону между Малаховымъ курганомъ и Доковымъ оврагомъ.

Проложеніе этой дороги не остановило прочихъ работъ по укрѣпленію города съ сухопутной стороны. Многія изъ этихъ укрѣпленій были уже окончены и вооружены, другія еще только вооружались или строились. Моряки трудились надъ постройкою редута, на мѣстѣ бастіона № 2-го; вооружали редантъ, изъ котораго впослѣдствіи образованъ былъ бастіонъ № 3-го, и наконецъ, согласно желанію и мысли императора, было приступлено къ устройству, на деньги, пожертвованныя городомъ, каменной башни на Малаховомъ курганѣ.

Въ половинѣ мая на сухопутныхъ укрѣпленіяхъ южной стороны города стояло уже 104 орудія большихъ и малыхъ калибровъ.

---

[1]) Отношеніе князя Меншикова воен. минис. 13-го мая. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4262.

„Съ прибытіемъ одной бригады 17-й дивизіи—писалъ кн. Меншиковъ кн. Варшавскому [1]),—и комплектованіемъ резервной бригады 13-й дивизіи, Севастополь обезпеченъ въ такой мѣрѣ, что конечно нуженъ весьма значительный дессантъ, чтобы отважиться сдѣлать рѣшительное нападеніе на этотъ портъ. О Черноморскомъ флотѣ могу сказать, что въ настоящее время онъ находится даже въ лучшемъ положеніи, чѣмъ передъ открытіемъ войны. Все, что было тогда ветхо, теперь поновлено. Мы имѣемъ нынѣ на рейдѣ, въ совершенной боевой готовности и съ полнымъ комплектомъ людей, 14-ть линейныхъ кораблей, изъ которыхъ четыре трехдечные, въ 120 пушекъ каждый. Сила, конечно, хорошая—но непріятель являлся къ намъ до сего времени всегда въ столь превосходящемъ насъ числѣ вымпеловъ, что съ нашей стороны было бы крайне опрометчиво идти къ нему на встрѣчу и сразиться. Мы выжидаемъ случая, или какого-нибудь промаха со стороны непріятеля, или раздѣленія его силы. Тогда предпримемъ ту, по обстоятельствамъ, операцію, которая наиболѣе представитъ видовъ успѣха. А до тѣхъ поръ по необходимости будемъ въ выжидательномъ положеніи.

„За симъ обращаясь къ восточной части Крыма, скажу вашей свѣтлости, что Керченскій проливъ и входъ въ Азовское море, которымъ мы получаемъ здѣсь всѣ снабженія для войска, укрѣплены въ мѣрѣ тѣхъ способовъ, коими я и генералъ Хомутовъ могли располагать“.

Важность Азовскаго моря, въ смыслѣ доставокъ всякаго рода для войскъ, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ, заставляла принять мѣры къ прегражденію непріятелю возможности ворваться въ Керченскій проливъ,—единственный проходъ въ этомъ морѣ. Князю Меншикову, занятому приведеніемъ Севастополя въ оборонительное положеніе, не было никакой возможности въ одно и то же время слѣдить за работами по защитѣ Керченскаго пролива, и потому, въ концѣ апрѣля 1854 года, состоялось высочайшее повелѣніе, по которому защита этого пролива была возложена на исключительное попеченіе наказнаго атамана войска Донскаго генерала Хомутова, командовавшаго войсками, расположенными въ Черноморіи и на восточномъ берегу Чернаго моря.

---

[1]) Отъ 30-го мая 1854 г., Воен.-Учен. Арх., д. № 4311.

По высочайшему повелѣнію генералу Хомутову подчинена была вся мѣстность между Керчью, Ѳеодосіею и Арабатомъ со включеніемъ и этихъ пунктовъ,—словомъ сказать, вся территорія такъ называемаго Керченскаго полуострова. Такимъ образомъ весь Крымскій полуостровъ относительно обороны былъ раздѣленъ на двѣ части: на западную и бо̀льшую, защита которой поручена князю Меншикову, и восточную и меньшую, оборона коей лежала на обязанности генерала Хомутова.

Послѣдній, по предварительномъ осмотрѣ ввѣреннаго ему края, находилъ, что хотя Азовское море и можетъ считаться недоступнымъ для большихъ непріятельскихъ судовъ, но если непріятель вздумаетъ отдѣлить сильную пароходную эскадру, съ цѣлью, прорвавшись въ Азовское море, препятствовать нашимъ сообщеніямъ и истребить подвозы по Дону, то, во-первыхъ, онъ можетъ произвести это безъ затрудненія на небольшихъ пароходахъ, а во-вторыхъ, находящаяся близъ Керчи Павловская батарея, вооруженная десяткомъ орудій небольшаго калибра, не въ состояніи будетъ остановить такого вторженія. Кн. Меншиковъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и еще въ февралѣ мѣсяцѣ [1]) указывалъ на необходимость самое узкое мѣсто у Еникале преградить бономъ, устроивъ его подъ защитою нѣсколькихъ орудій и вооруживъ этотъ за̀мокъ, сколько возможнымъ окажется. Онъ просилъ о присылкѣ для этого орудій, которыя и были отправлены изъ Ростова, но безъ лафетовъ, придѣланныхъ впослѣдствіи по распоряженію керчь-еникольскаго градоначальника, по особому чертежу и мѣстными средствами [2]).

Орудія эти прибыли на мѣсто тогда уже, когда защита Керченскаго пролива была поручена генералу Хомутову. Послѣдній, считая проливъ весьма важнымъ по своему положенію, находилъ, что всѣ принятыя до сихъ поръ мѣры, для его защиты, слишкомъ недостаточны, какъ по числу войскъ, такъ и по оборонѣ береговъ.

Согласно съ мнѣніемъ керчь-еникольскаго градоначальника кн. Гагарина, Хомутовъ находилъ необходимымъ преградить входъ въ проливъ потопленіемъ 20 или 30 судовъ, частію казенныхъ, частію пріобрѣтенныхъ покупкою, на что̀ требовалось, по его мнѣнію, до 60.000 руб. сер. Относительно мѣста расположенія этой преграды кн. Гагаринъ еще

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 12-го февраля 1854 г.

[2]) Арх. артиллер. департамент. 2-го крѣпостн. стола, д. № 5.

въ февралѣ мѣсяцѣ представлялъ кн. Меншикову о необходимости заградить фарватеръ между отмелями, идущими отъ Павловской батареи, и подъ ея выстрѣлами и до отмелей южной косы Тузла, оставивши небольшой проходъ, со знаками, для нашихъ судовъ, съ тѣмъ чтобы при первомъ появленіи непріятеля знаки эти были немедленно снимаемы [1]). Руководясь этимъ мнѣніемъ, Хомутовъ созвалъ на совѣщаніе мѣстныхъ и военныхъ начальниковъ, которые положили преградить проливъ, съ восточнаго берега (отъ косы Тузлы), затопленіемъ по возможности бо̀льшаго числа судовъ, а съ западной стороны запереть проходъ бономъ въ два или три ряда. Жители прибрежій Азовскаго моря съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ устройству такой преграды и оказали свое содѣйствіе многочисленными пожертвованіями, простиравшимися болѣе 29.000 рублей.

Мѣры, предложенныя генераломъ Хомутовымъ, удостоились высочайшаго утвержденія, и работы по загражденію Керченскаго пролива были начаты съ 29-го апрѣля. Пріобрѣтеніе необходимыхъ судовъ было возложено на особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина, а самое загражденіе пролива поручено произвести контръ-адмиралу Вульфу. Послѣдній признавалъ необходимымъ пріобрѣсти 34 большихъ и 14 малыхъ судовъ и сверхъ того затопить старые казенные транспорты: „Кадосъ“, „Мамай“, „Цемесъ“, „Субаши“ и шкуну „Гонецъ“ [2]). На затопленіе этихъ судовъ послѣдовало разрѣшеніе государя императора, точно такъ же, какъ и на пріобрѣтеніе судовъ у частныхъ лицъ повелѣно было отпустить изъ военнаго капитала, въ распоряженіе генерала Хомутова, 75.000 руб. сер., присоединивъ къ нимъ и тѣ 29.427 руб., которые были пожертвованы жителями [3]). Для устройства бона и потопленія судовъ князь Меншиковъ передалъ Хомутову старые якоря, хранившіеся въ Севастополѣ, и къ началу іюня суда были потоплены.

Въ концѣ того же мѣсяца былъ произведенъ осмотръ бона и затопленныхъ судовъ, и то и другое найдено было въ неудовлетворительномъ

---

[1]) Рап. кн. Гагарина кн. Меншикову 28-го февраля № 1256. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4279.

[2]) Рап. Хомутова воен. минис. 29-го апрѣля. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3528 (А).

[3]) Арх. канц. воен. минис., дѣло № 62.

состояніи. Отъ сильнаго теченія въ проливѣ у многихъ судовъ были обломаны палубы, и можно было ожидать, что самыя суда будутъ подняты на поверхность воды. Замѣчено было, что нѣкоторыя суда перемѣнили свое положеніе, а бонъ весьма часто разрывался, будучи не въ силахъ устоять противъ совокупнаго дѣйствія теченія и зыби [1]).

Предположенія о непрочности загражденія вполнѣ оправдались. Въ первое сильное волненіе стало выбрасывать доски, которыми керченскіе жители пользовались для топлива всю зиму. Злые языки разсказывали, что причиною разрушенія преграды было то, что въ потопленныхъ судахъ, прежде ихъ погруженія, повынимали все скрѣпляющее ихъ желѣзо [2]).

Между тѣмъ одновременно съ затопленіемъ судовъ генералъ Хомутовъ призналъ необходимымъ усилить войска Керченскаго полуострова и съ этою цѣлью переправилъ изъ Черноморья въ Крымъ Московскій полкъ, батарейную № 3-го батарею 17-й артиллерійской бригады и Донскую легкую № 2-го батарею, а изъ Маріуполя—Донской казачій № 67-го полкъ [3]).

Съ прибытіемъ этихъ войскъ оборона Керченскаго полуострова была раздѣлена также на двѣ части: защита Ѳеодосіи поручена генералъ-маіору Жабокритскому, а Керчи—генералъ-маіору Тимоѳееву. Подъ наблюденіемъ послѣдняго работы по укрѣпленію города дѣятельно продолжались. Павловская батарея была усилена возведеніемъ новыхъ эполементовъ и постановкою тринадцати новыхъ орудій, такъ что общее вооруженіе этой батареи доходило до 25 орудій различнаго калибра. Для дѣйствія изъ нихъ обучались нижніе чины карантинной стражи, которыхъ, однако же, за недостаткомъ зарядовъ, не представлялось возможныхъ обучить практической стрѣльбѣ изъ орудій. Зарядовъ и пороху было такъ мало, что Хомутовъ долженъ былъ собирать по мелочи отовсюду и просить кн. Меншикова о присылкѣ хотя нѣсколькихъ пудовъ пороха изъ Севастополя [4]).

---

[1]) Рап. начальника Черноморской береговой линіи Хомутову 27-го іюля. Тамъ же, дѣло № 4279.

[2]) Письмо Княжевича отъ 7-го іюля (рукоп.).

[3]) Рап. Хомутова воен. минис. 3-го іюня № 50. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 48.

[4]) Тамъ же.

V.

Прибытіе князя Варшавскаго въ Фокшаны и вступленіе его въ командованіе войсками.—Его мнѣнія о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Движеніе къ Силистріи и осада этой крѣпости.—Обратное отступленіе нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная.—Вліяніе дѣйствій Южной арміи на оборону Крыма.—Извѣстія о намѣреніяхъ союзниковъ высадиться въ Крыму.—Рескриптъ императора.—Расположеніе войскъ на Крымскомъ полуостровѣ.—Предположеніе о мѣстѣ высадки непріятеля.—Численность войскъ, назначенныхъ для защиты Севастополя.—Мѣры, принятыя княземъ Меншиковымъ для усиленія своихъ боевыхъ средствъ.—Препятствія, имъ встрѣчаемыя.—Отправленіе въ Крымъ 16-ой пѣхотной дивизіи.—Рескрипты императора кн. Меншикову, кн. Горчакову и князю Варшавскому.—Состояніе укрѣпленій Севастополя ко времени высадки англо-французовъ въ Крыму.

Переходъ арміи кн. Горчакова за Дунай сильно встревожилъ какъ турокъ, такъ и ихъ союзниковъ. По поводу этого перехода въ Константинополѣ происходили частыя совѣщанія между министрами султана, раздѣлившимися на двѣ партіи: одна надѣялась, что турецкій главнокомандующій съумѣетъ удержаться нѣсколько мѣсяцевъ въ горныхъ проходахъ черезъ Балканы; другіе, напротивъ того, предполагали, что русскія войска, будучи многочисленнѣе турецкихъ, запрутъ Омера-пашу въ Шумлѣ, и, переваливъ черезъ Балканы, быстро двинутся къ Адріанополю, овладѣютъ имъ и явятся у столицы султана гораздо прежде, чѣмъ англо-французы успѣютъ сосредоточить къ этому пункту свои силы.

Предположенія обѣихъ сторонъ оказались не вполнѣ справедливыми. Омеръ-паша, не имѣя никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, укрѣплялся въ Шумлѣ и надѣялся, что мѣсяцъ, проведенный нами въ Добруджѣ, будетъ для него гораздо выгоднѣе выиграннаго сраженія, такъ какъ войска наши уменьшатся отъ болѣзней. Что касается до русской арміи, то, въ ожиданіи прибытія главнокомандующаго князя Варшавскаго, она не торопилась предпринимать наступательное движеніе.

3-го апрѣля генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій прибылъ въ Фокшаны, и, принявъ главное начальство надъ Южною арміею, внесъ въ нее тотъ элементъ осторожности, которымъ отличались всѣ послѣдующія дѣйствія этой арміи.

Удрученный тяжестью лѣтъ, перешедшихъ за седьмой десятокъ, фельдмаршалъ носилъ на себѣ отпечатокъ глубокой старости: въ немъ совершенно угасла прежняя энергія, а физическія силы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвали. Постоянно твердившій объ отвѣтственности, которая лежитъ на главнокомандующемъ, кн. Варшавскій сталъ крайне остороженъ и весьма недовѣрчивъ къ окружающимъ его лицамъ, за исключеніемъ только немногихъ, въ рукахъ которыхъ онъ находился. Довѣряясь единственно ихъ показаніямъ, онъ впадалъ въ ошибки, свойственныя человѣку, выслушивающему мнѣніе только одной стороны и не обращающему вниманіе на показаніе другихъ, не рѣдко ближе стоящихъ у дѣла и знакомыхъ съ бо̀льшими подробностями. „Опытный, искусный и свѣдущій полководецъ,—говоритъ одинъ изъ близко знавшихъ фельдмаршала [1]),—въ послѣдніе годы жизни слишкомъ увлекся системою шпіонства и вѣрилъ часто недостойнымъ и ничтожнымъ людямъ, которые играли роль политическихъ агентовъ. Точно такой же агентъ состоялъ при фельдмаршалѣ и въ Букарестѣ: онъ вывезенъ изъ Варшавы и, несмотря на то, что принадлежалъ къ простому состоянію, успѣлъ быть вкрадчивъ и пользовался полною довѣренностію главнокомандующаго".

Только сообщенія подобныхъ лицъ имѣли значеніе въ глазахъ фельдмаршала, остававшагося глухимъ къ извѣстіямъ, исходящимъ изъ другихъ источниковъ. Основываясь на показаніяхъ своихъ кліентовъ, Паскевичъ считалъ не безопаснымъ переносить военныя дѣйствія за Дунай, гдѣ, по его мнѣнію, мы могли встрѣтиться съ значительными силами турокъ въ соединеніи съ англо-французами.

„По всѣмъ свѣдѣніямъ,—писалъ императоръ [2]) князю Варшавскому, въ отвѣтъ на его опасенія,—на врядъ-ли раньше конца мая всѣ союзныя войска могутъ быть собраны въ Царьградѣ, потому никакъ не полагаю, чтобъ они въ (значительныхъ) силахъ могли подоспѣть на соединеніе съ турками, до обложенія Силистріи, а можетъ быть и еще позднѣе. Быть можетъ, что они будутъ дѣлать частыя диверсіи, малыми высадками на лѣвомъ нашемъ флангѣ, но врядъ-ли удаляться могутъ

---

[1]) Н. Ушаковъ, «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи», 88.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 13-го апрѣля.

отъ берега моря, за невозможностью перевезть лошадей для артиллеріи и обозовъ, а еще менѣе для кавалеріи, почему эти высадки не могутъ представить большой опасности.

„Про Австрію ничего новаго и положительнаго не знаю. Говорятъ, будто новый договоръ съ Пруссіею заключенъ объ вооруженномъ нейтралитетѣ; условій не знаю.

„Письмо мое было дописано до этого мѣста, какъ прибылъ курьеръ отъ Мейндорфа; хотя онъ новаго ничего не пишетъ, но вотъ одно мѣсто его письма, которое, по соглашенію со всѣми прочими свѣдѣніями, очень важно.

„Avant le premier juin n. s. les alliés ne seront pas sur les lieux; encore sans chevaux. On en demande à Vienne 1500 pour les Français. Sina, pour la forme, s'est chargé de les leur (faire) parvenir, mais il n'en fera rien, prenant pour excuse que tout a été acheté pour l'Autriche. L'armée Turque, à ce que l'ont sait ici, est dans une état déplorable et ne peut pas tenir la campagne. Ainsi donc le Maréchal a tout le temps de prendre Silistrie, et même Routchouk“ [1]).

„Вотъ его слова. Къ сему я прибавлю, что быть не можетъ, чтобъ ранѣе шести недѣль прибыло къ туркамъ, противъ тебя, или англичанъ или французовъ болѣе много что 25.000 и то съ плохо запряженной артиллеріей и еще худшей кавалеріей. Потому въ полѣ, т. е. въ равнинѣ мы должны ихъ встрѣтить съ полной выгодой нашей сильной артиллеріи и славной кавалеріи“.

Не такъ думалъ фельдмаршалъ. Въ Фокшанахъ онъ получилъ отъ своихъ агентовъ извѣстіе, что Омеръ-паша, въ ожиданіи прибытія на помощь 30.000 союзниковъ, стягиваетъ свои силы къ Шумлѣ и Разграду; что прибытіе къ нему англо-французовъ можетъ послѣдовать между 15-мъ и 19-мъ числами апрѣля.

---

[1]) Раньше 1-го іюня нов. ст. союзники не могутъ быть на мѣстахъ, да и то безъ лошадей. Въ Вѣнѣ требовали ихъ 1.500 для французовъ. Для виду Сина (!) вызвался ихъ доставить, но ничего не сдѣлаетъ, сославшись на то, что всѣ были закуплены для Австріи. По здѣшнимъ свѣдѣніямъ турецкая армія въ печальномъ положеніи и не можетъ держаться въ полѣ. И такъ у фельдмаршала будетъ довольно времени, чтобъ взять не только Силистрію, но даже и Рущукъ.

— Высадивъ тысячъ тридцать,—говорилъ князь Варшавскій,—и соединившись съ турками, находящимися въ Бабадагской области—число которыхъ простирается отъ 70 до 80 т.—союзники будутъ имѣть всего сто тысячъ человѣкъ. Они могутъ атаковать наши переправы на Дунаѣ, или насъ, если мы будемъ подъ Силистріею. Намъ придется тогда или отходить отъ Силистріи, или, оставивши противъ крѣпости одну дивизію, съ остальными войсками встрѣтить сто-тысячную армію соединенныхъ силъ. Осада наша не можетъ быть успѣшна, ибо осадная артиллерія можетъ прибыть къ Калараш у только 16-го апрѣля и то лишь съ одною четвертью снарядовъ, а продовольствія у насъ только на три недѣли. Отходить далеко отъ Дуная мы не можемъ, потому что здѣсь мы получаемъ все продовольствіе и даже фуражъ, который должны возить за собою, ибо доселѣ нѣтъ еще и былинки травы.

Съ такимъ взглядомъ на положеніе дѣлъ фельдмаршалъ отправился по Дунаю изъ Фокшанъ въ Измаилъ. На дорогѣ онъ узналъ о появленіи въ Кюстенджи партій турокъ и французовъ съ артиллеріею, и союзнаго флота въ виду Одессы. Въ Гирсовѣ онъ получилъ извѣстіе, что Австрія подписала, вмѣстѣ съ Франціею и Англіею, протоколъ съ цѣлью дѣйствовать согласно съ ними для того, чтобы принудить насъ оставить княжества.

Это извѣстіе окончательно убѣждало князя Варшавскаго не только въ невозможности дѣйствовать наступательно, но въ необходимости оставить Дунай и княжества.

— Если одновременно съ высадкою англо-французовъ,—говорилъ онъ,—Австрія объявитъ намъ войну и станетъ угрожать нашему правому флангу и тылу, то нѣтъ сомнѣнія, что положеніе нашей арміи будетъ столь затруднительно, что мы принуждены будемъ оставить княжества и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля. При этомъ, будучи преслѣдуемы всѣми силами турокъ, мы можемъ потерять половину арміи. Лучше бы избѣжать принужденія оставить княжества, а очистить ихъ добровольно, для того, чтобы быть сильнѣе въ нашихъ предѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами. Благоразуміе требуетъ теперь же оставить Дунай и стать въ другой позиціи, гдѣ мы можемъ быть такъ же сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ.

Находя, что такая позиція должна быть за Серетомъ и даже за Прутомъ, фельдмаршалъ настаивалъ на необходимости прекратить наступленіе и очистить княжества [1]).

Основываясь на томъ, что во время пребыванія и совѣщаній въ Петербургѣ рѣшено было, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Австріи, избрать для нашихъ войскъ позицію за Серетомъ [2]), фельдмаршалъ не сомнѣвался, что его мнѣніе будетъ принято и одобрено. Поэтому до полученія еще разрѣшеній изъ Петербурга, князь Варшавскій приготовилъ уже армію къ отступательному движенію за Серетъ. Съ этою цѣлью онъ дѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи Фокшанъ и сосредоточеніи тамъ вагенбурговъ; хлопоталъ о постройкѣ укрѣпленій на р. Серетѣ, усиленіи обороны Измаила, очищеніи нашими войсками Малой Валахіи, о вывозѣ больныхъ и раненыхъ въ Россію и наконецъ объ устройствѣ запасныхъ магазейновъ въ тылу Одессы. Всѣ эти распоряженія не указывали желанія быстро двинуться впередъ, а, напротивъ того, убѣждали каждаго, что фельдмаршалъ намѣренъ вести войну оборонительную.

Императоръ не раздѣлялъ опасеній князя Варшавскаго. Неужели,— спрашивалъ онъ,—появленіе флотовъ у Одессы и даже потеря ея, неужели появленіе какихъ-то французскихъ партій съ артиллеріею у Кюстенджи могутъ все измѣнить, заставить все бросить и отказаться отъ всѣхъ положительныхъ выгодъ, нами не даромъ пріобрѣтенныхъ?— „Право, стыдно и подумать!“—говорилъ онъ.—„И такъ остается боязнь появленія австрійцевъ. Дѣйствительно, могло быть дурно мѣсяцъ тому, когда мы были слабы и войска, съ тѣмъ предвидѣніемъ приведенныя, не были еще на мѣстахъ. Но они уже тамъ. Да и нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобъ подобное нападеніе готовилось теперь, а развѣ когда бы мы двинулись къ Балканамъ, чего мы и не затѣваемъ. Вчера же черезъ Берлинъ получены свѣдѣнія и еще болѣе положительныя, что они только насъ стращать хотятъ, чтобъ задержать наши успѣхи, и что они насъ не атакуютъ и въ Сербію не хотятъ войти, боясь у себя въ тылу возмущенія. Словомъ, эта опасность дальняя и во многомъ измѣниться мо-

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго отъ 11-го апрѣля и записка его отъ 15-го числа.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 29-го апрѣля 1854 г.

*

жетъ по нашимъ успѣхамъ. Между тѣмъ время дорого, мы положительно знаемъ, что ни французы, ни англичане въ силахъ и устройствѣ не могутъ примкнуть къ Омеръ-пашѣ, развѣ какъ въ іюнѣ, и при такихъ выгодныхъ данныхъ, мы все должны бросить даромъ, безъ причинъ и воротиться со стыдомъ! Мнѣ, право, больно и писать подобное.

„Изъ сего ты положительно видишь, что я отнюдь не согласенъ съ твоими странными предложеніями, а напротивъ требую, чтобъ ты, самымъ дѣятельнымъ образомъ, исполнилъ твой прежній прекрасный планъ, не давая себя сбивать опасеніями, которыя ни на чемъ положительномъ не основаны. Здѣсь стыдъ и гибель,—тамъ честь и слава!..

„Ожидаю нетерпѣливо твоего донесенія, что Лидерсъ подъ Силистріей и удалось ли устроить новую переправу у Калараша?

„Ради Бога не теряй драгоцѣннаго времени“ [1]).

Фельдмаршалъ однакоже медлилъ въ ожиданіи, не выяснится ли относительное положеніе Россіи къ многочисленнымъ ея врагамъ. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе той помощи, которую могутъ оказать туркамъ англо-французы, и преждевременно опасался разрыва съ Австріею, тогда какъ ни то, ни другое, въ то время, не могло имѣть мѣста.

Князю Варшавскому было извѣстно изъ сообщенныхъ ему министерствами свѣдѣній, что экспедиціонный корпусъ англо-французовъ не былъ еще сосредоченъ въ Турціи; что войска союзниковъ въ то время только частями прибывали въ Галлиполи и Константинополь; что помощь, которую они могли оказать туркамъ, была лишь въ далекомъ будущемъ и что, наконецъ, Австрія была совершенно не готова къ открытію военныхъ дѣйствій. Она только формировала свою армію и, собирая ее съ разныхъ концовъ, расквартировывала по границамъ Трансильваніи. Ничто еще не предвѣщало скораго разрыва съ этою державою, находившеюся въ колебательномъ положеніи. Австрійское правительство выказывало всѣ наружные знаки расположенія, устранявшіе, повидимому, возможность скорой борьбы, и нашъ посланникъ оставался въ Вѣнѣ. Положеніе его было, конечно, трудно, но не безысходно.

---

[1]) Собственноручное письмо государя императора кн. Варшавскому 17-го—19-го апрѣля.

„Воротился изъ Берлина, вчера, племянникъ мой принцъ Мекленбургскій,—писалъ императоръ князю Варшавскому—[1]), съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что никогда король на насъ не обратится и что положительно знаетъ, что никогда Австрія не атакуетъ нашихъ границъ.

„Сегодня же воротился изъ Вѣны генералъ-адъютантъ Гринвальдъ. Всѣ имъ привезенныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что насъ атаковать не намѣрены; что очень рады будутъ, чтобъ мы взяли Силистрію и даже Рущукъ, а императоръ велѣлъ ему мнѣ передать, что ежели бъ турки хотѣли занять Малую Валахію, то онъ ихъ къ сему не допуститъ, а займетъ самъ. Всѣ военные въ одинъ голосъ противъ войны съ нами...

„Между тѣмъ свѣдѣнія о высадкѣ войскъ подтверждаютъ, что они въ большой нуждѣ и покуда безъ лошадей и артиллеріи, такъ что сами говорятъ, что ранѣе по крайней мѣрѣ трехъ мѣсяцевъ ничего вдаль предпринять не могутъ".

Получивши это письмо и сознавая самъ, что слишкомъ рѣзкій переходъ отъ наступленія къ оборонѣ можетъ имѣть дурное вліяніе на политическое положеніе Россіи и значительно усилить нашихъ враговъ, фельдмаршалъ счелъ необходимымъ сгладить этотъ переходъ и сдѣлать его менѣе замѣтнымъ. Имѣя въ виду, что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Вѣны, австрійцы даже и въ случаѣ войны прежде шести недѣль не могутъ быть готовы къ движенію, князь Варшавскій рѣшился продолжать до времени наступленіе по правому берегу Дуная къ Силистріи [2]), что̀ было удобно сдѣлать, такъ какъ сильный отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса былъ уже на пути къ этой крѣпости и наши батареи обстрѣливали ее со стороны Калараша.

Съ этою цѣлію всѣ силы арміи начали стягиваться къ лѣвому флангу; Лидерсъ получилъ приказаніе подвинуться къ Черноводамъ; занимавшій Малую Валахію отрядъ генералъ-лейтенанта Липранди отведенъ, 13-го апрѣля, къ Краіову, а главный корпусъ, расположенный у Троянова вала, усиленъ до 35-ти батальоновъ съ 16-ю эскадронами и 104-мя орудіями.

---

[1]) Собственноруч. письмо отъ 24-го апрѣля.

[2]) Всепод. записка кн. Варшавскаго отъ 15-го апрѣля и письмо отъ 29-го апрѣля.

Въ первыхъ числахъ мая войска Лидерса безпрепятственно приблизились къ Силистріи, оттѣснили непріятеля подъ самыя стѣны крѣпости и, посредствомъ наведенныхъ на Дунаѣ мостовъ, вошли въ соединеніе съ войсками, собранными у Калараша на лѣвомъ берегу рѣки.

При появленіи нашихъ отрядовъ турки всюду быстро отступали. Они вышли даже изъ Базарджика, и одна часть пошла къ Силистріи, а другая къ Варнѣ. Это быстрое отступленіе турокъ не радовало, а заботило главнокомандующаго.

— Видно,—говорилъ фельдмаршалъ,—что они отступаютъ, вслѣдствіе вновь принятаго плана, на соединеніе съ французами. Кажется, вслѣдствіе перехода нашего за Дунай французы измѣнили планъ кампаніи и предполагаютъ къ 1-му іюня новаго стиля, т. е. къ 18-му мая, собрать по крайней мѣрѣ 50.000 человѣкъ.

Рѣшившись двинуться впередъ, князь Варшавскій не разсчитывалъ на взятіе Силистріи, и оттого всѣ его движенія отличались медленностью. Онъ считалъ свои силы недостаточными для полнаго обложенія крѣпости и сознавалъ, что Омеръ-паша, расположившись за укрѣпленіями съ 20.000 или 30.000 человѣкъ, могъ свободно усиливать и снабжать гарнизонъ всѣмъ необходимымъ. Здѣсь онъ могъ выждать прибытія англо-французскихъ вспомогательныхъ войскъ, которыя по слухамъ высаживались уже въ Галлиполи и Константинополѣ. Передовыя части союзниковъ прибыли въ Варну и даже встрѣчались съ нашими казачьими постами у Кюстенджи.

Эти обстоятельства, по мнѣнію фельдмаршала, не давали надежды на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что Силистрія, считавшаяся одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей европейской Турціи, въ послѣднее время, при содѣйствіи французскихъ и англійскихъ инженеровъ, была усилена новыми передовыми фортами, возведенными на господствующихъ надъ городомъ высотахъ. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 25.000 турецкихъ войскъ, руководимыхъ въ дѣйствіяхъ европейскими инженерами и обезпеченныхъ продовольствіемъ на годъ. „Имѣя противъ себя,—писалъ князь Варшавскій [1]),—отъ 80.000 до 90.000 турокъ и французовъ, на флангѣ сильную крѣпость, а въ тылу рѣку въ разливѣ, съ невѣрною

---

[1]) Отъ 22-го апрѣля 1854 г.

переправою, мы никакъ не могли бы удержаться на правомъ берегу и должны были бы отойти... Если даже мы возьмемъ Силистрію, то это не принесетъ намъ много пользы, ибо должны будемъ оставить ее, когда въ тылу будутъ австрійцы“.

Опасеніе быть атакованнымъ австрійцами наиболѣе всего заботило фельдмаршала. Князь Варшавскій ежеминутно повторялъ, что у австрійцевъ сосредоточено уже противъ насъ до 200.000 человѣкъ, которые не вступаютъ въ Молдавію только въ ожиданіи начала осады Силистріи нашими войсками.

— Приготовляясь къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи,— говорилъ фельдмаршалъ,—австрійцы очень хорошо расположили свои войска, ибо резервъ поставленъ соотвѣтственно цѣли. Если они сочтутъ нужнымъ идти въ Валахію, то посылаютъ корпусъ изъ Германштадта или Кронштадта, а за нимъ 50.000 резерва изъ Песта; если захотятъ двинуть войска намъ въ тылъ на Молдавію—посылаютъ резервъ на Быстрицу и увеличиваютъ имъ корпусъ тамъ стоящій до 70.000 человѣкъ; если бы мы хотѣли напасть на Галицію изъ Царства Польскаго— резервъ выходитъ къ Кракову и составляетъ 100.000. Для насъ всего опаснѣе и потому именно всего вѣроятнѣе, что они будутъ дѣйствовать намъ въ тылъ. Въ четыре или пять переходовъ отъ границы австрійскія войска могутъ быть въ Яссахъ или Фокшанахъ, а нашимъ до Яссъ отъ Букареста 340 и отъ Браилова 225 верстъ, т. е. 14 обыкновенныхъ и 9 усиленныхъ переходовъ. Атакованные съ фронта французами и турками, съ тылу австрійцами, мы, окруженные со всѣхъ сторонъ, должны будетъ оставить княжества, пробиваться, потерять половину арміи и артиллеріи, госпитали и магазины. Въ подобномъ положеніи мы были въ 1812 году и ушли отъ французовъ только потому, что имѣли передъ ними три перехода.

Рисуя такъ свое положеніе и опасаясь за свой путь отступленія въ Бессарабію, Паскевичъ отказывался отъ всякихъ побѣдъ на правомъ берегу Дуная. Опасенія эти были преждевременны и происходили отъ того, что фельдмаршалъ смотрѣлъ на Австрію совершенно иными глазами и полагалъ, что подобно азіатскимъ народамъ австрійцы вторгнутся въ наши границы безъ формальнаго объявленія войны и безъ соблюденія правилъ, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ между европейскими госу-

дарствами. Не было сомнѣнія въ томъ, что Австрія принадлежала къ числу враговъ Россіи, но такихъ, которые не высказались еще окончательно. Переговариваясь съ остальными германскими державами, австрійское правительство не рѣшалось отдѣлиться отъ нихъ и стать во враждебныя отношенія къ Россіи. Дружественныя къ намъ отношенія Пруссіи сдерживали австрійцевъ и имѣли вліяніе на ихъ рѣшенія. Можно было быть увѣреннымъ, что если разрывъ съ Австріею и состоится, то онъ послѣдуетъ не такъ скоро и при перемѣнѣ какихъ-либо обстоятельствъ, а потому императоръ и не могъ согласиться съ опасеніями фельдмаршала. „Не бойся австрійцевъ,—писалъ онъ князю Варшавскому [1]),—но съ помощію Божіею и *съ твоими героями бей всѣхъ*, кто ни явится“.

Мы не будемъ слѣдить за подробностями осады Силистріи, но скажемъ только, что въ ночь съ 5-го на 6-е мая были открыты первыя осадныя работы на правомъ берегу Дуная. Работы эти подвигались медленно и туго; руководимые иностранными инженерами, турки защищались упорно.

Опытъ показалъ, что необходимо было предварительно овладѣть восточными передовыми фортами, къ которымъ потому и направлены были подступы. Преждевременное нападеніе, произведенное на эти форты въ ночь съ 16-го на 17-е мая, безъ всякаго на то распоряженія, но единственно по безотчетному увлеченію передовыхъ нашихъ войскъ, не могло имѣть успѣха и къ сожалѣнію стоило намъ чувствительной потери. Впрочемъ, случай этотъ не остановилъ осадныхъ и минныхъ работъ, и 29-го мая былъ удачно взорванъ исходящій уголъ передоваго форта. Храбрыя войска наши уже готовились къ штурму, стояли на мѣстахъ и ждали сигнальной ракеты, какъ въ ночь, съ 8-го на 9-е іюня, прискакавшій курьеръ привезъ приказаніе фельдмаршала снять осаду Силистріи и отступить на лѣвый берегъ Дуная.

Послѣ мѣсяца осады политическія обстоятельства измѣнились. Отношенія наши съ Австріею съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Заключивъ договоръ съ Портою, австрійское правительство видимо переходило на сторону нашихъ враговъ, и, подъ пред-

---

[1]) Въ собственноручн. рескриптѣ отъ 11-го (23-го) мая 1854 г.

логомъ увеличенія войскъ на западныхъ нашихъ границахъ, значительно усиливало число своихъ въ Южной Галиціи и Трансильваніи, ежеминутно угрожая вторженіемъ въ княжества или въ Бессарабію, въ тылъ нашей Дунайской арміи. Посему значительную часть сей послѣдней необходимо было остановить въ Молдавіи и Сѣверной Валахіи, для наблюденія за Карпатскими горными проходами. Каждый день получались новыя подтвержденія о дѣятельныхъ приготовленіяхъ Австріи къ открытію военныхъ дѣйствій и конечно не противъ турокъ и англофранцузовъ. Послѣдніе также спѣшили на помощь туркамъ. Омеръпаша, не показывавшійся въ полѣ, концентрировалъ свою армію около Шумлы. Въ Варну прибыло 15.000 англичанъ съ артиллеріею, которые закупали воловъ для движенія впередъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, часть французскихъ войскъ была на пути къ Балканамъ. Одни утверждали, что изъ Галлиполи выступило ихъ двѣ дивизіи, другіе говорили — что гораздо менѣе. „Дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ—писалъ императоръ князю Варшавскому [1]).—Австрія принимаетъ рѣшительно враждебныя мѣры и досель удерживается только еще отказомъ короля прусскаго на предложеніе намъ безусловныхъ уступокъ; онъ требуетъ, чтобъ были взаимныя предложенія и противникамъ нашимъ.

„Итакъ, настало время готовиться бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную неблагодарность. Сейчасъ получилъ донесеніе, что австрійцы будутъ готовы не раньше 1-го (13-го) іюля. Симъ мѣсяцемъ надо воспользоваться дѣятельно, чтобъ вывезти изъ княжествъ всѣ лишнія тягости, какъ-то: лишніе мѣстные парки, склады, а главное тѣхъ раненыхъ и больныхъ, кои перевозку безъ вреда вынести могутъ. Ежели до полученія сего письма Силистрія не будетъ еще взята, или совершенно нельзя опредѣлить, когда взята будетъ, думаю, что осторожность требуетъ снять осаду, сплавивъ осадный паркъ въ Измаилъ“.

Контуженный во время одной изъ рекогносцировокъ крѣпости, фельдмаршалъ отправился въ Яссы, гдѣ и получилъ вышеприведенный

---

[1]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1854 г.

рескриптъ императора. Не зная, что сдѣланы всѣ распоряженія къ штурму крѣпости, онъ отправилъ тотчасъ же курьера къ князю Горчакову съ безусловнымъ приказаніемъ снять осаду Силистріи, перейти на лѣвый берегъ Дуная и постепенно отходить къ границамъ Имперіи [1]).

Распоряженіе это было приведено въ исполненіе съ такимъ успѣхомъ и осторожностію, что 14-го іюня армія наша перешла спокойно на лѣвую сторону Дуная и сняла за собою всѣ мосты, не потерявши, при этомъ отступленіи, ни одного человѣка и ни одной повозки.

Снятіе осады Силистріи, а затѣмъ и отступленіе нашихъ войскъ изъ княжествъ дало иной оборотъ военнымъ дѣйствіямъ.

— Les positions respectives sont changées, — говорилъ князь Меншиковъ, — et celle de la Crimée devient moins assurée qu'elle ne l'a été jusqu'ici [2]).

Дѣйствительно, занятые происшествіями на Дунаѣ и обѣщавшіе оказать помощь туркамъ, англо-французы не въ состояніи были отдѣлить значительный отрядъ для высадки въ Крымъ, и потому наши войска, расположенныя на полуостровѣ, по своей численности, еще могли противустоять непріятельскимъ покушеніямъ. Теперь же, съ отступленіемъ нашихъ войскъ изъ Придунайскихъ княжествъ, союзники, не опасаясь болѣе за турокъ, имѣли полную возможность высадить если не всѣ, то большую часть своихъ силъ, значительно превышающихъ тѣ, которыя были въ распоряженіи князя Меншикова. При томъ же союзникамъ необходимо было выказать передъ Европою свои подвиги, а не оставаться въ Турціи безъ всякой дѣятельности. Явиться на защиту Порты, быть праздными зрителями совершающихся событій и терять людей отъ лишеній и разнаго рода болѣзней,—было бы не сообразно съ достоинствомъ и военною честію двухъ первостепенныхъ державъ. Крымъ былъ ближайшимъ и, можно сказать, единственнымъ мѣстомъ, куда англо-французы могли броситься съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ успѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить свое безвыходное положеніе. Англійскія газеты были переполнены статьями, разбиравшими положеніе союзниковъ и доказывавшими необходимость наступатель-

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 7-го (19-го) іюня.

[2]) Взаимныя положенія измѣнились, говорилъ кн. Меншиковъ, а положеніе Крыма дѣлается менѣе обезпеченнымъ, чѣмъ было до сихъ поръ.

наго образа дѣйствій, какъ единственнаго средства къ достиженію какого-либо результата. Газета „Times“ прямо указывала на Крымъ, какъ на мѣсто, куда долженъ быть направленъ ударъ.

„Въ то время—говорила она [1])—когда русскіе дѣйствовали наступательно за Дунаемъ, союзники обязаны были подкрѣпить оборонительную линію турокъ со стороны Константинополя и удерживать въ своихъ рукахъ какъ проходы чрезъ Балканы, такъ и прибрежныя крѣпости. Теперь же, съ отступленіемъ русскихъ, не можетъ входить въ намѣренія союзныхъ генераловъ направлять свои войска въ Молдавію, или преслѣдовать ихъ въ томъ случаѣ, если бы они отступили въ Бессарабію. Нужно искать другихъ средствъ для нанесенія чувствительнаго удара Россіи, ключъ господства которой на Черномъ морѣ заключается въ обладаніи Крымомъ Севастополь, сдѣлавшись первоклассною крѣпостью, дозволяетъ русскому флоту господствовать надъ Дунайскими гирлами, угрожать берегамъ Малой Азіи и въ нѣсколько часовъ перенести армію къ самому Босфору.

„Морскія державы,—продолжала та же газета,—не могутъ постоянно содержать флотъ для наблюденія за Севастополемъ, и потому главная цѣль политики и войны не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать Севастополь и русскій флотъ. Но разъ только этотъ центръ могущества Россіи на югѣ Имперіи будетъ уничтоженъ—разрушится и все зданіе, сооруженіемъ котораго Россія занималась сотню лѣтъ.

„Взятіе Севастополя и занятіе Крыма вознаградятъ всѣ военныя издержки и рѣшатъ вопросъ въ пользу союзниковъ“.

По мнѣнію англичанъ, Крымъ во многихъ отношеніяхъ былъ благопріятенъ для дѣйствій союзниковъ. Климатъ южной части его здоровъ, тогда какъ въ сѣверной, болотистой, части полуострова онъ заразителенъ. Берега изрѣзаны многочисленными бухтами и Ѳеодосійская настолько обширна, что въ ней можетъ помѣститься флотъ и служить операціонною базою. Тѣ же самые берега представляютъ многія удобства для подвоза ко всевозможнымъ пунктамъ подкрѣпленій, продовольствія и даже артиллеріи. Русскія войска, напротивъ,

---

[1]) Въ нумерѣ отъ 3-го (15-го) іюня 1854 г.

будутъ вынуждены проходить обширныя степи южныхъ провинцій Имперіи.

„Укрѣпленія Севастополя съ сухопутной стороны не особенно страшны,—говорилъ наиболѣе распространенный въ Англіи органъ печати,—если только они не сдѣланы таковыми за послѣднее время. Положеніе города на возвышенности командуетъ фортами, построенными для защиты гавани, и огонь послѣднихъ вѣроятно мало будетъ мѣшать дѣйствіямъ, предпринятымъ позади города и къ тому же на возвышенной мѣстности. Итакъ, мы полагаемъ, что 40.000 человѣкъ, опираясь на флотъ, могли бы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ того числа войскъ, которое Россія можетъ направить въ Крымъ. Что союзныя государства будутъ дѣйствовать именно въ этотъ направленіи, насъ убѣждаетъ то, что изъ французскихъ и англійскихъ арсеналовъ отправлены осадныя орудія большихъ калибровъ“.

Подробности высадки уже разрабатывались въ Парижѣ, и намѣренія союзниковъ не были тайною ни для одного изъ европейскихъ дворовъ.

„Спѣшу тебя увѣдомить, любезный Меншиковъ,—писалъ императоръ [1]),—что со всѣхъ сторонъ подтверждается, что скоро тебѣ предстоитъ ожидать сильной атаки на Крымъ, что сегодня еще телеграфической депешей отъ Хрептовича вновь подтверждено и что будто объ томъ послано рѣшительное приказаніе адмираламъ. Какъ эта атака послѣдуетъ,—вовсе не знаю; вѣроятно, высадкой у Ѳеодосіи, ежели прежде замышлявшаяся у Евпаторіи на Перекопъ не сбыточна. Хомутовъ весьма дѣльно предупредилъ мои желанія, переправивъ въ Крымъ Московскій полкъ, конную казачью батарею и одинъ казачій полкъ. Писано, чтобъ и остальной полкъ 17-й дивизіи и обѣ пѣшія батареи туда же переправилъ. Кажется, этихъ силъ съ твоими должно быть достаточно, чтобъ не только отбиться въ Севастополѣ, но даже и защитить Крымъ. Полагаюсь на милость Божію, на тебя и на храбрость войскъ, что ожиданіе мое оправдается“.

Всѣмъ было извѣстно, что, вскорѣ послѣ снятія нами осады Силистріи, экспедиція въ Крымъ была уже рѣшена, но оставался не-

---

[1]) Въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 18-го (30-го) іюня 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по секретн. описи дѣло № 42.

рѣшеннымъ только вопросъ: куда будетъ направленъ ударъ, гдѣ будетъ произведена высадка? Наше министерство опасалось болѣе всего за Θеодосію, находя ее самымъ удобнымъ мѣстомъ для дессанта. „Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ военный министръ кн. Меншикову [1]),—что Англія въ настоящей войнѣ поставляетъ себѣ главнѣйшею цѣлью уничтоженіе нашего преобладанія на Черномъ морѣ, *но едва-ли можно допустить, чтобы непріятель рѣшился прямо атаковать Севастополь* для истребленія тамъ нашего флота; надобно полагать, что англичане, съ свойственною имъ осторожностію и послѣдовательностію въ дѣйствіяхъ, будутъ стараться предварительно утвердиться на какомъ-либо другомъ пунктѣ Крыма, чтобы имѣть тамъ складъ запасовъ, убѣжище для флота и основаніе для дѣйствія дессантныхъ войскъ на сухомъ пути“.

Такимъ наиболѣе выгоднымъ пунктомъ, по мнѣнію министерства, была Θеодосія, а между тѣмъ не только этотъ городъ, но и все пространство отъ Θеодосіи до Керченскаго пролива не имѣло почти никакой защиты. Въ самомъ дѣлѣ, въ Керчи было три съ половиною батальона, 10-ть полевыхъ орудій и двѣ сотни казаковъ, а въ Θеодосіи—два батальона съ четырьмя орудіями и 4 сотнями казаковъ.

Войска эти можно было считать не болѣе какъ наблюдательными отрядами, которые не могли оказать непріятелю никакого сопротивленія. Для поддержки ихъ необходимъ былъ общій резервъ, для составленія котораго и предполагалось отдѣлить часть войскъ, находившихся на Кавказскомъ берегу въ распоряженіи генерала Хомутова. Составленное на этомъ основаніи предположеніе объ оборонѣ Керченскаго полуострова было препровождено къ кн. Меншикову, для совокупнаго обсужденія съ генераломъ Хомутовымъ и для доставленія заключенія обоими лицами [2]).

Генералъ Хомутовъ былъ уже въ Севастополѣ, когда кн. Меншиковъ получилъ это предположеніе. Озабоченный своимъ положеніемъ и беззащитностью страны, ввѣренной его попеченію, наказной атаманъ рѣшился самъ пріѣхать къ князю Меншикову, чтобы лично перегово-

---

[1]) Отъ 11-го іюня 1854 г. № 9152.

[2]) Письмо кн. Долгорукова кн. Меншикову 12-го іюня. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

рить съ нимъ какъ о средствахъ обороны, такъ и о совокупной помощи другъ другу.

На взаимномъ совѣщаніи найдено было необходимымъ стянуть наибольшую часть силъ къ Севастополю, какъ главнѣйшему и наиболѣе важному пункту на всемъ Крымскомъ полуостровѣ. Изъ собранныхъ вокругъ него войскъ образовать два самостоятельныхъ отряда,—сѣверный и южный,—съ тѣмъ, что, если бы непріятель предпринялъ высадку въ двухъ пунктахъ: на южной сторонѣ у Херсонесскаго маяка и на сѣверной—между рѣками Качею и Бельбекомъ, то отряды эти могли бы встрѣтить союзниковъ и хотя временно задержать движеніе ихъ къ городу [1]).

Сообразно съ этимъ, находившіяся въ Севастополѣ войска были выведены въ лагерь и расположены слѣдующимъ образомъ: вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи [2]), 6-й стрѣлковый батальонъ, легкія № 3-го и 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады и конно-легкая № 12-го батарея—на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты. Изъ этого лагеря поочередно одинъ батальонъ съ двумя орудіями назначался въ авангардъ, для занятія позиціи на высотахъ, командующихъ устьемъ рѣки Бельбека.

Полки первой бригады 14-й пѣхотной дивизіи были поставлены на южной сторонѣ города. Волынскій полкъ съ легкою № 3-го батареею при верховьяхъ бухтъ, прилегающихъ къ Херсонесскому маяку, а три батальона Минскаго полка [3]) съ дивизіономъ легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады, въ вершинахъ балокъ, изъ которыхъ образуется Южная бухта [4]). Въ самомъ городѣ оставлена резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи, не имѣвшая палатокъ; 6-й саперный батальонъ разрабатывалъ саперную дорогу; бригада кавалеріи занимала квартиры между Севастополемъ, Качею и Бахчисараемъ; на постахъ между Перекопомъ и Евпаторіею стоялъ Донской казачій № 35-й полкъ (Тацина).

---

[1]) Отнош. кн. Меншикова воен. министру 21-го іюня № 806. Воен.-Учен. Арх., дѣла № 4379 и № 3500.

[2]) Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки.

[3]) Четвертый батальонъ находился въ Ѳеодосіи и былъ присоединенъ къ полку 19-го іюня. См. Арх. деп. Генер. штаба, 1 отд., д. № 52.

[4]) На мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Куликова поля».

Для усиленія обороны Керченскаго полуострова и составленія общаго резерва положено было перевезти часть войскъ изъ Черноморіи, и, присоединивши ихъ къ тѣмъ, которыя уже находились на этомъ полуостровѣ, расположить ихъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Керчи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимоѳеева: одинъ батальонъ Бутырскаго полка, пѣшій Черноморскій казачій № 4-го батальонъ, Керченскій полу-батальонъ внутренней стражи, полу-батальонъ Азовскаго казачьяго войска, полу-батальонъ Керченской карантинной стражи, Керчь-Еникольская пограничная стража, гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона, Донской казачій № 53-го полкъ и пѣшая батарейная № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады.

Въ Ѳеодосіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго: Черноморскій резервный линейный батальонъ, два пѣшихъ батальона № 2-го и № 8-го Черноморскаго казачьяго войска, двѣ роты Таврическаго гарнизоннаго батальона, рота Ѳеодосійской инвалидной команды, рота Ѳеодосійской карантинной стражи, рота Таврической пограничной стражи, Донской казачій № 67-го полкъ и Донская батарейная № 3-го батарея.

Общій резервъ для этихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Любимова, былъ расположенъ въ селеніи Аргинъ и состоялъ изъ четырехъ батальоновъ Московскаго пѣхотнаго полка, Донскаго казачьяго № 60-го полка съ Донскою № 2-го батареею. Общее начальство надъ тремя отрядами принялъ самъ генералъ Хомутовъ, поселившійся для того въ селеніи Аргинъ [1]).

Для поддержанія же общей связи между войсками, сосредоточенными у Севастополя и на Керченскомъ полуостровѣ, былъ поставленъ въ Карасу-базарѣ гусарскій полкъ грос-герцога Саксенъ-Веймарскаго, а между Карасу-базаромъ и Ѳеодосіею—три казачьихъ сотни Донскаго № 39-го полка, для разъѣздовъ и наблюденія за непріятелемъ.

Такимъ образомъ, на Керченскомъ полуостровѣ предполагалось сосредоточить разныхъ командъ двѣнадцать съ четвертью батальоновъ пѣхоты, три донскихъ казачьихъ полка и три батареи артиллеріи.

---

[1]) Отношен. кн. Меншикова воен. министру 21-го іюня № 806. Воен.-Учен. Арх., дѣла №№ 4279 и 3500.

Этихъ войскъ для защиты полуострова кн. Меншиковъ считалъ болѣе чѣмъ достаточными, ибо не допускалъ мысли о возможности для непріятеля высадиться въ Ѳеодосіи, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ союзники не имѣли въ виду атаковать ни Керчь, ни Ѳеодосію. Князя Меншикова увѣдомляли изъ Вѣны, Варшавы и другихъ мѣстъ, что главныя силы англо-французовъ направляются на Севастополь, чтобы разорить тамошній арсеналъ и уничтожить флотъ.

Около этого же времени, командующій въ Крыму получилъ изъ Петербурга показанія корабельнаго смотрителя титулярнаго совѣтника Яшникова, взятаго въ плѣнъ 14-го апрѣля на Евпаторійскомъ рейдѣ, вмѣстѣ съ казеннымъ таможеннымъ катеромъ. Освобожденный изъ плѣна Яшниковъ былъ отправленъ французскимъ правительствомъ черезъ Вѣну въ Варшаву. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, онъ разсказывалъ барону Мейндорфу, что, будучи захваченъ англо-французами, тотчасъ же былъ приведенъ къ адмиралу Гамелену, командовавшему французскою эскадрою. Послѣдній забросалъ его множествомъ вопросовъ, относившихся до Крымскаго полуострова.

— Сколько войскъ въ Крыму?—спрашивалъ Гамеленъ,—сколько матросовъ и солдатъ въ Севастополѣ; сколько считается большихъ кораблей и пароходовъ; сколько орудій и какихъ калибровъ? Каковы средства края и можно ли найти въ Крыму достаточное число лошадей?

Яшниковъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстно положеніе края.

— Какъ расположены татары къ христіанскому населенію?—продолжалъ разспрашивать Гамеленъ;—гдѣ находится кн. Меншиковъ и знаютъ ли въ Севастополѣ, что его хотятъ атаковать одновременно съ моря и съ сухаго пути? Есть ли казармы въ Евпаторіи и въ прочихъ мѣстахъ Крыма; хороша ли дорога между Евпаторіею и Севастополемъ между Севастополемъ и Балаклавою?

„Этотъ допросъ,—писалъ баронъ Мейндорфъ [1]),—заставляетъ предполагать, что распространенные слухи о намѣреніяхъ нашихъ непріятелей имѣютъ большую вѣроятность. Этотъ же чиновникъ между прочимъ мнѣ сообщилъ, что французскіе корабли сдѣлали промѣры и описи береговъ окрестностей Евпаторіи съ такимъ стараніемъ, что это заставляетъ пред-

[1]) Государственному канцлеру отъ 16-го (28-го) іюня. Государств. Арх., XI, № 1256.

полагать, что на *этомъ мѣстѣ будетъ произведена предполагаемая высадка*".

Послѣ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, князю Меншикову, хорошо знакомому съ Крымскимъ полуостровомъ и свойствами его береговъ, уже не трудно было опредѣлить съ нѣкоторою вѣроятностію мѣсто высадки непріятеля.

Ѳеодосія, за которую такъ опасались нъ Петербургѣ, не представляла къ этомъ отношеніи никакихъ удобствъ для союзниковъ. Они могли занять ее только для того, чтобы двинуться къ Севастополю или сдѣлать набѣгъ на Арабатъ, съ цѣлью разстроить наши подвозы; или, наконецъ, дѣйствовать въ тылъ войскамъ, расположеннымъ въ Керчи, завладѣть этимъ городомъ и укрѣпленіями, и, открывъ себѣ входъ въ Азовское море, уничтожить наше каботажное плаваніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить насъ средствъ доставлять водою продовольственные и боевые припасы для Крымской арміи. Смотря съ этой точки зрѣнія, Ѳеодосія должна была имѣть большую важность въ общей системѣ обороны, но, входя въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса, дѣло это представлялось въ совершенно иномъ видѣ.

Чтобы овладѣть какимъ-либо пунктомъ, непріятель прежде всего долженъ былъ высадить на берегъ самостоятельный отрядъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, и, утвердившись въ этомъ пунктѣ, дѣйствовать наступательно. Ѳеодосія не была вовсе такимъ пунктомъ, гдѣ бы непріятель могъ удобно утвердиться или высадиться. Расположенный у подошвы окружающихъ его высотъ, городъ этотъ не обладаетъ хорошею гаванью, удобною для высадки. Въ Ѳеодосіи, собственно говоря, нѣтъ гавани, а есть открытый рейдъ, правда, никогда не замерзающій и весьма удобный для коммерческихъ судовъ, но по своей глубинѣ дозволяющій линейнымъ судамъ останавливаться только въ открытомъ морѣ, далеко отъ города. Поэтому, при овладѣніи городомъ, союзники должны были бы отказаться отъ содѣйствія флота и, слѣдовательно, употребить силы, значительно превышающія численность гарнизона, но и затѣмъ имъ все-таки трудно было бы держаться въ городѣ, подверженномъ дѣйствію огня съ окрестныхъ высотъ и имѣющемъ столь мало прѣсной воды, что ея едва хватило на довольствіе жителей и незначительнаго гарнизона, въ то время тамъ находившагося.

Съ занятіемъ Ѳеодосіи, непріятель не пріобрѣталъ никакихъ выгодъ и, чтобы достигнуть до какихъ-нибудь результатовъ, какъ мы сказали уже, долженъ былъ предпринять наступательное движеніе: или на Севастополь, Арабатъ или на Керчь. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ былъ отдалиться отъ флота, углубиться внутрь полуострова, пройти 200 верстъ, безъ достаточныхъ перевозочныхъ средствъ, по странѣ, бѣдной продовольствіемъ, съ обязательствомъ дать нѣсколько сраженій, съ рискомъ быть разбитымъ и, при невозможности вернуться на суда, совершенно уничтоженнымъ.

Тѣ же самыя затрудненія, хотя и въ меньшей степени, представлялись непріятелю и при движеніи на Арабатъ или Керчь.

Изъ описанія Крымскаго полуострова мы видѣли, что Арабатская стрѣлка, въ смыслѣ сообщенія Крымскаго полуострова съ Россіею, не имѣла вовсе такого важнаго значенія, чтобы англо-французы рѣшились овладѣть ею съ большими затрудненіями и пожертвованіями. Что же касается до Керчи, то наступающій сухимъ путемъ непріятель, на протяженіи 80 верстъ, удаляясь отъ флота, уходилъ въ глубь страны и рисковалъ каждый шагъ впередъ брать съ боя. Высадиться прямо въ Керчи,—по мнѣнію князя Меншикова,—было бы крайне неудобно, „по тѣснотѣ мѣстности, недозволяющей направить вдругъ большой дессантъ“. Къ тому же приближеніе равноденственныхъ бурь, усиливающихъ неудобство Керченскаго залива, дѣлало мало вѣроятнымъ возможность высадки союзниковъ въ этомъ пунктѣ.

Съ достовѣрностью можно было сказать, что на всемъ Крымскомъ полуостровѣ только одинъ Севастополь могъ привлекать серьезное вниманіе союзниковъ. Береговая оборона Севастополя была слишкомъ сильна, и потому князь Меншиковъ былъ убѣжденъ, что непріятель, не рѣшившись атаковать портъ съ моря, высадится на берегу, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ города, и поведетъ атаку сухимъ путемъ. Ближайшія къ Севастополю бухты Херсонесскаго полуострова, точно такъ же, какъ и Балаклавская, по своей необширности и тѣснотѣ входа, не могли считаться удобными для высадки значительной массы войскъ, и, слѣдовательно, союзникамъ оставалось избрать мѣсто сѣвернѣе города.

Произведенный непріятельскими крейсерами тщательный осмотръ всего прибрежья, отъ Херсонесскаго полуострова до Евпаторіи, сдѣлан-

ные ими промѣры и описи берега въ этомъ мѣстѣ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что высадка будетъ сдѣлана именно въ этомъ направленіи, весьма удобномъ для подобнаго предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть пространства, между Евпаторіею и Севастополемъ, представляла открытую равнину, съ пологими берегами, постепенно возвышающимися къ Севастополю. Подойдя къ такому берегу съ дессантомъ, непріятель имѣлъ возможность предварительно обстрѣлять его, потомъ, подъ прикрытіемъ огня съ многочисленныхъ судовъ своего флота, произвести высадку и, утвердившись на сушѣ, подъ защитою того же флота, слѣдовать вдоль берега къ Севастополю.

При этомъ можно было предположить, что для отвлеченія нашего вниманія отъ истиннаго мѣста высадки, англо-французы отдѣлятъ часть войскъ для производства фальшиваго дессанта въ другомъ пунктѣ. Направивъ этотъ послѣдній, напримѣръ, на Херсонесскій полуостровъ или къ Перекопу, союзники принуждали насъ въ первомъ случаѣ держать постоянно часть войскъ на южной сторонѣ Севастополя, а во второмъ—заставляли князя Меншикова просить, чтобы въ сѣверной части полуострова былъ расположенъ отдѣльный отрядъ, хотя бы изъ одной только бригады съ ея артиллеріею. Бригада эта могла служить резервомъ и подкрѣпленіемъ дѣйствующему отряду, когда опредѣлится окончательное мѣсто высадки непріятельскихъ силъ.

Указывая на пространство между Севастополемъ и Евпаторіею, какъ на такую часть берега, гдѣ непріятель можетъ явиться къ Крыму въ значительныхъ силахъ, князь Меншиковъ, между прочимъ, писалъ[1]), что переходъ черезъ рѣчки, протекающія въ этой мѣстности, и черезъ овраги съ крутыми берегами, представитъ непріятелю нѣкоторое затрудненіе, и это именно будутъ, по его словамъ, „*тѣ позиціи*, съ которыхъ мы будемъ дѣйствовать противъ его силъ, имѣя въ то же время въ виду перейти въ наступленіе при первой возможности“.

Съ оставленіемъ нами Придунайскихъ княжествъ англо-французы,—по мнѣнію князя Меншикова,—могли обратить на дѣйствія противу Крыма отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, не считая турецкихъ войскъ. Такое число значительно превышало численность нашихъ силъ, сосредото-

---

[1]) Кн. Долгорукову отъ 22-го іюня. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254, ч. I.

ченныхъ въ Севастополѣ и его окрестностяхъ. Въ это время, въ распоряженіи князя Меншикова было только 26 батальоновъ, въ которыхъ насчитывалось 22.700 штыковъ, 8 эскадроновъ гусаръ въ 1.128 сабель и 36 легкихъ орудій[1]). Если къ этому прибавить отъ 500 до 600 казаковъ, которые могли быть собраны съ разныхъ постовъ и кордоновъ, то вся численность нашихъ войскъ была немногимъ болѣе 24.000 человѣкъ, съ 36-ю легкими орудіями.

Малочисленность артиллеріи съ числомъ войскъ заставила князя Меншикова передатѣ въ дѣйствующія батареи, найденные въ Севастопольскомъ складѣ, четыре 1/4-пуд. единорога и четыре 6-ти фунтовыя пушки съ тѣмъ, чтобы они были положены на имѣвшіеся въ батареяхъ запасные лафеты. Точно также одинъ 1/4-пуд. единорогъ и четыре 6-ти фунтовыя пушки были отданы въ резервную бригаду 13-й пѣхотной дивизіи, при которой артиллеріи вовсе не было. Подъ эти орудія приказано было приготовить передки, а упряжь сформировать изъ казенныхъ подъемныхъ лошадей[2]). Отъ подвижной морской батареи было отдѣлено два орудія, при офицерѣ, для защиты госпиталя, а самая батарея, доведенная сначала до 12-ти, а потомъ до 16-ти орудій, раздѣлена на двѣ легкія батареи, которыя и приданы къ двумъ дессантнымъ батальонамъ.

Совершенное же отсутствіе батарейныхъ орудій ставило князя Меншикова въ весьма затруднительное положеніе.

— Войска мои хороши,—говорилъ онъ,—но я долженъ сказать, что, при отсутствіи батарейныхъ орудій, немногочисленная моя легкая артиллерія принуждена будетъ дѣйствовать не иначе, какъ подъ огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ. Я имѣю приказаніе и обязанъ защищаться до крайности, но за всѣмъ тѣмъ, мнѣ предстоитъ быть раздавленному безъ успѣха, если непріятель высадитъ отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, не считая турокъ и тунисцевъ[3]).

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 29-го іюня. Арх. канц. воен. мин., дѣло № 42. Донесеніе это напечатано на стр. 314 перваго тома Сборника рукописей о Севастопольской оборонѣ.

[2]) Воен.-Учен. Арх., д. № 3496.

[3]) Письма кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 21-го и кн. Горчакову отъ 22-го и 30-го іюня 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I и 4253 ч. II.

Помѣшать союзникамъ высадить значительныя силы, отдалить какими-либо средствами время высадки, или же, наконецъ, усилить кн. Меншикова, соотвѣтственнымъ числомъ войскъ—вотъ та задача, которую предстояло теперь рѣшить нашему правительству. Чтобы до нѣкоторой степени удовлетворить тому или другому и облегчить нѣсколько свое положеніе, кн. Меншиковъ просилъ главнокомандующаго южною арміею князя М. Д. Горчакова, не ожидая распоряженій изъ Петербурга, прислать къ нему въ помощь 16-ю пѣхотную дивизію, двинувъ ее немедленно къ Перекопу, и въ то же самое время сдѣлать демонстрацію отъ Карасу по направленію къ Варнѣ, дабы заставить непріятеля думать, что мы намѣрены осаждать эту крѣпость. Явныя приготовленія къ экспедиціи въ эту сторону могли принудить союзниковъ не обнажать совершенно это мѣсто.

Присылку же въ Крымъ 16-й пѣхотной дивизіи кн. Меншиковъ считалъ крайне необходимою.

„Я располагаю здѣсь, —писалъ онъ военному министру [1]),—числомъ людей равнымъ или нѣсколько поменьше того, какое союзники имѣли возможность высадить для дѣйствій противъ Севастополя; теперь же, обезпеченные на Дунаѣ, они въ состояніи послать сюда цѣлую армію, вдвое сильнѣйшую тѣхъ силъ, которыя я могу имъ противопоставить.

„Мы будемъ сражаться съ мужествомъ, самоотверженіемъ и съ патріотизмомъ, которые выскажутся въ каждомъ подданномъ императора, въ столь критическую минуту, но пока сѣверъ Крыма не будетъ занятъ подкрѣпленіемъ, состоящимъ хотя изъ одной бригады съ ея артиллеріею, непріятель будетъ имѣть болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ мы.

„Я разсчитываю, что ему нужно еще отъ четырехъ до шести недѣль, а можетъ быть и болѣе, для организаціи въ большомъ размѣрѣ такой противъ Севастополя экспедиціи, которая могла бы быть самою рѣшительною изъ всѣхъ, кои онъ можетъ предпринять.

„Мнѣ кажется, что, во время этихъ приготовленій, 16-я пѣхотная дивизія будетъ имѣть время возвратиться къ намъ вся или частію изъ Бессарабіи, гдѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ войско это составляетъ излишнюю роскошь.

---

[1]) Князю Долгорукову 29-го іюня. Тамъ же, дѣло № 4254 ч. I.

„Крымъ теперь есть именно тотъ важный (essentiel) пунктъ, гдѣ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на Востокѣ. Подумайте объ этомъ, дорогой князь, и вспомните старую пословицу: „le ciel est du coté des gros bataillons“.

Высказывая эту пословицу, кн. Меншиковъ зналъ уже, что въ Варнѣ сосредоточено значительное число союзныхъ войскъ и ежедневно прибываютъ новыя; что въ Константинополѣ происходитъ весьма большое движеніе кораблей, пароходовъ и транспортовъ; что французы формируютъ тамъ осадный паркъ, строятъ понтоны, мелководные баркасы, подвозныя лодки и проч.; что въ столицу блистательной Порты прибываютъ корабли и пароходы съ войсками, провіантомъ, военными снарядами и, не выгружая ихъ, отправляются въ Варну, куда выступаютъ и остальныя войска союзниковъ, бывшія въ Галлиполи. Князю Меншикову было сообщено, что оба союзные главнокомандующіе: маршалъ Сентъ-Арно и лордъ Рагланъ оставили Константинополь и отправились въ Варну; что слѣдомъ за ними поѣхали туда же принцъ Наполеонъ, герцогъ Кембриджскій и другіе генералы союзной арміи; что союзныя интендантства хлопотали о закупкѣ провіанта и доставленіи его въ Варну, куда перевозились также и всѣ припасы, заготовленные французами въ Галлиполи, и англичанами—въ Константинополѣ. Намъ извѣстно было, что обѣ союзныя державы закупали буксирные пароходы и зафрахтовывали, помѣсячно, турецкія купеческія суда, не поясняя, впрочемъ, въ какой изъ портовъ Чернаго моря должны они будутъ слѣдовать [1]).

Скоро стало извѣстнымъ, что въ Варнѣ на рейдѣ стоитъ 250 транспортныхъ судовъ, кромѣ флота и купеческихъ пароходовъ; что тамъ дѣлаются всѣ приготовленія въ обширной экспедиціи и что въ городѣ и его окрестностяхъ сосредоточено до 40.000 союзныхъ войскъ, предназначаемыхъ для дѣйствія противъ Севастополя.

Заглядывая впередъ и понимая лучше многихъ послѣдствія, которыя могутъ произойти съ паденіемъ Севастополя и уничтоженіемъ Черноморскаго флота, кн. Меншиковъ, въ виду столь серьезной опас-

---

[1]) Письмо изъ Константинополя къ одесскому купцу Ираклиди. Отрывокъ изъ дневника одного константинопольскаго жителя. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3361.

ности, угрожавшей Крыму, просилъ безпрерывно, письменно и словесно черезъ посланныхъ, о присылкѣ ему подкрѣпленій.

— Я настаиваю въ Петербургѣ, — говорилъ онъ пророчески [1]) — на необходимости подкрѣпленія потому, что если наши морскія силы будутъ уничтожены, то, *въ теченіе двадцати лѣтъ, мы будемъ лишены всякаго вліянія на Востокъ,* такъ какъ всѣ доступы къ нему, какъ моремъ, такъ черезъ княжества будутъ для насъ недосягаемы.

Въ Петербургѣ хотя и видѣли всю опасность, угрожавшую Крыму, но не рѣшались для подкрѣпленія кн. Меншикова тронуть войска, находившіяся подъ начальствомъ фельдмаршала, все еще утверждавшаго, что главный узелъ настоящей войны будетъ развязанъ на западной нашей границѣ.

— Каковъ бы ни былъ планъ кампаніи французовъ, — говорилъ онъ, — не они, не англичане и не турки, а австрійцы намъ всѣхъ опаснѣе.

Князь Варшавскій находилъ, что предпріятія англо-французовъ на Крымъ не могутъ быть опасны, „ибо князь Меншиковъ имѣетъ до 25.000 войскъ и до 20.000 матросовъ, половину которыхъ можно вооружить. Атаковать же 45.000 русскихъ войскъ для дессанта хотя бы въ 50.000 или 60.000 не такъ легко“ [2]). Точно также, по мнѣнію Паскевича, не страшны были предпріятія союзниковъ и на Закавказскіе берега, гдѣ они, не найдя ни одного колеса, должны будутъ перевозить всѣ свои тяжести на вьюкахъ и слѣдовательно отдаляться отъ берега не могутъ.

Фельдмаршалу казалось, что три союзныя державы вмѣстѣ не въ состояніи причинить намъ столь большаго вреда, сколько одна Австрія, — и потому онъ не только, не соглашался отдѣлить отъ себя какую-либо частицу войскъ, но, напротивъ того, просилъ усилить его боевыя средства еще одною дивизіею, прибытіе которой въ царство Польское — писалъ онъ — „принесетъ безъ сомнѣнія большую пользу“.

Крайне двусмысленное поведеніе Австріи, повидимому, оправдывало опасенія стараго вождя и парализовало всѣ распоряженія нашего пра-

---

[1]) Въ письмѣ къ кн. Горчакову отъ 30-го іюня 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 28-го іюня 1854 г.

вительства. Въ поведеніи вѣнскаго кабинета не было ничего честнаго, прямаго и опредѣленнаго: вчера казалось, что австрійское правительство не раздѣляетъ взглядовъ западныхъ державъ, сегодня кажется, напротивъ, что оно присоединяется къ нимъ. Какъ Россія, такъ и западныя державы были недовольны поведеніемъ Австріи. Всѣ видѣли въ ней желаніе принять участіе въ столкновеніи, чтобы, безъ всякихъ пожертвованій, поживиться при удачѣ, а въ противномъ случаѣ скрыться за ширмами своей коварной политики.

Вѣнскій кабинетъ велъ дѣла такъ, какъ будто бы хотѣлъ оправдать слова своего соотечественника кн. Шварценберга, выразившагося однажды, что Австрія весьма скоро удивитъ свѣтъ *величіемъ своей неблагодарности.* Спасенная Россіею отъ разложенія въ 1848—1849 годахъ и чувствовавшая на себѣ тяжелое иго благодарности, Австрія торопилась сбросить его, но не находила къ тому достойныхъ средствъ.

При помощи коварства и двуличія, Австрія успѣла заключить съ Турціей договоръ, 28-го іюня 1854 г., по которому Порта уступила ей исключительный протекторатъ Придунайскихъ княжествъ, подъ гарантіею двухъ союзныхъ западныхъ державъ. Войдя въ такое соглашеніе съ Турціей и обѣщая, до времени, занять княжества, вѣнскій кабинетъ тѣмъ самымъ говорилъ Портѣ: я принимаю тебя подъ свое покровительство. Франціи и Англіи Австрія твердила: „я займу княжества и тѣмъ развяжу вамъ руки, заставивши русскихъ перейти обратно Прутъ“; наконецъ Россію она увѣряла, что всѣ враждебныя дѣйствія дѣлаются только для виду, а занятіе княжествъ даже съ благою цѣлію, чтобы отъ ненависти и фанатизма турокъ не погибло христіанское населеніе края.

Не высказывая послѣдняго слова, Австрія приводила на военное положеніе большую часть своей арміи и, располагая ее на границѣ съ Россіею, заставляла наше правительство держать всѣ войска въ сборѣ, чтобы быть готовымъ каждую минуту начать военныя дѣйствія. Такое напряженное состояніе возбуждало справедливое негодованіе Петербургскаго кабинета. Прямой и рыцарски-честный характеръ покойнаго императора долго не допускалъ возможности двуличія со стороны правительства, обязаннаго ему своимъ спасеніемъ. Онъ въ правѣ былъ ожидать, что въ благодарность за русскую кровь,

пролитую для спасенія Австріи, вѣнскій дворъ не станетъ безъ причины на сторону враговъ России. Къ сожалѣнію, разочаровавшись въ поведеніи Турціи, также имъ спасенной, въ Бозѣ почившій императоръ скоро долженъ былъ разочароваться и въ Австріи, поступки которой обличали въ ней наиболѣе злѣйшаго врага Россіи изъ всѣхъ европейскихъ державъ.

„Богъ ихъ накажетъ рано или поздно,—пророчески предсказывалъ покойный императоръ въ одномъ изъ писемъ князю Горчакову [1]),—но покуда будемъ осторожны“.

— Меня—говорилъ онъ,—всякій обмануть можетъ *разъ*, но за то послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утеряннаго довѣрія [2]).

Поведеніе этой державы вызывало справедливое негодованіе императора и, по чувству собственнаго достоинства, возбуждало въ немъ естественное желаніе если не наказать государство, обязанное ему своимъ существованіемъ, то по крайней мѣрѣ быть готовымъ встрѣтить непріязненныя съ его стороны дѣйствія и отразить ихъ съ успѣхомъ.

Вотъ причина, почему большая часть нашихъ войскъ была сосредоточена на юго-западной границѣ, по сосѣдству съ двумя державами, чувствовавшими на себѣ неловкое для нихъ вліяніе Россіи. Въ распоряженіи нашего правительства не оставалось затѣмъ ни одной свободной части, которая могла бы быть безотлагательно отправлена въ Крымъ на помощь кн. Меншикову. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и сознавая всю опасность, угрожавшую Крыму, императоръ все-таки рѣшился отдѣлить часть войскъ изъ южной арміи и передать ихъ въ распоряженіе кн. Меншикова. Съ это цѣлію князю Горчакову поручено было отправить на первый разъ только одну бригаду, такъ какъ военныя дѣйствія съ Австріей считались неизбѣжными.

„Повторяю тебѣ—писалъ императоръ кн. Горчакову [3]),—что, не-

---

[1]) Отъ 19-го іюня.

[2]) Собственноручное письмо государя императора князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) іюля.

[3]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 7-го (19-го) іюля. Арх. канц. воен. минис. по секретн. описи дѣло № 88.

смотря ни на какія обнадеживанія изъ Вѣны, *конецъ моему довѣрію къ Австріи.* Гляжу на нихъ какъ на отъявленныхъ *враговъ, выжидающихъ только удобнаго случая, предлога, чтобъ напасть на насъ.* Потому первѣйшей *важности* и *необходимости* не уклоняться отъ принятаго плана дѣйствій въ виду *сей* и *главной опасности.* Не завлекаться минутными выгодами, *чтобъ* пренебречь главнымъ и постояннымъ, т. е. *опасностію отъ Австріи.* Теперь къ этой опасности присоединилась другая—*вѣроятіе весьма скораго нападенія на Крымъ.* Кн. Меншикова записку [1]) посылаю тебѣ, она *величайшей важности.* Мысль весьма полезную образованію отряда въ сторонѣ Перекопа *вполнѣ и я раздѣляю.* Назначить же мнѣ пѣхоту въ сей отрядъ *не откуда, ибо ничѣмъ уже не располагаю* съ той поры, какъ князь Иванъ Ѳедоровичъ (Паскевичъ) взялъ, меня не спрося, 16-ю дивизію въ Молдавію. Крайне желательно какъ *наискорѣе* отправить хоть одну бригаду съ 2-мя батареями, къ Перекопу. Обсуди, *откуда* послать наилучше, и *сейчасъ же распорядись,* увѣдомя Меншикова и Анненкова [2]) и меня. Кажется, выборъ пасть долженъ на 16-ю дивизію, *но я не гофъ-кригсъ-ратъ*; необходимость тебѣ ставлю на видъ; *образъ же исполненія* предоставляю тебѣ, полагаясь на тебя совершенно, и увѣренъ бывъ, что также проникнутъ *будешь* убѣжденіемъ сей необходимости....“

Не разсчитывая однако же, чтобы подкрѣпленія эти пришли во̀время, и предполагая, что кн. Меншиковъ будетъ атакованъ гораздо ранѣе, военное министерство не видѣло инаго исхода, какъ сообщить генералу Хомутову, чтобы онъ, при первой опасности, угрожающей Севастополю, двинулся на помощь кн. Меншикову [3]), со всѣми войсками, расположенными на Керченскомъ полуостровѣ. Совокупныя дѣйствія этихъ лицъ подавали еще нѣкоторую надежду на возможность успѣшнаго отраженія непріятеля.

„Съ величайшимъ вниманіемъ,—писалъ императоръ [4]),—читалъ я,

---

[1]) См. выше всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 29-го іюня.

[2]) Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Письмо военн. минис. генералу Хомутову 10-го іюля № 423. Арх. канц. воен. минис. по секретн. описи, дѣло № 42.

[4]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 10-го іюля. Арх. канц. воен. минис. по секретн. описи, дѣло № 42.

любезный Меншиковъ, твою любопытную и важную записку объ оборонѣ Севастополя и всего Крыма.

„Нахожу все весьма основательнымъ. Мысль твою объ учрежденіи особаго отряда у Перекопа раздѣляю я вполнѣ, но дѣло останавливается на томъ, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ болѣе никакой свободной пѣхоты, съ той поры какъ князь Иванъ Өедоровичъ (Паскевичъ) взялъ 16-ю дивизію изъ Одессы въ Молдавію. Хотя писалъ я Горчакову, чтобъ онъ старался послать хоть одну бригаду съ двумя батареями, но на прибытіе ея пройдетъ болѣе мѣсяца, ты же будешь вѣроятно атакованъ гораздо ранѣе, потому навѣрное разсчитывать можешь только на то, что у тебя въ распоряженіи есть. Думаю однако, что сего на первый разъ достаточно, и вотъ почему. Дессантъ, какъ ты говоришь, можетъ быть: первое въ Өеодосіи, но неудобство его, не говоря уже объ отрядѣ Хомутова, который до того не допуститъ, столь очевидно, что врядъ тамъ серьезнаго дессанта ожидать можно; второе въ Евпаторіи, и быть можетъ третье—у мыса Херсонеса, въ одно время, для развлеченія силъ. Признаю это гораздо вѣроятнѣе.

„Твой гарнизонъ, кромѣ флота, кажется, довольно силенъ, чтобы непріятеля встрѣтить при самой высадкѣ, или нѣсколько отступя отъ берега, чтобъ не подвергать сильному дѣйствію съ судовъ. Непріятелю же должно будетъ сгружать лошадей, артиллерію и проч.; все это не скоро дѣлается. Но положимъ, что черезъ четыре или пять дней они въ этомъ успѣютъ. Когда же объяснится, что главный дессантъ не въ Өеодосіи, а у Евпаторіи, или Херсонеса, съ той поры, думаю я, должно сейчасъ Хомутову спѣшить къ тебѣ и направиться въ тылъ *туда* [1]), гдѣ появленіе его можетъ имѣть наиболѣе успѣха и немедленныхъ послѣдствій. Перейти же 200 верстъ войска Хомутова *должны и могутъ* [2]) въ пять или шесть дней безъ большаго напряженія, ежели при томъ ранцы везти на подводахъ. Съ появленіемъ Хомутова въ тылу непріятеля, будь онъ и въ 60.000, чему что-то я мало вѣрю, онъ ничего важнаго предпринять не можетъ, еще менѣе правильную осаду или бомбардировку.

„Атаки съ моря ты не опасаешься—и я также. Стало (быть) надѣясь на милость Божію, на тебя и храбрость твоихъ подчиненныхъ, я

[1]) и [2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

буду ожидать съ покорностію, что Промыслъ Всевышняго намъ опредѣлитъ... Богъ съ тобой; обнимаю и всѣмъ кланяюсь. Какъ бы я радъ былъ, ежели бъ незванные гости объ тебя обломились".

Между тѣмъ кн. Горчаковъ, получивъ просьбу кн. Меншикова прислать ему подкрѣпленія и сдѣлать демонстрацію, предписалъ генералъ-лейтенанту Ушакову приступить гласнымъ образомъ къ приготовленію двухъ осадныхъ отдѣленій, для движенія по направленію къ Варнѣ, и, распустивъ слухъ, что войска, занимающія Молдавію, предназначаются для осады этой крѣпости—самому сдѣлать движеніе къ Бабадагу. Ушаковъ долженъ былъ, при движеніи, поддерживать слухъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени значительный корпусъ русскихъ войскъ переправится черезъ р. Дунай у Исакчи. Съ своей стороны князь Горчаковъ, не получивъ еще приказаній изъ Петербурга и не ожидая ихъ, распорядился отправленіемъ въ Крымъ всей 16-й пѣхотной дивизіи. Хотя мѣра эта и превышала предоставленную ему власть, но,—писалъ кн. Горчаковъ [1],—„въ убѣжденіи, что она будетъ повелѣна вашимъ императорскимъ величествомъ и что она необходима для пользъ вашихъ, я на нее рѣшился. Это долгъ совѣсти и вѣрноподданической присяги. Потеря Крыма и нашего Черноморскаго флота имѣли бы самыя гибельныя послѣдствія".

Императоръ вполнѣ оцѣнилъ поступокъ кн. Горчакова [2] и тотчасъ же сообщилъ кн. Меншикову о направленіи къ нему подкрѣпленій.

„Съ отправленіемъ 16-й пѣхотной дивизіи,—писалъ императоръ кн. Горчакову [3],—менѣе опасаюсь за Крымъ. Полагаю, что непріятель вѣроятно туда обратитъ большія усилія, но и оборону встрѣтитъ отчаянную".

Распоряженія князя Горчакова не были однако же согласны съ видами фельдмаршала. Князь Варшавскій не понялъ величія поступка

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова отъ 6-го іюля. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи, дѣло № 88.

[2]) На письмѣ кн. Горчакова государь императоръ изволилъ написать: «Благородная душа, искренній другъ и вѣрный слуга».—«Ты мнѣ вѣрный другъ и слуга,—писалъ императоръ кн. Гарчакову 21-го іюля, какимъ тебя всегда зналъ и любилъ».

[3]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 19-го іюля, тамъ же.

своего бывшаго начальника штаба, удивлялся, какимъ образомъ князь Горчаковъ могъ рѣшиться обезсилить себя цѣлою дивизіею, и тотчасъ же написалъ военному министру записку, въ которой старался доказать, что князю Меншикову подкрѣпленія вовсе ненужны, и что, напротивъ того, присутствіе 16-й пѣхотной дивизіи крайне необходимо въ Южной арміи. Фельдмаршалъ находилъ, что вся задача кн. Меншикова должна состоять въ защитѣ одного только Севастополя, не обращая вниманія на прочіе пункты полуострова.

— Князь Меншиковъ,—говорилъ онъ,—хочетъ драться въ самомъ Крыму, на цѣломъ полуостровѣ, маневрировать на всемъ протяженіи онаго—словомъ, вести войну внѣ Севастополя. Конечно, если онъ намѣренъ дѣйствовать такимъ образомъ, то ему мало 27.000 регулярныхъ войскъ, кромѣ матросовъ, ибо у непріятеля будетъ 60.000 человѣкъ. Чтобы отразить ихъ вездѣ, какъ онъ предполагаетъ, ему нужно имѣть тоже по крайней мѣрѣ 60.000 человѣкъ. Но если защищаться въ одномъ Севастополѣ, то не только 60.000 непріятеля ничего намъ не сдѣлаютъ, но, имѣя даже 80.000, онъ долженъ будетъ отступить, ибо 27.000 регулярныхъ войскъ съ 20.000 матросовъ нельзя форсировать въ укрѣпленіи и 80-ю тысячами.

Такъ думалъ фельдмаршалъ, когда дѣло касалось Крыма и его защиты. Онъ находилъ, что союзники, и при этой численности, не могли отдѣлить значительнаго отряда для занятія Перекопа.

— Но если бы непріятель и рискнулъ,—говорилъ онъ,—держа Севастополь въ сильной блокадѣ, послать 10.000 въ Перекопъ, то и тогда не было бы бѣды, ибо безъ кавалеріи онъ не можетъ отойти далеко отъ Перекопа, тогда какъ атаманъ тутъ съ кавалеріею. Къ тому же непріятель не можетъ оставаться у Перекопа долѣе 1-го сентября, а потому долженъ отойти въ море, бросивши всѣ завоеванія. До этого времени онъ Севастополя ни въ какомъ случаѣ взять не можетъ и потому, мнѣ кажется, прибавлять войска въ Крымъ едва-ли нужно.

Послѣдующія событія не оправдали предположеній фельдмаршала, а въ настоящемъ случаѣ дѣло было уже сдѣлано и благодаря самоотверженію князя Горчакова 16-я пѣхотная дивизія направлена въ помощь князю Меншикову.

„Посылка 16-й дивизіи,—писалъ императоръ князю Варшав-

скому [1]),—какъ бы она еще ни была полезна въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе намъ отстоять не только Крымъ, но и Севастополь, котораго защита по степени сухопутной обороны не возможна почти, безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно, съ какими силами союзники собираются атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и быть можетъ рѣшитъ дѣло въ нашу пользу и уничтожитъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Можно надѣяться, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, что австрійцы не атакуютъ ранѣе 8-го (20-го) августа, и потому Горчаковъ еще успѣетъ и отойти и соединиться съ Сакеномъ и стать такъ, чтобы лишить австрійцевъ теперешнихъ стратегическихъ выгодъ ихъ расположенія противъ насъ.

„Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота теперь для насъ первѣйшая важность; ежели будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ— надолго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ. Отвратить его елико можно предметъ наиважнѣйшій".

Сознаніе этой важности и заставляло князя Меншикова, по полученіи увѣдомленія изъ штаба Южной арміи, что дивизія эта можетъ прибыть къ Перекопу между 20-мъ и 23-мъ числами августа, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ускорить ея движеніе и имѣть возможность усилить свои средства до высадки союзниковъ.

Соображая тѣ размѣры, при которыхъ непріятель могъ бы рѣшиться предпринять экспедицію въ Крымъ, кн. Меншиковъ полагалъ, что союзники, при всѣхъ стараніяхъ, успѣютъ собрать достаточныя для того силы и средства не ранѣе мѣсяца, а потому и надѣялся, что 16-я пѣхотная дивизія можетъ прибыть во-время. Онъ хлопоталъ теперь о доставленіи на подводахъ хотя передовыхъ полковъ этой дивизіи и съ этою цѣлью отправилъ на встрѣчу имъ флигель-адъютанта полковника Сколкова съ порученіемъ принять всѣ мѣры къ облегченію и ускоренію движенія. При содѣйствіи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Анненкова, собравшаго, подъ свозъ ранцевъ для нижнихъ чиновъ, достаточное число обывательскихъ подводъ, первая бригада 16-й пѣхотной дивизіи 8-го августа ожидалась уже въ Перекопѣ.

Съ прибытіемъ этой дивизіи представлялось возможнымъ составить

---

[1]) Въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 21-го іюля (1-го августа) 1854 г.

на сѣверѣ Крыма особый отрядъ, который бы служилъ резервомъ для войскъ, расположенныхъ у Севастополя, и въ то же самое время могъ прикрывать Перекопъ отъ непріятельскихъ покушеній. Въ составъ этого отряда назначена была вся 16-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и вторая бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи съ конно-легкою № 12-го батареею [1]). Общее начальство надъ этими войсками поручено было генералу-отъ-инфантеріи кн. П. Д. Горчакову, который и былъ отправленъ кн. Меншиковымъ въ Перекопъ на встрѣчу полковъ 16-й дивизіи. Отрядъ этотъ не былъ однако же собранъ, и вся дивизія была двинута внутрь Крыма ближе къ Севастополю, въ виду котораго стали вновь появляться эскадры союзнаго флота.

На разсвѣтѣ 14-го іюля въ виду города показались три непріятельскіе парохода, за которыми, среди тумана, видно было большое число кораблей. Одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ пытался подойти къ сѣверному берегу, но, встрѣченный огнемъ съ батареи Карташевскаго и Волоховой башни, принужденъ былъ отступить и пошелъ къ р. Бельбеку, на соединеніе съ двумя пароходами, стоявшими въ отдаленіи отъ берега. Соединившись вмѣстѣ, всѣ три парохода побѣжали вдоль берега къ мысу Лукуллу, гдѣ, сдѣлавъ промѣры, отправились для той же цѣли на Евпаторійскій рейдъ.

Между тѣмъ непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 14-ти кораблей, въ числѣ коихъ было четыре винтовыхъ, изъ одного фрегата и 6-ти большихъ пароходовъ, подошелъ къ Севастополю. Оставаясь въ теченіе цѣлаго дня въ виду города, онъ производилъ различнаго рода эволюціи, ученье и проч. Мертвый штиль препятствовалъ нашимъ судамъ выйти въ море и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Весь Севастополь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за движеніемъ паровыхъ судовъ англо-французскаго флота. Съѣхавшій на берегъ вице-адміралъ Нахимовъ, взойдя въ башню библіотеки, также долго слѣдилъ за маневрами враговъ, обезпеченныхъ отъ нашей атаки мертвымъ штилемъ.

— Проклятые самовары!—проговорилъ онъ наконецъ,—не даромъ я не любилъ ихъ.

Къ вечеру непріятель отошелъ за Херсонесскій маякъ, а на слѣ-

---

[1]) Приказъ кн. Меншикова отъ 7-го августа № 29.

дующій день маневрировалъ у Балаклавы, Георгіевскаго монастыря и у Севастополя.

Не обращавшіе уже на него вниманія жители города собирались на закладку соборнаго храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра, точно такъ же, какъ за четыре дня передъ тѣмъ, 10-го іюля, они сходились на освященіе башни на Малаховомъ курганѣ.

Сооруженіемъ этой башни положена послѣдняя опорная точка, возведенная до осады Севастополя, сухопутныя укрѣпленія котораго, надо сознаться, все еще находились въ печальномъ положеніи. Съ половины іюля и до дня высадки союзниковъ, не только не было сдѣлано ничего для усиленія обороны города, но, напротивъ того, нѣкоторыя изъ существовавшихъ уже укрѣпленій пришли въ ветхость, а другія были близки къ разрушенію. Такъ, при дефилированіи фасовъ Сѣвернаго укрѣпленія и съ возвышеніемъ его насыпи постоянно обрушивались его эскарпы, а находившаяся на сѣверной сторонѣ города батарея № 4-го была близка къ совершенному разрушенію: стѣны ея растрескались, а земляныя насыпи, даже имѣющія натуральный откосъ, начинали склоняться къ морю въ такой степени, что разстраивали горизонтальное положеніе площадокъ, на которыхъ были поставлены орудія. Словомъ сказать, можно было предвидѣть, что батарея эта разрушится при первыхъ хорошихъ осеннихъ дождяхъ.

Оборонительная линія Севастополя состояла изъ ряда тѣхъ укрѣпленій, которыя успѣли возвести съ начала весны чины Черноморскаго флота и 6-го сапернаго батальона. Князь Меншиковъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ суммъ, ни матеріальныхъ запасовъ, долженъ былъ ограничиться земляными работами. Въ насыпанныхъ укрѣпленіяхъ не было не только никакихъ блиндированныхъ построекъ, но даже и пороховыхъ погребковъ, для склада зарядовъ и предохраненія ихъ отъ дѣйствія непріятельскихъ выстрѣловъ. Состоявшей въ Севастополѣ инженерной команды точно не существовало. Мѣстные инженеры, на прямой обязанности которыхъ лежала постройка всѣхъ укрѣпленій Севастополя, мало или вовсе не заботились объ оборонѣ города. Борьба съ ними кн. Меншикова, въ теченіе всего 1854 года, не привела ни къ какимъ результатамъ. Не подчиненные ему и составлявшіе особое царство въ Севастополѣ, инженеры получили отъ своего департа-

мента приказаніе руководиться указаніями князя Меншикова только въ расходованіи денегъ, назначенныхъ на ремонтъ и возобновленіе госпиталей и старыхъ крышъ. Что касается до постройки укрѣпленій, то инженерное вѣдомство, избѣгая вмѣшательства посторонняго и свѣжаго человѣка, устранило кн. Меншикова отъ участія въ этомъ. Если случалось, что, находя необходимымъ для защиты Севастополя возвести какую-либо оборонительную постройку, командующій войсками заявлялъ о томъ инженерамъ, то послѣдніе тотчасъ же ему докладывали, что нѣтъ кирокъ, нѣтъ лопатъ, что не имѣется нужнаго лѣса, недостаетъ необходимыхъ матеріаловъ и проч. Словомъ сказать, все, что сдѣлано было въ Севастополѣ по укрѣпленію города, было сдѣлано безъ участія инженеровъ. Послѣдніе цѣлый годъ строили редюитъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи и не достроили его до начала осады. Весь іюль мѣсяцъ они провели въ обтесываніи камней, для возведенія большой оборонительной казармы, которая должна была примкнуть къ существовавшей уже стѣнѣ наружной ограды. „Не лучше ли бы было,—писалъ князь Меншиковъ [1],—употребить эти средства на продолженіе этой ограды съ тѣмъ, чтобы сомкнуть ее вокругъ города, окончить бастіоны и устроить помѣщенія, не проницаемыя для снарядовъ“.

Сознавая, что сколько бы онъ ни боролся съ инженерами, сколько бы ни доказывалъ безполезность производимой работы, въ виду ожидаемой высадки непріятеля—всѣ усилія его останутся напрасными, кн. Меншиковъ рѣшился написать о томъ въ Петербургъ. Онъ просилъ, чтобы прислали въ Севастополь директора инженернаго департамента, съ полномочіемъ составить на мѣстѣ окончательный планъ обороны и сообразно тому опредѣлить образъ дѣйствій для скорѣйшей постройки намѣченныхъ уже укрѣпленій; онъ просилъ, чтобы указали инженерамъ на работы, требующія безотлагательнаго исполненія, и, наконецъ, чтобы ассигновали на это суммы. „Если на это суммы уже ассигнованы,—писалъ онъ,—что мнѣ не извѣстно (потому что назначеніе и распредѣленіе ихъ составляетъ тайну инженеровъ),—то мнѣ кажется существенно

---

[1]) Военному министру кн. Долгорукову 31-го іюля. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I. Письмо это напечатано въ 1-мъ томѣ «Сборника рукописей» на стр. 318-й.

необходимымъ воспользоваться временемъ для приведенія Севастополя въ оборонительное состояніе".

Въ отвѣтъ на это военный министръ сообщилъ кн. Меншикову, что императоръ предоставляетъ ему окончательное рѣшеніе вопроса по укрѣпленію Севастополя. „Sa Majesté,—писалъ кн. Долгоруковъ [1]),—se repose complètement sur votre expérience pour la direction des travaux et Elle est persuadée que vous les pousserez avec la vigueur, dont vous avez donné tant de preuves".

Далѣе онъ писалъ, что строителю Севастопольскихъ укрѣпленій генералъ-лейтенанту Павловскому предписано исполнять всѣ приказанія кн. Меншикова; что въ распоряженіе послѣдняго назначены суммы нужныя для работъ и что въ Керчи въ вѣдѣніи штаба бывшей Черноморской линіи имѣются запасы рабочихъ инструментовъ и проч. „En un mot, mon cher Prince,—говорилъ военный министръ,—agissez comme vous l'entendez, car nous sommes persuadés d'avance que ce sera pour le mieux" [2]).

Распоряженіе это, полученное въ Севастополѣ во второй половинѣ августа, было слишкомъ несвоевременно для того, чтобы, въ виду возможнаго появленія непріятеля, начинать какую-либо работу, и потому, по необходимости, пришлось ограничиться тѣмъ, что было построено.

Такимъ образомъ ко дню высадки союзниковъ вся система обороны города и рейда состояла изъ ряда укрѣпленій, расположенныхъ на обоихъ берегахъ рейда: сѣверномъ и южномъ. На сѣверномъ берегу расположено было „Сѣверное укрѣпленіе",—почти единственное для сухопутной обороны. Имѣя весьма невыгодное начертаніе, сдѣланное безъ всякаго примѣненія къ мѣстности, укрѣпленіе это доставляло весьма незначительную оборону впереди лежащей мѣстности. Несмотря на то, что на вооруженіи его стояло значительное число орудій (47), они были расположены такъ, что при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и при

---

[1]) Кн. Меншикову отъ 11-го августа. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I. Его величество совершенно полагается на вашу опытность въ направленіи работъ и увѣренъ, что вы ихъ ускорите съ свойственною вамъ энергіею.

[2]) Однимъ словомъ, любезный князь, дѣйствуйте, какъ знаете, ибо мы заранѣе увѣрены, что это будетъ лучше всего.

томъ только на нѣкоторые пункты мѣстности, можно было сосредоточить выстрѣлы изъ трехъ орудій. Пролегавшія же по обѣимъ сторонамъ этого укрѣпленія лощины оставались совершенно необстрѣленными. По мѣстности сѣверной стороны рейда могли дѣйствовать еще 23 орудія береговыхъ батарей [1]), но дѣйствіе ихъ ограничивалось обстрѣливаніемъ ближайшихъ къ нимъ частей мѣстности.

Береговыя батареи эти, начинаясь почти на одной высотѣ съ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, шли по берегу моря съ сѣвера на югъ [2]). Сѣвернѣе всѣхъ была расположена Волохова башня, а за нею Карташевскаго и Константиновская батареи. Восточнѣе и на томъ же берегу, въ глубинѣ рейда—находились батареи Михайловская, № 4-го, Двѣнадцати-Апостольская и Парижская. На южной сторонѣ рейда, у Карантинной бухты, стояла батарея № 10-го, а восточнѣе ея—Александровская и № 8-го. По обѣимъ сторонамъ Южной бухты расположены были Николаевская и Павловская батареи, а восточнѣе ихъ Святославская батарея.. Всѣ эти батареи, предназначавшіяся для обороны рейда, были окончены и вооружены.

Сухопутная оборона южной части города состояла изъ системы укрѣпленій, начинавшихся у Артиллерійской бухты. У Артиллерійской бухты былъ расположенъ, въ соединеніи съ приморскою батареею № 8-го, совершенно оконченный и вооруженный бастіонъ № 7-го. Отъ этого бастіона, влѣво, шла оборонительная стѣнка, вооруженная 6 орудіями и приспособленная для ружейной обороны. Далѣе слѣдовалъ бастіонъ № 6-го, построенный чинами 6-го сапернаго батальона и при непосредственномъ наблюденіи подполковника того же батальона Ползикова [3]). Бастіонъ этотъ, имѣвшій на своемъ вооруженіи 15 орудій, былъ самымъ сильнымъ изъ всѣхъ сухопутныхъ укрѣпленій южной стороны и возведенъ такъ, что обстрѣливалъ пространство между нимъ

---

[1]) Три орудія съ Волоховой башни, четыре—съ Константиновской, трниадцать—съ Михайловской и три—съ батареи № 4-го.

[2]) См. планъ укрѣпленій Севастополя.

[3]) «Не могу нахвалиться сапернымъ батальономъ,—писалъ кн. Меншиковъ военному министру, отъ 31-го іюля, —и въ особенности подполковникомъ Ползиковымъ. Все, что ему поручается, исполняется скоро и хорошо, теперь онъ оканчиваетъ шестой бастіонъ».

и горжею батареи № 10. Постройка его была тѣмъ необходимѣе, что съ мѣста имъ занимаемаго можно было видѣть всѣ орудія Александровской батареи.

На югъ отъ этого бастіона шла оборонительная стѣнка, приспособленная къ ружейной оборонѣ и вооруженная 8-ю орудіями. За оборонительною стѣнкою было обозначено мѣсто бастіона № 5-го, для сооруженія котораго еще ничего не было сдѣлано. Въ предполагаемой горжѣ этого укрѣпленія стояла только оборонительная казарма, вооруженная одиннадцатью орудіями. Далѣе на югъ былъ расположенъ, совершенно оконченный и вооруженный восемью орудіями, редутъ № 1-го, извѣстный также подъ именемъ редута Шварца. По обѣимъ сторонамъ редута расположены были каменные завалы, вооруженные 14-ю орудіями и доходившіе съ одной стороны до бастіона № 5, а съ другой до бастіона № 4-го. Этотъ послѣдній бастіонъ былъ далеко не оконченъ; насыпанъ только правый фасъ и фланкъ, на которыхъ было поставлено 16-ть орудій.

При оконечности городскаго бульвара, на мѣстности, извѣстной подъ именемъ *Грибка*, была поставлена батарея № 2-го всего на два орудія. Соединяясь съ бастіономъ № 4-го, при помощи завала, приспособленнаго къ ружейной оборонѣ, батарея эта имѣла назначеніемъ обстрѣливать Лабораторную и Сарандинакину балки. Этимъ укрѣпленіемъ заканчивалась оборонительная линія укрѣпленій *Городской стороны* Севастополя, на вооруженіи которыхъ стояло всего 80 орудій различныхъ калибровъ.

Далѣе слѣдовала линія укрѣпленій, обезпечивающихъ *Корабельную сторону* города. Обѣ эти линіи соединялись между собою помощію четырехъ заваловъ, съ 14-ю орудіями, устроенныхъ въ формѣ отдѣльныхъ батарей, у вершины Южной бухты, на мѣстности, извѣстной подъ именемъ *Пересыпи*.

Оборонительная линія укрѣпленій Корабельной стороны начиналась батареею, возведенною на такъ называемой *Бомборской* высотѣ, на мѣстѣ, назначенномъ для расположенія бастіона № 3-го. Батарея эта, имѣвшая видъ реданта съ отрѣзомъ, была вооружена семью орудіями. Позади ея, на сѣверо-востокъ были расположены: батарея № 3-го, извѣстная подъ именемъ *Будищева*, и батарея № 4-го, у воротъ морскаго

госпиталя и потому извѣстная подъ именемъ *Госпитальной.* Первая построена на три, а вторая—на шесть орудій. На Малаховомъ курганѣ стояла только-что оконченная Малахова башня, на которой было поставлено пять крѣпостныхъ орудій. На сѣверо-востокъ отъ этой башни, на мѣстѣ проектированнаго бастіона № 2-го, стояла батарея, не имѣвшая передъ собою рва и вооруженная шестью морскими орудіями. По обѣ стороны ея было расположено нѣсколько заваловъ, приспособленныхъ къ ружейной оборонѣ. На мѣстѣ бастіона № 1-го, у Киленъ-бухты, была батарея на четыре орудія, съ небольшимъ и весьма неглубокимъ рвомъ впереди. Въ предполагаемой горжѣ этого бастіона стояла совершенно оконченная оборонительная казарма, которая, по приказанію кн. Меншикова, была вооружена девятью крѣпостными орудіями.

Этимъ укрѣпленіемъ заканчивалась оборонительная линія Корабельной стороны, имѣвшая на своемъ вооруженіи въ общемъ итогѣ 40 орудій, различныхъ калибровъ, преимущественно крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ вся система укрѣпленій южной стороны города была вооружена 134-мя орудіями и, если къ этому прибавить шесть орудій 7-го бастіона и пять орудій батареи № 10-го, которыя могли обстрѣливать впереди лежащую мѣстность, то вся сухопутная оборона южной стороны Севастополя обезпечивалась 145-ю орудіями, при чемъ на каждое было заготовлено по 30-ти обыкновенныхъ зарядовъ и по 10-ти съ картечью [1]).

При первомъ взглядѣ цифра выставленныхъ на веркахъ орудій кажется весьма почтенною, но если мы вспомнимъ, что орудія эти были разбросаны на пространствѣ семи верстъ; что они были поставлены во многихъ мѣстахъ за насыпями слабой профили или неоконченными; что для храненія зарядовъ не имѣлось погребковъ и приходилось держать заряды или въ ближайшихъ строеніяхъ или въ особыхъ ящикахъ—то, не увлекаясь числомъ выставленныхъ орудій, должны сознаться, что городъ съ этой стороны былъ почти беззащитенъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти на 25 саженъ протяженія оборонительной линіи приходилось только одно орудіе, обстрѣливающее впереди лежащую мѣстность. Понятно, что при такихъ условіяхъ и при пересѣченности мѣ-

[1]) Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. I, 119—129.

стности, окружающей городъ, были такіе промежутки, которые вовсе не обстрѣливались и ничѣмъ не защищались; на большую же часть мѣстности можно было сосредоточить выстрѣлы не болѣе, какъ изъ трехъ или четырехъ орудій.

Сравнивая же взаимное положеніе обѣихъ сторонъ Севастополя, сѣверной и южной, относительно сухопутной обороны впереди лежащей мѣстности, мы должны сказать, что слабѣйшею стороною Севастополя оставалась все-таки сѣверная его часть.

„Ежели бы,—доносилъ кн. Меншиковъ [1]),—по несчастію дѣйствующія въ полѣ войска были опрокинуты къ бухтѣ и непріятелю удастся занять (сѣверныя) высоты, то кромѣ того, что войска и береговыя батареи будутъ въ отчаянномъ положеніи, городъ и рейдъ подвергнутся дѣйствію непріятельскаго огня.... Южная сторона представляетъ болѣе способовъ къ защитѣ, ибо, кромѣ внѣшней укрѣпленной ограды, каждый домъ и каждая баррикада въ улицахъ могутъ быть защищаемы какъ войсками, такъ и жителями“.

VI.

Предположеніе, что ожидаемая высадка союзниковъ не состоится въ текущемъ году.—Экспедиція французовъ въ Добруджу.—Ея послѣдствія.—Рескриптъ императора князю Меншикову.—Предположеніе, что союзники атакуютъ одинъ изъ прибрежныхъ нунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря.—Рескриптъ императора князю Меншикову.—Распоряженіе объ отправленіи части войскъ въ Черноморію.—Расположеніе войскъ, назначенныхъ для обороны Крыма.—Подтвержденіе слуховъ, что союзники приготовляются къ высадкѣ.—Письмо кн. Горчакова князю Меншикову.—Командированіе въ Севастополь подполковника Тотлебена.—Его прибытіе и представленіе князю Меншикову.—Мнѣніе кн. Меншикова о предстоящей высадкѣ непріятеля.—Увѣренность его въ томъ, что высадка не состоится.—Распоряженіе объ усиленіи Севастопольскихъ укрѣпленій.—Первыя извѣстія объ отплытіи союзниковъ изъ Варны въ Крымъ.—Рескриптъ императора князю Меншикову.

Въ такомъ положеніи была оборона Севастополя, когда въ началѣ августа явилось убѣжденіе, будто бы предполагаемая экспедиція англо-

---

[1]) Всеподд. донесеніе государю императору отъ 26-го августа № 429. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

французовъ въ Крымъ не состоится въ текущемъ году. Мнѣніе это, первое время, было настолько сильно, что уже дѣлались соображенія относительно размѣщенія на зимнія квартиры войскъ Крымской арміи. Поводомъ къ такому предположенію были извѣстія, полученныя изъ Варны о движеніи союзниковъ къ Добруджѣ и о высадкѣ значительнаго отряда ихъ—въ Кюстенджи.

Сосредоточенныя въ Варнѣ войска англо-французовъ терпѣли во всемъ большой недостатокъ и въ особенности въ съѣстныхъ припасахъ. Англійское правительство, положившись на обѣщаніе Порты доставить все необходимое для продовольствія союзныхъ войскъ, было жестоко обмануто. Въ Варнѣ не оказалось никакихъ запасовъ продовольствія, и англичане, не запасшіеся перевозочными средствами, были поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Предоставленныя въ ихъ распоряженіе нѣсколько сотенъ туземныхъ подводъ, запряженныхъ тощими и жалкими волами, не могли удовлетворить потребностямъ арміи. Войска ощущали недостатокъ въ сѣнѣ и соломѣ, которыхъ купить на мѣстѣ было не возможно за неимѣніемъ ихъ, а доставить изъ окрестностей—не на чемъ. Пріобрѣтеніе лошадей было весьма затруднительно, по малому числу ихъ и слишкомъ большой дороговизнѣ, а пригоняемый для употребленія въ пищу скотъ былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, такъ малъ и худъ, что одинъ человѣкъ легко подымалъ быка, мясо котораго не превосходило, вѣсомъ, мяса хорошей англійской овцы.

Недостатокъ хлѣба побудилъ турецкаго главнокомандующаго Омера-пашу запретить вывозъ хлѣба какъ изъ Варны, такъ и изъ всѣхъ прочихъ портовъ Румеліи. Эта мѣра обезпечила союзниковъ хлѣбомъ въ достаточной степени. Французы тотчасъ же воспользовались этимъ и устроили свои печи, а англичане предпочли пріобрѣтать хлѣбъ въ мѣстныхъ пекарняхъ. Скоро они убѣдились въ неудобствѣ такого способа продовольствія. Кто не являлся къ хлѣбнику рано утромъ,—писали въ англійскихъ газетахъ,—и не вступалъ въ борьбу съ пестрою толпою солдатъ, слугъ, турокъ, болгаръ, тѣснившихся у входа въ пекарню, тотъ долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды получить кусокъ хлѣба въ теченіе всего дня. Такимъ образомъ предметъ первой жизненной потребности раздавался „посреди крика, визга, брани

и драки, напоминающихъ собою звѣринецъ во время кормленія животныхъ. Мѣсяцъ тому назадъ хлѣбъ былъ такъ же бѣлъ и вкусенъ, какъ въ Лондонѣ; въ настоящее время онъ такъ же черенъ, какъ солдатскій".

Вообще положеніе французовъ было лучше, чѣмъ англичанъ, хотя и они не пользовались достаткомъ. Французское интендантство было гораздо дѣятельнѣе и предусмотрительнѣе; французы обладали бо̀льшими перевозочными средствами. Будучи подвижнѣе и живѣе англичанъ, они успѣли заранѣе отправить въ Варну самый незначительный авангардъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, который, подъ предлогомъ скораго прибытія французскихъ войскъ, завладѣлъ всѣми лучшими домами въ городѣ. Англичане принуждены были довольствоваться только тѣмъ, что̀ осталось незанятымъ, несмотря на то, что нужды ихъ, по выраженію корреспондента, по крайней мѣрѣ въ четверо превышали потребности „ихъ добрыхъ союзниковъ". Лишенія англичанъ были такъ велики и войска ихъ дотого истощены, что, на примѣръ, гвардейская бригада употребила два дня на переходъ изъ Аладина въ Варну, всего около пятнадцати верстъ. Это еще не все: чтобы передвинуть ее съ такою скоростію, принуждены были ранцы нижнихъ чиновъ перевезти на подводахъ.

Среди лишеній всякаго рода, вскорѣ послѣ прибытія союзныхъ войскъ въ Варну, въ рядахъ ихъ появилась сначала холера, а потомъ тифъ и другія болѣзни, свирѣпствовавшія въ довольно сильной степени. Ежедневно въ госпитали прибывало значительное число больныхъ, по большей части не выходившихъ уже оттуда живыми. Союзная армія представляла тогда печальное зрѣлище: томимые невыносимымъ жаромъ и испытывавшіе лишенія всякаго рода англо-французы ложились въ госпитали цѣлыми сотнями, и скоро всѣ помѣщенія этого рода были переполнены больными, для лѣченія которыхъ не доставало ни докторовъ, ни медицинскихъ средствъ.

„Посудите объ ужасѣ нашего положенія,—писалъ одинъ изъ медиковъ.—У меня, въ распоряженіи моемъ и для пищи моихъ холерныхъ больныхъ, въ теченіе трехъ недѣль, не было ничего кромѣ дынь и арбузовъ".

„Между войсками господствуютъ многія болѣзни,—писалъ другой;—

поносомъ страдаютъ всѣ; лихорадки свирѣпствуютъ, холера усилилась. Госпиталь дотого переполненъ, что больные лежатъ въ корридорахъ и даже на крыльцахъ".

При такихъ условіяхъ смерть косила усердно и расчищала ряды союзниковъ. Въ короткое время армія, не видавшая еще непріятеля, потеряла четырехъ генераловъ и нѣсколько тысячъ нижнихъ чиновъ.

Солдаты совершенно упали духомъ; поднялся всеобщій ропотъ, французы бранили своего главнокомандующаго маршала Сентъ-Арно и требовали своихъ изгнанныхъ любимыхъ генераловъ Ламорисьера и Каваньяка. Волненіе было настолько сильно, что въ нѣкоторыхъ батальонахъ пришлось употребить силу и всю строгость военныхъ законовъ. Хотя главные виновники возстанія и были разстрѣляны, но тѣмъ не менѣе всеобщее недовольство и ропотъ побудили маршала Сентъ-Арно принять мѣры къ тому, чтобы, не оставляя войскъ праздными, дать имъ какое-нибудь занятіе [1]). Въ пылкой головѣ его явилась идея объ экспедиціи въ Добруджу.

„Въ Добруджѣ должны еще находиться русскіе,—писалъ Сентъ-Арно генералу Канроберу:—велите ихъ прогнать и постарайтесь выиграть какое-нибудь дѣло къ нашему національному празднику [2]). Мнѣ кажется, всего лучше поручить это дѣло Эспинасу" [3]).

Отправивъ это письмо Канроберу, Сентъ-Арно 7-го (19-го) іюля пригласилъ къ себѣ генерала Юсуфа, окончившаго формированіе трехътысячнаго отряда баши-бузуковъ, и объявилъ ему, секретнымъ образомъ, что на вчерашнемъ совѣтѣ рѣшено предпринять экспедицію въ Крымъ.

— Но прежде чѣмъ приступить къ исполненію этого обширнаго предпріятія,—говорилъ маршалъ,—необходимо, чтобы вы, съ вашими 3.000 человѣкъ, двинулись противъ русскихъ, которые находятся на правомъ берегу Дуная, въ окрестностяхъ Бабадага и въ 45 миляхъ отъ Варны. Вы будете поддержаны въ этой диверсіи эшелонами трехъ дивизій и найдете въ Кюстенджи два батальона зуавовъ, подъ на-

---

[1]) L'expédition de Crimée p. Baron Bazancourt. T. I, 121.

[2]) Національный праздникъ былъ 3-го (15-го) августа—день именинъ императора Наполеона III.

[3]) Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. T. II.

чальствомъ полковника Бурбаки, которому мною предписано исполнять ваши приказанія. Вы распорядитесь вашею экспедиціею такъ, чтобы вернуться въ Варну къ 4-му августа, и 5-го числа начать посадку на суда для экспедиціи въ Крымъ [1]).

Обѣщая доставить все продовольствіе для отряда генерала Юсуфа прямо моремъ въ Кюстенджи, маршалъ нѣсколько разъ повторялъ ему, что главная цѣль экспедиціи только показаться непріятелю и тѣмъ ввести его въ заблужденіе относительно намѣреній союзниковъ. Сентъ-Арно убѣждалъ, какъ генерала Юсуфа, такъ и прочихъ начальниковъ дивизій, не увлекаться возможностью успѣха и помнить, что они должны быть не позже 5-го августа въ Варнѣ.

Если бы маршалъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, хотѣлъ сдѣлать только одну демонстрацію, то для этого не было надобности посылать цѣлыхъ три дивизіи, а достаточно было 3.000 баши-бузуковъ, поддержанныхъ нѣсколькими батальонами пѣхоты. Отрядъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не могъ наткнуться на значительныя силы русскихъ, но Сентъ-Арно видѣлъ въ этой экспедиціи другую цѣль—занять войска, обезкураженныя продолжительнымъ бездѣйствіемъ.

За отсутствіемъ генерала Канробера, отправившагося въ Черное море для рекогносцировки Крымскихъ береговъ, Эспинасъ, принявшій начальство надъ 1-ю дивизіею, выступилъ 9-го (21-го) іюля къ Мангаліи. На слѣдующій день по слѣдамъ его пошла 2-я дивизія генерала Боске и наконецъ 11-го (23-го) іюля выступила и 3-я дивизія подъ начальствомъ принца Наполеона.

Мы не будемъ слѣдить за подробностями этого несчастнаго похода, подробностями, не имѣющими для насъ никакого значенія, но замѣтимъ только, что экспедиція эта, по числу жертвъ, была для французовъ равносильна потерѣ большаго сраженія.

Невыносимая жара, доходившая до 33°, сопровождала ихъ со дня выступленія. Зной былъ такъ силенъ, что съ утра 21-го и до вечера 22 го іюля французы могли пройти только 26 верстъ, двигаясь по поясъ въ травѣ и по мѣстности совершенно пустынной. На пути они встрѣчали только одинокія хижины болгаръ, которые удалялись при ихъ при-

---

[1]) L'expédition de Crimée p. Baron Bazancourt, p. 122.

ближеніи съ семействами и пожитками. По мѣрѣ движенія впередъ французы углублялись въ топкія равнины, до которыхъ, казалось, не касалась еще нога человѣческая: стаи коршуновъ и дикія лошади были единственными обитателями этой мѣстности. Только изрѣдка попадались пастухи и табунщики, да вдали тянулись отступавшія казачьи сотни....

Движеніе Эспинаса изъ Мангаліи было особенно гибельно для его дивизіи. Послѣ жаркаго дня ее настигъ страшный дождь, который лилъ потоками; до жилья даже и въ полночь невозможно было добраться, и войска провели ночь по икры въ водѣ. На слѣдующее утро восемьсотъ человѣкъ не явилось на перекличку: они погибли преимущественно отъ холеры. Походъ однако же продолжался; за ливнемъ наступилъ изнурительный зной и обильныя зловредныя испаренія. На пути, по которому слѣдовали колонны французовъ, не было ни одного порядочнаго источника, такъ что люди, томимые невыносимою жаждою, принуждены были пить стоячую воду изъ канавъ и болотъ. Большинство утолявшихъ жажду сдѣлались жертвами той же холеры.

Сознавая невозможность двигаться далѣе, генералъ Юсуфъ, выступившій изъ Кюстенджи въ авангардѣ дивизіи Эспинаса, дойдя до Каргалыка, повернулъ назадъ и пошелъ обратно въ Кюстенджи, устилая свой путь больными и не успѣвая хоронить умершихъ. Слѣдовавшій позади его Эспинасъ не нашелъ Юсуфа въ Каргалыкѣ, но встрѣтилъ тамъ, оставленныхъ имъ, умирающихъ зуавовъ. Эспинасъ также повернулъ на назадъ и, бросая на дорогѣ умершихъ, пришелъ въ Кюстенджи съ огромнымъ числомъ больныхъ, которые и были переданы на пароходъ для отправленія въ Варну.

Экспедиція эта, не имѣвшая для французовъ никакой другой цѣли, кромѣ занятія войскъ и простой военной прогулки, стоила имъ весьма дорого. Она обошлась имъ въ восемь тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, не считая тѣхъ, которые умерли въ Варнѣ отъ свирѣпствовавшей тамъ эпидеміи [1]). Вмѣсто бюллетеня о побѣдѣ, который маршалъ Сентъ-Арно хотѣлъ приготовить къ 15-му августа—

---

[1]) Крымская экспедиція, разсказъ очевидца, французскаго генерала, 39. Баронъ Базанкуръ. Т. I, 123—138.

дню именинъ Наполеона III—ему пришлось представить длинный списокъ умершихъ, число которыхъ простиралось до 14.000 человѣкъ.

Такъ кончилась экспедиція въ Добруджу, о которой мы упоминаемъ здѣсь только потому, что она возбудила неоправдавшуюся надежду о томъ, будто бы предполагавшаяся высадка въ Крымъ отложена союзниками.

Появленіе трехъ-тысячнаго отряда генерала Юсуфа въ Кюстенджи, доведеннаго услужливыми корреспондентами до весьма большой цифры тридцати тысячъ человѣкъ, и извѣстіе о движеніи сверхъ того береговою дорогою значительнаго числа французскихъ войскъ—наводило на мысль, что союзники, встрѣтивши затрудненія въ обширныхъ приготовленіяхъ и запасахъ необходимыхъ для экспедиціи, а также быть можетъ отвлеченные временною остановкою кн. Горчакова у Журжи, оставили до времени мысль о высадкѣ и намѣрены были дѣйствовать пока въ этомъ направленіи. Углубленіе ихъ внутрь страны, къ берегамъ Дуная, казалось, отвлекало ихъ отъ прямой цѣли и дѣлало сомнительнымъ, чтобы они рѣшились, позже, въ періодъ равноденствія, предпринять плаваніе по Черному морю съ большимъ дессантомъ. Съ другой стороны въ Петербургѣ извѣстно было, однако же, что не всѣ войска англо-французовъ выступили изъ Варны въ Добруджу, что на ея рейдѣ собрано было значительное число судовъ и ежедневно прибывали новыя; что туда свозились всѣ боевые запасы, производилась нагрузка и проч.

Не прекращавшаяся дѣятельность въ Варнѣ заставляла предполагать, что одновременно съ дѣйствіемъ на Дунаѣ союзники посадятъ на суда оставшіяся въ Варнѣ войска съ тѣмъ, чтобы ознаменовать кампанію настоящаго года уничтоженіемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ прибрежныхъ пунктовъ, какъ напримѣръ Новороссійска или Анапы. Временный успѣхъ въ этихъ пунктахъ, хотя и не могъ имѣть такого значенія, какъ на берегахъ Крыма, но могъ удовлетворить тщеславію союзниковъ, и былъ бы провозглашенъ въ цѣлой Европѣ блистательною побѣдою. Чтобы не дать повода къ такимъ громкимъ провозглашеніямъ, императоръ считалъ необходимымъ подкрѣпить эти пункты, оставшіеся почти вовсе безъ защиты, и находилъ возможнымъ сдѣлать это на счетъ кн. Меншикова, усиленнаго прибытіемъ 16-й пѣхотной ди-

визіи. Онъ признавалъ полезнымъ часть войскъ, находившихся на Керченскомъ полуостровѣ, перевести на Таманскій, для подкрѣпленія закубанскихъ отрядовъ.

„Вчера, любезный Меншиковъ,—писалъ императоръ въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го (13-го) августа [1]),—прибывшій курьеръ отъ князя Горчакова, между прочими донесеніями, доставилъ извѣстіе, что до 30.000 англо-французовъ высажены у Кюстенджи, къ которому отъ Варны сухимъ путемъ, береговой дорогой ожидались еще другія французскія войска. Изъ сего, кажется, заключить можно, что 16-я дивизія должна поспѣть во-время и до рѣшительнаго дессанта въ Крымъ. Съ приходомъ сей дивизіи, думаю, что не только Севастополь вполнѣ обезпеченъ отъ всякой попытки имъ овладѣть и съ моря и съ сухаго пути, но что пора будетъ возвратить генерала Хомутова съ войсками *собственно Черноморіи принадлежащими,* т. е. линейными черноморскими батальонами, черноморскими казачьими батареями и съ конно-батарейной Донской батареей, оставя покуда на Керченскомъ полуостровѣ бригаду 17-й дивизіи съ ея артиллеріею и казачьимъ полкомъ. Это тѣмъ желательнѣе, что весьма быть можетъ, что союзники, извѣстясь, что мы приняли сильныя мѣры къ оборонѣ Крыма, обратятся теперь на покушеніе въ Новороссійскъ или Анапу. Слѣдовательно, собственно туда принадлежащія войска тамъ необходимы. Сіе тѣмъ желательнѣе, что весьма дѣйствительный способъ помочь довольно тѣсному положенію Абхазіи и Самурзакани есть дѣлать сильные набѣги отъ стороны Черноморской линіи, когда войска, туда назначавшіяся, будутъ тамъ на мѣстѣ.

„За уходомъ вышесказанныхъ войскъ останется у тебя въ Крыму вся 16-я дивизія—шестнадцать батальоновъ, а потомъ и всѣ 16 батальоновъ 17-й дивизіи, съ ихъ артиллеріею, бригада 14-й дивизіи съ ея двумя батареями, резервная бригада 13-й дивизіи; два резервныхъ черноморскихъ батальона, саперный и стрѣлковый батальоны—всего 52 батальона, 80 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, 16 конныхъ орудій и два казачьихъ полка—словомъ *армія!*

„Потому и поручаю тебѣ, любезный Меншиковъ, немедля условиться съ генераломъ Хомутовымъ объ исполненіи указанныхъ передвиженій

---

[1]) Арх. канц. воен. минист. по секретной описи, дѣло № 42.

сколько возможно поспѣшнѣе. Надѣюсь, что ты въ этомъ не встрѣтишь никакого важнаго затрудненія, тѣмъ болѣе, повторяю я, что *оно необходимо по общему ходу дѣлъ.*

„Займись предположеніемъ и пришли мнѣ, какъ размѣстить на осень и зиму войска 6-го корпуса, которыя у тебя оставлю, равно какъ и резервную бригаду 13-й дивизіи. Бригаду же 14-й дивизіи необходимо будетъ отослать къ своей дивизіи и корпусу, лишь только пройдетъ теперешняя тревожная пора...“

Получивъ этотъ рескриптъ, князь Меншиковъ находился въ колебательномъ положеніи. Онъ вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что союзники могутъ высадиться въ Крыму. Вѣрилъ потому, что слухи о высадкѣ не только ничѣмъ не опровергались, но, напротивъ, всѣ свѣдѣнія, доставляемыя, какъ изъ непріятельскаго лагеря, такъ и получаемыя черезъ пристававшія къ берегу торговыя суда, сходились въ томъ, что 15-е (27-е) число августа назначено англо-французами для посадки войскъ на суда. Онъ вѣрилъ въ возможность экспедиціи потому, что въ Варну приведено было, изъ Константинополя и другихъ мѣстъ, болѣе ста плоскодонныхъ, дессантныхъ судовъ, очевидно, необходимыхъ для амбаркаціи весьма значительнаго числа войскъ, и, что, наконецъ, всѣ приготовленія производились въ обширныхъ размѣрахъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ болѣе серьезному предпріятію, чѣмъ временный набѣгъ на одинъ изъ прибрежныхъ пунктовъ. Съ другой стороны, князь Александръ Сергѣевичъ былъ убѣжденъ, что и безъ того значительно замедлившаяся экспедиція въ Крымъ, съ движеніемъ французовъ въ Добруджу, еще болѣе замедлится и, слѣдовательно, можетъ состояться развѣ только къ равноденствію, или даже позже, когда время года не будетъ благопріятствовать высадкѣ. Не считая удобнымъ, а напротивъ того весьма рискованнымъ, со стороны союзныхъ генераловъ пускаться въ море, въ такое время года съ значительнымъ дессантомъ, князь Меншиковъ точно также ласкалъ себя надеждою, что быть можетъ въ нынѣшнемъ году минуетъ опасность, угрожавшая Крыму, и Севастополь не будетъ атакованъ[1]).

Какъ человѣкъ колеблющійся и не твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ опасался, однако же, отправленіемъ войскъ на Кавказскій берегъ

[1]) Письма князя Меншикова князю Долгорукову отъ 2-го, 5-го и 8-го августа 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

ослабить себя и въ то же самое время не находилъ достаточныхъ доводовъ, чтобы просить объ оставленіи ихъ въ своемъ распоряженіи. Князь Меншиковъ могъ только сказать, что „непредусмотрительно было бы разсчитывать на одни благоразумныя дѣйствія противниковъ“ и потому просилъ не трогать войскъ, назначенныхъ для обороны Крыма, точно также оставить генерала Хомутова командующимъ войсками Керченскаго полуострова.

По его словамъ, какъ Севастополь, такъ и входъ въ Азовское море—два главнѣйшіе пункта для непріятелькихъ покушеній—необходимо было заблаговременно приготовить къ надлежащему отпору[1]). „Si vous enlevez à Хомутовъ,—писалъ князь Меншиковъ[2]),—le commandement de la presqu'île (de) Kertch, rien ne se fera pour la défense du détroit qui est si essentielle. Çe général y a consacré tous les moyens que sa position d'Ataman lui donne et y a mis tous son amour prorpre[3])“.

Не надѣясь, однако же, сохранить въ своемъ распоряженіи всѣ силы и полагая, что часть ихъ все-таки приказано будетъ перевести въ Черноморію, князь Меншиковъ оставилъ мысль объ образованіи у Перекопа особаго отряда и двинулъ внутрь полуострова почти всю 16-ю пѣхотную дивизію, съ тѣмъ, чтобы дать войскамъ иное расположеніе. Знойное лѣто 1854 года представляло въ этомъ отношеніи немалыя затрудненія. Отъ жары высохли почти всѣ колодцы, и очень трудно было размѣстить даже два батальона, на одной и той же мѣстности, безъ опасенія уморить ихъ отъ жажды. Въ распоряженіи князя Меншикова было въ это время 42 батальона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 9 сотенъ казаковъ, 68 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій[4]). Всѣ эти войска были по преиму-

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 8-го августа № 420. Тамъ же, дѣло № 4252.

[2]) Письмо князя Меншикова князю Долгорукову 8-го августа. Тамъ же, дѣло № 4254 ч. I.

[3]) Если вы сложите съ Хомутова командованіе на Керченскомъ полуостровѣ, ничего не будетъ сдѣлано для защиты столь существенно важнаго пролива. Этотъ генералъ употребилъ тамъ всѣ средства, которыя давало ему положеніе атамана, и вложилъ въ это дѣло все свое самолюбіе.

[4]) См. Приложеніе № 2.

ществу сосредоточены въ Севастополѣ и его окрестностяхъ. Такъ, въ верховьяхъ бухтъ, прилегающихъ къ Херсонесскому маяку, стоялъ лагеремъ Волынскій полкъ, съ легкою № 3-го батареею 14-й артиллерійской бригады; у вершины Южной бухты расположенъ былъ Минскій полкъ, съ дивизіономъ легкой № 4-го батареи той же бригады. Въ самомъ городѣ находились 6-й саперный батальонъ и резервые батальоны: два Брестскаго, два Бѣлостокскаго, одинъ Виленскаго и одинъ Литовскаго полковъ; въ казематахъ Сѣвернаго укрѣпленія и Константиновскаго форта были размѣщены два резерные батальона: одинъ Виленскаго, а другой Литовскаго полковъ. На пространствѣ между сѣвернымъ берегомъ рейда и р. Бельбекъ былъ разбитъ лагерь второй бригады 17-й пѣхотной дивизіи (полки Бородинскій и Тарутинскій), 6-го стрѣлковаго батальона, легкихъ № 4-го и 5-го батарей 17-й артиллерійской бригады и вновь прибывшей Донской конно-легкой № 4-го батареи. Далѣе, на р. Качѣ, стоялъ Гусарскій его императорскаго высочества Николая Максимиліановича полкъ, съ конно-легкою № 12-го батареею. На р. Алмѣ, у селенія Бурлюкъ, находился лагерь 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи (полки Владимірскій и Суздальскій), батарейной № 1-го и легкой № 1-го батарей 16-й артиллерійской бригады. У Симферополя, на р. Салгирѣ, стоялъ Егерскій великаго князя Михаила Николаевича и Гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полки, съ шестью орудіями легкой № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады. Въ самомъ Симферополѣ находились рота Таврическаго гарнизоннаго полубатальона и вторая рота Таврической полубригады пограничной стражи; наконецъ, въ Перекопѣ— Углицкій егерскій, съ шестью орудіями легкой № 2-го батареи той же бригады. Три казачьихъ сотни донскаго № 39-го полка, содержавшія пикеты и производившія разъѣзды, служили соединеніемъ для войскъ, расположенныхъ у Севастополя, съ войсками, бывшими на Керченскомъ полуостровѣ подъ начальствомъ генерала Хомутова.

Въ распоряженіи послѣдняго находилось въ дѣйствующемъ отрядѣ, не считая сборныхъ командъ, $11^1/_4$ батальоновъ пѣхоты, 1 эскадронъ кавалеріи, 18 сотенъ казаковъ, 8 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій [1]).

Войска эти были расположены:

---

[1]) См. Приложеніе № 3.

Въ Ѳеодосіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго, находились: Черноморскіе казачьи пѣшіе № 2-го и 8-го батальоны, резервный Черноморскій линейный батальонъ, Таврическій гарнизонный полубатальонъ, Ѳеодосійская инвалидная команда, донской казачій № 67-го полкъ и донская батарейная № 3-го батарея. По берегу Чернаго моря для наблюденія за непріятелемъ были разставлены пикеты отъ роты Ѳеодосійской пограничной стражи.

Въ Керчи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимоѳеева были: 3-й батальонъ Бутырскаго пѣхотнаго полка, рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона, Керченскій гарнизонный полубатальонъ; полубатальонъ Азовскаго казачьяго войска, батарейная № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады и пять командъ гребной флотиліи азовскихъ казаковъ. На постахъ между Керчью, Аргиномъ и кордономъ Кичикскимъ стоялъ донской казачій № 53-го полкъ, а на постахъ отъ Керчи до Окупа рота Керчь-Еникольской пограничной стражи; Еникольскій замокъ былъ занятъ Черноморскимъ казачьимъ пѣшимъ № 4-го батальономъ.

Близъ селенія Аргинъ стояли лагеремъ три батальона Московскаго полка съ донскою легкою № 2-го батареею, служившіе общимъ резервомъ для обоихъ отрядовъ, расположенныхъ въ Керчи и въ Ѳеодосіи. Четвертый батальонъ Московскаго полка былъ посланъ на работы въ Арабатъ. Донской казачій № 60-го полкъ расположенъ въ Агибъ-Эли (на картахъ Агибель) и окрестностяхъ, а эскадронъ л.-гв. Черноморскаго казачьяго войска въ селеніи Кармышъ-Келечи [1]).

Такое расположеніе войскъ въ Крыму не измѣнилось до дня высадки союзниковъ.

Между тѣмъ, въ концѣ іюля, князь Горчаковъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что 15-го (27-го) августа назначена посадка на суда экспедиціоннаго корпуса англо-французовъ, для высадки на берегахъ Крыма. Сообщивъ тотчасъ же о томъ князю Меншикову, князь Михаилъ Дмитріевичъ потребовалъ къ себѣ подполковника Тотлебена.

— Я получилъ,—сказалъ князь Тотлебену,—достовѣрныя свѣдѣнія, что англо-французы предпринимаютъ высадку въ Крымъ. Поѣзжайте

[1]) Архивъ департамента Генеральнаго штаба по описи 1-го отдѣленія, дѣло № 88.

сейчасъ же въ Севастополь и осмотрите, въ какомъ положеніи онъ находится. Вотъ вамъ письмо къ князю Меншикову, въ которомъ я отзываюсь о васъ, какъ о знающемъ и опытномъ инженерѣ, какъ о достойномъ ученикѣ Шильдера, и предлагаю князю,—если онъ найдетъ это полезнымъ,—оставить васъ при себѣ. Будьте готовы къ тому, что князь Александръ Сергѣевичъ приметъ васъ непріязненно—онъ щекотливъ къ постороннимъ услугамъ, которыя предлагаются ему, помимо его желанія. Не обращайте на это вниманія, будьте осторожны и оставайтесь тамъ, пока это будетъ возможно; не ожидайте себѣ какого-нибудь особаго назначенія, не напрашивайтесь ни на какое командованіе, но старайтесь быть вездѣ, все видѣть, осмотрѣть и быть полезнымъ въ Севастополѣ, не только при устройствѣ укрѣпленій, но и всюду, гдѣ того потребуютъ обстоятельства.

Получивъ такого рода наставленіе, Тотлебенъ отправился въ Крымъ и 10-го августа былъ уже въ Севастополѣ. Вмѣсто того, чтобы найти въ немъ кипучую дѣятельность по оборонѣ города, онъ нашелъ всѣхъ совершенно спокойными. По всему замѣтно было, что мнѣніе, будто высадка не состоится въ текущемъ году, проникло уже во всѣ слои общества и сдѣлалось достояніемъ жителей города. Въ одномъ только флотѣ замѣтны были усиленныя работы, но онѣ вовсе не относились къ защитѣ города.

Въ день пріѣзда, Тотлебенъ явился командующему войсками.

— Съ какими вѣстями пріѣхали вы въ Севастополь?—спросилъ его князь Меншиковъ.

Тотлебенъ передалъ ему письмо князя Горчакова.

— Въ этомъ письмѣ,—сказалъ онъ свѣтлѣйшему,—князь Михаилъ Дмитріевичъ объясняетъ причины моего пріѣзда въ Севастополь.

Князь Меншиковъ вскрылъ письмо князя Горчакова.

„Я смотрю на ваше положеніе,—писалъ послѣдній [1]),—какъ на затруднительное въ высшей степени. Весьма вѣроятно, что англо-французы высадятъ около 50.000 человѣкъ, и, съ подобными силами, весьма возможно, что, отбросивъ васъ къ Севастополю, начнутъ осаду

[1]) Отъ 1-го августа. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

города съ сухопутной стороны. Вы можете быть поставлены тогда въ необходимость защищать мѣсто, по меньшей мѣрѣ, открытое.

„Въ такомъ случаѣ, всего лучше устроить полевыя укрѣпленія и защищать ихъ, по способу турокъ, при помощи контръ-апрошей. Но для этого необходимы инженеры, не только съ благими намѣреніями и умомъ, но и такіе, которые бывали подъ огнемъ.

„Послѣ того, что вы мнѣ писали однажды[1]), я думаю, что вы не совсѣмъ богаты хорошими инженерами и, во всякомъ случаѣ, сомнѣваюсь, чтобы вы имѣли такихъ, которые были бы знакомы на практикѣ съ осадою. Поэтому думаю, что окажу вамъ услугу, какъ истинный другъ, предоставляя въ ваше распоряженіе подполковника Тотлебена, который вручитъ вамъ это письмо. Это лучшій ученикъ Шильдера, человѣкъ дѣятельный, разумный и храбрый. Онъ совершенно посвященъ во всѣ таинства покойнаго и имѣетъ преимущество не быть съумасшедшимъ на три-четверти, какимъ былъ Шильдеръ.

„Если вы полагаете, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, что Тотлебенъ будетъ вамъ полезенъ, то оставьте его у себя, пока я не вызову, потому что его отсутствіе будетъ для меня очень ощутительно, и весьма возможно, что я буду поставленъ въ необходимость просить объ его возвращеніи. Если же вы, напротивъ, найдете, что онъ вамъ не нуженъ, то пришлите мнѣ его сейчасъ же“.

Первое свиданіе подполковника Тотлебена съ княземъ Меншиковымъ происходило позднимъ вечеромъ, такъ что ставни такъ называемаго Екатерининскаго дворца, гдѣ жилъ свѣтлѣйшій, были заперты. При тускломъ освѣщеніи комнаты, князь Александръ Сергѣевичъ долго разбиралъ передъ свѣчкою письмо кн. Горчакова, при чтеніи котораго, по временамъ насмѣшливая улыбка нѣсколько разъ скользила по лицу читавшаго.

— Князь Горчаковъ по своей разсѣянности, — проговорилъ онъ между прочимъ, продолжая читать письмо,—вѣроятно забылъ, что у меня въ Севастополѣ находится цѣлый саперный батальонъ.

— Отдохните послѣ дороги,—сказалъ Меншиковъ, обращаясь по

---

[1]) См. письмо кн. Меншикова кн. Горчакову, отъ 24-го марта 1854 г.

*

окончаніи чтенія къ подполконнику Тотлебену,—а затѣмъ поѣзжайте обратно въ Дунайскую армію.

Послѣ такого пріема, Тотлебенъ встрѣтился на Графской пристани съ давнишнимъ знакомымъ, отставнымъ морякомъ П. Ф. Хомутовымъ.

— Кажется,—сказалъ ему Тотлебенъ,—я принужденъ буду скоро отъ васъ уѣхать обратно на Дунай, и разсказалъ ему свое свиданіе съ кн. Меншиковымъ.

— Какъ же вы намѣрены поступить?—спросилъ Хомутовъ.

Имѣя приказаніе кн. Горчакова и помня его наставленія, Тотлебенъ рѣшился однако же оставаться въ Севастополѣ до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ Хомутову,—какъ бы ни было непріятно, я останусь здѣсь до разъясненія обстоятельствъ и употреблю всѣ усилія, чтобы не выѣзжать изъ Севастополя.

Не оставаясь празднымъ зрителемъ, Тотлебенъ старался ознакомиться съ состояніемъ Севастопольскихъ укрѣпленій.

Съ этою цѣлью, онъ, на слѣдующій же день, осмотрѣлъ форты и приморскія батареи, преграждавшіе непріятельскому флоту входъ на рейдъ и обезпечивавшіе городъ отъ атаки съ моря. Эта часть обороны была найдена имъ въ превосходномъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ. Почти всѣ укрѣпленія были долговременной профили, отлично вооружены, имѣли перекрестную оборону фарватера и находились въ полной готовности встрѣтить непріятеля.

При содѣйствіи Черноморскаго флота, стоявшаго на рейдѣ и въ Южной бухтѣ въ боевомъ порядкѣ, форты и батареи могли сосредоточивать, на различныя точки фарватера, одновременно до 300 выстрѣловъ.

Осмотрѣвши всѣ эти укрѣпленія, Тотлебенъ не могъ не выразить, что Севастополь, со стороны моря, можно считать почти недоступнымъ и въ разговорѣ съ однимъ изъ лицъ, близкихъ князю Меншикову, онъ отозвался, что приморская оборона города находится въ такомъ состояніи, что она можетъ отбить охоту у самаго предпріимчиваго непріятеля заглянуть въ Севастопольскую бухту. Слова эти были тотчасъ же переданы князю Меншикову, и подозрѣнія послѣдняго, что Тотлебенъ при-

сланъ для критической оцѣнки его дѣйствій по укрѣпленію города, отчасти разсѣялись и замѣнились нѣкоторою долею расположенія. На слѣдующій день князь Александръ Сергѣевичъ пригласилъ подполковника Тотлебена къ себѣ обѣдать, былъ очень веселъ, ласковъ и простеръ свою любезность до того, что самъ предложилъ ему осмотрѣть сухопутныя укрѣпленія Севастополя. Тотлебенъ воспользовался этимъ предложеніемъ и въ сопровожденіи адъютанта князя, ротмистра Грейга, объѣхалъ городъ съ южной стороны. Осмотръ этотъ произвелъ на него совершенно противоположное впечатлѣніе: насколько Севастополь обезпеченъ былъ отъ атаки съ моря, настолько же, если еще не болѣе, онъ беззащитенъ былъ съ сухаго пути. Здѣсь были только начатки укрѣпленій, но не самыя укрѣпленія; здѣсь вся оборонительная линія состояла только изъ нѣсколькихъ батарей, слабо вооруженныхъ артиллеріею, которая, какъ выразился Тотлебенъ, могла оказать только нѣкоторое сопротивленіе татарамъ, а не регулярнымъ войскамъ [1]).

Отзывъ Тотлебена о беззащитности Севастополя съ сухопутной стороны не понравился кн. Меншикову, и на слѣдующій день за обѣдомъ, на который приглашенъ былъ и Тотлебенъ, свѣтлѣйшій, будучи вообще возстановленъ противъ инженеровъ, въ присутствіи человѣкъ двѣнадцати, разсказалъ анекдотъ, указывавшій, по его мнѣнію, насколько иногда инженеры понимаютъ свое дѣло и съ какою осторожностію слѣдуетъ довѣряться ихъ знанію.

— Въ Турецкую войну 1810 года,—такъ началъ князь,—въ которой, подъ начальствомъ графа Каменскаго, мы съ княземъ М. Д. Горчаковымъ участвовали поручиками артиллеріи, графъ Каменскій, прибывши къ Рущуку, рѣшился овладѣть имъ немедленно. Чтобы штурмъ удался вѣрнѣе и съ меньшими потерями, онъ спросилъ объ этомъ мнѣніе состоявшаго при его штабѣ инженера изъ иностранцевъ. По происхожденію голландецъ, инженеръ этотъ у себя въ Голландіи былъ простымъ каменщикомъ, работалъ въ крѣпостяхъ и впослѣдствіи поступилъ въ нашу службу капитаномъ. Голландецъ отвѣтилъ графу, что для полнаго успѣха необходимо передъ крѣпостью поставить рядъ маленькихъ габіоновъ (туровъ), отъ нихъ ближе къ крѣпости поставить

---

[1]) Записки отставнаго капитана 2-го ранга П. Ф. Хомутова. Рукопись, представленная Наслѣднику Цесаревичу.

другіе габіоны, съ тѣмъ чтобы подъ защитою ихъ двинуть войска и овладѣть Рущукомъ.

— Вотъ,—продолжалъ кн. Меншиковъ,—по указанію голландца, поставили мы рядъ маленькихъ габіоновъ, но лишь турки замѣтили работу, какъ открыли огонь, разметали поставленные габіоны и принудили наши войска отступить. Тогда графъ Каменскій спросилъ снова голландца, что же теперь предпринять для овладѣнія Рущукомъ?—Надобно,—отвѣчалъ на это голландецъ—положить теперь рядъ большихъ габіоновъ, за которыми расположить штурмующія колонны, и приказать войскамъ катить эти габіоны къ крѣпости и затѣмъ броситься на штурмъ.—Положили мы рядъ большихъ габіоновъ и покатили ихъ къ Рущуку, но къ несчастію нашему наткнулись на турецкое кладбище, черезъ которое не въ силахъ были перекатить габіоновъ. Турки опять открыли по нашимъ колоннамъ жестокій огонь и выгнали насъ изъ-за габіоновъ. Попытка наша овладѣть Рущукомъ—не удалась.

Кончивъ свой разсказъ и будучи вообще въ веселомъ расположеніи духа, князь Александръ Сергѣевичъ во все время обѣда не упускалъ случая что-нибудь съострить на счетъ инженеровъ. Послѣ обѣда онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ подполковника Тотлебена и, подойдя вмѣстѣ съ нимъ къ столу, указалъ на лежащую на немъ фортификацію Кармонтаня.

— Хорошее сочиненіе,—замѣтилъ свѣтлѣйшій,—совѣтую вамъ познакомиться съ нимъ.

Тотлебенъ отвѣчалъ, что, находясь въ инженерномъ училищѣ, онъ изучилъ сочиненіе Кармонтаня,—и, развернувши атласъ чертежей, сталъ объяснять князю, къ какому мѣсту текста относится разсматриваемый ими чертежъ.

— Все-таки,—сказалъ князь,—возьмите съ собой эту книгу и просмотрите—хорошее сочиненіе.

Тотлебенъ исполнилъ желаніе князя. Проэкзаменовавъ такимъ образомъ Тотлебена послѣ обѣда, кн. Меншиковъ сказалъ А. Д. Комовскому:

— Перваго инженера встрѣчаю дѣльнаго и скромнаго.

Между тѣмъ время уходило, наступила вторая половина августа, а Тотлебенъ оставался безъ всякой дѣятельности и не получалъ ника-

кихъ приказаній отъ князя. Это не мѣшало однако же кн. Меншикову писать, что Горчаковъ „оказалъ мнѣ большую услугу присылкою подполковника Тотлебена, которому я тотчасъ же поручилъ необходимыя работы (qui j'ai mis de suite à la besogne).—Это офицеръ съ большою дѣятельностью и имѣетъ военный взглядъ, который ставитъ его выше обыкновенныхъ строителей (des batisseurs ordinaires) [1]).

Не имѣя никакого порученія и не получая никакихъ приказаній, Тотлебенъ ежедневно выѣзжалъ за городъ, гдѣ знакомился съ окружающею его мѣстностью, набрасывалъ на бумагѣ проекты укрѣпленій и даже имѣлъ случай показывать ихъ кн. Меншикову, который разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ.

Среди такого рода занятій Тотлебенъ узналъ, что въ Севастополѣ совершенно не имѣется запасовъ шанцеваго и рабочаго инструментовъ и что число наличнаго инструмента совершенно ничтожно [2]). Причиною тому, по донесенію главнаго строителя севастопольскихъ укрѣпленій генералъ-лейтенанта Павловскаго, было то, что на весь 1854 годъ инженерный департаментъ отпустилъ на покупку и починку инструментовъ только 150 рублей. Столь незначительная ремонтная сумма дозволяла имѣть запасъ инструмента не болѣе какъ на 200 человѣкъ рабочихъ, что̀, очевидно, было совершенно ничтожно въ виду возможной осады города. Необходимость заготовить инструментъ въ большемъ размѣрѣ заставила Тотлебена неоднократно обращаться съ этимъ вопросомъ къ кн. Меншикову. То прямо отъ себя, то черезъ приближенныхъ князя, онъ доводилъ до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго, что необходимо безотлагательно приступить къ улучшенію старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій, а также и къ заготовленію въ обширныхъ размѣрахъ шанцеваго инструмента. Послѣднимъ онъ въ особенности надоѣдалъ командующему войсками. Уступая настаиванію, кн. Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи инструментовъ [1]), но былъ увѣренъ, что въ немъ не встрѣтится надобности.

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 26-го августа. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[2]) См. приложеніе № 4.

[3]) Предписаніе кн. Меншикова ген.-лейт. Павловскому 23-го августа. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4306.

— Что вы все хлопочете объ инструментѣ,—говорилъ онъ подполковнику Тотлебену,—теперь уже поздно дѣлать высадку, а къ веснѣ будетъ миръ.

Съ наступленіемъ второй половины августа уничтожились всѣ сомнѣнія, и явилась увѣренность въ томъ, что Крыму нечего опасаться непріятельскаго нашествія.

— Я льщу себя надеждою,—говорилъ военный министръ князь Долгоруковъ [1]), что по крайней мѣрѣ въ теченіе настоящаго года ни полуостровъ, ни Севастополь не подвергнутся жребію, который, казалось, ожидалъ ихъ.

Извѣстія о пожарѣ въ Варнѣ и свирѣпствовавшей тамъ холерѣ еще болѣе убѣждали, что высадка должна замедлиться. Князь Меншиковъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе. Онъ не только не колебался, но самъ вѣрилъ безусловно и убѣждалъ другихъ въ томъ, что высадка не состоится. Недѣли за двѣ до появленія непріятеля у крымскихъ береговъ, булганакскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Т., знакомый князя, безпокоясь тревожными слухами о готовящейся высадкѣ, пріѣхалъ къ Меншикову, чтобы узнать, можетъ ли онъ съ семействомъ оставаться безопасно въ своемъ имѣніи на р. Булганакѣ, или благоразумнѣе будетъ выбраться изъ него заблаговременно [2]).

— Предпринять высадку,—отвѣчалъ кн. Меншиковъ на сдѣланный ему вопросъ,—менѣе чѣмъ съ 40.000 человѣкъ непріятелямъ нашимъ невозможно, а 40.000 человѣкъ имъ поднять не на чемъ.

Хотя 18-го августа, курьеръ изъ Петербурга и привезъ кн. Меншикову депешу графа Хребтовича, что англичане упорно настаиваютъ на безотлагательной атакѣ Севастополя и что приготовленія къ экспедиціи не прекращаются ни въ Константинополѣ, ни въ Варнѣ, но тѣмъ не менѣе князь считалъ это дѣломъ несбыточнымъ. Онъ не придавалъ даже никакого значенія и позднѣйшимъ сообщеніямъ, что на Варн-

---

[1]) Въ письмѣ кн. Меншикову отъ 16-го августа 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I.

[2]) Изъ записокъ капитана 2-го ранга Хомутова (рукоп.).

скомъ рейдѣ стоитъ множество судовъ, нагруженныхъ уже провіантомъ и боевыми припасами, и что самая посадка войскъ уже началась [1]).

Одинъ только кн. М. Д. Горчаковъ вѣрилъ въ близость высадки союзниковъ въ Крыму и смотрѣлъ на положеніе князя Меншикова какъ *на затруднительное въ высшей степени.*

Отправивъ 19-го августа письмо князю Меншикову съ увѣдомленіемъ о предстоящей высадкѣ, кн. М. Д. Горчаковъ просилъ даже свѣтлѣйшаго удержать у себя фельдъегеря и отправить его обратно, какъ только начнется высадка.

Приближеніе равноденственныхъ бурь, обыкновенно бывающихъ въ Черномъ морѣ въ осеннее время года, вселяло настолько сильную увѣренность въ невозможности плаванія съ большимъ дессантомъ, что кн. Меншиковъ удивлялся тому, что князь М. Д. Горчаковъ такъ безпокоился за него и за Крымъ.

„Михаилъ Горчаковъ,—писалъ онъ [2]),—кажется, убѣжденъ, что союзники не оставляютъ идеи покушенія на Севастополь, ибо онъ только-что прислалъ ко мнѣ фельдъегеря, чтобы доставить съ нимъ поскорѣе извѣстіе о высадкѣ ихъ. Я не вѣрю этому вовсе, держа себя насторожѣ и готовый къ встрѣчѣ непріятеля. М. Горчаковъ оказалъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ большую услугу, приславъ мнѣ сапернаго подполковника Тотлебена, котораго я тотчасъ опредѣлилъ къ дѣлу. Это весьма дѣятельный офицеръ, съ военнымъ взглядомъ, который ставитъ его выше обычныхъ *кирпичныхъ дѣлъ мастеровъ*".

„Я думаю,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]), что адмиралы и генералы, которые видятъ вещи лучше, чѣмъ видятъ ихъ въ „Downing street", не послѣдуютъ требованіямъ (impulsions) кабинетовъ и что мы не будемъ атакованы здѣсь въ теченіе этого года.

„Мы не будемъ атакованы по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всѣ приготовленія къ значительному дессанту не могли выясниться до настоящаго времени и вѣроятно не могутъ быть

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3361.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 26-го августа. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254.

[3]) Кн. Долгорукову отъ 19-го августа 1854 г. Тамъ же.

окончены къ извѣстному сроку, въ виду приближающагося поздняго времени. Вторая причина та, что непріятель знаетъ, что мы сильны и сосредоточены и что численное превосходство, независимо отъ позицій, съ приближеніемъ 16-ой пѣхотной дивизіи переходитъ на нашу сторону. Это положеніе можетъ, очевидно, измѣниться, если война продолжится. Въ 1855 году непріятель будетъ подкрѣпленъ войсками, которыя продолжаютъ къ нему подходить, тогда какъ наши средства къ сопротивленію будутъ уменьшены предположеннымъ уходомъ восьми прекрасныхъ батальоновъ 14-й пѣхотной дивизіи".

Вечеромъ 22-го августа, кн. Меншиковъ получилъ собственноручное письмо императора, въ которомъ заключалось вторичное повелѣніе о немедленномъ возвращеніи въ Черноморію линейныхъ и казачьихъ пѣшихъ батальоновъ и казачьей артиллеріи.

„Я получилъ сегодня утромъ отвѣтъ твой, любезный Меншиковъ,—писалъ императоръ [1],—на письмо мое отъ 1-го числа. Кажется, ты меня не совершенно понялъ. Вотъ въ чемъ дѣло и чего я хочу.

„Будетъ или нѣтъ столько разъ предсказываемая атака на Севастополь, съ моря и съ сухаго пути въ одно время, положительно не знаемъ, но ожидать должны. Для отпора непріятеля въ Крыму и Севастополѣ находится въ твоемъ распоряженіи 52 бат., 16 эскад. 8 пѣш. и 2 конныхъ батареи и 3 казачьихъ полка, кромѣ флота и мѣстныхъ гарнизонныхъ и другихъ командъ. Считаю этихъ силъ достаточнымъ, чтобъ отбиться отъ непріятеля, *и болѣе того оставить тебѣ не могу.*

„Намѣренія непріятеля направлены быть могутъ, и тоже не разъ высказаны, взять Анапу и Новороссійскъ. Для защиты ихъ и Черноморіи едва достаточно 10-ти линейныхъ батальоновъ Черноморской линіи и 9-ть казачьихъ Черноморскихъ батальоновъ, ибо они должны составлять гарнизонъ Анапы и другихъ укрѣпленій и въ одно время дѣйствующій отрядъ, которому придется бороться не съ однимъ дессантомъ, но и съ горскими племенами; и потому едва ихъ будетъ на

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 16-го августа. Арх. канц. воен. министерства.

все достаточно, а потому ихъ надо какъ наискорѣе возвратить къ своему опредѣленію, въ особенности пѣшіе казачьи батальоны. Остаться же могутъ два резервные Черноморскіе линейные батальоны для Керчи, одна Донская батарея и одинъ или два казачьихъ полка, для обороны Керчи и полуострова. Но завѣдываніе симъ остающимся отрядомъ и Керчью и тѣмъ, что тамъ работается, можно весьма оставить генералу Хомутову, ибо не вижу тому препятствія, по близости и взаимности обороны. Прошу тебя немедля распорядиться исполненіемъ.

„Ежели Богъ дастъ, атаки на Севастополь не будетъ, надо воспользоваться, не теряя времени, льготой, чтобъ усилить работы по сухопутнымъ укрѣпленіямъ. Общій проектъ начертанъ давно и вотъ онъ въ маломъ видѣ. Вели усилить тѣ работы, елико можно, *которыя считаешь необходимыми*. Таковыми мнѣ бы казались бастіоны № 3-го и 4-го и соединяющія ихъ стѣнки. Надо употребить всѣ усилія *ихъ кончить къ апрѣлю*, не щадя трудовъ. Показанная на планѣ оборонительная казарма была бы очень полезна, для надежнаго обстрѣливанія внутренности батареи № 10-го. Но такъ какъ ты уже поднялъ бастіонъ № 6-го, то до времени можно обойтись безъ сей казармы, обратя быть можетъ готовый камень на постройку редюитовъ бастіоновъ № 3-го и 4-го и на стѣнки. Напиши мнѣ сейчасъ, какъ распорядился.... Кромѣ того хорошо бы устроить батареи полеваго профиля въ удобныхъ мѣстахъ *для полевой артиллеріи*, для усиленія слабыхъ пунктовъ, до довершенія всѣхъ долговременныхъ верковъ. Кажется мнѣ, что все это возможно, имѣя саперный батальонъ и много арестантовъ. Остановки не должно быть“.

Считая вопросъ о высадкѣ союзниковъ рѣшеннымъ или по крайней мѣрѣ отложеннымъ въ долгій ящикъ, кн. Меншиковъ думалъ воспользоваться временемъ и приступить къ исполненію высочайшихъ предначертаній. На другой же день по полученіи рескрипта, онъ приказалъ генералъ-лейтенанту Павловскому безотлагательно приступить къ соединенію оборонительною стѣнкою двухъ бастіоновъ № 3-го и 4-го и устроить въ нихъ редюиты, употребивши на это матеріалы, заготовленные для оборонительпой казармы между бастіонами № 6-го и 7-го [1]).

[1]) Предписан. генер.-лейтенан. Павловскому 23-го августа № 1151. Тамъ же, дѣло № 4306. Павловскій встрѣтилъ въ этомъ немалыя затрудненія; онъ

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ и генералу Хомутову переправить назначенныя войска на Таманскій полуостровъ. Распоряженіе это не было однакоже приведено въ исполненіе. Сдѣланное только за нѣсколько дней до высадки, оно достигло до Хомутова въ день появленія непріятеля въ виду Крымскихъ береговъ.

Извѣстіе объ отплытіи дессанта изъ Варны въ самомъ началѣ сентября достигло до Петербурга и привело всѣхъ въ крайнее безпокойство.

„Нетерпѣливо жду извѣстій отъ Меншикова,—писалъ императоръ кн. М. Д. Горчакову [1]),—ибо газеты подтверждаютъ отправленіе экспедиціи въ Крымъ; потому—развѣ бури или опять холера не остановили—она должна быть въ Крыму съ 30-го августа. Дай Богъ, чтобы Меншиковъ ихъ порядкомъ отбилъ“.

Ослабленіе кн. Меншикова и приказаніе отправить казачьи батальоны въ Черноморію крайне заботили покойнаго государя.

„Незнаю — писалъ онъ кн. Меншикову [2]),—успѣлъ ли ты передвиженія эти исполнить, ибо слухи подверждаютъ, что экспедиція въ Крымъ начала отправляться 4-го новаго стиля и потому быть можетъ, что на другой же день послѣ твоего донесенія, непріятель явился въ виду. Утверждаютъ, будто посажено на суда до 90.000. Положимъ 70.000—и того довольно.

„Не сомнѣваюсь, что съ помощію Божіею, при храбрости и духѣ всѣхъ войскъ, гостей спровадишь съ честью.

„Взглядъ твой на оборону Севастополя раздѣляю и я. Не полагалъ, чтобъ можно было докончить теперь проектъ въ полномъ видѣ, но думаю, что можно, придерживаясь главныхъ ея начертаній, замѣнить постоянное временнымъ, но сильнаго профиля. Жалѣю только, что ты не приступилъ самъ къ исполненію твоей мысли укрѣпленнаго лагеря или

говорилъ, что для одной ломки камня необходимо назначать ежедневно 1.700 челов. рабочихъ; для перевозки его по 300 подводъ, а для работъ по 2.000 каменщиковъ и проч. Хотя бы такая масса рабочихъ и была найдена въ Севастополѣ, но все-таки работы не могли начаться по неимѣнію рабочаго инструмента.

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 88.

[2]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 4-го сентября. Тамъ же, дѣло № 42.

позиціи на лѣвомъ берегу. Эта сторона неоспоримо весьма слаба, и жаль, что время утеряно укрѣпить эту сторону согласно мысли твоей. Приступи же къ сему какъ наискорѣе при первой возможности, начертя самъ проектъ, котораго копію пришли ко мнѣ для свѣдѣнія, не останавливаясь въ исполненіи.

„Покуда на этой сторонѣ (сѣверной) кажется, главное дѣло будетъ непріятеля встрѣтить во-время, не допуская взобраться на высоты, гдѣ укрѣпленія; кажется, при кавалеріи и многочисленной артиллеріи дѣло не трудно, въ особенности, ежели не подводить войскъ подъ дѣйствіе морской артиллеріи, но встрѣтивъ непріятеля тамъ, гдѣ морскія пушки не досягаютъ и непріятель самъ принужденъ подвигаться подъ сильнымъ огнемъ нашей полевой артиллеріи, поддержанной кавалеріею и славною пѣхотою, горящею посчитаться съ врагами.

„Мое нетерпѣніе знать, что было—ты поймешь. Посылаю съ письмомъ флигель-адъютанта Альбединскаго—онъ малый умный и расторопный; можешь продержать его при себѣ, покуда вся опасность не минуется.—Неужели бури не потреплятъ союзниковъ? Какъ бы хорошо было...“

VII.

Усиленная дѣятельность союзниковъ въ Варнѣ передъ высадкою.—Рекогносцировка Крымскихъ береговъ.—Военный совѣтъ въ Варнѣ.—Составъ экспедиціоннаго корпуса англо-французовъ. — Его матеріальные и боевые запасы. — Отплытіе союзнаго флота изъ Варны.—Послѣдняя рекогносцировка береговъ Крыма.—Появленіе союзнаго флота въ виду Севастополя и Евпаторіи.—Распоряженія кн. Меншикова по сосредоточенію войскъ на р. Алмѣ.—Занятіе Евпаторіи англо-французами.—Прокламація ихъ къ жителямъ города.—Высадка союзныхъ войскъ и движеніе ихъ по дорогѣ къ Севастополю.

Въ іюлѣ Сентъ-Арно получилъ категорическое приказаніе императора предпринять экспедицію въ Крымъ. Принявши это приказаніе съ большимъ оживленіемъ, какъ плодъ собственныхъ соображеній, маршалъ сталъ проявлять небывалую дѣятельность: онъ безпрестанно катался изъ Константинополя въ Варну, изъ Варны въ Константинополь; осматривалъ войска, присутствовалъ при начальныхъ пригото-

леніяхъ, производилъ опыты посадки на суда и разгрузки ихъ, совѣщался съ лордомъ Рагланомъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ и всѣми силами старался оживить упадшій духъ своихъ солдатъ.

При такой живой дѣятельности своего главнокомандующаго союзныя войска готовились къ походу и заготовляли всѣ матеріалы, необходимые для осады: плели фашины, туры, шили земляные мѣшки; саперы практически пріучались къ осаднымъ работамъ, артиллерія готовила заряды, строила платформы и снаряжала въ Турціи осадный паркъ въ добавокъ къ тому, который долженъ былъ прибыть изъ Тулона; моряки хлопотали по нагрузкѣ судовъ, и наконецъ интендантство дѣлало запасъ продовольственныхъ припасовъ и нанимало транспортныя суда для перевозки тяжестей. Французское интендантство разослало своихъ агентовъ по разнымъ провинціямъ Турціи, для покупки ячменя, который отправлялся прямо въ Варну; туда же доставлены были почти всѣ запасы, находившіеся въ Галлиполи. „Уже нѣсколько дней,—писалъ неизвѣстный[1]),—какъ происходитъ большое движеніе между англо-французами; ежедневно прибываютъ пароходы съ войсками и множество судовъ съ жизненными припасами и военными снарядами и тотчасъ отправляются къ Варнѣ, гдѣ сосредоточиваются. Здѣсь чрезвычайное движеніе кораблей и пароходовъ“.

Усиленная дѣятельность эта признана была, однако же, въ Парижѣ, недостаточно быстрою, и Наполеонъ III, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ считавшій минуты, не могъ дождаться того времени, когда союзная армада отправится въ море. Въ концѣ іюля онъ послалъ вторичное приказаніе ускорить экспедицію.

Получивши въ Константинополѣ повтореніе, маршалъ Сентъ-Арно бросился въ Варну, отправилъ эскадру для рекогносцировки береговъ Крыма, и по возвращеніи ея 10-го августа нов. ст. созвалъ военный совѣтъ, на который пригласилъ большую часть французскихъ и англійскихъ генераловъ.

Генералы Канроберъ, Броунъ и контръ-адмиралъ Лайонсъ, производившіе рекогносцировку, нашли возможнымъ произвести высадку въ нѣ-

---

[1]) Одесскому купцу Павлу Ираклиди. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 58.

скольких такихъ пунктахъ, гдѣ огонь морской артиллеріи могъ значительно облегчить это предпріятіе.

Доставленныя ими свѣдѣнія послужили первымъ основаніемъ для преній военнаго совѣта, собраннаго для составленія окончательнаго плана предстоявшихъ дѣйствій.

„Маршалъ предложилъ совѣту,—пишетъ одинъ изъ принимавшихъ въ немъ участіе[1]),—обсудить проектъ дессантной экспедиціи на берега Крыма, показалъ важность ея для англо-французской политики, разобралъ планъ къ сожалѣнію слишкомъ неопредѣленный. Предстояло, по словамъ его, избрать пунктъ для высадки; самый дессантъ произвести подъ покровительствомъ флота, во что бы то ни стало разбить русскія войска, которыя по всей вѣроятности окажутъ сильное сопротивленіе, и послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и овладѣть имъ открытою силою“.

Общія соображенія свои Сентъ-Арно не могъ подкрѣпить никакими опредѣленными данными; онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о числѣ русскихъ войскъ, охранявшихъ Крымскій полуостровъ, ни о силѣ севастопольскаго гарнизона, ни о состояніи севастопольскихъ укрѣпленій. Сентъ-Арно ничего не зналъ: ни о направленіи и состояніи дорогъ, ни о переправахъ и вообще о свойствахъ мѣстности, избираемой театромъ дѣйствій. Производившіяся со стороны моря рекогносцировки дозволяли осмотрѣть берега на небольшое разстояніе и не могли доставить положительныхъ свѣдѣній о характерѣ страны; имѣвшіяся же въ рукахъ французскаго генеральнаго штаба карты Крыма были весьма неудовлетворительны; но, судя по растянутости русскихъ войскъ, занятыхъ охраненіемъ обширной границы, маршалъ полагалъ, что союзная армія не встрѣтитъ неодолимыхъ препятствій.

Лордъ Рагланъ первый возражалъ французскому главнокомандующему; онъ указалъ совѣту на неимѣніе необходимыхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на отсутствіе въ рядахъ союзниковъ кавалеріи, тогда какъ русскія войска имѣютъ кавалерію, извѣстною своимъ устройствомъ и прекрасными лошадьми. Рагланъ находилъ, что высадка не предвѣщаетъ успѣха, и въ этомъ отношеніи былъ поддержанъ адмираломъ Гамеленомъ, который замѣтилъ, что, предпринимая экспедицію въ Крымъ, союзники

---

[1]) «Крымская экспедиція», разсказъ очевидца, изд. 1855, 40.

будутъ похожи на искателей приключеній. Онъ говорилъ, что хотя флотъ и можетъ содѣйствовать арміи, но приближающееся равноденствіе и неразлучныя съ нимъ бури на Черномъ морѣ могутъ заставить его удалиться отъ береговъ, и тогда лишенная его содѣйствія армія, оставленная на чужомъ берегу на произволъ судьбы, можетъ быть поставлена въ критическое положеніе и подвергнуться разнымъ неблагопріятнымъ для нея случайностямъ. Высадившись на чужеземномъ берегу и не успѣвъ овладѣть Севастополемъ, союзники, для поддержанія чести своего оружія, принуждены будутъ вести правильную осаду и кто тогда,— говорилъ Гамеленъ—можетъ предсказать исходъ такого предпріятія?

Возраженія эти показались маршалу настолько вѣсскими, что, опасаясь, чтобы всѣ остальные члены совѣта не согласились съ мнѣніемъ вице-адмирала Гамелена и не стали противиться экспедиціи, Сентъ-Арно счелъ невозможнымъ скрывать причину и потому сначала сослался на авторитетъ Наполеона III-го, а потомъ прямо объявилъ, что мысль экспедиціи не принадлежитъ ему, а есть приказаніе императора.

Объявленіе это не помѣшало однако же принцу Наполеону присоединиться къ мнѣнію лорда Раглана и вице-адмирала Гамелена. Условившись наканунѣ съ герцогомъ Кембриджскимъ и генераломъ Боске, принцъ Наполеонъ отвергалъ возможность высадки. Онъ говорилъ, что Севастопольскія укрѣпленія съ сухопутной стороны могутъ быть такъ же сильны, какъ и со стороны моря, откуда союзные адмиралы не рѣшаются атаковать Севастополь и не надѣются прорваться въ бухту, входъ въ которую защищенъ шестью-стами орудій. По мнѣнію принца, успѣхъ дѣйствій союзниковъ находится въ зависимости отъ того, въ состояніи ли будутъ они и успѣютъ ли отрѣзать Севастополь отъ сообщенія съ остальною Россіею, съ тѣмъ чтобы отнять у кн. Меншикова возможность получать подкрѣпленія. Разбирая этотъ вопросъ, принцъ пришелъ къ заключенію, что съ тѣми силами, которыми располагали союзныя державы, такой успѣхъ невозможенъ. Мнѣніе это было поддержано адмиралами Дундасомъ, Лайонсомъ и Чарперомъ. Генералъ Канроберъ не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія, но заявилъ, что если экспедиція состоится, то, судя по результатамъ, полученнымъ при послѣдней рекогносцировкѣ, высадку слѣдуетъ произвести возлѣ Евпаторіи, у того мѣста, гдѣ находятся развалины древняго укрѣпленія.

— Оттуда,—говорилъ Канроберъ,—армія могла бы прибыть къ Севастополю въ три или четыре дня, не давъ времени кн. Меншикову сосредоточить своихъ войскъ и встрѣтить насъ на пути. Тогда, по всей вѣроятности, намъ удастся, пользуясь превосходствомъ силъ, разбить русскую армію, что̀, несомнѣнно, поведетъ за собою паденіе Севастополя.

— А что будетъ, если русскіе рѣшатся защищать городъ и если онъ хорошо укрѣпленъ?—спросилъ лордъ Рагланъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Сентъ-Арно—должно приступить къ осадѣ сѣверныхъ укрѣпленій, по занятіи которыхъ городъ непремѣнно будетъ вынужденъ къ сдачѣ. Если же эти укрѣпленія окажутся сильными, тогда легко можно будетъ перейти на южную сторону и повести оттуда правильную осаду при содѣйствіи флота, который найдетъ себѣ безопасную стоянку въ Балаклавской бухтѣ, осмотрѣнной уже сэромъ Лайонсомъ.

Эти слова маршала возбудили горячія пренія и споры между союзными генералами, результатомъ которыхъ было, однакоже, рѣшеніе предпринять экспедицію въ Крымъ, постановленное большинствомъ голосовъ.

На слѣдующій день Сентъ-Арно собралъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и командировъ остальныхъ частей.

— Совѣтъ постановилъ,—сказалъ онъ,—предпринять экспедицію въ Крымъ. Посадка войскъ начнется въ концѣ этого мѣсяца. Я знаю, что среди васъ взгляды различны относительно предстоящей кампаніи, но я не за тѣмъ васъ собралъ, чтобы спрашивать ваше мнѣніе—я собралъ васъ, чтобы сообщить цѣль предпріятія, планъ, который былъ одобренъ и на результаты котораго я надѣюсь. Чтобы познакомить васъ съ этимъ предпріятіемъ, я не могу ничего лучше сдѣлать, какъ прочесть вамъ донесеніе, которое я написалъ по этому предмету.

Въ этомъ донесеніи маршалъ между прочимъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ какъ русскіе сняли осаду Силистріи и возвратились въ свои границы, сосредоточенныя въ Варнѣ войска союзныхъ державъ были обречены на бездѣйствіе. Но возможно ли оно? — спрашивалъ Сентъ-Арно,—не должно ли оно произвести упадокъ духа въ арміи, посреди испытаній, которыя достались на ея долю, вдали отъ родины? Ни военная честь, ни политическіе интересы не допускаютъ такого без-

дѣйствія. „Il fallait forcer l'ennemi à nous craindre. La Crimée était devant nous comme un gage. Frapper la Russie dans la Crimée, l'atteindre jusque dans Sébastopol; c'était la blesser au coeur [1])".

Молча выслушали генералы чтеніе хвастливаго донесенія маршала и разошлись съ приказаніемъ готовиться къ высадкѣ.

Армія, назначенная для экспедиціи въ Крымъ, состояла изъ войскъ трехъ союзныхъ державъ: Франціи, Англіи и Турціи. Французскія войска, численностію нѣсколько болѣе 28.000 человѣкъ [2]), состояли изъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій генераловъ: Канробера, Боске, принца Наполеона и Форе, двухъ эскадроновъ кавалеріи и 68 орудій, составлявшихъ: 8 пѣшихъ, двѣ конныхъ и двѣ резервныхъ батареи [3]).

Англійскія войска, численностію до 27.000 челов., состояли изъ пяти пѣхотныхъ дивизій генераловъ: Броуна, герцога Кембриджскаго, Лесси Эванса, Ингленда и Каткарта, бригады легкой кавалеріи подъ начальствомъ лорда Кардигана, полка гв. драгунъ изъ бригады Скарлета [4]), 54 полевыхъ орудій (составлявшихъ девять полевыхъ батарей), осаднаго полупарка и четырехъ ротъ саперъ.

Турецкая дивизія, состоявшая изъ 7.000 человѣкъ отборнаго

---

[1]) «Надо было заставить непріятеля насъ бояться. Крымъ былъ передъ нами какъ залогъ. Поразить Россію въ Крыму, застигнуть ее въ Севастополѣ— это было ранить ее въ сердце». Базанкуръ, т. I, 149—151.

[2]) Французскіе писатели показываютъ численность своей экспедиціонной арміи до чрезвычайности различно: Базанкуръ считаетъ 1.446 офицеровъ и 29.058 челов. нижнихъ чиновъ; Ніель приводитъ ту же цифру, но оговариваетъ, что собственно пѣхоты было 24.250 челов. и кавалеріи 150 челов. Онъ же опредѣляетъ численность французской арміи всѣхъ родовъ оружія въ 27.000 челов.; другіе писатели еще болѣе разнообразятъ эту цифру. Хотя изъ всего этого нельзя вывести точной численности, но съ достовѣрностью можно сказать, что число французскихъ войскъ было болѣе 28.000 человѣкъ.

[3]) Всѣ французскія батареи были шестиорудійнаго состава за исключеніемъ двухъ батарей 1-ой дивизіи генерала Конробера, которыя были въ 4-хъ-орудійномъ составѣ. См. «Siège de Sébastopol» par Auger. T. I, 42. См. также приложеніе № 5.

[4]) Обѣ эти бригады входили въ составъ дивизіи графа Лукана, при чемъ два полка гвардейскихъ драгунъ были оставлены въ Турціи. См. Niel, p. 9. Мат., вып. II, 268.

войска, подъ начальствомъ Ахметъ-паши имѣла при себѣ 12-ть полевыхъ орудій.

На случай осады экспедиціонный корпусъ имѣлъ около 114 осадныхъ орудій: у французовъ ихъ было 65 [1]), у англичанъ—около 40 и у турокъ—девять. Для переправъ черезъ рѣки, встрѣчающіяся на дорогахъ, при французской арміи былъ небольшой понтонный паркъ изъ 12-ти козелъ системы Бираго.

Для орудій полевой артиллеріи было взято французами 27.456 зарядовъ, для осадной—46.713 зарядовъ и 4.110.000 ружейныхъ патроновъ, т. е. около 150 патроновъ на человѣка, сверхъ тѣхъ 102 патроновъ, которые имѣлись въ сумахъ [2]).

Недостатокъ судовъ заставилъ французовъ, ограничиваясь самыми необходимыми перевозочными средствами, уменьшить число лошадей въ батареяхъ настолько, что вторые зарядные ящики были безъ лошадей и безъ передковъ, а всѣ остальные заряды перевозились въ ящикахъ и боченкахъ.

Инженерные запасы французской арміи заключались въ заготовленіи матеріаловъ для веденія осады, и состояли изъ 6.200 туровъ, 50 мантелетовъ, 16.000 фашинъ (10.000 обыкновенныхъ и 6.000 трасировочныхъ), 18.600 штукъ шанцоваго инструмента, 5.000 запасныхъ древокъ къ лопатамъ, 30.000 кирпичей, 100.000 земляныхъ мѣшковъ и до 43 различнаго рода повозокъ.

Интендантскіе запасы арміи состояли изъ одного милліона порцій хлѣба, сухарей и соли, $1^{1}/_{2}$ милліона порцій рису, сахара и кофе, 240.000 порцій свѣжей говядины, 450.000—свинины, 800.000—вина, 300.000—водки, 97.000—фуража: ячменя, сѣна и соломы, 6.000 центнеровъ (15.000 пудовъ) дровъ [3]) и 430.000 порцій угля. Для печенія хлѣба было взято семь походныхъ печей и матеріалы для

---

[1]) Въ томъ числѣ 28 пушекъ, 14 гаубицъ и 23 мортиры. Auger, p. 38 и 42. Niel, p. 8. См. приложеніе № 5.

[2]) Neil, «Siége de Sébastopol», p. 7 и 8. Auger, «Siége de Sébastopol». T. I, 42—46.

[3]) Auger. T. I, 45. Этого количества достаточно было на 180.000 порцій, см. Niel, p. 8.

устройства, въ случаѣ надобности, еще двадцати. Сверхъ этихъ запасовъ, обезпечивающихъ армію продовольствіемъ на 45 дней, каждый солдатъ имѣлъ при себѣ продовольствіе на четыре дня, котораго онъ не смѣлъ трогать до высадки на берега Крыма [1]), и всѣ войска были снабжены маленькими алжирскими палатками.

Госпитальная часть французской арміи была также весьма обильна: при каждой дивизіи и при главной квартирѣ было по одному госпиталю, 50 паръ носилокъ, лазаретныя фуры и часть легкаго подвижнаго госпиталя. Общія заготовленія для всей арміи состояли въ запасѣ матеріаловъ для четырехъ бараковъ, на 200 человѣкъ больныхъ каждый, которые могли быть поставлены въ теченіе сутокъ. При арміи было нѣсколько сотъ тюфяковъ, 3.500 простынь и 2.000 одѣялъ, 350 вьючныхъ муловъ и до 40 различнаго рода повозокъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ такою же подробностію прослѣдить за заготовленіями и запасами англійской арміи, по неимѣнію достаточныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній. Современныя письма многочисленныхъ англійскихъ корреспондентовъ свидѣтельствуютъ однако же о томъ, что англичане далеко не были снабжены съ такимъ изобиліемъ, какъ французы. Запасы зарядовъ, пороха, продовольствія и въ особенности устройство госпитальной части было у нихъ въ плохомъ состояніи. Англичане вовсе не имѣли перевозочныхъ средствъ, и инженерные запасы ихъ состояли изъ 5.000 туровъ, 8.000 фашинъ, 80.000 земляныхъ мѣшковъ и 3.000 инженернаго инструмента [2]).

Что касается до турокъ, то и говорить нечего; они были снабжены столь неудовлетворительно, что французы, еще въ предѣлахъ ихъ отечества, принуждены были взять на свое попеченіе продовольствіе правовѣрныхъ.

Несмотря на многія затрудненія, на пожаръ въ Варнѣ, истребившій большое количество запасовъ, на сильную холеру, свирѣпствовавшую въ войскахъ, союзники дѣятельно готовились къ высадкѣ. 31-го іюля (12-го августа) они начали производить нагрузку въ Варнѣ и по мѣрѣ окончанія ея отправляли нагруженныя суда въ Бальчикъ. Амбар-

---

[1]) Auger, p. 45.

[2]) Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. I, 156.

кація шла настолько успѣшно, что Сентъ-Арно, надѣясь на скорое отправленіе, не считалъ нужнымъ скрывать цѣли предпріятія и 13-го (25-го августа) объявилъ о томъ въ приказѣ.

„Солдаты!—писалъ онъ [1]).—Вы отправляетесь представить собою прекрасное зрѣлище твердости, спокойствія и энергіи, среди удручающихъ обстоятельствъ, которыя надо забыть.

„Часъ пришелъ сразиться и побѣдить. Непріятель не дождался насъ на Дунаѣ... Можетъ быть, само Провидѣніе хотѣло избавить насъ отъ бѣдствій въ томъ гибельномъ климатѣ и призвало насъ въ Крымъ, страну здоровую, какъ наша, и въ Севастополь—опору могущества русскихъ, подъ стѣнами котораго мы должны дорогою цѣною купить миръ, а съ нимъ и право на возвращеніе къ своимъ очагамъ. Предпріятіе великое и достойное васъ! Вы его осуществите съ помощью самыхъ громадныхъ распоряженій морскихъ и сухопутныхъ, какія когда-либо существовали. Союзные флоты, съ ихъ тремя тысячами пушекъ и двадцатью пятью тысячами матросовъ, вашихъ соревнователей и товарищей, доставятъ на землю Крыма англійскую армію, храбрость которой такъ почитали ваши предки; они доставятъ отборныхъ турецкихъ солдатъ, которые спѣшатъ отличиться передъ вашими глазами, и наконецъ французскую армію, которую я имѣю право и гордость назвать цвѣтомъ всѣхъ союзныхъ армій. Я вижу во всемъ этомъ болѣе чѣмъ залогъ успѣха, я вижу—самый успѣхъ.

„Господа генералы, начальники частей, офицеры всякаго оружія! Вы раздѣлите и вдохнете въ сердца вашихъ солдатъ ту довѣренность, которою мое къ вамъ преисполнено.

„Скоро на стѣнахъ Севастополя мы будемъ привѣтствовать три союзныхъ знамени нашимъ національнымъ крикомъ: да здравствуетъ Императоръ!“

26-го августа (7-го сентября) французскій и турецкій дессанты отплыли отъ береговъ Турціи и на высотѣ Змѣинаго острова бросили якорь, въ ожиданіи англичанъ, присоединившихся къ эскадрѣ только 28-го августа (9-го сентября).

---

[1]) Военно-Учен. Арх., дѣло № 3342.

Вся союзная эскадра состояла теперь изъ 89 военныхъ судовъ различнаго ранга [1]) и 300 купеческихъ транспортовъ. Дессантъ былъ размѣщенъ на всѣхъ судахъ, за исключеніемъ военныхъ англійскихъ, предназначавшихся для обезпеченія экспедиціи отъ нападенія русскаго флота.

По соединеніи союзнаго флота у Змѣинаго острова на кораблѣ „Ville de Paris“, гдѣ находился Сентъ-Арно, былъ снова собранъ военный совѣтъ, на которомъ предложенъ вопросъ:—куда идти?—гдѣ высадиться? Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ было рѣшено составить коммиссію и поручить ей произвести новую и послѣднюю рекогносцировку береговъ Крыма, на всемъ протяженіи ихъ отъ Херсонесскаго мыса до Евпаторіи. Съ этою цѣлію 28-го августа (9-го сентября) была составлена эскадра, изъ одного корабля и трехъ паровыхъ судовъ, которая и отправлена для осмотра береговъ и окончательнаго опредѣленія мѣста высадки. На французскомъ пароходѣ *„Примоге“* отправились генералы: Канроберъ, начальникъ главнаго штаба Мартенпре, начальникъ артиллеріи Тири, начальникъ инженеровъ Бизо, контръ-адмиралъ Буэ-Вильоме, полковники Трошю и Лебёвъ; на англійскомъ пароходѣ *„Карадокъ“* были: лордъ Рагланъ, генералы: Бургоинъ и Броунъ, на кораблѣ *„Агамемнонъ“* вице-адмиралъ Лайонсъ и наконецъ четвертый пароходъ *„Симпсонъ“* назначенъ былъ для сопровожденія эскадры [2]).

Рекогносцирующіе прежде всего отправились къ Севастополю, жители котораго, въ 6-ть часовъ утра 29-го августа, замѣтили приближеніе непріятельской эскадры. Смотря на нее, севастопольцы были далеки отъ мысли, что черезъ два дня они будутъ хлопотать о спасеніи роднаго имъ города. Непріятельскія суда подходили къ городу не въ первый разъ, а потому и появленіе этой эскадры не возбудило ни опасеній, ни подозрѣній. Случившіеся на улицѣ съ равнодушіемъ смотрѣли, какъ непріятель медленно слѣдовалъ вдоль берега, направляясь къ Евпаторіи и выбирая мѣсто для высадки.

---

[1]) Во французскомъ флотѣ было 4 паровыхъ и 11 парусныхъ линейныхъ кораблей, 35 паровыхъ и 5 парусныхъ фрегатовъ; у англичанъ 10 линейныхъ кораблей и 15 паровыхъ разнаго ранга судовъ; у турокъ 9 линейныхъ кораблей.

[2]) Auger. T. I, 53. Bazancourt. T. I, 164.

Осмотрѣвъ ближайшіе къ Севастополю берега, рекогносцирующіе обратили особенное вниманіе на мѣстность, находившуюся близъ селеній Контогуанъ и Богайлы, у развалинъ нѣкогда бывшаго укрѣпленія, лежащаго въ 28 верстахъ ниже Евпаторіи [1]).

Лучшаго мѣста для высадки выбрать было не возможно. Заключенное между двумя озерами Кизиль-Ярскимъ и Кичикъ-Бельскимъ, пространство это, будучи почти совершенно пологимъ и ровнымъ и имѣя низменный берегъ, представляло собою нѣчто вродѣ дефиле, отлично обстрѣливаемое съ флота и обезпеченное съ фланговъ. Мѣстность эта по своему удобству привела членовъ коммиссіи къ единогласному рѣшенію, что высадка должна быть произведена именно въ этомъ мѣстѣ.

По возвращеніи эскадры къ мысу Тарханъ-Куту, куда перешелъ весь союзный флотъ, былъ въ третій разъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ постановлено: произвести высадку у стараго укрѣпленія, въ тотъ же день занять Евпаторію, въ которой не было замѣчено русскихъ войскъ, и за тѣмъ, послѣ высадки, быстро слѣдовать на югъ къ Севастополю, упираясь правымъ флангомъ въ море, чтобы находиться постоянно подъ покровительствомъ флота, который, слѣдуя вдоль того же берега, могъ огнемъ своей артиллеріи поддержать армію союзниковъ и въ то же время обезпечивалъ ее продовольствіемъ и боевыми припасами [2]).

Послѣ такого рѣшенія союзный флотъ двинулся впередъ и на слѣдующій день появился въ виду береговъ Крыма.

Гроза, висѣвшая надъ Севастополемъ, готова была, наконецъ, разразиться, положеніе его, какъ города и порта—уяснилось.

Часу въ десятомъ утра 1-го сентября въ Севастополѣ замѣтили приближавшіеся, со стороны моря, сначала два корабля, а за ними густое облако дыма отъ большаго числа пароходовъ. Находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города телеграфъ сообщилъ, что мимо Тарханъ-Кута прошло семьдесятъ непріятельскихъ судовъ, потомъ, что появившійся флотъ идетъ въ трехъ колоннахъ, что число судовъ съ каждымъ

---

[1]) Укрѣпленіе это у французскихъ писателей извѣстно подъ именемъ: „Vieux Fort“, а у англичанъ „Old-Fort“.

[2]) Базанкуръ, т. I, 166—167.

часомъ увеличивается, и наконецъ въ шесть часовъ вечера было сообщено, что насчитано до 106 непріятельскихъ вымпеловъ. Прискакавшій за тѣмъ въ городъ казакъ объявилъ, что судовъ видимо не видимо, такая сила, что и пересчитать нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ издали казалось, что къ берегу подходитъ большой, движущійся городъ со множествомъ дымныхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Это былъ союзный флотъ, шедшій въ трехъ колоннахъ и имѣвшій на себѣ болѣе 63.000 человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Теперь стало очевиднымъ для каждаго изъ жителей Севастополя, что всѣ усилія врага клонились къ овладѣнію этимъ городомъ, служившимъ средоточіемъ флота и опорою могущества Россіи на Черномъ морѣ; всѣмъ стало понятно, что уничтоженіе этого могущества составляло главную цѣль экспедиціи, предпринятой союзниками. Со стороны каждаго русскаго явилось естественное желаніе противодѣйствовать врагу всѣми средствами и преградить путь къ осуществленію его желаній и намѣреній. Въ городѣ проявилась усиленная и торопливая дѣятельность, но ни въ комъ не замѣтно было ни упадка духа, ни унынія. При первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля улицы наполнились народомъ; всѣ шумѣли, спорили и разсуждали о предстоящихъ событіяхъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!—слышалось въ отдѣльныхъ кучкахъ, сгруппировавшихся въ разныхъ мѣстахъ города.

Что предприметъ непріятель? гдѣ остановится, гдѣ высадится и какъ скоро? вотъ вопросы, которые занимали теперь всѣхъ и вызывали горячія пренія, кончавшіяся тѣмъ, что спорившіе, слѣдуя общему движенію толпы, спѣшили по направленію къ морской библіотекѣ, какъ самому возвышенному пункту въ городѣ, откуда открывался обширный видъ на море и окрестности Севастополя. Туда же отправился и кн. Меншиковъ въ сопровожденіи вице-адмирала Корнилова. Долго смотрѣли они на непріятельскую эскадру, стараясь опредѣлить то мѣсто, которое будетъ избрано союзниками пунктомъ, удобнымъ для высадки.

Слѣдя съ большимъ вниманіемъ за движеніями союзнаго флота, Корниловъ около 10 часовъ утра послалъ за состоявшимъ при немъ лейтенантомъ Стеценко.

— Вы получите приказаніе,—сказалъ ему адміралъ,—отъ самого главнокомандующаго [1]).

— Непріятельскій флотъ показался,—такъ началъ князь, обращаясь къ Стеценко,—на немъ есть войска, и нужно думать, что онъ свезетъ дессантъ; поѣзжайте немедленно въ селеніе Кроненталь, тамъ расположенъ казачій полкъ; возьмите столько казаковъ, сколько вамъ нужно, и поѣзжайте туда, гдѣ будетъ непріятельскій флотъ, возьмите эти конверты и извѣщайте меня о всемъ томъ, что замѣтите.

Но конвертахъ было напечатано: *по приказанію главнокомандующаго.* Извѣстія, вложенныя въ такіе конверты, передавались безъ задержки, по летучей почтѣ, содержимой казаками.

Отправивши Стеценко, князь Меншиковъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ сосредоточенію войскъ, разбросанныхъ по всему Крымскому полуострову небольшими отдѣльными частями. Онъ тотчасъ же телеграфировалъ главнокомандующему южною арміею князю М. Д. Горчакову, что непріятель высаживается на берегахъ Крыма, и въ тотъ же день разослалъ курьеровъ въ Керчь, Симферополь, Перекопъ и Николаевъ, съ приказаніемъ, чтобы расположенныя въ этихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ войска немедленно выступали бы въ походъ и слѣдовали къ Симферополю.

„По числу непріятельскихъ судовъ предполагать должно,—писалъ кн. Меншиковъ генералъ-адъютанту Кноррингу [2]),—что непріятель имѣетъ дессантъ. Какія онъ имѣетъ намѣренія и гдѣ предприметъ высадку, еще не объяснилось, но если непріятель, высадившись у Евпаторіи, предприметъ движеніе, какъ гласятъ газеты, къ Перекопу, тогда встрѣтится надобность двинуть вашу кавалерію [3]) къ Перекопу, почему прошу васъ имѣть таковую въ совершенной готовности“.

Часовъ въ 8-мь вечера получено было свѣдѣніе, что флотъ становится на якорь у Евпаторіи, и потому войска, бывшія въ Севасто-

---

[1]) Кн. Меншиковъ не былъ еще тогда главнокомандующимъ, но мы оставили слово за г. Стеценко.

[2]) Отъ 1-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3342.

[3]) Резервная кавалерійская бригада генер.-лейтенанта Рыжова.

полѣ и его окрестностяхъ, получили приказаніе быть готовыми къ выступленію по тревогѣ. Въ лагерѣ засуетились: осматривали оружіе, оттачивали штыки, раздавали сухари, патроны и проч. Всѣ были одушевлены и спокойно ожидали встрѣчи съ непріятелемъ.

Съ ранняго утра 2-го сентября въ лагерѣ замѣтно было большое движеніе: солдаты расхаживали въ аммуниціи, чтобы, по первому сигналу тревоги, быть готовыми къ выступленію. Утро было весьма прохладное, но солнце свѣтило ярко. Непріятельскій флотъ очень ясно былъ виденъ изъ города; многочисленныя суда его то сдвигались, то расходились, то подходили къ Евпаторіи, то удалялись отъ нея. Небольшихъ размѣровъ пароходы то-и-дѣло шныряли возлѣ береговъ и, дѣлая промѣры, то приближались къ Севастополю, то убѣгали къ Евпаторіи, по направленію къ которой тянулись наши войска, выступившія изъ города. Къ полудню Севастополь опустѣлъ, но отсутствіе войскъ пока не смущало еще жителей. Вечеромъ они узнали, что кн. Меншиковъ остановился на р. Алмѣ и занялъ войсками высоты лѣваго ея берега.

„Никто не сомнѣвался въ предусмотрительности князя,—пишетъ Батьяновъ [1]),—всѣ надѣялись на него, какъ на полководца достойнаго занимать ввѣренный ему постъ, и всѣ оставались покойными въ отношеніи сохраненія предводимыхъ имъ войскъ и безопасности не только города, но и всего полуострова, тѣмъ болѣе, что надѣялись на быстрый сикурсъ отъ генерала Хомутова изъ Ѳеодосіи и Керчи“.

Находившійся въ селен. Аргинъ генералъ-отъ-кавалеріи Хомутовъ, получившій 2-го сентября просьбу кн. Меншикова прислать ему казаковъ, въ тотъ же день отправилъ къ нему казачій № 60 полкъ [2]). На слѣдующій день вечеромъ въ селен. Аргинъ прискакалъ другой посланный, съ увѣдомленіемъ, что непріятельскій флотъ остановился у Евпаторіи и производитъ высадку. Князь Меншиковъ просилъ прислать ему еще подкрѣпленій. Пріостановивъ движеніе Черноморскихъ батальоновъ, назначенныхъ для отправленія въ Та-

---

[1]) Дневникъ о Севастопольской осадѣ, рукоп.

[2]) Рап. Хомутова воен. министру 4-го сентября № 368. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ, № 110(а).

мань, Хомутовъ тотчасъ же направилъ въ распоряженіе кн. Меншикова Московскій полкъ и Донскую батарейную № 3-го батарею.

„Положеніе ваше довольно критическое, — писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ князю Меншикову [1]),—Богъ да поможетъ вашей свѣтлости утѣшить царя. Сохрани насъ Всевышній отъ бѣдъ и напасти—будемъ молить за васъ нашего Искупителя“.

Отправленнымъ войскамъ приказано было идти какъ можно скорѣе на р. Алму, на соединеніе съ главнымъ дѣйствующимъ отрядомъ. Слѣдуя усиленными переходами и двумя эшелонами, первые два батальона Московскаго полка съ Донскою № 3-го батареею 5-го сентября были уже въ Симферополѣ. На слѣдующій день въ $8^1/_2$ часовъ утра пришелъ туда же изъ г. Перекопа Углицкій полкъ и въ $2^1/_2$ часа по полудни двинулся далѣе на р. Алму.

Между тѣмъ, посланные одинъ за другимъ скакали навстрѣчу этимъ войскамъ, понуждая ихъ слѣдовать какъ можно скорѣе. Хотя люди и были облегчены наймомъ подводъ подъ ранцы, по случаю дурной и грязной дороги, но войска принуждены были двигаться налегкѣ, оставивъ обозъ далеко за собою [2]). Обозъ Московскаго полка былъ остановленъ въ Симферополѣ, окрестности котораго представляли небывалое движеніе. Бывшія въ городѣ войска покидали его и спѣшили на Алму, на ихъ мѣсто прибывали другія и тотчасъ же отправлялись далѣе; изъ Евпаторіи тянулись жители съ имуществомъ; многіе изъ симферопольцевъ также оставляли городъ, а оставшіеся находились между страхомъ и надеждою. „Довѣрія къ нашимъ войскамъ много,—писалъ одинъ изъ обывателей города [3]),—но все же страшно для каждаго семейнаго“.

Въ этотъ день Симферополь былъ похожъ на толчею, въ которой толпились жители, стекавшіеся съ разныхъ концовъ Крыма и искавшіе средства отправиться далѣе во внутреннія губерніи Россіи. Послѣднихъ было такъ много, что въ самое короткое время почтовыя лошади были

---

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го сентября изъ сел. Аргинъ. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[2]) Отношеніе ген. Жабокритскаго отъ 4-го сентября № 872. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[2]) В. Княжевичъ, въ письмѣ къ брату, отъ 5-го сентября (рукопись).

измучены дотого, что курьеры принуждены были нѣкоторыя станціи слѣдовать пѣшкомъ.

„Не прикажете ли,—спрашивалъ по этому случаю Хомутовъ князя Меншикова [1]),—чтобы частнымъ лицамъ не выдавали подорожныхъ". Князю Меншикову было теперь не до подорожныхъ; передъ его небольшимъ отрядомъ стоялъ многочисленный непріятель, поглощавшій все его вниманіе и заботы.

Не получая отвѣтовъ на свои вопросы и желая сколь возможно облегчить трудное положеніе князя Меншикова, Хомутовъ отправилъ къ нему своего адъютанта, чтобы разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать о положеніи и нуждахъ дѣйствующаго отряда.

— Мнѣ нужно подкрѣпленія и подкрѣпленія, — отвѣчалъ князь посланному.

Получивши такой отвѣтъ, наказной атаманъ войска Донскаго тотчасъ же приказалъ генералъ-маіору Жабокритскому оставить Ѳеодосію и двинуться въ Симферополь съ двумя Черноморскими пѣшими батальонами, Черноморскимъ резервымъ линейнымъ батальономъ, четырьмя сотнями Донскаго № 67-го полка и Донскою конно-легкою № 2-го батареею. Отряду этому приказано также слѣдовать какъ можно скорѣе къ Симферополю и тамъ ожидать приказаній кн. Меншикова [2]).

Присоединивъ къ себѣ часть вооруженныхъ рекрутъ, Жабокритскій 6-го числа выступилъ изъ Ѳеодосіи, и, слѣдуя форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ, надѣялся 10-го сентября присоединиться къ главнымъ силамъ кн. Меншикова.

„Войска идутъ довольно хорошо,—писалъ онъ [3]),—но рекруты заболѣваютъ и подбиваются, и черноморскіе пѣшіе казаки идутъ довольно плохо. Подводъ подъ ранцы весьма довольно, и власть гражданская съ большимъ усердіемъ исполняетъ требованія".

Въ то время, когда наши войска сходились съ разныхъ концовъ Крыма, союзный флотъ, около полудня 1-го сентября, сталъ на якорѣ противъ Евпаторіи. Въ тотъ же день часу въ первомъ дня подошли къ

---

[1]) Въ письмѣ, отъ 5-го сентября. Арх. канц. воен минис. д. № 110а.
[2]) Рапортъ Хомутова князю Меншикову, отъ 5-го сентября, № 378.
[3]) Записка ген. Жабокритскаго, отъ 8-го сентября. Тамъ же.

городу три непріятельскихъ парохода, при чемъ на мачтѣ одного изъ нихъ былъ парламентерскій флагъ. За ними шелъ 36-ти пушечный винтовой фрегатъ „Трибунъ", который, подойдя къ городу, повернулъ къ нему бортомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, открыть по немъ огонь. Остановившись на разстояніи полуверсты отъ Евпаторіи, пароходы спустили два баркаса, одинъ—англійскій, другой—французскій, также подъ парламентерскими флагами. Приблизившись къ Карантинной пристани, парламентеры потребовали къ себѣ коменданта города. Къ нимъ вышелъ маіоръ Браницкій, одѣтый въ походной солдатской шинели. Послѣ вопроса: онъ ли комендантъ? и отвѣта, что онъ вовсе не комендантъ, пріѣхавшіе спросили: есть ли въ городѣ войска? и, получивши отрицательный отвѣтъ, пожелали передать кому-нибудь нѣчто вродѣ объявленія, написаннаго на ломаномъ русскомъ языкѣ. Случившійся при этомъ инспекторъ карантина г. Казначеевъ объявилъ имъ, что подобное объявленіе слѣдуетъ подать черезъ карантинъ, на что парламентеры тотчасъ же и согласились.

Объявленіе это заключалось въ слѣдующемъ:

„ПОЗЫВЪ

„Г-ну военному начальнику города Евпаторіи.

„Главные командующіе союзныхъ войскъ, также морскихъ, какъ и сухопутныхъ, судья, что городъ Евпаторія бывщіи совершенно безъ всякаго укрѣпленія, не находится въ возможности выдержать настоящаго нападенія и желая избавить жительямъ сего города отъ всѣхъ нещастій, которые могутъ прислѣдовать отъ какого-нибудь сопротивленія, который впрочимъ военные права и дозволяютъ, требуютъ отъ начальника города и гарнизона опорознить онаго и выдать свободнаго владѣнія союзнымъ войскамъ [1]).

«На фарватерѣ при Евпаторіи 13-го сентября (нов. ст.) 1854 года».

Прочитавъ такое объявленіе и имѣя приказаніе отступить, при первомъ появленіи непріятеля, Браницкій въ теченіе двухъ часовъ заливалъ и пересыпалъ известью хлѣбъ, находившійся въ казенныхъ магазинахъ, и затѣмъ оставилъ городъ, вмѣстѣ съ находившимися подъ его командою 200 человѣкъ слабосильныхъ нижнихъ чиновъ Тарутинскаго полка.

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. По снаряженію войскъ, дѣло № 110.

Парламентеры, между тѣмъ, обратились съ требованіемъ къ собравшейся на пристани толпѣ татаръ, числомъ до 2.000 человѣкъ, чтобы немедленно было доставлено союзникамъ отъ жителей города Евпаторіи 4.000 окъ[1]) говядины и баранины.

На требованіе это городничій Костюковъ отвѣчалъ, что такого количества скоро собрать нельзя. Тогда парламентеры потребовали къ себѣ главныхъ мясниковъ изъ татаръ, и двое изъ нихъ тотчасъ же явились съ обѣщаніемъ,—если имъ будутъ выданы задаточныя деньги,—доставить требуемое количество мяса. Парламентеры отказались, однако же, выдать задатокъ и объявили, что не болѣе какъ черезъ часъ городъ будетъ занятъ ими.

Дѣйствительно, около пяти часовъ по полудни приблизились къ Евпаторійской пристани нѣсколько баркасовъ, безъ парламентерскаго уже флага, и высадили на берегъ отъ 40 до 50 человѣкъ англійскихъ солдатъ при офицерѣ, а вслѣдъ за ними былъ высаженъ и весь дессантъ, назначенный для занятія города. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 3.050 человѣкъ французской, англійской и турецкой пѣхоты, 120 человѣкъ саперъ, восьми осадныхъ и четырехъ горныхъ орудій[2]).

Оставивъ на Евпаторійскомъ рейдѣ нѣсколько военныхъ судовъ, для охраненія высаженнаго отряда, которому приказано было тотчасъ же приступить къ постройкѣ укрѣпленій, ограждающихъ городъ отъ нападенія русскихъ войскъ, весь остальной союзный флотъ сталъ готовиться къ высадкѣ. Три французскихъ парохода „Примоге“, „Ла-Муетъ“ и „Катонъ“, съ генералами Канроберомъ и Мартенпре, побѣжали на югъ отъ Евпаторіи, для окончательнаго осмотра мѣста высадки, разставили тамъ разноцвѣтные поплавки и бакены, служившіе обозначеніемъ мѣстъ, на которыхъ должны были стать суда каждой дивизіи, и къ вечеру возвратились къ эскадрѣ.

Всю ночь непріятель провелъ въ передвиженіяхъ, подавая ночные сигналы фальшфейерами и ракетами.

Съ разсвѣтомъ, 2-го сентября, флотъ потянулся на югъ къ старому укрѣпленію и для отвлеченія вниманія русскихъ, относительно дѣйстви-

---

[1]) По показаніямъ другихъ—8.000 окъ. Одна ока равняется 3 фун. $12^1/_2$ золотникамъ.

[2]) Auger «Siège de Sébastopol», T. I, 54 и 55.

тельнаго мѣста высадки, вся четвертая французская дивизія, посаженная на паровыя суда, въ сопровожденіи трехъ англійскихъ фрегатовъ безъ войскъ, была отправлена для демонстраціи къ устью рѣки Качи [1]).

Дойдя до устья рѣки Алмы и замѣтивъ стоявшія на ней войска, эскадра остановилась, открыла по нимъ огонь, совершенно безвредный, и затѣмъ спустила часть дессантныхъ войскъ на гребныя суда. Приблизившись къ берегу, саженъ на 50, и продержавшись въ такомъ положеніи нѣсколько времени, дессантъ снова сѣлъ на корабли и отправился далѣе къ устью рѣки Качи. Простоявъ и тамъ около часу, безъ всякой дѣятельности, эскадра возвратилась обратно и присоединилась къ остальному флоту. Демонстрація эта оказалась лишнею потому, что на всемъ протяженіи отъ Евпаторіи до р. Алмы русскихъ войскъ не было, и союзники видѣли только одного офицера съ пятью казаками, слѣдовавшаго по окраинѣ берега параллельно флоту, считавшаго число кораблей и слѣдившаго за расположеніемъ ихъ [2]). Офицеръ этотъ былъ лейтенантъ Стеценко, посланный княземъ Меншиковымъ и остававшійся въ виду непріятеля до вечера 2-го числа, т. е. до того времени, когда значительныя силы союзниковъ были уже высажены на берегъ.

Остановившись между двумя озерами, флотъ сталъ вытягиваться въ линію и занимать мѣста, назначенныя поплавками, при чемъ для обезпеченія фланговъ высадки было выслано нѣсколько фрегатовъ и большихъ шлюпокъ, съ ихъ артиллеріею и конгревовыми ракетами. Вслѣдъ затѣмъ началась и высадка. До берега долеталъ говоръ и шумъ съ судовъ, слышался стукъ цѣпей отъ отдаваемыхъ якорей, отъ приколачиванія навѣсныхъ трановъ и проч. Нѣкоторыя суда подходили такъ близко къ берегу, что можно было разсмотрѣть лица людей и слышать командныя слова. „Погода была ясная и тихая,—пишетъ г. Стеценко [3]),—и вообще флотъ и море представляли самую оживленную картину. Спускъ шлюпокъ, установка трановъ, палубы, покрытыя солдатами съ ружьями, показывали, что высадка дессанта не замедлится“.

Растянувшись въ длину на значительное разстояніе, французскій флотъ расположился противъ Кичикъ-Бельскаго озера, за которымъ въ

---

[1]) Auger, T. I, 55 и 56. Bazancourt. T. I, 179.

[2]) Матер., вып. II, 264.

[3]) Сборникъ рукоп., т. I, 201.

трехъ верстахъ отъ берега находилось сел. Богайлы и хуторъ Контоуганъ, принадлежавшій отставному штабъ-ротмистру Павлу Ревеліоти [1]). Здѣсь французы размѣстили свои суда въ четыре линіи: первая, на которой была первая французская дивизія и имѣла на своихъ мачтахъ красный флагъ, остановилась отъ берега не ближе 700 саженъ, остальныя позади въ 200 саженяхъ одна отъ другой; на судахъ второй линіи былъ бѣлый флагъ и находилась 2-я дивизія; на судахъ третьей линіи—синій флагъ и третья французская дивизія; четвертую линію составляли транспортныя суда [2]). Точно такіе же флаги были воткнуты на берегу, для означенія мѣста, гдѣ должна была собираться каждая дивизія. На одной высотѣ съ французами и лѣвѣе ихъ расположились англичане, а правѣе—турки.

Въ восьмомъ часу утра съ корабля „Ville de Paris", на которомъ находился маршалъ Сентъ-Арно, былъ поданъ сигналъ начать дессантъ, и вся первая французская дивизія, одновременно по всей линіи, стала садиться въ опущенныя для того гребныя суда. Буксируемыя пароходами по 8-ми и болѣе, украшенныя флагами и съ музыкою, гребныя суда, наполненныя дессантомъ, отчалили отъ флота, и скоро до 80 судовъ пристало къ берегу. По мѣрѣ выхода на берегъ войска первой дивизіи собирались на назначенныхъ мѣстахъ и для прикрытія высадки остальныхъ войскъ расположились дугою, восточнѣе Кичикъ-Бельскаго озера, упираясь правымъ флангомъ въ море, а лѣвымъ примыкая къ дорогѣ изъ Евпаторіи въ Севастополь. Слѣдомъ за первою, высаживались вторая и третья дивизіи, при чемъ вторая стала лѣвѣе и подъ прямымъ почти угломъ къ первой, а третья дивизія расположилась лѣвѣе второй.

Процессъ высадки шелъ настолько успѣшно и быстро, что къ 7-ми часамъ вечера были высажены три дивизіи, вся кавалерія, 59 запряженныхъ орудій, 52 зарядныхъ ящика, съ зарядами для артиллеріи и патронами для пѣхоты, и всѣ лошади Главнаго штаба [3]).

---

[1]) Контоуганъ принадлежалъ прежде кн. Витгенштейну, герою 1812 года, и былъ любимѣйшимъ его мѣстопребываніемъ.

[2]) Базанкуръ. Т. I, 180.

[3]) Auger. Т. I, 56 и 57.

Часа два спустя послѣ французовъ стали высаживаться англичане; къ вечеру они высадили двѣ дивизіи съ частью артиллеріи и расположились такъ, что правый ихъ флангъ примыкалъ къ французамъ, а лѣвый къ озеру Кизилъ-Яръ (Камышлы).

Было только $8^1/_2$ часовъ утра, когда генералъ Канроберъ первый вступилъ на русскую землю и водрузилъ на ней трехъ-цвѣтное знамя. Въ это время г. Ревеліоти находился еще съ семействомъ своимъ въ хуторѣ Контоуганѣ. Узнавъ, что непріятель высаживается на берегъ, онъ тотчасъ же отправилъ семейство къ брату своему, на Качу, а самъ верхомъ поскакалъ къ князю Меншикову, стоявшему съ войсками на р. Алмѣ.

Въ имѣніи Ревеліоти осталась только старуха-ключница и нѣсколько дворовыхъ людей.

Слѣдомъ за Канроберомъ вышелъ на берегъ и Сентъ-Арно, со своимъ штабомъ. Увидѣвъ татарина, хотѣвшаго убрать свой хлѣбъ, неподалеку отъ мѣста высадки, Сентъ-Арно приказалъ привести его къ себѣ.

— Живъ ли генералъ Ревеліоти,—спросилъ маршалъ приведеннаго къ нему татарина.

Татаринъ отвѣчалъ отрицательно.

— Здѣсь ли дѣти Ревеліоти?—спросилъ опять маршалъ.

— Контоуганъ принадлежитъ одному изъ сыновей Ревиліоти,—отвѣчалъ татаринъ,—и врядъ-ли онъ теперь на хуторѣ. Я видѣлъ, какъ ему подавали коляску.

Тогда Сентъ-Арно въ сопровожденіи своей свиты самъ отправился на хуторъ Контоуганъ. У подъѣзда его встрѣтила ключница.

— Помѣщикъ бываетъ здѣсь?—спросилъ маршалъ ключницу.

— Онъ постоянно здѣсь живетъ,—отвѣчала она.

— Онъ женатъ?

— Да, женатъ.

— Есть ли у него дочери?

— Дочери?—переспросила старуха—есть.

— А когда семейство уѣхало?

— Сегодня.

— Какъ сегодня?

— Да, какъ только узнали, что вы къ намъ пожаловали, такъ тотчасъ же всѣ ранехенько и уѣхали отсюда.

— Ахъ, какъ непріятно, что напугали,—замѣтилъ вѣжливый маршалъ.—Мы вѣдь имѣемъ дѣло съ правительствомъ, а не съ помѣщиками. Право, напрасно они уѣхали,—мы бы имъ ничего не сдѣлали.

— Да, я точно вижу,—замѣтила простодушная старуха,—что вы добрые люди.

— Ну, дѣлать нечего! Вы намъ позволите у васъ остановиться?—спросилъ Сентъ-Арно и, не дожидаясь отвѣта, вошелъ въ домъ.

Въ первой комнатѣ стоялъ рояль; увидѣвъ его, маршалъ взялъ нѣсколько аккордовъ и потомъ обошелъ всѣ комнаты. Осмотрѣвши ихъ, онъ расположился въ Контоуганѣ вмѣстѣ со своимъ штабомъ.

Нѣсколько крестьянъ съ любопытствомъ смотрѣли на незваныхъ гостей. Къ нимъ подъѣхалъ графъ Браницкій и, поговоривъ нѣсколько минутъ черезъ переводчика, засмѣялся и, спросивъ довольно чистымъ русскимъ языкомъ: а баринъ вашъ дома? тотчасъ же ускакалъ. Крестьяне остались въ совершенномъ недоумѣніи и съ удивленіемъ смотрѣли на уѣзжавшаго [1]).

Между тѣмъ П. Ѳ. Ревеліоти прискакалъ къ кн. Меншикову на рѣку Алму и передалъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія относительно высадки непріятеля. Узнавъ, что въ его имѣніи осталось въ стогахъ сѣно, князь поручилъ ему взять казаковъ и сжечь всѣ стога, что̀ имъ и было исполнено. Около пяти часовъ по полудни къ мѣсту высадки прибылъ князь Меншиковъ, сынъ командующаго войсками, съ Донскимъ № 57-го пол-

---

[1]) Записка дѣйств. стат. совѣт. Григорьева (рукоп.). Дѣйств. стат. совѣт. Григорьевъ былъ членомъ комитета для пособія жителямъ Новороссійскаго края, пострадавшимъ отъ войны. При исполненіи этого порученія ему приходилось дѣлать опросы, провѣрять показанія, входить въ подробности обстоятельствъ, предшествовавшихъ разоренію или запятію непріятелемъ мѣстности. Онъ собиралъ все, что̀ могло быть важно для исторіи, или разъясняло встрѣченныя по дѣлу недоумѣнія. Всѣ собранныя имъ свѣдѣнія были изложены въ особой запискѣ, представленной наслѣднику цесаревичу, которою мы и пользовались.

комъ, который и былъ расположенъ пикетами верстахъ въ пяти отъ непріятеля. Это были первыя русскія войска, замѣченныя союзниками; до сихъ поръ они видѣли только небольшой отрядъ, расположенный у устья Алмы. Французы и англичане высаживались безпрепятственно и лишь только впереди ихъ, да по бокамъ горѣли стоги сѣна и хлѣба, зажженные нашими казаками.....

Наступалъ вечеръ, погода сдѣлалась пасмурною, и сталъ задувать довольно сильный вѣтеръ, разведшій такое волненіе въ морѣ, что дальнѣйшая высадка сдѣлалась опасною, и потому союзники прекратили ее.

Тяжело было первое вступленіе непріятеля на русскую землю. Къ вечеру пошелъ дождь, продолжавшійся всю ночь безъ перерыва; англичане не успѣли свезти на берегъ свои палатки, и ихъ генералы, офицеры и солдаты, поливаемые дождемъ, сопровождаемымъ довольно сильнымъ вѣтромъ, оставались всю ночь подъ открытымъ небомъ и не имѣли другой постели кромѣ грязи. Въ темную и сырую ночь, они принуждены были спать въ болотѣ или въ потокахъ воды, не имѣя чѣмъ прикрыться, гдѣ отогрѣться и съ сознаніемъ, что на утро имъ нечѣмъ будетъ перекусить, такъ какъ, за неимѣніемъ дровъ, нельзя было сварить пищу. Во все время пребыванія своего въ лагерѣ, у селенія Контоуганъ, союзники не находили ни дровъ, ни воды, годной для питья, ни другихъ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Отъ недостатка пищи и сколько-нибудь сноснаго помѣщенія, между солдатами оказалось много заболѣвшихъ, и появились случаи холеры, привезенпой ими изъ Турціи. Высаженныя лошади спали съ тѣла, болѣли и околѣвали. Какъ людямъ, такъ и лошадямъ недоставало прѣсной воды для питья: ее приходилось возить верстъ за двѣнадцать отъ мѣста высадки, и потому лошади оставались по тридцати часовъ непоенными. Положеніе союзниковъ было настолько печально, что они сильно боялись нашего нападенія.

Конечно, кн. Меншиковъ не могъ воспрепятствовать высадкѣ англо-французовъ на мѣстности, отлично обстрѣливаемой съ флота; онъ не могъ и атаковать ихъ значительными силами пѣхоты, потому что, прежде столкновенія съ непріятелемъ, онъ понесъ бы такую потерю, которая не могла окупить того временнаго замѣшательства среди союзниковъ, которое онъ произвелъ бы своимъ появленіемъ, но онъ

имѣлъ въ своемъ распоряженіи кавалерію съ конною артиллеріею, которыя могли бы быть употреблены съ большою пользою.

Посланный княземъ Меншиковымъ на мѣсто высадки лейтенантъ Стеценко доносилъ объ обстоятельствахъ, ее сопровождавшихъ. Донесеній этихъ мы не имѣли въ своихъ рукахъ, и въ чемъ они заключались, намъ не извѣстно. Въ своихъ воспоминаніяхъ Стеценко упоминаетъ, что онъ считалъ непріятельскія суда и сообщилъ князю, какъ велика, по его мнѣнію, численность непріятельскихъ войскъ [1]), но надо полагать, что кромѣ счета кораблей наблюдатель обратилъ вниманіе и на болѣе важныя обстоятельства: на численность кавалеріи, перевозочныя средства союзниковъ и проч. Поэтому князю Меншикову должно было быть извѣстнымъ, что въ первый день англичане не успѣли высадить всей своей кавалеріи и что вся кавалерія союзниковъ состояла изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, тогда какъ численность нашей кавалеріи простиралась до 3.600 человѣкъ. Если бы эта кавалерія была направлена къ мѣсту высадки, то, въ темную ночь, при содѣйствіи огня батарей и на плоской мѣстности, совершенно удобной для движенія, стремительная атака нашей кавалеріи могла произвести большое замѣшательство въ рядахъ неустроившагося, промокшаго и прозябшаго непріятеля. Никто не въ правѣ былъ ожидать отъ такой атаки какихъ-либо серьезныхъ послѣдствій, но командующій войсками могъ быть увѣренъ, что она произвела бы порядочные безпорядки между союзниками и убѣдила бы ихъ въ предпріимчивости русскихъ войскъ, съ первой минуты вступленія врага на русскую почву. Кавалерія всегда имѣетъ возможность во-время отступить передъ непріятелемъ, и потому оставлять ее на Алмѣ, въ совершенной бездѣятельности, было незачѣмъ, тѣмъ болѣе, что если бы и не удалось ей найти удобнаго момента для атаки непріятеля, то десятокъ лишнихъ верстъ, которыя пришлось бы ей сдѣлать, не могутъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашей бездѣятельности. Допустимъ, что непріятель не имѣлъ ни въ чемъ нужды и не претерпѣвалъ никакихъ лишеній и что онъ готовъ былъ встрѣтить нападеніе, то и тогда, одно только появленіе кавалеріи въ окрестностяхъ Евпаторіи,

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. I, 199 и 202.

безъ всякихъ послѣдствій, должно было все-таки принести несомнѣнную пользу для оставленнаго безъ войскъ края и отклонило бы тѣ безпорядки, которые оказались впослѣдствіи въ Евпаторійскомъ уѣздѣ. Но кавалерія наша оставалась въ бездѣйствіи, и, предоставленные самимъ себѣ, союзники продолжали высадку, на другой и последующіе дни, и окончили ее только 6-го сентября. Въ этотъ день на Крымской землѣ было болѣе 62.000 человѣкъ союзниковъ, имѣвшихъ 134 полевыхъ орудія и обезпеченныхъ продовольствіемъ: у французовъ—четырехдневнымъ, а у англичанъ—трехдневнымъ Осадный паркъ и всѣ необходимые для осады матеріалы были оставлены на судахъ.

7-го числа союзники оставили лагерь у стараго укрѣпленія и двинулись вдоль морскаго берега по направленію къ Севастополю.

Во все это время маршалъ Сентъ-Арно оставался въ Контоуганѣ. Здоровье его, повидимому, стало немного поправляться. Пылкій характеръ, возбужденное состояніе и надежда на скорый успѣхъ поддерживали разбитый организмъ маршала. Его часто посѣщали лордъ Рагланъ, принцъ Наполеонъ и герцогъ Кембриджскій. Оба главнокомандующіе, казалось, были дружны между собою, все время были вмѣстѣ, ходили подъ руку и весьма часто бесѣдовали другъ съ другомъ.

Наканунѣ выступленія союзниковъ, по приказанію принца Наполеона, былъ приведенъ въ хуторъ мулла, отъ котораго надѣялись собрать необходимыя свѣдѣнія. Подъ предлогомъ посылки письма къ г. Ревеліоти, принцъ Наполеонъ разспросилъ муллу о томъ, что ему было нужно, и записалъ его отвѣты.

— Мнѣ необходимо,—сказалъ онъ,—послать г. Ревеліоти письмо; кому можно бы это поручить?

Мулла назвалъ ключницу.

— Хорошо,—сказалъ принцъ Наполеонъ,—завтра приходи сюда пораньше, тогда я рѣшу: тебѣ ли отдать письмо или ключницѣ.

Затѣмъ онъ передалъ Сентъ-Арно составленную со словъ муллы замѣтку и самъ уѣхалъ въ лагерь. Въ день выступленія маршалъ собралъ къ себѣ всѣхъ людей, остававшихся на хуторѣ, повѣрилъ ихъ показанія съ замѣткою, составленною принцемъ Наполеономъ, и приказалъ записать къ себѣ въ книжку: „штабъ-ротмистръ Павелъ Ѳедосеевичъ Ревеліоти“ и вспомнивъ, что видѣлъ его портретъ въ

гусарской формѣ, приказалъ прибавить: „гусарскій офицеръ“. При этомъ онъ нѣсколько разъ заставлялъ повторять себѣ слово Ѳедосеевичъ и дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не выговорилъ его.

Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ на хуторъ принцъ Наполеонъ, гдѣ мулла ожидалъ уже его. Переговоривъ съ главнокомандующимъ, принцъ вышелъ къ муллѣ.

— Иди,—сказалъ принцъ муллѣ,—ты мнѣ болѣе не нуженъ; собери всѣхъ татаръ и скажи имъ, что если что-нибудь пропадетъ въ хуторѣ, то мулла будетъ строго отвѣчать.

Послѣ того маршалъ передалъ ключницѣ письмо принца Наполеона къ г. Ревеліоти.

— Pavélu Fedossejevitch,—проговорилъ онъ при этомъ,—и оставилъ на память своего пребыванія двѣ золотыя монеты чекана 1854 года.

Маршалъ отправился къ войскамъ, и Контоуганъ опустѣлъ; въ домѣ остались только визитныя карточки, а на дверяхъ нѣсколько написанныхъ фамилій, въ числѣ которыхъ были Сентъ-Арно, Севиньи и другихъ.

Въ оставленный хуторъ бросились татары, а вмѣстѣ съ ними и мулла, которому принцъ Наполеонъ приказалъ не трогать хутора, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Ворвавшись въ домъ, они перебили стекла, изломали мебель, вытащили и расхитили все имущество, изрѣзали портретъ Ревеліоти и вообще предались самымъ грубымъ неистовствамъ [1]).

VIII.

Сосредоточеніе войскъ на позиціи при р. Алмѣ.—Краткое описаніе мѣстности, занятой нашими войсками.—Ея удобства и неудобства.—Нѣсколько словъ о войскахъ, собранныхъ на р. Алмѣ.—Пропаганда русскихъ и польскихъ эмигрантовъ.—Характеристика кн. Меншикова.—Расположеніе нашихъ войскъ на позиціи.—Слухи о намѣреніи союзниковъ высадить значительный отрядъ въ Ѳеодосіи.—Рескриптъ императора князю Меншикову.

Пока высаживался непріятель, наши войска собирались на р. Алму съ разныхъ концовъ Крыма. Они спѣшили на позицію изъ Перекопа,

[1]) Записка дѣйств. стат. совѣтн. Григорьева, (рукопись).

изъ селенія Аргинъ, близъ Керчи, изъ Симферополя и Севастополя. Нѣкоторые полки, какъ напримѣръ Углицкій, пришелъ изъ Перекопа только наканунѣ, а два батальона Московскаго полка—лишь утромъ за нѣсколько часовъ до начала сраженія.

Дойдя до лѣваго, гористаго берега р. Алмы и не получая никакой диспозиціи, полки и батареи располагались сами по себѣ, тамъ, гдѣ кому изъ нихъ казалось удобнѣе. Бивуаки ихъ тянулись верстъ на семь по хребту горъ, вдоль которыхъ внизу протекала рѣчка, а за нею пролегала мѣстность довольно ровная, открытая и только слегка всхолмленная.

Вдали виднѣлась Евпаторія, а возлѣ нея возвышался цѣлый лѣсъ мачтъ на непріятельскихъ судахъ. Съ лѣвой стороны нашего расположенія синѣло море и устье рѣчки Алмы, съ ея высокимъ и почти отвѣснымъ берегомъ, на которомъ видны были развалины древняго татарскаго укрѣпленія, лежащаго на вершинѣ мыса, выдавшагося въ море. Мысъ этотъ очень высокъ и имѣетъ видъ недоступнаго утеса, на восточной сторонѣ котораго вьется искусственно сдѣланная дорожка, для спуска къ рѣкѣ. Въ самомъ устьѣ рѣки Алмы была отмель, образовавшаяся отъ наноса ила и песка. Движеніе повозокъ по этой отмели было невозможно, но для пѣшихъ людей былъ отличный бродъ.

Правѣе моря виднѣлось селеніе Алма-Тамакъ, въ срединѣ деревня Бурлюкъ, а за нею Тарханларъ—всѣ три расположенныя почти въ одну линію, вдоль нашихъ бивуаковъ, на противоположномъ правомъ берегу р. Алмы и въ 23-хъ верстахъ отъ Севастополя.

Между деревнями разбросано было множество татарскихъ строеній, окруженныхъ садами, рощами и виноградниками; нѣкоторые дома были обнесены каменными оградами. Въ противоположность тому, возвышенный, лѣвый берегъ рѣки былъ совершенно обнаженъ и только кое-гдѣ, надъ водою, торчали ивовыя деревья и нѣсколько тополей.

Правѣе средней деревни Бурлюка, на дорогѣ, шедшей изъ Евпаторіи къ Севастополю, былъ устроенъ деревянный мостъ, перекинутый черезъ р. Алму и занятый нашими войсками. Хотя мостъ этотъ былъ единственнымъ, но непріятель могъ легко перейти рѣчку въ бродъ вездѣ, гдѣ бы ему ни вздумалось.

Мѣсто, на которомъ располагались наши войска, было очень высоко,

въ особенности со стороны лѣваго фланга, на пространствѣ отъ устья рѣки Алмы до оврага, лежащаго противъ восточной оконечности селенія Алма-Тамакъ. Здѣсь высоты, прилегая почти къ самому берегу, подымаются на 100 и 150 футъ надъ долиною рѣки Алмы и дотого обрывисты, что представляютъ возможность всхода на нихъ только по нѣсколькимъ тропинкамъ, изъ коихъ наиболѣе удобною была та, которая вела изъ селенія Алма-Тамакъ, на лѣвый берегъ р. Алмы, къ селенію Аджи-Булатъ. Дорога эта хотя и имѣла видъ тропинки, но движеніе по ней было возможно не только для пѣхоты, но и, съ помощью людей, для артиллеріи. По этой дорогѣ татары постоянно возили въ Севастополь сѣно, арбузы и другіе громоздкіе продукты земледѣльческой промышленности.

Далѣе, постепенно понижаясь и отдаляясь отъ рѣчнаго берега, горы эти поворачиваютъ къ югу и, противъ селенія Бурлюкъ, прорѣзываются широкимъ оврагомъ, по которому пролегаетъ дорога изъ Евпаторіи въ Севастополь. На всемъ пространствѣ между селеніями Алма-Тамакъ и Бурлюкъ высоты имѣютъ пологіе скаты, съ уступами, образующими въ полугорѣ довольно обширныя площадки.

На востокъ отъ Севастопольской дороги возвышается гора, на сѣверо-восточномъ скатѣ которой находится почти круглый и высокій холмъ, за которымъ пролегали двѣ дороги изъ селенія Тарханларъ къ рѣкѣ Качѣ. За этимъ холмомъ стояли казаки, составлявшіе самую крайнюю часть нашего праваго фланга.

Подъ ногами нашихъ войскъ, вдоль всего фронта, извивалась рѣчка Алма, а за нею, какъ на ладони, видна была, верстъ на шесть въ окружности, почти голая равнина, мѣстами заставленная стогами сѣна и разныхъ хлѣбовъ. Равнина эта была настолько открыта, что всякое движеніе непріятеля по этой мѣстности было видно на далекое разстояніе. Только съ лѣвой стороны, версты на двѣ отъ моря, онъ могъ подойти скрытно, пользуясь высокимъ и обрывистымъ берегомъ рѣки.

Значительное превышеніе лѣваго берега надъ правымъ, представляя всѣ выгоды для обороняющагося, дѣлало атаку высотъ для непріятеля крайне затруднительною, тѣмъ болѣе, что всѣ движенія союзниковъ не могли быть скрыты, а напротивъ должны были происходить на нашихъ глазахъ. Непріятель же наоборотъ могъ видѣть только

первую линію нашихъ войскъ, тогда какъ вторая линія могла быть отъ него совершенно скрыта.

Имѣя весьма смутное понятіе о численности русскихъ войскъ въ Крыму, союзники, даже и сойдясь съ нами, не могли опредѣлить вѣрной цифры арміи князя Меншикова, тогда какъ мы имѣли полную возможность пересчитать ихъ полки, двигавшіеся по равнинѣ, знать положеніе и силу ихъ резервовъ. Наблюдая за непріятелемъ, Меншиковъ могъ бы видѣть, что у союзниковъ нѣтъ кавалеріи, что ихъ обозы малочисленны, и что перевозочныхъ средствъ они вовсе не имѣютъ.

Алминская позиція имѣла ту еще выгоду, что союзники не могли разсчитывать на полное содѣйствіе своего громаднаго флота успѣху сухопутныхъ войскъ, такъ какъ только немногія суда могли подойти къ берегу, но и тѣ не могли вредить намъ прицѣльнымъ или картечнымъ огнемъ. Они могли дѣйствовать только „навѣсными выстрѣлами, посылаемыми наобумъ, потому, что кромѣ самой высоты берега, препятствующей картечной и прицѣльной стрѣльбѣ, овальная выпуклость вершины мыса, тянущаяся отъ стараго укрѣпленія къ дер. Аклесъ, будучи значительно выше мѣстности, лежащей къ востоку, заслоняетъ ее совершенно со стороны моря [1])“.

Такова была въ общихъ чертахъ позиція, занятая нашими войсками, коихъ нѣкоторые, спустя 18-ть лѣтъ послѣ Крымской кампаніи, называли обрѣзками арміи [2]).

Справедливо ли такое мнѣніе?

Въ составъ войскъ, собранныхъ на Алмѣ, входили: вся 16-я пѣхотная дивизія, въ полномъ ея составѣ, пришедшая въ Крымъ съ своимъ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Квицинскимъ; три полка 17-ой пѣхотной дивизіи съ артиллеріею и начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Кирьяковымъ; первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи, съ артиллеріею и начальникомъ генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ, оставленнымъ въ Севастополѣ; четыре резервные батальона 13-й пѣхотной дивизіи, 6-й стрѣлковый, 6-й саперный и сводно-мор-

---

[1]) Описаніе сраженія, составленное капитаномъ Енишерловымъ.

[2]) В. Стеценко. «Воспоминанія и разсужденія». Сборникъ рукоп., т. I, 254.

ской батальоны и наконецъ вторая бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ ея бригаднымъ командиромъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ войскъ, собранныхъ на р. Алмѣ, было только четыре батальона резервныхъ, а остальныя всѣ—дѣйствующія. Послѣднія, за исключеніемъ бригады 14-й дивизіи, входили въ составъ одного 6-го пѣхотнаго корпуса, въ которомъ недоставало одной только 18-й пѣхотной дивизіи до полнаго состава корпуса—это ли обрѣзки арміи [1]?

Князь Меншиковъ, какъ мы видѣли, всегда съ особенною похвалою отзывался о подчиненныхъ ему войскахъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ встрѣчи съ врагомъ. Войска дѣйствительно проникнуты были искреннимъ желаніемъ сойтись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и помѣряться силами. Въ то время въ русскомъ обществѣ царилъ духъ высокаго патріотизма и самоотверженія. Чувство воинской доблести слишкомъ развито было въ русской арміи, и каждый изъ ея членовъ готовъ былъ пожертвовать жизнью для защиты родины и для славы русскаго оружія. Русскій солдатъ того времени отличался необыкновенною терпѣливостью, привязанностью и довѣріемъ къ начальникамъ. Армія комплектовалась офицерами по преимуществу изъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ чисто военное воспитаніе, при многихъ можетъ быть недостаткахъ, шло въ національномъ духѣ и давало арміи истинно-русскихъ офицеровъ, съ прямымъ понятіемъ о долгѣ и военной чести. Словомъ сказать, русская армія, того времени, отличалась желѣзною дисциплиною, сознаніемъ своего долга и любовью къ родинѣ, настолько сильными, что никакія постороннія внушенія и пропаганды не находили въ ней отголоска, за исключеніемъ только немногихъ отдѣльныхъ личностей, поддававшихся ихъ вліянію.

Пропаганда въ арміи и распространеніе различнаго рода воззваній велись систематически съ 1849 года и производились преимущественно поляками. Въ Лондонѣ образовалось особое польское демократическое

---

[1]) Конечно, В. Стеценко высказалъ это въ защиту князя Меншикова, но ему стоило только заглянуть въ росписаніе сухопутныхъ войскъ, чтобы не высказать такого абсурда. Авторъ, писавши свои воспоминанія, не считалъ необходимымъ провѣрять ихъ, и потому, какъ увидимъ ниже, впалъ въ еще болѣе грубыя ошибки.

общество, къ которому впослѣдствіи примкнули русскіе изгнанники: Герценъ, извѣстный подъ именемъ Искандера, Головинъ и многіе другіе. Имѣя въ рядахъ русской арміи своихъ агентовъ и приверженцевъ изъ поляковъ, они, при посредствѣ своихъ соучастниковъ, массами разсылали воззванія, имѣвшія главною цѣлью поселить въ войскахъ деморализацію и пошатнуть дисциплину.

Въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 года воззванія эти, обращенныя преимущественно къ войскамъ, въ изобиліи проникали въ Россію черезъ западную границу и преимущественно черезъ царство Польское. Они же привезены были въ огромномъ количествѣ и англо-французами въ Крымъ, гдѣ раздавались всѣмъ встрѣчнымъ татарамъ, не понимавшимъ впрочемъ русскаго языка. Написанныя бойкимъ языкомъ, съ полнымъ стараніемъ сдѣлать ихъ доступными пониманію простаго народа и преимущественно солдата, прокламаціи эти дѣлились на двѣ части: однѣ были подписаны Герценомъ, Головинымъ, Сазоновымъ и прочими лицами, покинувшими свое отечество; другія—поляками Зенковичемъ, Забицкимъ и Ворцелемъ.

Русскіе эмигранты приглашали нашихъ солдатъ не сражаться противъ поляковъ, если послѣдніе возстанутъ противъ правительства, и съ этою цѣлью издали въ Лондонѣ цѣлый рядъ брошюръ весьма разнообразныхъ по заглавію и по содержанію. Къ числу такихъ брошюръ принадлежатъ: *„Катехизисъ русскаго народа“; „Поляки прощаютъ насъ“; „Русскимъ солдатамъ въ Польшѣ“; „Второе видѣніе святаго отца Кондратія“* и проч. Разсылая эти воззванія, эмигранты-поляки, съ своей стороны, склоняли своихъ соотечественниковъ, находившихся въ рядахъ русской арміи, къ побѣгу и составляли въ Турціи особый польскій легіонъ, предназначавшійся для дѣйствій вмѣстѣ съ англо-французами.

Русское дворянство и сословіе крестьянъ также не было забыто: для первыхъ была издана брошюра Герцена подъ оригинальнымъ заглавіемъ: *„Юрьевъ день! Юрьевъ день!“* а для возмущенія крестьянъ явился съ поклономъ *„Емельянъ Пугачевъ“*.

Всѣ эти воззванія не имѣли никакого вліянія ни на русское общество, ни на русскихъ солдатъ, ни на офицеровъ, но они имѣли

вліяніе на поляковъ и при томъ преимущественно на офицеровъ. Послѣдствія этого вліянія оказывались и во время Крымской кампаніи.

„L'élément polonais,—писалъ князь Меншиковъ въ одномъ изъ писемъ военному министру князю Долгорукову,—quoiqu'il ne se prononce pas, mais dont on ne peut nier l'existence dans les corps d'officier, a eu à mon avis beaucoup d'influence sur la conduite des troupes [1])“.

Предумышленныя упущенія по службѣ, имѣвшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредныя послѣдствія для нашей арміи, передача непріятелю секретныхъ свѣдѣній и проч. не составляютъ въ настоящее время сомнѣнія и есть дѣло поляковъ. Мы имѣемъ даже основаніе предполагать, что и въ предстоящемъ сраженіи на р. Алмѣ вліяніе польскаго элемента не было изолировано.

Въ числѣ лицъ, окружавшихъ князя Меншикова и пользовавшихся наибольшимъ его довѣріемъ, былъ дивизіонный квартирмистръ 14-й пѣхотной дивизіи, подполковникъ Залѣсскій, полякъ по происхожденію, „надменная фигура, которую во время Бурлюкскаго (Алмскаго) дѣла видѣли только на перевязочномъ пунктѣ [2])“. Этому-то подполковнику Залѣсскому, помимо всѣхъ старшихъ начальниковъ, поручены были княземъ всѣ распоряженія по размѣщенію войскъ на позиціи и по приготовленію къ бою [3]).

Такое порученіе было въ характерѣ командующаго войсками.

Князь Меншиковъ по складу ума и характера принадлежалъ къ числу людей, считающихъ себя внѣ всякихъ вліяній, увѣренныхъ въ своей самостоятельности, но на самомъ дѣлѣ легко подчиняющихся людямъ хитрымъ, наружно потворствующимъ ихъ волѣ. Безспорно умный и одаренный блестящими способностями, князь Меншиковъ былъ человѣкъ упрямый и самоувѣренный, не желавшій пользоваться совѣтами другихъ Крайне недовѣрчивый и подозрительный, онъ привыкъ все сохранять въ глубокой тайнѣ и придавать всему таинственное значеніе. Сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ никому не ввѣрялъ своихъ мыслей

---

[1]) Польскій элементъ хотя и не обнаруживается, но его существованіе въ составѣ офицеровъ нельзя отрицать, и, по моему мнѣнію, онъ имѣетъ большое вліяніе на поведеніе войскъ.

[2]) Изъ письма В. Княжевича отъ 23-го октября 1854 г.

[3]) Матер., вып. II.

и не любилъ чужаго ума. Князь требовалъ отъ окружающихъ не совѣта, а безпрекословнаго исполненія своей воли и своихъ приказаній. Онъ былъ равнодушенъ къ тому, что внушаетъ инымъ мягкое и любящее сердце. Подмѣчая только смѣшную сторону людей, пригодную для остротъ, князь смотрѣлъ на всѣхъ особыми глазами, былъ подозрителенъ, никому чистосердечно не вѣрилъ и потому, подъ конецъ своей жизни, потерялъ вѣру въ самого себя.

Начавши службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, князь Меншиковъ служилъ потомъ въ артиллеріи, былъ флигель-адъютантомъ императора Александра I-го, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ Россіи, начиная съ 1810 года, былъ послѣдовательно генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба, начальникомъ главнаго морскаго штаба и финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1826 году онъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Персію, а въ 1853 году—чрезвычайнымъ посломъ въ Турцію. Во время турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, онъ командовалъ отдѣльнымъ дессантнымъ отрядомъ, назначеннымъ для овладѣнія крѣпостью Анапою. За взятіе ея, онъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-го класса и чинъ вице-адмирала. Въ томъ же году онъ былъ вызванъ въ европейскую Турцію, принялъ начальство надъ отрядомъ войскъ, сосредоточенныхъ подъ Варною, гдѣ и былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги.

Столь блестящее поприще, пройденное княземъ, исполнявшимъ попеременно обязанности дипломата, администратора и командующаго отдѣльными и самостоятельными отрядами, естественно, должно было выдѣлить его изъ ряда обыкновенныхъ людей и присвоить ему репутацію человѣка опытнаго, предусмотрительнаго и способнаго къ занятію трудной обязанности главнокомандующаго въ Крыму.

Чрезвычайныя событія на полуостровѣ застигли кн. Меншикова въ совершенный расплохъ. Подавленный силою обстоятельствъ и ихъ неожиданностью, князь растерялся. Ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться; у него не было начальника штаба, ни самаго штаба, правильно организованнаго, не было довѣренныхъ лицъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться—онъ чувствовалъ свое одиночество.

Пріѣхавъ на бивуакъ, расположенный на высотахъ рѣки Алмы, князь Меншиковъ прежде всего разослалъ приказаніе о направленіи къ

нему подкрѣпленій, и, между прочимъ, просилъ двинуть изъ Николаева въ Перекопъ шестые батальоны Волынскаго и Минскаго полковъ [1]), а генерала Хомутова прислать къ нему какъ можно скорѣе Московскій полкъ, донскую батарейную № 3-го батарею и донской казачій № 60-го полкъ [2]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ произвелъ осмотръ позиціи, при чемъ,—говоритъ участникъ,—„никому и ничего не сообщалъ изъ своихъ замѣчаній, какъ будто сознаваясь, что принятое имъ на себя дѣло ему не по силамъ, и невольно заставлялъ думать другихъ, что не хочетъ принять сраженія [3]).

Молчаніе командующаго войсками, налагая на всѣхъ завѣсу неизвѣстности и бездѣятельности, было причиною того, что всѣ приготовленія къ предстоящему сраженію производились медленно и шли какъ бы ощупью. Считая свое положеніе весьма затруднительнымъ, князь Меншиковъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его распоряженій, не имѣлъ никакого тактическаго плана дѣйствій и не высказалъ никакого опредѣленнаго рѣшенія. Онъ не созвалъ военнаго совѣта, хотя бы для того, чтобы познакомиться съ мнѣніемъ людей, которымъ ввѣрялъ судьбу арміи и непосредственное ею распоряженіе. Всѣ его распоряженія ограничились порученіемъ командовать правымъ флангомъ и центромъ князю Горчакову, а лѣвымъ флангомъ—генералъ-лейтенанту Кирьякову. Подполковникъ Залѣсскій получилъ лаконическое приказаніе „приготовить позицію къ бою и расположить на ней войска“. Послѣднихъ переводили съ мѣста на мѣсто, взадъ и впередъ, безъ видимо опредѣленной цѣли. Наконецъ, 6-го сентября была разослана краткая диспозиція, а за нею потребованы жалонеры, по которымъ войска и заняли назначенныя имъ мѣста. Мѣста эти были избраны крайне неудачно, чтобы не сказать болѣе; обѣ боевыя линіи были сведены съ гребня высотъ внизъ и расположены или на покатости, или у самой подошвы горъ, близъ рѣчки и такъ стѣснены, что между первою и второю боевыми линіями не было и 150 шаговъ, а стрѣлковую цѣпь можно было разсыпать не далѣе 50 шаговъ впереди батальоновъ. Двѣ роты стрѣлковаго батальона, высланныя въ цѣпь, передъ Бородинскимъ полкомъ, были удалены отъ него только на 10

---

[1]) Арх. департ. Генеральнаго штаба, дѣло № 52.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

[3]) Записки генералъ-маіора Кишинскаго (рукоп.).

шаговъ; остальныя роты стрѣлковаго батальона, вооруженныя штуцерами, противъ всѣхъ правилъ, были разсыпаны въ такой лощинѣ, что прицѣльными выстрѣлами могли дѣйствовать не далѣе 100 саженъ.

Сближенныя дистанціи между линіями, утесистый въ тылу берегъ р. Алмы, — съ котораго резервы наши не могли свободно спускаться, точно такъ же, какъ и части боевыхъ линій на него подниматься—привели къ тому, что непріятель, съ первыхъ выстрѣловъ, началъ наносить нашимъ войскамъ, стоявшимъ совершенно открытыми у подошвы высотъ, такое пораженіе, что поставилъ ихъ въ необходимость болѣе помышлять о скорѣйшемъ подъемѣ на верхъ, нежели объ отпорѣ.

Видя всѣ неудобства такого размѣщенія войскъ и зная, что всѣ распоряженія исходятъ отъ подполковника Залѣсскаго, генералъ Кирьяковъ, за нѣсколько дней до сраженія, настаивалъ на томъ, чтобы войска были расположены не внизу, а на гребнѣ высотъ.

— Если мы,—говорилъ онъ Залѣсскому,—должны драться такъ, какъ стоимъ, то вы, какъ офицеръ генеральнаго штаба, обязаны принести ваше самолюбіе въ жертву общей пользѣ и испытать всѣ средства, чтобы упросить главнокомандующаго не сводить войскъ внизъ, но расположить ихъ на нагорной части берега.

Подполковникъ Залѣсскій не раздѣлялъ этого убѣжденія.

Мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ, для подтвержденія, что такое расположеніе войскъ было сдѣлано съ преднамѣренною цѣлью, но думаемъ, что если бы поручено было человѣку совершенно незнакомому съ военнымъ дѣломъ разставить войска, то онъ не спустилъ бы ихъ внизъ, имѣя всѣ преимущества нагорнаго расположенія. Но ихъ разставлялъ подполковникъ Залѣсскій, тотъ самый, который въ 1855 году, по политической неблагонадежности, былъ уволенъ въ отставку и въ самый разгаръ осады высланъ изъ Севастополя на жительство въ Симбирскую губернію.

Вмѣсто того, чтобы, стоя на возвышенности, имѣть возможность поражать противника сверху и сбросить его обратно къ рѣкѣ въ случаѣ, если онъ вздумаетъ подняться въ гору и атаковать насъ, Залѣсскому по особымъ личнымъ соображеніямъ, было гораздо лучше поставить русскія войска такъ, чтобы они, не думая о защитѣ переправы

черезъ рѣку позаботились о собственномъ отступленіи. Онъ достигъ своей цѣли вполнѣ.....

Несообразность въ расположеніи войскъ была очевидна для многихъ, но никто не въ силахъ былъ отвратить ее. Ближайшіе помощники кн. Меншикова, генералы: князь Горчаковъ, Кирьяковъ и Квицинскій, были совершенно устранены отъ этого дѣла.

Генералъ-отъ-инфантеріи князь Горчаковъ, получившій на свою долю центръ и правый флангъ, по недавнему прибытію, не былъ вовсе извѣстенъ войскамъ своего корпуса. Удерживая его постоянно при себѣ, или посылая съ различными порученіями, кн. Меншиковъ, не далъ князю Горчакову ни времени, ни возможности познакомиться съ подчиненными ему частями, такъ что, во время сраженія, онъ являлся, какъ новая, никому неизвѣстная личность [1]).

Убѣжденный въ томъ, что главная атака непріятеля будетъ направлена противъ нашего праваго фланга, и болѣе всего опасаясь обхода, князь Горчаковъ, по собственному побужденію и, не испрашивая разрѣшеній, строилъ на оконечности праваго крыла эполементъ для одной легкой батареи. Другой такой же эполементъ былъ устроенъ имъ правѣе Евпаторійской дороги, почти въ центрѣ нашего расположенія, съ тѣмъ, чтобы поставленныя за нимъ орудія могли обстрѣливать впереди лежавшій бродъ картечью и косвенными выстрѣлами дѣйствовать по Бурлюкскому мосту. Возведенный на скатѣ горы, эполементъ этотъ внушалъ большія надежды князю Горчакову.

— Какую батарейку я насыпалъ,—говорилъ онъ каждому встрѣчному—и сюда бьетъ и туда палитъ..

Генералъ Кирьяковъ замѣтилъ, что мѣсто для эполемента выбрано неудачно, ибо затруднитъ отступленіе, такъ какъ батареѣ придется подыматься въ гору, въ случаѣ необходимости отойти назадъ. Человѣкъ съ острымъ и весьма колкимъ языкомъ, Кирьяковъ не пользовался расположеніемъ князя Меншикова, не любившаго выслушивать рѣзкія сужденія или возраженія. Что касается до третьяго генерала Квицин-

---

[1]) Одинъ изъ офицеровъ Владимірскаго полка пишетъ между прочимъ, что во время самаго жаркаго дѣла появился между нами какой-то неизвѣстный старый генералъ, пѣшкомъ. Это былъ, какъ оказалось впослѣдствіи, князь П. Д. Горчаковъ. (Горбуновъ, Сборникъ рукописей, т. I, 58).

скаго, то по своимъ познаніямъ и военнымъ способностямъ онъ пользовался наибольшимъ довѣріемъ войскъ, но, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ кн. Горчакова, не имѣлъ никакой самостоятельности. Онъ, какъ и всѣ остальныя лица, не былъ посвященъ въ тайны намѣреній кн. Меншикова.

Имѣя достаточно времени (цѣлую недѣлю), чтобы познакомить ближайшихъ своихъ помощниковъ съ характеромъ предстоящихъ дѣйствій, командующій войсками не сдѣлалъ этого, предоставивъ случаю дальнѣйшую судьбу своей арміи. Кн. Меншиковъ не объяснилъ никому изъ подчиненныхъ ему генераловъ той цѣли, съ которою онъ сосредоточилъ свои войска на Алмѣ, не сдѣлалъ никакого распоряженія на случай отступленія, не только не обезпечилъ положенія раненыхъ, но и не указалъ мѣстъ для перевязочныхъ пунктовъ, куда должны были стекаться они, для полученія первоначальной помощи. Каждому изъ частныхъ начальниковъ приходилось позаботиться о своихъ подчиненныхъ, обезпечить по возможности участь раненыхъ и т. п. Отсюда произошло то, что каждый распоряжался по-своему, въ арміи царствовалъ произволъ, не было единства власти, не было и общаго порядка. Тотъ же самый произволъ царствовалъ и въ размѣщеніи войскъ, лѣвый флангъ которыхъ былъ расположенъ правѣе дороги, идущей изъ селенія Алма-Тамакъ къ дер. Аджи-Булатъ (Улуколъ). Все же пространство версты на двѣ влѣво до самаго моря оставалось занятымъ только однимъ вторымъ батальономъ Минскаго полка, который былъ поставленъ у сел. Аклесъ, но и то лицомъ къ морю, для воспрепятствованія высадкѣ въ оврагѣ Улуколъ.

На лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, въ первой линіи были поставлены, въ ротныхъ колоннахъ, пятые и шестые батальоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ. Во второй линіи сталъ въ колоннахъ къ атакѣ Тарутинскій полкъ, а въ резервѣ Московскій полкъ съ легкою № 4-го батареею 17-й артиллерійской бригады.

Правѣе батальоновъ Бѣлостокскаго полка, почти въ центрѣ нашего расположенія, было сосредоточено 36 орудій 16-й артиллерійской бригады, изъ коихъ восемь орудій, батарейной № 1-го батареи, были поставлены въ эполементѣ [1]), а остальныя четыре орудія этой батареи,

[1]) Хотя эполементъ этотъ строился на 12 орудій, но оказался настолько тѣсенъ, что не могъ помѣстить цѣлой батареи.

размѣстившись между 2-хъ легкихъ батарей № 1-го и № 2-го той же бригады, расположились у подошвы горы, почти подъ самымъ виноградникомъ, саженяхъ въ ста лѣвѣе большой дороги изъ Евпаторіи въ Севастополь [1]. Такимъ образомъ, эти двѣ легкія батареи, съ четырьмя орудіями батарейной по срединѣ, образовали одну двадцати-восьми-орудійную батарею, имѣвшую назначеніемъ дѣйствовать картечью по мосту.

Батарея эта, расположенная на довольно выгодной мѣстности, отстояла отъ Бурлюкскаго моста (считая до праваго фланга батареи) не далѣе 170 саженъ. Хотя она и не имѣла никакого искусственнаго закрытія, но нѣсколько прикрывалась мѣстностью, постепенно возвышавшеюся отъ самаго берега Алмы. Конечно, выбору удобной позиціи мы обязаны тѣмъ, что въ теченіе дѣла, нанеся непріятелю огромный уронъ, сами потеряли сравнительно немного [2]. Въ прикрытіе этой батареи, за двумя ея флангами былъ поставленъ Бородинскій наслѣдника цесаревича полкъ въ колоннахъ къ атакѣ [3].

По правую сторону Евпаторійской дороги за флангами эполемента былъ поставленъ въ первой линіи полкъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича (впослѣдствіи Казанскій пѣхотный), имѣя одинъ батальонъ лѣвѣе эполемента, а три батальона правѣе его. Прямо позади эполемента находилось довольно крутое возвышеніе, за которымъ на южномъ его скатѣ были размѣщены въ колоннахъ къ атакѣ полки: Владимірскій и Углицкій, которые и составляли вторую линію войскъ, находившихся подъ командою князя П. Д. Горчакова, имѣя позади себя двѣ донскія батареи, конно-батарейную № 3-го и резервную конно-легкую № 4-го. Обѣ эти батареи были только-что сформированы, мало обучены, не успѣли ни разу произвести практической стрѣльбы и, кромѣ командировъ батарей, не имѣли опытныхъ офицеровъ.

Поставленный въ первой линіи полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича правымъ своимъ флангомъ примыкалъ къ горѣ, на вершинѣ которой въ устроенномъ эполементѣ было размѣщено восемь орудій

---

[1]) Записки генер. Кишинскаго (рукоп.).

[2]) Такъ напримѣръ легкая № 2-го батарея потеряла только 11 человѣкъ убитыми и ранеными. (Записки Веревкина).

[3]) Записки о Севастопольской войнѣ капитана Стародубскаго.

№ 3-го батареи 14-й артиллерійской бригады. Правѣе эполемента стоялъ въ ротныхъ колоннахъ Суздальскій пѣхотный полкъ, а за нимъ въ резервѣ легкая № 4-го батарея той же бригады [1]).

Правѣе всего нашего боеваго порядка были поставлены казаки, для наблюденія за непріятелемъ и въ обезпеченіе фланга отъ обхода.

Три батальона Минскаго полка, Волынскій полкъ съ легкою № 5-го батареею 17-й артиллерійской бригады и гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конно-легкою № 12-го батареею, составляли общій резервъ, расположенный въ лощинѣ возлѣ Евпаторійской дороги.

Всѣ полки были четырехъ-батальоннаго состава, всѣ три батареи 16-й артиллерійской бригады были въ 12-ти орудійномъ составѣ, а батареи прочихъ бригадъ и конной артиллеріи—въ 8-ми орудійномъ составѣ.

Передъ высадкою непріятеля, къ двумъ батареямъ 17-й артиллерійской бригады, кн. Меншиковъ приказалъ добавить по два орудія изъ Севастопольскаго гарнизона. Орудія эти были запряжены заводными лошадьми, а прислуга къ нимъ назначена была отъ тѣхъ же батарей. Такимъ образомъ батареи эти были выведены на позицію въ десятиорудійномъ составѣ, что̀, впрочемъ, не сдѣлало ихъ болѣе сильными. Хотя батареи эти имѣли преимущество въ силѣ огня передъ восьмиорудійными батареями, но преимущество это было кажущееся и временное, такъ какъ число зарядныхъ ящиковъ на батареяхъ, а слѣдовательно и число боевыхъ выстрѣловъ не было увеличено.

Лишеніемъ запасныхъ людей и лошадей и уменьшеніемъ числа нумеровъ при орудіяхъ они принесли этимъ двумъ батареямъ только вредъ. По недостатку запаса зарядовъ и при большой убыли въ людяхъ и лошадяхъ огонь этихъ батарей не могъ продолжаться долго, а между тѣмъ для непріятеля прибавилась только поражаемая цѣль.

Дня за два до начала сраженія прибыли на позицію, вмѣстѣ съ морскими батальонами, двѣ старыя карронады 12-ти фун. калибра, положенныя на неудобо-подвижныхъ произвольно построенныхъ станкахъ и снабженныя только 40 зарядами. Если бы орудія эти поставить для защиты одного изъ подъемовъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, то они,

---

[1]) Въ батареѣ этой было всего только 4 орудія.

*

оставаясь на одномъ мѣстѣ, еще могли бы принести какую-нибудь пользу, но кн. Меншиковъ придавалъ имъ иное значеніе—онъ разсчитывалъ на дальность ихъ выстрѣла и потому полагалъ употреблять какъ полевыя орудія, передвигая съ мѣста на мѣсто, смотря по надобности. Хорошо еще то, что орудія эти не попались въ руки непріятеля, а то могли бы послужить основательною насмѣшкою надъ русскою полевою артиллеріею.

Такимъ образомъ на позиціи при р. Алмѣ было сосредоточено $42^1/_2$ батальона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 11 сотенъ казаковъ, 88 полевыхъ пѣшихъ и конныхъ орудій и 6 импровизованныхъ княземъ Меншиковымъ. Общая численность войскъ доходила до 33.600 человѣкъ [1]; въ томъ числѣ кавалеріи 3.600 человѣкъ. Силы союзниковъ по исчисленію командующаго простирались отъ 62—67 тысячъ, о чемъ тогда же кн. Меншиковъ говорилъ его окружавшимъ [2]).

Изъ первоначальнаго расположенія нашихъ войскъ видно, что мы не приняли никакихъ мѣръ къ расчисткѣ садовъ и уничтоженію каменныхъ оградъ на правомъ берегу рѣки Алмы и тѣмъ сберегли прекрасное закрытіе для непріятеля и надежную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ. Подобное дѣйствіе тѣмъ болѣе странно, что, не имѣя намѣренія защищать садовъ и оставляя ихъ въ совершенной цѣлости, мы лишали себя возможности въ случаѣ успѣха перейти въ наступленіе, потому что непріятель, при неудачѣ, отступивши за рѣку, находилъ для себя въ садахъ готовую укрѣпленную позицію. Кромѣ двухъ эполементовъ не было устроено никакихъ закрытій ни для стрѣлковъ, ни для артиллеріи, что̀ слѣдовало сдѣлать вдоль всей позиціи. Устройство ложементовъ или самихъ простыхъ ровиковъ для стрѣлковъ и эполементовъ для артиллеріи принесло бы громадную пользу и было весьма удобоисполнимо.

Съ 3-го сентября на Алмѣ было сосредоточено до 30-ти батальо-

---

[1]) Для снабженія артиллеріи и пѣхоты зарядами и патронами при Крымской арміи состояла половина подвижнаго парка № 8-го, оставленнаго, впрочемъ, въ Севастополѣ, гдѣ сверхъ того постоянно находились 3 мѣстныхъ парка, имѣвшіе, по тогдашнему составу, запасы на четыре подвижныхъ парка. См. приложеніе № 6-й.

[2]) Записки кап. 2-го ранга Хомутова (рукоп.).

новъ, такъ что, безъ особаго обремененія войскъ, можно было высылать ежедневно на работу отъ 10—15 т. челов. и не болѣе, какъ въ пять дней, окончить довольно значительныя оборонительныя работы, но объ этомъ никто не думалъ. „Шесть дней,—пишетъ участникъ,—со 2-го по 6-е сентября, лагерь нашъ предавался совершенной праздности, никто не былъ занятъ, войска не видали главнокомандующаго. Только начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи (генералъ Кирьяковъ) ежедневно былъ посылаемъ княземъ Меншиковымъ осматривать правый флангъ позиціи и мѣстность выше оной“.

Изъ распоряженій о постройкѣ укрѣпленій, исключительно на правомъ флангѣ позиціи, видно, что среди начальствующихъ лицъ существовало убѣжденіе, что непріятель долженъ непремѣнно атаковать нашъ правый флангъ, съ тѣмъ, чтобы отбросить къ морю и отрѣзать насъ отъ большой Севастопольской дороги. Напора на правый флангъ кн. Меншиковъ опасался болѣе всего; къ нему онъ стянулъ большую часть своихъ силъ и оставилъ вовсе безъ обороны лѣвый флангъ, считая его, если не совершенно, то трудно доступнымъ.

На лѣвомъ флангѣ не было выставлено ни одной батареи, не построено никакого укрѣпленія и не сдѣлано никакой искусственной преграды. Пространство влѣво отъ дороги, пролегавшей изъ селенія Алма-Тамакъ въ селеніе Аджи-Булатъ, вовсе не было защищено и не занято войсками. Вся защита его возлагалась сначала на наблюдательные казачьи посты, а потомъ одинъ батальонъ Минскаго пѣхотнаго полка.

Когда начальникъ артиллеріи войскъ, расположенныхъ на р. Алмѣ, генералъ-маіоръ Кишинскій, разставившій большую часть батарей на позиціяхъ, замѣтилъ генералу Кирьякову въ присутствіи командующаго войсками, что непріятель не только легко можетъ взойти, но и ввезти свою артиллерію на высоты нашего лѣваго фланга, то князь Меншиковъ отвернулся и вслѣдъ затѣмъ отъѣхалъ прочь. Впослѣдствіи, причину оставленія лѣваго фланга вовсе безъ обороны старались оправдать тѣмъ, что войска не предназначались туда, собственно изъ опасенія подвергнуть ихъ пораженію непріятельскимъ флотомъ. Такое объясненіе не выдерживаетъ серьезныхъ возраженій. „Въ день высадки союзныхъ войскъ,—пишетъ Енишерловъ,—на мысѣ, въ старомъ татарскомъ укрѣпленіи, стояла вторая гренадерская рота Владимірскаго полка. Въ девять съ

половиною часовъ утра къ устью рѣки Алмы подошли восемь непріятельскихъ фрегатовъ (то была эскадра, имѣвшая порученіемъ сдѣлать диверсію къ р. Качѣ), и четыре изъ нихъ открыли огонь по старому татарскому укрѣпленію. Почти до половины перваго часа непріятель, не переставая, стрѣлялъ разрывными снарядами. Во все продолженіе канонады, гренадеры стояли въ ротной колоннѣ и, когда эскадра ушла по направленію къ р. Качѣ, оказалось, что только одинъ осколокъ бомбы попалъ въ ротный котелъ. Причиной подобнаго результата трехъ-часовой канонады была значительная высота мыса. Слѣдовательно, мы могли безъ опасенія занять разсыпнымъ строемъ все вышеозначенное пространство".

Наконецъ опасность отъ огня съ непріятельскаго флота все-таки не могла помѣшать намъ разсыпать на высотахъ густую цѣпь стрѣлковъ, поддержать ихъ небольшими резервами и устроить для стрѣлковъ самые простые ложементы. При помощи незначительныхъ работъ мы могли обрыть подъемы, въ оврагахъ устроить завалы и испортить обѣ дороги, сдѣлавъ ихъ по крайней мѣрѣ недоступными для всхода непріятельской артиллеріи.

Противъ одной изъ этихъ дорогъ можно было бы поставить двѣ карронады, доставленныя изъ Севастополя. Это мѣсто было единственнымъ, гдѣ они могли быть употреблены съ пользою, во-первыхъ какъ орудія большаго калибра, а во-вторыхъ и потому, что, по своей неуклюжести, они не могли принести никакой пользы въ полевомъ дѣйствіи, что̀ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Поставивъ эти два орудія на тропинкѣ, ведущей изъ селен. Алма-Тамакъ къ Аджи-Булату, мы могли бы остановить на нѣкоторое время движеніе французской артиллеріи, по этому единственному пути, по которому она могла вскарабкаться на высоты, какъ это и сдѣлала впослѣдствіи. Но ничего подобнаго къ обезпеченію лѣваго фланга сдѣлано не было. Расположенный у дер. Аклесъ батальонъ Минскаго полка нельзя считать постановленнымъ для воспрепятствованія непріятелю взобраться на высоты, отъ подъемовъ на которыя батальонъ находился въ разстояніи не менѣе версты и скорѣе могъ самъ подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ непріятельскими войсками, поднявшимися на горы, чѣмъ мѣшать имъ въ этомъ. Это былъ, какъ мы уже сказали, не болѣе какъ наблюдательный отрядъ противъ высадки, если бы непріятель вздумалъ ее сдѣлать въ незначительныхъ силахъ въ оврагѣ Улуколъ.

Вообще къ укрѣпленію позиціи не было принято никакихъ мѣръ. Кромѣ двухъ эполементовъ для артиллеріи никакихъ другихъ сооруженій, ни искусственныхъ преградъ, ни даже ложементовъ для стрѣлковъ на всей нашей позиціи устроено не было, а между тѣмъ самая незначительная работа могла бы привести всѣ тропинки, ведущія на высоты нашего лѣваго фланга, въ положеніе совершенно недоступное для непріятеля. Затрудненія въ исполненіи этой работы встрѣтиться не могло, ибо войскъ было много, но они, оставаясь въ теченіе шести дней въ совершенной бездѣятельности, только и сдѣлали что скосили траву около Бурлюка, да въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ любовались на плѣнныхъ французовъ, захваченныхъ нашими казаками.

4-го сентября 11 человѣкъ такихъ плѣнныхъ были приведены къ ставкѣ князя Меншикова. На допросѣ они объявили, что главнѣйшею цѣлью экспедиціи союзниковъ былъ Севастополь, что войскъ высажено по показанію однихъ до 100.000 человѣкъ при 200 орудіяхъ, а по показанію другихъ отъ 25.000 до 30.000 французовъ, отъ 15.000—20.000 англичанъ и до 10.000 турокъ—всего отъ 50.000—60.000 человѣкъ при 48-ми орудіяхъ большаго калибра. Хотя послѣднее показаніе, по мнѣнію кн. Меншикова, было менѣе дѣйствительной численности высаженныхъ войскъ, но онъ надѣялся встрѣтить союзниковъ должнымъ образомъ.

„Здоровье войскъ вашего императорскаго величества,—доносилъ онъ [1]),—совершенно удовлетворительно; рвеніе ихъ только усиливается“.

„J'usqu'ici,—писалъ онъ князю Долгорукову [2]),—le temps et les routes protégent nos ennemis, mais quoiqu'il en soit nous nous battrons comme des enragés en dépit de l'ordre du jour de St. Arnaud et des phrases de son Empereur“ [3]).

Эти послѣднія донесенія князя Меншикова были получены въ Петербургѣ одновременно съ извѣстіемъ изъ Вѣны о намѣреніи союзни-

---

[1]) Отъ 6-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

[2]) Въ письмѣ отъ 6-го сентября, тамъ же, дѣло № 42.

[3]) «До сихъ поръ погода и дороги покровительствуютъ нашимъ врагамъ; но какъ бы то ни было, мы будемъ яростно сражаться, вопреки приказа Сентъ-Арно и фразъ его императора».

ковъ высадить еще 15.000 турокъ у Θеодосіи. Полагая, что Хомутовъ отправилъ большую часть своихъ войскъ на усиленіе князя Меншикова и что у него остались такія силы, съ которыми нельзя не только отбить дессантъ, но и спасти Керчь, наше правительство признало необходимымъ усилить Хомутова войсками Кубанскаго отряда, переправивъ ихъ на Керченскій полуостровъ [1]).

„Сейчасъ,—писалъ императоръ [2]),—я получилъ твое второе донесеніе, любезный Меншиковъ, отъ 6-го числа, и ты можешь легко себѣ вообразить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаю послѣдствій. Моя надежда на милость Божію непоколебима, равно какъ довѣріе къ тебѣ и храбрымъ и вѣрнымъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Вѣрю и надѣюсь, что возможное каждымъ исполнено будетъ, и за симъ спокойно ожидаю, что Всевышній промыслъ опредѣлитъ.

„Ожидаемый новый дессантъ у Θеодосіи меня заботитъ. Хомутовъ, отправивъ къ тебѣ свой резервъ, остался весьма слабъ даже для защиты Керчи, а объ Θеодосіи уже не говорю. Потому я приказалъ ему стараться взять съ Тамани все, что только можно, не бросая Анапы, даже оставя, ежели необходимо, Новороссійскъ, сколь ни жаль, но дабы спасти Крымъ.

„Ежели это удастся, ему велѣлъ дѣйствовать во флангъ и тылъ тому, что, высадясь въ Θеодосіи, пошло бы въ глубь края и далѣе въ тылъ тому, что еще будетъ противъ Севастополя.

„Ежели, чего Боже сохрани, Севастополь палъ бы, тогда стараться соединиться съ тобой и выручить, что съ тобою оставаться будетъ.

„Ежели Богъ опредѣлилъ, что намъ Севастополь не спасти, надѣюсь, что флотъ даромъ не оставишь и самъ истребишь, когда явно уже не будетъ спасенія. Тогда экипажи снявъ, присоедини къ себѣ и старайся или удержаться на южной сторонѣ, или пробиваться къ Симферополю. Разумѣется, что всѣ усилія употребить надо будетъ, чтобы непріятелю не давать утвердиться въ Севастополѣ, но изгнать его даже, ежели бы овладѣлъ имъ. Вотъ для крайняго случая, отъ котораго Боже насъ упаси....

---

[1]) Отнош. воен. минис. отъ 12-го сентября № 606. Тамъ же, дѣло № 102.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 12-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

„Такъ какъ мнѣ совершенно неизвѣстно расположеніе непріятельскихъ силъ, то ничего не могу сказать, какъ бы полагалъ дѣйствовать на нихъ. Но вообще положеніе, ими избранное, даетъ, кажется, возможность угрожать ихъ лѣвому флангу и тылу отъ Симферополя въ особенности кавалеріею и конною артиллеріею.

„Движенія ихъ отъ Евпаторіи скоры быть не могутъ, при ихъ способахъ перевозки и безъ сильной кавалеріи. Не представится ли, быть можетъ, случай симъ воспользоваться, хотя бы для замедленія ихъ подступа. Каждый день дорогъ и приближаетъ къ сильнымъ бурямъ.

„Да сохранитъ и подкрѣпитъ тебя Господь, а съ тобой и молодцовъ, тебѣ подчиненныхъ. Съ нами Богъ и буди Его святая воля.

„Всѣмъ нашимъ мой поклонъ, отеческое благословеніе на предстоящіе подвиги и увѣренность въ общее усердіе. Богъ съ вами!“

IX.

Канунъ сраженія на Алмѣ.—Движеніе союзниковъ къ Булганаку.—Рекогносцировка генерала Кирьянова.—Планъ атаки союзниковъ.—Сраженіе 8-го сентября на р. Алмѣ.—Его послѣдствія.—Отступленіе нашей арміи къ Севастополю.

Наступилъ канунъ битвы; разставленныя на позиціи орудія своими дулами смотрѣли въ сторону непріятеля. Сзади орудій стояли передки и зарядные ящики, еще сзади виднѣлись коновязи и толпы артиллеристовъ. Правѣе моста черезъ р. Алму, на покатости горы, обращенной къ непріятелю, оканчивалась постройка укрѣпленія, еще правѣе, и нѣсколько сзади, на самой вершинѣ,—строилось другое. Работа, сопровождаемая смѣхохъ, шумомъ и остротами, шла успѣшно.

Весь хребетъ горъ, составлявшихъ лѣвый берегъ рѣчки Алмы, былъ усыпанъ толпами пѣхотинцевъ, сновавшихъ взадъ и впередъ; одни тащили дрова къ ротнымъ котламъ, другіе собирали хворостъ для костровъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись солдаты, несшіе изъ деревни Бурлюкъ двери, колья, заборы и доски. Тамъ и сямъ, составивъ ружья въ козла и растянувъ на нихъ свою шинель, сидѣли кучки людей, скрывав-

шихся отъ солнца. Всѣ были спокойны. Солдаты, кто стоя, кто лежа, кто сидя, толковали, острили, разсказывали. Въ задней линіи бивуаковъ, у дымящихся котловъ, стояла толпа въ ожиданіи обѣда. Тамъ раздавили винныя порціи; солдаты, перекрестившись, подносили манерки ко рту, цѣдили сквозь зубы водку и, утершись рукавомъ шинели, отходили въ сторону, въ ожиданіи обѣда; толпа народа окружала кашеваровъ и по очереди подставляла деревянныя чашки...

Высланные на аванпосты далеко впередъ казаки № 57-го (Тацина) полка наблюдали за движеніемъ непріятеля. Въ подкрѣпленіе имъ отправленъ былъ потомъ эскадронъ гусаръ. Часовъ около одиннадцати утра пикеты замѣтили движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ и уменьшеніе палатокъ; черезъ нѣсколько времени палатокъ вовсе не оставалось, союзники стали выстраиваться и вскорѣ двинулись впередъ. Посланный княземъ Меншиковымъ, для наблюденія за ними, лейтенантъ Стеценко сообщилъ, что непріятель приближается къ намъ.

— Продолжайте, господа, обѣдать,—сказалъ князь, обращаясь къ своему штабу,—сегодня ничего серьезнаго не будетъ.

Часа черезъ два послѣ этого вдали показались головы непріятельскихъ колоннъ.

Около трехъ часовъ по полудни, въ полки Бородинскій и Тарутинскій пришло приказаніе отъ всякаго взвода взять по полувзводу, а прочимъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

— Идемъ встрѣчать французовъ,—говорили солдаты остающимся товарищамъ.

Дѣйствительно, около этого времени въ виду нашихъ войскъ появилось два полка англійской кавалеріи.

Окончивъ высадку, союзники въ 6-ть часовъ утра 7-го сентября, двинулись вдоль морскаго берега по направленію къ Севастополю. Рядомъ съ ними, вдоль того же берега, двигался и флотъ. Французы шли въ одномъ общемъ каре, составленномъ изъ четырехъ французскихъ дивизій и турецкаго контингента; въ срединѣ каре размѣщались артиллерія, инженеры, госпитальныя повозки и обозы. По флангамъ шли цѣпи стрѣлковъ. Англійская армія двигалась на лѣвомъ флангѣ французовъ. Союзники проходили по мѣстамъ безводнымъ и пустыннымъ: кое-гдѣ виднѣлись разрушенныя хижины, съ почернѣвшими отъ дыма

стѣнами. Впереди передъ ними поднимались густыя и безпрестанно увеличивавшіяся облака дыма, а затѣмъ зарево, служившее признакомъ пожара татарскихъ селеній.

Тамъ и сямъ шныряли черныя массы казаковъ, издали наблюдавшихъ за движеніемъ непріятеля. Казаки то показывались на высотахъ, то скрывались за ними; длинныя пики ихъ, блестѣвшія на солнцѣ, указывали союзникамъ, что русскіе зорко слѣдятъ за ихъ движеніемъ.

Во время приваловъ маршалъ Сентъ-Арно объѣзжалъ войска и ободрялъ ихъ. Онъ объѣзжалъ также и англійскія колонны въ сопровожденіи лорда Раглана.

— Англичане!—сказалъ маршалъ, обращаясь къ 59-му пѣхотному полку,—надѣюсь, что вы будете храбро драться.

Это сомнѣніе не понравилось британцамъ.

— Надѣйтесь!—отвѣчалъ кто-то изъ строя, можете быть въ этомъ увѣрены.

Къ двумъ часамъ по полудни непріятель подошелъ къ берегу въ то время высохшаго русла рѣчки Булганакъ, переправился на лѣвый ея берегъ и остановился близъ р. Алмы, въ шести верстахъ отъ мѣста, занятаго нашими войсками. Союзники тотчасъ же выслали на рекогносцировку два полка англійской кавалеріи подъ начальствомъ лорда Кардигана. Это-то и были тѣ полки англичанъ, которые появились въ виду нашихъ войскъ около трехъ часовъ по полудни.

Для наблюденія за непріятелемъ, какъ мы видѣли, былъ высланъ съ нашей стороны на аванпосты сначала одинъ эскадронъ гусаръ, а потомъ, для поддержанія его и для обозрѣнія расположенія непріятельскихъ войскъ, составленъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Кирьякова. Въ отрядъ этотъ назначены были части полковъ Бородинскаго и Тарутинскаго съ легкою № 4-го батареею 17-й артиллерійской бригады, два полка гусаръ, девять сотенъ казаковъ, 12-я конная и донская № 4-го батареи.

Перейдя рѣчку Алму, бородинцы и тарутинцы двинулись впередъ, имѣя передъ собою батарею пѣшей артиллеріи, а съ правой стороны нѣсколько взводовъ гусаръ.

Подходя къ непріятелю, гусары опередили пѣхоту, развернулись и, разсыпавши фланкеровъ, завязали перестрѣлку. Бывшая съ гусарами

конная № 12-го батарея вынеслась на позицію и выпустила двѣ очереди картечи, на которую непріятель отвѣчалъ огнемъ двухъ батарей, выдвинутыхъ впередъ. Перестрѣлка эта, продолжавшаяся не болѣе двадцати минутъ, не принесла никакого вреда ни намъ, ни непріятелю [1]). Владѣя значительно большимъ числомъ кавалеріи, чѣмъ непріятель, генералъ Кирьяковъ при началѣ рекогносцировки послалъ къ князю Меншикову своего ординарца, штабсъ-капитана Органскаго, спросить, можно ли ему атаковать кавалерію непріятеля, если къ тому представится случай. Князь Меншиковъ отвѣчалъ уклончиво, и Органскій привезъ приказаніе столь неясное и неопредѣленное, что Кирьяновъ долженъ былъ послать его къ князю вторично. На этотъ разъ посланный не возвратился къ Кирьякову — онъ былъ удержанъ княземъ Меншиковымъ, не дававшимъ никакого отвѣта.

Не получивъ разрѣшенія, Кирьяковъ не рѣшился ни атаковать непріятеля, ни наступать впередъ. Союзники также не выказывали рѣшимости въ дѣйствіяхъ, и обѣ стороны маневрировали другъ передъ другомъ, двигались по разнымъ направленіямъ: то взадъ, то впередъ, то въ сторону; наши войска строились лицомъ то къ морю, то къ сторонѣ Евпаторіи и наконецъ стали отступать.

Въ это время со стороны непріятеля показался посланный раньше другихъ эскадронъ нашихъ гусаръ. Одѣтые въ бѣлые кителя, противно приказанію быть въ сѣрыхъ шинеляхъ, гусары были приняты за отрядъ непріятельской кавалеріи. Пѣшая артиллерія, находившаяся впереди пѣхоты, засуетилась, на батареѣ задымились фитили, а гусары все ближе и ближе подходили къ нашимъ войскамъ. Оставшіеся на бивуакахъ полки высыпали на гребень хребта и, притаивъ дыханіе, смотрѣли, какъ передовые ихъ товарищи будутъ драться съ французами. Вдругъ изъ одного орудія блеснулъ огонекъ, появился клубъ дыма, и вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ.

Когда дымъ разсѣялся, наши солдаты съ удивленіемъ увидали, что эскадронъ маршъ-маршемъ бросился на правый флангъ нашихъ, гдѣ

---

[1]) Хотя нѣкоторые французскіе писатели упоминаютъ о вредѣ, будто бы нанесенномъ намъ выстрѣлами союзныхъ орудій, но это положительно не справедливо.

стояли гусары. Послѣдніе подались назадъ, и скакавшіе были приняты въ свои ряды.

Скоро загадка разъяснилась: своихъ гусаръ мы приняли, по ихъ кителямъ, за непріятельскихъ кавалеристовъ. Имъ пришлось выдержать, хотя и безвредно, первый выстрѣлъ *„для почину“*, какъ говорили, смѣясь, солдаты.

Возвратившійся эскадронъ захватилъ на дорогѣ офицера французскаго генеральнаго штаба.

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ, непріятель сдѣлалъ то же самое, и на правомъ берегу р. Алмы осталась только казачья цѣпь, слѣдившая за движеніемъ союзниковъ.

На ночь союзники расположились на лѣвомъ берегу р. Булганака. Бивуаки ихъ тянулись отъ дер. Замрукъ, лежащей на морскомъ берегу при устьѣ Булганака до почтоваго дома [1]), при чемъ на правомъ флангѣ расположились французы и турки, а на лѣвомъ—англичане.

Два противника стояли теперь лицомъ къ лицу и могли свободно осматривать другъ друга; ихъ раздѣляла рѣчка Алма да полсутокъ времени, прежде чѣмъ они сошлись и помѣрялись силами.

На одной изъ вершинъ, и почти въ срединѣ расположенія нашихъ войскъ, видна была башня, на которой стояло нѣсколько человѣкъ. Башня эта настолько возвышалась надъ мѣстностью, что кругомъ видно было верстъ на 30. На башнѣ былъ устроенъ телеграфъ, откуда князь Меншиковъ со своею свитою смотрѣлъ, въ телескопъ огромной величины, на бивуаки и корабли союзниковъ, стараясь опредѣлить силу непріятеля и угадать цѣль его движенія. Казалось, что съ высоты своихъ мачтъ непріятель точно также осматривалъ нашу позицію и войска, на ней расположенныя [2]).

Неподалеку отъ Севастопольской дороги, на правомъ флангѣ позиціи и за эполементною батареею была разбита сѣрая палатка главноко-

---

[1]) Почтовый домикъ этотъ находился на дорогѣ изъ Камышлы къ Бурлюку.

[2]) Je me borne cher Prince,—писалъ кн. Меншиковъ князю Долгорукову,—à vous mentionner que l'on voit deux grands miroirs suspendus sur deux vaisseaux ennemis. Est-ce de la photographie en grand ou l'exhumation d'Archimède?

мандующаго, возлѣ которой стояли хоръ музыкантовъ и пѣсельники Тарутинскаго полка [1]). Музыканты, смѣняясь пѣсельниками, играли марши и русскія пѣсни.

Пѣсельники пѣли извѣстную пѣсню, сочиненную командующимъ южною арміею княземъ М. Д. Горчаковымъ.

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ,
Православный русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ.
Что французы, англичане?
Что турецкій глупый строй?
Выходите, бусурмане,
Вызываемъ васъ на бой!
Вызываемъ васъ на бой!

Подъ вечеръ союзные главнокомандующіе произвели самый поверхностный обзоръ позиціи, занятой русскими войсками. Очевидцы разсказываютъ,—свидѣтельствуетъ генералъ Крыжановскій,—что только послѣ начала дѣла, по просьбѣ лорда Раглана, французскіе генералы осмотрѣли лѣвый флангъ нашей позиціи и дорогу Алма-Тамакскую. Тѣмъ не менѣе на основаніи бѣглаго обзора нашей позиціи былъ составленъ общій планъ атаки.

Такъ какъ вся цѣль экспедиціи союзниковъ заключалась въ быстромъ набѣгѣ на Севастополь, то стратегическія соображенія главнокомандующихъ должны были клониться на сторону обхода праваго фланга, который былъ какъ ключемъ позиціи, такъ и ключемъ Севастополя. Верстахъ въ семи выше селенія Бурлюкъ доступъ на лѣвый берегъ рѣки Алмы былъ совершенно свободенъ и открытъ. Обойдя нашъ правый флангъ, союзники могли заставить насъ оставить позицію, изъ опасенія быть прижатыми къ морю, но сколько ни соблазителенъ былъ этотъ маневръ, оба главнокомандующіе должны были сознать, что успѣхъ такого движенія болѣе чѣмъ сомнителенъ. Обходъ нашего праваго фланга, сильно и хорошо защищеннаго артиллеріею, представлялъ довольно значительныя затрудненія для союзниковъ, тѣмъ болѣе, что съ нашей стороны было преимущество въ кавалеріи. Если бы обходъ

[1]) Матеріалы, вып. IV, 141.

этотъ удался, то наша немногочисленная армія могла быть прижатою къ морю, поставлена въ два огня и уничтожена, но за то въ случаѣ неудачи англо-французовъ на правомъ флангѣ, чтобы пріобрѣсти успѣхъ и достигнуть цѣли экспедиціи,—захвата Севастополя,—союзникамъ пришлось бы сдѣлать болѣе далекое обходное движеніе, что было для нихъ невозможно по отсутствію самостоятельности арміи. Союзная армія была лишена всѣхъ средствъ удалиться отъ флота: она не имѣла ни перевязочныхъ средствъ, ни достаточно кавалеріи, словомъ—не имѣла самостоятельной жизни. Отсюда ясно, что стратегическія соображенія требовали обхода праваго фланга, но тактическій успѣхъ въ этомъ былъ почти не возможенъ.

Обходъ лѣваго фланга нашей позиціи давалъ союзникамъ большую вѣроятность на успѣхъ. На лѣвомъ флангѣ двѣ версты отъ берега моря не были вовсе заняты войсками; здѣсь не было артиллеріи, и оконечность лѣваго фланга едва доходила только до дороги, ведущей изъ селенія Алма-Тамакъ. Союзники могли разсчитывать, почти навѣрное, что, подъ прикрытіемъ огня съ своихъ судовъ, имъ удастся взобраться не только на высоты, но и удержаться на нихъ. Обойденныя съ лѣваго фланга, войска наши не могли бы держаться на позиціи, были бы отброшены по направленію къ Бахчисараю и тѣмъ очистили бы дорогу къ главной цѣли экспедиціи непріятеля—къ Севастополю. Но зато успѣхъ на этомъ пунктѣ не могъ имѣть послѣдствіемъ окончательнаго пораженія русской арміи и не лишалъ насъ сообщенія съ внутренностію Крымскаго полуострова. Слѣдовательно, обходъ лѣваго фланга былъ бы тактически вѣренъ, но стратегически ошибоченъ, тѣмъ болѣе, что союзники, не имѣя возможности отдалиться отъ главнаго базиса дѣйствій, отъ моря, должны были, по необходимости, даже и въ случаѣ побѣды оставить наши войска безъ преслѣдованія.

Имѣлъ ли маршалъ Сентъ-Арно въ виду эти соображенія или нѣтъ—намъ не извѣстно, но изъ его распоряженій видно, что, не рѣшаясь атаковать исключительно одинъ изъ фланговъ нашей позиціи, онъ избралъ нѣчто среднее. По составленному наканунѣ плану дѣйствій рѣшено было атаковать сначала одновременно оба фланга, съ тѣмъ чтобы привлечь къ нимъ наше вниманіе и принудить насъ ослабить центръ, и тогда двѣ французскія дивизіи (1-я и 3-я) быстрымъ движеніемъ въ средину нашего расположенія должны были разорвать позицію на двѣ ча-

сти. Задавшись ошибочною идеею атаковать одновременно оба фланга и центръ, Сентъ-Арно ослабилъ тѣмъ ударъ на всѣхъ пунктахъ атаки и не могъ уже разсчитывать на важныя послѣдствія боя. Повидимому, ему хотѣлось прежде всего выиграть сраженіе хотя бы и безъ полной побѣды, написать громкое и хвастливое донесеніе, что онъ и сдѣлалъ впослѣдствіи, а затѣмъ дальнѣйшія свои дѣйствія предоставить обстоятельствамъ.

Выигрышъ сраженія онъ ставилъ выше побѣды потому, что считалъ это необходимымъ для нравственнаго ободренія войскъ, которыми командовалъ. Сентъ-Арно былъ увѣренъ, что одно только отступленіе русскихъ войскъ и занятіе союзниками поля сраженія настолько воодушевитъ экспедиціонную армію, что достиженіе главной цѣли,—овладѣнія Севастополемъ—будетъ уже, для торжествующихъ французовъ, дѣломъ не труднымъ. Первая удача дѣлаетъ каждаго француза необыкновенно стойкимъ, храбрымъ и самоувѣреннымъ, точно такъ же, какъ неудача производитъ въ немъ совершенно обратное дѣйствіе. Исторія французскихъ войнъ и въ особенности послѣдняя франко-прусская могутъ легко убѣдить въ этомъ каждаго. Слѣдовательно, разсчеты Сентъ-Арно въ этомъ отношеніи были совершенно понятны, но онъ жертвовалъ дѣломъ для минутнаго успѣха.

Около пяти часовъ по полудни, 7-го сентября, маршалъ собралъ возлѣ своей палатки начальниковъ дивизій и офицеровъ генеральнаго штаба и словесно объяснилъ имъ планъ предстоящихъ дѣйствій. Генералъ Боске сначала не одобрялъ составленнаго плана и не разсчитывалъ на успѣхъ дѣйствій противъ нашего лѣваго фланга. Послѣ продолжительнаго разговора съ главнокомандующимъ, онъ принялъ однако же на себя трудную, по его мнѣнію, задачу атаковать нашъ лѣвый флангъ и стараться обойти его. Увѣренный въ трудности исполненія возложеннаго на него порученія, Боске былъ убѣжденъ, что если бы ему и удалось взобраться на высоты, то, все-таки, и тамъ онъ будетъ непремѣнно уничтоженъ, прежде чѣмъ получитъ помощь. Въ этомъ случаѣ, у французскихъ писателей онъ является жертвою искупленія для пользы арміи. Съ другой стороны и Сентъ-Арно также раздѣлялъ убѣжденіе о трудности атаки лѣваго фланга и потому обѣщалъ поддержать Боске дивизіею турецкихъ войскъ [1]).

---

[1]) L'expédition de Crimée. T. I, 199 и 275.

— Оставьте меня смѣло быть раздавленнымъ русскими войсками,— сказалъ съ самоотверженіемъ Боске маршалу,—дабы они обозначили свое движеніе и ослабили свой центръ. Какія бы силы ни были противъ меня, я вамъ обѣщаю продержаться не менѣе часа.

Приводя эти слова, Базанкуръ ясно указываетъ, что союзники не произвели основательной рекогносцировки нашей позиціи и, думая встрѣтить сопротивленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ безъ надежды на успѣхъ, предназначали дивизію Боске болѣе для того, чтобы отвлечь часть нашихъ силъ отъ центра. Рѣшительный же ударъ предоставлялось сдѣлать дивизіямъ Канробера, принца Наполеона и англичанамъ, которые должны были атаковать нашъ правый флангъ и, если представится возможность, то обойти его. Впослѣдствіи, когда предположенія союзныхъ главнокомандующихъ не оправдались и Боске такъ неожиданно и легко успѣлъ въ своемъ трудномъ предпріятіи, маршалъ Сентъ-Арно тотчасъ же послалъ ему подкрѣпленіе, и въ то же время, для большей связи съ войсками Боске, измѣнилъ нѣсколько направленіе остальныхъ войскъ; онъ подалъ ихъ къ нашему лѣвому флангу настолько, что атака англичанами нашего праваго фланга не могла уже состояться. Англичане, какъ увидимъ ниже, должны были ограничиться только атакою нашего центра и ближайшихъ къ нему войскъ праваго фланга. Этимъ объясняется, почему правый флангъ нашъ принималъ весьма малое участіе въ сраженіи, а батареи почти вовсе и не дѣйствовали.

Итакъ по составленному наканунѣ плану дѣйствій союзниковъ, вторая дивизія Боске, которому подчинены были и турецкія войска, назначалась для наступленія противъ нашего лѣваго фланга; первая дивизія генерала Канробера и третья принца Наполеона—для дѣйствія противъ центра, а четвертая дивизія Форе—оставлена въ резервѣ. Противъ праваго нашего фланга должны были дѣйствовать англичане. Восемь пароходовъ предназначались для содѣйствія Боске, который долженъ былъ начать движеніе и выступить съ бивуака въ $5^1/_2$ часовъ утра, англичане въ 6 часовъ, а дивизіи Канробера и принца Наполеона—въ семь часовъ утра [1]).

Вечеромъ всѣ начальники дивизій получили подробную диспозицію и небольшой планъ, на которомъ было обозначено взаимное

---

[1]) Тамъ же, 200.

дѣйствіе войскъ. Полковникъ Трошю былъ посланъ маршаломъ въ главную квартиру англійскихъ войскъ сообщить лорду Раглану подробности плана, который утромъ былъ составленъ обоими главнокомандующими только въ общихъ чертахъ. Лордъ Рагланъ одобрилъ какъ планъ дѣйствій, такъ и время, назначенное для выступленія англійскихъ войскъ.

Наступилъ вечеръ 7-го сентября. Батальонъ моряковъ и 6-й стрѣлковый переправлены на противоположную сторону и разсыпаны въ цѣпь, въ садахъ за р. Алмою и за ауломъ Бурлюкъ. Съ наступленіемъ ночи, какъ у непріятеля, такъ и у насъ загорѣлось двѣ линіи костровъ.

Темна и холодна была ночь передъ Алминскимъ сраженіемъ; для многихъ она была послѣднею въ жизни. Среди мрака мелькало два ряда бивуачныхъ огней, а лѣвѣе часть моря, ближайшая къ берегу, была усѣяна ярко освѣщенными судами.

На нашей позиціи горѣли рѣдкіе, тусклые огни. Въ оставленномъ жителями аулѣ выли голодныя собаки, а вдали и кругомъ раздавались говоръ, лошадиный топотъ, ржанье, и все это, сливаясь въ одинъ общій гулъ, наводило тоску. „Безотчетно тяжелъ былъ вечеръ 7-го сентября, канунъ Алминской битвы,—говоритъ одинъ изъ участниковъ. На солдатахъ стала ложиться какая-то неувѣренность и задумчивость“. Къ полуночи шумный говоръ стихъ, и наступило всеобщее молчаніе. Во время ужина многіе солдаты ѣли не охотно. Расположившись небольшими кучками, въ полной боевой аммуниціи, они готовились къ бою: кто горячо молился, кто вспоминалъ родныхъ и близкихъ сердцу, иной чистилъ ружье, а были и такіе, которые, предоставивъ себя волѣ Божіей, спали крѣпкимъ сномъ.

Костры догорѣли. Кое-гдѣ мелькалъ еще огонекъ, а вдали занималась заря. Ночь прошла въ томительномъ ожиданіи наступающаго утра. Передъ разсвѣтомъ, съ адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ зоревой пушки. Во французскомъ лагерѣ послышался бой зори, вслѣдъ за нею заиграли зорю въ англійскомъ лагерѣ, а потомъ и въ нашемъ, съ духовнымъ гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Содержаніе этого гимна вполнѣ соотвѣтствовало настроенію слушавшихъ и было лучшимъ выраженіемъ ихъ желаній.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на земли великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.

. . . .

О Боже, во Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
И взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утренняя роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ,
Тебя, Господь, поемъ и славимъ.

Прекрасные музыкальные звуки этой молитвы, прославляя Творца вселенной, переносили слушателей въ иной міръ, въ міръ горній, и какъ бы служили примиреніемъ съ предстоящею кровавою сценою.

Пробужденныя молитвою, наши войска встрѣтили утро 8-го сентября, день Рождества Богородицы. Съ появленіемъ первыхъ лучей солнца и при блескѣ утренней росы, въ полкахъ служили молебны, священники обходили ряды, осѣняли ихъ крестомъ и окропляли св. водою. Горячо молились солдаты; многіе офицеры становились на колѣна.

Послѣ ранняго и поспѣшнаго обѣда солдаты приводили въ порядокъ оружіе и аммуницію, и почти всѣ надѣвали чистое бѣлье. Безъ шума и обычной солдатской суеты, безъ остротъ и шутокъ совершалось приготовленіе къ столь торжественной минутѣ.

Былъ уже девятый часъ утра, когда со стороны нашего праваго фланга послышались звуки полковаго марша, а за ними стали видны двѣ колонны, приближавшіяся къ нашимъ войскамъ. То были первый и второй батальоны Московскаго полка, втягивавшіеся на позицію, послѣ утомительнаго и длиннаго перехода изъ Керчи.

Батальоны эти, расположенные въ 40 верст. отъ Керчи, въ селеніи Аргинъ, получили приказаніе двинуться на Алму, только 4-го сентября, въ восемь часовъ вечера. На другой день, послѣ солдатскаго обѣда, они выступили въ походъ и менѣе чѣмъ въ трое су-

токъ прошли 220 верстъ, явившись утромъ, въ день сраженія, на выручку товарищамъ.

Несмотря на столь большой переходъ, лихіе батальоны прошли мимо полковъ, стоявшихъ на позиціи съ музыкою, съ бубнами, пѣснями и плясунами.

Не успѣли московцы прилечь—отдохнуть и даже зарядить ружей, какъ, голодные и томимые жаждой, тотчасъ же посланы были, какъ увидимъ ниже, въ самый жаркій бой, гдѣ и отслужили свою службу такъ, какъ дай Богъ каждому отслужить, если хватитъ силы.

Съ наступленіемъ самаго ранняго утра генералъ Юсуфъ прибылъ, по приказанію Сентъ-Арно, принять начальство надъ турецкою дивизіею, которая должна была поступить подъ начальство Боске. Какъ было назначено, вторая дивизія Боске въ $5^1/_2$ часовъ оставила свой бивуакъ и въ густой колоннѣ двинулась вдоль морскаго берега; параллельно съ нею вдоль того же берега двигался и флотъ.

Часовъ около семи утра съ нашей позиціи видно было, какъ у самаго устья Алмы спустилось семь или восемь батальоновъ французовъ.

Князь Меншиковъ тотчасъ же послалъ передать объ этомъ генералу Кирьякову, съ приказаніемъ, чтобы онъ былъ очень остороженъ. Кирьяковъ отвѣчалъ, что онъ видитъ эти батальоны французовъ и не боится ихъ.

— Шапками закидаемъ ихъ, каторжниковъ,—повторялъ весьма часто Кирьяковъ.

— Смотри, ребята,—говорилъ онъ, обращаясь къ солдатамъ,—на штыкѣ долго не держи—порнулъ, да скорѣе и тащи назадъ.

Между тѣмъ наступленіе французовъ было остановлено, по причинѣ замедленія, происшедшаго въ англійскомъ лагерѣ.

Былъ девятый часъ утра, а среди англичанъ не было замѣтно никакого движенія. Генералъ Канроберъ, удивленный такою неподвижностью войскъ, вопреки сообщенной наканунѣ диспозиціи, поспѣшилъ къ принцу Наполеону, и оба они отправились къ Леси-Эвансу, начальнику 2-й англійской дивизіи. Найдя генерала еще въ палаткѣ, они высказали свое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ опасеніе, что замедленіе въ движеніи англичанъ можетъ быть причиною неудачи сраженія.

— Я не получалъ еще никакого приказанія,—отвѣчалъ спокойно сэръ Леси-Эвансъ.

Канроберъ поскакалъ къ Сентъ-Арно и, встрѣтивъ его на дорогѣ, объяснилъ ему о происшедшемъ недоразумѣніи. Маршалъ отправилъ тотчасъ же одного изъ своихъ адъютантовъ остановить движеніе Боске и въ то же время послалъ полковника Трошю къ лорду Раглану. Не получая никакого приказанія, флотъ продолжалъ свое движеніе и, подойдя ранѣе Боске къ устью Алмы, занялъ позицію и приготовился къ бою.

Прошло болѣе получаса времени, пока Трошю достигъ до главной квартиры англійскихъ войскъ. Британцы, вдоль бивуака которыхъ скакалъ Трошю, оставались еще въ полномъ покоѣ и не думали о выступленіи; самъ лордъ Рагланъ былъ однако же на лошади.

— Милордъ!—сказалъ подскакавшій къ лорду Раглану,—послѣ всего того, что вы мнѣ сказали вчера вечеромъ, маршалъ надѣялся, что ваши войска, составляющія лѣвое крыло боевой линіи, выступятъ ранѣе шести часовъ.

— Я отдалъ уже приказаніе, и мы сейчасъ выступимъ,—отвѣчалъ лордъ Рагланъ;—часть моихъ войскъ прибыла на бивуакъ только поздно ночью.

Дѣйствительно, часть англійскихъ войскъ, задержанная устройствомъ багажа и матеріальной части, прибыла на позицію при рѣкѣ Булганакъ далеко за полночь.

— Ради Бога, поспѣшите, милордъ,—прибавилъ Трошю,—каждая минута замедленія отнимаетъ отъ насъ вѣроятность успѣха.

— Поѣзжайте и скажите маршалу,—отвѣчалъ на это лордъ Рагланъ,—что въ настоящую минуту приказаніе разослано по всей линіи.

Было уже десять съ половиною часовъ, когда Трошю привезъ извѣстіе, что англичане готовы къ выступленію; только въ 11-ть часовъ утра Боске получилъ приказаніе двинуться впередъ.

Построивъ свою дивизію въ двѣ колонны и разсыпавъ впереди ихъ густую цѣпь стрѣлковъ, Боске подходилъ къ правому берегу р. Алмы по направленію къ селенію Алма-Тамакъ. Правѣе [1]) его, и нѣ-

[1]) Словами правый и лѣвый мы обозначаемъ направленіе, если стать лицомъ къ непріятелю.

сколько сзади, приближалась дивизія Канробера, еще правѣе дивизія принца Наполеона—обѣ построенныя въ двѣ линіи въ дивизіонныхъ колоннахъ, имѣя посрединѣ своихъ дивизій по одной батареѣ, прикрытыхъ густою цѣпью стрѣлковъ. Обѣ эти дивизіи предназначались для атаки пространства между селеніями Алма-Тамакъ и Бурлюкъ. Общій резервъ французскихъ войскъ составляла дивизія Форе. Свернувшись въ колонны, она двигалась за дивизіею принца Наполеона, имѣя въ хвостѣ свою артиллерію. Резервная артиллерія находилась за дивизіею Канробера.

Правѣе французовъ двигались развернутыми батальонами англичане, также подъ прикрытіемъ батарей и густой цѣпи застрѣльщиковъ. Примыкая къ французамъ, шла 2-я англійская дивизія Леси-Эванса, построенная въ двѣ линіи, имѣя въ каждой линіи по три полка [1]); правѣе ея, точно въ такомъ же порядкѣ, слѣдовала легкая дивизія Броуна; въ интервалѣ между двумя дивизіями находилась одна батарея артиллеріи. Вторую линію англійскихъ войскъ составляли: 3-я дивизія Ингленда и 1-я—герцога Кембриджскаго, двигавшіяся точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и войска первой линіи. Правѣе дивизіи герцога Кембриджскаго и нѣсколько позади ея двигалась четвертая дивизія Каткарта, имѣя на своемъ флангѣ легкую кавалерійскую бригаду Кардигана, въ обезпеченіе отъ покушенія русской кавалеріи.

Англичане подвигались медленно, шагъ за шагомъ, какъ бы выжидая, что̀ предпримутъ французы. Не соглашаясь съ маршаломъ Сентъ-Арно, требовавшимъ отъ англичанъ обхода нашего праваго фланга, и считая его дѣломъ весьма опаснымъ, лордъ Рагланъ медлилъ съ намѣреніемъ.

Замедленіе въ наступленіи союзниковъ, происшедшее вслѣдствіе неподвижности англичанъ, при другихъ условіяхъ могшее имѣть вліяніе на успѣхъ атаки, не принесло намъ никакой пользы. Русскія войска оставались неподвижными со времени послѣдней рекогносцировки. „У насъ не было никакихъ приготовленій,—говоритъ одинъ изъ участниковъ,—а всѣ мы какъ-то равнодушно смотрѣли на непріятельскую позицію“.

---

[1]) Почти всѣ пѣхотные полки англичанъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, состояли изъ одного батальона 10-ти-ротнаго состава, силою отъ 800 до 1.000 человѣкъ.

Передовые полки наши стояли въ ружьѣ, готовые къ бою. Творя крестное знаменіе, солдаты различали уже цвѣтъ непріятельскихъ мундировъ и разсуждали между собою о томъ, кто идетъ противъ нихъ, французъ или англичанинъ. Впереди всей линіи союзниковъ шла густая цѣпь застрѣльщиковъ. У французовъ она состояла изъ зуавовъ, пѣшихъ егерей и африканскихъ стрѣлковъ, а у англичанъ были разсыпаны шотландскіе стрѣлки. Во все это время командующій войсками князь Меншиковъ, находившійся съ ранняго утра на высотѣ позади восьми батарейныхъ орудій, поставленныхъ въ эполементѣ, слѣдилъ за движеніемъ непріятеля.

Князь былъ спокоенъ, но на лицѣ его были замѣтны слѣды большаго утомленія. Спустя нѣкоторое время онъ подошелъ къ стоявшему тутъ же капитану 2-го ранга Хомутову и указалъ ему на непріятельскіе пароходы, расположившіеся возлѣ берега, для обстрѣливанія нашего лѣваго фланга. По случаю засвѣжѣвшаго юго-западнаго вѣтра пароходы отдали свои шпринги.

— Вотъ если бы вѣтеръ засвѣжѣлъ сильнѣе,—сказалъ князь Меншиковъ,—да ихъ бы..... и онъ показалъ рукою на прибрежье.

— Мы всѣ въ Севастополѣ убѣждены,—отвѣчалъ Хомутовъ,—что ваша свѣтлость ихъ и безъ вѣтра надуете.

Князь взглянулъ на небо.

— Мы боимся только,—продолжалъ Хомутовъ,—чтобы въ эти трудные дни вы не захворали.

— Некогда болѣть,—отвѣчалъ князь,—но въ выраженіи этихъ словъ слышался ясный намекъ на его одиночество.

„И дѣйствительно,—пишетъ Хомутовъ [1]),—нельзя было не сознать, что для предстоящей борьбы съ лучшими войсками Европы, вооруженными усовершенствованнымъ оружіемъ, штабъ его арміи былъ организованъ не настолько удовлетворительно, чтобы могъ служить для князя значительнымъ облегченіемъ, какъ въ общихъ приготовленіяхъ къ предстоящему сраженію, такъ и въ готовомъ начаться поединкѣ“.

Продолжая разговаривать съ Хомутовымъ, князь Меншиковъ пе-

---

[1]) Записки Хомутова (рукоп.).

редалъ ему свой бинокль и сталъ объяснять расположеніе непріятельскихъ войскъ.

— Вотъ эти, противъ нашего лѣваго фланга,—говорилъ онъ—французы; командуетъ ими Сентъ-Арно. Противъ праваго фланга—англичане; командуетъ ими безрукій Рагланъ. Не помню только, гдѣ онъ потерялъ свою руку: въ Испаніи или подъ Ватерлоо.

— Какъ велика численность непріятельскихъ войскъ?—спросилъ Хомутовъ.

— Отъ 62.000 до 67.000,—отвѣчалъ князь.—Всѣхъ слабосильныхъ оставили они въ Варнѣ, но войска ихъ вооружены преимущественно нарѣзнымъ оружіемъ.

Во время этого разговора къ князю подошелъ начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ 1-й и доложилъ ему о приближеніи непріятеля.

— Пора,—сказалъ князь Меншиковъ—и сѣлъ на лошадь.

Была половина перваго, когда командующій поѣхалъ къ нашему лѣвому флангу. Тамъ встрѣтилъ его генералъ Кирьяковъ и сталъ ему объяснять свои распоряженія, относившіяся до того, какъ онъ расположилъ стрѣлковъ, какъ онъ будетъ ихъ собирать, передвигать и проч. Князь Меншиковъ посмотрѣлъ нѣсколько вопросительно на Кирьякова и, видя, что всѣ эти подробности не относятся къ дѣлу, не сказалъ ни слова, оставилъ его и поскакалъ по направленію къ морю, по временамъ останавливаясь на крутизнахъ „какъ будто любуясь ловкимъ всходомъ французовъ на высоты и тѣмъ, что никто имъ въ томъ не мѣшаетъ“.

Дѣйствительно, движеніе дивизіи Боске отличалось необыкновенною быстротою; всѣ же прочія союзныя войска, въ особенности англичане, двигались гораздо медленнѣе.

Когда кн. Меншиковъ подъѣхалъ къ лѣвому флангу, онъ ясно видѣлъ, какъ французы ловко и проворно взбирались на высоты — то были зуавы, привычные къ горной войнѣ. Приблизившись къ правому берегу р. Алмы, Боске, въ сопровожденіи своего начальника штаба и старшихъ штабъ-офицеровъ, осмотрѣвъ лично прибрежныя скалы и замѣтивъ двѣ тропинки: одну у устья Алмы, а другую возлѣ селенія Алма-Тамакъ, приказалъ тотчасъ же батальону 3-го Зуавскаго

полка, изъ бригады д'Отмара, разсыпавшись въ цѣпь, переправиться черезъ рѣку и взобраться на высоты. Скоро зуавы были уже на гребнѣ утеса и открыли самый частый штуцерной огонь по стоявшему одиноко и вдали отъ всѣхъ прочихъ войскъ второму батальону Минскаго полка.

Съ первыми выстрѣлами зуавовъ, Боске приказалъ бригадѣ Буа (3-й стрѣлковый, 7-й легкій и 6-й линейный полки), вмѣстѣ съ турецкими войсками, переправиться черезъ Алму у ея устья и взбираться на высоты, по тропинкѣ, ближайшей къ морю, а бригаду д'Отмара (3-й Зуавскій, 50-й линейный полки и Алжирскіе стрѣлки) направилъ къ Алма-Тамакскому броду, перейдя который, она должна была подняться по тропинкѣ, ведущей въ селеніе Аджи-Булатъ (Улукулъ). Бригада Буа переправлялась черезъ р. Алму по узкой ея отмели. Съ нашей позиціи видно было, какъ тянулись французы длинною вереницею, одинъ за другимъ, по поясъ въ водѣ. За пѣхотою слѣдовали двѣ батареи артиллеріи, которыя не могли однако же переправиться въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку, повернули назадъ къ Алма-Тамаку и присоединились къ бригадѣ д'Отмара. Почти въ полдень бригада Буа стала подыматься на высоты лѣваго берега, не встрѣчая затрудненій въ мѣстности, ни сопротивленія съ нашей стороны.

Одновременно съ этимъ и бригада д'Отмара перешла рѣку въ бродъ у селенія Алма-Тамакъ и, взбираясь на высоты, точно также не встрѣтила никакого сопротивленія, ибо позиція наша не доходила до этого мѣста.

Слѣдуя по кратчайшему направленію, бригада д'Отмара явилась на высотахъ прежде другихъ войскъ Боске и потому, въ ожиданіи прибытія бригады Буа, перемѣнила направленіе и выстроилась на плато поперекъ дороги, почти подъ прямымъ угломъ къ нашему флангу и тыломъ къ морю.

Выдвинувъ впередъ обѣ батареи, д'Отмаръ тотчасъ же открылъ огонь по нашимъ войскамъ [1]).

Одновременно съ переправою Боске на лѣвый берегъ рѣки, восемь непріятельскихъ пароходовъ, вытянувшихся въ одну линію, параллельно берегу, открыли огонь по нашимъ войскамъ. Снаряды ихъ

---

[1]) Геренъ, Матер., вып. II, 337.

достигали до батальоновъ Брестскаго полка и наносили довольно значительное пораженіе. Видя, что войска подвергаются напрасному продольному огню, генералъ Кирьяковъ подалъ назадъ свой лѣвый флангъ и сталъ отводить войска по направленію къ телеграфу, не выказывая никакого намѣренія противодѣйствовать появившейся на высотахъ бригадѣ д'Отмара. Тогда находившійся въ свитѣ главнокомандующаго, начальникъ артиллеріи Крымской арміи генералъ-маіоръ Кишинскій рѣшился принять на себя починъ дѣла.

— Долго ли мы еще будемъ находиться въ бездѣйствіи,—сказалъ онъ, обращаясь къ князю Меншикову.—Позвольте, ваша свѣтлость, по крайней мѣрѣ взять у генерала Кирьякова артиллерію.

Получивъ на это согласіе, Кишинскій послалъ, одного за другимъ, двухъ офицеровъ, съ приказаніемъ двумъ легкимъ № 4-го и № 5-го батареямъ 17-й артиллерійской бригады двинуться на лѣвый флангъ съ посаженною прислугою. Вмѣстѣ съ тѣмъ и князь Меншиковъ вызвалъ туда же сначала только два батальона Московскаго полка, но потомъ, когда убѣдился, что вся дивизія Боске подымается на гору, то приказалъ двинуть на лѣвый флангъ и остальные два батальона этого полка, находившіеся въ резервѣ.

Между тѣмъ второй батальонъ Минскаго полка, стоявшій у дер. Аклесъ, съ появленіемъ зуавовъ на высотахъ, хотя и открылъ огонь, но, въ самомъ непродолжительномъ времени, очутился въ затруднительномъ положеніи, будучи охваченъ цѣпью зуавовъ не только съ фланговъ, но и съ тыла. Не имѣя возможности удержать за собою позицію, подвергаясь перекрестному огню и опасаясь быть отрѣзаннымъ, командиръ батальона, подполковникъ Раковичъ, началъ отступать. „Застрѣльщики его завязали сильную перестрѣлку съ французскими стрѣлками, удерживая ихъ настолько, чтобы дать батальону возможность отступить къ отряду въ порядкѣ. Такимъ образомъ, второй батальонъ Минскаго полка стройно отступилъ къ деревнѣ Орта-Кесекъ". Въ это время на поддержку Минскаго батальона прискакала прежде другихъ легкая № 4-го батарея. Генералъ Кишинскій, не обращая вниманія на отсутствіе прикрытія, смѣло выдвинулъ ее впередъ и поставилъ не далѣе 300 саженъ отъ непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ подскакала легкая № 5-го батарея, которая и была поставлена

саженъ на сто лѣвѣе батареи № 4-го, съ тѣмъ чтобы дѣйствовать косвенно во флангъ непріятелю. Въ то же самое время послано было приказаніе двинуть изъ резерва и донскую резервную конно-легкую № 4-го батарею, которая и была поставлена еще лѣвѣе подъ угломъ къ линіи пѣшихъ батарей совершенно во флангъ непріятелю. Дѣйствіе этой батареи было не вполнѣ успѣшно и непродолжительно. Видя, что она несетъ значительную потерю отъ огня непріятельскаго флота, генералъ-маіоръ Кишинскій послалъ ей приказаніе присоединиться къ пѣшимъ батареямъ, по которымъ флотъ не могъ дѣйствовать черезъ французскія войска. Посланный спуталъ приказаніе, и донская батарея вмѣсто того, чтобы присоединиться къ легкимъ № 4-го и № 5-го батарямъ 17-й бригады, снялась съ позиціи, ушла съ поля назадъ и болѣе уже въ дѣлѣ не участвовала.

Такимъ образомъ съ нашей стороны Алминское сраженіе началось дѣйствіемъ артиллеріи, которая, отдѣлясь отъ войскъ, безъ всякаго прикрытія, выскакала впередъ почти на двѣ версты и тѣмъ хотя на время остановила наступленіе непріятеля.

Нельзя не остановиться на этомъ моментѣ боя и не отдать должнаго заслугамъ двухъ батарей 17-й артиллерійской бригады за ихъ смѣлое дѣйствіе. Конечно, движеніе это было слишкомъ смѣло, и быть можетъ нѣкоторые найдутъ его рискованнымъ, но это замѣчаніе будетъ несправедливо. Предпріятіе это не было рискованнымъ уже потому, что у непріятеля не было кавалеріи, при томъ же въ критическіе моменты боя смѣлость и находчивость составляютъ сущность военнаго дѣла. Увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, смѣлость, но не безразсудное увлеченіе и стойкость до послѣдней крайности—вотъ что составляетъ особенность хорошо устроеннаго войска. Потеря подбитаго орудія, или такого, при которомъ перебиты всѣ люди и лошади, не составляетъ ни стыда, ни позора для батареи и, если она оказала значительное вліяніе на ходъ боя, то славное ея дѣйствіе все-таки будетъ достояніемъ исторіи и примѣромъ потомству. Только отъ энергическихъ мѣръ, требующихъ иногда полнаго самоотверженія, можно ожидать благопріятныхъ результатовъ. Въ крайнихъ случаяхъ всякое колебаніе и нерѣшительность могутъ быть гибельны. Такъ могло случиться и въ данномъ случаѣ. Не будь смѣлаго движенія артиллеріи, французы, ни кѣмъ и ни чѣмъ не тревожимые, собравшись въ значительныхъ силахъ и устроившись спокойно, быстро

двинулись бы впередъ и появились бы въ тылу нашихъ войскъ въ то время, когда они были атакованы съ фронта остальными союзными войсками. Легко понять, какое не только нравственное, но и фактическое вліяніе произвело бы на наши войска появленіе въ тылу ихъ двухъ дивизій (одной французской и одной турецкой); имъ тогда едва-ли бы удалось отступить.

Подобное предположеніе однако же болѣе чѣмъ вѣроятно, если припомнить, что войска лѣваго фланга не предпринимали рѣшительно ничего для противодѣйствія дивизіи Боске. Только мѣткій огонь нашей артиллеріи значительно облегчилъ положеніе Минскаго батальона и помогъ ему удержать свою позицію у селен. Орта-Кесекъ до прибытія двухъ батальоновъ Московскаго полка, которые успѣли прибѣжать гораздо позже и стали въ прикрытіе батарей, одинъ съ праваго фланга, а другой съ лѣваго. Хотя вслѣдъ за тѣмъ подошли и остальные два батальона того же полка, но и съ ними войскъ на этомъ пунктѣ было слишкомъ недостаточно для наступательныхъ дѣйствій. Французы были сильнѣе насъ: вся бригада д' Отмара была въ сборѣ, а бригада Буа подымалась уже на высоты.

Если бы усиленіе лѣваго фланга было произведено во̀-время, когда войска Боске только начинали переходить рѣку, то положеніе французовъ было бы крайне затруднительнымъ; но, имѣя на лѣвомъ флангѣ только одинъ батальонъ, мы не могли атаковать непріятеля при подъемѣ его на гору.

Прибывъ къ Московскому полку, главнокомандующій хотѣлъ было двинуть его въ штыки, но это не могло быть исполнено, по значительному превосходству непріятеля. Если бы Московскій полкъ былъ поставленъ ближе къ лѣвому флангу, онъ могъ бы прибыть во̀-время и былъ бы въ состояніи сбросить французовъ съ высотъ, но теперь, бросаясь въ штыки, ему пришлось бы бороться съ цѣлою бригадою д'Отмара, устроившеюся прежде его прибытія. Сверхъ того, съ прибытіемъ нашихъ подкрѣпленій, огонь съ непріятельскаго флота былъ значительно усиленъ, такъ что Московскій полкъ потерялъ своего командира и понесъ значительную убыль въ людяхъ.

Усиленіе огня съ флота и появленіе на высотахъ прежде другихъ дивизіи Боске дѣлало очевиднымъ, что участь сраженія должна была

кончиться на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ и что если намъ не удастся сбросить непріятеля съ высотъ, то никакіе успѣхи въ центрѣ и на правомъ флангѣ не помогутъ намъ. Слѣдовательно, здѣсь именно необходимо было употребить съ нашей стороны самое энергическое усиліе. Съ этою цѣлію и съ намѣреніемъ хотя нѣсколько возстановить равновѣсіе въ силахъ на лѣвомъ флангѣ, князь Меншиковъ приказалъ двинуть сюда находившіеся въ резервѣ три батальона Минскаго полка, конно-легкую № 12-го и донскую конно-батарейную № 3-го батареи [1]) и два дивизіона гусаръ.

Французы, по увѣренію своихъ историковъ, сильно опасались здѣсь нашихъ кавалерійскихъ атакъ [2]). Опасеніе это еще болѣе усилилось, когда они замѣтили быстрое движеніе во флангъ имъ донской № 4-го батареи, лихо выскакавшей на позицію. По незнанію конно-артиллерійскаго строя французы приняли это движеніе за начало кавалерійской атаки, но скоро успокоились, ибо кавалерія наша состояла изъ двухъ дивизіоновъ гусаръ и вовсе не была введена въ дѣло, хотя мѣстность позволяла употребить ее съ успѣхомъ.

Такимъ образомъ, первое время на лѣвомъ флангѣ пять русскихъ батальоновъ пѣхоты (4 бат. Московскаго и одинъ Минскаго полковъ)

---

[1]) Донская конно-батарейная № 3-го батарея не могла однако же быть употребленною на этомъ пунктѣ. Раньше прибытія посланнаго отъ главнокомандующаго батарея эта была вытребована генераломъ Кирьяковымъ и употреблена имъ противъ непріятельскихъ стрѣлковъ, расположенныхъ за крутизнами. Эта батарея, по калибру своихъ орудій (полу-пудовые единороги) и по своей подвижности считалась надежнѣйшимъ артиллерійскимъ резервомъ, а потому и предполагалось употребить ее въ крайнемъ случаѣ. Передъ началомъ боя батареѣ было отдано приказаніе слушаться только одного главнокомандующаго; но во время разгара дѣла и послѣдовавшей за тѣмъ суматохи, генералъ Кирьяковъ самовольно вызвалъ ее изъ резерва и поставилъ тамъ, гдѣ она не принесла никакой пользы. Разстративъ всѣ свои заряды безъ вреда непріятелю, скрывавшемуся за возвышеніями, и потерявъ командира, батарея эта не могла быть употреблена съ пользою, въ то именно время, когда содѣйствіе ея было болѣе чѣмъ необходимо и когда она могла принести значительный вредъ непріятелю дѣйствіемъ своихъ восьми полу-пудовыхъ единороговъ. (Записки генерала Кишинскаго, рукоп.).

[2]) Боске даже приказалъ своимъ войскамъ быть готовыми и въ случаѣ атаки строить каре (Геренъ).

съ двумя батареями боролись противъ всей дивизіи Боске, къ которому спѣшили на помощь турецкая дивизія и бригада Лурмеля, посланная изъ резерва маршаломъ Сентъ-Арно вскорѣ послѣ того, какъ Боске появился на высотахъ. Борьба столь незначительныхъ нашихъ силъ съ массою непріятеля первое время шла однако же довольно успѣшно. По свидѣтельству барона Базанкура, обѣ батареи дивизіи Боске понесли отъ огня нашей артиллеріи большія потери въ людяхъ и лошадяхъ, и кромѣ того въ нихъ было подбито 32 колеса. Командиръ легкой № 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады подполковникъ Кондратьевъ, имѣя десять орудій [1]), противъ 12-ти, распоряжался съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Несмотря на то, что батарея эта находилась подъ сильнымъ огнемъ непріятельскаго флота, что французскія 12-ти фунт. пушки-гаубицы имѣли значительное превосходство въ калибрѣ надъ русскою легкою артиллеріею, и дѣйствовали, по мнѣнію французовъ, настолько удачно, что Боске приписываетъ успѣшное исполненіе обходнаго движенія дѣйствію своей артиллеріи—несмотря на все это, „потеря отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня была самая незначительная, и можно сказать утвердительно, пишетъ Кондратьевъ, что мѣткость нашихъ легкихъ орудій имѣла даже преимущество, если судить по тому, какое замѣтное волненіе происходило въ непріятельскихъ рядахъ при нашихъ выстрѣлахъ. Но это продолжалось не долго; какъ только густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, хорошо прикрытая мѣстностью, открыла огонь не далѣе 300 саженъ, батарея потеряла 48 человѣкъ (около половины всей прислуги) [2]) и еще болѣе лошадей,—потеря огромная. Не считая того, что нѣкоторые люди и лошади имѣли по нѣскольку ранъ, а взявши въ разсчетъ только 100 мѣткихъ непріятельскихъ выстрѣловъ, по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ тамъ же, на самомъ мѣстѣ сраженія мною и офицерами, можно утвердительно сказать, что изъ этихъ 100 случаевъ на долю непріятельскихъ снарядовъ можно отнести не болѣе пяти пораженій, главная же потеря произошла отъ штуцернаго огня“.

Разсыпанные передъ фронтомъ дивизіи Боске зуавы получили при-

---

[1]) Восемь своихъ и два приданныхъ изъ Севастопольскаго гарнизона.

[2]) Батарея эта имѣла некомплектъ въ людяхъ; въ ней недоставало по три нумера на орудіе.

казаніе дѣйствовать исключительно противъ батарей, и отъ того непріятельскій штуцерной огонь былъ гибеленъ для нашей артиллеріи; она сильно страдала, тѣмъ болѣе, что отъ батальоновъ Московскаго полка вовсе не было выслано впередъ цѣпи застрѣльщиковъ [1]). Такимъ образомъ, французскіе стрѣлки могли подойти на самое близкое разстояніе и поражать нашу артиллерію почти безнаказанно, стараясь только не входить въ районъ картечи легкихъ орудій.

Отъ дѣйствія штуцернаго огня обѣ батареи понесли значительныя потери какъ въ людяхъ, такъ и лошадяхъ, а въ легкой № 5-го батареѣ сверхъ того былъ подбитъ одинъ лафетъ. Чтобы выйти изъ-подъ выстрѣловъ флота, надобно было податься нѣсколько назадъ. Войска исполнили это спокойно и отчетливо. Артиллерія была отведена на отвозахъ въ такомъ порядкѣ, какъ на ученьи, при чемъ легкая № 5-го батарея подвязала орудіе подъ передокъ, несмотря на сильный непріятельскій огонь [2]).

Новая позиція была избрана саженяхъ въ двухъ стахъ позади прежней, подъ угломъ къ первоначальному расположенію войскъ и почти тыломъ къ деревнѣ Аджи-Булатъ. Лѣвый флангъ примыкалъ къ деревнѣ Орта-Кесекъ, а правый къ дорогѣ, проходившей отъ селен. Алма-Тамакъ къ Качѣ. Сюда стали подходить подкрѣпленія и прежде другихъ прибыли сначала два батальона Минскаго полка, а вслѣдъ за тѣмъ прибѣжалъ и третій батальонъ того же полка.

Находясь въ общемъ резервѣ, полкъ этотъ долженъ былъ пройти около трехъ верстъ разстоянія и потому, пока успѣлъ онъ присоединиться къ Московскому полку, вся дивизія Боске и турецкія войска были на высотахъ, а бригада Лурмеля съ двумя батареями шла имъ на помощь. Такимъ образомъ въ распоряженіи Боске было двѣ дивизіи численностію около 14.000 человѣкъ и 12-ть орудій и сверхъ того ожидалось подкрѣпленіе изъ бригады пѣхоты съ двумя батареями; у насъ же было только 8-мь батальоновъ и два дивизіона гусаръ (оставшихся

---

[1]) Что Московскіе батальоны не имѣли впереди стрѣлковой цѣпи, это подтверждается всѣми очевидцами и между прочимъ упомянуто въ статьѣ полковника Щербачева.

[2]) Записки генерала Кишинскаго (рукоп.).

безъ употребленія), всего около 6.000 челов. съ 20-ю сильно разстроенными орудіями 17-й артиллерійской бригады [1]).

Несмотря на все неравенство силъ, наши войска пытались сбросить непріятеля съ высотъ. Полки Минскій и Московскій двинулись въ штыки, но французы уклонились отъ рукопашнаго боя и встрѣтили нашу атаку картечью и бѣглымъ огнемъ цѣпи и развернутыхъ батальоновъ.

Атака не удалась, и наши войска понесли большія потери.

„Не будучи въ состояніи,—пишетъ Енишерловъ,—безъ огромныхъ потерь пройти густой градъ пуль, почти въ разстояніи версты начавшій мѣтко поражать наши колонны, мы должны были отказаться отъ удара въ штыки и стали заботиться о томъ только, чтобы огнемъ батарей и застрѣльщичьей цѣпи удерживать напоръ непріятеля“.

„Не успѣвъ отбросить штыками непріятеля съ вершины высотъ, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, мы лишились всѣхъ выгодъ, которыя могла намъ предоставить мѣстность. На лѣвомъ флангѣ мы должны были сражаться уже на ровной и открытой плоскости, не дававшей намъ никакихъ преимуществъ предъ непріятелемъ, а при одинаковыхъ шансахъ, относительно мѣстности, мы не могли разсчитывать на побѣду, имѣя дѣло съ врагомъ, лучше насъ вооруженнымъ и сильнѣйшимъ по численности“.

Возможность удержаться на лѣвомъ флангѣ оказывалась болѣе чѣмъ сомнительною.

Свѣжихъ войскъ для подкрѣпленія Московскаго и Минскаго полковъ мы не имѣли и, слѣдовательно, въ то время, когда въ центрѣ и на правомъ флангѣ только-что завязывался бой, на лѣвомъ флангѣ участь сраженія была уже рѣшена не въ нашу пользу.

Дѣйствительно, войска лѣваго фланга не могли представить непріятелю никакого серьезнаго сопротивленія. Князь Меншиковъ оставилъ

---

[1]) Въ сочиненіи Э. И. Тотлебена сказано, что на лѣвомъ флангѣ было сосредоточено 44 орудія. Такого числа не было и не могло быть. Мы видѣли, что донская № 4-го батарея ушла съ поля сраженія гораздо раньше, что донская № 3-го батарея совсѣмъ не принимала участія въ дѣлѣ лѣваго фланга, а конная № 12-го батарея прибыла на позицію послѣ атакъ Московскаго и Минскаго полковъ и, слѣдовательно, въ общій разсчетъ орудій входить не могла.

лѣвый флангъ ранѣе прибытія туда Минскаго полка и слѣдовательно не дождавшись результата атаки. Боясь быть прижатымъ къ морю, онъ опасался болѣе всего обхода праваго фланга и не придавалъ большаго значенія лѣвому. Князь Меншиковъ не назначилъ даже здѣсь общаго начальника, а предоставилъ каждому изъ полковыхъ командировъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Впослѣдствіи, возвращаясь на правый флангъ и встрѣтивши у Тарутинскаго полка генерала Кирьякова, командующій войсками приказалъ ему отправиться на лѣвый флангъ, устроить тамъ полки Минскій и Московскій и распоряжаться ими; но пока Кирьяковъ успѣлъ доѣхать, полки потеряли уже своихъ командировъ и многихъ офицеровъ. Оставленные безъ начальниковъ, понесшіе значительную убыль въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ и разстроенные предъидущею атакою, полки Минскій и Московскій столпились въ кучу и представляли одну группу, расположенную безъ всякаго порядка: одинъ батальонъ стоялъ за другимъ, почти безъ всякихъ интерваловъ. Хотя въ это время и прискакала изъ резерва конная № 12-го батарея, вызванная для подкрѣпленія ослабѣвшихъ легкихъ № 4-го и 5-го батарей 17-й артиллерійской бригады, но и при ея содѣйствіи нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго.

Батарея эта, занявшая позицію правѣе нашего неправильнаго боеваго порядка [1]), хотя заставила сняться съ позиціи выдвинувшуюся впередъ непріятельскую батарею, но не могла надолго удержать противника [2]). Столпившіяся одна за другою колонны пѣхоты открыли огонь, большею частію вверхъ на воздухъ и затѣмъ начали отступать. На пути отступленія встрѣчена была донская конно-батарейная № 3-го батарея, вызванная генераломъ Кирьяковымъ изъ резерва и по-

---

[1]) Французы, видя такой оригинальный боевой порядокъ нашей пѣхоты, приняли его за огромный каре и немало были удивлены такому построенію противъ войскъ, не имѣющихъ при себѣ кавалеріи. Этимъ объясняется то, что многіе французскіе писатели (Базанкуръ, Генеренъ и друг.) упоминаютъ о построеніи русскихъ войскъ возлѣ телеграфа въ одно общее каре большаго размѣра.

[2]) Г. Енишерловъ, основываясь на словахъ Вунша, пишетъ, что батарея эта дѣйствовала подъ прикрытіемъ двухъ дивизіоновъ гусаръ. Никакихъ гусаръ тутъ не было, да и самое положеніе батареи обозначено не вѣрно: она поставлена была не на лѣвомъ, а на правомъ флангѣ нашего расположенія.

ставленная лѣвѣе первоначальнаго расположенія его войскъ. Она стрѣляла безъ всякой пользы по направленію къ Алмѣ, именно въ томъ пунктѣ, откуда непріятель поворотилъ на правый свой флангъ. Передъ нею было разсыпано только нѣсколько десятковъ стрѣлковъ, показывавшихся по временамъ изъ-подъ горы и потомъ опять скрывавшихся. Разстрѣлявши безъ пользы всѣ свои снаряды и потерявши въ самомъ началѣ дѣла своего командира—единственнаго опытнаго офицера—батарея эта была найдена генераломъ Кишинскимъ въ такомъ видѣ, что употребить ее снова въ дѣло оказалось невозможнымъ. Генералъ Кишинскій приказалъ ей оставить поле сраженія, и батарея эта въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ никакого участія не принимала.

Отступленіе полковъ Минскаго и Московскаго было необходимо, такъ какъ они могли быть отрѣзаны появившеюся въ это время въ тылу ихъ дивизіею Канробера, уже поднявшеюся на высоты.

Неожиданный успѣхъ Боске, какъ мы видѣли, побудилъ маршала Сентъ-Арно подкрѣпить его бригадою Лурмеля и поспѣшить атакою нашего центра и праваго фланга. Маршалъ пригласилъ англичанъ поторопиться наступленіемъ и разослалъ приказаніе, чтобы каждая дивизія атаковала прямо передъ собою и маневрировала по соображенію своихъ начальниковъ. Это приказаніе французскаго главнокомандующаго совершенно измѣняло первоначальный планъ дѣйствій—о немъ уже не было и помину.

Былъ часъ по полудни, когда дивизіи Канробера и принца Наполеона, двигавшіяся въ промежуткѣ между селеніями Алма-Тамакъ и Бурлюкъ, подошли къ правому берегу рѣки, гдѣ были встрѣчены огнемъ стрѣлковъ и моряковъ, разсыпанныхъ въ садахъ и виноградникахъ. Французы остановились и завязали перестрѣлку, а между тѣмъ, одна батарея дивизіи Канробера [1]), двѣ—принца Наполеона и двѣ конныя батареи, вызванныя изъ резерва, остановившись на правомъ берегу р. Алмы, открыли огонь противъ нашего центра.

Съ первыми ихъ выстрѣлами французы перешли въ наступленіе и атаковали сады. Наши два батальона, разсыпанные почти на протяженіи пяти верстъ, не могли долго удержать непріятеля, тѣмъ болѣе, что

[1]) Другая же батарея была направлена на присоединеніе къ войскамъ Боске.

они къ тому и не предназначались. Оставленные вовсе безъ резервовъ, застрѣльщики назначены были только для первой встрѣчи и для временнаго задержанія непріятеля. Къ тому же въ двухъ ротахъ 6-го стрѣлковаго батальона не достало патроновъ, а отыскать свои патронные ящики стрѣлки не могли. Послѣ перестрѣлки, продолжавшейся не болѣе двадцати минутъ, застрѣльщики отступили за рѣку и стали подыматься на гору. Моментъ этотъ былъ самымъ удобнымъ для непріятеля, чтобы поражать нашихъ стрѣлковъ.

Отступая, застрѣльщики раздѣлились на двѣ части: моряки ушли во вторую боевую линію, а шестой стрѣлковый батальонъ—въ первую, при чемъ первый полубатальонъ отошелъ къ правому флангу нашихъ войскъ, гдѣ и растянулъ свою цѣпь передъ Суздальскимъ полкомъ; второй же полубатальонъ отступилъ на лѣвый флангъ батальоновъ Брестскаго полка и разсыпался въ интервалѣ между этими батальонами и правымъ флангомъ Московскаго полка [1]).

Отступая, стрѣлки зажгли деревню Бурлюкъ и стоги сѣна, накошеннаго въ садахъ. Дымъ отъ пожара закрылъ нашихъ враговъ, которые подходили уже къ переправѣ.

Въ это время маршалъ Сентъ-Арно, находившійся при дивизіи Наполеона, замѣтивъ опасное разъединеніе войскъ Боске и Канробера, усилилъ послѣдняго бригадою д'Ореля и послалъ приказаніе, чтобы Канроберъ вошелъ въ непосредственную связь съ Боске и содѣйствовалъ ему въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Это приказаніе, задержавшее на переправѣ обѣ французскія дивизіи, принудило Канробера подвинуться ближе къ селенію Алма-Тамакъ; къ нему примкнули войска принца Наполеопа, а къ сему послѣднему присоединились англичане.

Такимъ образомъ вся боевая линія союзниковъ подалась влѣво настолько, что англичанамъ невозможно уже было не только предпринять обходъ нашего праваго фланга, но и распространиться до его окончанія изъ опасенія слишкомъ растянуться. Они принуждены были ограничиться фронтальною атакою только части нашего праваго фланга.

Было около двухъ часовъ по полудни, когда англійскіе застрѣльщики, шедшіе на одной линіи съ французами, подошли подъ выстрѣлы

---

[1]) Матеріалы, вып. II, 285.

нашихъ батарей и цѣпи стрѣлковъ, разсыпанной въ садахъ. Боевыя ихъ линіи остановились между селен. Бурлюкъ и Тарханларъ, а двѣ батареи, выѣхавши на позицію, открыли огонь. Въ такомъ невыгодномъ для нихъ положеніи англичане оставались довольно продолжительное время. Лордъ Рагланъ не находилъ нужнымъ торопиться, предпочитая подождать, посмотрѣть, что сдѣлаютъ французы, и затѣмъ уже по подготовленному ими пути двинуть и свои войска. Видя, что войска несутъ огромную потерю отъ огня русскихъ батарей, лордъ Рагланъ приказалъ своей пѣхотѣ лечь и прикрылъ ее густою цѣпью стрѣлковъ.

Будучи вооружены нарѣзными ружьями, англичане производили весьма мѣткую стрѣльбу по нашимъ войскамъ и навыборъ поражали офицеровъ, нижнихъ чиновъ и прислугу при орудіяхъ.

Штуцерной огонь непріятеля производилъ весьма непріятное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ. Не понимая разницы въ вооруженіи, они удивлялись, что непріятельскихъ стрѣлковъ не было видно, а въ нашихъ рядахъ оказывалась убыль. Это особенно дурно дѣйствовало на полки, стоявшіе во второй линіи. Оставаясь въ бездѣйствіи, полки эти почти все время находились подъ самымъ убійственнымъ и учащеннымъ огнемъ непріятеля. Видя, что войска наши построены въ колонны къ атакѣ, англійскіе стрѣлки обстрѣливали преимущественно фланги батальоновъ, отчего мы, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, лишились уже многихъ офицеровъ и большей части ротныхъ командировъ. „Хорошо еще,— говоритъ участникъ,—если находились такіе батальонные командиры, которые рѣшались сами собою переводить батальоны съ мѣста на мѣсто. Это было лучшее средство развлечь людей и избавить ихъ, по крайней мѣрѣ, хоть отъ огня непріятельской артиллеріи. Но были и такіе командиры, которые, оставляя свои батальоны на мѣстѣ, отговаривались тѣмъ, что не получили никакихъ приказаній, изъ опасенія нарушить стройность боеваго порядка и прослыть невѣждами въ тонкомъ знаніи мелочей устава. Этимъ упорствомъ непріятель пользовался какъ нельзя лучше“.

Видя, что французы заняли уже сады и форсируютъ переправу, лордъ Рагланъ двинулъ въ атаку бригаду Кондрингтона [1]), которая,

---

[1]) Изъ легкой дивизіи Броуна.

свернувшись въ колонны, направилась на мостъ, съ цѣлію овладѣть этою переправою.

Пожаръ деревни Бурлюкъ хотя и стѣснялъ движеніе англичанъ, но за то скрывалъ ихъ отъ насъ, такъ какъ дымъ несло прямо въ лицо нашимъ войскамъ. Назначенные для уничтоженія моста саперы замѣтили приближеніе непріятеля слишкомъ поздно, такъ что не успѣли даже испортить моста настолько, чтобы сдѣлать его непроходимымъ. Съ появленіемъ наступающихъ англичанъ въ виду нашихъ войскъ, батареи открыли бѣглый картечный огонь, а штуцерные Бородинскаго и Егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка сосрѣдоточили на мостъ всѣ свои выстрѣлы. Англичане, при обычной ихъ медленности, были не въ силахъ пройти мостъ подъ такимъ убійственнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ 36-ти орудій, смѣшались, понесли значительную потерю и въ безпорядкѣ отступили за селен. Бурлюкъ, оставивъ за каменными оградами садовъ своихъ стрѣлковъ.

Между тѣмъ Канроберъ, получивъ въ подкрѣпленіе бригаду д'Ореля, направилъ всѣ 24 батальона въ уголъ, образовавшійся между Бородинскимъ полкомъ и правымъ флангомъ Московскаго полка. Не встрѣтивъ никакого препятствія, при переправѣ черезъ рѣку, онъ сталъ подыматься на высоты. Войска генерала Кирьякова были уже отведены назадъ и могли оказать сопротивленіе только тогда, когда непріятель поднялся на плато и вошелъ въ непосредственную связь съ войсками дивизіи Боске.

Замѣтивъ появленіе съ правой стороны новыхъ колоннъ непріятеля, Московскій полкъ, подавшись правымъ флангомъ нѣсколько назадъ, открылъ бѣглый огонь противъ войскъ Канробера, который въ то же самое время былъ встрѣченъ и отступавшими войсками генерала Кирьякова, бывшими уже за телеграфомъ. Дѣйствовавшія по войскамъ Боске, батареи лѣваго фланга, перемѣнивъ фронтъ, открыли огонь черезъ головы своихъ войскъ, стрѣляя по наступающей дивизіи Канробера и по войскамъ Боске.

Поднявшись на высоты и, имѣя влѣво отъ себя, саженяхъ въ 350 телеграфъ, первая французская дивизія была осыпана картечью нашихъ батарей, нанесшихъ ей значительное пораженіе. Канроберъ послалъ къ Боске просить прислать ему батарею.

Совокупныя усилія нашихъ батарей и войскъ лѣваго фланга задержали на нѣкоторое время французовъ, но успѣхъ этотъ не могъ быть продолжителенъ, потому, во-первыхъ, что войска Кирьякова не останавливаясь продолжали отступать, а во-вторыхъ и потому, что, какъ только Канроберъ явился на возвышеніяхъ, Боске тотчасъ же отправилъ ему свои батареи, а самъ перешелъ въ наступленіе, двигаясь по направленію къ телеграфной горѣ, съ цѣлію какъ можно скорѣе соединиться съ войсками Канробера, подъ прикрытіемъ которыхъ поднялся и принцъ Наполеонъ. Послѣдній прежде всего выдвинулъ батареи, которыя съ двумя батареями Канробера открыли убійственный огонь по полкамъ Минскому и Московскому. Въ короткое время оба полка потеряли до 1.500 человѣкъ убитыми и ранеными; обѣ батареи 17-й артиллерійской бригады понесли такой уронъ въ людяхъ и лошадяхъ, что принуждены были отступать за пѣхотою, при чемъ орудія везлись на двухъ, а зарядные ящики только на одной лошади. Для дальнѣйшаго дѣйствія противъ непріятеля батареи эти употреблены быть не могли, такъ что дѣйствующею батареею оставалась только одна конная № 12-го батарея[1]).

Подавленные многочисленнымъ врагомъ, полки Минскій и Московскій стали отходить назадъ, и скоро весь лѣвый флангъ оказался въ тылу центра нашей позиціи. Войскъ генерала Кирьякова давно уже не было на позиціи: не имѣя общаго начальника, они отступили прямо къ рѣкѣ Качѣ, оставивъ такимъ образомъ тылъ нашего расположенія и большую Севастопольскую дорогу совершенно открытыми для непріятеля. Телеграфная гора, бывшая самымъ возвышеннымъ пунктомъ нашей позиціи и нашего центра, была занята французами. Этотъ моментъ боя былъ истинно критическій для нашихъ войскъ. Выдвинувъ въ боевую линію турецкія войска, французы вытянулись въ одну линію между

---

[1]) Капитанъ Енишерловъ упоминаетъ о смѣнѣ батарей 17-й артиллерійской бригады двумя донскими батареями, но это положительно не вѣрно, по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Авторъ вовлеченъ былъ въ ошибку журналомъ военныхъ дѣйствій, который для Алминскаго сраженія не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ всѣ оффиціальныя свѣдѣнія объ этомъ сраженіи собирались дней десять спустя и писались людьми, непосредственно не участвовавшими въ дѣлѣ. Самое описаніе сраженія было представлено только въ октябрѣ мѣсяцѣ. См. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. I. Письмо кн. Меншикова Долгорукову 11-го октября.

селеніемъ Аджи-Булатъ и телеграфомъ. Для обезпеченія лѣваго фланга, дивизія Наполеона, перемѣнивъ фронтъ, стала въ двѣ линіи подъ угломъ къ общему расположенію. Бригада Лурмеля заняла промежутокъ между дивизіями Канробера и Боске. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началось общее наступленіе всей французской арміи [1]).

Сосредоточивъ большую часть своихъ силъ на лѣвомъ флангѣ, уже очищенномъ отъ нашихъ войскъ, французы наступали быстро и рѣшительно, угрожая зайти въ тылъ центру, сражавшемуся съ англичанами, и завладѣть дорогою на Севастополь, составлявшею единственный путь для нашего отступленія.

Было необходимо, во что бы то ни стало, остановить здѣсь, хотя на время, наступленіе непріятеля. Видя это, начальникъ артиллеріи генералъ-маіоръ Кишинскій взялъ конно-легкую № 12-го батарею и поставилъ ее на выгодную позицію приблизительно саженяхъ въ 50-ти лѣвѣе большой Севастопольской дороги. Оставленная на этой позиціи совершенно одна безъ всякаго прикрытія, батарея состязалась противъ всѣхъ наступающихъ французскихъ силъ. Впослѣдствіи къ ней присоединилась легкая № 2-го батарея 16-й артиллерійской бригады, вынужденная обстоятельствами оставить свою первоначальную позицію. Такимъ образомъ на этомъ пунктѣ сосредоточилось 20 орудій, усиліямъ и мѣткой стрѣльбѣ которыхъ мы обязаны тѣмъ, что центръ имѣлъ возможность при отступленіи выйти изъ котловины и отступить, не будучи отрѣзаннымъ французами. Здѣсь вторично самоотверженіе артиллеріи спасло нашу армію отъ угрожавшей ей весьма серьезной опасности быть принятою въ два огня: слѣва и отчасти съ тыла французами, а съ фронта—англичанами.

Мы оставили англичанъ въ томъ положеніи, когда они пытались перейти мостъ, но, не будучи въ состояніи выдержать огня нашей артиллеріи и стрѣлковъ, отступили за селен. Бурлюкъ, оставивъ въ садахъ только одныхъ застрѣльщиковъ, завязавшихъ учащенную перестрѣлку съ нашими войсками.

Здѣсь необходимо замѣтить, что на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ занимаемая нами позиція была такова, что мы могли съ успѣхомъ

---

[1]) Тотлебенъ, 183.

бороться съ непріятелемъ, значительно превышавшимъ наши силы. Всѣ выгоды мѣстности были на нашей сторонѣ; мы расположили свои войска заблаговременно и почти весь лѣвый берегъ р. Алмы унизали артиллеріею, частію поставленною за эполементами, а частію прикрытою мѣстностью. Сосредоточенный и хорошо направленный на мостъ огонь нашихъ 36-ти орудій, принимавшихъ непосредственное участіе въ отраженіи первой атаки англичанъ, могъ бы или вовсе остановить переправу ихъ на лѣвый берегъ рѣки, или, по крайней мѣрѣ, надолго задержать ее и нанести значительную потерю.

На дѣлѣ это оказалось не такъ.

Засѣвшіе въ садахъ и прикрытые виноградниками англійскіе стрѣлки наносили ужасный вредъ какъ нашимъ батареямъ, расположеннымъ лѣвѣе Севастопольской дороги, такъ и войскамъ, составлявшимъ ихъ прикрытіе. Въ то же самое время, для подготовленія болѣе вѣрнаго успѣха въ наступленіи, два англійскія орудія, обогнувъ селен. Бурлюкъ, переправились ниже его въ бродъ и, явившись на флангѣ, открыли огонь по нашимъ батареямъ и колоннамъ Бородинскаго полка, расположеннымъ позади легкой № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады. Потеря, понесенная Бородинскимъ полкомъ, и невозможность поражать непріятеля съ дальняго разстоянія заставили полкъ выйти изъ-подъ выстрѣловъ. Это отступленіе принудило всю батарею въ 28-мь орудій, хотя не вдругъ, но постепенно оставить свою позицію. Прежде другихъ должна была сняться съ позиціи легкая № 2-го батарея, какъ бывшая впереди лѣваго фланга этого полка [1]). Командовавшій этою батареею подполковникъ Шпадіеръ, замѣтивъ отступленіе батальоновъ, подскакалъ къ нимъ и убѣдилъ командировъ возвратиться на свои мѣста, гдѣ они и остались нѣкоторое время, до тѣхъ поръ, пока на флангѣ ихъ не появилась французская батарея, выдвинутая на оконечность телеграфной горы. Съ появленіемъ ея Бородинскій полкъ началъ вторично свое движеніе назадъ и затѣмъ уже болѣе не останавливался [2]). Тогда командиръ

---

[1]) Въ сочиненіи генер. Тотлебена сдѣлано обратное наименованіе батарей, что не вѣрно.

[2]) Слова кап. Енишерлова, будто въ этомъ пунктѣ начала отступленіе артиллерія, по причинѣ понесенныхъ ею потерь, лишены всякаго основанія. Не-

легкой № 2-го батареи, видя, что непріятельскія колонны и артиллерія появились уже на флангѣ батареи и при томъ въ весьма недальнемъ разстояніи, затруднялся оставаться на позиціи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣ открытія непріятелемъ флангового огня, въ легкой № 2-го батареѣ былъ взорванъ зарядный ящикъ и подбито три передка. Потерявъ надежду на содѣйствіе пѣхоты,—отступленіемъ своимъ оставившей батарею вовсе безъ прикрытія—подполковникъ Шпадіеръ вынужденъ былъ сняться съ позиціи, а за нимъ снялись четыре орудія батарейной № 1-го батареи и вся легкая № 1-го батарея [1]).

Съ отступленіемъ батарей средства наши къ отраженію атакъ англичанъ были значительно ослаблены и при томъ настолько, что этотъ моментъ можно считать переломомъ нашего боя, въ центрѣ, въ пользу противника.

Естественно, что какъ только англичане замѣтили отступленіе нашихъ батарей и получили въ подкрѣпленіе дивизію герцога Кембриджскаго, они тотчасъ же начали переправу почти всѣми своими силами; на противуположномъ берегу осталась только дивизія Ингленда и артиллерійскій резервъ. Бригада Кондрингтона двинулась по-прежнему на мостъ и, преодолѣвая огонь Егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка и восьми батарейныхъ орудій, стоявшихъ за эполементомъ и сыпавшихъ картечью, англичане черезъ груды тѣлъ своихъ товарищей успѣли переправить одинъ батальонъ на лѣвый берегъ р. Алмы. Замѣтивъ это, князь Горчаковъ приказалъ 3-му и 4-му батальонамъ Михаила Николаевича полка, менѣе другихъ пострадавшимъ отъ непріятельскаго огня, встрѣтить переправившійся батальонъ штыками, а Углицкому полку стать въ балкѣ за лѣвымъ флангомъ эполемента.

Четвертый батальонъ Михаила Николаевича полка съ мѣста двинулся прямо на мостъ и при этомъ движеніи закрылъ собою батарею, которая принуждена была прекратить огонь на довольно продолжи-

---

смотря на понесенныя потери, эта позиціонная батарея могла бы удержаться гораздо долѣе, если бы не была оставлена пѣхотою.

[1]) Разсказъ подполковника Шпадіера. Очеркъ сраженія при р. Алмѣ Николая Веревкина (рукоп.).

тельное время потому, что и 3-й батальонъ того же полка пошелъ по слѣдамъ четвертаго.

Сознавая преимущество своего оружія, англичане не приняли атаки и, не дождавшись удара, быстро отступили за мостъ. Развернувъ свои колонны, они встрѣтили наступавшіе наши батальоны бѣглымъ огнемъ всего фронта. Осыпанные пулями нѣсколькихъ тысячъ стрѣлковъ, наши егеря, въ самое короткое время, лишились своего командира полка полковника Селезнева, двухъ батальонныхъ командировъ, большей части офицеровъ и почти половины нижнихъ чиновъ. Оставшись безъ главныхъ руководителей и не видя непріятеля на своемъ берегу, егеря остановились. Смѣнивъ разстроенные полки дивизіи Броуна свѣжими, англичане перешли въ наступленіе, при чемъ дивизіи Лесси-Эванса и герцога Кембриджскаго двинулись на переправу выше и ниже моста. Батальоны Великаго Князя Михаила Николаевича полка встрѣтили ихъ самымъ частымъ огнемъ, но для атаки въ штыки, послѣ понесенныхъ потерь, оказались весьма слабыми. Явившійся къ егерямъ начальникъ центра и праваго фланга князь П. Д. Горчаковъ видѣлъ, что они не въ состояніи удержать напора усилившагося въ этомъ пунктѣ непріятеля. Оставивъ ихъ поддерживать перестрѣлку, князь Горчаковъ бросился къ 3-му и 4-му батальонамъ Владимірскаго полка, стоявшимъ во второй линіи, позади и лѣвѣе эполемента, и лично повелъ одинъ изъ нихъ въ штыки. Появленіе двухъ батальоновъ Владимірскаго полка задержало англичанъ; они остановились и, подпустивъ владимірцевъ шаговъ на 150, открыли огонь всѣмъ фронтомъ. Съ обѣихъ сторонъ посыпались самые учащенные выстрѣлы, среди которыхъ подъ княземъ Горчаковымъ была убита лошадь.

Въ то время когда лѣвѣе и впереди эполемента происходила столь ожесточенная борьба, правѣе герцогъ Кембриджскій успѣлъ переправить на лѣвый берегъ бригаду Бентинга, появившуюся во флангѣ батальоновъ Владимірскаго и Великаго Князя Михаила Николаевича полковъ. Опасеніе быть обойденными и отрѣзанными заставило наши батальоны отступить, при чемъ егеря Его Высочества полка, а за ними и владимірцы стали отходить по той же дорогѣ, по которой шли въ атаку, т. е. прямо на эполементъ, за которымъ стояли въ бездѣйствіи 8-мь орудій батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерій-

ской бригады. Не имѣя возможности своими выстрѣлами прикрыть отступленіе, батарея сама весьма много терпѣла отъ непріятельскаго ружейнаго огня.

Пользуясь этимъ отступленіемъ и отсутствіемъ артиллерійскаго огня, англичане, поддерживая самую частую стрѣльбу, поспѣшно двинулись прямо къ эполементу. Лишенные начальниковъ и, вѣроятно, руководимые желаніемъ задержать преслѣдовавшаго непріятеля, егеря и владимірцы отступали отстрѣливаясь. Это значительно замедляло ихъ собственное движеніе, нисколько не задерживая непріятеля.

Подойдя на довольно близкое разстояніе къ эполементу, отступавшіе раздались въ стороны и отошли за фланги батареи, которая тотчасъ же осыпала непріятеля картечью, но было уже поздно: англичане находились не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ эполемента. Видя, что непріятель готовъ ворваться на батарею, командиръ 16-й артиллерійской бригады полковникъ Шульманъ приказалъ взять *„на-задки“* и отступать. Штуцерный огонь наступавшаго непріятеля нанесъ этой батареѣ большой уронъ въ людяхъ, такъ что у двухъ орудій всѣ ѣздовые были перебиты. Оставшіяся безъ ѣздовыхъ, лошади двухъ передковъ съ командою *„на-задки“* двинулись вмѣстѣ съ остальными и никѣмъ не удерживаемыя умчались по направленію къ непріятелю; оставшіяся на мѣстѣ орудія были взяты непріятелемъ. Нѣкоторые изъ артиллерійскихъ солдатъ вырвались изъ рукъ уже схватившихъ ихъ англичанъ и впослѣдствіи присоединились къ батареѣ. Вообще батарея эта спаслась отъ плѣна какимъ-то чудомъ. Замѣчательно еще то, что когда она отходила назадъ, то англійскіе стрѣлки двигались почти на одной высотѣ съ батареею, но не покушались овладѣть ею, что̀ однако же имъ легко было сдѣлать [1]).

Вмѣстѣ съ отступленіемъ батареи и остатками 3-го и 4-го батальоновъ владимірцевъ отступили 1-й и 2-й батальоны Егерскаго Михаила Николаевича полка, стоявшіе правѣе эполемента, на мѣстности, открытой для непріятельскихъ выстрѣловъ. Ослабленные потерею людей отъ огня непріятельскихъ штуцерныхъ, они не могли оказать никакого серьезнаго сопротивленія наступленію англичанъ. Послѣдніе тотчасъ же заняли эполементъ и водрузили на немъ свое знамя.

---

[1]) Записки генерала Кишинскаго (рукоп.).

Между тѣмъ нѣсколько ранѣе этого занятія, и именно въ то время, когда два батальона егерей и два батальона Владимірскаго полка начали отступать послѣ атаки, начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Квицинскій двинулъ имъ на помощь два первые батальона Владимірскаго пока (1-й и 2-й), стоявшіе позади эполемента. Съ первымъ движеніемъ этихъ батальоновъ командиръ полка, полковникъ Ковалевъ, былъ раненъ въ грудь пулею навылетъ [1], и полкъ пошелъ въ атаку, лишившись уже своего полковаго командира.

Не обращая вниманія на градъ пуль, осыпаемые выстрѣлами непріятельской батареи, владимірцы молодецки, какъ на ученьи, шли впередъ, взявъ ружья на руку и не дѣлая ни единаго выстрѣла. Страшна была для врага такая живая стѣна штыковъ, двигающихся въ глубокомъ молчаніи. Лордъ Рагланъ со своею свитою съ удивленіемъ смотрѣлъ на молодецкую атаку владимірцевъ.

— Нельзя ли,—сказалъ онъ, обратясь къ артиллерійскимъ офицерамъ,—навести орудія противъ этой лавины.

Это была дѣйствительно лавина, скатившаяся на его войска. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ орудіямъ переправиться черезъ рѣку въ бродъ и стать противъ лѣваго фланга наступающихъ. Не успѣлъ оглянуться непріятель, какъ владимірцы, стремительнымъ ударомъ въ штыки, выбили его изъ укрѣпленія и сами заняли его. Скрывшись за брустверомъ, они открыли губительный огонь по непріятелю, бѣжавшему къ мосту.

Въ это время бой происходилъ только на двухъ пунктахъ: противъ моста дрались владимірцы съ англичанами, а лѣвѣе ихъ минцы и московцы все еще отбивались отъ французовъ. Раненые кучами шли и ползли оттуда на перевязку; многихъ изъ нихъ доколачивали непріятельскіе снаряды.

Овладѣвъ телеграфною горою, маршалъ Сентъ-Арно получилъ извѣстіе, что первая атака англичанъ отбита и что они находятся въ весьма затруднительномъ положеніи, не имѣя возможности переправиться на лѣвый берегъ. Маршалъ тотчасъ же приказалъ двумъ ба-

---

[1]) Пуля попала въ средину георгіевскаго креста.

тареямъ изъ резервной артиллеріи и одной изъ 4-й дивизіи занять позицію на краю оврага, по которому пролегаетъ почтовая Севастопольская дорога, и открыть огонь во флангъ русскимъ войскамъ, защищавшимъ переправу черезъ мостъ. Къ этимъ батареямъ вскорѣ присоединились англійскія орудія, и такимъ образомъ составилась одна общая батарея въ 23 орудія. Огонь этой батареи, дѣйствовавшей во флангъ владимірцамъ и въ разстояніи не далѣе 250 саженъ, ободрилъ англичанъ, только-что выбитыхъ изъ эполемента. Выйдя изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей и поражаемые только немногими остатками штуцерныхъ Владимірскаго полка [1]), англичане, не добѣжавъ до рѣки, стали устраиваться. Лордъ Рагланъ двинулъ впередъ перешедшія въ бродъ остальныя бригады дивизій герцога Кембриджскаго и Лесси Эванса.

Переправившіяся войска англичанъ готовились къ новой атакѣ. Остановить ихъ могъ бы только картечный огонь артиллеріи, но батареи не было, а за эполементомъ оставалось два орудія безъ передковъ, безъ зарядныхъ ящиковъ и безъ зарядовъ; англичане спокойно выстраивали свои батальоны въ двѣ линіи.

Казалось, о Владимірскомъ полку и его положеніи всѣ забыли; никто не спѣшилъ ему на помощь. Стоявшіе правѣе эполемента, Суздальскій полкъ и двѣ батареи 14-й артиллерійской бригады, а позади его Углицкій полкъ, не принимавшій никакого участія въ дѣлѣ, не двигаясь съ мѣста, оставались праздными зрителями геройской борьбы богатыря-полка. Нѣкоторые полагаютъ, что войска эти не могли подать помощи по причинѣ затрудненій въ сообщеніи; мы же не можемъ согласиться съ этимъ и думаемъ, что это произошло отъ другихъ причинъ, отъ которыхъ лѣвый флангъ войскъ Кирьякова отступилъ, не выдержавъ еще удара, донская батарея попала не туда, куда предназначалась; отъ того же, отчего въ войскахъ недоставало патроновъ и проч.—словомъ отъ безначалія и отсутствія единства власти.

Какъ бы то ни было, Владимірскій полкъ былъ оставленъ одинъ

---

[1]) Штуцерные полка Великаго Князя Михаила Николаевича не имѣли патроновъ.

безъ всякаго подкрѣпленія. Жестокій огонь непріятельской цѣпи въ короткое время лишилъ полкъ большей части офицеровъ и начальниковъ. Генералъ-лейтенантъ Квицинскій былъ раненъ. Всѣ лица, окружавшія князя Горчакова, были перебиты или переранены; подъ нимъ самимъ убита лошадь, а шинель его прострѣлена 6-ю пулями.

Несмотря на затруднительное положеніе, въ которомъ находился полкъ, князь Горчаковъ, полагая нелишнимъ принести новую жертву, для удержанія за собою позиціи,—приказалъ владимірцамъ еще разъ ударить въ штыки.

Пользуясь замѣшательствомъ англичанъ, владимірцы, ободряемые примѣромъ начальниковъ и своихъ офицеровъ, съ крикомъ „ура!" быстро выскочили изъ-за укрѣпленія, частію перелѣзли черезъ валъ и безъ выстрѣла кинулись на непріятеля.

Грозная атака нашихъ батальоновъ, эта стальная движущаяся масса храбрецовъ была встрѣчена убійственнымъ батальнымъ огнемъ. Схватиться съ непріятелемъ нашимъ солдатамъ долго не удавалось.

„Неудача повторявшихся нѣсколько разъ отступленій,—говоритъ участникъ,—привела насъ въ состояніе остервенѣнія: солдаты массами безъ команды бросались впередъ и безъ толку лишь гибли бѣдные".

Наконецъ владимірцамъ удалось таки завязать рукопашную схватку. Причиною тому были наши жалонерные значки, принятые англичанами, вѣроятно, за знамена, которыми они желали овладѣть. Бой раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, среди которыхъ бились на смерть остатки храбраго полка, кто штыкомъ, кто прикладомъ [1]). Упорство владимірцевъ было такъ велико, что первая линія англійскихъ батальоновъ дрогнула и стала отступать, но въ это время загремѣлъ противъ наступающихъ частый огонь французскихъ батарей. Поддержанные французами, англичане остановились и открыли огонь, тѣмъ болѣе убійственный, что пространство, раздѣлявшее двухъ противниковъ, не превышало ста саженъ.

Наступалъ переломъ боя. Перекрестные выстрѣлы нѣсколькихъ тысячъ штуцеровъ и французскихъ батарей поражали спереди, съ боку и прочищали ряды владимірцевъ, потерявшихъ въ одно мгно-

---

[1]) Горбуновъ. Рукоп. о Севаст. обор., т. I, 58 и 59.

веніе многія сотни храбрыхъ. Лишившись почти всѣхъ своихъ офицеровъ и не видя близкой помощи, горсть храбрыхъ отступила къ укрѣпленію. По пятамъ за ними двинулись англичане, надѣясь на легкую побѣду. Владимірцы употребляли послѣднія усилія; ряды ихъ рѣдѣли; начальники пали или смертью храбрыхъ, или отнесены тяжело ранеными. Остатки храбраго полка изъ-за укрѣпленія открыли такой убійственный огонь, что многочисленный непріятель принужденъ былъ остановиться.

— Еще одна такая побѣда,—сказалъ герцогъ Кембриджскій,—и у Англіи не будетъ арміи.

Былъ одинъ мигъ, когда колонны англичанъ, въ десятеро сильнѣйшія, казалось, не смѣли атаковать горсти храбрыхъ. Прошло нѣсколько мгновеній, какъ бы похожихъ на продолжительный вздохъ передъ послѣднимъ напоромъ. За этимъ мгновеніемъ, за этимъ кратковременнымъ вздохомъ, послѣдовалъ залпъ всего англійскаго фронта. Владимірцы отвѣчали тѣмъ же, и посыпались съ обѣихъ сторонъ новые и частые выстрѣлы. Французскія батареи дѣйствовали продольно по укрѣпленію, за которымъ скрылись храбрецы, и дорого заплатили владимірцы за тѣ десять—двадцать минутъ, въ продолженіе которыхъ они пытались удержать натискъ болѣе, чѣмъ цѣлой дивизіи англичанъ. Владимірцы не считали павшихъ за родину, не считали и оставшихся въ живыхъ, они сильны были не числомъ, а духомъ. Послѣдніе вздохи героевъ были тяжелы для непріятеля, дорого покупавшаго каждый шагъ земли русской, за которую стояли богатыри-сыны ея, отбиваясь до тѣхъ поръ, пока справа и слѣва не появились свѣжія непріятельскія войска, окончательно овладѣвшія переправою. Бригада Колинъ-Кемпбеля [1]) угрожала эполементу обходомъ его съ праваго фланга, дивизія принца Наполеона приближалась слѣва и готова была отрѣзать Севастопольскую дорогу, а съ фронта дивизіи Броуна, Эванса и герцога Кембриджскаго осыпали полкъ градомъ штуцерныхъ пуль и гранатъ. При такихъ условіяхъ дать себя окружить, быть отрѣзаннымъ отъ арміи и разстрѣляннымъ многочисленнымъ непріятелемъ—было бы крайне неблагоразумно. Видя без-

---

[1]) Изъ дивизіи герцога Кембриджскаго.

выходное положеніе Владимірскаго полка, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Квицинскій, бывшій въ эполементѣ все время съ полкомъ, приказалъ имъ отступать, но въ это время раненый тремя штуцерными пулями упалъ съ лошади. При отступленіи наши солдаты пытались было спасти орудія, но безуспѣшно. Одно изъ нихъ люди пробовали тащить въ гору, но по тяжести его и большой убыли въ рядахъ принуждены были бросить; другое орудіе было оставлено на мѣстѣ, такъ какъ англичане уже ворвались въ эполементъ.

Владимірцы покинули укрѣпленіе, имѣя въ своихъ рядахъ только одного штабъ-офицера, двухъ ротныхъ командировъ и семь оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были ранены. Въ каждомъ изъ своихъ батальоновъ они могли насчитать не болѣе какъ по 200 человѣкъ солдатъ, оставшихся въ строю. Во время своего геройскаго дѣйствія полкъ лишился 1.260 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 30 офицеровъ, 14 ротныхъ, трехъ батальонныхъ и полковаго командира. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Квицинскій и командиръ бригады генералъ-маіоръ Щелкановъ были тяжело ранены. Послѣдній отказался отъ того, чтобы его несли на перевязочный пунктъ.

— Оставьте меня здѣсь, ребята,—сказалъ онъ подбѣжавшимъ къ нему владимірцамъ,—умирать все равно, гдѣ бы то ни было; идите лучше къ начальнику дивизіи—его спасите.

Въ это время фельдфебель 3-й роты Алексѣй Николаевъ [1]) увидѣлъ начальника дивизіи лежащимъ въ эполементѣ, взвалилъ его себѣ на плечи и понесъ вслѣдъ за отступающимъ полкомъ. Пули градомъ летѣли со всѣхъ сторонъ, и генералъ Квицинскій получилъ новую рану въ правую руку. Въ это время къ Николаеву подошелъ маіоръ Никольскій и помогъ ему уложить раненаго на носилки, составленныя изъ ружей, перевязанныхъ подтяжками, которыя снялъ съ себя Николаевъ [2]).

Какъ бы утомленный геройскимъ сопротивленіемъ этой горсти богатырей Россіи, непріятель не преслѣдовалъ остатки храбраго полка,

---

[1]) Впослѣдствіи поручикъ въ отставкѣ, удостоенный за этотъ подвигъ ордена св. Георгія 4-й степени.

[2]) Записка Николаева (рукоп.). Воспом. о Крымской войнѣ (рукоп.).

къ которому скоро присоединился также сильно разстроенный полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Подъ прикрытіемъ Углицкаго полка остатки полковъ Владимірскаго и Великаго Князя Михаила Николаевича стали подыматься въ гору по дорогѣ, пролегавшей за правымъ флангомъ Углицкаго полка.

„Едва поднялись—пишетъ одинъ изъ владимірцевъ [1]),—остатки храбраго, но несчастнаго полка на высоты, какъ насъ обдало въ тылъ градомъ пуль. Оставляя на пути умирающихъ, тяжело раненыхъ, едва тащившихся солдатъ, мы услышали барабанный бой. Это былъ сигналъ у непріятеля, занявшаго нашу позицію и ударившаго отбой; мы же сочли это за преслѣдованіе и съ большою поспѣшностію, бросая на пути ранцы, аммуницію и даже оружіе, спѣшили удалиться отъ мнимаго преслѣдованія“.

Вмѣстѣ съ отступленіемъ Владимірскаго полка князь Меншиковъ, видя, что нѣтъ средствъ возстановить сраженіе въ нашу пользу, и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Севастополя, приказалъ князю Горчакову распорядиться отступленіемъ стоявшихъ на правомъ флангѣ нашего расположенія Суздальскаго полка и двухъ легкихъ № 3-го и 4-го батарей 14-й артиллерійской бригады.

Съ отступленіемъ этихъ послѣднихъ войскъ англичане втащили нѣсколько орудій на гору, гдѣ стоялъ Суздальскій полкъ, и открыли по отступавшимъ полкамъ штуцерной и артиллерійскій огонь, отъ котораго Углицкій полкъ, пока взбирался въ гору, потерялъ болѣе ста человѣкъ. Когда же наши войска вышли изъ-подъ выстрѣловъ батареи, тогда англичане прекратили огонь [2]). Одновременно съ Владимірскимъ полкомъ войска лѣваго фланга (Московскій и Минскій полки съ двумя батареями артиллеріи) отошли за селеніе Аджи-Булатъ (Улукулъ), по направленію къ большой Севастопольской дорогѣ.

Чтобы прикрыть общее отступленіе всѣхъ войскъ и занять промежутокъ, образовавшійся между двумя группами отступающихъ, начальникъ артиллеріи генералъ-маіоръ Кишинскій поставилъ на воз-

---

[1]) Воспоминанія Горбунова. Сборникъ рукописей, вып. I, 60.

[2]) Енершеловъ. Матер. для исторіи Крымской войны, выпускъ II 295.

вышеніи близъ того мѣста, гдѣ до начала сраженія стоялъ главный резервъ, менѣе другихъ пострадавшую конно-батарейную № 12-го батарею и двѣ легкія № 3-го и 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады, до сихъ поръ почти не принимавшія участія въ сраженіи. Прикрытыя Волынскимъ полкомъ, стоявшимъ лѣвѣе Севастопольской дороги, батареи эти тотчасъ же открыли огонь. Къ нимъ присоединилась впослѣдствіи не бывшая до сихъ поръ на театрѣ дѣйствій гусарская бригада и казаки. Гусары расположились правѣе Севастопольской дороги, а еще правѣе стали казаки.

„По отступленіи,—пишетъ генералъ Кишинскій [1]),—войскъ центра и праваго фланга на высоты, гдѣ до самой рѣки Качи разстилалась равнина съ небольшими возвышенностями, неожиданно все приняло другой порядокъ. Не разстроенные полки: Суздальскій, Углицкій, два батальона Бородинскаго и части другихъ съ артиллеріею въ промежуткахъ, составили, по самому уже направленію съ позиціи и времени отступленія, видъ правильнаго шахматнаго движенія назадъ. Присоединившаяся къ нимъ кавалерія, которая откуда-то выѣхала намъ навстрѣчу, окончательно придала общему отступленію видъ стройный и грозный“.

Въ такомъ положеніи застали насъ сумерки; видя это, непріятель остался въ заблужденіи на счетъ нашего общаго разстройства и преслѣдовать насъ не рѣшился. Англичане покушались было на преслѣдованіе и выдвинули впередъ свою кавалерію, но, будучи встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ нашего арріергарда, остановились, и прекратили наступленіе.

Причина, почему союзники не преслѣдовали нашей арміи, состояла изъ совокупности многихъ частныхъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшими были: полное незнаніе страны театра дѣйствій [2]), геройское сопротивленіе нашихъ полковъ, утомленіе собственныхъ, отсутствіе достаточнаго числа кавалеріи, опасеніе, двинувшись въ степь, оставить свои войска безъ воды, или встрѣтить новое сопротивленіе со стороны русскихъ въ какой-либо укрѣпленной позиціи и наконецъ болѣзнь

---

[1]) Записки генерала Кишинскаго (рукоп.).

[2]) Всѣ французскіе писатели сознаются въ этомъ, а англійскій историкъ Кинглэкъ говоритъ объ этомъ съ нѣкоторою насмѣшкою.

маршала Сентъ-Арно, которая по необходимости должна была отозваться на дѣятельности всей арміи, такъ какъ онъ сохранялъ между союзниками первенство въ командованіи.

Если во время сраженія армія наша не была разобщена и путь отступленія одному изъ фланговъ не былъ отрѣзанъ, то князь Меншиковъ обязанъ тѣмъ ветхости союзныхъ главнокомандующихъ и въ особенности неопытности маршала Сентъ-Арно. Вводя въ бой, постепенно, одну дивизію за другою, маршалъ не сообразилъ, что, не останавливаясь для помощи англичанамъ, а двинувши двѣ и даже всѣ три дивизіи вдругъ, онъ могъ бы захватить Севастопольскую дорогу и, черезъ то, или разобщить наши фланги, отрѣзавъ одному изъ нихъ путь отступленія, или отбросить лѣвый флангъ на правый. Во всякомъ же случаѣ быстрое движеніе одной только дивизіи принца Наполеона, по направленію къ Севастопольской дорогѣ, ставило уже кн. Меншикова въ крайне затруднительное положеніе и заставило бы его отказаться отъ борьбы съ англичанами. Но маршалъ не думалъ ни о побѣдѣ, ни о преслѣдованіи; онъ находилъ, что на первый разъ достаточно выиграть сраженіе, которое служило бы какъ ободряющее средство, для дальнѣйшаго движенія арміи. Достигнувъ главной своей цѣли, т. е. выигравъ сраженіе, Сентъ-Арно, по свидѣтельству французскихъ историковъ, прежде всего позаботился о томъ, чтобы разбить свою палатку, близъ телеграфа, на томъ мѣстѣ, гдѣ будто бы стояла, за нѣсколько часовъ, палатка князя Меншикови [1]); написалъ хвастливое и ложное донесеніе императору и затѣмъ успокоился, не входя ни въ какія ни тактическія, ни стратегическія соображенія. Онъ, какъ увидимъ ниже, не зналъ даже, куда отступилъ кн. Меншиковъ—въ Севастополь или къ Бахчисараю.

Такъ кончилось, около 7-ми часовъ по полудни, Алминское сраженіе, въ которомъ, въ теченіе четырехъ часовъ, часть русской арміи удерживала своею грудью гораздо многочисленнѣйшаго и лучше вооруженнаго непріятеля. Войска наши тянулись къ р. Качѣ, оставивъ на Алмѣ убитыми, ранеными и контуженными 5 генераловъ, 23 штабъ - офицера, 170 человѣкъ оберъ-офицеровъ и 5.511 чело-

---

[1]) Палатка эта, какъ мы уже знаемъ была разбита на другомъ мѣстѣ.

*

вѣкъ нижнихъ чиновъ. Потеря союзниковъ была также немалочисленна: она доходила до 3.500 человѣкъ выбывшихъ изъ строя, при чемъ большая половина—около 2.000 человѣкъ приходилась на долю англичанъ.

Поле битвы было покрыто ранеными и умирающими, которые, посреди стоновъ, просили кто лѣкаря, кто хоть немного воды, чтобы обмыть раны и утолить жажду. Повсюду видны были обломки оружія, изорванныя на части тѣла и кучки людей и лошадей, плавающихъ въ крови. Все поле сраженія изборождено было ядрами, и не было на немъ ни одного мѣста, гдѣ бы глазъ не увидѣлъ искалѣченнаго трупа, своего или непріятельскаго. Счастливъ былъ тотъ, кто не узнавалъ въ убитыхъ брата, родственника или друга. Сотни хищныхъ птицъ, привлеченныя запахомъ труповъ, слетались отовсюду, и пронзительные крики ихъ мѣшались со стономъ раненыхъ. Длинные ряды лошаковъ перевозили на суда раненыхъ французовъ, англичанъ и русскихъ. По всему полю, на мѣстѣ бывшаго сраженія, замѣтно было усиленное движеніе: тамъ хоронили павшихъ, собирали окровавленные и разбросанные члены человѣческаго тѣла; здѣсь собирали изодранную одежду и изломанное оружіе. Сложивъ ихъ въ одну кучу, предавали пламени.....

А между тѣмъ рѣка Алма, равнодушная къ событію, пріобрѣвшая извѣстность въ сердцѣ русскаго народа, катила по-прежнему свои мутныя воды въ море, подъ кущами зелени и виноградниковъ, измятыхъ и поломанныхъ проходившими войсками, подъ деревьями, обезображенными и расщепленными пролетавшими снарядами..... И долго потомъ мѣсто это сохраняло слѣды страшнаго побоища. Изрытая ядрами земля, разсыпанные патроны, валяющіеся повсюду осколки гранатъ, обломки оружія, брошенные русскіе ранцы, французскія эполеты — были краснорѣчивыми свидѣтелями того, что бой былъ упорный. Развалины Бурлюкскаго селенія и свѣжія песчаныя могилы довершали печальную картину окружной мѣстности.....

Смотря на эту картину разрушенія, какъ не сказать о святости призванія воина, который идетъ на страданія, увѣчье и полагаетъ жизнь свою въ защиту родины, для блага и счастія остающихся въ живыхъ его соотечественниковъ. Не лежитъ ли на совѣсти каждаго

изъ мирныхъ гражданъ обязанность почтить павшихъ теплою молитвою, изувѣченныхъ и раненыхъ успокоеніемъ и присмотромъ, а оставшихся въ живыхъ—должнымъ уваженіемъ. Благо тому, кто, сознавая эти обязанности, спѣшитъ на помощь страдающему за него брату,—привѣтъ ему и благодарность.

Кончилось дѣло. Велики были наши потери, много было увѣчныхъ и раненыхъ. Первое столкновеніе наше съ непріятелемъ было неудачно—Алминское сраженіе было нами проиграно, но оно указало непріятелю на геройскую стойкость и самоотверженіе русскаго солдата.

— Отчего же, при такой стойкости, сраженіе на Алмѣ было неудачно?—спрашивали всѣ.

— Оттого,—отвѣчаетъ участникъ боя,—что никто не то чтобы не хотѣлъ, но не умѣлъ приказывать.

„День 8-го сентября,—пишетъ генералъ Кишинскій,—останется участвовавшимъ въ немъ на всегда памятнымъ своимъ безпорядкомъ и поучительнымъ относительно неумѣнья выбирать главныхъ начальниковъ“.

Всматриваясь въ причины нашихъ неудачъ въ Алминскомъ сраженіи, мы приходимъ къ заключенію, что онѣ главнѣйшимъ образомъ заключались:

Въ отсутствіи всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящихъ дѣйствій: никто не зналъ, что предпринять въ случаѣ успѣха и куда отступать въ случаѣ неудачи; полки не знали, гдѣ ихъ патронные ящики, гдѣ лазаретныя фуры и проч. Отъ командующаго войсками никто не получалъ никакихъ приказаній; перевязочные пункты не были назначены, и госпитальная часть находилась въ полномъ разстройствѣ.

Назначая князя Горчакова начальникомъ центра и праваго фланга, а Кирьякова—лѣваго крыла, князь Меншиковъ не разграничилъ ихъ точнымъ образомъ, такъ что оба эти генерала, спустя два года послѣ сраженія, спорили о томъ, подъ чьимъ начальствомъ находился Бородинскій полкъ; ни тотъ, ни другой не признавали его входящимъ въ составъ подчиненныхъ имъ войскъ. Неточность и неопредѣленность распоряженій, предшествовавшихъ сраженію, были поводомъ къ тому,

что князь Горчаковъ и генералъ Кирьяковъ не согласовали между собою дѣйствій: одинъ не зналъ, что дѣлается у другаго, и наоборотъ.

Отсутствіе общаго распорядителя вело къ произволу, среди котораго каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію: одни отступали въ то время, когда другіе наступали. Такъ раннее отступленіе войскъ, стоявшихъ лѣвѣе Севастопольской дороги, дозволило дивизіямъ Канробера и принца Наполеона почти безъ всякихъ затрудненій переправиться на нашъ берегъ Алмы.

При томъ же отсутствіи общаго руководителя многіе полки вовсе не были введены въ дѣло. Таковы были полки Тарутинскій, Суздальскій, Углицкій, Волынскій, вся кавалерія и двѣ батареи 14-й артиллерійской бригады. Какъ будто всѣми забытые, полки эти простояли на мѣстахъ все время сраженія и, не принимая участія въ дѣйствіяхъ, все-таки понесли потери убитыми и ранеными. „Въ нашъ батальонъ (Тарутинскаго полка),—пишетъ участникъ,—ни разу не привозили приказанія отступать и даже вовсе не было никакихъ приказаній, съ самаго начала боя“ [1]).

Вообще слѣдя за ходомъ сраженія, можно замѣтить, что ближайшіе къ атакованному пункту полки часто оставлялись на мѣстѣ въ полномъ бездѣйствіи, а полки болѣе удаленные выводились изъ резерва и конечно приходили не во́-время—опаздывали. Такъ для подкрѣпленія крайняго лѣваго фланга, были отправлены три батальона Минскаго полка изъ резерва, тогда какъ ближайшій къ лѣвому флангу Тарутинскій полкъ былъ оставленъ на мѣстѣ. Подоспѣй во́-время на помощь Тарутинскій полкъ, намъ, можетъ быть, удалось бы сбросить колонны Боске съ высотъ и дать иной оборотъ дѣлу, тѣмъ болѣе, что мѣстность благопріятствовала оборонѣ.

Въ этомъ отношеніи рѣдкая позиція можетъ быть благопріятнѣе Алминской для защиты ея, при правильномъ занятіи войсками. Князь Меншиковъ самъ признавалъ, что лучшей позиціи не было на всемъ прибрежьѣ [2]). Отъ насъ совершенно зависѣло не растягивать фронта влѣво, къ морю, и въ то же время сдѣлать обходъ его невозможнымъ,—

---

[1]) Матер., вып. IV, 146.

[2]) Записка кн. Меншикова. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4270.

но мы не умѣли воспользоваться всѣми выгодами, которыя представляла мѣстность. При должномъ размѣщеніи войскъ, растянутость нашей позиціи не должна была имѣть вреднаго вліянія на исходъ дѣла потому, что пространство отъ мыса до оврага противъ селенія Алма-Тамакъ могло быть защищено весьма небольшимъ числомъ войскъ. Не сдѣлавъ этого и не воспользовавшись мѣстностью, мы напротивъ того всѣ выгоды ея какъ бы съ намѣреніемъ обратили въ собственный ущербъ.

„Подробности несчастнаго сраженія 8-го (20-го сентября),—писалъ императоръ князю Варшавскому [1]),—кажется, ясно указываютъ, что главною причиною неудачи было ошибочное расположеніе войскъ на избранной позиціи".

Самыя тяжкія потери этого дня относятся ко времени подъема нашихъ войскъ снизу наверхъ. На лѣвомъ флангѣ батальонъ Московскаго полка, въ центрѣ Бородинскій полкъ, а на правомъ флангѣ роты сапернаго и 6-го стрѣлковаго батальоновъ принуждены были побросать свои ранцы, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли, чтобы только скорѣе подняться на гору.

При такихъ условіяхъ, даже при одинаковомъ вооруженіи, всѣ выгоды находились на сторонѣ союзниковъ, а если вспомнить при этомъ, что большинство нашихъ войскъ были вооружены гладкоствольнымъ оружіемъ, а союзники—нарѣзнымъ, то неравенство положеній дѣлается еще болѣе рѣзкимъ. Наша пѣхота могла открывать огонь, съ увѣренностью въ его дѣйствительности, только на 300 шаговъ, тогда какъ непріятель открывалъ огонь по нашимъ войскамъ съ разстоянія 1.200 шаговъ и болѣе. Находясь внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ, непріятельскіе стрѣлки съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностію били навыборъ. Въ нашихъ войскахъ, принимавшихъ участіе въ Алминскомъ сраженіи, были вооружены штуцерами: 6-й стрѣлковый и морской батальоны и при каждомъ полку по 96-ти человѣкъ, составлявшихъ особую команду. Слѣдовательно, все число штуцерныхъ доходило до 2.000 человѣкъ [2]). Сосредоточивъ ихъ на болѣе важныхъ пунктахъ, мы

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го сентября.

[2]) 16-я пѣхотная дивизія имѣла 380 штуцерныхъ, бригады 14-й и 17-й

могли бы уравновѣсить бой и встрѣтить непріятеля съ дальней дистанціи огнемъ не менѣе сильнымъ и смертоноснымъ, но этого сдѣлано не было. Штуцерные, дѣйствуя съ застрѣльщиками своихъ полковъ, были разбросаны частію по всему пространству, а частію вовсе не были употреблены въ дѣло, такъ какъ полки, въ которыхъ они находились, оставались въ бездѣйствіи. Стрѣлковый же батальонъ, вмѣсто назначенія исключительно для защиты моста, былъ разбросанъ также вдоль всей позиціи.

Оставленіе лѣваго фланга вовсе безъ обороны дозволило Боске безъ затрудненій переправиться на лѣвый берегъ и подняться на высоты. Появленіе его колоннъ на флангѣ нашего расположенія рѣшило судьбу сраженія. Укрѣпивъ, какъ сказано выше, лѣвый флангъ и позицію, занятую резервными батальонами, мы заставили бы непріятеля атаковать насъ тамъ, гдѣ всходы были удобнѣе—слѣдовательно, удалили бы мѣсто боя по крайней мѣрѣ версты на четыре отъ моря и могли сосредоточить свои войска на остальныхъ трехъ верстахъ занятой нами позиціи. Такимъ образомъ мы могли бы уничтожить одну изъ главныхъ невыгодъ—растянутость позиціи.

Атаки противъ англичанъ носятъ на себѣ отпечатокъ частныхъ схватокъ войскъ ближайшихъ къ наиболѣе угрожаемому пункту. Атаки эти были не подготовлены, оттого произведены малыми силами, безъ всякой поддержки со стороны остальныхъ войскъ. Если бы мы допустили переправиться подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ большее число англійскихъ войскъ и затѣмъ атаковали ихъ не двумя только батальонами егерскаго Великаго Князя Михаила Николаевича полка, а напримѣръ двумя полками, поддержанными резервами, тогда въ правѣ были бы надѣяться на бо̀льшій успѣхъ. Разстроенные сильнымъ картечнымъ огнемъ и атакованные двумя полками, англичане принуждены были бы отступить и конечно не могли бы ускользнуть всѣ по мосту, какъ ускользнулъ одинъ ихъ батальонъ; оставшіеся на нашемъ берегу погибли бы на штыкахъ нашихъ солдатъ. Атака двухъ батальоповъ егерей, ничѣмъ не подготовленная и при томъ не усиленная своевременно подкрѣпленіями,

---

пѣхотныхъ дивизій по 190, резервные батальоны 13-й пѣхотн. дивизіи 90, 6-ой стрѣлков. 600 и морской 600—всего 2.050 челов. отличныхъ стрѣлковъ.

привела только къ огромнымъ потерямъ, понесеннымъ обоими батальонами. Владимірскій же полкъ бросился въ атаку по частямъ и экспромптомъ, по личной энергіи кн. Горчакова и генерала Квицинскаго, и остался точно также безъ всякой поддержки. Увлеченіе боемъ князя Горчакова объясняетъ причину, почему нѣкоторые полки праваго фланга не приняли никакого участія въ судьбѣ сраженія. Увлеченіе и самоотверженіе—качества весьма похвальныя въ частномъ начальникѣ, будутъ всегда укоромъ для лица, командующаго цѣлымъ отрядомъ. Вмѣсто того, чтобы, оставаясь на гребнѣ высотъ, управлять общимъ ходомъ дѣла, кн. Горчаковъ спустился къ рѣкѣ, увлекся сраженіемъ и забылъ объ остальныхъ войскахъ, которыя могли бы принести бо̀льшую пользу, чѣмъ, оставаясь на мѣстѣ, нести потери.

Наша кавалерія простояла все время сраженія въ полномъ бездѣйствіи, тогда какъ, пользуясь ея численнымъ превосходствомъ надъ кавалеріею союзниковъ, мы могли бы употребить ее съ значительною для себя пользою. Если бы мы переправили ее въ бродъ, на правый берегъ р. Алмы, выше селенія Тарханларъ и, перемѣнивъ фронтъ, атаковали, или по крайней мѣрѣ угрожали атакою лѣвому флангу англійской пѣхоты, то атаки англичанъ были бы не такъ стремительны и упорны. Во всякомъ случаѣ англійская пѣхота, только въ ожиданіи атаки нашей кавалеріи должна была бы останавливаться и перестраиваться; всякая же остановка непріятеля была выгодна для насъ и стоила бы ему значительныхъ потерь, причиняемыхъ огнемъ нашей артиллеріи.

Медленность, которую оказывали англичане передъ началомъ сраженія, задерживала французовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Меншиковъ видѣлъ приближеніе войскъ Боске за нѣсколько часовъ до начала сраженія, и потому онъ имѣлъ полную возможность усилить свой лѣвый флангъ во̀-время. Не сдѣлавъ никакихъ распоряженій въ этомъ отношеніи, командующій войсками показывалъ тѣмъ, что не придаетъ того значенія, которое имѣлъ лѣвый флангъ на общій ходъ сраженія, а опасается болѣе всего обхода праваго фланга. Опасеніе это было совершенно не основательно и вотъ почему.

Число союзныхъ войскъ, по первымъ, конечно, преувеличеннымъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ нашей главной квартирѣ, простиралось отъ 70-ти до 80-ти тысячъ человѣкъ. Предположивъ, что эта цифра вѣрна, князь

Меншиковъ зналъ, что союзники не имѣютъ ни кавалеріи, ни перевозочныхъ средствъ, слѣдовательно, не могутъ отдалиться отъ главнаго базиса своихъ дѣйствій—отъ моря. Ему было извѣстно, что пространство отъ моря до крайней части нашихъ войскъ, поставленныхъ на правомъ флангѣ, простиралось болѣе чѣмъ на семь верстъ. Слѣдовательно, съ того момента, когда онъ замѣтилъ движеніе войскъ дивизіи Боске и турецкаго контингента возлѣ самаго берега моря, онъ долженъ былъ убѣдиться, что союзники не въ силахъ его обойти съ обоихъ фланговъ безъ разрыва своего фронта и безъ опасенія быть разбитыми по частямъ. При такомъ способѣ дѣйствій наибольшая опасность угрожала бы англичанамъ быть отброшенными внутрь страны и очутиться въ степи безъ всякихъ средствъ къ существованію. Лордъ Рагланъ сознавалъ это очень хорошо и потому медлилъ наступленіемъ, говоря своимъ окружающимъ, что атака съ обоихъ фланговъ весьма рискованное предпріятіе. Наконецъ, допустивъ, что союзники атаковали бы насъ одновременно съ обоихъ фланговъ, то и тогда командующій войсками всегда имѣлъ полную возможность сохранить сообщеніе съ Севастополемъ, отступивъ по Севастопольской дорогѣ, находившейся въ центрѣ его расположенія. Отступая, онъ имѣлъ за собою еще двѣ укрѣпленныя позиціи, которыя противнику пришлось бы брать съ боя и съ большими потерями.

Въ заключеніе мы должны сказать, что избранная на Алмѣ позиція была такова, что послѣ сраженія нашимъ войскамъ приходилось отступать во всякомъ случаѣ: одержали ли бы они побѣду или потерпѣли неудачу. Дѣйствительно, что могъ предпринять кн. Меншиковъ въ случаѣ успѣха? Если бы ему удалось сбросить отрядъ Боске съ высотъ, если бы онъ былъ въ силахъ не допустить дивизіи Канробера, принца Наполеона и англичанъ переправиться на нашъ берегъ, то и тогда онъ не въ состояніи бы былъ перейти въ наступленіе. Принять на себя роль атакующаго, съ половиннымъ числомъ войскъ, противъ тѣхъ, которыми владѣлъ непріятель, имѣя передъ собою рѣку и закрытія, за которыми укрылись непріятельскіе стрѣлки и ихъ резервы,—не значило ли идти на вѣрную неудачу. Оставаться па мѣстѣ также не было никакой цѣли, потому что потерпѣвшій въ первый разъ неудачу непріятель, пользуясь своею многочисленностію, не преминулъ бы атаковать насъ вторично. Побѣда и овладѣніе полемъ сраженія были важны для союзниковъ, тогда какъ для насъ удержаніе позиціи не имѣло никакого значенія. Лишен-

ные возможности перейти въ наступленіе, т. е. воспользоваться послѣдствіями побѣды, мы не могли спасти Севастополя отъ осады. Мы могли бороться на Алмѣ два и пожалуй три дня и въ концѣ концовъ принуждены были бы отступить. Самъ князь Меншиковъ не разсчитывалъ переходить въ наступленіе и, собирая полки на р. Алмѣ, онъ какъ бы приводилъ въ исполненіе ту мысль, которую высказалъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. Онъ не искалъ побѣды, но хотѣлъ задержать непріятеля въ трехъ послѣдовательныхъ и весьма сильныхъ позиціяхъ: на р. Алмѣ, Качѣ и Бельбекѣ, съ тѣмъ чтобы допустить его къ Севастополю ослабленнымъ значительными потерями. Задерживая непріятеля, онъ выигрывалъ время и надѣялся на полученіе подкрѣпленій.

Одно Алминское сраженіе, безъ ожидаемыхъ отъ него послѣдствій, не имѣло для насъ никакого, ни стратегическаго, ни тактическаго значенія, но благодаря необыкновенной стойкости нашихъ войскъ, сраженіе это замѣчательно нравственнымъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ военныхъ дѣйствій. Далеко превосходя насъ численностью и совершенствомъ оружія, союзники шли въ бой самонадѣянно и смѣло. Они выиграли сраженіе—это правда, но выигрышъ этотъ купили дорогою цѣною—большою потерею лучшихъ своихъ войскъ. Стойкость, мужество и храбрость русскаго солдата возбудили глубокое уваженіе къ нему самихъ противниковъ. Они видѣли, что всѣ полки, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, оказали чудеса храбрости; что всѣ частные начальники, полковые и батальонные командиры лично водили ихъ въ штыки и умирали передъ колоннами. Это имѣло такое сильное нравственное вліяніе на англо-французовъ, что самодѣянность смѣнилась осторожностью, какъ слѣдствіемъ глубокаго уваженія къ доблестямъ русскаго солдата.

Оставляя поле сраженія, войска наши потянулись по направленію къ Качѣ. Они шли быстро, ни кѣмъ не руководимыя, отдѣльными частями, перегоняя другъ друга и торопясь все впередъ и впередъ, „не зная,—говоритъ участникъ [1]),—ни пути, ни цѣли нашего движенія: шли на удачу, по слѣдамъ попадавшихся на дорогѣ труповъ, обломковъ оружія

---

[1]) Воспоминанія Горбунова. Рукописи о Севастопольской оборонѣ, вып. I стр. 60.

и аммуниціи и на утро достигли Севастополя". Нѣкоторые полки остались ночевать на Качѣ, другіе слѣдовали прямо къ Севастополю. Такъ Тарутинскій полкъ достигъ до Севастополя въ полночь съ 8-го на 9-е сентября, а Владимірскій явился туда раннимъ утромъ 9-го сентября. На пути къ отступавшимъ присоединялись товарищи, цѣлыми кучками, или по одиночкѣ. Были и такіе, которые присоединились къ своимъ полкамъ только на третій день [1]). Многіе солдаты приходили въ сѣверное укрѣпленіе и, не найдя своихъ полковъ, снова уходили на Качу. На пути слѣдованія люди отыскивали себѣ пищу, грабили, разбивали кабаки—словомъ мародерствовали [2]).

Твердая вѣра въ силу русскаго оружія удержала жителей роскошныхъ долинъ Качи и Бельбека отъ бѣгства до самаго дня Алминскаго сраженія, такъ что многіе оставили свои жилища тогда только, когда узнали о неудачѣ нашей отъ раненыхъ, приходившихъ въ изнеможеніи искать пріюта.

Пораженные неожиданнымъ исходомъ сраженія и объятые паническимъ страхомъ, владѣльцы уѣхали изъ своихъ помѣстій, не успѣвъ не только забрать съ собою, но и спрятать свое имущество въ безопасное мѣсто. „Не рѣдко, входя въ домъ, войска находили въ немъ всѣ признаки присутствія его обитателей, но въ домѣ не было никого—всѣ бѣжали за нѣсколько минутъ до этого. Такимъ образомъ своевольнымъ дѣйствіямъ войскъ было полное раздолье. Казаки въ особенности предавались грабежу; они ничего не щадили. Найдя дома запертыми и заколоченными, они ломали двери, били окна, врывались въ комнаты, забирали все, что могли захватить съ собой. Предполагая, что жители оставили въ своихъ домахъ спрятанными деньги, брилліанты и другія драгоцѣнныя вещи, солдаты разрывали и ломали все, что имъ попадалось; даже подушки въ диванахъ, креслахъ и стульяхъ, были разрѣзаны и разворочены. Книги изъ библіотекъ были разбросаны и разорваны. Большія зеркала, казалось, не нужныя солдату, но и тѣ были разбиты для того только, чтобы положить въ карманъ какой-нибудь обломокъ и во время похода пользоваться имъ для своего туалета. Въ

---

[1]) Воспоминанія Горбунова. Рукописи о Севастопольской оборонѣ, т. I, стр. 61.

[2]) Приложеніе № 7-й.

это время года сады были наполнены плодами и на поляхъ собранъ былъ хлѣбъ. Плоды были съѣдены, а хлѣбъ сожженъ, чтобы не достался непріятелю [1]). „Забравшись на дачу Потемкиныхъ, солдаты перебили зеркала, посуду, изрубили рояль, экипажи и мебель“ [2]).

Главнокомандующій не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно отступленія, и полки, двигаясь по направленію къ Качѣ, руководились въ этомъ только тѣмъ, что шли на соединеніе съ своими обозами, которые были туда отправлены еще до начала сраженія. Они расположились на правомъ берегу рѣки въ двухъ колоннахъ: одна близъ главной Севастопольской дороги, другая близъ деревни Эфенди-Кой. Отсутствіе при арміи не только полевой полиціи, но и лица, исполнявшаго обязанность генералъ-вагенмейстера, было причиною того, что и здѣсь царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ; въ однѣхъ повозкахъ были запряжены лошади, въ другихъ—нѣтъ; нѣкоторыя стояли вдоль, иныя—поперекъ. „Обозамъ не было дано знать объ отступленіи отряда,—пишетъ Енишерловъ [3]),—а потому, увидавъ отступающихъ, (прежде всего, разумѣется, перевязочныя повозки и раненыхъ)—они подняли страшную суматоху. Не подчиненные одному лицу, обозы всѣхъ полковъ, а особливо офицерскія повозки запрягли поспѣшно лошадей и бросились къ переправѣ черезъ рѣку, не соблюдая порядка и очереди“.

Весь правый берегъ р. Качи былъ покрытъ строеніями, и садами, обнесенными оградами, и потому переправа черезъ нее могла быть произведена только по единственному броду, къ которому ведетъ узкій переулокъ. Въ этомъ узкомъ переулкѣ происходила ужасная давка. Столпившіяся повозки перемѣшались съ артиллеріею, сцѣпились между собою и до такой степени перепутались, что могли окончить переправу только къ утру 9-го сентября.

Войска же, прождавъ переправы до самой ночи и не дождавшись ея, стали переправляться поодиночкѣ. Солдаты пробирались между обозами, перелѣзали черезъ ограды и кое-какъ достигали до высотъ лѣваго берега рѣки, гдѣ и располагались бивуакомъ. Если бы

---

[1]) Записка дѣйств. стат. сов. Григорьева (рукоп.).

[2]) Изъ дневника инженеръ-капитана Телятникова (рукоп.).

[3]) Матер., вып. II, 36.

непріятель преслѣдовалъ насъ самыми ничтожными силами, то и тогда онъ легко могъ уничтожить почти весь обозъ арміи и захватить много артиллеріи. Наши войска опасались этого преслѣдованія, „Мы думали,—пишетъ одинъ изъ участниковъ боя,—что намъ придется на своихъ ранцахъ внести французовъ въ Севастополь“ [1]).

Только около полуночи всѣ войска собрались на Качѣ. Отсюда князь Меншиковъ отправилъ въ Петербургъ своего адъютанта ротмистра Грейга, съ словеснымъ и короткимъ донесеніемъ: что 8-го числа англо-французскія дессантныя войска принудили его оставить позицію, которую онъ занималъ на Алмѣ; что причиною оставленія позиціи было *малодушіе и неопытность* войскъ и что онъ отступаетъ къ Севастополю. Еще до отъѣзда Грейга, командующій войсками, оставляя поле сраженія, потребовалъ къ себѣ генерала Кирьякова. Послѣдній догналъ князя Меншикова на четвертой верстѣ отъ позиціи. Онъ ѣхалъ по большой Севастопольской дорогѣ, въ сопровожденіи прискакавшаго изъ Севастополя генералъ-адъютанта Корнилова.

— Всѣмъ войскамъ,—сказалъ кн. Меншиковъ обращаясь къ Кирьякову,—отступать на Качу; перейдя рѣчку, сдѣлать тамъ ночлегъ, а завтра въ 6-ть часовъ утра прикажите слѣдовать на Бельбекъ, гдѣ вы изберете позицію и выстроите ихъ лѣвымъ флангомъ къ верховью Севастопольской бухты, правымъ—къ Бельбеку и фронтомъ къ морю, такъ чтобы прикрыта была дорога въ Бахчисарай.

Это приказаніе было послѣднимъ распоряженіемъ кн. Меншикова, которое было извѣстно ротмистру Грейгу, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, а потому, прибывши въ столицу, Грейгъ могъ только повторить то, что слышалъ, но не могъ сообщить пикакихъ подробностей ни о сраженіи, ни о будущихъ намѣреніяхъ командующаго войсками. Оттого первыя свѣдѣнія, полученныя въ столицѣ, были сбивчивы и крайне неопредѣленны. Въ Петербургѣ знали, что сраженіе было неудачно, что мы отступили—и только.

„Буди воля Божія—писалъ императоръ князю Меншикову [2]),—ты и твои подчиненные исполнили долгъ свой, какъ смогли; больно неудачи,

---

[1]) Матер., вып. IV, 147.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 12-го сентября.

но еще больнѣе потери! Будемъ надѣяться на милость Божію и не терять надежды на свѣтлые дни. Но довѣріе мое ни къ тебѣ, ни къ войскамъ не уменьшилось—авось, придетъ и наша очередь! Хорошимъ сему началомъ принимаю отлично придуманный тобою фланговый переходъ, которымъ ты вышелъ изъ отчаяннаго положенія и очутился тамъ, гдѣ, признаюсь, полагалъ, что настоящее твое мѣсто, гдѣ сообщенія твои свободны и съ подкрѣпленіями, и съ подвозами, тебѣ нужными; и что также весьма важно, откуда ты, въ свою очередь, угрожаешь флангу и даже тылу непріятеля. Опасаюсь очень за Севастополь; достаточенъ ли гарнизонъ будетъ противъ столь смѣлыхъ, предпріимчивыхъ непріятелей? долго ли въ состояніи будешь оборонять сѣверную сторону? Вотъ тяжелые вопросы, которые желалъ бы разрѣшить себѣ успокоительно.

„Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что съ прибытіемъ отрядовъ Хомутова и Рыжова крайне желательно предпринять рѣшительное дѣйствіе, которымъ бы возможно было удалить непріятеля отъ Севастополя. Ежели слухъ о прибытіи новой дивизіи французовъ справедливъ, то они еще сильнѣе будутъ и твои подкрѣпленія едва-ли уравновѣсятъ силы. Казалось бы, что не должно сего дожидаться, но попытаться, буде возможность есть, атаковать въ томъ выгодномъ направленіи, въ которомъ ты это теперь исполнить можешь....

„Прошу тебя, пиши мнѣ чаще; мое положеніе самое трудное и тяжелое; мнѣ нужны частыя извѣстія, чтобы все сообразить и ко всему готовиться.

„Да благословитъ тебя Господь и всѣ войска; скажи имъ, что я попрежнему на нихъ надѣюсь и увѣренъ, что скоро мнѣ вновь докажутъ, что упованіе мое не напрасно. Пошли мой поклонъ и благословеніе Корнилову и нашимъ храбрымъ морякамъ; ихъ положеніе меня крайне озабочиваетъ. Богъ милостивъ; унывать мы не должны! Есть ли у тебя съ Севастополемъ какое-либо сообщеніе? желательно было бы хоть кругомъ, черезъ Балаклаву, греками или караимами. Береги свой правый флангъ отъ какого-либо внезапнаго нападенія, изъ ущелій, подъ проводомъ татаръ“.

Въ день отправленія донесенія кн. Меншиковъ измѣнилъ свой планъ относительно характера будущихъ дѣйствій и рѣшилъ, не останавливаясь

на Бельбекѣ, слѣдовать къ Севастополю, но не станемъ опережать событія и послѣдуемъ за войсками, отступившими къ р. Качѣ.

За отступавшими тянулась вторая искалѣченная армія—огромная толпа раненыхъ. Положеніе ихъ было въ полномъ смыслѣ безотрадное. Разсыпавшись на огромной площади между Симферополемъ, Бахчисараемъ и Севастополемъ, и не зная, куда отступила армія, контуженные и раненые брели наудачу, не зная, гдѣ найдутъ пріютъ и облегченіе своимъ страданіямъ. Одни успѣли добраться до Симферополя, другіе пришли въ Бахчисарай, наконецъ третьи, двигаясь по направленію къ Севастополю, добрели до Качи и были встрѣчены попечительностью уцѣлѣвшихъ товарищей. Весь путь отъ р. Алмы вплоть до самой Качи былъ унизанъ ранеными. Многіе изъ нихъ, пройдя нѣсколько шаговъ, падали на землю; другіе скрежетали зубами, стонали, такъ что отъ однихъ этихъ звуковъ надрывалось сердце и привычнаго человѣка. Тамъ плелся солдатъ, опираясь на ружье, какъ на костыль; здѣсь другой подвигался ползкомъ, преодолѣвая страшную боль, чтобы только не попасть въ плѣнъ бусурману; третій, проползя нѣсколько шаговъ, падалъ въ изнеможеніи, предоставляя свою участь волѣ Божіей. Многіе солдаты имѣли по нѣскольку ранъ, по шести и по семи, и все-таки тащились за войсками, кто какъ могъ, издавая страшные крики и перенося ту жгучую боль и невыносимую жажду, которую трудно изобразить, но которую испытываетъ почти каждый раненый. Желаніе не отстать отъ своихъ заставляло многихъ двигаться черезъ силу. Такъ, одинъ изъ нихъ шелъ съ оторванною рукою, на мѣстѣ которой оставались только обрывки рукава шинели, въ другой рукѣ тащилъ онъ ружье и еще помогалъ товарищу, труднѣе его раненому; другой, съ раздробленною ногою, болтавшеюся по произволу, тащился, опираясь на свое ружье; иной, съ помощію того же ружья, подвигался впередъ на пятахъ, такъ какъ пуля прошла черезъ ступни обѣихъ ногъ и оторвала на нихъ пальцы; раненый въ голову, съ запекшеюся на лицѣ кровью, облѣпившею его какъ корою, съ помутившимися отъ боли глазами, направлялъ свои шаги ощупью, по слуху; безпрестанно спотыкаясь и падая, онъ болѣзненно вскрикивалъ, но, снова поднявшись, все-таки тащился впередъ и коекакъ добирался до бивуака товарищей.

Санитарная часть находилась тогда въ самомъ плохомъ состояніи; о помощи раненымъ никто не думалъ. Въ корпіи и бинтахъ чувствовался

значительный недостатокъ; небольшой запасъ ихъ при лазаретныхъ фурахъ расходовался на вѣсъ золота, и солдаты принуждены были, для перевязки ранъ, рвать собственныя рубахи, а между тѣмъ кладовая Симферопольской почтовой конторы была переполнена тюками съ корпіею и бинтами, летѣвшими со всѣхъ концовъ Россіи отъ доброхотныхъ жертвователей [1]).

Положеніе оставшихся на полѣ сраженія и преимущественно тяжело раненыхъ было еще того хуже. Предоставленные попеченію непріятеля, они не встрѣтили никакой помощи. Союзники оказались въ дѣйствительности вовсе не такъ человѣколюбивы, какъ прокричалъ объ этомъ Сентъ-Арно въ своемъ донесеніи объ Алминскомъ сраженіи, а за нимъ повторили многіе французскіе историки. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ были подобраны, перевезены на корабли и затѣмъ отправлены въ Константинополь, но что̀ они вытерпѣли, что̀ перенесли, объ этомъ можно вспоминать лишь съ содроганіемъ. Достаточно указать только на тѣхъ, которые были привезены на англійскомъ пароходѣ въ Одессу; они были оставлены въ совершенно безпомощномъ состояніи, ихъ раны перевязаны были сѣномъ и соломою. Многіе изъ раненыхъ, оставшіеся неподобранными, присоединились къ арміи на второй, третій и даже четвертый день послѣ сраженія и все это время оставались неперевязанными. Вплоть до 14-го сентября вся дорога отъ Бельбека до сѣвернаго укрѣпленія Севастополя была усѣяна ранеными. Сверхъ того союзники бросили на Алмѣ безъ всякаго призрѣнія около 320 человѣкъ нашихъ тяжело раненыхъ. Съ уходомъ ихъ возмутившіеся татары грабили и убивали безпомощныхъ [2]). Только обильною росою несчастные поддерживали свое существованіе; раны многихъ изъ нихъ покрылись червями. Наблюдавшіе за движеніемъ непріятеля казаки подбирали безпомощныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ 14-го сентября дали знать таврическому губернатору, что на р. Алмѣ есть еще наши раненые числомъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Пестель тотчасъ же отправилъ, изъ Симферополя, сорокъ фургоновъ,

---

[1]) Арбузовъ. Воспом. о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ.

[2]) Собственноручн. записка Меншикова. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4270 Записка рядоваго Ивана Андреева (рукоп.). Дневникъ инженеръ - капитана Телятникова (рукоп.).

прибывшихъ въ городъ изъ нѣмецкихъ колоній, и, снабдивъ ихъ конвоемъ и людьми, поручилъ имъ подобрать раненыхъ. Такихъ раненыхъ было доставлено въ Симферополь 120 человѣкъ, остальные были первое время призрѣны мѣстнымъ помѣщикомъ кн. Хункаловымъ въ его имѣніи [1]).

Не веселъ былъ бивуакъ послѣ такого ужаснаго побоища. Русскій солдатъ не любитъ отступать даже и тогда, когда не въ силахъ преодолѣть завѣдомо многочисленнаго врага; онъ предпочитаетъ сложить свою молодецкую голову, чѣмъ уступить врагу клочекъ родной земли. Такъ было и теперь. Хотя каждый и видѣлъ во время самаго боя, что на одного приходилось болѣе чѣмъ по два непріятеля, а все-таки наши солдаты были недовольны отступленіемъ. Сознавая, что дрались, какъ Богъ и государь велѣлъ, полки шли молча на р. Качу, молча они и расположились на бивуакѣ.

Бивуакъ представлялъ мрачную картину. Ночь была темная; тучи обложили все небо.

Нигдѣ не было слышно ни говора, ни шума, и не видно было зажженныхъ костровъ. Блѣдный свѣтъ луны, по временамъ показываясь сквозь тучи, освѣщалъ на короткое время унылыя лица и кучки солдатъ, собравшихся не для говора, а для совершенія молитвы надъ только-что умершимъ товарищемъ. Тамъ, въ сторонѣ, слышался голосъ грамотнаго солдата, читавшаго отходную надъ землякомъ или другомъ. Здѣсь рота хоронила своихъ товарищей, привезенныхъ въ фурахъ. За неимѣніемъ шанцоваго инструмента, солдаты рыли могилы тесаками, но по твердости грунта не могли далеко углубиться въ землю и закопать всего трупа. Они ограничивались тѣмъ, что обсыпали умершаго землею, или прикрывали только одно его туловище. Пробѣгавшій по временамъ вѣтеръ разносилъ по бивуаку звуки молитвы, предсмертные стоны раненыхъ, да шопотъ фельдфебелей, повѣрявшихъ свои роты, считавшихъ оставшихся въ живыхъ. Въ эту торжественную ночь было не до разговоровъ; никто не рѣшался говорить, а если и говорилъ, то шопотомъ. Самый разговоръ состоялъ только въ разспросахъ о товарищахъ-землякахъ, за нѣсколько часовъ живыхъ и здоровыхъ, а теперь отошедшихъ въ вѣчность слав-

---

[1]) Отношеніе Пестеля 17-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4289.

ною смертью праведныхъ. Никто однако же, не падалъ духомъ, и каждый готовъ былъ снова вступить въ бой, съ жаждою отомстить врагу. Угрюмыя лица и затаенная злоба въ сердцахъ солдатъ свидѣтельствовали, что эти войска можно заставить отступить, но не побѣдить.

На утро 9-го сентября, князь Меншиковъ измѣнилъ свое предположеніе стать во фланговой позиціи, и войска, оставивъ бивуакъ на Качѣ, потянулись къ Севастополю. Они шли подъ прикрытіемъ арріергарда, бывшаго подъ начальствомъ полковника Хрущева и состоявшаго изъ Волынскаго и Бородинскаго полковъ и двухъ легкихъ № 3-го и 4-го батарей 14-й артиллерійской бригады (8 батальоновъ и 16 орудій) численностію въ 6.500 челов. За войсками слѣдовали и жители деревень, лежавшихъ на пути отступленія арміи. Покидая свои жилища, они съ огромными узлами на спинѣ тянулись длинною вереницею къ Севастополю, гдѣ надѣялись найти пріютъ и защиту.

Около полудня полки, сопровождаемые огромнымъ транспортомъ раненыхъ, подошли къ Бельбеку. Здѣсь они расположились на привалѣ который необходимъ былъ людямъ, уставшимъ, послѣ горячаго боя, и измученнымъ южнымъ жаромъ. Жители мужчины и женщины толпами спѣшили изъ города на встрѣчу раненымъ и по мѣрѣ своихъ силъ старались облегчить страданія несчастныхъ. На привалѣ посѣтили войска севастопольскія дамы. Одѣтыя въ траурныя платья, они угощали офицеровъ завтракомъ и разспрашивали о ходѣ сраженія. Герои дня, 8-го сентября, владимірцы были вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены генералъ-адъютантомъ Корниловымъ къ обѣду на корабль „Великій Князь Константинъ“.

Это первое дружеское соединеніе моряковъ съ пѣхотою было весьма знаменательно для будущаго. Принявъ владимірцевъ съ распростертыми товарищескими объятіями, моряки положили то прочное начало взаимнаго дружества между войсками различнаго рода оружія, которое не прекращалось во все время знаменитой защиты Севастополя.

Послѣ кратковременнаго привала войска потянулись къ городу. Тарутинскій полкъ занялъ сѣверное укрѣпленіе, пятые и шестые батальоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ поступили въ составъ его гарнизона, а остальные затѣмъ войска, обогнувъ сѣверную сторону рейда, спустились въ долину Черной рѣчки, и, перейдя ее по Инкерманской

гати, поднялись на Сапунъ гору. Только вечеромъ 9-го сентября всѣ полки собрались на южной сторонѣ города, гдѣ и расположились бивуакомъ между Карантинною и Сарандинакиною балками на площадкѣ извѣстной подъ именемъ *Куликова поля*. Черезъ день послѣ того, 11-го сентября войска кн. Меншикова были усилены прибытіемъ генералъ-маіора Жабокритскаго съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Черноморскаго резервнаго линейнаго, двухъ пѣшихъ казачьихъ черноморскихъ батальоновъ, четырехъ сотенъ казаковъ № 67-го полка и донскую легкую № 2-го батарею [1]), общая численность которыхъ доходила до 3.572 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ [2]).

Прибывъ въ Севастополь, Меншиковъ донесъ о томъ государю императору.

„Для водворенія стройности въ войскахъ—писалъ онъ [3]),—впервые бывшихъ подъ непріятельскимъ огнемъ, и для укомплектованія ихъ нарядами, *я продвинулся черезъ Инкерманскій дефилей и нахожусь на позиціи впереди Севастополя, откуда постараюсь перейти въ наступленіе, согласуя* мои движенія съ мѣропріятіями къ оборонѣ города“.

Получивъ это донесеніе, покойный императоръ, самъ близко знакомый съ окрестностями Севастополя, изволилъ собственноручно написать: „не понимаю, какъ это будетъ возможно!“

„Въ одно время почти,—писалъ императоръ [4]),—когда прибылъ твой фельдъегерь, любезный Горчаковъ, изъ Кишинева отъ 10-го числа, пріѣхалъ другой отъ князя Меншикова, отъ того же числа, съ подтвержденіемъ несчастныхъ свѣдѣній, которыя словесно мнѣ привезъ адъютантъ его Грейгъ. Буди воля Божія, роптать не буду и покорюсь святой Его волѣ. Но больно и стыдно мнѣ, что причиной поставляется *малодушіе войскъ!* Не понятно для меня, зная, какъ хороши были и по общему слуху и донесеніямъ самого князя, какой духъ (между)

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3590.

[2]) Рапортъ генер.-маіора Жабокритскаго кн. Меншикову 6-го сентября № 897. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[3]) Отъ 10-го сентяб. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Горчакову отъ 17-го сентября.

ими господствовалъ. Но поздно о семъ говорить, надо помышлять о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ.

„Во-первыхъ, избранная Меншиковымъ позиція не спасетъ флота, котораго потеря неизбѣжна; врядъ-ли спасетъ и Севастополь, а быть можетъ поведетъ и къ истребленію всего отряда. Не льщу себя надеждой, чтобъ могъ быть иной исходъ. Хотя Меншиковъ надѣется еще перейти въ наступленіе, но сему мало вѣрю, ибо откуда онъ стоитъ, считаю это дѣло невозможнымъ. Быть можетъ, что отрядъ, собираемый у Симферополя и назначаемый, какъ кажется, Меншиковымъ дѣйствовать въ тылъ непріятеля, нѣсколько облегчитъ это отчаянное положеніе. Но большихъ послѣдствій не предвижу, ибо непріятель, отдаляясь отъ Евпаторіи, пріобрѣлъ у Качи и Бельбека другое удобное и близкое мѣсто высадки. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро и легко съ тылу овладѣетъ нашими приморскими укрѣпленіями сѣвернаго берега, и тогда однѣ батареи южнаго берега не удержатъ его вторгнуться въ рейду и довершить наше пораженіе.

„Сколь все это ни горько, но надо вѣроятное умѣть себѣ высказать и мѣры наши брать согласно тому.

„Съ потерей Севастополя, флота и уничтоженіемъ корпуса Меншикова, Крымъ для насъ потерянъ будетъ ранѣе, чѣмъ наши резервы прибудутъ.

„Дѣло предстоитъ уже не въ сохраненіи, *а въ обратномъ завоеваніи Крыма,* а потому и способы должны быть соразмѣрны цѣли“.

Императоръ находилъ необходимымъ направить въ Крымъ сильныя подкрѣпленія, начальство надъ которыми ввѣрить генералъ-адъютанту Лидерсу. Онъ поручилъ кн. Горчакову распорядиться посылкою туда части войскъ своей арміи, такъ какъ не видѣлъ другаго исхода, чтобы вывести кн. Меншикова изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ переходомъ на южную сторону города.

Дѣйствительно, трудно понять, зачѣмъ кн. Меншиковъ отступилъ въ Севастополь, а тѣмъ болѣе не понятно, зачѣмъ онъ перевелъ всѣ войска на южную сторону города. Кн. Меншиковъ, въ оправданіе своихъ дѣйствій, писалъ, что отступленіе на Севастополь было вызвано необходимостью защитить этотъ городъ и подъ его прикрытіемъ

устроить войска, укомплектовать артиллерію, пополнить боевые запасы арміи [1]).

Но то и другое было не справедливо. Если бы командующій войсками имѣлъ въ виду дѣйствительно защитить Севастополь, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ его распоряженія имѣли бы характеръ опредѣленности. Изъ послѣдующаго разсказа мы увидимъ, что кн. Меншиковъ вовсе и не думалъ защищать Севастополь тѣми войсками, которыя участвовали въ Алминскомъ сраженіи. Напротивъ того, бросаясь изъ стороны въ сторону, не составивъ опредѣленнаго плана дѣйствій, кн. Меншиковъ только утомлялъ войска безполезными передвиженіями съ мѣста на мѣсто и даже подвергалъ опасности быть атакованными во флангъ и потерпѣть конечное пораженіе.

Что касается до движенія на Севастополь по необходимости пополнить запасы арміи, то и это едва-ли справедливо. Многіе дѣйствительно такого мнѣнія, что отступленіе на Севастополь было необходимо съ цѣлію пополнить израсходованные заряды и патроны. Защитники этого движенія говорятъ, что при арміи состояло всего только полъ-парка № 8-го, остававшагося въ Севастополѣ, и что присоединеніе этого полупарка къ арміи было бы недостаточно для пополненія убылыхъ въ арміи патроновъ и зарядовъ. Въ подтвержденіе своихъ доводовъ они приводятъ даже цифры, какъ неопровержимыя доказательства истины. Не раздѣляя этого мнѣнія [2]), мы должны сказать, что никакого пополненія патронами въ это время не происходило, и войска имѣли ихъ достаточное число. Изъ приложенной при семъ вѣдомости [3]) видно, что, въ промежутокъ времени съ 8-го по 23-е сентября, не было отпущено въ полки дѣйствующаго отряда ни одного патрона, и только 12-го сентября было отпущено 32.075 патроновъ въ подвижной № 8-го паркъ. Къ тому же, для одного только пополненія арміи боевыми припасами кн. Меншикову не представлялось никакой необходимости вести ее въ Севастополь. Ему слѣдовало съ бивуака на Качѣ двинуться прямо на Бахчисарай. Ставши на флангѣ непріятеля,

---

[1]) Собственноручн. записка кн. Меншикова. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4270. Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову отъ 20-го сентября. Тамъ же, дѣло № 3331.

[2]) См. приложеніе № 8-й.

[3]) См. Приложеніе № 9-й.

онъ сохранялъ сообщеніе съ Перекопомъ, могъ дѣйствительно спасти городъ отъ атаки непріятеля и присоединить къ себѣ безъ всякаго затрудненія спѣшившія къ нему подкрѣпленія. Кн. Меншиковъ повидимому самъ раздѣлялъ это мнѣніе. По словамъ адъютанта его, ротмистра Грейга, привезшаго съ поля сраженія первое словесное донесеніе объ Алминскомъ сраженіи и объ отступленіи арміи, кн. Меншиковъ не признавалъ удобнымъ останавливаться на Качѣ и хотѣлъ занять другую позицію, перейдя Бельбекъ, и стать такимъ образомъ, чтобы угрожать лѣвому флангу непріятеля, если бы онъ сталъ продолжать наступленіе на Севастополь, придерживаясь морскаго прибрежья [1]). Слѣдовательно, онъ самъ не хотѣлъ заходить въ Севастополь, а зашелъ туда совершенно случайно и потому только, что многіе полки прямо съ поля сраженія отступили въ этотъ городъ.

X.

Волненіе между татарами, обнаруживавшееся до высадки непріятеля.—Пріемъ, оказанный татарами союзникамъ при занятіи Евпаторіи.—Волненіе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.—Грабежи и разбои.—Переселеніе жителей.—Симферопольскій пикникъ.—Выселеніе изъ г. Перекопа.—Безпорядки въ городѣ.—Мѣры князя М. Д. Горчакова къ водворенію порядка въ Перекопѣ.

Извѣстіе объ отступленіи нашей арміи къ Севастополю быстро распространилось по всему полуострову. Все христіанское населеніе западнаго прибрежья и южнаго берега Крыма покидало свои жилища и спѣшило переселиться во внутреннія губерніи Россіи, изъ опасенія подвергнуться грабежу и насилію возмутившихся татаръ.

Волненіе между татарами проявилось гораздо ранѣе высадки непріятеля: оно стало замѣчаться съ первыхъ дней объявленія войны Турціи, но мѣстныя власти, приписывая это близости театра военныхъ дѣйствій, находили естественнымъ, что татары не остаются равнодушными къ совершающимся событіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе

---

[1]) Отношеніе воен. министр. кн. Горчакову 15-го сентября № 627-й.

*

турки—ихъ единовѣрцы. Лица высшей правительственной власти думали объ этомъ нѣсколько иначе. Смотря на сходки и совѣщанія татаръ, на ихъ сочувствіе туркамъ и на враждебное настроеніе противъ всего христіанскаго населенія, они видѣли въ этомъ ненадежность татаръ и признавали необходимымъ установить надъ магометанами самый бдительный надзоръ.

Съ своей стороны татары, не рѣшаясь открыто высказать сочувствіе къ туркамъ, скрывали, до времени, свои намѣренія и старались усыпить бдительность правительства. Они выказывали всѣ наружные знаки своей преданности: по праздникамъ въ мечетяхъ духовенство считало своею обязанностію произносить рѣчи, въ которыхъ заявляло признательность татаръ къ русскому императору, жители дѣлали пожертвованія въ пользу войскъ, принимали ихъ къ себѣ съ видимымъ радушіемъ и безпрерывно заявляли таврическому губернатору о своей преданности къ Россіи [1]).

Подобными поступками татары вполнѣ достигли своей цѣли. Таврическій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Пестель увѣрялъ, что всѣ слухи о волненіи татарскаго населенія ложны; что, управляя девять лѣтъ губерніею, онъ вполнѣ изучилъ всѣ оттѣнки татарскаго характера, что никто изъ татаръ не желаетъ возвращенія подъ владычество турокъ; что имъ приняты мѣры къ предупрежденію всякой даже частной шалости и что, наконецъ, ему „будетъ извѣстно все, что будетъ дѣлаться и говориться не только у татаръ, но и у христіанъ, въ числѣ которыхъ есть вредные болтуны [2])“.

Такое заявленіе губернатора было не болѣе, какъ пустою фразою.

Замкнувшись въ кругу своихъ единовѣрцевъ, татары продолжали устраивать въ разныхъ мѣстахъ Крыма сходки и совѣщанія, тщательно скрывая ихъ отъ христіанскаго населенія. Скоро среди татаръ стали появляться эмиссары, частію подосланные турками, частію туземные жители, возвратившіеся съ богомолья изъ Мекки, побывавшіе въ Констан-

---

[1]) Всеподд. рапортъ флигель-адъют. полковника Герштенцвейга 6-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 78-й.

[2]) Рапортъ Пестеля новороссійскому генералъ-губернатору отъ 17-го ноября 1853 г. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 78.

тинополѣ, получившіе тамъ приличное наставленіе, снабженные воззваніями къ возстанію противъ русскихъ и множествомъ обѣщаній турокъ, щедро суливших татарамъ улучшеніе ихъ положенія и соединеніе съ правовѣрными. Грубый и легкомысленный народъ не оставался глухимъ къ такого рода соблазнительнымъ для него обѣщаніямъ и искренно вѣрилъ, что, въ недалекомъ будущемъ, послѣдуетъ соединеніе татаръ съ ихъ единовѣрцами-турками.

Въ концѣ декабря 1853 года сильная буря, а потомъ наводненіе надѣлали много бѣдъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ и въ особенности въ прибрежномъ селеніи Кучукъ-Узень, принадлежавшемъ помѣщику В. Княжевичу. Одинъ изъ его людей, по имени Остапъ (Евстафій), отправился въ сосѣднюю деревню Туакъ нанять рабочихъ, для исправленія поврежденій. Тамъ онъ приглашенъ былъ на кофе къ муллѣ Абдулъ-Керимъ-Эффенди, у котораго было собраніе нѣсколькихъ муллъ, въ числѣ коихъ были и прибывшіе съ дальнихъ мѣстъ Крыма. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій изъ Сарабузской волости, Симферопольскаго уѣзда, читалъ собранію привезенную съ собою бумагу возмутительнаго содержанія.

Вслушиваясь въ неблагопріятныя для русскихъ рѣчи и опасаясь попасть въ число участниковъ, Остапъ пытался было уйти, но его не пускали; на бѣду у дверей стояли два татарина съ большими ножами, которыми они крошили табакъ. Остапъ окончательно струсилъ и, не долго думая, выскочилъ въ окно и бросился въ кусты. Татары погнались за нимъ, но отыскать не могли. Наступившая темная ночь спасла Остапа отъ преслѣдованія. Къ свѣту онъ выбрался кустами къ берегу и, опасаясь оставаться дома, перешелъ со всѣмъ своимъ семействомъ на казачій кордонъ, гдѣ и остался жить.

Поступокъ Остапа сильно встревожилъ татаръ всей деревни. Чтобы замаскировать свое поведеніе, они рѣшились всѣ вмѣстѣ, въ томъ числѣ и Абдулъ-Керимъ, отправиться къ помѣщику съ жалобою на Остапа. Абдулъ-Керимъ подалъ В. Княжевичу письмо, на русскомъ языкѣ, въ которомъ писалъ, что приглашенный 29-го декабря на кофе человѣкъ его Остапъ, рѣшившись отомстить ему, Абдулъ-Кериму—но за что, проситель не объяснялъ—выпрыгнулъ въ окно, чѣмъ

обидѣлъ его какъ имама деревни [1]). Письмо это было отправлено таврическому губернатору, генералу Пестелю, по распоряженію котораго произведено слѣдствіе, обнаружившее, что вообще татары не остаются равнодушными къ совершающимся событіямъ, что между ними происходитъ броженіе умовъ и что Абдулъ-Керимъ былъ, до нѣкоторой степени, центромъ, вокругъ котораго группировались лица, замышлявшія возстаніе.

Предполагая выслать Абдулъ-Керима и еще нѣкоторыхъ муллъ на жительство въ Россію, Пестель, съ разрѣшенія кн. Меншикова, поставилъ роту солдатъ въ селеніяхъ Ускютъ и Туакъ и просилъ таврическаго муфтія внушить мусульманскому духовенству, чтобы оно, какъ имѣющее вліяніе на народъ, старалось отклонять татаръ отъ поступковъ, несогласныхъ съ званіемъ вѣрноподданныхъ.

Муфтій Сеидъ-Джелиль-Эффенди воспользовался этимъ предложеніемъ, чтобы отъ имени всѣхъ татаръ заявить о своей преданности Россіи и убѣдить Пестеля, что между татарами нѣтъ никакого колебанія. Онъ тотчасъ же написалъ воззваніе къ народу, въ которомъ говорилъ, что со дня присоединенія Крыма, въ теченіе семидесяти лѣтъ, русскіе цари не только допускали свободу вѣроисповѣданія, но всегда охраняли религію магометанъ, даровали имъ многія права и преимущества, оказывали милости, и потому всѣ мусульмане отъ мала до велика должны быть искренно преданы Царю и Отечеству и для нихъ не щадить ни крови, ни жизни [2]).

Копію съ этого воззванія муфтій представилъ Пестелю при особомъ письмѣ, въ которомъ увѣрялъ, что губернаторъ можетъ быть совершенно спокоенъ и увѣренъ, что всѣ татары, не менѣе русскихъ, преданы государю и Россіи и что было бы весьма обидно для татарской націи думать, что между ними есть разномыслящіе. „Я напротивъ,—говорилъ муфтій [3]),—смѣло увѣряю, что между всѣмъ татар-

---

[1]) Письма В. Княжевича отъ 6-го и 14-го января 1854 г. (рукопись) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 27-го января 1854 г. № 241. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

[2]) Матеріалы, вып. I, 251 и 252.

[3]) Въ письмѣ отъ 19-го января 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по описи 1853 г., дѣло № 78.

скимъ населеніемъ нѣтъ никого, на котораго бы нынѣшній разрывъ съ Турецкою Портою и война съ нею наводилъ даже мысль доброжелательную къ единовѣрцамъ, извѣстнымъ здѣсь, у насъ, между татарами, своимъ безумнымъ, необузданнымъ и своевольнымъ фанатизмомъ, гибельнымъ для нихъ самихъ и для каждаго гражданина".

Крымскіе татары, по словамъ муфтія, неоднократно доказали свою преданность Россіи и въ особенности въ достопамятный 1812 годъ. „Посему я,—прибавлялъ онъ,—зная духъ народа и его готовность на всѣ пожертвованія, для блага нашего Богомъ хранимаго отечества, смѣло могу ручаться, что одно царское слово къ крымскому народу, и вся наша татарская нація готова сама идти на брань нашихъ враговъ и ни въ чемъ не уступить природнымъ русскимъ. Впрочемъ между татарами могутъ найтись и такіе, которые неосторожными словами навлекли на себя подозрѣніе въ дурномъ образѣ мыслей, но повѣрьте, что это люди, которые своимъ поведеніемъ и всегдашнимъ образомъ жизни, во всякое время, требуютъ строгаго за ихъ нравственностію и поведеніемъ надзора и удержанія отъ разгульной жизни. Такихъ во всемъ народонаселеніи татарскомъ найдется немного, да и тѣ, въ ненормальномъ только положеніи своемъ, могутъ только болтнуть, но для этого средства извѣстны и они въ рукахъ власти, которая тотчасъ же укрощаетъ".

Происшествіе въ Туакахъ скоро стало извѣстнымъ во всемъ Крымскомъ полуостровѣ; мурзы и беи тотчасъ же обратились къ тому же генералу Пестелю, съ просьбою повергнуть къ подножію Престола, взамѣнъ старой, новую клятву ихъ непоколебимой вѣрности съ увѣреніемъ, что всякій нарушитель этой клятвы будетъ преслѣдуемъ какъ измѣнникъ, по всей строгости законовъ [1]).

Послѣ заявленій подобнаго рода, татары хотя повидимому и оставались покойными, но появленіе союзныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ и четырехъ пароходовъ въ виду Ѳеодосіи произвело на нихъ большое впечатлѣніе [2]) и возбудило новые толки, въ которыхъ, впрочемъ, матеріальныя выгоды имѣли перевѣсъ надъ фанатизмомъ. Люди пожилые

---

[1]) Матеріалы, вып. I, 253.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 27-го января. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 10.

и улемы предпочитали отклонять отъ себя всѣ соблазнительныя предложенія турокъ и оставаться вѣрными Россіи.

— Если турки учинятъ высадку въ Крыму,—разсуждали они,—то принудятъ насъ, по долгу вѣры, идти съ ними противу русскихъ, но кончится тѣмъ, что русскіе выгонятъ ихъ изъ Крыма, а мы пострадаемъ. Благоразумнѣе будетъ при появленіи турокъ оставить свои жилища и за Перекопомъ ожидать развязки дѣла.

Люди молодые не соглашались съ такимъ мнѣніемъ и надѣялись, что соединеніе ихъ съ турками приведетъ къ лучшей будущности [1]).

Обѣ стороны считали однако же необходимымъ, въ виду случайностей войны, запастись звонкою монетою, и въ Крыму въ скоромъ времени исчезло изъ обращенія все серебро и мелкихъ денегъ не было видно. Казначейство принуждено было выпустить въ обращеніе всю мѣдь, но и та весьма скоро также скрылась, такъ что въ мѣняльныхъ лавкахъ, за весьма большой лажъ, не могли удовлетворить многочисленнымъ требованіямъ [2]).

Не полагаясь вообще на татарское населеніе, князь Меншиковъ, при всей ограниченности своихъ средствъ, рѣшился принять мѣры, которыя могли бы указать татарамъ, что въ Крыму достаточно войскъ для ихъ усмиренія. Съ приходомъ, 1-го іюня, въ Евпаторію донскаго казачьяго № 57-го полка, командующій войсками расположилъ его, кордонами, по берегу моря къ Перекопу въ одну сторону и къ Севастополю въ другую. Для наблюденія же за татарскимъ населеніемъ и для убѣжденія его въ многочисленности войскъ, были составлены двѣ подвижныя колонны, каждая изъ двухъ ротъ Минскаго пѣхотнаго полка, которыя и посылались изъ Севастополя на военную прогулку. Одна колонна шла по южному берегу и обратно черезъ горную часть Крыма, а другая наоборотъ сначала черезъ горную часть, а потомъ южнымъ берегомъ [3]).

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 18-го февраля № 259. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4251.

[2]) Письма В. Княжевича отъ 7-го и 15-го апрѣля.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 5-го іюня. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 10 (а).

Хотя при проходѣ этихъ колоннъ черезъ селенія татары и оказывали имъ полное радушіе, но крымскимъ властямъ извѣстно было, что въ то же самое время и тѣ же татары продолжаютъ устраивать у себя собранія, читаютъ собравшимся какія-то бумаги, секретно ими получаемыя изъ Турціи, говорятъ рѣчи возмутительнаго содержанія и т. п. Такое поведеніе мѣстнаго населенія вынудило управляющаго таврическою палатою государственныхъ имуществъ просить князя Меншикова, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, объ удаленіи всѣхъ вообще татаръ отъ морскаго берега и о переводѣ ихъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, на томъ основаніи, что переселеніе это весьма возможно, такъ какъ большая часть татаръ живетъ на помѣщичьихъ земляхъ и потому не достигаетъ той степени благосостоянія, котораго желаетъ правительство [1]). Мѣру эту не успѣли привести въ исполненіе за послѣдовавшею высадкою непріятеля и занятіемъ Евпаторіи.

Одновременно съ дессантомъ, посланнымъ союзниками для занятія города, были высажены на берегъ два эмиссара, присланные союзными главнокомандующими. Одинъ изъ нихъ Сеитъ-Ибраимъ-паша былъ посланъ для склоненія татаръ къ возстанію противъ русскаго правительства, а другой, польскій эмигрантъ Токарскій, назначенъ со стороны французскаго главнокомандующаго гражданскимъ правителемъ города Евпаторіи.

Послѣдній потребовалъ къ себѣ эффенди и почетныхъ татаръ. Всѣ они явились къ нему съ поклонами.

— Кто изъ васъ городской голова?—спросилъ Токарскій, говорившій порядочно по-русски.

Шерфединъ вышелъ изъ толпы и предложилъ свои услуги.

— Вы уже болѣе не служите вашему царю,—сказалъ ему Токарскій,—а должны служить англо-французамъ.

Замѣтивъ въ числѣ собравшихся татаръ нѣсколькихъ караимовъ, Токарскій приказалъ имъ удалиться, а остальнымъ объявилъ, что власть надъ ними русскаго правительства прекратилась и что они должны повиноваться союзнымъ главнокомандующимъ.

---

[1]) Отношеніе кн. Меншикова воен. минис. 30-го сентября № 1227. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 118.

— Отнынѣ,—говорилъ Токарскій собравшимся татарамъ,—Крымъ не будетъ принадлежать Россіи, но, оставаясь подъ покровительствомъ Франціи, будетъ свободнымъ и независимымъ.

Татары привѣтствовали эти слова громкимъ крикомъ. Они мечтали о предоставленіи въ ихъ собственность всѣхъ земель, которыми русскіе владѣли въ Крыму.

Переговоривъ наединѣ съ пашею, Токарскій вмѣстѣ съ нимъ и въ сопровожденіи огромной толпы татаръ отправились въ мечеть и тамъ совершили торжественное богослуженіе. Восторгу татаръ не было предѣловъ. Энтузіазмъ ихъ дошелъ до того, что они подняли пашу, назвавшаго себя потомкомъ Шахъ-Гирея [1]), таскали его на рукахъ и даже цѣловали руки и платье турецкихъ солдатъ.

Оба эмиссара поселились въ домѣ караима купца Каскачи. Они распустили слухъ, что съ турками, высадившимися въ Евпаторіи, привезено знамя Магомета. Татары цѣлыми толпами стекались въ городъ и охотно записывались въ *аскеры* или милицію правовѣрныхъ.

Въ сосѣднихъ съ городомъ деревняхъ видны были сборища, слышны были толки и пересуды. Люди пожилыхъ уже лѣтъ спѣшили обертывать свои шапки бѣлыми полотенцами и подбривать головы, чтобы въ глазахъ турокъ явиться и по наружности истинными мусульманами. Татары видимо ободрились и стали оказывать явное нерасположеніе къ русскимъ. Мурзы, которые обыкновенно десятками шатались въ канцеляріи губернатора, съ появленіемъ непріятеля исчезли, а нѣкоторые, жившіе вблизи Евпаторіи, передались непріятелю. Въ самомъ Симферополѣ замѣтно было между татарами оживленное движеніе: они ковали лошадей и въ такомъ большомъ числѣ, что христіанскому населенію, въ первыхъ числахъ сентября, невозможно было подковать ни одной лошади— всѣ кузницы постоянно были заняты. Что же касается до духовенства, то оно рыскало изъ деревни въ деревню, развозя возмутительныя воззванія и провозглашая возстановленіе въ Крыму турецкаго владычества [2]).

---

[1]) Онъ былъ дѣйствительно потомокъ Гиреевъ, но пашею никогда не былъ, а жилъ частнымъ человѣкомъ въ Болгаріи. См. Воен.-Учен. Арх., д. № 3338.

[2]) Григорьевъ. Записка по поводу войны 1853—1856 годовъ (рукоп.).

Восторженный пріемъ, оказанный пашѣ татарами, заставилъ тѣхъ христіанъ и служащихъ, которые еще оставались въ городѣ, искать спасенія въ бѣгствѣ, но на дорогѣ ихъ нагоняли верховые татары, грабили, били и нерѣдко связанными по рукамъ и ногамъ доставляли въ руки непріятеля. Многіе изъ жителей поплатились увѣчьемъ, а нѣкоторые умерщвлены самымъ звѣрскимъ образомъ. Городничій, частный приставъ и переводчикъ полиціи были арестованы по приказанію Токарскаго за порчу хлѣба, будто бы произведенную ими въ магазинахъ, и за пересыпку его негашенною известью [1]).

Новый гражданскій губернаторъ Евпаторіи сформировалъ себѣ изъ мѣстныхъ татаръ *диванъ* или городское управленіе. Гласный думы Османъ-Ага-Чардачи-Оглу, извѣстный болѣе подъ уличнымъ именемъ Сукуръ-Османа, былъ назначенъ вице-губернаторомъ города; кузнецъ Хуссейнъ—капитаномъ. Оба они были главными руководителями возстанія.

Усердіе татаръ Евпаторійскаго уѣзда давало союзникамъ надежду на то, что и все остальное населеніе крымскихъ татаръ окажетъ имъ свое содѣйствіе. Поэтому изъ Евпаторіи были разосланы лазутчики по всему краю; они доставляли непріятелю, весьма быстро, различнаго рода свѣдѣнія, хотя весьма часто полученныя налету, изъ третьихъ рукъ и потому сбивчивыя и ложныя. Опасаясь болѣе всего преслѣдованія казаковъ, татары цѣлыми селеніями переселились въ Евпаторію и въ ближайшія ея окрестности и гибли тамъ во множествѣ, отъ голода и недостатка помѣщенія.

Согласившись вмѣстѣ съ пашею, новый правитель города приказалъ татарамъ грабить всѣхъ крестьянъ немусульманскаго закона, ловить казаковъ и всѣхъ чиновниковъ, за что каждому татарину былъ обѣщанъ генеральскій чинъ, большая медаль и 1.000 руб. денегъ. „Подъ этимъ предлогомъ фанатики съ кузнецомъ Хуссейномъ безпрестанно искали казаковъ въ сундукахъ у крестьянъ и безчинствовали два дня“. Почти всѣ прибрежные владѣльцы были ограблены и разорены; иные

[1]) Показаніе евпаторійскаго 2-й гильдіи купца Луцкаго. Арх. канц. военн. минис. по снаряженію войскъ, д. № 96, ч. I. Показаніе почетнаго гражданина Пампусова. Тамъ же, д. № 111.

оставлены въ своихъ имѣніяхъ [1]), а другіе отправлены въ Евпаторію [2]). Татары производили буйство въ большомъ размѣрѣ. Ворвавшись въ имѣніе кн. Воронцова, они разломали церковныя двери, расхитили цѣнную утварь, прокололи во многихъ мѣстахъ запрестольный образъ, а встрѣчавшуюся прислугу и крестьянъ князя били и подвергали всякаго рода оскорбленіямъ. Не ограничиваясь этимъ, они угнали изъ того же имѣнія 10.000 овецъ, продали туркамъ лошадей князя, взяли сахаръ, стеариновыя свѣчи и проч. Крестьяне князя спасались въ одиночку и едва успѣли уйти въ чемъ только были [3]). Большинство уцѣлѣвшихъ помѣщиковъ, въ обезпеченіе себя отъ насилія татаръ, принуждены были купить, за подписью такъ называемаго паши, охранный листъ, платя за него различную и довольно высокую цѣну. Такъ напримѣръ помѣщикъ Эницогло купилъ себѣ такой листъ за 5.000 левовъ по пяти коп. каждый [4]).

Вскорѣ послѣ занятія Евпаторіи городъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна поручена французскому, другая англійскому правителямъ. Первый поселился въ д. Оржакова, а послѣдній занялъ лучшій въ Евпаторіи домъ Казначеева. Высаженный же для возмущенія татаръ турецкій паша былъ отданъ подъ строжайшій надзоръ обоихъ губернаторовъ. Поводомъ къ тому было слѣдующее обстоятельство. Союзники отправили впередъ пашу только съ тою цѣлію, чтобы онъ поднялъ въ пользу ихъ татарское населеніе. Между тѣмъ паша воспользовался этимъ для личныхъ выгодъ. Видя, что татары приняли его съ большимъ энтузіазмомъ, что они сами себя провозглашаютъ подданными султана

---

[1]) Къ числу такихъ принадлежатъ Казинцевъ, Казначеевъ и другіе, которыхъ защитили сами же татары, ихъ крестьяне, но и у нихъ все-таки были отобраны лошади и скотъ, которые хотя по жалобѣ помѣщиковъ и возвращались имъ, но за дорогую цѣну.

[2]) Уѣздный судья Стойковичъ былъ совершенно ограбленъ, бывшія при немъ дѣла сожжены, а самъ онъ отправленъ связаннымъ въ Евпаторію (Рапортъ маіора Гангардта 30-го сентября. Арх. канц. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 96 ч. I).

[3]) Рапортъ генер.-адъют. Анненкова военному министру 25-го сентября 1854 г. Тамъ же.

[4]) Рапортъ маіора Гангардта генералу Аннекову 3-го октября № 573. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3338.

и охотно записываются въ милицію правовѣрныхъ, паша сталъ требовать отъ нихъ денегъ. Татары, признавая его за потомка Шахъ-Гирея, свозили ему все награбленное имущество.

„Почти изъ всѣхъ волостей,—доносилъ маіоръ Гангардтъ [1]),—сборщики принесли ему государственныя подати до 100.000 руб. сер. Онъ очень презрительно выражался о татарахъ и жестоко ихъ билъ. Нагло и мелочно требовалъ отъ всѣхъ подарки“.

Эта алчность и послужила поводомъ къ установленію строгаго надзора за пашою, который успѣлъ однакоже оказать услугу союзникамъ тѣмъ, что сформировалъ изъ передавшихся татаръ до 800 человѣкъ милиціи,—но когда ихъ стали учить, то большая половина татаръ разбѣжалась. Оставшимся же были даны пики, пистолеты, сабли и частію винтовки. Эти новые подданные султана употреблялись для гарнизонной службы и для разъѣздовъ вокругъ города. Во главѣ ихъ стоялъ евпаторійскій мулла. Верховые татары постоянно наблюдали за дорогами, останавливали и приводили къ пашѣ всѣхъ проѣзжающихъ; они же учредили въ Евпаторіи свою полицію.

Съ занятіемъ Евпаторіи непріятель успѣлъ захватить до 28.000 четвертей зерноваго хлѣба, принадлежавшаго частнымъ лицамъ. Всѣ мельницы города были заняты его помоломъ. Татары привозили ежедневно изъ ближайшихъ деревень хлѣбъ, сѣно и разную живность, за которые, первое время, имъ производилась самая щедрая плата фальшивыми турецкими ассигнаціями [2]).

Токарскій, имѣя порученіе заботиться о запасѣ продовольствія для союзной арміи, издалъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Евпаторійскаго уѣзда.

Губернатора по гражданской части города Евпаторіи

Объявленіе.

„Прошу гг. помѣщиковъ русскихъ и мурзъ явиться завтра въ г. Евпаторію и пригнать съ собой лишній скотъ, какой только имѣется, съ уплатой имъ, за каждаго вола, коровы и телятъ цѣны, какую они сами

---

[1]) Генералъ-адъютанту Анненкову отъ 3-го октября 1854 г. № 573. Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 3338.

[2]) Одна изъ такихъ ассигнацій находится въ Архивѣ канцеляріи воен. министерства въ дѣлѣ № 42.

пожелаютъ имѣть. Въ противномъ случаѣ, весь скотъ, на основаніи военнаго времени, будетъ отобранъ татарами посланными нарочно изъ г. Евпаторіи, безъ платежа.

„Объявляю при этомъ, что лучше бы было явиться самимъ помѣщикамъ или прислать своихъ управителей имѣній“ [1]).

Подп. Вильгельмъ Михайловичъ Токарскій.

Евпаторія 19-го сентября (1-го октября) 1854 г.

Помѣщики конечно не являлись и скота не пригоняли, но за то большинство татаръ сочувственно отнеслось къ союзникамъ, и въ короткое время весь Евпаторійскій уѣздъ предался непріятелю. Изъ цѣлаго уѣзда только двое: князь Магометъ-Бей-Болотуковъ и караимъ Симонъ Бабовичъ остались вѣрными русскому правительству. Князь Болотуковъ не соглашался явиться на службу султану и не ѣхалъ въ Евпаторію, куда его нѣсколько разъ приглашали съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ общее начальство надъ всѣми возставшими татарами [2]).

Караимъ Бабовичъ жилъ въ селен. Курулу; онъ самъ никуда не выѣзжалъ изъ дому, и жившіе на его земляхъ татары четырехъ деревень были не причастны къ безпорядкамъ.

Вѣрность всѣхъ остальныхъ татаръ оказывалась крайне сомнительною. Извѣстно было, что голова евпаторійскій выдавалъ одобрительныя свидѣтельства лицамъ, вовсе того не заслуживавшимъ; что голова сакскій часто бывалъ съ другими татарами въ непріятельскомъ лагерѣ, а голова джаминскій привелъ съ собою въ Евпаторію до 200 человѣкъ татаръ съ перомъ у плеча, которые и изъявили желаніе поступить въ милицію. Точно также какъ только вѣсть о высадкѣ достигла до Керкулагской волости, волостной старшина забралъ 1.800 руб. казенныхъ денегъ, хранившихся при волостномъ правленіи, отправился въ Евпаторію и деньги эти поднесъ пашѣ въ видѣ подарка. Вся волость послѣдовала его примѣру и предалась непріятелю.

Полагая, что, съ занятіемъ Евпаторіи и нѣкоторыхъ береговъ Крыма, для русскаго правительства все кончено, многіе изъ татаръ

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 96 ч. I.

[2]) Изъ показанія доктора Дюлана, представленнаго при рапортѣ генерала Богушевскаго отъ 26-го сентября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3338.

открыто проповѣдывали возстаніе. Темиръ-Булатъ-Булгаковъ, одинъ изъ яростнѣйшихъ проповѣдниковъ, разъѣзжалъ по деревнямъ и, махая обнаженнымъ мечемъ, кричалъ *„за мной“* [1]).

Шайки татаръ въ 200 и 300 человѣкъ бродили по уѣзду, разоряли имѣнія, грабили и разбойничали. Въ короткое время насилія татаръ достигли до такихъ размѣровъ, что кн. Меншиковъ нашелъ необходимымъ обратить вниманіе частныхъ начальниковъ на то, чтобы они, при походномъ движеніи, соблюдали особую осторожность, „дабы не подвергнуться нечаянному нападенію со стороны, какъ непріятеля, такъ и жителей [2])“.

Грабежи татаръ распространились далеко и достигли до предмѣстья Перекопа—Армянскаго базара. Проѣздъ по большимъ дорогамъ сдѣлался не безопаснымъ, а въ первые дни высадки сообщенія между городами были совершенно прерваны. Въ эти немногіе дни полуостровъ жилъ лихорадочною жизнію, не только со дня на день, но съ часу на часъ. Каждый входившій въ домъ приносилъ какую-либо вѣсть, и все ждало чего-то чрезвычайнаго. Многіе изъ жителей, даже мѣстъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій, покидали свои дома, имущество и торопились укрыться или въ немногихъ городахъ полуострова или уѣзжали вовсе изъ Крыма. Оставшіеся помышляли о средствахъ, какъ бы скорѣе послѣдовать за уѣхавшими. Почти половина Крыма пришла въ движеніе. На пути переселенцы разсказывали о многочисленности войскъ высадившагося непріятеля и малочисленности нашихъ; увѣряли, что Севастополь окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, спасеніе Крыма можно ожидать только съ прибытіемъ новыхъ войскъ и лучшихъ генераловъ [3]).

Разсказы переселенцевъ, имѣвшихъ за собою авторитетъ очевидцевъ и личныхъ свидѣтелей, казались прочимъ жителямъ достовѣрными.

---

[1]) Замѣтки о воен. дѣйствіяхъ въ Крыму Муликовскаго (рукоп.).

[2]) Предписаніе кн. Меншикова командующему резервн. батальономъ Волынскаго и Минскаго полковъ отъ 10-го сентября № 1185. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[3]) Изъ письма преосвященнаго Иннокентія. Арх. канц. воен. минис. по секретной части, д. № 78.

Слухъ о критическомъ положеніи нашихъ войскъ и Крымскаго полуострова быстро распространился и проникъ въ города сосѣднихъ съ Крымомъ губерній. „Въ Николаевѣ духъ у многихъ упалъ,—писалъ генералъ Кноррингъ кн. Меншикову,—потому что по большей части у нихъ родственники въ Севастополѣ, а многіе имѣютъ тамъ имѣнія, потерявши ихъ—потеряютъ все. Стараемся музыкой на бульварѣ ихъ развеселить, не совсѣмъ удачно“ [1]).

„ . . . Весь край здѣшній въ смутѣ,—писалъ Н. Кукольникъ изъ Ростова на Дону [2]).—Доходящіе сюда слухи хотя не лишаютъ еще надежды, но не могутъ считаться утѣшительными. Главное, что печалитъ народъ, это то, что кн. Меншиковъ отступилъ въ Севастополь“.

Уныніе еще болѣе усиливалось слухами о безпорядкахъ, безначаліи и волненіи татаръ, разбои которыхъ достигали до самаго Перекопа. Конечно, было бы несправедливо обвинять татаръ въ поголовномъ возстаніи, потому что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при исчезновеніи, какъ увидимъ ниже, гражданскаго начальства, мы все-таки имѣли много намъ преданныхъ, но наиболѣе между стариками. Молодыхъ же татаръ и преимущественно Евпаторійскаго уѣзда, весьма много перешло на сторону непріятеля, которому они служили какъ проводниками, такъ и ведетами на вершинахъ горъ [3]). Эта-то молодежь и наводила всеобщій страхъ на жителей, принуждая ихъ къ переселенію въ болѣе безопасныя мѣста.

Населеніе въ городахъ быстро возрастало. Въ Бахчисараѣ и Симферополѣ недоставало квартиръ для размѣщенія всѣхъ прибывающихъ въ городъ; многимъ изъ нихъ пришлось оставаться подъ открытымъ небомъ. Таврическій гражданскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пестель, совершенно растерялся и не зналъ, что съ ними дѣлать. Къ тому же отступленіе нашихъ войскъ къ Севастополю показалось ему опаснымъ для Симферополя, тѣмъ болѣе, что въ городѣ было уже извѣстно, что татары, прервавши сообщенія по дорогамъ, грабили и убивали проѣзжихъ.

---

[1]) Военно-Учен. Арх., д. № 3361.

[2]) Письмо Нестора Кукольника—барону Вревскому отъ 17-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи, д. № 78.

[3]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова 16-го сент. Арх. канц. воен. минис. п снаряженію войскъ, д. № 110.

Не зная, что дѣлать и какъ поступить, Пестель собралъ у себя родъ военнаго совѣта, изъ гражданскихъ чиновниковъ, для обсужденія мѣръ, которыя необходимо принять при настоящихъ обстоятельствахъ. Собравшіеся рѣшили, что такъ какъ армія отступила къ Севастополю, а непріятель можетъ двинуться на Симферополь, то и вывезти изъ города всѣ присутственныя мѣста, съ казною и дѣлами, при чемъ городская и земская полиціи, почтовая контора, съ почтовою станціею и жандармская команда не изъяты были отъ этого бѣгства.

Утромъ 9-го сентября, генералъ Пестель объявилъ, что всѣ должностныя лица обязаны выѣхать изъ города черезъ часъ или черезъ два. Считая дорогу на Перекопъ небезопасною, онъ предупредилъ, что поведетъ всѣхъ, черезъ Чонгарскій мостъ, на Мелитополь.

Объявленіе это произвело сильнѣйшее волненіе среди всего населенія города. Всѣ торопились отыскать подводы для перевозки имущества, но или не находили ихъ вовсе, или нанимали за весьма высокую цѣну. За простой фургонъ платили по 150 и по 200 руб., а за открытую повозку 100 руб. Въ каждомъ домѣ видны были сборы въ дорогу, хлопоты и суетня. „Вынимали изъ комодовъ наиболѣе дорогія вещи, укладывали ихъ второпяхъ въ чемоданы и экипажные сундуки, связывали въ громадные узлы, переносили мебель изъ одной комнаты въ другую, отдавали приказаніе людямъ на завтрашній день, посылали въ лавки за покупками, и все это двигалось, дѣйствовало и говорило подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха“ [1]). Заботы и горе написаны были на всѣхъ лицахъ. Бѣдное населеніе города, покидая свои жилища, лишалось послѣднихъ средствъ къ жизни; для переселенія требовались значительные расходы, а пятидесяти и даже ста рублей было не достаточно, чтобы собраться въ дорогу.

По приказанію губернатора всѣ присутственныя мѣста прекратили производство дѣлъ, связывали ихъ въ пачки и укладывали на заранѣе заготовленныя подводы и телѣги, принадлежащія почтовому вѣдомству. Въ городѣ быстро исчезла вся звонкая монета—въ ней ощущался большой недостатокъ, а бумажныя деньги потеряли половину своей цѣнности. Генералъ Пестель отправилъ, одного за другимъ, нѣсколькихъ чиновни-

---

[1]) Изъ записокъ чиновника. Матеріал. III, 29.

ковъ къ кн. Меншикову, испрашивая разрѣшенія оставить городъ со всѣми присутственными мѣстами. Посланные не возвращались, и потому губернаторъ, рѣшившись отложить свое бѣгство до слѣдующаго утра, подъ предлогомъ того, чтобы выступить всѣмъ вмѣстѣ, счелъ однако же необходимымъ предупредить чиновниковъ, что кто изъ нихъ не выѣдетъ изъ города вмѣстѣ съ нимъ, тотъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ [1]). Получивъ такое категорическое заявленіе губернатора, Симферопольская провіантская коммиссія отправила въ главную квартиру штабсъ-ротмистра Мищенко съ донесеніемъ, что таврическій губернаторъ требуетъ, чтобы всѣ присутственныя мѣста были готовы къ выѣзду изъ Симферополя, и потому коммиссія испрашиваетъ на то разрѣшеніе главнокомандующаго.

Между тѣмъ не дождавшись и на слѣдующее утро возвращенія посланныхъ, генералъ Пестель увѣдомилъ кн. Меншикова, что выѣзжаетъ изъ Симферополя со всѣми присутственными мѣстами. Такимъ образомъ онъ преждевременно отступился отъ Крыма, уступивъ свою власть татарамъ, которые и не упустили ею воспользоваться.

Въ 9-ть часовъ утра, 10-го сентября, длинный обозъ, болѣе чѣмъ въ 2.500 подводъ, нагруженный женщинами, дѣтьми и разною рухлядью, тронулся изъ города, конвоируемый 60-ю солдатами внутренняго гарнизоннаго батальона, растянувшимися болѣе чѣмъ на двѣ версты. Число удалявшихся простиралось приблизительно до 10.000 человѣкъ. „Экипажи всѣхъ возможныхъ видовъ, размѣровъ и названій, всадники, пѣшеходы, нѣсколько въ сторонѣ лошади, коровы, волы, собаки“—все это уходило изъ города съ шумомъ, крикомъ и различнаго рода восклицаніями. Многіе мужчины вооружились ружьями, пистолетами, саблями и шашками, надѣясь въ случаѣ нападенія небольшаго непріятельскаго отряда дать ему значительный отпоръ. Губернаторъ забралъ съ собою почтовыхъ лошадей и полиціймейстера съ его командою, забралъ жандармовъ и почтовую контору. Уѣзжавшіе принуждены были бросить все свое имущество и дома на расхищеніе татаръ.

Къ полудню Симферополь опустѣлъ, всѣ лавки были заперты, только братья Бычковы удержали при своемъ магазинѣ прикащиковъ, которымъ

---

[1]) Записка д. ст. сов. Григорьева (рукоп.).

приказали продавать оставшимся бѣднымъ жителямъ чай, сахаръ и закуски по дешевой цѣнѣ [1]).

Въ городѣ остались Симферопольская провіантская коммиссія и начальникъ гарнизоннаго батальона, подполковникъ Сухаревъ, въ распоряженіи котораго было нѣсколько ротъ гарнизона, инвалидная команда, партія рекрутъ и полсотни казаковъ; общая численность этого отряда доходила до 2.000 человѣкъ, изъ коихъ только 1.085 человѣкъ имѣли вооруженіе [2]). Подполковникъ Сухаревъ принялъ всѣ мѣры къ сохраненію спокойствія въ городѣ; онъ установилъ казачьи разъѣзды по всѣмъ, даже самымъ глухимъ улицамъ и объявилъ татарамъ, что всякое преступленіе съ ихъ стороны будетъ судиться военнымъ судомъ,—и порядокъ въ этотъ день не былъ нарушенъ.

Находя однакоже, что силы его недостаточны для сопротивленія непріятелю, если бы онъ вздумалъ двинуться на Симферополь, подполковникъ Сухаревъ отправилъ нарочнаго къ генералу Хомутову съ просьбою о помощи. Хомутовъ отвѣчалъ съ тѣмъ же посланнымъ, что самъ выступаетъ съ войсками изъ Керчи въ Симферополь, и просилъ Сухарева держаться до послѣдней крайности.

Часовъ около трехъ по-полудни черезъ Симферополь проѣхалъ изъ главной квартиры князя Меншикова штабсъ - капитанъ Мезенцовъ, присланный кн. Горчаковымъ и возвращавшійся къ своему мѣсту служенія. Онъ привезъ словесное приказаніе кн. Меншикова губернатору, чтобы всѣ присутственныя мѣста оставались въ Симферополѣ. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ офицеръ провіантской коммиссіи, привезшій ей предписаніе, не трогаясь съ мѣста, продолжать свою обязанность. Подполковникъ Сухаревъ тотчасъ же отправилъ съ этими извѣстіями нарочнаго къ генералъ-лейтенанту Пестелю, котораго едва нашли въ степи верстъ за 20 отъ города, во главѣ поѣзда, расположившагося на привалѣ, для корма лошадей и воловъ. По полученіи этого извѣстія эмигранты пришли въ неописанный восторгъ: раздалось громкое „ура!“ и въ пустынной степи прогремѣло до сотни выстрѣловъ...

---

[1]) Рапортъ подполковника Сухарева генералу Хомутову 10-го сентября № 8753. Арх. канц. воен. минис., по снаряженію войскъ, дѣло, № 110(а).

[2]) Рапортъ его же кн. Меншикову 12-го сентября, № 8798. Арх. главн. штаба, связка 174, д. № 1.

Только позднимъ вечеромъ, и то по одиночкѣ, стали возвращаться въ городъ путешественники. Оставшіеся смѣялись надъ возвращавшимися, смѣялись и надъ губернаторомъ, положеніе котораго въ Симферополѣ сдѣлалось весьма не завиднымъ. „Народъ давно уже его не любитъ,—писалъ одинъ изъ симферопольцевъ,—но этотъ случай раздражилъ всѣхъ до крайности. Бѣдные чиновники въ особенности пострадали: ихъ заставили покинуть свое имущество и выѣзжать изъ города. Имъ выдали впередъ третное жалованье, которое они истратили на совершенно безполезную, но дорогую и разорительную прогулку по степи. Прогулку эту симферопольцы прозвали *городскимъ пикникомъ съ губернаторомъ* [1]).

Въ тотъ же самый день произошло такое же выселеніе и изъ Перекопа, куда въ день высадки прибылъ евпаторійскій казначей Джіоти, съ суммою и чиновниками, а на другой день явился и приставъ казенной палаты Сенниковъ, находившійся при Сакскомъ озерѣ. Слѣдомъ за ними тянулись и проѣзжали черезъ Перекопъ жители разныхъ сословій изъ Симферополя и Евпаторіи, спасавшіе себя и свои семейства. Послѣднія разсказывали о тѣхъ лишеніяхъ и опасности, которымъ подвергались они отъ разбоевъ татаръ Евпаторійскаго уѣзда. Какъ бы въ подтвержденіе ихъ словъ жители Перекопа узнали, что въ городъ прибыли ограбленные, избитые и раненые купцы, занимавшіеся торговлею соли. Въ числѣ этихъ несчастныхъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ солепромышленниковъ Караимъ Луцкій, у котораго татары отняли болѣе 11.000 рублей сер.

Всѣ эти свѣдѣнія и разсказы очевидцевъ распространили страхъ въ окрестномъ населеніи, и многіе торговые люди стали уѣзжать изъ Перекопа. Къ сожалѣнію, само начальство увлеклось общимъ потокомъ и не нашло въ себѣ столько силы и рѣшимости, чтобы подать примѣръ противнаго. Конечно, это послужило еще къ большему упадку народнаго духа. Соляное правленіе также помышляло о собственномъ спасеніи и спасеніи казенныхъ суммъ. Не имѣя никакихъ свѣдѣній о своихъ чи-

---

[1]) Изъ записокъ чиновника. Матер. III, 30—37. Письмо Княжевича отъ 11-го сентября. Записка проѣзжаго (рукоп.). Десятое сентября въ Симферополѣ. Матер. III, 39.

новникахъ, находившихся въ Евпаторійской дистанціи, правленіе въ ожиданіи ихъ прибытія и дальнѣйшей развязки дѣла учредило въ двухъ пунктахъ посты, изъ четырехъ конныхъ объѣздчиковъ: одинъ въ селеніи Кенигёзъ, лежавшемъ по дорогѣ въ Евпаторію, верстахъ въ 50-ти отъ Перекопа, а другой въ селеніи Колончакъ, для наблюденія за положеніемъ береговъ по Джегарлыцкому заливу, до Тендры и далѣе къ Кинбурну. Съ послѣдняго пункта свѣдѣнія доставлялись въ Перекопъ благопріятныя, но со стороны Евпаторіи они были неуспокоительны.

Посланный съ двумя объѣздчиками въ селеніе Кенигёзъ чиновникъ солянаго правленія Турчаниновъ нашелъ селеніе это разореннымъ татарами, а жителей его бѣжавшими въ дер. Кошкары. Турчаниновъ видѣлъ, что татары остановили обозъ чумаковъ, отняли у нихъ до 100 воловъ и погнали ихъ по направленію къ Евпаторіи. Бросившись въ селеніе Кошкары и собравъ тамъ десять человѣкъ конныхъ жителей, Турчаниновъ успѣлъ отбить воловъ и захватилъ одного татарина, отъ котораго узналъ, что кордонъ пограничной стражи № 3-й былъ также разоренъ татарами.

Разореніе кордона № 3 повлекло за собою снятіе всей линіи кордонной пограничной стражи до Ахмечетской бухты; оставленъ былъ только постъ № 1-й у берега Чернаго моря при Перекопскомъ валѣ. Вскорѣ было получено свѣдѣніе объ отнятіи татарами 46 паръ воловъ, у Перекопа, близъ самыхъ озеръ, а 7-го сентября прибыли въ предмѣстье Перекопа—Армянскій базаръ—50 казаковъ, съ урядникомъ вышедшихъ изъ Шейхъ-Лара (имѣнія кн. Воронцова, извѣстнаго также подъ именемъ Ахмечетская бухта). Казаки увѣряли, что они отступили отъ кордоновъ, разбитыхъ татарами, которые гнались за ними, стрѣляя и бросаясь съ остервенѣніемъ на пики. По показаніямъ казаковъ, они убили пять татаръ и ранили до 15 человѣкъ; сами же не понесли никакой потери, за исключеніемъ одной раненой лошади. Вмѣстѣ съ казаками прибыли помощникъ пристава казенной палаты за-евпаторійскихъ озеръ Сагайдашный и писецъ съ женою, которая была ранена въ одной изъ перестрѣлокъ съ татарами.

Съ каждымъ днемъ множество угрожающихъ слуховъ о возмущеніи и враждебныхъ намѣреніяхъ татаръ, которыми окруженъ былъ Пере-

копъ, достигали до города. Можно было опасаться, что ямщики на крымскихъ почтовыхъ станціяхъ, испуганные близостью непріятеля и грабежами татаръ, также разбѣгутся, и тогда сообщеніе Перекопа съ Симферополемъ и Севастополемъ прекращалось само собою. Прибывшіе въ Перекопъ за солью фурщики, не видя возможности слѣдовать къ озерамъ, рѣшились возвратиться домой безъ соли.

Хотя въ распоряженіи солянаго правленія и было 75 человѣкъ конныхъ объѣздчиковъ, но, опасаясь отвѣтственности за несохраненіе суммъ, соляное правленіе рѣшилось оставить городъ. Казенныя суммы, простиравшіяся до 160.000 руб., были отправлены съ казначеемъ въ Херсонское губернское казначейство; дѣла и книги за десять лѣтъ перенесены въ домъ смотрителя Бериславской переправы, а само правленіе, 10-го сентября, выѣхало изъ Перекопа въ селеніе Каховку, Таврической губерніи, противъ г. Берислава. Вслѣдъ за солянымъ правленіемъ оставили городъ перекопское и евпаторійское казначейства, отправившіяся въ г. Мелитополь [1]. Такимъ образомъ продажа соли прекратилась; Таврическая губернія лишилась главнаго своего дохода, а казенная палата—возможности удовлетворить потребностямъ края, значительно увеличившимся съ началомъ военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ.

Выселеніе присутственныхъ мѣстъ и отсутствіе войскъ, на пространствѣ между Перекопомъ и Симферополемъ, навело на жителей Перекопа и Армянска такой страхъ, что большинство изъ нихъ также оставляли городъ. Перекопъ первое время послѣ такого выселенія походилъ на кладбище: такъ мало было въ немъ живыхъ существъ. Въ оставленномъ городѣ толпилось только до тысячи подводъ чумаковъ, пришедшихъ изъ южныхъ губерній за солью, и постоянно прибывали транспорты съ порохомъ, лазаретными вещами и гурты скота, направленнаго въ Крымъ на продовольствіе войскамъ. Все это собралось въ небольшомъ городѣ, въ которомъ почти мгновенно не оказалось никакой полицейской власти. Въ городѣ прекратилась всякая торговля и затруд-

[1]) Донесеніе крымскаго солянаго правл. въ департ. горн. и соляныхъ дѣлъ 10-го сентября № 2133. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 122.

нилось до крайности продовольствіе проходящихъ командъ. Подрядчики и извощики, дойдя до Перекопа и узнавъ здѣсь, что дальнѣйшее сообщеніе прервано татарами, не знали, что предпринять и къ кому обратиться. Не находя продовольствія для своихъ воловъ и лошадей, подводчики оставляли свои возы и уходили. Подрядчики пробовали было уговорить чумаковъ, оставшихся безъ клади, доставить въ Симферополь провіантъ для войскъ, но они отказывались и разъѣзжались по домамъ. Вмѣсто нихъ прибывали въ Перекопъ новые обозы, и вступали войска, направленныя на подкрѣпленіе Крымской арміи. Скопленіе войскъ и обозовъ было причиною многихъ безпорядковъ, не прекращавшихся за отсутствіемъ власти и какихъ бы то ни было распоряженій. Губернское начальство не предпринимало никакихъ мѣръ къ возстановленію порядка.

Таврическій губернаторъ, генералъ Пестель, послѣ Симферопольскаго пикника, объявивъ себя больнымъ, никуда не выходилъ [1]), не показывался на улицѣ и не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ къ подавленію возстанія. Онъ не могъ даже прекратить доставку непріятелю припасовъ, которая, какъ извѣстно было, производилась „изъ самаго Симферополя и Бахчисарая [2])“. Отъ губернатора нельзя было добиться никакихъ свѣдѣній; онъ ничего не зналъ, что дѣлается въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ. „Князь Меншиковъ—писалъ флигель-адъютантъ Шеншинъ [3]),—тоже очень недоволенъ тѣмъ, что въ Симферополѣ ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ въ краѣ. Можно сказать, что власть губернатора рушилась сама собою съ того дня, какъ онъ въ испугѣ выѣхалъ изъ города съ присутственными мѣстами. Ежели бы его не успѣли во-время воротить, то оставшимся въ Симферополѣ жителямъ плохо пришлось бы отъ татаръ“.

Бездѣятельность и исчезновеніе гражданскаго начальства были причиною многихъ безпорядковъ. Съ выѣздомъ присутственныхъ мѣстъ

---

[1]) Письма камеръ-юнкера Чарыкова генералу Анненкову отъ 12-го и 13-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3361. Донесеніе таврическаго губернатора ему же отъ 12-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи, дѣло № 78.

[2]) Письмо Чарыкова Анненкову. Арх. канц. воен. минис. по секретной описи № 58.

[3]) Письмо Шеншина воен. минис. отъ 25-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по секретной части, дѣло № 111.

изъ городовъ, каждый изъ жителей предоставлялся самому себѣ, не имѣлъ никакой защиты и не зналъ, къ кому обратиться за помощью, въ случаѣ нужды. Татары, остававшіеся еще намъ преданными, принуждены были скоро послѣдовать общему движенію, и только немногіе были настолько тверды, что не поддались постороннимъ внушеніямъ. Изъ многихъ деревень являлись къ военному начальству сборщики податей, за приказаніемъ, куда отвозить подати и кому сдавать деньги [1]). На просьбу военнаго начальства выслать чиновниковъ для успокоенія края и для пріема податей, таврическій губернаторъ отмалчивался и никакихъ распоряженій не дѣлалъ. Отсутствіе чиновниковъ и вообще властей дѣлало участь оставшихся намъ вѣрными далеко не привлекательною: правые бѣдствовали одинаково съ виноватыми.

Среди такого смятенія, въ полдень 12-го сентября, прибылъ въ Перекопъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій. Увидѣвъ положеніе, въ которомъ находился городъ и весь Крымскій полуостровъ, онъ тотчасъ же сообщилъ о томъ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору.

„Душевный поклонъ вамъ изъ Перекопа!—писалъ онъ генералъ-адъютанту Анненкову [2]).—Въ три дня мы едва добрались до него—такое множество затрудненій въ пути. Здѣсь мы съ половины вчерашняго дня и остановились на время по невозможности слѣдовать далѣе. Татары Евпаторійскаго уѣзда страшно бунтуютъ; прочіе уѣзды также готовы развить знамя возмущенія. Это навело большой страхъ на все христіанское населеніе, и оно бѣжитъ съ полуострова—въ Россію. Страннѣе всего то, что начальство первое подало постыднѣйшій примѣръ этого бѣгства, именно въ Перекопѣ, гдѣ вовсе нѣтъ опасности, все здѣшнее управленіе перебѣжало въ Бериславъ, не поручивъ никому города. Отчего здѣсь,—у воротъ Крыма въ Россію,—совершенное безначаліе и городъ почти пустъ. Бѣдные чумаки, съ тысячью подводъ, возвращаются назадъ съ плачемъ, тогда какъ ихъ можно бы было преспокойно надѣлить солью. Въ такомъ случаѣ, вы сдѣлаете истинную

[1]) Рап. маіора Гангардта генералу Анненкову 30-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 96 ч. I.

[2]) Отъ 13-го сентября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3361.

услугу краю, прислав какого-либо чиновника поскорѣе сюда, чтобъ было къ кому обращаться, въ случаѣ нужды.

„Войска со вчерашняго числа начали вступать сюда съ тѣмъ, чтобы слѣдовать по большой дорогѣ далѣе къ Симферополю и обезопасить ее, а равно чтобъ стать противъ разбоевъ татарскихъ. Дорога на Арабатскую стрѣлку тоже опасна отъ татаръ, да отсюда теперь трудно и добраться до нея. Для принятія войскъ прибылъ сюда молодой Меншиковъ; сейчасъ онъ отправляется впередъ, а мы за нимъ. Но едва-ли поспѣемъ во-время... Еще повторю—въ Перекопѣ,—у воротъ въ Россію, нужно хоть какое-либо начальство, коего вовсе нѣтъ. Губернское начальство (симферопольское), слышно, само хотѣло бѣжать въ Мелитополь, но удержано княземъ. Сердце разрывается отъ жалости—отъ такихъ недосмотровъ и нераспоряженій...“

По полученіи первыхъ свѣдѣній о безпорядкахъ и безначаліи въ Перекопѣ, главнокомандующій Южною арміею кн. М. Д. Горчаковъ, сознавая, что городъ этотъ по своему положенію пріобрѣлъ важное стратегическое значеніе, какъ пунктъ, обезпечивающій сообщеніе Крымскаго полуострова съ остальною частью Таврической губерніи—отправилъ, для водворенія въ немъ порядка, генералъ-лейтенанта Богушевскаго, для временнаго исполненія должности военнаго начальника.

„Возстановите порядокъ въ городѣ,—писалъ ему кн. Михаилъ Дмитріевичъ [1],—возвратите удалившихся изъ онаго полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, или назначьте вмѣсто ихъ другихъ лицъ изъ гражданскаго вѣдомства, или изъ военныхъ офицеровъ и строго наблюдайте за сохраненіемъ впредь общественнаго порядка и благополучія; успокойте умы и объявите всѣмъ, что въ Крымъ идутъ сильныя подкрѣпленія, направленныя мною въ Перекопъ... Будьте бдительны и примите всѣ мѣры къ отраженію, въ случаѣ нужды, всякихъ покушеній со стороны непріятельскихъ партій или вооруженныхъ шаекъ туземныхъ татаръ“.

Съ пріѣздомъ генерала Богушевскаго порядокъ мало-по-малу началъ водворяться какъ въ Перекопѣ, такъ и прочихъ мѣстахъ полуострова.

---

[1]) Въ предписаніи отъ 16-го сентября № 3046. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3331.

Симферополь, послѣ несчастнаго, хотя и кратковременнаго удаленія изъ него жителей и начальства, какъ бы стыдясь своего прежняго малодушія, выказывалъ болѣе твердости, устраивалъ помѣщеніе для раненыхъ и хлопоталъ объ улучшеніи ихъ положенія.

Въ остальныхъ городахъ также приходило все въ должный порядокъ. Въ Карасубазарѣ было спокойнѣе всѣхъ городовъ Крымскихъ. Начальникъ города не слушалъ ничьихъ совѣтовъ и не покидалъ города ни на минуту. Татары и здѣсь начинали волноваться, но ограничились сходками и разговорами. Ѳеодосія нѣсколько дней казалась совершенно пустою, но съ пріѣздомъ преосвященнаго Иннокентія въ этотъ городъ жители стали стекаться со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, полиція не покидала города, и потому порядокъ не былъ ничѣмъ нарушенъ. На Арабатской стрѣлкѣ, въ Геническѣ и далѣе все было спокойно, хотя въ этихъ городахъ и не было видно ни одного военнаго лица [1]).

XI.

Дѣятельность въ Севастополѣ по полученіи извѣстія о высадкѣ союзниковъ.—Формированіе четырехъ флотскихъ батальоновъ.—Мѣры, принятыя Корниловымъ по оборонѣ города.—Слухи въ Севастополѣ о дѣйствіи нашихъ войскъ на р. Алмѣ. — Военный совѣтъ, собранный Корниловымъ.—Преграждэніе рейда затопленіемъ кораблей.—Рѣчь Корнилова.—Приближеніе непріятеля къ Севастополю.—Впечатлѣніе, произведенное на союзниковъ потопленіемъ кораблей.— Князь Меншиковъ оставляетъ Севастополь, поручая начальство надъ войсками Сѣверной стороны города вице-адмиралу Корнилову, а Южной — вице-адмиралу Нахимову.—Формированіе морскихъ батальоновъ.—Ихъ расположеніе на Сѣверной и Южной частяхъ города.—Защита Сѣверной стороны.—Союзники, не рѣшаясь атаковать Сѣверныхъ укрѣпленій, положили перейти на Южную сторону города.—Причины такой перемѣны плана дѣйствій.—Фланговое движеніе нашей и непріятельской армій.—Толки въ Севастополѣ по поводу этого движенія.

Севастополь не былъ готовъ къ встрѣчѣ незванныхъ гостей: укрѣпленія его были ничтожны; въ инженерныхъ запасахъ его не было до-

---

[1]) Изъ письма преосвящ. Иннокентія. Арх. канц. воен. минис. по секретной части, дѣло № 78.

статочнаго количества матеріаловъ, не было шанцеваго инструмента, не было, наконецъ, и войскъ для защиты города и укрѣпленій.

Далекій отъ театра войны, происходившей до сихъ поръ на Дунаѣ, въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ, Севастополь оставался неподдержаннымъ до послѣдней минуты. Скоплявшіяся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ тучи, наконецъ, разразились надъ городомъ, не имѣвшимъ громоотвода.

Съ уходомъ войскъ на р. Алму въ городѣ оставлено было четыре резервные батальона Виленскаго и Литовскаго егерскихъ полковъ, четыре дессантныхъ батальона, съ двумя подвижными морскими батареями и разныя морскія команды, находившіяся частію на судахъ, частію на берегу. Городъ защищался еще флотомъ, состоявшимъ изъ 15 кораблей [1]), 7 фрегатовъ [2]), 2 корветовъ [3]), 2 бриговъ [4]), 11 пароходовъ [5]) и нѣсколькихъ мелкихъ военныхъ судовъ. Всѣ они, имѣя главнѣйшею цѣлью защиту входа въ Севастопольскую бухту, были разставлены такъ, что, защищая входъ на рейдъ, въ то же время, по возможности содѣйствовали и сухопутной оборонѣ.

Въ день появленія непріятельскаго дессанта Корниловъ отдалъ приказъ всѣмъ судамъ быть готовыми сняться съ якоря во всякое время, а вице-адмиралъ Нахимовъ поднялъ сигналъ: „*приготовиться къ походу*“ и составилъ диспозицію на случай выхода въ море. Тогда же приказано было судамъ принять всѣ мѣры противъ пожара, убрать купеческія суда въ глубину Южной бухты и сформировать изъ матросовъ четыре флотскихъ батальона: № 34—подъ командою капитанъ-лейтенанта князя Ширинскаго-Шихматова; № 36—капитанъ-лейтенанта Воеводскаго; № 37—капитана-лейтенанта Стройникова и первый рек-

---

[1]) «Великій Князь Константинъ», «Ягудіилъ», «Три-Святителя», «Двѣнадцать Апостоловъ», «Храбрый», «Парижъ», «Императрица Марія», «Чесма», «Варна», «Святославъ», «Селафаилъ», «Уріилъ», «Гавріилъ», «Ростиславъ» и «Силистрія».

[2]) «Коварна», «Кулевча», «Месемврія», «Флора», «Мидія», «Кагулъ» и «Сизополь».

[3]) «Калипсо» и «Орестъ».

[4]) «Язонъ» и «Эней».

[5]) «Тамань», «Громоносецъ», «Владиміръ», «Бессарабія», «Одесса», «Крымъ», «Херсонесъ», «Грозный», «Дунай», «Турокъ» и «Эльборусъ».

рутскій батальонъ—капитана 2-го ранга Коцебу [1]). Общее начальство, надъ всѣми четырьмя батальонами, поручено капитану 2-го ранга Скоробогатову, въ помощь которому былъ назначенъ капитанъ 2-го ранга Спицинъ.

Незначительное число сухопутныхъ войскъ, оставленныхъ въ Севастополѣ, было причиною того, что князь Меншиковъ приказалъ всѣ городовые караулы занимать нижними чинами морскаго вѣдомства, на которыхъ была возложена и главная защита города. Оставшись съ моряками, Корниловъ, какъ начальникъ штаба, трудился безъ устали. Онъ собиралъ флагмановъ и командировъ кораблей, отдавалъ имъ приказанія, опредѣлялъ порядокъ, въ которомъ должны быть свозимы съ судовъ команды, для подкрѣпленія войскъ, въ случаѣ нападенія непріятеля; онъ пробовалъ пушки и ракеты, устанавливалъ особые сигналы, заготовлялъ продовольствіе для гарнизона Сѣвернаго укрѣпленія, установилъ летучую почту между Севастополемъ и главною квартирою кн. Меншикова, устроилъ телеграфную линію и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ объ укрѣпленіи города какъ съ сѣверной, такъ и съ южной стороны.

Встрѣтивъ въ лицѣ подполковника Тотлебена дѣятельнаго и энергическаго помощника, Корниловъ поручилъ ему главное и общее завѣдываніе всѣми оборонительными работами. Для болѣе быстраго въ этомъ успѣха были остановлены, со 2-го сентября, всѣ портовыя работы и прекращены работы, производившіяся въ Сѣверномъ укрѣпленіи, по возвышенію и утолщенію его брустверовъ. Оставшіеся свободными рабочіе были обращены на вновь устраиваемыя земляныя укрѣпленія, возводимыя одновременно по всей линіи, съ тою цѣлію, чтобы, откуда ни явился непріятель, можно было бы вездѣ дать ему отпоръ. Необходимо было работать такъ, чтобы укрѣпленіе, сегодня насыпаемое, завтра могло огнемъ своимъ встрѣтить непріятеля и оказать сопротивленіе при его нападеніи. Труда было много, но не задумались надъ нимъ защитники, и въ

[1]) Батальонъ № 34 сформированъ изъ команды корабля «Уріилъ» и фрегата «Флора»; № 36—команды корабля «Ростиславъ» и фрегата «Сизополь»; № 37—команды корабля «Гавріилъ» и фрегата «Кагулъ»; а первый рекрутскій—команды корвета «Калипсо» и только-что прибывшей, 2-го сентября, партіи рекрутъ.

городѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Всѣ рабочіе, какіе только были подъ рукою, обращены на постройку укрѣпленій: писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, рота карантинной стражи и даже арестанты были высланы на работу, и все-таки такого люду насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ. Жители города, старый и малый, богатый и бѣдный, чиновный и простой—всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, гдѣ устанавливались преграды непріятелю. Телѣги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащія частнымъ лицамъ, безъ всякаго требованія, по доброй волѣ употреблены были для переноски и перевозки различныхъ предметовъ. Полиція, обходя дома, приглашала обывателей на работу, и, случалось, долго стучалась въ дверь, чтобы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около пяти тысячъ человѣкъ. Оставшіеся въ городѣ солдаты и матросы были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и прочими инструментами, необходимыми при постройкѣ укрѣпленій. Рабочіе носили землю во всемъ, въ чемъ было можно; носили ее въ корзинахъ, мѣшкахъ и полахъ шинелей. По улицамъ города тащили бревна, доски и другіе матеріалы.

Работа кипѣла; шумъ и всеобщее движеніе замѣтно усилились въ Севастополѣ. Звуки мѣдныхъ роговъ и бой барабановъ, въ разныхъ частяхъ города, призывали рабочихъ къ дѣятельности послѣ кратковременнаго отдыха; звучно гремѣли якорныя цѣпи кораблей, переводимыхъ съ мѣста на мѣсто, для лучшаго пораженія подступающаго къ городу непріятеля. Стклянки или морскіе часы, черезъ каждые полчаса указывали время безчисленнымъ звономъ, но за ними некогда было слѣдить, да и некому, исключая часовыхъ.

Объѣзжая работы по нѣскольку разъ въ день, адмиралъ Корниловъ радовался успѣху, видя, что въ недѣлю сдѣлано столько, сколько въ другой разъ не сдѣлаешь въ цѣлый годъ. Работы шли съ большимъ успѣхомъ: „не только рабочіе, но мужики съ охотою работаютъ,—писалъ Корниловъ своей супругѣ. У насъ въ Севастополѣ все благополучно; все спокойно и даже одушевлено; на укрѣпленіяхъ работаютъ безъ устали, и они идутъ съ большимъ успѣхомъ [1])“.

[1]) Письмо-журналъ Корнилова отъ 3-го—7-го сентября. Жандръ, 191 и 192.

И дѣйствительно, въ самое короткое время, передъ глазами непріятеля выростали твердыни Севастопольскія, мощныя не толщиною и крѣпостію своихъ стѣнъ, а силою духа русскаго, безусталью народа православнаго. Выше всякой похвалы и достойна всякаго уваженія та необыкновенная дѣятельность, которую выказали севастопольцы, какъ мужчины, такъ и женщины. Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, тянувшейся верстъ на семь, и повсюду кипѣла работа съ одинаковымъ успѣхомъ: мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины таскали, иногда издали, землю въ своихъ подолахъ. Появилась и такая батарея, которая безъ участія мужчинъ насыпана была только однѣми женщинами-проститутками. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе *дѣвичьей* и осталась свидѣтельницею ихъ любви къ родной странѣ и неутомимой посильной дѣятельности.

Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, какъ оставшіеся въ городѣ матросы снимали съ кораблей свои огромныя орудія и перевозили ихъ на батареи. Люди, человѣкъ по сто, впрягались въ тяжелую пушку, и гдѣ съ припѣвомъ *„дубинушки“*, а гдѣ и просто съ крикомъ „ура!“ тащили ее на гору и ставили на батарею. Изъ порта доставляли на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки отъ провіанта, для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ.

Подъ руководствомъ инженеръ-подполковника Тотлебена работа производилась день и ночь. Тысячъ пять человѣкъ съ разсвѣтомъ начинали работу по укрѣпленіямъ и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души, понимая ясно, что работа эта необходима и что онъ долженъ работать.

Во все это время жители Севастополя, не имѣя никакихъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о дѣйствіи нашихъ войскъ, терялись въ предположеніяхъ и разнаго рода догадкахъ. Подъ видомъ новостей и слуховъ разсказывались самыя небывалыя вещи и если при этомъ выставлялись поступки лестные для народной гордости, то они тотчасъ же запивались шампанскимъ. Разсказъ въ клубѣ морскаго офицера Ш. о томъ, что часть высадившихся непріятельскихъ войскъ будто бы отрѣзана княземъ Меншиковымъ, стоилъ многихъ бутылокъ шампанскаго.

Въ городѣ новостямъ не было конца и хотя всѣ онѣ не имѣли никакой достовѣрности, но, за то, одна быстро смѣняла другую. Севастопольцы разсказывали другъ другу, съ ручательствомъ за вѣрность, что генералъ Хомутовъ спѣшитъ на помощь нашимъ войскамъ съ 50.000 казаковъ [1]), а вслѣдъ затѣмъ увѣряли, что на порученный попеченію того же Хомутова Ѳеодосійскій берегъ высаживается значительный дессантъ англо-французовъ [2]). Въ то горячее время всѣ эти разсказы сходили самымъ благополучнымъ образомъ, и противорѣчій въ нихъ никто не замѣчалъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки и надѣялись на стойкость нашихъ войскъ.

Наконецъ наступило раннее утро 8-го сентября. Съ возвышенныхъ мѣстъ города можно было видѣть лѣсъ мачтъ непріятельскаго флота, вытягивавшагося противъ устья р. Алмы и по большей части заслоненнаго выдавшимся въ море мысомъ Лукуллъ. Клубы чернаго дыма, съ непріятельскихъ пароходовъ, высоко подымались въ воздухѣ, и легкій вѣтерокъ сгонялъ его по направленію къ позиціи, занятой нашими войсками.

Около часу по полудни до Севастополя достигла отдаленная канонада съ непріятельскихъ судовъ, а вслѣдъ затѣмъ въ два часа по полудни, Лукульскій телеграфъ подалъ послѣдній свой сигналъ: *армія вступила въ бой.*

Выстрѣлы, слышавшіеся сначала у морскаго берега, постепенно подвигались вправо и становились все глуше и глуше. Канонада то какъ будто стихала, то прекращалась на нѣсколько минутъ, то вдругъ разсыпалась бѣглымъ огнемъ.

Севастополь переживалъ томительныя минуты ожиданія.

Около пяти часовъ по-полудни выстрѣлы смолкли, и надъ кровавымъ полемъ колыхались только одни облака пороховаго дыма.

Находясь между страхомъ и надеждою, жители до сумерекъ оставались на улицѣ и все-таки разошлись по домамъ въ неизвѣстности о результатѣ сраженія. Позднимъ вечеромъ привезли въ городъ ранена го флигель-адъютанта полковника Сколкова, съ отнятою рукою, и

---

[1]) Дневникъ инженеръ-капитана Телятникова (рукоп.).

[2]) Дневникъ о Севастопольской осадѣ, Батьянова (рукоп.).

севастопольцы узнали отъ него, что сраженіе было кровопролитное, что наши войска дрались славно, лихо, по-русски, но все-таки принуждены были отступить.

Между тѣмъ съ первыми выстрѣлами на р. Алмѣ вице-адмиралъ Корниловъ и подполковникъ Тотлебенъ поскакали на поле сраженія, но успѣли прибыть туда только тогда, когда войска наши, отступая послѣ кровопролитнаго боя, подходили къ рѣкѣ Качѣ. Здѣсь они встрѣтили князя Меншикова, который поручилъ Корнилову принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ бухты, а подполковнику Тотлебену осмотрѣть мѣстность по сѣверную сторону рейда, чтобы выбрать такую фланговую позицію на Инкерманскихъ высотахъ, съ которой можно бы было угрожать непріятелю при движеніи его къ сѣверной части Севастополя.

Возвратившись въ Севастополь поздно вечеромъ, Корниловъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе о размѣщеніи по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ, прибывающихъ съ поля сраженія. На сѣверной сторонѣ рейда ожидали ихъ шлюпки, для переправы черезъ бухту, а на пристаняхъ южнаго берега стояли люди съ носилками. Вся дорога вплоть до госпиталей и казармъ, назначенныхъ для пріема раненыхъ, была освѣщена факелами „и всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни, говорившія о нашей потерѣ [1])“.

Переправа эта продолжалась и на слѣдующій день; вся бухта была покрыта гребными судами, перевозившими раненыхъ. Улицы наполнялись народомъ, но среди населенія не было уже слышно ни радостныхъ привѣтствій, ни восторженныхъ возгласовъ. Надежда на несокрушимость нашу рушилась, самоувѣренность смѣнилась глубокимъ безмолвіемъ, и только весьма немногіе твердили о небывалой дальности непріятельскихъ выстрѣловъ. Большинство сознавало предстоящую опасность и критическое положеніе Севастополя. Всѣ заключенные въ стѣнахъ города хорошо понимали, что теперь настало время, когда каждый долженъ стать на защиту отечества и своего роднаго пепелища.

Утромъ 9-го сентября Корниловъ собралъ военный совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ.

---

[1]) Жандръ, «Матеріалы для обороны Севастополя», 196.

— Армія наша отступаетъ къ Севастополю, — сказалъ онъ собравшимся, — вслѣдствіе чего непріятель легко можетъ занять южныя Бельбекскія высоты, распространиться къ Инкерману и Голландіи и, дѣйствуя съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова, принудить флотъ оставить настоящую позицію. Съ перемѣною же боевой позиціи нашихъ судовъ облегчится доступъ на рейдъ непріятельскому флоту, и если союзная армія успѣетъ въ то же время овладѣть сѣверными укрѣпленіями, то геройское сопротивленіе наше не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна.

Руководимый такими соображеніями, Корниловъ предложилъ совѣту смѣлый планъ: выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ столпившійся у мыса Лукуллъ. По его мнѣнію, въ случаѣ успѣха мы могли уничтожить непріятельскіе корабли и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и возможности получить подкрѣпленія, а въ случаѣ неудачи, Корниловъ предлагалъ стараться сцѣпиться на абордажъ, взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умереть со славою [1]).

Спасая честь роднаго флага, Корниловъ видѣлъ въ такой геройской смерти храбрыхъ залогъ къ спасенію города, потому что, по его мнѣнію, оставшись даже побѣдителями, союзники были бы настолько разстроены, что не рѣшились бы атаковать сильныхъ приморскихъ батарей. Съ другой стороны, союзная армія, лишенная содѣйствія флота, не могла бы предпринять ничего рѣшительнаго противъ войскъ кн. Меншикова, если бы онъ рѣшился, укрѣпившись, защищаться до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій непріятель могъ быть окончательно уничтоженъ превосходными силами.

Такъ думалъ Корниловъ, но не такъ думали собравшіеся члены совѣта. Большинство ихъ было несогласно съ отважнымъ предложеніемъ адмирала, какъ съ предложеніемъ, не обѣщающимъ въ дѣйствительности никакого успѣха.

Среди союзнаго флота только французская эскадра была нагружена войсками и припасами, но за то англійская эскадра, — въ составѣ 10 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и большаго числа парохо-

---

[1]) Жандръ, «Матер. для обороны Севастополя», 197.

довъ,—не была вовсе занята дессантомъ и явилась въ виду Крымскихъ береговъ въ боевой линіи, готовая принять атаку нашего флота. Если вспомнить при этомъ, что въ числѣ англійскихъ кораблей было пять винтовыхъ, то очевидно, что силы непріятеля были слишкомъ несоразмѣрны съ нашими.

Независимо отъ этой несоразмѣрности были и другія причины, которыя дѣлали атаку съ нашей стороны почти невозможною. Эти причины лежали въ особенностяхъ Севастопольскаго рейда, по узости входа, имѣющаго то неудобство, что, при противномъ вѣтрѣ, парусным судамъ нельзя выходить лавировкой; пароходовъ же, для буксированія судовъ, мы не имѣли въ достаточномъ числѣ, а тѣ, которые были, могли при тихомъ вѣтрѣ буксировать корабли отъ 5 до 6 узловъ въ часъ, но при волненіи они шли не болѣе одного узла или совсѣмъ не двигались. Такъ, послѣ Синопскаго сраженія поврежденные корабли съ большимъ трудомъ могли быть выбуксированы только съ рейда, а у выхода въ море принуждены были бросить буксиры, хотя вѣтеръ былъ умѣренный, но волненіе довольно сильное. Къ тому же узость входа Севастопольскаго рейда не дозволяла нашему флоту выйти соединенно, и потому онъ подвергался опасности быть разбитымъ по частямъ.

Допустимъ однако же, что всѣ неблагопріятныя условія выхода были бы устранены, то и тогда число нашихъ кораблей было гораздо менѣе, чѣмъ непріятельскихъ; наши суда были большею частью парусныя, и движеніе ихъ вполнѣ зависѣло отъ вѣтра, тогда какъ непріятель, имѣя много судовъ паровыхъ, могъ располагать своими движеніями по произволу. Даже если бы часть союзнаго флота при удачѣ и была взорвана нами на воздухъ, то и это не много помогло бы дѣлу, такъ какъ другая его часть могла отрѣзать насъ, или ворваться въ Севастополь вмѣстѣ съ нами, и тогда гибель флота все-таки не спасла бы города.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній большинство членовъ совѣта готово было предложить другой проектъ дѣйствій—преградженіе непріятелю входа на рейдъ. Мысль эта явилась не моментально, не въ день собранія совѣта, она обсуждалась моряками ранѣе, и можно сказать, что со дня высадки непріятели, въ Севастополѣ поговаривали уже объ этой мѣрѣ. Еще за нѣсколько дней до собранія совѣта контръ-адмиралъ Истоминъ высказывалъ П. А. Перелешину эту мысль и находилъ ее,

при извѣстныхъ условіяхъ, весьма основательною. Но какъ приложить ее къ дѣлу, послѣ кипучихъ и полныхъ отваги словъ Корнилова?

Сознавая всю щекотливость подобнаго предложенія, члены совѣта долгое время не въ силахъ были произнести то, что считали необходимымъ. Среди собравшихся нашелся однако же человѣкъ, рѣшившійся, для общей пользы, принять починъ на себя и сказать первое слово.

— Хотя я не прочь,—сказалъ, обращаясь къ совѣту, капитанъ 1-го ранга Зоринъ,—вмѣстѣ съ другими выйти въ море, вступить въ неравную битву и искать счастія или славной смерти, но я смѣю предложить другой способъ защиты: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище, до послѣдней капли крови [1]).

Прискорбно было представителямъ славнаго Черноморскаго флота выслушать подобное предложеніе; у многихъ изъ нихъ навернулись на глазахъ слезы. Каково же было положеніе Зорина, рѣшившагося сдѣлать подобное предложеніе? Чѣмъ сильнѣе были боровшіяся въ немъ ощущенія, тѣмъ выше заслуга его передъ отечествомъ. Въ самомъ дѣлѣ не легко было черноморцамъ рѣшиться на такую мѣру. Запрудить портъ и запереться въ немъ безвыходно значило сознать свое безсиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ званія моряка, столь высоко чтимаго черноморцами. Своею любовію къ дѣлу, своимъ единодушнымъ стремленіемъ на общую пользу черноморцы довели свои корабли до того высокаго совершенства, которому завидовали иностранныя державы. Теперь, когда они могли справедливо гордиться своимъ созданіемъ, приходилось, собственными руками, потопить эти корабли въ волнахъ родимаго моря. Рѣшаясь на такую мѣру, моряки рѣшались уничтожить сразу то, къ чему они стремились болѣе полувѣка, въ чемъ видѣли свое призваніе, свою будущность.

Громкій говоръ, оживлявшій совѣтъ, перешелъ теперь въ безмолвіе. Всѣ молчали, но Корниловъ видѣлъ въ этомъ безмолвіи, что большинство одобряетъ предложеніе Зорина и согласно съ нимъ; онъ видѣлъ, что всѣ члены совѣта затопленіе кораблей признаютъ единственнымъ средствомъ къ спасенію Севастополя, но что ни одинъ изъ нихъ не рѣшался произнести этого роковаго слова.

---

[1]) Записки Батьянова (рукопись).

Не раздѣляя мнѣнія совѣта, Корниловъ вызвалъ тѣмъ самый оживленный споръ, конечнымъ результатомъ котораго было все-таки рѣшеніе затопить корабли.

— Не сомнѣваясь въ храбрости офицеровъ и матросовъ,—говорили собравшіеся,—мы увѣрены, что флотъ съумѣетъ съ честью умереть, если это необходимо для пользы и чести отечества, но выходъ флота въ море оставитъ Севастополь безъ всякой защиты на жертву непріятелю. Поэтому, если умирать, то лучше на стѣнахъ Севастополя, гдѣ, можетъ быть, удастся задержать непріятеля до прихода арміи, которая, вѣроятно, не замедлитъ придти къ намъ на помощь.

Корниловъ и на этотъ разъ не согласился съ рѣшеніемъ совѣта. При всѣхъ своихъ блестящихъ способностяхъ, онъ, въ этомъ случаѣ, не стоялъ на высотѣ, или въ уровень съ предложеніемъ, и, защищая честь морскаго флага, не понималъ всего величія мысли, относительно потопленія кораблей. Среди оживленныхъ споровъ членовъ совѣта Корнилову доложили, что главнокомандующій князь Меншиковъ пріѣхалъ въ Севастополь и находится на четвертомъ нумерѣ [1]). Корниловъ тотчасъ же распустилъ совѣтъ и отправился къ главнокомандующему.

— Готовьтесь къ выходу,—сказалъ онъ, уходя,—будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать.

Въ это время князь Меншиковъ, переправившись на южную сторону города, успѣлъ встрѣтить тамъ командира парохода „Громоносецъ“ Кульчитскаго, шедшаго съ военнаго совѣта въ вицъ-мундирѣ и шляпѣ.

— Откуда вы въ такомъ парадѣ?—спросилъ его князь Меншиковъ.

— Съ военнаго совѣта, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ онъ.

— О чемъ же тамъ говорили?

— Одни говорили, чтобы выйти съ флотомъ въ море, другіе предлагали затопить у входа корабли.

— Послѣднее лучше,—замѣтилъ князь [2]).

---

[1]) Батарея № 4-го на сѣверной сторонѣ рейда.

[2]) Нѣкоторые мысль затопленія кораблей приписываютъ князю Меншикову, и говорятъ, что объ этомъ было отдано имъ приказаніе вице-адмиралу Корнилову, въ то время, когда они встрѣтились на р. Качѣ, послѣ Алминскаго сраженія. Не оспаривая этой заслуги у князя Меншикова, я разсказалъ

Знакомый съ сущностью мнѣній, высказанныхъ на совѣтѣ, князь Меншиковъ, уже подготовленный, встрѣтилъ Корнилова, который явился къ нему, чтобы изложить мнѣніе совѣта и объяснить свое намѣреніе выйти въ море. Меншиковъ согласился съ совѣтомъ и приказалъ затопить корабли на фарватерѣ. Корниловъ отказался исполнить это приказаніе.

— Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы,— сказалъ Меншиковъ, разсерженный такимъ упорствомъ Корнилова, и приказалъ своему ординарцу попросить къ себѣ командира порта вице-адмирала Станюковича.

— Остановитесь,—вскричалъ Корниловъ,—это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ.

Главнокомандующій настоятельно требовалъ исполненія этой мѣры, имѣя главною цѣлью защиту города. „Флотъ, какъ неминуемая жертва,—

этотъ важный эпизодъ изъ жизни Севастополя такъ, какъ онъ представлялся по современнымъ документамъ и запискамъ участниковъ. Но если справедливо то, что княземъ Меншиковымъ отдано было такое приказаніе Корнилову, то становится совершенно непонятнымъ: во-первыхъ, почему Корниловъ, заносившій въ свои письма всѣ мелочи, не упоминаетъ ни слова о столь крупномъ явленіи, а во-вторыхъ, какимъ образомъ тотъ же Корниловъ рѣшается подрывать авторитетъ главнокомандующаго и не исполнять его приказаній, созывая военный совѣтъ и скрывая отъ собравшихся приказаніе князя Меншикова. Корниловъ совершаетъ два преступленія противъ дисциплины и предоставленной ему власти и при томъ въ такое время, когда строгое исполненіе приказаній болѣе чѣмъ необходимо. Зная Корнилова, какъ человѣка весьма строгаго ко всѣмъ служебнымъ обязанностямъ, мы должны допустить, что если онъ рѣшился на созваніе совѣта и на послѣдующій разговоръ съ княземъ Меншиковымъ, то это потому, что не получалъ отъ него категорическаго приказанія, а можетъ быть только намекъ или вскользь высказанную мысль. Къ тому же, если бы князь Меншиковъ дѣйствительно приказалъ затопить корабли, то послѣдующая его встрѣча и разговоръ съ Корниловымъ не имѣли бы мѣста, а между тѣмъ разговоръ этотъ переданъ самимъ свѣтлѣйшимъ. Во всякомъ случаѣ совѣту не было извѣстно приказаніе князя Меншикова, и среди его членовъ мысль о необходимости затопить суда на фарватерѣ явилась самостоятельно и независимо отъ вліянія главномандующаго.

доносилъ онъ [1]),—употребится на эту защиту, и ежели намъ не удастся отбить непріятеля сухопутнымъ движеніемъ, то будемъ удерживать только городъ и гавань, хотя можетъ быть въ пеплѣ— -дабы не дать непріятелю удовольствія овладѣнія“.

Идею затопленія кораблей можно назвать геніальною, а приведеніе ея въ исполненіе—однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ жизни Севастополя. Жертвуя нѣсколькими старыми судами, мы преграждали непріятелю всякую возможность ворваться на рейдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали Севастополь болѣе чѣмъ 10.000 человѣкъ матросовъ, испытанной храбрости.

Принимая на себя исполненіе этой мѣры, Корниловъ составилъ новую диспозицію судамъ Черноморскаго флота и приказалъ всѣмъ фрегатамъ и мелкимъ судамъ войти въ Южную бухту, приготовить пять старыхъ кораблей и два фрегата къ затопленію [2]) на фарватерѣ, между Константиновскою и Александровскою батареями; упразднить Парижскую и Двѣнадцати-Апостольскую батареи; по всему сѣверному берегу рейда не имѣть ни людей, ни судовъ и наконецъ приготовить къ затопленію всѣ безъ исключенія суда и корабли, на тотъ случай, если бы пришлось уступить городъ непріятелю.

Въ четыре часа по полудни по сигналу съ корабля „Великій Князь Константинъ“ суда стали переходить на вновь назначенныя имъ мѣста, и въ $10^1/_2$ часовъ вечера передвиженіе было окончено. Корабли расположились теперь вдоль южнаго берега рейда въ слѣдующемъ порядкѣ: при входѣ въ Артиллерійскую бухту сталъ корабль „Ростиславъ“ (90 оруд.); въ устьѣ Южной бухты были расположены: „Великій Князь Константинъ“ (124 оруд.), „Ягудіилъ“ (88 оруд.) и „Двѣнадцать Апостоловъ“ (124 оруд.). На протяженіи отъ Павловскаго мыса до Киленъ-балочной бухты: корабль „Парижъ“ (126 оруд.), „Святославъ“ (90 оруд.), „Императрица Марія“ (84 оруд.), „Чесма“ (90 оруд.), „Храбрый“ (88 оруд.) и „Гавріилъ“ (96 оруд.).

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова 10-го сентября. Арх. канц. воен. минист. по снаряженію войка, д. № 110.

[2]) Для потопленія были назначены корабли: «Три Святителя», «Уріилъ», «Селафаилъ», «Варна» и «Силистрія». Фрегаты: «Флора» и «Сизополь».

Всѣ суда были размѣщены теперь такъ, что могли поражать своими выстрѣлами непріятеля при появленіи его на высотахъ сѣвернаго берега рейда, могли обстрѣливать обращенные къ рейду балки и овраги и вмѣстѣ съ тѣмъ, до нѣкоторой степени, прикрыть отступленіе нашихъ войскъ съ сѣверной стороны на южную, въ томъ случаѣ, если бы они не устояли противъ натиска многочисленнаго непріятеля.

Утромъ 10-го сентября суда, назначенныя для потопленія, были поставлены на указанныя имъ мѣста; съ нихъ спустили брамъ-стеньги и отвязали паруса. Въ это время на взморьѣ показались два непріятельскихъ парохода, осматривавшіе нашу позицію. Видя передвиженіе флота и вытянутыя въ линію семь судовъ, они не обратили вниманія на отвязанные паруса и донесли, что русскій флотъ готовится къ бою.

Около 6-ти часовъ вечера, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, грустный и задумчивый, вошелъ на библіотеку и приказалъ надъ бывшею на ней башнею поднять русскій національный флагъ,—сигналъ, что рѣшеніе топить корабли принято безвозвратно.

Въ теченіе ночи приказано было свезти на берегъ все, что можно, за исключеніемъ орудій [1]); а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня срубить мачты и погрузить корабли на дно.

Въ восемь часовъ вечера на этихъ корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю и опустили флаги. Ничто не напоминало ихъ близкой гибели, и только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, экипажи ихъ съѣхали на берегъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были грустны: имъ было жаль, что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились, должны погибнуть, не помѣрявшись силами съ врагами отечества въ честномъ и горячемъ бою.

Въ полночь 11-го сентября глухой трескъ и клокотаніе воды возвѣстили, что потопленіе кораблей совершилось. По утру надъ поверхностью моря плавали лишь обломки мачтъ шести потопленныхъ судовъ. Одинъ только корабль „Трехъ Святителей“, оставаясь на поверхности,

---

[1]) Орудія были оставлены Корниловымъ на судахъ съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ атаки непріятеля съ моря, они могли содѣйствовать приморскимъ батареямъ. Краткость времени не дозволила разгрузить суда вполнѣ, и они были опущены на дно со всѣми припасами, матеріалами и даже съ имуществомъ нѣкоторыхъ офицеровъ.

долго сопротивлялся, не желая разставаться съ жизнію. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю все-таки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу „Громоносецъ“ подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть несчастнаго корабля.

У Корнилова навернулись при этомъ слезы.

— Вотъ горькое зрѣлище!—сказалъ онъ окружающимъ.—Что вѣками создавалось, о чемъ Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) такъ усердно хлопоталъ—все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ!

Видя, что несмотря на выстрѣлы „Громоносца“ корабль все еще стоитъ на поверхности воды, Корниловъ, казалось, досадовалъ на его упорство.

— Не могу равнодушно смотрѣть,—сказалъ онъ,—это хуже, чѣмъ разстрѣливаютъ человѣка.

Онъ готовъ былъ подать сигналъ прекратить стрѣльбу, но было уже поздно [1]).

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, обреченный на гибель, корабль „Трехъ Святителей“ зашатался, волны разступились передъ нимъ, и онъ, послѣ долгой борьбы, какъ герой, отстаивающій самого себя, свое величіе и славу, медленно опустился на дно, предназначенное быть его могилой...

„Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, скатывающихся съ одного борта на другой, сопровождали эту борьбу съ моремъ корабля, — владыки моря. Не одна горячая слеза скатилась съ рѣсницъ зрителей этой печальной сцены [2])“.

Выстрѣлы „Громоносца“ болѣзненно отозвались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль „Три Святителя“, многіе изъ нихъ горько плакали. Грустный и задумчивый, стоялъ Владиміръ Алексѣевичъ, слѣдившій за его движеніями, но когда корабль, шатаясь, сталъ опускаться на дно, Корниловъ какъ бы встрепенулся, лицо его оживилось, онъ обратился къ собравшимся съ словами утѣшенія:

---

[1]) Записки объ осадѣ Севастополя Сербина (рукоп.).

[2]) Атака Севастополя англо-французскимъ флотомъ и проч. П. Бабенчикова Матер., вып. III, 360.

— Товарищи!—сказалъ онъ,—войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобъ наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли — разразить врага на водѣ! Къ тому же мы нужны для защиты города.

„Главнокомандующій рѣшилъ затопить 5-ть старыхъ кораблей на фарватерѣ: они временно преградятъ входъ на рейдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

„Грустно уничтожать свой трудъ! много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

„Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

„Итакъ помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ и теперь окружилъ царство Русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но царь шлетъ уже свою армію; и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана и врагъ будетъ въ тискахъ!“

Затопленіе кораблей было громовымъ ударомъ для Черноморскаго флота, но, какъ увидимъ ниже, оно было еще бо̀льшимъ ударомъ для союзниковъ, совершенно не ожидавшихъ такой мѣры.

Съ прегражденіемъ фарватера Севастополь пересталъ быть портомъ, и его знаменитый рейдъ, по выраженію Корнилова, обратился въ озеро, недоступное впрочемъ для непріятельскаго флота. Чувство долга и любовь къ родинѣ обращали городъ въ крѣпость, а моряковъ-матросовъ — въ солдатъ-пѣхотинцевъ. Морякъ становился теперь стрѣлкомъ, артиллеристомъ, саперомъ и чернорабочимъ, не знавшимъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Это крутое превращеніе, возможное только въ Россіи, совершилось на глазахъ многочисленнаго непріятеля, уже приближавшагося къ Севастополю.

Французскіе и англійскіе историки не согласны между собою въ причинахъ, по которымъ союзники послѣ сраженія на р. Алмѣ, оставаясь

на мѣстѣ болѣе чѣмъ двое сутокъ, не преслѣдовали и отступавшаго кн. Меншикова. Французскіе писатели сваливаютъ всю вину на англичанъ; англичане—на французовъ. Первые говорятъ, что маршалъ Сентъ Арно высказывалъ желаніе немедленно двинуться къ Севастополю, но что лордъ Рагланъ, ссылаясь на то, что въ его арміи много раненыхъ, которыхъ приходится отправлять на суда, удаленныя болѣе чѣмъ на три мили отъ мѣста расположенія его арміи, находилъ невозможнымъ двинуться ранѣе какъ по истеченіи двухъ дней. Англичане говорятъ противное и сваливаютъ всю вину на французскаго главнокомандующаго. Рагланъ, говорятъ они, намѣревался преслѣдовать русскихъ и просилъ содѣйствія французовъ, но ему было въ этомъ отказано. Маршалъ Сентъ-Арно, будто бы, вопреки настояніямъ герцога Кембриджскаго и принца Наполеона, опасался преслѣдовать кн. Меншикова, полагая, что онъ отступаетъ на Бахчисарай и не вслѣдствіе проиграннаго сраженія, а съ желаніемъ завлечь союзниковъ внутрь страны, что совершенно измѣняло планъ кампаніи, утвержденный французскимъ и англійскимъ правительствами.

Не входя въ разборъ, кто правъ и кто виноватъ, т. е. англичане или французы задерживали наступленіе, замѣтимъ только, что союзники оставались на полѣ сраженія болѣе, чѣмъ двое сутокъ. Это промедленіе было весьма важною съ ихъ стороны ошибкою и дало намъ возможность оглядѣться и принять для обороны города всѣ тѣ мѣры, какія только были возможны въ этотъ краткій промежутокъ времени. Изъ числа этихъ мѣръ самою крупною конечно и наиболѣе дѣйствительною было прегражденіе входа на рейдъ.

Не подозрѣвая возможности ничего подобнаго, союзники, въ 6-ть часовъ утра 11-го сентября, двинулись на Качу. Они шли подъ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи и въ томъ же порядкѣ, въ которомъ встрѣтились съ русскими войсками на р. Алмѣ: ближе къ морю двигались турки и французы, правѣе [1]) ихъ и дальше отъ моря — англичане. Вдоль берега, и на одной высотѣ съ арміею, подвигался ихъ флотъ. Три легкихъ парохода слѣдовали впереди, дѣлали промѣры и указывали путь остальнымъ судамъ.

---

[1]) Слова правый и лѣвый выражаютъ положеніе, если стать лицомъ къ непріятелю.

Около 11-ти часовъ утра англо-французы подошли къ р. Качѣ и лишь только непріятельскій адмиральскій корабль „Городъ Парижъ“ вышелъ изъ-за мыса Лукуллъ, какъ со стороны Севастополя послышалось нѣсколько выстрѣловъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. То были выстрѣлы парохода „Громоносецъ“ въ подводную часть корабля „Трехъ Святителей“. Встревоженный такою стрѣльбою союзный флотъ продолжалъ однако же свое движеніе и бросилъ якорь противъ устья Качи. Отсюда, съ высокихъ мачтъ кораблей, было замѣчено, что изъ всѣхъ семи судовъ, вытянутыхъ въ одну линію у входа на Севастопольскій рейдъ, осталось только одно. По приказанію адмирала Гамелена, былъ тотчасъ же отправленъ, для осмотра Севастопольскаго рейда, пароходъ „Ролландъ“, тотъ самый, который, 10-го сентября, донесъ о приготовленіи русскаго флота къ бою. Приблизясь ко входу въ бухту, капитанъ парохода убѣдился, что семи судовъ, стоявшихъ поперекъ рейда, уже не было. Только по торчавшимъ изъ воды мачтамъ, онъ могъ догадаться, что они были потоплены и доступъ на рейдъ прегражденъ [1]).

Какъ громомъ поразило это извѣстіе союзныхъ адмираловъ. Англійскій адмиралъ Лайонсъ самъ сознавался впослѣдствіи [2]), что отъ досады рвалъ на себѣ волосы, а адмиралъ Гамеленъ счелъ необходимымъ безотлагательно отправить нарочнаго на берегъ, съ донесеніемъ къ маршалу Сентъ-Арно, который вполнѣ оцѣнилъ все значеніе подобнаго дѣйствія.

Дѣйствительно, прегражденіе непріятелю входа на рейдъ передавало въ распоряженіе кн. Меншикова все морское народонаселеніе Севастополя и дозволяло главнокомандующему употребить его на защиту города противъ наступающаго непріятеля.

Князь Меншиковъ хорошо зналъ черноморцевъ, зналъ ихъ стойкость, энергію и потому былъ увѣренъ, что они съумѣютъ приняться за новое для нихъ дѣло....

Совершившіяся въ короткое время столь крупныя событія естественно вызывали различные толки въ городѣ. Всѣ были въ неизвѣстности о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и терялись въ догадкахъ, не зная, что будетъ впереди. „Городъ,—пишетъ г. В. Стеценко [3]),—въ которомъ дѣятельность

---

[1]) Базанкуръ, 248.

[2]) Слышано мною отъ адмирала А. И. Панфилова.

[3]) Рукописи. Томъ I, 220.

каждаго заключалась почти единственно въ томъ, чтобы отъ кого-нибудь получать или кому-нибудь отдавать приказанія, въ настоящія минуты при неизвѣстности, что исполнять или приказывать, представлялъ хаотическое состояніе“.

Съ прибытіемъ въ Севастополь кн. Меншикова распоряженія частныхъ начальниковъ должны были по необходимости пріостановиться. Всѣ ожидали распоряженія отъ главнокомандующаго, но онъ упорно молчалъ и никому ничего не говорилъ. Изрѣдка онъ совѣщался только съ однимъ княземъ П. Д. Горчаковымъ, съ которымъ, со времени сраженія на р. Алмѣ, находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ. По совѣту кн. Петра Дмитріевича, онъ рѣшился, изъ опасенія быть запертымъ въ городѣ и отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи, предпринять фланговое движеніе изъ Севастополя на Бахчисарай [1]).

Когда кн. Меншиковъ высказалъ Корнилову свое желаніе уйти изъ города и поручить его защиту исключительно однимъ морякамъ, то Владиміръ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что, съ уходомъ войскъ, Севастополю не устоять и что горсть моряковъ не въ силахъ остановить напора многочисленнаго врага.

— Непріятель,—замѣтилъ на это князь Меншиковъ,—не можетъ повести рѣшительную атаку на сѣверныя укрѣпленія, имѣя у себя на флангѣ и въ тылу нашу армію.

Удаляясь изъ Севастополя кн. Меншиковъ оставилъ въ немъ моряковъ и 8 батальоновъ резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи, изъ коихъ два батальона были расположены на сѣверной и шесть батальоновъ на южной сторонѣ города. Начальство надъ этими послѣдними шестью батальонами поручено было генералъ-лейтенанту Моллеру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій отправилъ сына своего генералъ-маіора кн. Меншикова въ Перекопъ [2]), поручивъ ему, если встрѣтитъ на дорогѣ войска, то поторопить ихъ скорѣйшимъ прибытіемъ и въ особенности генерала Рыжова, слѣдовавшаго съ двумя сводными кавалерійскими полками.

---

[1]) Письмо флигель-адъютанта ротмистра Шеншина воен. минис. 24-го сентября. Арх. канц. воен. минис., д. № 111.

[2]) Въ это-то время, какъ мы видѣли, молодой князь Меншиковъ и встрѣтился въ Перекопѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. См. стр. 301.

„Посылаю къ вашему превосходительству,—писалъ главнокомандующій генералу Рыжову [1]),—свиты Его Величества генералъ-маіора князя Меншикова, для объясненія обстоятельствъ, въ которыхъ находится ввѣренное мнѣ войско и край.

„Движеніе ваше прошу съ возможною поспѣшностію направить на Симферополь, стараясь войти со мною въ сношеніе и не допускать непріятеля къ движенію на Бахчисарай, а также угрожать его тылу, если представится къ тому возможность“.

Едва только въ городѣ узнали о томъ, что Меншиковъ оставляетъ Севастополь, какъ поднялись споры и пересуды, чей постъ важнѣе: генерала Моллера, какъ начальника дивизіи и чиномъ старше всѣхъ въ городѣ, или командира порта вице-адмирала Станюковича, старшаго изъ всѣхъ адмираловъ, имѣвшаго въ своихъ рукахъ всѣ средства порта. Чтобы помирить ихъ обоихъ, Меншиковъ отдалъ, 11-го сентября, приказъ, по которому на генералъ-адъютанта Корнилова возложилъ оборону всей сѣверной части Севастополя, а завѣдываніе морскими командами, назначенными для защиты южной части, поручилъ вице-адмиралу Нахимову.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ хотя и былъ младше всѣхъ чиномъ, но, по званію начальника штаба Черноморскаго флота, управлялъ имъ самовластно и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ средства къ самому быстрому движенію всѣхъ матеріальныхъ средствъ и личнаго состава флота. Къ тому же Владиміръ Алексѣевичъ былъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и находчивый. Назначеніе его на такой постъ было совершенно у мѣста, точно такъ же, какъ и назначеніе вице-адмирала Нахимова.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ по своему авторитету между моряками, по прямому и благородному характеру всегда стоялъ во главѣ Черноморскаго флота. Полное самоотверженіе его и безустанная дѣятельность ручались за успѣхъ всего порученнаго ему и не давали никакого повода, въ минуту опасности, отодвинуть на задній планъ недавняго побѣдителя при Синопѣ. Такимъ образомъ младшіе были предпочтены старшимъ.

Вице-адмиралъ Станюковичъ и генералъ-лейтенантъ Моллеръ остались при своихъ должностяхъ, но безъ всякаго дѣла.

---

[1]) Отъ 10-го сентября № 1184. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

Корниловъ съ радостью принялъ почетное назначеніе, съ горстью храбрыхъ, первымъ встрѣтить многочисленную союзную армію и, геройски защищая городъ, умереть для отечества. Ему не трудно было собрать на этотъ пунктъ всѣ средства защиты. Какъ непосредственный помощникъ командующаго войсками, Корниловъ распоряжался собственною властью, не сносясь съ другими, не испрашивая ничьего разрѣшенія и не встрѣчая затрудненія со стороны. Нахимовъ смотрѣлъ на свое назначеніе нѣсколько иначе. Привыкнувъ браться за то, что хорошо и отчетливо могъ выполнить, Павелъ Степановичъ, изъ страха своею неопытностью навлечь гибель подчиненнымъ, явился къ кн. Меншикову и высказалъ, что для блага Россіи онъ готовъ умереть, готовъ подчиниться младшему, которому будетъ содѣйствовать во всемъ, но что самъ онъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ. Кн. Меншиковъ не принялъ этого заявленія за серьезный отказъ и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія.

Моряки стали дѣятельно готовиться къ оборонѣ. Со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, были сняты команды, которыя, вмѣстѣ съ экипажами затопленныхъ судовъ, образовали 12 морскихъ батальоновъ [1]), что съ четырьмя дессантными и рекрутскимъ составило 17 морскихъ батальоновъ.

Всѣ эти вновь сформированные батальоны были расположены: въ Сѣверномъ укрѣпленіи—четыре дессантныхъ батальона капитана 1-го ранга Варницкаго и пять батальоновъ, составленные изъ командъ, взятыхъ съ кораблей. Общее начальство надъ ними поручено было контръ-

---

[1]) Изъ командъ затопленныхъ кораблей и фрегатовъ «Кулевча» и «Коварна» сформировано шесть батальоновъ, съ сохраненіемъ нумеровъ экипажей: 29, 32, 34, 42, 45 и 44. Изъ командъ фрегатовъ «Флора» и «Сизополь» составленъ одинъ батальонъ, къ которому присоединена и морская подвижная артиллерія. (Приказъ Корнилова 11-го сентября № 93, Жандръ, стр. 205). Изъ командъ кораблей, стоявшихъ на позиціи, было сформировано пять батальоновъ подъ командою корабельныхъ капитановъ: 1-й—Бартенева, съ кораблей «Ягудіилъ» и «Храбрый»; 2-ой—Микрюкова, съ кораблей «Чесма» и «Ростиславъ»; 3-ій—Перелешина 2-го, съ кораблей «Парижъ» и «Гавріилъ»; 4-й—Юрковскаго, съ кораблей «Двѣнадцать-Апостоловъ» и «Святославъ» и 5-й—Будищева, съ кораблей «Вел. Кн. Константинъ» и «Императрица Марія». Общее начальство надъ ними поручено было капитану 1-го ранга Бартеневу.

адмиралу Истомину. На южной сторонѣ, подъ общимъ начальствомъ вице-адмирала Новосильскаго, находились пять нумерныхъ батальоновъ изъ экипажей затопленныхъ судовъ, рекрутскій батальонъ, Сизопольско-Флорскій батальонъ и подвижная морская артиллерія. Батальонъ № 44 составлялъ подкрѣпленіе батареи № 10.

Принявъ начальство надъ войсками сѣверной стороны, Корниловъ тотчасъ же приказалъ, для ускоренія работъ, употреблять всѣхъ свободныхъ нижнихъ чиновъ, которымъ и производить ежедневно по двѣ чарки водки.

Ко времени высадки непріятеля сѣверная сторона города, какъ мы видѣли, оставалась вовсе безъ защиты. Такъ называемое Сѣверное укрѣпленіе имѣло на своемъ вооруженіи только 12 такихъ орудій, которыя могли дѣйствовать въ сторону наступающаго непріятеля. Чтобы сколько-нибудь усилить оборону этой мѣстности, подполковникъ Тотлебенъ предположилъ устроить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, расположивъ ихъ по обѣ стороны Сѣвернаго укрѣпленія. Избраніе мѣста для этихъ укрѣпленій, ихъ величина и направленіе огня обусловливались необходимостію: 1) занять болѣе обширную и сильную фронтальную позицію на линіи Сѣвернаго укрѣпленія и выставить на ней по возможности большее число орудій. 2) Дать возможность сильнымъ ружейнымъ огнемъ обстрѣливать впереди лежащую мѣстность и подступы къ позиціи, закрытые отъ выстрѣловъ Сѣвернаго укрѣпленія. 3) Воспрепятствовать непріятельскому флоту близко подходить къ берегу и 4) прикрыть занятую нами позицію отъ обхода съ праваго фланга [1]).

Подробности инженерныхъ работъ, относящіяся до обороны Севастополя, изложенныя въ прекрасномъ сочиненіи Э. И. Тотлебена, не относятся къ цѣли настоящаго разсказа. Опуская ихъ, мы скажемъ, что проектъ, начертанный подполковникомъ Тотлебеномъ, быстро приводился въ исполненіе. При содѣйствіи и горячемъ участіи контръ-адмирала Истомина работа шла весьма успѣшно. Ежедневно на сѣверной сторонѣ работало 1.200 человѣкъ матросовъ флота и весь гарнизонъ Сѣвернаго укрѣпленія.

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. I, 211.

Усиленными трудами этихъ войскъ были насыпаны лѣвѣе Сѣвернаго укрѣпленія двѣ батареи: № 1-го на восемь орудій, и № 2-го на шесть орудій. Послѣдняя батарея была соединена съ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ траншеею, приспособленною къ ружейному огню, для обстрѣливанія впереди лежащей лощины, закрытой отъ выстрѣловъ Сѣвернаго укрѣпленія. Позади этой траншеи была расположена другая, которая соединяла Сѣверное укрѣпленіе съ батареею № 1-го и предназначалась для помѣщенія резервовъ.

Правѣе Сѣвернаго укрѣпленія была насыпана батарея № 3-го, на 12 орудій, и соединена съ нимъ брустверомъ, приспособленнымъ къ ружейной оборонѣ и имѣющимъ впереди ровъ. Если прибавить къ этому перемѣны, сдѣланныя въ приморской № 4-го батареѣ, которая вмѣсто трехъ орудій, дѣйствовавшихъ по сухопутной сторонѣ, могла теперь дѣйствовать девятью орудіями, и незначительныя работы въ Сѣверномъ укрѣпленіи для усиленія ружейной обороны,—то вотъ и всѣ тѣ грозныя укрѣпленія, которыя могли представиться глазамъ союзниковъ, когда они, 12-го сентября, подходили къ сѣверной сторонѣ Севастополя.

Къ этому надо прибавить: что „въ Сѣверномъ укрѣпленіи едва только успѣли довести тонкій, низкій и полуразвалившійся брустверъ до полевой профили, чтобы закрыть стрѣлковъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ... При насыпкѣ бруствера старыя эскарповыя стѣны, не выдерживая давленія земли, обваливались, засыпали собою узкій ровъ и въ западномъ бастіонѣ образовали уже готовый обвалъ, прежде чѣмъ непріятель подошелъ къ укрѣпленію [1])“.

Изъ этого краткаго очерка положенія нашего на сѣверной сторонѣ видно, что, несмотря на всѣ усилія гарнизона, трудившагося днемъ и ночью, возведенныя имъ укрѣпленія не представляли надежной защиты. Растянутые на протяженіи около полуторы версты, они могли встрѣтить непріятеля только 29-ю орудіями; остальныя же предназначались для взаимной обороны укрѣпленій, фланкированія рвовъ и проч. Трудно было надѣяться, при такихъ условіяхъ, оказать продолжительное сопротивленіе непріятелю, но защитники не унывали. Подполковникъ Тотлебенъ дни и ночи проводилъ на работахъ укрѣпленій, приводи-

---

[1]) «Оборона Севастополя», ч. I, 213.

мыхъ къ окончанію, съ тѣмъ рѣдкимъ всеобщимъ воодушевленіемъ и мужествомъ, которыя доказывали, что малочисленный гарнизонъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

— Отступленіе съ сѣверной стороны не возможно,—говорилъ Корниловъ;—мы всѣ тутъ ляжемъ. Смерть меня не страшитъ, но быть взяту въ плѣнъ—это ужасно.

Присутствуя самъ на работахъ, Корниловъ проявилъ въ эти дни необыкновенную энергію и дѣятельность. Избравъ себѣ помощникомъ контръ-адмирала Истомина и возложивъ на него званіе начальника штаба войскъ, на сѣверѣ расположенныхъ, Корниловъ далъ каждому изъ своихъ флагъ-офицеровъ особое порученіе, сообразное съ потребностями обороны; назначилъ комендантомъ крѣпости капитана 1-го ранга Бартенева, которому и подчинилъ всѣ войска, гарнизонъ составлявшія.

Независимо отъ распредѣленія должностей между адъютантами, Владиміръ Алексѣевичъ самъ хлопоталъ о пополненіи артиллеріи боевыми припасами, объ устройствѣ госпиталя и перевязочныхъ пунктовъ. По его приказанію съ судовъ подвозили цистерны для воды, воду и провизію, а для перевязки раненыхъ было доставлено съ каждаго судна по боченку уксуса, смѣшаннаго съ водкою.

Между тѣмъ непріятель перешелъ на Бельбекъ и остановился. Около шести часовъ вечера, шесть непріятельскихъ пароходовъ подошли къ Волоховой башнѣ и Константиновской батареѣ и завязали перестрѣлку, кончившуюся тѣмъ, какъ писалъ Корниловъ, „что наши ядра далѣе летали ихъ“. Перестрѣлка эта не причинила намъ никакого урона. Со стороны непріятеля было замѣчено, что одинъ изъ пароходовъ спустилъ двѣ шлюпки [1]) и вскорѣ послѣ того вышелъ изъ линіи выстрѣловъ.

Въ ожиданіи на слѣдующій день атаки, Корниловъ перевелъ съ южной стороны города на сѣверную пять нумерованныхъ (29, 32, 34, 42 и 45) и Сизопольско-Флорскій батальоны, и поручилъ подполков-

[1]) Замѣчательно,—пишетъ между прочимъ въ своемъ дневникѣ инженеръ-капитанъ А. А. Телятниковъ,—что на рулевой доскѣ этихъ шлюпокъ были нарисованы Саваофъ и Распятіе, а на носовой части—луна и звѣзды.

нику Тотлебену распредѣлить войска по укрѣпленіямъ и сдѣлать всѣ распоряженія, необходимыя для предстоящаго дѣла.

„У меня десять тысячъ нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей,—писалъ Корниловъ своей супругѣ въ письмѣ отъ 13-го сентября.—Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣлаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ кромѣ войска защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы не досягаемы. Городъ порученъ тріумвирату: Станюковичу, генералу Моллеру и Нахимову. Богъ поможетъ Меншикову побить или хоть потревожить Арно (Сентъ-Арно), такъ Россія не потеряетъ чуднаго порта и флота“.

Надежда на успѣхъ, какъ видно, не покидала ни Корнилова, ни его подчиненныхъ. Каждый изъ защитниковъ ожидалъ встрѣчи съ непріятелемъ съ увѣренностію дорого продать свою жизнь и не уступить врагу ни шагу земли русской.

Такимъ образомъ для обороны сѣверной стороны Севастополя были сосредоточены: пятые резервные батальоны Литовскаго и Виленскаго полковъ и около 10.000 человѣкъ матросовъ. Вся численность этого гарнизона простиралась до 11.350 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа 5.200 человѣкъ назначались для защиты Сѣвернаго укрѣпленія, 640 человѣкъ для защиты лѣвыхъ траншей и 380 человѣкъ для защиты праваго бруствера. Въ Константиновской батареѣ находился пятый резервный батальонъ Виленскаго егерскаго полка, численностію въ 786 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ. Остальныя войска, оставаясь въ резервѣ, были размѣщены: 1.740 человѣкъ за лѣвымъ флангомъ въ Сухой балкѣ и 2.600 человѣкъ, за правымъ флангомъ у Сѣверной пристани. Начальство надъ войсками лѣваго фланга было поручено вице-адмиралу Новосильскому, въ Сѣверномъ укрѣпленіи капитану 1-го ранга Бартеневу, и на правомъ флангѣ—капитану 1-го ранга Варницкому.

Для обезпеченія отступленія было поставлено четыре парохода у сѣверной пристани и четыре—возлѣ батареи № 4-го. Для воспрепятствованія непріятелю, въ случаѣ, еслибы онъ завладѣлъ сѣверною стороною, дѣйствовать по городу изъ нашихъ же сѣверныхъ укрѣпленій, по распоряженію Корнилова, были разрушены всѣ амбразуры, обращенныя на городъ и рейдъ, а стоявшія въ нихъ орудія сброшены къ

бухтѣ. Двѣ же батареи, Михайловскую и № 4-го, предположено было взорвать, для чего и были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія.

Этими распоряженіями и ограничились всѣ мѣры, принятыя для встрѣчи наступающаго непріятеля. Нельзя не удивляться неутомимости Корнилова и его достойныхъ сподвижниковъ, нельзя не удивляться быстротѣ, съ которою воздвигались батареи, но должно сознаться, что положеніе сѣверной стороны было совершенно безнадежно. Не говоря о томъ, что вся позиція длиною около полуторы версты обстрѣливалась только 29-ю орудіями и при томъ не на всемъ протяженіи, мы должны замѣтить, что многія неровности мѣстности и ложбины были скрыты отъ дѣйствія орудій, и непріятель могъ наступать по нимъ или совершенно безнаказанно или съ весьма малою потерею.

Сѣверное укрѣпленіе находилось на возвышеніи, по обѣимъ сторонамъ котораго пролегали двѣ главныя лощины. Атакуя нашу позицію и двигаясь по лощинѣ противъ праваго фланга, непріятель могъ быть поражаемъ только изъ 7-ми орудій; та колонна, которая была бы направлена противъ самаго Сѣвернаго укрѣпленія, имѣла бы противъ себя огонь только 6-ти орудій, а при атакѣ лѣваго фланга непріятель могъ быть встрѣченъ только 7-ю орудіями. Можно ли считать такую позицію не только трудно доступною, но и достаточно защищенною отъ атаки 60.000-ой арміи?

Всмотрѣвшись попристальнѣе и произведя хоть одну рекогносцировку, союзники могли бы не только все это видѣть, но кромѣ того отъ нихъ не укрылось бы, что самыя укрѣпленія были весьма слабы, что бруствера ихъ едва прикрывали непосредственно стоявшихъ за ними людей, вооруженныхъ разнокалибернымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ старыхъ кремневыхъ ружей и изъ холоднаго обордажнаго оружія. Нужно ли послѣ того входить въ подробности разбора, на чьей сторонѣ остался бы перевѣсъ, если бы непріятель вздумалъ атаковать насъ?

Союзники однако же не находили такое дѣйствіе возможнымъ.

Извѣстіе, полученное ими вечеромъ 11-го сентября, о затопленіи судовъ и преграждении входа на рейдъ сдѣлало большое впечатлѣніе на обоихъ главнокомандующихъ и было причиною измѣненія первоначальнаго плана дѣйствій.

„Les Russes ont comblé l'entrée de leur port, писалъ маршалъ Сентъ-Арно, въ своемъ журналѣ, отъ 11-го (23-го) сентября, во время бивуака на Качѣ. Cela changera peut-être mon plan d'attaque. J'irai probablement au sud. J'attends l'opinion de lord Raglan et des Anglais pour le mouvement de demain [1]).

Маршалъ Сентъ-Арно и лордъ Рагланъ тотчасъ же поняли, что мѣра эта, судя по составу Черноморскаго флота, усилила отрядъ кн. Меншикова болѣе чѣмъ 10.000 человѣкъ матросовъ испытанной храбрости. Имѣя при томъ преувеличенныя свѣдѣнія о численности нашихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи на р. Алмѣ, и считая, что, за всею потерею въ сраженіи, въ распоряженіи кн. Меншикова все-таки оставалось около 30.000 человѣкъ, союзные главнокомандующіе разсчитывали, что армія эта будетъ усилена прибытіемъ подкрѣпленій и можетъ достигнуть болѣе чѣмъ до 40.000 человѣкъ, поддержанныхъ огнемъ съ флота и прибрежныхъ батарей. Что союзные главнокомандующіе имѣли преувеличенныя понятія о силахъ кн. Меншикова, это не подлежитъ сомнѣнію и видно между прочимъ изъ того, что Сентъ-Арно, несмотря на настояніе лорда Раглана ограничиться приваломъ на р. Качѣ и двигаться далѣе на Бельбекъ, не рѣшался сдѣлать этого до тѣхъ поръ, пока не присоединитъ къ себѣ подкрѣпленій, высадившихся въ Евпаторіи.

Остановившись на Качѣ, оба главнокомандующіе въ тотъ же вечеръ съѣхались на совѣщаніе. Они были согласны въ томъ, что затопленіе кораблей имѣетъ для союзныхъ армій настолько важное значеніе, что совершенно уничтожаетъ планъ предположенной атаки сѣверной стороны. Къ тому же они получили свѣдѣніе, будто бы русскіе успѣли устроить батареи, которыя, затрудняя входъ въ р. Бельбекъ, могутъ воспрепятствовать выгрузкѣ войскъ и артиллеріи, необходимой при осадѣ, и что наконецъ окружили Константиновскій фортъ непрерывной цѣпью укрѣпленій, дѣлающихъ атаку сѣверной части затруднительною и опасною [2]). Полагаясь на донесенія капитановъ пароходовъ и на татаръ, маршалъ

---

[1]) Базанкуръ т. I, 250. «Русскіе заградили входъ въ ихъ портъ. Это измѣнитъ, можетъ быть, мой планъ атаки. Я вѣроятно двинусь на югъ. Ожидаю мнѣнія лорда Раглана и англичанъ, относительно завтрашняго движенія».

[2]) Базанкуръ, 239.

Сентъ-Арно и лордъ Регланъ были введены въ большія заблужденія. Обозрѣвая городъ только съ моря, откуда грозные приморскіе форты казались недоступными твердынями, непріятель не смѣлъ предположить, чтобы такой важный пунктъ, какимъ былъ Севастополь, не имѣлъ обороны съ сухаго пути. Къ тому же измѣнники татары, служившіе союзникамъ лазутчиками, не понимая сущности дѣла, еще болѣе запутывали обоихъ главнокомандующихъ. Прослышавъ о мѣрахъ, принятыхъ нами къ подорванію батарей Михайловской и № 4-го, и будучи склонны ко всякаго рода преувеличеніямъ, татары утверждали, что русскіе минировали все пространство отъ сѣверныхъ укрѣпленій до самаго Бельбека.

Конечно, если бы англо-французы не ограничивались бѣглымъ обзоромъ нашей позиціи со стороны моря, а произвели основательную рекогносцировку, они не имѣли бы случая видѣть укрѣпленія тамъ, гдѣ ихъ не было; имъ не пришлось бы преувеличивать значеніе укрѣпленій, дѣйствительно построенныхъ, и придавать послѣднимъ гораздо болѣе силы, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ. Но больной маршалъ Сентъ-Арно и престарѣлый лордъ Регланъ были неподвижны. Они довольствовались, безъ всякой повѣрки, тѣми первыми и мимолетными свѣдѣніями, которыя имъ доставлялись лазутчиками сомнительной репутаціи. Основывая свои дѣйствія на подобныхъ сообщеніяхъ, оба главнокомандующіе, уже на совѣщаніи, происходившемъ на р. Качѣ, положили оставить планъ атаки сѣверной части города, а, обогнувши Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавою и атаковать городъ съ южной стороны.

Такая перемѣна плана и переходъ на южную сторону, по мнѣнію ихъ, имѣлъ еще ту важную выгоду, что, занявши Херсонесскій полуостровъ, составляющій, по словамъ Базанкура, какъ бы редюитъ Крымскаго полуострова, союзники соединялись тѣснѣе съ своимъ флотомъ, отдѣлиться отъ котораго они не имѣли никакой возможности. Бухты: Балаклавская, Камышевая, Казачья и Стрѣлецкая, по словамъ того же писателя, представляли всѣ удобства для якорной стоянки флота, тогда какъ на сѣверномъ берегу не было не только удобной, но и никакой бухты. Союзному флоту приходилось бы оставаться здѣсь въ открытомъ морѣ, подвергаться различнымъ случайностямъ и опасаться за сообщеніе съ арміею.

Послѣ сраженія на р. Алмѣ, маршалъ Сентъ-Арно и лордъ Раг-

ланъ потеряли изъ виду кн. Меншикова [1]), и не зная, гдѣ именно онъ находится, опасались, что, усиленный прибытіемъ свѣжихъ войскъ, онъ можетъ явиться въ тылу союзниковъ, въ то время, когда они подойдутъ къ сѣвернымъ укрѣпленіямъ. Сколько войскъ находится въ Севастополѣ, союзникамъ также было не извѣстно, но видна была кипучая дѣятельность его защитниковъ. Броситься прямо на штурмъ укрѣпленій, не обезпечивши своего тыла, было крайне рискованно и не безопасно, точно такъ же, какъ и приступать къ правильной осадѣ. Къ тому же у союзниковъ не было при себѣ ни достаточно продовольствія, ни боевыхъ припасовъ, ни, наконецъ, осадной артиллеріи—все это оставалось на судахъ. Чтобы выгрузить ихъ, необходимо было остановить суда въ открытомъ морѣ и выгружать всѣ припасы на открытомъ берегу. На выгрузку, при подобныхъ условіяхъ, требовалось значительное время, каждый часъ котораго долженъ былъ усиливать кн. Меншикова и замедлять дѣйствія союзниковъ. Для сохраненія самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, англо-французамъ необходимо было, прежде всего, обезпечить свой тылъ и примкнуть къ такому мѣсту, которое было бы недоступно для обхода русскихъ войскъ.

Перейдя на южную сторону Севастопольскаго рейда и ставъ тыломъ къ морю, союзники обезпечивали себя отъ обхода и имѣли передъ собою городъ, противъ котораго могли открыть осадныя работы. Итакъ движеніе на югъ было необходимо, но предпринимать его, не пытаясь овладѣть сѣверною стороною, значило бы сознаться въ неудачномъ выборѣ мѣста высадки. Поэтому, не рѣшаясь прямо и откровенно высказать уполномочившимъ ихъ правительствамъ причины такого перехода, главнокомандующіе сочли болѣе приличнымъ прибѣгнуть къ вымыслу и сослаться на необыкновенную силу укрѣпленій, возведенныхъ русскими на сѣверной сторонѣ рейда.

Лордъ Рагланъ въ своемъ оффиціальномъ рапортѣ писалъ, что при-

---

[1]) Въ своемъ донесеніи военному министру Сентъ-Арно писалъ: «Dans la soirée du 8 (20), l'armée russe s'était partagée en deux. Le prince Menchikoff avec l'aîle gauche marchait sur Baktchi-Serai, l'aîle droite se dirigeait sur Belbek». (Вечеромъ 8-го (20-го) сентября русская армія раздѣлилась на двѣ части: князь Меншиковъ съ лѣвымъ крыломъ двинулся къ Бахчисараю, а правое крыло направилось на Бельбекъ). Арх. канц. воен. минист., д. № 110.

чиною перехода союзной арміи на южную сторону города было то, что устья Качи и Бельбека столь сильно укрѣплены русскими, что не представлялось никакой возможности производить тамъ выгрузку тяжестей и осадной артиллеріи. Какъ будто остановившись въ долинѣ Бельбека, англо-французы не отрѣзывали эти мнимыя укрѣпленія съ тыла и не могли овладѣть ими. Не укрѣпленія эти, а отсутствіе свѣдѣній о численности русской арміи и о мѣстѣ ея нахожденія, опасеніе быть атакованными въ тылъ, совершенное незнакомство съ характеромъ возведенныхъ на сѣверной сторонѣ укрѣпленій, необходимость прочной связи съ флотомъ,—отъ котораго союзники получали всѣ жизненныя и боевыя потребности — и наконецъ прегражденіе нами входа на рейдъ, — вотъ совокупность тѣхъ причинъ, по которымъ союзные главнокомандующіе рѣшились перейти на южную сторону города.

Полагаемъ, нѣтъ надобности доказывать, что многія изъ причинъ, внушавшихъ опасеніе союзникамъ, были далеко не основательны и могли быть устранены настойчивымъ и быстрымъ преслѣдованіемъ цѣли высадки. Но послѣ сраженія на р. Алмѣ, всѣ движенія союзниковъ отличались необыкновенною медленностію и замѣчательнымъ отсутствіемъ всякой энергіи, дозволившими намъ оглядѣться и приготовиться къ встрѣчѣ противника, по мѣрѣ силъ и возможности. Оба союзные главнокомандующіе шли ощупью, видѣли преграды тамъ, гдѣ ихъ не было, и не предпринимали самыхъ обыкновенныхъ и употребительныхъ мѣръ для того, чтобы собрать сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ и странѣ, въ которой они принуждены были дѣйствовать.

Только дойдя до р. Качи, они убѣдились, что на сѣверной сторонѣ нѣтъ удобной гавани для флота, тогда какъ объ этомъ должны были знать ранѣе, чѣмъ оставили берега Франціи и Англіи. При устьѣ Бельбека они видѣли укрѣпленіе, будто бы преграждающее входъ въ рѣку, тогда какъ, въ дѣйствительности, это были остатки старой земляной батареи, не имѣвшей на своемъ вооруженіи ни одного орудія и въ прикрытіи ни одного солдата...

Какъ бы то ни было, но на совѣтѣ, происходившемъ на р. Качѣ 11-го сентября, оба главнокомандующіе рѣшились перейти на южную сторону. Хотя совѣщаніе окончилось поздно вечеромъ, но рѣшеніе совѣщавшихся было въ тотъ же день сообщено адмираламъ соединенныхъ

флотовъ Франціи и Англіи, и сэръ Лайонсъ получилъ приказаніе лорда Раглана слѣдовать къ Балаклавѣ.

На слѣдующій день, 12-го сентября, около 9-ти часовъ утра союзная армія, снявшись съ бивуака на Качѣ, двинулась по направленію къ р. Бельбеку, до которой и достигла только вечеромъ. На лѣвомъ берегу этой рѣки, на возвышеніи близъ моря, непріятель увидѣлъ именно ту мнимо-страшную батарею, которая преграждала входъ въ рѣку и могла препятствовать выгрузкѣ войскъ и боевыхъ припасовъ. Хотя на батареѣ этой не замѣтно было ни одного живаго существа, но союзные генералы предпочли посторониться ея и, принявъ со всею арміею влѣво, начали переправу лѣвѣе дер. Бельбекъ. Переправа на лѣвый берегъ рѣки продолжалась до ночи; бивуакъ союзниковъ былъ ясно виденъ изъ Сѣвернаго укрѣпленія.

Отсюда англо-французы должны были начать свое фланговое движеніе по направленію къ хутору Мекензи. Имъ приходилось проходить черезъ лѣсистое, узкое и длинное дефиле, принудившее вытянуться въ одну линію. Въ авангардѣ шли англичане, позади ихъ французы и турки. Французы построились по обѣимъ сторонамъ дороги; во главѣ правой колонны шла 3-я дивизія, а за нею 2-я и 1-я въ бригадныхъ колоннахъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Канробера; по лѣвую сторону шла 4-я дивизія, а за нею турки подъ начальствомъ генерала Форе. Въ срединѣ между колоннами и по дорогѣ двигались артиллерія, обозы и проч. Подобный порядокъ слѣдованія былъ принятъ и англичанами: легкая дивизія шла по возвышенности съ одной стороны, шотландцы и гвардія—слѣдовали по другой сторонѣ, а въ серединѣ шла легкая артиллерія. Потомъ слѣдовали прочія дивизіи въ такомъ же порядкѣ. Войска подвигались впередъ медленно, и артиллерія съ большимъ трудомъ была свезена по крутому спуску въ Бельбекскую долину.

Временемъ для выступленія назначено 6-ть часовъ утра 13-го сентября, но англичане настолько задержали французовъ, что они могли начать свое движеніе, только въ полдень.

Изъ Севастополя очень хорошо было видно, какъ непріятель потянулся вдоль бухты въ правую сторону. Первое движеніе союзниковъ замѣчено было съ башни, устроенной на крышѣ морской библіотеки, расположенной на одной изъ самыхъ высокихъ горъ города. Съ башни этой

открывался обширный и прекрасный видъ на всѣ окрестности, и можно было видѣть множество красныхъ мундировъ, которые двигались по опушкѣ лѣса на Мекензіеву гору и спускались потомъ въ долину Черной рѣчки. То были англійскія войска, тянувшіяся длинною вереницею вдоль сѣверныхъ нашихъ укрѣпленій. За ними слѣдовали французы, въ темныхъ шинеляхъ. Тысячи штыковъ блестѣли въ полуденномъ солнцѣ; казалось, что весь лѣсъ былъ въ движеніи

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что это было за шествіе. Всѣ видѣли, что союзники переходили на южную сторону Севастополя, и сѣверная сторона, ожидавшая скораго нападенія, вздохнула спокойнѣе:—она была избавлена отъ опасности.

Въ томъ направленіи, въ которомъ слѣдовали союзники, пролегала только одна дорога, которую необходимо было уступить для артиллеріи, кавалеріи и обоза. Пѣхота же принуждена была сама прокладывать себѣ дорогу безъ проводниковъ, съ компасомъ въ рукахъ, сквозь столь густой лѣсъ, что люди едва могли видѣть въ немъ другъ друга; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ части войскъ были совершенно смѣшаны между собою. Въ такомъ нестройномъ движеніи союзная армія только утромъ слѣдующаго дня вышла на дорогу, ведущую изъ Севастополя въ Симферополь.

Почти одновременно съ этимъ наши войска совершали также фланговое движеніе изъ Севастополя къ Бахчисараю.

Когда, 11-го сентября, союзники явились на р. Качѣ, князь Меншиковъ отправилъ въ тотъ же день на Бельбекъ для наблюденія за непріятелемъ генералъ-лейтенанта Кирьякова съ Тарутинскимъ и Бородинскимъ Е. И. В. Наслѣдника цесаревича полками и съ двумя батареями [1]). Получивъ приказаніе расположиться на высотахъ лѣваго берега Бельбека, Кирьяковъ долженъ былъ въ то же время прикрыть предположенное фланговое движеніе нашихъ войскъ.

Подойдя, около четырехъ часовъ по полудни къ Бельбеку, Кирьяковъ увидѣлъ на противуположномъ берегу англійскія войска, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ извѣстіе, что дорога въ сел. Дуванкіой занята англичанами. Не считая себя въ силахъ противиться многочисленному

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій Крымской арміи.

непріятелю, Кирьяковъ около $10^1|_2$ часовъ вечера началъ отступать къ Инкерману. Дойдя до Инкерманскаго спуска, онъ оставилъ здѣсь одинъ батальонъ Тарутинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады, а самъ съ остальными войсками поднялся на высоты Сапунъ-горы. Такимъ образомъ князь Меншиковъ совершалъ впослѣдствіи свое фланговое движеніе безъ всякаго прикрытія.

Вечеромъ 12-го сентября наши войска, оставивши всѣ свои тяжести и обозъ въ Севастополѣ, выступили изъ лагеря на Куликовомъ полѣ и потянулись налегкѣ, въ томъ, въ чемъ были, по направленію къ Черной рѣчкѣ. Жители города были крайне встревожены уходомъ арміи, они громко кричали и обвиняли князя Меншикова въ измѣнѣ, называя его *Измѣнщиковымъ*; солдаты были также недовольны этимъ движеніемъ и говорили, что главнокомандующій ведетъ ихъ къ Бахчисараю, чтобы стеречь татарскіе огороды [1]). Впослѣдствіи толки эти дошли до кн. Меншикова, и хотя онъ смѣялся надъ ними, но, приписывая происхожденіе этихъ толковъ Корнилову, не могъ сохранить полнаго хладнокровія. Однажды, спустя довольно долгое время послѣ этого движенія, главнокомандующій встрѣтилъ чиновника дипломатической части Батьянова.

— Передайте Корнилову,—сказалъ кн. Меншиковъ,—что я не получилъ еще всѣхъ денегъ отъ Раглана, для сдачи Севастополя.

Такое порученіе удивило Батьянова.

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ онъ,—богаче Раглана, и вамъ доступнѣе его подкупить, нежели ему васъ.

— Хорошо,—сказалъ князь,—но я вамъ поручаю передать отъ меня Корнилову слышанное вами.

Батьяновъ долженъ былъ исполнить порученіе, на которое Корниловъ не обратилъ вниманія.

Слово *„измѣна“* повторялось въ Севастополѣ довольно часто и громко, и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было весьма естественно. Князю Меншикову не оставалось ничего болѣе, какъ дѣлать то же, что сдѣлалъ Корниловъ.

---

[1]) Дневникъ инженеръ-капит. Телятникова (рукоп.). Письмо Вл. Княжевича отъ 25-го сентября 1854 г.

— Хотѣлъ продать Севастополь англичанамъ, да дешево давали,— повторялъ онъ довольно часто, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

Остряки сочинили по этому поводу анекдотъ, весьма хорошо характеризующій настроеніе общества. Они разсказывали, будто бы союзные главнокомандующіе прислали къ кн. Меншикову своего парламентера съ предложеніемъ, чтобы городъ сдался и ключи были присланы въ главную квартиру.

— Ключи я потерялъ подъ Бурлюкомъ (Алмою), — отвѣчалъ кн. Меншиковъ посланному,—а Севастополь брать я вамъ не мѣшаю... и, оставивъ городъ, повелъ войска къ Бахчисараю.

Предпринимая свое фланговое движеніе, кн. Меншиковъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, не отдалъ ни приказа, ни приказанія по войскамъ; все дѣлалось на словахъ: одному начальнику говорили такъ, другому иначе, и никто рѣшительно не зналъ, что хочетъ предпринять командующій войсками. Отъ этого, какъ увидимъ ниже, генералъ Кирьяковъ не попалъ на ту дорогу, на которую слѣдовало, и перепуталъ остальныя войска.

Нашимъ войскамъ предстояло спуститься въ долину Черной рѣчки, перейти ее по единственному мосту или въ бродъ, потомъ пробираться по узкой Инкерманской гати, а за тѣмъ уже взбираться на крутую Мекензіеву гору, опять-таки по единственной дорогѣ, которая у хутора Мекензи пролегала не далѣе 4-хъ верстъ отъ передовыхъ непріятельскихъ постовъ, бивуачные огни которыхъ были видны весьма ясно.

Въ авангардѣ шелъ отрядъ генералъ-маіора Жабокритскаго, состоявшій изъ 15-ти батальоновъ, 8-ми эскадроновъ, 9-ти сотенъ казаковъ и 38-ми орудій,—всего около 13.000 человѣкъ. Ночью 12-го сентября Жабокритскій долженъ былъ двинуться къ хутору Мекензи и, сдѣлавъ тамъ привалъ, ожидать прибытія генерала Кирьякова, съ войсками 17-й пѣхотной дивизіи, которому приказано было выступить, по слѣдамъ Жабокритскаго, въ 4 часа по полуночи [1]). За Кирьяковымъ слѣдовали остальныя войска, подъ начальствомъ кн. П. Д. Горчакова.

Темнота ночи скрывала наши колонны отъ взоровъ непріятеля. „Батальоны шли скорымъ шагомъ,—пишетъ участникъ,—не по дорогѣ, а

[1]) Матер., вып. IV, 150.

воробьинымъ путемъ, какъ выражались солдаты. Погода стояла сухая. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ полыни. Тишина нарушалась лишь дробнымъ стукомъ нашихъ шаговъ. Солдаты шепотомъ разговаривали между собою. Трубокъ не велѣно было курить".

Приближаясь къ Черной рѣчкѣ, полки останавливались въ ожиданіи переправы черезъ мостъ. Въ это время, къ столпившимся у моста войскамъ подскакалъ одинъ изъ ординарцевъ и, отыскавши Черноморскій резервный батальонъ, приказалъ двумъ его ротамъ остановиться у моста и, дождавшись прибытія подвижнаго полупарка № 8, составить его прикрытіе.

Свернувши вправо отъ дороги, 1-я и 2-я роты черноморцевъ легли отдохнуть, въ ожиданіи прибытія полупарка [1]). Мимо ихъ проходили по мосту полкъ за полкомъ и подымались на Мекензіеву гору. Оставляя единственную дорогу для артиллеріи, обозовъ и другихъ повозокъ, солдаты шли цѣликомъ по каменистому грунту, покрытому терновымъ и кизилевымъ кустарникомъ; шли дубнякомъ, шли лѣсомъ, карабкались на высоты и, по мѣрѣ того какъ взбирались на нихъ, дѣлали приваль. Путь былъ трудный, утомительный; тишина соблюдалась еще строже, запрещали даже шептать и приказывали мягче ставить на землю ноги [2]).

„Въ эту ночь,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ Владимірскаго полка, шедшаго въ авангардъ,—намъ пришлось перейти двѣ рѣчки въ бродъ. Послѣ такого несвоевременнаго купанья, солдаты согрѣвались добытыми ими въ оставленныхъ жителями погребахъ виномъ, заѣдая его превосходными яблоками... На Мекензіевыхъ высотахъ, въ лѣсу попались намъ на встрѣчу англійскіе разъѣзды; непріятель, вѣжливо посторонясь, далъ намъ дорогу [3])".

Не зная дорогъ и не имѣя карты окрестной мѣстности, войска блудили, сбивались съ пути, такъ что многіе полки съ большими затрудненіями достигали до назначенныхъ имъ пунктовъ. Дойдя до Мекензіева хутора, войска располагались на отдыхъ: кто въ лѣсу, кто близъ дороги; одни варили пищу, другіе отдыхали молча, боясь пошевельнуться, чтобы не навлечь вниманія непріятеля. Отдохнувъ немного, полки по-

---

[1]) Записки Першина (рукоп.).

[2]) Матер., IV, 151. Сборникъ рукоп. Т. I, 64.

[3]) Рукописи, Т. II, 208.

дымались и слѣдовали далѣе: одни, по кратковременности отдыха, не успѣли сварить пищу; другіе сварили, да не пообѣдали. Въ темнотѣ ночи случалось и такъ, что три батальона полка подымались съ привала и шли впередъ, а четвертый оставался на мѣстѣ.

По слѣдамъ Жабокритскаго долженъ былъ двигаться Кирьяковъ съ своимъ отрядомъ, но послѣдній сбился съ дороги, потерялъ много времени въ напрасныхъ передвиженіяхъ и тѣмъ задержалъ движеніе колонны кн. Горчакова. Наконецъ, переправившись въ бродъ между Инкерманскимъ и Трактирнымъ мостами, онъ двинулся также къ хутору Мекензи, а за нимъ спустился съ Сапунъ-горы и кн. Горчаковъ,—который, поднявшись по крутому подъему къ селенію Черкесъ-Керменъ, находившемуся верстахъ въ трехъ отъ хутора Мекензи, остановился здѣсь на привалѣ [1]).

До разсвѣта, ни русскіе, ни союзники не подозрѣвали, что ихъ раздѣляетъ только темная ночь и что они находятся другъ возлѣ друга. Съ разсвѣтомъ дѣло объяснилось. Всѣ три главнокомандующіе съ удивленіемъ замѣтили, что они, по мѣткому выраженію П. С. Нахимова, *играли въ жмурки и обмѣнялись позиціями*: мы шли съ юга на сѣверъ, союзники—съ сѣвера на югъ.

Съ наступленіемъ утра, наша армія ушла настолько впередъ, что не могла уже быть атакована непріятелемъ. Союзники успѣли захватить только часть обоза и парковыхъ повозокъ, опоздавшихъ своимъ движеніемъ.

Мы сказали, что для прикрытія полупарка были оставлены, у моста черезъ Черную рѣчку, двѣ роты Черноморскаго пѣшаго батальона. Отведенныя въ сторону роты эти ожидали прибытія парка. Войска ушли далеко впередъ, все стихло, а парка не было. Наконецъ, на разсвѣтѣ, вдали, показались дрожки командира полковника Хамрата, за которыми тянулись длинною вереницею повозки съ порохомъ и снарядами. Паркъ подвигался медленно, лѣниво и, несмотря на близость непріятеля, совершалъ свое путешествіе такъ же спокойно, какъ спокойно было сидѣть его командиру на мягкихъ дрожкахъ.

---

[1]) Тотлебенъ. Ч. I, 231.

Было утро 13-го сентября. Не успѣлъ паркъ подойти къ подошвѣ Мекензіевой горы, какъ съ лѣвой стороны его послышалось ржаніе лошадей, указывавшее на близость непріятеля. На это ржаніе откликнулись парковыя лошади, и пошла перекличка, не возбудившая впрочемъ вниманія полковника Хамрата. Послѣдній спокойно, не торопясь, взбирался на Мекензіеву гору и, поднявшись на ея вершину, остановилъ паркъ, приказалъ разнуздать лошадей и кормить ихъ. Не прошло и 20 минутъ, какъ изъ ближайшихъ кустовъ вышелъ казачій офицеръ съ нѣсколькими казаками.

— Гдѣ начальникъ?—спросилъ офицеръ.

Ему указали на Хамрата, которому и было объявлено, что непріятель находится не болѣе какъ въ полутора верстахъ и что часть его двигается прямо на паркъ.

То были англичане, шедшіе въ авангардѣ союзной арміи.

Извѣстіе это произвело большое замѣшательство среди парка: люди наскоро зануздывали лошадей и торопились спуститься, по извилистой дорожкѣ, внизъ къ рѣкѣ Бельбеку. На пути они встрѣтили значительный гуртъ скота, направленный въ Севастополь и загородившій дорогу парковымъ повозкамъ. Люди, лошади, скотъ и повозки—все перемѣшалось между собою. Въ это время лѣвѣе дороги послышался звукъ непріятельской трубы, а вслѣдъ за тѣмъ блеснулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, и завязалась перестрѣлка. Пользуясь закрытою мѣстностью, англичане разсыпали стрѣлковую цѣпь и поставили на обрывѣ свою артиллерію, открывшую огонь по спускавшимся съ горы повозкамъ. Въ слѣдъ за тѣмъ англійскій гусарскій № 8-го полкъ, при содѣйствіи конной батареи, бросился въ атаку на повозки, шедшія въ хвостѣ парка. Прикрывавшіе ихъ черноморцы стойко выдержали атаку и отбивались до тѣхъ поръ, пока англичане не подвезли орудія на весьма близкое разстояніе и не стали обстрѣливать ихъ картечью. Тогда прикрытіе принуждено было отступить, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ лошадей и нѣсколько телѣгъ, разбитыхъ и опрокинутыхъ [1]). Четырнадцать парковыхъ и нѣсколько офицерскихъ повозокъ, сломавшихся при спускѣ, достались въ руки англичанъ. Третій батальонъ

---

[1]) Изъ записокъ Першина (рукопись).

Тарутинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады, оставленные генераломъ Кирьяковымъ у Инкерманскаго спуска, были отрѣзаны отъ арміи и принуждены возвратиться въ Севастополь.

Та же самая участь могла постигнуть и многіе полки изъ арміи кн. Меншикова, если бы союзники только немного поторопились своимъ движеніемъ: тогда, принужденный неожиданно принять сраженіе въ самомъ невыгодномъ для него положеніи, онъ долженъ бы былъ пробиться съ огромною потерею или къ Бахчисараю или отступить къ Севастополю, и на своихъ плечахъ принести непріятеля въ городъ.

Если кн. Меншиковъ успѣлъ избѣжать опасной для него встрѣчи съ союзниками, то обязанъ единственно только ветхости ихъ главнокомандующихъ и совершенному незнанію ими театра дѣйствій. Если бы англо-французы, въ обезпеченіе своего фланговаго марша, выслали заранѣе незначительный отрядъ къ Мекензіеву хутору, чтобы стать на дорогѣ, ведущей къ переправѣ черезъ Черную рѣчку, то они могли остановить движеніе всей нашей арміи, или разорвать ее на двѣ части.

На движеніе, подобное предпринятому кн. Меншиковымъ, можно рѣшиться развѣ только въ такомъ случаѣ, когда положеніе арміи становится безвыходнымъ. Но было ли безвыходно положеніе кн. Меншикова и его войскъ? Послѣдующій разсказъ не приводитъ къ такому убѣжденію, и если кн. Меншиковъ считалъ его опаснымъ, то онъ самъ поставилъ себя въ такое положеніе.

Какія основательныя побужденія заставляли кн. Меншикова рѣшиться на это движеніе и вообще бросаться изъ стороны въ сторону [1]), мы доискаться не могли, но знаемъ только, что со времени отступленія нашихъ войскъ, послѣ сраженія на р. Алмѣ, въ главной квартирѣ не имѣлось никакого опредѣленнаго плана дѣйствій.

Защитники необходимости фланговаго движенія говорятъ, что поводомъ къ тому было: 1) совершенно безполезное нахожденіе арміи на южной сторонѣ и невозможность подать помощь сѣвернымъ укрѣпле-

---

[1]) Только не тѣ, которыя приведены, наприм., г. Стеценко (рукоп., T. I, 221 и 309).

ніямъ, въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля; 2) можно было ожидать, что въ случаѣ атаки сѣверныхъ укрѣпленій непріятель протянется вдоль сѣвернаго берега бухты и займетъ позицію на крутыхъ и обрывистыхъ скалахъ дачи Мекензи и Инкерманскихъ высотахъ; 3) по всему протяженію Черной рѣчки тянутся утесы, проходимые только въ четырехъ мѣстахъ, весьма близкихъ одно отъ другаго, такъ что если бы непріятель занялъ эту позицію, то нашимъ войскамъ пришлось бы ожидать его на Сапунъ-горѣ, позиціи хотя сильной, но растянутой на протяженіи около 12-ти верстъ; 4) съ занятіемъ союзниками позиціи у Инкермана кн. Меншиковъ былъ бы отрѣзанъ отъ сообщенія съ Россіею, такъ что, въ случаѣ успѣха союзниковъ, мы теряли городъ, флотъ и всю Крымскую армію.

Самъ кн. Меншиковъ объяснялъ цѣль своего фланговаго движенія тѣмъ, чтобы, ставши на флангѣ или въ тылу союзной арміи, воспрепятствовать ей владѣть сѣверными укрѣпленіями.

Для выполненія этой послѣдней цѣли, чтобы спасти сѣверную часть города, ему необходимо было по меньшей мѣрѣ два перехода.— Выступая изъ Севастополя въ ночь 12-го сентября, онъ могъ разсчитывать на окончаніе своего движенія только вечеромъ 13-го числа, между тѣмъ непріятель, находясь 12-го числа на Бельбекѣ, лишь въ нѣсколькихъ часахъ отъ сѣверныхъ укрѣпленій, могъ атаковать ихъ утромъ 13-го сентября, слѣдовательно, гораздо ранѣе, чѣмъ кн. Меншиковъ могъ появиться у него въ тылу.

Что армія наша, оставаясь на южной сторонѣ города, не могла подать помощи сѣвернымъ укрѣпленіямъ, объ этомъ спорить, конечно, никто не станетъ, но если главнокомандующій хотѣлъ оказать имъ свое содѣйствіе, то становится совершенно непонятнымъ, почему князь Меншиковъ не оставилъ Севастополь нѣсколькими днями ранѣе и не предпринялъ своего движенія въ то еще время, когда союзники подошли къ р. Качѣ. На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта, потому что пополненіе запасовъ, которое не производилось, и „водвореніе стройности въ войскахъ“ не могутъ быть основательнымъ доводомъ для подобнаго замедленія. Для пополненія боевыхъ запасовъ двухъ сутокъ было слишкомъ достаточно, а водвореніе стройности въ войскахъ могло быть произведено и послѣ фланговаго движенія. Во всякомъ случаѣ

лучше было идти съ непереформированными частями, но безъ опасенія и на свободѣ, чѣмъ переформировать ихъ и потомъ слѣдовать въ виду непріятеля, подъ опасеніемъ быть атакованнымъ, въ порядкѣ весьма не выгодномъ для боя и на мѣстности, весьма затруднительной для подобнаго движенія. Если бы кн. Меншиковъ выступилъ въ ночь съ 11-го на 12-е сентября, онъ имѣлъ бы огромное преимущество надъ непріятелемъ, тянувшимся длинною вереницею отъ Бельбека къ р. Черной, и могъ поставить его въ крайне затруднительное положеніе. Фланговый маршъ союзниковъ стоилъ бы имъ тогда весьма недешево, потому что, при всемъ желаніи сохранить стройность и порядокъ, они не могли этого сдѣлать по затруднительности пути: колонны ихъ безпрерывно или разрывались, или сталкивались въ дефилеяхъ и проходили по такой мѣстности, на которой никакъ нельзя было устроиться для принятія боя. На дорогѣ, по которой они шли, были оставлены слѣды большой торопливости и поспѣшности: въ кустахъ было забыто много киверовъ, въ особенности англійскаго полка № 33; по всему пути валялись вальтрапы и прочія принадлежности одежды и вооруженія [1]).

Къ тому же если бы кн. Меншиковъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, находясь на флангѣ или въ тылу непріятеля, онъ можетъ воспрепятствовать ему атаковать сѣверныя укрѣпленія, то, отступая послѣ Алминскаго сраженія, онъ не пошелъ бы въ Севастополь. Мы уже говорили, что движеніе это было совершенно безполезно, но оно кажется еще болѣе ошибочнымъ, если мы вспомнимъ, что онъ перевелъ всѣ войска на южную сторону города, въ чемъ рѣшительно не было никакой надобности.

Что касается до того, что онъ могъ быть запертъ въ Севастополѣ и отрѣзанъ отъ сообщенія съ Россіею, то и это положеніе не вполнѣ справедливо.

Главнокомандующему было извѣстно, что союзники, не имѣя перевозочныхъ средствъ, не могутъ обезпечить себя продовольствіемъ на продолжительное время, а потому имъ было только два исхода: или атаковать безотлагательно сѣверныя укрѣпленія, или, перейдя на южную сторону, утвердиться въ Балаклавѣ и Херсонесскомъ полуостровѣ, и,

---

[1]) Записки Першина (рукоп).

войдя въ непосредственныя сношенія съ флотомъ, атаковать городъ съ этой стороны. Только въ этихъ двухъ случаяхъ они могли быть обезпечены матеріальнымъ и боевымъ довольствіемъ и могли надѣяться на успѣхъ. По однимъ продовольственнымъ причинамъ англо-французы могли двигаться только по берегу моря, на которомъ, къ счастію ихъ, стоялъ и Севастополь. Слѣдовательно, занимать хотя и сильныя позиціи, но не имѣть обезпеченнаго продовольствія и становиться тыломъ ко всей остальной Россіи, для того только, чтобы издали смотрѣть на Севастополь и ожидать, когда русская армія, обезпеченная продовольствіемъ почти на полгода, вздумаетъ атаковать ихъ, было бы крайне невыгодно для союзниковъ. Къ тому же кн. Меншиковъ, и безъ подкрѣпленія, на южной сторонѣ Севастополя былъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на р. Алмѣ. Въ его распоряженіи было около 33.800 челов. строевыхъ нижнихъ чиновъ [1]). На вооруженіи южной стороны города къ этому времени стояло уже 145-ть орудій различнаго калибра, а нѣкоторые балки и овраги могли быть обстрѣливаемы съ флота. Къ тому же въ случаѣ атаки непріятелемъ южной стороны города кн. Меншиковъ имѣлъ полную возможность присоединить къ себѣ до 10.000 челов. гарнизона сѣверной стороны, и тогда численность его арміи простиралась бы до 43.000 челов. Такое число войскъ, расположенныхъ хотя и въ слабо, но все-таки укрѣпленной позиціи и обезпеченныхъ продовольствіемъ и фуражемъ, едва-ли можно считать безвыходнымъ противъ атаки 58.000-ой непріятельской арміи [2]), не

[1]) Передъ сраженіемъ па р. Алмѣ кн. Меншиковъ успѣлъ сосредоточить 33.600 челов. Исключивъ изъ этого числа потерю во время сраженія убитыми, ранеными, контуженными и безъ вѣсти пропавшими 5.709 челов., мы увидимъ, что съ кн. Меншиковымъ пришло на южную сторону 27.891 челов. Число это было усилено остававшимися на южной сторонѣ города: шестыми резервными батальонами Виленскаго и Литовскаго полка, численностью въ 1.794 челов., 44-мъ флотскимъ экипажемъ—въ 567 челов. и прибывшими съ генераломъ Жабокритскомъ 3.572 челов.

[2]) Въ день высадки у союзниковъ было: французовъ 27.600, англичанъ 26.800 и турокъ 7.000—всего 61.400 человѣкъ. Въ сраженіи на р. Алмѣ выбыло изъ строя, по собственному, значительно уменьшенному, показанію союзниковъ: у французовъ 1.339, у англичанъ 1.975—всего 3.314 человѣкъ. Слѣдовательно, наибольшее число войскъ, которыми располагали союзные главнокомандующіе при переходѣ на южную сторону города, простиралось до 58.000.

имѣющей при себѣ осадной артиллеріи и продовольствія [1]). Поэтому занятіе крутыхъ скалъ Мекензи и Инкерманскихъ высотъ не имѣло для нихъ никакого смысла. Да и въ этомъ въ крайнемъ и не сбыточномъ случаѣ кн. Меншиковъ все-таки имѣлъ свободный выходъ черезъ Байдарскую долину.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго видно, что если кн. Меншиковъ желалъ оказать дѣйствительную помощь Севастополю, то долженъ былъ начать свое движеніе гораздо ранѣе. Выступивъ же въ ночь 12-го числа онъ рисковалъ быть атакованнымъ и потерпѣть неудачу, безъ всякой видимой пользы; не имѣлъ никакой возможности спасти сѣверную сторону города и оставлялъ въ безнадежномъ состояніи южную, уводя съ собою войска, которыя, кромѣ защиты города, съ большою пользою могли быть употреблены на возведеніе укрѣпленій.

Фланговое движеніе, въ томъ видѣ и при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно произведено, можно назвать безполезнымъ и случайно удавшимся. Въ послѣднемъ случаѣ онъ обязанъ тому, что, какъ мы видѣли, союзники, въ то же самое время совершая такое же движеніе вокругъ Севастополя, заботились только о своей безопасности. Двигаясь одновременно и находясь въ одинаково затруднительномъ положеніи, обѣ арміи старались скрыть свое движеніе другъ отъ друга. Кн. Меншиковъ желалъ скрытно достигнуть до Бахчисарая, точно такъ же, какъ союзники съ своей стороны хотѣли дойти незамѣченными до Балаклавы.

Въ свое время объ этомъ движеніи говорилось и писалось очень много: одни считали его плодомъ глубокихъ соображеній главнокомандующаго, другіе были совершенно противнаго мнѣнія. Еще такъ недавно одинъ изъ защитниковъ князя Меншикова, разсказывая объ этомъ движеніи, приводилъ стихи Пушкина:

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною.

---

[1]) Союзники оставили р. Качу, имѣя съ собою продовольствія только на 7-мь дней. Конечно, кн. Меншиковъ не могъ знать этого, но долженъ былъ знать, что, предпринимая обходное движеніе на южную сторону и удаляясь отъ своего базиса-флота, союзники не могли запастись продовольствіемъ на продолжительное время, не имѣя для того перевозочныхъ средствъ.

Выше приведенное описаніе и самыя донесенія главнокомандующаго, какъ кажется, ясно указываютъ: что движеніе это не входило въ предварительныя соображенія кн. Меншикова; что опасеніе быть запертымъ въ Севастополѣ было не основательно; что опасеніе это явилось моментально и также моментально, безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, было приведено въ исполненіе и фланговое движеніе.

Уходя изъ Севастополя, кн. Меншиковъ не зналъ, гдѣ онъ будетъ завтра, такъ что, посылая своего адъютанта къ Корнилову, онъ могъ только сказать ему, что выходитъ *изъ города и будетъ вблизи Севастополя* [1]). Эта неопредѣленность и отсутствіе точныхъ приказаній составляютъ характеристическую черту главнокомандующаго, привыкшаго скрывать все въ себѣ самомъ и не сообщать своихъ намѣреній никому изъ окружающихъ. Такая замкнутость неблагопріятно отражалась на нашихъ дѣйствіяхъ и давала мѣсто часто повторявшимся случайностямъ. Она же, какъ увидимъ впослѣдствіи, была причиною нашей неудачи въ Инкерманскомъ сраженіи.

Избѣжавъ благополучно встрѣчи съ непріятелемъ, кн. Меншиковъ, послѣ привала съ главными силами у Черкесъ-Кермена, сдѣлалъ усиленный переходъ по Бахчисарайской дорогѣ и остановился у селен. Отаръ-кой, верстахъ въ 5-ти отъ Бахчисарая, куда и стянулъ отряды Жабокритскаго и Кирьякова.

„Мы прибыли сюда,—писалъ кн. Меншиковъ Корнилову,—въ 8-мь часовъ утра и двинули впередъ казаковъ; дальнѣйшія предпріятія наши зависѣть будутъ отъ положенія непріятеля, почему и желательно имѣть повременныя свѣдѣнія изъ Севастополя о положеніи нашихъ противниковъ; для сообщенія между этимъ городомъ и арміею, будетъ выставленъ казачій постъ на р. Черной, недалеко отъ резервуара водопроводнаго канала близъ большой дороги, пересѣкающей сей каналъ“.

На слѣдующій день оставивъ въ авангардѣ, у селен. Отаръ-кой, генерала Жабокритскаго, кн. Меншиковъ отвелъ остальныя войска на р. Качу, гдѣ и оставался до 16-го сентября, въ ожиданіи доставки провіанта изъ Симферополя. Въ Петербургѣ не знали ни о подробно-

[1]) Воспом. и разсужденія В. Стеценко. Авторъ удивляется тому, что послѣ говорили, будто армія вышла неизвѣстно куда. Дѣйствительно, слово вблизи Севастополя ничего не опредѣляетъ.

стяхъ сраженія на Алмѣ, ни о фланговомъ движеніи [1]), и даже о положеніи Севастополя имѣли самое смутное понятіе [2]).

О своемъ фланговомъ движеніи князь Меншиковъ донесъ государю императору весьма кратко: „Отъ Севастополя,—писалъ онъ [3]),—оставя тамъ резервные батальоны 13-й пѣхотной дивизіи и саперный батальонъ, я перешелъ фланговымъ маршемъ, съ дѣйствующимъ отрядомъ, на большую дорогу изъ Севастополя къ Бахчисараю.

„Духъ въ войскахъ поднялся; буду стараться дѣйствовать во флангѣ непріятеля, коль скоро придетъ ко мнѣ генералъ-лейтенантъ Рыжовъ, который двинулся позднѣе предполагавшагося мною“.

Видя нерѣшительность дѣйствій кн. Меншикова и получая отъ него только одни обѣщанія, императоръ Николай I не находилъ ничего утѣшительнаго въ распоряженіяхъ командующаго войсками въ Крыму. „Все, что получено, надежды на хорошій успѣхъ я не имѣю,—написалъ онъ на одномъ изъ донесеній кн. Меншикова [4]). Одна мѣра хороша—это посылка сына Меншикова въ Симферополь, чтобы, собравъ что есть, дѣйствовать въ тылъ непріятелю, но удастся ли, Богъ вѣдаетъ??“

---

[1]) «Его величество изволилъ выразить желаніе,—писалъ кн. Долгоруковъ кн. Меншикову,—получить отъ васъ полное и откровенное описаніе означеннаго сраженія (Алминскаго), а равно и послѣдующихъ затѣмъ движеній вашихъ и непріятельскихъ, такъ какъ, до сего времени, важныя дѣйствія сіи извѣстны государю почти исключительно изъ словесныхъ только донесеній посланныхъ вами курьеровъ.—(Письмо отъ 3-го окт. Арх. канц. воен. мин. по снар. в., д. № 110).

[2]) См. приложеніе № 10.

[3]) Отъ 14-го сентяб. Арх. канцеляр. воен. министер. по снаряж. войскъ, дѣло № 110 ч. I.

[4]) На донесеніи отъ 10-го сентября.

XII.

Расположеніе войскъ въ долинѣ Бельбека.—Прибытіе къ арміи преосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго.—Отношеніе князя Меншикова къ войскамъ.—Прибытіе подкрѣпленій.—Рескриптъ императора князю Горчакову.—Участіе князя М. Д. Горчакова въ судьбѣ крымской кампаніи, съ самаго начала военныхъ дѣйствій.—Состояніе продовольственной и госпитальной части Крымской арміи.—Фуражировки.—Состояніе края.—Первыя свѣдѣнія, полученныя въ главной квартирѣ о переходѣ союзниковъ на южную сторону города. Рекогносцировка полковника Хрущева.—Рескриптъ императора князю Меншикову.—Оборона южной стороны города.—Формированіе двухъ сводныхъ морскихъ батальоновъ.—Раздѣленіе оборонительной линіи на дистанціи.—Участіе жителей въ постройкѣ укрѣпленій.—Занятіе непріятелемъ Балаклавы.—Перемѣна французскаго главнокомандующаго.—Генералъ Канроберъ вступаетъ въ командованіе французскою арміею.—Освященіе оборонительной линіи укрѣпленій.—Заслуги вице-адмирала Корнилова.

Остановившись въ долинѣ Бельбека, между Бахчисараемъ и селен. Дуванкіой, кн. Меншиковъ расположилъ здѣсь свои войска бивуакомъ. На одной изъ возвышенностей, среди кустарниковъ, была поставлена палатка командующаго войсками, а за нею стояло еще двѣ-три такихъ же, разбитыхъ для канцеляріи, вотъ и вся главная квартира. Всѣ же остальные генералы, офицеры и солдаты располагались подъ открытымъ небомъ.

При арміи не было ни обоза, ни палатокъ, такъ что командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса генералъ-отъ-инфантеріи кн. П. Д. Горчаковъ, помѣщался подъ нѣсколькими кустами, связанными за верхнія вѣтви [1]).

На слѣдующій день прибылъ въ Бахчисарай преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, движимый святою любовью къ Россіи и самоотверженіемъ древнихъ пастырей церкви. Онъ торопился видѣть войска, чтобы благословить православныхъ на побѣду надъ врагами и раздѣлить съ ними опасность.

Узнавъ, что армія находится въ пяти верстахъ отъ города, Иннокентій тотчасъ же отправилъ своего посланнаго къ князю Меншикову, съ просьбою дозволить ему прибыть въ главную квартиру и проѣхать

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній: «Крымская война». Матер., вып. III, 156.

потомъ въ Севастополь. Пастырь желалъ помолиться вмѣстѣ съ войсками и передать имъ привезенную съ собою явленную икону Касперовской Божіей Матери, съ которой Иннокентій хотѣлъ обойти войска. Князь приказалъ сказать преосвященному, что теперь не до того, и что надобно выбрать другое болѣе удобное время; на поѣздку же Иннокентія въ Севастополь князь вовсе не согласился.

— Я боюсь скомпрометтировать чудотворную Божію Матерь,—замѣтилъ свѣтлѣйшій,—и опасаюсь, чтобы Она не попала въ руки непріятеля.

Князь Меншиковъ совѣтовалъ Иннокентію возвратиться къ своей паствѣ въ Одессу. Преосвященный вернулся въ тотъ же день въ Симферополь, а 16-го сентября отправился оттуда по южному берегу Крыма, для осмотра церквей въ Ѳеодосіи и Керчи.

По дорогѣ въ Карасубазаръ, на Зуйской почтовой станціи, Иннокентій встрѣтилъ батальонъ Бутырскаго полка, слѣдовавшій въ Севастополь и остановившійся здѣсь на ночлегѣ.

— Бѣгите,—сказалъ пастырь бутырцамъ,—бѣгите на помощь Севастополю.

Солдаты отвѣчали, что здѣсь назначенъ имъ ночлегъ самимъ начальствомъ.

— Не слушайте князя, бѣгите на помощь Севастополю,—повторилъ Иннокентій.

Эти слова поразили всѣхъ безъ исключенія и свидѣтельствовали о глубокомъ огорченіи, нанесенномъ ему княземъ Александромъ Сергѣевичемъ [1]). Послѣдній былъ вообще нерасположенъ къ преосвященному за его донесенія о состояніи края и о нѣкоторыхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ еще до высадки непріятеля. Отказавъ Иннокентію посѣтить войска и проѣхать въ Севастополь, кн. Меншиковъ скоро созналъ свою ошибку, но было уже поздно. Хотя онъ и послалъ своего адъютанта отыскивать архіепископа, а впослѣдствіи отправилъ къ нему въ Одессу

---

[1]) Записка по поводу войны 1853—1855 годовъ д. с. с. Григорьева (рукоп.). Записки очевидца и проч. Н. Ушакова, стр. 174. Записки кол. сов. Чарыкова отъ 19-го сентября. Арх. канц. воен. минис., д. № 58.

извинительное письмо, но взаимное нерасположеніе другъ къ другу отъ этого не измѣнилось.

Подобный поступокъ князя съ Иннокентіемъ можно объяснить только тѣмъ мрачнымъ расположеніемъ духа, въ которомъ онъ находился. Кн. Меншиковъ сознавалъ, что положеніе его, при огромной отвѣтственности, самое критическое; что ни тылъ, ни фланги его арміи ничѣмъ не обезпечены; что сообщеніе полуострова съ материкомъ Россіи подвержено большой опасности отъ грабежей татаръ, останавливавшихъ обозы, слѣдовавшіе безъ конвоя, назначить который, для ихъ прикрытія, онъ не былъ въ состояніи. Меншиковъ видѣлъ, что войска, съ нимъ находившіяся, обезпечены продовольствіемъ только на нѣсколько дней, и что, пользуясь ограниченною властью, онъ не въ силахъ принять рѣшительныхъ мѣръ къ скорому поправленію недостатковъ. Не облеченный властью главнокомандующаго, т. е. такою, когда всѣ лица и средства страны, находящіяся въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, подчиняются одному лицу, кн. Меншиковъ не могъ требовать, а долженъ былъ просить содѣйствія различныхъ лицъ, весьма часто не откликавшихся на подобныя просьбы.

Крымскія войска не составляли еще тогда отдѣльной, самостоятельной арміи, и всѣ распоряженія по обезпеченію ихъ предметами провіантской, коммиссаріатской и госпитальной частей зависѣли отъ соотвѣтствовавшихъ департаментовъ, находившихся въ Петербургѣ, слишкомъ за 2.000 верстъ отъ театра дѣйствій. Командующему войсками приходилось испрашивать ихъ разрѣшенія, писать о своихъ нуждахъ и ожидать постороннихъ распоряженій, но князю Меншикову лучше другихъ было извѣстно, что бумага все терпитъ, тогда какъ войска требуютъ безотлагательныхъ мѣръ къ обезпеченію ихъ матеріальнаго быта.

Все это заботило кн. Александра Сергѣевича, и не разъ подчиненные видѣли, какъ ихъ адмиралъ [1]), надвинувъ на глаза черную папаху, накинувъ на плечи флотскую шинель и опираясь на палку, ходилъ въ задумчивости взадъ и впередъ, возлѣ своей палатки, по свѣже расчищенной площадкѣ шаговъ въ десять длиною. Онъ думалъ крѣпкую

---

[1]) Такъ называли солдаты Меншикова во все время командованія имъ Крымскою арміею.

думу и переживалъ трудныя минуты. Князь никогда не былъ въ такомъ положеніи—оно было для него совершенно ново и неожиданно. Будучи начальникомъ главнаго морскаго штаба въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ привыкъ приводить въ исполненіе всѣ желаемыя распоряженія, тогда какъ теперь приходилось на все испрашивать разрѣшеніе.

Кн. Меншиковъ сознавалъ, что положеніе его относительно войскъ крайне щекотливо: знать о нуждахъ ихъ и не быть въ силахъ безотлагательно устранить эти нужды—тяжело для человѣка, поставленнаго во главѣ арміи.

„Не стану описывать вашему императорскому величеству,—доносилъ онъ [1]),—всю затруднительность нашего положенія, спѣшу отправить флигель-адъютанта Альбединскаго, который, какъ личный свидѣтель, въ состояніи передать всѣ тѣ подробности, кои проистекаютъ, именно, изъ обстоятельствъ этого положенія, какъ относительно войскъ, такъ и самой мѣстности...“

Обстоятельства эти были таковы, что Крымская армія могла двинуться впередъ, только дождавшись подвоза выпекаемыхъ въ тылу ея сухарей и прибытія подкрѣпленій [2]). Прежде другихъ на помощь къ ней прибыла изъ г. Николаева резервная легкая кавалерійская бригада генералъ-лейтенанта Рыжова [3]), который выступилъ изъ Николаева въ Крымъ 8-го сентября, въ день сраженія на р. Алмѣ [4]).

---

[1]) Отъ 14-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 16 го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 110.

[3]) Бригада эта состояла изъ резервныхъ эскадроновъ 3-й, 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій.

[4]) Съ уходомъ бригады ген. Рыжова въ Николаевѣ остался отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ резервныхъ батальоновъ 14-й пѣхотной дивизіи, 8-ми орудій резервной пѣшей артиллеріи 5-го пѣхотнаго корпуса, двухъ сводныхъ резервныхъ кавалерійскихъ полковъ, въ 9-ти рядномъ составѣ, и 20 орудій резервныхъ конныхъ батарей, придвинутыхъ сюда изъ Вознесенска. Изъ этихъ войскъ предписано было княземъ М. Д. Горчаковымъ отправить два батальона и 8-мь орудій на Арабатскую косу, въ Геничи и тамъ укрѣпиться. Для занятія карауловъ въ Николаевѣ, кромѣ одного оставшагося батальона, вооружены

Слѣдуя форсированными маршами, безъ дневокъ, онъ 16-го числа прибылъ въ Симферополь, гдѣ и былъ остановленъ кн. Меншиковымъ до дальнѣйшихъ приказаній [1]).

Присоединеніе къ арміи двухъ полковъ кавалеріи не могло дать иной оборотъ дѣлу; кн. Меншикову необходимы были подкрѣпленія въ болѣе значительныхъ силахъ. Ему нужны были войска для занятія Перекопа, для сохраненія сообщенія, для успокоенія края и наконецъ для блокады Евпаторіи, куда по-прежнему стекались татары, а турецкій паша, приводя ихъ къ присягѣ, требовалъ поголовнаго возстанія. Кн. Меншиковъ просилъ всѣхъ, кого только могъ, прислать подкрѣпленія, просилъ Хомутова, просилъ бессарабскаго генералъ-губернатора Анненкова и главнокомандующаго Южною арміею кн. М. Д. Горчакова. „Высылайте все, что можете,—писалъ кн. Александръ Сергѣевичъ,—и дайте средства прибыть имъ сюда какъ можно скорѣе“.

Сознавая необходимость усилить Крымскую армію и вывести ее изъ такого затруднительнаго положенія, императоръ Николай, не имѣя подъ рукою свободныхъ войскъ, рѣшился отдѣлить и отправить въ Крымъ часть войскъ изъ арміи кн. Горчакова.

„Тебѣ уже вѣроятно подробнѣе извѣстны теперешнія обстоятельства въ Крыму, любезный Горчаковъ, чѣмъ намъ здѣсь,—писалъ собственноручно императоръ Николай, въ письмѣ отъ 10-го сентября [2]). Кн. Долгоруковъ пишетъ тебѣ въ общихъ чертахъ, что намъ кажется необходимымъ, вслѣдствіе сего новаго оборота дѣлъ. Мое желаніе есть, чтобы ты *совершенно свободно распоряжался всѣми способами тебѣ ввѣренными, не ожидая моихъ разрѣшеній*, дабы отвращать угрожающую опасность или остановить успѣхи непріятеля. Положеніе кн. Меншикова тяжелое, и желательно ему наискорѣе помочь; вопросъ: какъ это исполнить во-время? Отсюда это указать съ вѣр-

---

были два батальона морскаго вѣдомства, разнаго званія людей, а для вооруженія еще двухъ подобныхъ батальоновъ ожидались ружья изъ Херсонскаго арсенала (Рап. флигель-адъютанта ротмистра Шеншина военному министру 19-го сентября № 23. Арх. канц. воен. министерства по снаряженію войскъ, дѣло № 111).

[1]) Рапорты Рыжова кн. Меншикову 8-го и 16-го сентября № 1 и № 16. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[2]) Арх. канц. воен. минис., по секретн. части, дѣло № 42.

ностію невозможно. Кажется, что ближайшая кавалерія, ежели помощь таковой потребуется, былъ бы драгунскій корпусъ; но тогда необходимо было бъ резервную Уланскую дивизію пріостановить такъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, могла служить резервомъ, вмѣсто драгунъ, корпусу Лидерса.

„Но труднѣе найти подкрѣпленіе пѣхотой. Не знаю, какъ ты распорядишься; выборъ кажется мнѣ только изъ двухъ способовъ: или передвиженіе, изъ Николаева къ Перекопу, резервныхъ шести батальоновъ 14-й дивизіи съ ихъ артиллеріею, замѣня въ Николаевъ изъ Одессы, восемь батальоновъ 12-й съ ихъ артиллеріею и смѣня сихъ на первый разъ резервными четырьмя батальонами 10-й дивизіи изъ Бендеръ, которые смѣнить четырьмя резервными бат. 11-й дивизіи или отъ самой 12-й дивизіи. Другой способъ движеніемъ всей 12-й дивизіи, съ ея артиллеріею, къ Перекопу.

„Очевидно, что все это требуетъ *времени*, и сообщаю тебѣ о семъ только какъ то, что мнѣ на мысль пришло, *вовсе не стѣсняя тебя въ твоихъ распоряженіяхъ*.

„Не скрою тебѣ, что меня все положеніе дѣлъ въ Крыму крайне безпокоитъ, ибо непріятельскіе способы выходятъ изъ всѣхъ мѣръ, которыя предвидѣть было можно. Несомнѣнно, что наши молодецкія войска подерутся славно, но успѣхъ въ рукахъ Божіихъ и Его Святой волѣ покоримся безропотно.

„Богъ съ тобой, жду нетерпѣливо твоихъ донесеній“.

По получаемымъ постоянно свѣдѣніямъ, къ непріятелю съ каждымъ днемъ подходили новыя подкрѣпленія и подвозились боевые припасы. По слухамъ извѣстно было, что въ Балаклавѣ высаживается турецкая кавалерія, съ цѣлью распространить возмущеніе въ горной части Крыма. Эти ложныя свѣдѣнія, въ то время казавшіяся достовѣрными, убѣждали однакоже, что непріятель избралъ главнымъ театромъ дѣйствій окрестности Севастополя и надѣется стать здѣсь твердою ногою, для дальнѣйшихъ операцій.

Съ другой стороны наше министерство, получивъ телеграфическое извѣстіе о томъ, что союзники намѣрены высадить до 15.000 турокъ у Ѳеодосіи, поручило генералу Хомутову сосредоточить до 10 батальоновъ у г. Керчи, опасаясь, что, съ потерею этого города, пре-

кратится послѣднее сообщеніе Крыма съ Россіею, черезъ Арабатскую стрѣлку.

Генералъ Хомутовъ, успѣвшій отправить кн. Меншикову Бутырскій полкъ, Черноморскій линейный батальонъ, батарейную батарею и двѣ сотни казаковъ, теперь, въ ожиданіи высадки, пріостановилъ движеніе остальныхъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ на Керченскій полуостровъ части войскъ, изъ числа расположенныхъ въ Анапѣ, Новороссійскѣ и въ низовьяхъ Кубани. Пункты эти хотя и оставались вовсе безъ защиты, но казались теперь второстепенными. „Доколѣ,—писалъ военный министръ [1]),—настоящія намѣренія непріятеля не объяснились, до тѣхъ поръ нельзя было ослаблять способовъ обороны Новороссійска и Анапы, а потому и слѣдовало держать тамъ значительный отрядъ. Нынѣ же очевидно стало, что главныя усилія непріятеля обращены на Крымъ, и все прочее, по тому самому, дѣлается уже второстепеннымъ.

Съ пріостановленіемъ движенія войскъ, бывшихъ въ распоряженіи генерала Хомутова, какъ ближайшихъ къ Севастополю, кн. Меншиковъ лишенъ былъ средствъ на скорую помощь. Единственная надежда его была теперь на содѣйствіе кн. Горчакова.

Получивъ увѣдомленіе кн. Меншикова, что численность союзниковъ значительно превышаетъ его силы и что англо-французы имѣютъ до 4.000 кавалеріи, князь М. Д. Горчаковъ тотчасъ же остановилъ движеніе своихъ войскъ на кантониръ-квартиры, съ тѣмъ чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ обстоятельствами [2]). Вглядываясь въ положеніе дѣлъ, онъ видѣлъ, что высадка союзниковъ исполнена въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ ее ожидали, и что дѣла въ Крыму принимаютъ настолько серьезный характеръ, что кн. Меншикову трудно бороться съ врагомъ его сильнѣйшимъ, и что подкрѣпленія ему необходимы. Сознавая всю важность своевременной поддержки Крымской арміи, кн. Горчаковъ, самъ, не

[1]) Генералу Хомутову въ отношеніи отъ 12-го сентября № 605. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[2]) Записка кн. Горчакова воен. минис. отъ 7-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис., по секретн. описи, дѣло № 88.

ожидая ни чьихъ приказаній, и гораздо ранѣе полученія вышеприведеннаго нами письма императора, рѣшился протянуть руку помощи.

— Теперь,—говорилъ онъ,—князю Меншикову предстоитъ получить фельдмаршальскій жезлъ, и я отъ души желаю ему того.

Горчаковъ вполнѣ доказалъ, что слова эти не были пустою фразою: всѣ послѣдующія его дѣйствія были проникнуты высокимъ патріотизмомъ и пренебреженіемъ личныхъ интересовъ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Крымъ двухъ дивизій: резервной Уланской и 12-й пѣхотной.

„Конечно,—писалъ онъ императору [1]),—можетъ случиться, что подкрѣпленіе это окажется ненужнымъ, или что оно не успѣетъ придти во-время. Но можетъ быть и противное; наконецъ, можетъ быть и то (надо быть на все готовымъ), что съ потерею Крыма встрѣтится крайняя надобность въ свѣжихъ войскахъ или у Одессы, или у Николаева, или у Перекопа. Ускореніе же появленія десятью днями у этихъ пунктовъ или близъ Севастополя цѣлой, свѣжей дивизіи пѣхоты, если нужно и кавалерійской, можетъ имѣть самыя важныя и счастливыя послѣдствія. Съ другой стороны, мнѣ ни теперь, ни скоро, въ 12-й дивизіи не можетъ быть дѣйствительной надобности. Въ сихъ-то видахъ я осмѣлился сдѣлать помянутыя распоряженія, думая, что, исполняя ихъ, мнѣ удалось угадать мысль вашего императорскаго величества; если ошибся, осмѣливаюсь просить милостиваго прощенія. Я въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, руководствовался безпредѣльною ревностью къ пользамъ вашимъ“.

Распоряженіе это не могло не быть одобрено императоромъ. „Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 7-го сентября,—писалъ императоръ кн. Горчакову въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 13-го сентября [2]).—Ты опять предупредилъ мое желаніе твоими благоразумными распоряженіями; не могу тебя довольно поблагодарить. Совершенно все одобряю. Отъ тебя зависитъ, послать ли къ Перекопу резервную Уланскую дивизію или весь драгунскій корпусъ, что, можетъ, было бъ еще

[1]) Въ письмѣ отъ 7-го сентября. Арх. канц. воен. минис., по секретной описи, дѣло № 88.

[2]) Арх. канц. воен. минис., по секретн. описи, дѣло №. 88.

лучше и надежнѣе, оставя резервную Уланскую у тебя вмѣсто драгунъ“.

Рескриптъ этотъ былъ полученъ княземъ Горчаковымъ тогда, когда Уланская дивизія была уже отправлена въ Крымъ. Не останавливая ея движенія и желая еще болѣе оказать помощи князю Меншикову, командующій войсками Южной арміи притянулъ къ Одессѣ 10-ю и 11-ю пѣхотныя дивизіи, съ тѣмъ, чтобы онѣ находились ближе къ театру военныхъ дѣйствій и могли быть отправлены въ Крымъ по первому приказанію, или по просьбѣ князя Меншикова. „Дурной оборотъ дѣлъ въ Крыму,—писалъ онъ [1]),—побудилъ меня двинуть значительныя силы къ югу. Трудно было мнѣ на это рѣшиться, не имѣя указаній вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь. Но видя успѣхи болѣе семидесяти тысячнаго непріятеля въ Крыму, мнѣ показалось невозможнымъ оставить почти всѣ силы наши на Волыни и Подоліи. Какая бы ни была моя отвѣтственность передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, если бы, въ столь важныхъ и неожиданныхъ обстоятельствахъ, я остался сложа руки, ожидая высочайшихъ повелѣній вашихъ, кои своевременно никакъ не могутъ до меня дойти. Если я ошибся, можно будетъ остановить всѣ распоряженныя мною движенія по полученіи о томъ повелѣнія отъ Вашего Императорскаго Величества. Войсками будетъ сдѣлано нѣсколько напрасныхъ переходовъ, но въ этомъ нѣтъ, кажется, большой еще важности. По моему разумѣнію, на войнѣ должно брать всѣ возможныя мѣры противъ ближайшей опасности“.

„Любезный Горчаковъ,—писалъ императоръ [2]) въ отвѣтъ на это донесеніе,—ты снова предупредилъ, какъ видишь, желаніе мое, рѣшась двинуть 10-ю и 11-ю дивизіи къ Одессѣ; нельзя было, кажется мнѣ, лучше распорядиться; надѣюсь только, что ты велѣлъ 12-й дивизіи и резервной Уланской, не останавливаясь въ Николаевѣ, поспѣшить на помощь къ Меншикову; вотъ одна разница съ тѣмъ, что по твоему письму нахожу, противъ того, что считаю *необходимымъ*. Тѣмъ болѣе считаю сіе необходимымъ, что время дорого, а Николаевъ, съ под-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 14-го сентября.

[2]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 20 сентября. Арх. канц. воен. минист., д. № 102.

ходомъ 10-й и 11-й дивизій къ Одессѣ, и безъ того прикрытъ; тогда какъ одна надежда еще на спасеніе Севастополя въ скорѣйшемъ подкрѣпленіи Меншикова такъ, чтобы онъ могъ съ надеждой перейти въ наступленіе. Оно въ особенности желательно и по той причинѣ, что ожидаютъ къ непріятелю еще моремъ прибытія новыхъ войскъ въ Крымъ. Ежели это сбудется ранѣе прихода нашихъ, то врядъ-ли будемъ въ состояніи отбить непріятеля отъ Севастополя — главный предметъ нашихъ усилій.

„Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движеніе въ виду непріятеля: дѣлаетъ честь ему и столько же войскамъ, что послѣ неудачнаго дѣла и огромной потери начальниковъ, офицеровъ и самихъ людей, могли движеніе совершить въ столь примѣрномъ порядкѣ. Повторяю, слава Богу! Теперь что бы ни было, но корпусъ Меншикова имѣетъ свободное отступленіе, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь, я предвидѣлъ гораздо худшее, то-есть пропажу всего. Надо какъ возможно стараться воспользоваться этимъ счастливымъ переворотомъ, и въ теперешнюю минуту, оно все въ усиленіи Меншикова, чѣмъ и Перекопъ огражденъ, а частію и Николаевъ по крайней мѣрѣ съ той стороны.

„Очень важно озаботиться обезпечить войско въ Крыму подвозомъ снарядовъ, дабы не быть въ крайности при предстоящихъ дѣлахъ; ибо мѣстные парки, ему назначенные, остались въ Севастополѣ, съ которымъ теперь надежнаго сообщенія быть не можетъ съ дѣйствующими войсками. Ближайшіе склады въ Херсонѣ; дѣло въ паркѣ и подвозахъ, и такъ займись этимъ и распорядись какъ за лучшее найдешь.

„Любопытно знать, что нынѣ предприметъ Омеръ-паша. Лидерса теперь незачѣмъ покуда трогать, такъ какъ Меншиковъ вышелъ изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ былъ, когда я тебѣ писалъ; кромѣ того и Хомутовъ съ нимъ, да и молодецъ братъ твой, благодаря Бога, уцѣлѣлъ; потому и надобности уже нѣтъ въ распоряженіи, которое въ предвидѣніи худшаго я тебѣ предложилъ.

„Что-то предпримутъ австрійцы? Послѣднее ихъ объявленіе Пруссіи, что они въ Княжествахъ препятствовать не будутъ никакимъ

*

предпріятіямъ турокъ, даетъ мѣру того, что они въ состояніи предпринять. И на это готову быть надо.

„Непріятель вторгся въ наши предѣлы, настало время всякому принести свою жертву на службу отечеству. Потому я рѣшился послать моихъ младшихъ двухъ сыновей къ тебѣ въ армію. Желаю, чтобы они прежде состояли при тебѣ, чтобы ознакомиться съ своимъ ремесломъ. Отъ тебя зависѣть будетъ ихъ послать туда, гдѣ оно имъ въ пользу быть можетъ, и гдѣ ихъ присутствіе послужитъ къ ободренію войскъ. Поручая ихъ тебѣ, я тебѣ даю высшее доказательство моей дружбы и того уваженія, которое питаю къ твоимъ благороднымъ, высокимъ чувствамъ, которыя цѣню въ тебѣ выше всего. Порадѣй же мнѣ и имъ, пусть послужатъ со временемъ такъ, какъ ты.

„Богъ съ тобою, душевно обнимаю“.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ представлялъ рѣдкій примѣръ человѣка, одареннаго самыми возвышенными душевными качествами, отдавшаго всего себя на службу государю и отечеству. Горячо, и очень горячо любя Россію, кн. Михаилъ Дмитріевичъ готовъ былъ не только руку свою положить на огонь за отечество, а самъ кинулся бы въ пламя, если бы только зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу для государства. Князь Меншиковъ долго не понималъ величія души этого человѣка и, долго не довѣряя его искренности, долженъ былъ наконецъ сознаться, что честность, откровенность, прямота и безкорыстіе князя Михаила Дмитріевича были безпредѣльны. Войска знали это и называли его *честнымъ княземъ*. Самоотверженіе было всегда отличительною чертою его характера.

Оставляя характеристку князя Горчакова какъ главнокомандующаго, до того времени, когда онъ сталъ во главѣ Крымской арміи, мы скажемъ здѣсь, что, оставаясь въ Кишиневѣ, онъ былъ душою и сердцемъ въ Севастополѣ, о которомъ страдалъ и хлопоталъ не менѣе тѣхъ, которые стояли у стѣнъ и на бастіонахъ многострадальнаго города.

— Я въ большомъ безпокойствѣ,—говорилъ онъ въ одномъ изъ писемъ кн. Меншикову [1],—мы разсуждаемъ въ трудную минуту.

---

[1]) «Je suis dans de très grandes inquietudes, nous considerons dans une passe très difficile». Письмо князя Горчакова, отъ 7-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 4253.

Понятно, что человѣкъ всегда готовый на самопожертвованіе, какимъ былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, не могъ оставаться празднымъ зрителемъ разыгрывающейся драмы на полуостровѣ. Не ожидая ни чьихъ просьбъ, ни приказаній, но руководимый только собственнымъ побужденіемъ и желаніемъ принести посильную лепту на пользу отечества, кн. Михаилъ Дмитріевичъ не только готовъ былъ все сдѣлать, но и дѣлалъ гораздо болѣе того, что могли отъ него требовать, или даже ожидать.

„Я готовъ,—писалъ онъ въ своихъ письмахъ кн. Меншикову,—сдѣлать для васъ не только возможное, но и невозможное. Итакъ, скажите мнѣ откровенно, чего вы отъ меня хотите?.. У меня нѣтъ ничего завѣтнаго, когда нужно сдѣлать то, что я признаю полезнымъ для службы моего государя и моей родины...

„Вы увидите, что я ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы честно помочь вамъ“ [1]).

И дѣйствительно онъ заботился обо всемъ; хлопоталъ о томъ, какъ бы доставить изъ Херсона въ Николаевъ до 3.000 ружей для вооруженія кантонистовъ, писарей и другихъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ тамъ находившихся; отправилъ въ распоряженіе кн. Меншикова своихъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба; послалъ ему топографовъ для съемокъ; заботился, какъ увидимъ ниже, о продовольствіи и устройствѣ госпиталей; сообщалъ практическія замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ, выведенныя имъ изъ боевой опытности [2]) и наконецъ узнавши, что, по причинѣ твердости грунта, на которомъ производились земляныя работы въ Севастополѣ, шанцевый инструментъ весьма скоро приходитъ въ негодность, приказалъ заготовить въ Одессѣ и Николаевѣ, насчетъ суммъ, бывшихъ въ его распоряженіи, по 5.000 лопатъ и кирокъ и доставить ихъ въ Севастополь. Опасаясь однако же, чтобы подобныя распоряженія не имѣли вида вмѣшательства въ чужія дѣла и не приняты были кн. Меншиковымъ, какъ посягательство на его самостоятельность, кн. Горчаковъ писалъ, что онъ сдѣлалъ это только для выигранія времени и что если кн. Меншикову инструменты эти не нужны, то приказалъ бы отмѣнить ихъ заготовленіе.

---

[1]) Письма отъ 10-го, 16-го сентября и 30-го октября 1854 г.

[2]) См. приложеніе № 11.

Еще союзники не приступили къ осадѣ Севастополя, а князь Горчаковъ сообщилъ уже свои соображенія относительно обороны города и первый указалъ на контръ-апрошную систему, впослѣдствіи принятую, какъ на единственное средство съ успѣхомъ бороться противъ непріятеля. Севастополь многимъ, и очень многимъ обязанъ князю Михаилу Дмитріевичу, еще до назначенія его главнокомандующимъ Крымскою арміею.

Получивъ просьбу кн. Меншикова прислать ему подкрѣпленія, кн. Горчаковъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же отправилъ въ Крымъ форсированными маршами: изъ Одессы резервную Уланскую дивизію [1]), съ одною батареею [2]) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Корфа и изъ Бессарабіи 12-ю пѣхотную дивизію, съ четырьмя батареями и Уральскимъ казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправилъ, на усиленіе арміи кн. Меншикова, два артиллерійскіе парка: № 15-го въ Бериславъ и № 12-го — въ Перекопъ; туда же приказано слѣдовать и 1-ой драгунской дивизіи въ составѣ трехъ полковъ и 3-хъ батарей подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Врангеля.

„Генералы Липранди и Врангель,—писалъ кн. Горчаковъ [3]),—самые достойные изъ всей моей арміи. Посылаемыя вамъ войска превосходны“.

„Они совершенно въ вашей власти,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [4]). Движеніе ихъ самое скорое. Но если бы, по какимъ-либо важнымъ соображеніямъ, вы признали необходимымъ и возможнымъ еще болѣе ускорить ихъ походъ, то это зависитъ отъ васъ вполнѣ. Не думаю, чтобы

---

[1]) Дивизію эту составляли полки: Его Высочества Эрцъ-Герцога Австрійскаго Леопольда, Новоархангельскій, Новомиргородскій и Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

[2]) Письмо подполковника Батезатула отъ 19-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 3331. Другая батарея, находившаяся въ Акерманѣ, отстала отъ дивизіи и должна была прибыть въ Крымъ, позже, вмѣстѣ съ войсками 12-й пѣхотной дивизіи (Рап. флиг.-адъют. ротмистра Шеншина воен. минис. 19 сентября № 23. Арх. канц. воен. министер. по снаряженію войскъ. д. № 111-й).

[3]) Кн. Меншикову отъ 20-го сентяб. 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

[4]) Отъ 22-го сентября 1854 г. Тамъ же.

это понадобилось, потому что мнѣ кажется, что Севастополь будетъ скоро взятъ. Но какое-нибудь обстоятельство можетъ задержать его паденіе, а потому и рѣшать приходится вамъ. Я только прошу васъ, любезный князь, не ускорять марша войскъ безъ крайней надобности, чтобы они не пришли слишкомъ утомленными. Если признаете нужнымъ, пошлите ваши приказанія прямо къ начальникамъ дивизій, они подъ вашей командой. Отправляю къ вамъ сегодня Орлова; оставьте его до того времени, когда Севастополь будетъ взятъ, и тотчасъ же пришлите его ко мнѣ обратно съ этимъ извѣстіемъ“.

Отправленнымъ на подкрѣпленіе кн. Меншикова войскамъ приказано было слѣдовать къ Николаеву и тамъ получить уже дальнѣйшія приказанія отъ князя Александра Сергѣевича.

Для облегченія и ускоренія ихъ движенія, по распоряженію генералъ-адъютанта Анненкова, были выставлены между Одессою и Николаевомъ обывательскія подводы, а для поддержанія здоровья солдатъ кн. Горчаковъ приказалъ выдавать, во время похода, ежедневно по чаркѣ водки, по двойной пропорціи крупъ и по $^3/_4$ фун. мяса на каждаго человѣка.

„Все войско, находящееся подъ моимъ начальствомъ, — писалъ онъ [1]),—получаетъ каждый день полъ-фунта мяса на человѣка и пять порцій водки каждую недѣлю. Это составляетъ обыкновенный раціонъ, который и вы должны продолжать. Между прочимъ я принялъ за правило, что въ дурную погоду, на бивуакахъ, или въ лагерѣ, войска должны получать водку не пять разъ въ недѣлю, но ежедневно и въ нѣкоторыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ наприм. если оно дѣлаетъ быстрые переходы, то выдавать ежедневно, вмѣсто полуфунта, по три четверти мяса на человѣка. Единственно только благодаря такимъ усиленнымъ раціонамъ я достигъ того, что сохранилъ войска въ хорошемъ состояніи. Императоръ всегда одобрялъ вышеприведенныя мѣры [2]), и я нахожу полезнымъ, чтобы и вы поступали такъ же. Доказано, что, при ежедневной хорошей пищѣ и водкѣ, русскій солдатъ можетъ выносить невѣроят-

---

[1]) Кн. Меншикову отъ 29-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 4253 час. II.

[2]) На одномъ изъ подобныхъ распоряженій кн. Горчакова государь императоръ изволилъ собственноручно написать: «если нужно, то и вдвое».

ныя трудности (des fatigues incroyables), а въ противномъ случаѣ наши солдаты выносятъ менѣе непріятельскихъ".

При такомъ взглядѣ на русскаго солдата, очень естественно, что кн. Горчаковъ, посылая подкрѣпленія, не только позаботился о томъ, чтобы они во время пути не встрѣтили никакого затрудненія въ продовольствіи, но и принялъ мѣры даже и къ тому, чтобы облегчить въ этомъ отношеніи и самого кн. Меншикова. Быстрое скопленіе войскъ на Крымскомъ полуостровѣ, при ограниченности запасовъ продовольствія, дѣйствительно могло поставить войска въ критическое положеніе. Поэтому кн. Михаилъ Дмитріевичъ прежде всего отправилъ въ Бериславъ три полубригады подвижнаго магазина, имѣвшія запасъ продовольствія на шесть недѣль, для отряда въ 25.000 человѣкъ [1]). Независимо отъ того онъ просилъ начальника военныхъ поселеній генерала-отъ-кавалеріи графа Никитина, доставить, на первый случай, въ Херсонъ и Бериславъ по 5.000 четвертей муки съ пропорціею крупъ и по 5.000 четвертей зерноваго фуража; просилъ того же гр. Никитина и херсонскаго губернатора, чтобы они, каждый отдѣльно, сформировали подвижной магазинъ въ 1.000 конныхъ подводъ, и распорядились перепеченіемъ до 15.000 четвертей сухарей и доставили ихъ въ Бериславъ на своихъ подводахъ [2]).

„Я умоляю ваше сіятельство, — писалъ при этомъ кн. Горчаковъ графу Никитину [3]),—именемъ отечества и пользою великаго государя нашего, споспѣшествовать дѣятельнымъ принятіемъ просимыхъ мною мѣръ къ обезпеченію довольствія войскъ, на выручку Крыма посылаемыхъ; на чихъ будетъ лежать трудная обязанность, и мы должны стараться всѣми силами отстранять отъ нихъ недостатки, столь чувствительные во время военныхъ дѣйствій".

Извѣстіе о скоромъ прибытіи подкрѣпленій значительно ободрило князя Меншикова.

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова Меншикову 20-го сентября № 3118. Собственноручное письмо ему же отъ 22-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. №№ 3346 и 4254 ч. II.

[2]) Воен.-Учен. Арх., д. № 3118.

[3]) Отъ 19-го сентября № 1981. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, д. № 122.

— Вотъ помощь, на которую я не разсчитывалъ,—сказалъ онъ посланному съ этимъ извѣстіемъ отъ кн. Горчакова.—Знаю, что кн. Михаилу Дмитріевичу самому нужны войска, но онъ всегда болѣе думалъ о другихъ, нежели о себѣ. Это услуга, которой я никогда не забуду.

Для устраненія затрудненій къ быстрому передвиженію войскъ отъ Николаева къ Севастополю, князь Александръ Сергѣевичъ приказалъ 12-й пѣхотной дивизіи оставить свои ранцы и каски въ Перекопѣ, а подводы подъ свозъ ихъ употребить для перевозки нижнихъ чиновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ таврическому гражданскому губернатору также озаботиться заготовленіемъ достаточнаго числа обывательскихъ подводъ. Генералъ Пестель пригласилъ колонистовъ прислать въ Симферополь на нѣкоторое время пароконныя подводы. Жители изъявили на то полную готовность, и изъ Симферопольскаго уѣзда тотчасъ же прибыло въ городъ 40 фуръ, а изъ Өеодосійскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ ожидалось до 300 такихъ же фуръ. Это число фургоновъ могло замѣнить до 700 обыкновенныхъ пароволовыхъ подводъ, потому что присланныя колонистами фуры были легки, просторны, а главное на лошадяхъ [1]). Татарскія же арбы предполагалось употребить на доставку въ Симферополь дровъ и къ арміи продовольствія, въ которомъ ощущался значительный недостатокъ, служившій причиною того, что въ теченіе трехъ сутокъ армія, за неимѣніемъ продовольствія, не могла тронуться съ мѣста [2]).

„Расположеніе кн. Меншикова,—писалъ полковникъ Батезатулъ [3]),—съ главными силами у Бахчисарайской долины — прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Но дурно то, что у него нѣтъ продовольстія и зарядовъ и, какъ кажется, нѣтъ человѣка, который бы исключительно занялся этою частью. Все, что можемъ и найдемъ, мы возьмемъ съ собою изъ Херсона: и продовольствіе, и снаряды, и вмѣстѣ съ уланами доставимъ ихъ адмиралу“.

Въ это время весь штабъ князя Меншикова состоялъ изъ двухъ-трехъ адъютантовъ и завѣдующаго штабомъ полковника Вунша. Свѣт-

---

[1]) Отношеніе генерала Пестеля полковнику Вуншу 17-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4289.

[2]) Журналъ воен. дѣйствій. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3590.

[3]) Отъ 19-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 3331.

лѣйшій смотрѣлъ на штабы съ усмѣшкою, какъ на лишнее бремя, и потому полковникъ Вуншъ сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всѣ званія: начальника штаба, дежурнаго генерала, генералъ - квартирмейстера, интенданта, директора канцеляріи, госпиталей и почтъ, генералъ-полиціймейстера, и проч. При самыхъ блестящихъ способностяхъ и при неутомимой дѣятельности, человѣкъ, поставленный въ подобное положеніе, не въ состояніи удовлетворить многочисленнымъ и разнообразнымъ требованіямъ войскъ. Къ тому же и этотъ единственный распорядитель часто не получалъ никакихъ распоряженій кн. Меншикова и не зналъ вовсе предположеній молчаливаго командующаго войсками. Оттого съ самаго начала военныхъ дѣйствій, въ Крымской арміи замѣчался большой безпорядокъ въ администраціи и въ особенности во всемъ, что касалось до интендантскихъ распоряженій.

Передъ началомъ кампаніи не было сдѣлано никакого распоряженія, обезпечивающаго продовольствіе войскъ. Заготовленіе неприкосновенныхъ запасовъ, на случай скопленія войскъ на данной мѣстности, не зависѣло отъ власти командующаго войсками—оно всегда производилось по распоряженію бывшаго провіантскаго департамента. Послѣдній былъ застигнутъ въ совершенный расплохъ; онъ не предвидѣлъ военныхъ дѣйствій въ Крыму и не сдѣлалъ никакихъ заготовленій. „Изъ Симферопольской провіантской коммиссіи,—писалъ Кноррингъ [1]),—никакого отвѣта добиться нельзя, точно она вовсе не существовала". Между тѣмъ при арміи не было оберъ-провіантмейстера, не было даже такого лица, на исключительную обязанность котораго была бы возложена забота о продовольствіи войскъ. Эта часть общаго механизма управленія арміею была въ большомъ запущеніи и ставила въ затруднительное положеніе такихъ лицъ, которыя, не по обязанности, а по сознанію необходимости брали на себя трудъ позаботиться о нуждахъ дѣйствующаго отряда.

Такъ, когда, вслѣдъ за высадкою, интендантство Черноморскаго флота, предвидя необходимость въ запасѣ продовольствія для Крымской арміи, доставило въ Перекопъ 16.000 пудовъ сухарей, приготовленныхъ изъ пожертвованной муки, то оно встрѣтило большое затрудненіе въ помѣщеніи этихъ сухарей. Транспортъ этотъ не только не могъ быть отправленъ далѣе, но и въ самомъ Перекопѣ для по-

---

[1]) Генералу Анненкову отъ 13-го сентября.

мѣщенія его встрѣтились значительныя препятствія. Бывшій въ городѣ казенный провіантскій магазинъ едва вмѣщалъ до полутора тысячъ четвертей, такъ что для склада привезенныхъ сухарей приходилось нанимать сараи и дома частныхъ лицъ, или прибѣгать къ ихъ благотворительности. Управляющій солянымъ правленіемъ отдалъ для помѣщенія сухарей четыре соляныхъ подвала, домъ собранія и собственный его загородный домъ. Скоро и этого помѣщенія оказалось недостаточнымъ. Въ Перекопѣ былъ назначенъ складъ въ 40.000 четвертей муки и большаго количества другихъ припасовъ. Провіантское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы распорядиться постройкою временныхъ балагановъ, для склада провіанта, тратило огромныя деньги на наемъ помѣщенія у частныхъ лицъ. За всѣмъ тѣмъ помѣщенія оказывалось не достаточно, такъ какъ большая часть войскъ, проходившихъ черезъ Перекопъ въ Севастополь, оставляли въ немъ свои тяжести, занимая для того дома частныхъ лицъ [1]).

За недостаткомъ подводъ и перевозочныхъ средствъ о доставленіи транспорта съ сухарями къ войскамъ не могло быть рѣчи, и надо сознаться, что сухари гнили въ г. Перекопѣ подъ открытымъ небомъ, а войска ощущали въ нихъ столь большой недостатокъ, что приказано было выдавать на каждаго изъ нижнихъ чиновъ по 3/4 ф. мяса и только по 1 1/4 ф. сухарей [2]). Во многихъ частяхъ недоставало и этого количества, такъ что командиры, обязанные заботиться о продовольствіи нижнихъ чиновъ, занимались реквизиціею. Послѣдняя окончательно разоряла туземное населеніе. По случаю замѣшательствъ въ краѣ близъ арміи не оказалось чиновниковъ земской полиціи, черезъ которыхъ войска могли бы получать, подъ квитанціи, отъ мѣстныхъ владѣльцевъ продовольствіе и фуражъ. Пользуясь отсутствіемъ гражданской власти, войска брали все силою и безвозмездно, и въ самое короткое время всѣ окружные владѣльцы были окончательно разорены.

„Въ настоящее время,—доносилъ жандармскій офицеръ шефу жандармовъ князю Орлову [3]),—всѣ деревни, въ окрестностяхъ лагерей находя-

---

[1]) Рап. маіора Гангардта генер. Анненкову отъ 3-го октября. Воен.-Учен. Арх., д. № 3338.

[2]) Приказъ кн. Меншикова отъ 16-го сентября № 41.

[3]) Отъ 30-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3361.

щіяся, или тѣ, гдѣ наши войска проходили, совершенно ими опустошены; всѣ сады уничтожены, господскіе дома ограблены, все въ нихъ перебито, переломано, нѣкоторые даже сожжены казаками, которые сверхъ того расхитили экипажи и продавали ихъ за безцѣнокъ, или увозили въ полки; въ особенности это говорятъ о казачьемъ полкѣ Попова, и все это дѣлается безнаказанно. Причиною то, что отъ всѣхъ частей войскъ посылаются фуражиры по окрестностямъ; они забираютъ все безплатно и при этомъ случаѣ конечно грабятъ“.

Грабежи войскъ и безчисленныя справедливыя жалобы жителей заставили нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ принять строгія мѣры противъ этого порока. Генералъ Кирьяковъ объявилъ смертную казнь для каждаго попавшагося въ грабежѣ. Была разставлена цѣпь, и всѣ возвращавшіеся съ награбленною добычею задерживались и наказывались. Къ сожалѣнію, не всѣ начальники слѣдовали примѣру генерала Кирьякова.

Въ эти немногіе дни войска представляли довольно печальный видъ [1]). Отъ недостатка продовольствія и слишкомъ большаго употребленія плодовъ въ арміи показались лихорадки и поносы, настолько сильные, что 17-го сентября заболѣло вдругъ 52 человѣка, которые и были отправлены въ Симферополь. Въ послѣднемъ скопилось столько больныхъ, и въ особенности раненыхъ на р. Алмѣ, что для размѣщенія ихъ, въ единственномъ военномъ госпиталѣ, не доставало мѣста. За недостаткомъ кроватей, матрацовъ и одѣялъ, больные валялись на полу, прикрытые тѣмъ, что на нихъ было.

Всѣ заботы симферопольцевъ обратились теперь на попеченіе о раненыхъ, на доставленіе продовольствія войскамъ и на содѣйствіе командамъ, присланнымъ въ городъ для печенія сухарей. Въ городѣ не оказалось дровъ; пріобрѣсти ихъ покупкою или отъ подрядчика не представлялось никакой возможности, такъ что пришлось сдѣлать распоряженіе о собраніи подводъ, которыя и были отправлены для рубки

---

[1]) Изъ письма преосвященнаго Иннокентія генералу Анненкову. Арх. канц. воен. минист., по секретной описи, дѣло № 78-й.

лѣса, и о доставленіи въ Симферополь дровъ изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ [1]).

Всякая подвода, появлявшаяся въ городѣ, была тотчасъ же захватываема для военныхъ потребностей [2]).

Прошло однако же нѣсколько дней, пока армія, успѣвшая запастись продовольствіемъ, могла двинуться впередъ. Во все это время кн. Меншиковъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о Севастополѣ и не зналъ, въ чьихъ рукахъ находится городъ: въ нашихъ или непріятельскихъ.—„Непріятеля мы здѣсь не видимъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Корнилову [3]),—и ничего о немъ не слышимъ“.—Имѣя въ своемъ распоряженіи всю кавалерію, князь совершенно потерялъ изъ виду союзниковъ. Отбитіе англичанами нѣсколькихъ повозокъ нашего обоза заставляло его опасаться даже за свое сообщеніе съ Севастополемъ; что дѣлалось въ южной части Крыма, ему было также не извѣстно. Только вечеромъ 14-го сентября, въ главной квартирѣ русской арміи, получено было извѣстіе о переходѣ непріятеля на южную сторону Севастопольскаго рейда. Тогда князь Меншиковъ призвалъ къ себѣ командира Волынскаго полка полковника Хрущева и приказалъ ему, съ 6-ю батальонами пѣхоты, дивизіономъ артиллеріи, сотнею Черноморскихъ пластуновъ и полсотнею казаковъ, пройти черезъ Каралезское ущелье на высоты Эзенбашика, съ цѣлію осмотрѣть р. Черную, спускъ съ Мекензіевой горы къ дер. Чоргунъ и доставить свѣдѣнія о непріятелѣ.

Въ ту же ночь полковникъ Хрущевъ выступилъ по назначенію. Въ догонку ему было послано приказаніе, чтобы онъ, при своемъ движеніи, совершающемся параллельно съ непріятелемъ, но защищенномъ справа отъ него горами, старался по возможности болѣе растягивать свой отрядъ и выставлять его на видъ непріятелю, чтобы парализовать этимъ рѣшимость союзниковъ напасть на Севастополь.

---

[1]) Отношеніе генерала Пестеля полковнику Вуншу 17-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4289.

[2]) Изъ письма В. Княжевича къ брату отъ 18-го сентября 1854 г. (рукопись).

[3]) Отъ 13-го сентября. Жандръ, 219.

Рекогносцировка эта оказалась несвоевременною и при томъ трудно исполнимою. Пройдя всю ночь, Хрущевъ утромъ 15-го числа остановился на Эзенбашикскихъ высотахъ передъ дер. Упа. Далѣе слѣдовать съ артиллеріею было невозможно, да и не представлялось надобности, ибо очевидно было, что союзники перешли уже на южную сторону Севастополя [1]). Съ такимъ переходомъ сѣверная сторона вздохнула свободнѣе:—она была избавлена отъ опасности, но за то южная часть города очутилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ была сѣверная.

„Слава Богу,—писалъ императоръ [2]),—что угрожавшая Севастополю опасность съ сѣверной стороны отстранена; но подлежитъ рѣшенію, теперешнее положеніе не болѣе ли еще опасно городу, чѣмъ прежнее. Признаюсь, зная недостаточность обороны съ сухаго пути и слабость временныхъ укрѣпленій, невольно не могу отстранить крайнихъ опасеній. Вся надежда быть можетъ на одну милость Божію, храбрость войскъ и искусное пользованіе тѣми удобствами къ оборонѣ, которыя представляетъ мѣстность. Сколько знаю и помню ее, возможность упорно обороняться существуетъ, и я увѣренъ, что ничего упущено не будетъ.

„Вопросъ, усилить ли гарнизонъ, или дѣйствовать въ полѣ, здѣсь я никакъ рѣшить не могу, соглашаясь, что первое удобнѣе представляется, чѣмъ послѣднее...

„Поклонись всѣмъ, скажи, чтобы не унывали; намъ самъ Богъ защита, ибо деремся за вѣру Христову противъ враговъ ея и отступниковъ христіанства. Что ни случись, будемъ уповать, вѣровать и смиряться“.

Чтобы составить себѣ вѣрную картину тогдашняго положенія города, надо представить Севастополь отдѣльнымъ островомъ, окруженнымъ враждебнымъ ему моремъ, готовымъ поглотить его въ свои волны. Жителямъ извѣстно было, что они окружены со всѣхъ сторонъ татарами, что татары эти передались на сторону непріятеля, грабятъ и разбойничаютъ по окрестностямъ. Молва усиливала ужасы, разсказывая

---

[1]) Рукописи о Севастоп. оборонѣ, т. I, стр. 4 и 223.

[2]) Въ собственноручномъ рескриптѣ кн. Меншикову отъ 24-го сентяб. Арх. канц. воен. минис., д. № 102.

небывалыя вещи, которымъ не трудно было повѣрить, видя, что всякое сообщеніе Севастополя съ Симферополемъ прекратилось, что курьеры и почты, слѣдовавшіе изъ Россіи, отправляются кругомъ, по южному берегу, черезъ Ялту. Пріѣзжавшіе сообщали, что и этотъ путь не надеженъ и можетъ быть также легко прерванъ при первомъ возстаніи татаръ южнаго берега [1]). Скоро и это послѣднее сообщеніе также было прервано движеніемъ непріятеля. Князь Меншиковъ забралъ съ собою всѣ войска и ушелъ изъ Севастополя, населеніе котораго было предоставлено собственной оборонѣ. Южная сторона не имѣла тогда ни войскъ, ни укрѣпленій. Всѣ боевыя силы ея не превышали 5.800 человѣкъ. Онѣ состояли изъ 5-хъ и 6-хъ резервныхъ батальоновъ Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ, 6-хъ резервныхъ батальоновъ Виленскаго и Литовскаго егерскихъ полковъ, 44-го флотскаго экипажа и артиллерійской прислуги, составленной изъ флотскихъ командъ [2]). Здѣсь же находились: одинъ батальонъ Тарутинскаго полка, легкая № 4-го батарея 14-й артиллерійской бригады, вторая морская подвижная батарея и четыре орудія, сформированные при резервной бригадѣ 13-й пѣхотной дивизіи.

При недостаткѣ войскъ, каждому изъ обывателей приходилось становиться на защиту своего семейства, имущества и роднаго пепелища. Въ городѣ стало замѣтно еще большее движеніе и суета; жители ожидали, что имъ раздадутъ оружіе, но его не раздавали. Севастопольцы не дрогнули, не остановились передъ трудною задачею защищать городъ. Они принялись за дѣло, какъ умѣли, сдѣлали, что знали, и это сдѣланное послужило фундаментомъ ко всему послѣдующему зданію обороны.

Со времени высадки непріятеля на южной сторонѣ хотя и производились работы по возведенію укрѣпленій, но, по недостатку рабочихъ рукъ, работы подвигались весьма медленно, такъ какъ все вниманіе сосредоточено было на укрѣпленіи сѣверной стороны. Команды съ фрегатовъ „Мидія“, „Кагулъ“ и „Месемврія“ были единственными рабочими, трудами которыхъ возводилась южная оборонительная линія.

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., дѣло №№ 3323 и 3361.

[2]) Сборн. рукописей, т. I, 63. Подробная вѣдомость числительности войскъ напечатана въ книгѣ Жандра. Матер. для обороны Севастополя, 218.

Назначенные приказомъ вице-адмирала Корнилова [1]), для этой работы командиры фрегатовъ немедленно приступили къ дѣлу: Перелешинъ 1-й началъ постройку надъ Киленъ-бухтою батареи, которая впослѣдствіи была обращена въ бастіонъ № 1-го, и къ вооруженію траншей на Малаховомъ курганѣ. Командиръ фрегата „Кагулъ“ капитанъ Стройниковъ 1-й—трудился надъ возведеніемъ батарей между 4-мъ и 5-мъ бастіономъ, для дѣйствія по Балаклавской дорогѣ. Командиръ фрегата „Месемвріи“ капитанъ Тироль—усиливалъ бастіонъ № 6-го и ставилъ орудія на бастіонѣ № 5-го. Впослѣдствіи число рабочихъ было усилено назначеніемъ на работу резервныхъ пѣхотныхъ батальоновъ и арестантовъ. Команды эти работали безъ устали, положили труда много, но укрѣпленія, раскинутыя на семи-верстномъ протяженіи, были далеки отъ окончанія, такъ что когда вице-адмиралъ Нахимовъ, назначенный завѣдывающимъ морскими командами, отдѣленными для защиты южной части Севастополя, объѣхалъ оборонительную линію, то онъ нашелъ укрѣпленія въ самомъ печальномъ положеніи. Бастіонъ № 5-го хотя и вооружался орудіями, но брустверъ его былъ очень низокъ; ровъ бастіона № 4-го былъ не оконченъ, а вновь возводимыя укрѣпленія были далеко еще не только не вооружены, но и не окончены; приготовленныя для нихъ орудія валялись на землѣ, не имѣя ни лафетовъ, ни станковъ.

Нахимовъ видѣлъ, что пороховые погреба устроены ненадежно; что батареи, расположенныя восточнѣе Южной бухты, не связаны между собою, и наконецъ многія мѣста этой мѣстности оставлены вовсе безъ обороны. Осмотрѣвъ укрѣпленія, Нахимовъ прямо отправился къ генералъ-лейтенанту Моллеру спросить: какой планъ обороны имъ принять? Послѣдній, не имѣя никакого плана, созвалъ на совѣтъ всѣхъ бывшихъ на южной сторонѣ города генераловъ, адмираловъ и начальниковъ дистанцій оборонительной линіи. На этомъ совѣтѣ было высказано много патріотизма, говорено было, что необходимо принять рѣшительныя мѣры, но не указано какія. Собравшіеся разошлись съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришли, въ ожиданіи, что между ними появится лицо, которое рѣшится добровольно принять на себя починъ дѣла и всѣ распоряженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность.

---

[1]) Приказъ отъ 10-го сентября.

Такимъ лицомъ явился впослѣдствіи вице-адмиралъ Корниловъ, а теперь П. С. Нахимовъ, не добившійся отъ собравшихся никакого толку, заботился только о скорѣйшемъ, по крайней мѣрѣ, окончаніи начатыхъ укрѣпленій. Онъ трудился надъ пополненіемъ запасовъ пороха, снарядовъ, передвинулъ въ верховье Южной бухты корабль „Ягудіилъ“ и поставилъ его такъ, чтобы онъ могъ обстрѣливать Лабораторную и Сарандинакину балки, по которымъ пролегала большая дорога отъ Инкермана въ Севастополь. Для затрудненія же непріятелю подъема на Госпитальную гору, со стороны Бомборской слободки, по приказанію того же Павла Степановича, была заложена новая батарея западнѣе праваго фаса бастіона № 3-го [1]).

Существовавшія и вновь строившіяся укрѣпленія хотя и могли нанести нѣкоторый вредъ непріятелю, но они были слишкомъ ничтожны для того, чтобы остановить союзниковъ въ случаѣ, если бы они вздумали немедленно атаковать городъ.

Подъ начальствомъ Нахимова, на южной сторонѣ было не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, которымъ приходилось оборонять пространство около семи верстъ въ окружности и защищаться въ укрѣпленіяхъ, только начатыхъ, но еще не оконченныхъ. Разсчитывая, что Корниловъ не рѣшится оставить сѣверную сторону города, ввѣренную его попеченію, и потому не окажетъ никакой помощи южной части, Павелъ Степановичъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа: онъ зналъ, что слабый гарнизонъ его, раздробленный на части и разбросанный по всей линіи, не въ состояніи противиться столь многочисленному непріятелю. Въ этой крайности Нахимовъ сдѣлалъ распоряженіе о скорѣйшемъ сожженіи кораблей въ случаѣ надобности и видѣлъ одинъ честный исходъ: собраться всѣмъ вмѣстѣ и лечь костьми до единаго.

„Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону,—писалъ адмиралъ въ своемъ приказѣ, отданномъ въ 7-мь часовъ утра 14-го сентября.—Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на театральной площади“.

---

[1]) Жандръ. Матер. для обороны Севастополя, 219.

Не успѣли писаря, собранные на кораблѣ „Двѣнадцать Апостоловъ", переписать этотъ приказъ, какъ къ Нахимову пріѣхалъ вице-адміралъ Корниловъ.

Послѣдній, убѣдившись, что сѣверная сторона безопасна отъ нападенія, тотчасъ же бросился на южную, куда и приказалъ перевезти, на пароходахъ, одиннадцать флотскихъ батальоновъ. Послѣ взаимныхъ совѣщаній относительно мѣръ къ защитѣ города, оба адмирала положили собрать совѣтъ на квартирѣ Корнилова и усилить гарнизонъ тѣми мѣрами, которыя только представляются возможными. Для этой послѣдней цѣли Нахимовъ приказалъ свезти на берегъ съ трехъ стопушечныхъ кораблей по 300 человѣкъ и съ шести восьмидесятипушечныхъ по 100 человѣкъ матросовъ. Изъ нихъ было сформировано два сводныхъ морскихъ батальона: первый капитана 2-го ранга Спицина [1]), и второй—капитана 2-го ранга Винка [2])—оба подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Ергомышева.

Между тѣмъ на квартирѣ вице-адмирала Корнилова собрались: генералъ Моллеръ, Нахимовъ и подполковникъ Тотлебенъ. Первые двое, несмотря на то, что были старше чиномъ, просили Владиміра Алексѣевича принять на себя распоряженія по оборонѣ города, двѣ трети гарнизона котораго составляли моряки.

— Но сухопутныя войска не обязаны исполнять моихъ приказаній,—замѣтилъ на это Корниловъ.

Генералъ Моллеръ предложилъ ему принять на себя званіе начальника штаба Севастопольскаго гарнизона.

— Тогда,—сказалъ онъ,—всѣ войска будутъ непосредственно подчинены вамъ.

Получивъ согласіе Корнилова принять должность начальника штаба, генералъ Моллеръ 2-й, еще наканунѣ объявившій Севастополь въ осадномъ положеніи, передалъ всѣ распоряженія въ его руки [3]),

---

[1]) Изъ командъ кораблей: «Парижъ», «Гавріилъ», «Чесма», «Храбрый» и «Ростиславъ».

[2]) Изъ командъ кораблей: «Двѣнадцать Апостоловъ», «Вел. Князь Константинъ», «Императрица Марія» и «Святославъ».

[3]) Оффиціальное назначеніе Корнилова начальникомъ штаба послѣдовало нѣсколько позже и именно 19-го сентября. Въ этотъ день Моллеръ отдалъ слѣ-

и Корниловъ сталъ неутомимо трудиться надъ укрѣпленіемъ города.

Находясь въ ежеминутномъ ожиданіи штурма, защитники принуждены были позаботиться прежде всего о томъ, чтобы въ самое короткое время окружить весь городъ непрерывною линіею укрѣпленій и выставить на нихъ наибольшее число орудій. Первая цѣль достигалась возможнымъ сокращеніемъ оборонительной линіи, т. е. избраніемъ кратчайшей и ближайшей къ городу позиціи, а вторая употребленіемъ на вооруженіе батарей и бастіоновъ орудій съ флота, потерявшаго, съ прегражденіемъ рейда, свое назначеніе, но имѣвшаго въ своемъ распоряженіи многочисленную артиллерію, съ большимъ запасомъ пороха и готовыхъ зарядовъ. Корниловъ и его сподвижники воспользовались этимъ какъ нельзя лучше.

Для бо̀льшаго успѣха работъ и защиты, бастіоны и батареи, охватывавшіе городъ съ южной стороны, какъ построенные, такъ и вновь строющіеся, были раздѣлены на три части или дистанціи. Линія укрѣпленій, начиная съ правой стороны рейда отъ батареи № 10-го до пятаго бастіона, составила *первую дистанцію* и была поручена защитѣ семи пѣхотныхъ батальоновъ [1]) при 16-ти орудіяхъ [2]), начальство надъ которыми поручено генералъ-маіору Аслановичу. Всѣми же батареями этой линіи начальствовалъ капитанъ 1-го ранга Ивановъ.

Начальникомъ войскъ, защищавшихъ *вторую дистанцію*, простиравшуюся отъ 5-го бастіона до 3-го бастіона, былъ назначенъ вице-адмиралъ Новосильскій, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ 8 мор-

---

дующій приказъ: «Предлагаю всѣмъ г.г. начальникамъ войскъ исполнять всѣ приказанія вице-адмирала генералъ-адъютанта Корнилова, принявшаго на себя обязанность начальника штаба всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ городѣ Севастополѣ, какъ утвержденныя распоряженія».

[1]) Пятые и шестые резервные батальоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, шестые батальоны Виленскаго и Литовскаго полковъ и третій батальонъ Тарутинскаго полка.

[2]) Восемь орудій легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригиды, четыре орудія батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады и четыре орудія, сформированныя при резервной бригадѣ 13-й пѣх. дивизіи.

*

скихъ батальоновъ [1]) съ 8-ю орудіями 2-й морской батареи. Батареями этой линіи командовалъ контръ-адміралъ Юхаринъ.

Наконецъ, начальникомъ войскъ *третьей дистанціи*, въ составъ которой входили укрѣпленія отъ 3-го бастіона до Киленъ-бухты, былъ назначенъ контръ-адміралъ Истоминъ, подъ командою котораго находилось шесть флотскихъ батальоновъ [2]) и 8 орудій морской батареи. Начальникомъ батарей этой части былъ назначенъ контръ-адміралъ Вукотичъ 2-й.

„При такомъ распредѣленіи войскъ,—пишетъ Жандръ въ своей книгѣ,—Корниловъ принялъ во вниманіе условіе мѣстности: резервныхъ солдатъ онъ поставилъ на плоскости, за оборонительной стѣною, а матросовъ, какъ болѣе развитыхъ и потому болѣе способныхъ на защиту балокъ и ущелій и на сооруженіе батарей,—помѣстилъ на 2-й и 3-й дистанціи, на мѣстности гористой и менѣе прикрытой искусственною защитою“.

Всѣ работы по устройству укрѣпленій поручено было вести подполковнику Тотлебену, которому и предоставлены были всѣ средства къ успѣшному выполненію его трудной обязанности.

— Составьте вѣдомость,—сказалъ ему Корниловъ,—какія матеріальныя средства нужны для успѣшнѣйшаго хода работъ, и средства явятся: чего нѣтъ въ портѣ, то дадутъ намъ доки, а чего недостанетъ въ докахъ, то пополнитъ инженерная команда.

При совокупномъ усиліи начальниковъ дистанцій работа по всей линіи укрѣпленій закипѣла пуще прежняго.

Теперь малочисленному гарнизону приходилось, для защиты обширной мѣстности, окончить бастіоны, углубить рвы, поднять и утолстить бруствера и связать ихъ непрерывною линіею батарей; приходилось укрѣпить мѣстность множествомъ новыхъ построекъ и вооружить ихъ огромными корабельными пушками. Словомъ сказать, нужно было создать огромную линію такихъ преградъ, которыя не допустили бы

---

[1]) 29, 32, 34, 44, 45, 1 и 2 сводные морскіе батальоны и Сизопольско-Флорскій.

[2]) 1, 2, 3 и 4 дессантные и 4 и 5 морскіе батальоны.

непріятеля взять городъ открытою силою, а заставили его приступить къ правильной осадѣ и приближаться медленно, шагъ за шагомъ.

„Ожиданіе штурма,—пишетъ Тотлебенъ,—побуждало въ самое короткое время приготовиться къ встрѣчѣ атакующаго; поэтому укрѣпленіямъ сначала давалась профиль, обезпечивавшая прислугу только отъ огня полевой артиллеріи. Для скорѣйшей постройки укрѣпленій, снимали, на окружающей мѣстности, верхній тонкій слой земли и углубляли рвы только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ это было возможно выполнить безъ ломки скалистаго грунта, что значительно замедлило бы прикрытіе артиллеріи и войскъ.

„Все остальное, какъ-то: усиленіе профили батарей и устройство разнаго рода преградъ, откладывалось до болѣе благопріятнаго времени. Вообще, работы производились съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ каждымъ днемъ усиливалась оборона; не ожидая окончанія батарей, орудія устанавливались безотлагательно при первой возможности дѣйствовать изъ нихъ“.

Въ Севастополѣ въ эти дни проявилась необыкновенная дѣятельность. Ко всѣмъ тремъ пристанямъ Екатерининской (Графской), Павловской и Госпитальной свозились съ судовъ орудія, со станками и снарядами; тамъ выгружались и потомъ доставлялись на бастіоны и батареи. По улицамъ тащили орудія, лафеты, снаряды, бревна и доски; несли плотничьи инструменты, желѣзныя оковки, гвозди, мѣшки, пустые и наполненные землею. Все это спѣшило къ укрѣпленіямъ, гдѣ рабочіе рыли рвы, насыпали бруствера и утрамбовывали землю. Тысячи тружениковъ, выкидывая изъ рвовъ землю, насыпали тотъ непрерывный семиверстный валъ, для овладѣнія которымъ союзники употребили почти годъ времени.

Работы производились безпрерывно безъ устали, не переводя дыханія, днемъ и ночью. Утромъ выходило отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которые вечеромъ смѣнялись другими, хотя и въ меньшемъ числѣ, но работавшими всю ночь. Въ земляныхъ работахъ участвовали всѣ, кто только могъ: солдаты, вольные мастеровые, мѣщане, лавочники, лакеи и словомъ всѣ свободные жители города, женщины и дѣти. Женщины носили воду и пищу, засѣли за шитье мѣшковъ и кулей, дѣти— таскали землю на укрѣпленія. Двери порта и арсенала растворились

настежь; изъ сараевъ вытаскивали запасныя орудія, лѣсъ, такелажъ, мѣшки и разные строительные матеріалы; тамъ же раздавали желающимъ инструменты: ломы, лопаты, заступы и проч. Кто имѣлъ тачку, или лошадь съ телѣгою, тотъ спѣшилъ на укрѣпленія, зная, что имъ найдется работа; даже водовозныя бочки были употреблены въ дѣло,— въ нихъ развозилась вода для утоленія жажды трудившихся. Словомъ сказать, всѣ средства города были обращены на содѣйствіе рабочимъ.

Своимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ Корниловъ призвалъ всѣхъ къ строгому выполненію обязанности; безполезные споры о старшинствѣ уступили теперь мѣсто благоразумію, и всѣ подчинились человѣку полному одушевленія и энергіи. Лѣнтяевъ и тунеядцевъ тутъ не было: мужчина и женщина трудились одинаково.

— Теперь нужно бросить всѣ занятія,—сказалъ однажды Корниловъ, обращаясь къ Батьянову, состоявшему чиновникомъ по дипломатической части при главнокомандующемъ, — теперь надо думать только объ оборонѣ и защитѣ Севастополя. Я васъ прошу перевозить ядра на бастіоны.

„Я тотчасъ поспѣшилъ исполнить его приказаніе,—пишетъ Батьяновъ,—и съ того времени занимался перевозкою ядеръ и другихъ военныхъ запасовъ къ бастіонамъ“.

Вся аванпостная служба вокругъ города исполнялась нѣсколькими казаками, оставленными кн. Меншиковымъ, да флотскими и вышедшими изъ госпиталя кавалерійскими офицерами, разъѣзжавшими на фурштадтскихъ лошадяхъ [1]). Граждане образовали родъ ополченія для содержанія городскихъ карауловъ. Начальство надъ этою милиціею приняли два актера Пиллони и Дрейсихъ.

Здѣсь любовь къ отечеству проявилась въ полномъ своемъ величіи. Совокупныя усилія севастопольцевъ сдѣлали небывалую вещь: въ двѣ ночи и одинъ день было поставлено на батареяхъ болѣе ста орудій бóльшихъ калибровъ. Явившись на южной сторонѣ города, союзники повѣсили нѣсколькихъ татаръ, увѣрявшихъ ихъ, что городъ вовсе не защищенъ съ южной стороны. Повѣшенные потерпѣли должное возмез-

[1]) Записки Арбузова (рукоп.).

діе, какъ измѣнники Россіи, но были справедливы въ своихъ показаніяхъ—они не могли предполагать столь успѣшной работы. Съ высотъ Инкермана и съ Федюхиныхъ горъ англо-французы смотрѣли на выроставшіе вокругъ города батареи и бастіоны и, не рѣшаясь атаковать ихъ, потянулись по направленію къ Балаклавѣ.

Поздно вечеромъ 13-го сентября французская армія прибыла къ хутору Мекензи, гдѣ и расположилась бивуакомъ; англичане продолжали свое движеніе ночью и, только по прибытіи на Черную рѣчку, расположились тамъ на привалѣ. Съ наступленіемъ утра 14-го сентября французы двинулись къ Черной рѣчкѣ, перешли черезъ водопроводный каналъ по накинутымъ мостамъ и расположились бивуакомъ на Федюхиныхъ высотахъ, а англичане въ то же самое время двинулись къ Балаклавѣ.

Расположенная въ четырнадцати съ половиною верстахъ отъ Севаполя Балаклава картиною раскинулась у подошвы высокихъ и скалистыхъ горъ, окаймляющихъ небольшую гавань того же имени. Кромѣ развалинъ древняго замка, городъ не имѣлъ никакихъ укрѣпленій, и весь гарнизонъ его состоялъ изъ одной, не полной, роты Балаклавскаго греческаго батальона, въ числѣ 80 строевыхъ и 30 отставныхъ нижнихъ чиновъ. При нихъ были четыре полъ-пудовыхъ мортирки подъ начальствомъ поручика Маркова.

Послѣ полудня 13-го сентября въ Балаклавѣ разнеслась вѣсть, что непріятельская армія приближается къ Черной рѣчкѣ. Посланные для развѣдыванія дали знать, что союзники перешли уже рѣчку и расположились бивуакомъ въ долинѣ между Бахчисарайскою дорогою, Сапунъ-горою и Севастопольскимъ шоссе.

На слѣдующій день, 14-го сентября, около 7-ми часовъ утра, въ виду Балаклавы показались два парохода, шедшіе полнымъ ходомъ со стороны Севастополя. Поравнявшись со входомъ въ бухту, они остановились въ разстояніи одной мили отъ берега. Одновременно съ этимъ получено было извѣстіе, что непріятель, оставивъ бивуакъ, приближается къ городу по нѣсколькимъ дорогамъ. Тогда жители, покинувъ свои дома и имущество, спѣшили переправиться на западную сторону бухты и бѣжали въ Каранскіе горы и сады, надѣясь тамъ укрыться отъ непріятеля. Между тѣмъ англичане, подходя къ городскому шлахбауму, были

совершенно неожиданно для нихъ встрѣчены батальнымъ огнемъ роты балаклавцевъ, бѣгомъ подоспѣвшей на встрѣчу союзниковъ. При ротѣ находились: командиръ Греческаго батальона полковникъ Манто и командиръ роты капитанъ Стамати. Разсыпавшись за камнями и другими закрытіями, балаклавцы завязали перестрѣлку, продолжавшуюся около часу. Наконецъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства и не видя передъ собою непріятеля, англичане двинулись впередъ и принудили балаклавцевъ отступить сначала къ городу, а потомъ засѣсть въ замкѣ. Едва только рота отступила въ городъ, а непріятельскій авангардъ прошелъ черезъ шлахбаумъ, какъ поручикъ Марковъ открылъ огонь изъ своихъ мортиръ. Англичане остановились снова и выдвинули впередъ батарею. Въ это время на горѣ Кефаловриси, съ сѣверной стороны города, показалась голова другой колонны тысячъ около пяти, а къ двумъ пароходамъ, стоявшимъ у входа въ Балаклавскую бухту, подошло болѣе 20 судовъ различныхъ ранговъ. Одинъ изъ нихъ, трехдечный винтовой корабль, выдавшись впередъ, открылъ огонь бортовыми залпами въ то время, когда батареи непріятеля начали свое дѣйствіе съ сухаго пути. Мортирная батарея Маркова, направлявшая свои выстрѣлы на три пункта: къ шлахбауму, къ Кефаловриси и въ море, прекратила огонь только тогда, когда всѣ заряды были разстрѣляны. Видя, что батарея наша прекратила огонь, англичане двинулись къ городу и заняли его въ $2^1/_2$ часа по полудни [1]). Овладѣвши Балаклавою, англичане взяли въ плѣнъ раненаго командира, 6 офицеровъ и до 60-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ; остальные спаслись отъ плѣна, скрывшись въ ущельяхъ и лѣсахъ. Собравши плѣнныхъ и не видя больше въ городѣ ни одного человѣка, носящаго военный мундиръ, англичане были удивлены ихъ рѣшимости сопротивляться.

— Вы безумецъ!—сказалъ лордъ Рагланъ, обращаясь къ капитану Стамати.—Неужели думали вы съ горстью своихъ солдатъ остановить цѣлую армію?

— Безусловною сдачею,—отвѣчалъ Стамати,—я навлекъ бы на себя гнѣвъ моего начальства и презрѣніе ваше; теперь совѣсть моя спокойна—я исполнилъ долгъ свой.

---

[1]) Нападеніе на Балаклаву. Матер., вып. III.

Вслѣдъ затѣмъ былъ поднятъ англійскій флагъ, по которому колонны непріятельскихъ войскъ съ разныхъ сторонъ вступили въ городъ, а пароходы проникли въ бухту. Передъ вступленіемъ ихъ „влетѣлъ въ бухту маленькій пароходикъ, не много болѣе дессантнаго баркаса, объѣжалъ оба берега ея, измѣрилъ глубину и, выйдя въ море, вновь поворотилъ къ бухтѣ, ведя за собою всю эскадру“.

Занявши Балаклаву, англичане разграбили все имущество жителей, уничтожили сады, съѣли фрукты, а вечеромъ весь скотъ, возвратившійся съ поля, былъ взятъ и убитъ на порціи солдатамъ. Городъ принялъ видъ военнаго стана: на воротахъ многихъ домовъ появились надписи въ родѣ слѣдующихъ: *„главная квартира главнокомандующаго“*, *„коммиссаръ“* и проч. Двигаясь въ авангардѣ союзной арміи, англичане первые пришли въ Балаклаву и потому заняли лучшія помѣщенія.

Французы весь день 15-го сентября оставались на Федюхиныхъ горахъ, отчасти потому, что маршалъ Сентъ-Арно, не будучи въ состояніи командовать арміею, долженъ былъ передать начальство генералу Канроберу. Находясь почти въ предсмертной агоніи, со дня сраженія на р. Алмѣ, Сентъ-Арно все еще старался казаться бодрымъ. Онъ надѣялся дожить до взятія Севастополя и связать свое имя съ паденіемъ этого города. Мысль о скоромъ и безотлагательномъ приступѣ лелѣяла его самолюбіе и питала надежду на возможность блестящей побѣды. Маршалъ полагалъ, что послѣ краткаго усиленнаго бомбардированія легко будетъ овладѣть городомъ.

— Императоръ будетъ доволенъ вами,—говорилъ онъ окружающимъ.—Мы исполнили его приказаніе. Конечно, ему принадлежитъ вся честь этой экспедиціи... Черезъ 10-ть дней ключи Севастополя будутъ въ его рукахъ... Теперь Имперія утверждена... и здѣсь ея крестины.

Завѣтныя мечты маршала не осуществились. Съ прибытіемъ французской арміи на Федюхины высоты, Сентъ-Арно, въ ночь съ 13-го на 14-е сентября, почувствовалъ приближеніе смерти и, находясь почти въ постоянномъ забытьи, принужденъ былъ отказаться отъ командованія арміею. Онъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ, пытался сказать имъ послѣднее слово, но,

по слабости, могъ только сказать причину, по которой пригласилъ ихъ къ себѣ.

— Я не думаю ошибиться въ намѣреніяхъ императора,—проговорилъ онъ слабымъ, замирающимъ голосомъ,—передавая главное начальство надъ арміею генералу Канроберу, въ ожиданіи утвержденія его величества.

Сентъ-Арно подалъ знакъ начальнику главнаго штаба, и генералъ Мартенпре хотѣлъ было передать бумагу Канроберу, но послѣдній вынулъ изъ кармана потертый уже пакетъ съ императорскою печатью; въ немъ давно хранилось заранѣе сдѣланное распоряженіе о принятіи Канроберомъ начальства надъ арміею, въ случаѣ смерти Сентъ-Арно, возможность которой, повидимому, была предвидѣна Наполеономъ. Взглянувши на пакетъ и догадавшись о содержаніи находящейся въ немъ бумаги, Сентъ-Арно, повидимому, не выразилъ ни малѣйшаго изумленія.

— Хорошо,—проговорилъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ, и голова его упала на подушку.

Сдавъ начальство надъ арміею, Сентъ-Арно отправился въ Балаклаву, а потомъ былъ перевезенъ на пароходъ „Бертолетъ", гдѣ и скончался 17-го (29-го) сентября, на пути въ Константинополь.

Новый главнокомандующій французскою арміею пользовался особымъ расположеніемъ Наполеона III, считавшаго его однимъ изъ способнѣйшихъ и боевыхъ генераловъ. Начавши свое военное поприще въ Африкѣ, генералъ Канроберъ участвовалъ тамъ во многихъ экспедиціяхъ и еще въ 1837 году, въ чинѣ капитана, отличился при штурмѣ Константины, гдѣ и раненъ въ ногу. Вызванный въ 1839 году во Францію, Канроберъ, какъ опытный офицеръ, получилъ порученіе сформировать, для иностраннаго легіона, батальонъ изъ испанскихъ дружинъ, перешедшихъ во Францію. Въ слѣдующемъ 1840 году, онъ, по порученію герцога Орлеанскаго, написалъ нѣсколько отдѣловъ руководства, назначеннаго для офицеровъ легкихъ войскъ.

Отправившись въ 1841 году снова въ Африку, Канроберъ оставался тамъ до 1850 года. Во все это время онъ участвовалъ въ безпрерывныхъ и многочисленныхъ экспедиціяхъ. Въ дѣлѣ при Балѣ, въ 1845 году, онъ, имѣя подъ своею командою только 250 челов., съ успѣхомъ держался противъ трехъ-тысячнаго скопища Бу-Мазы. Ко-

мандуя постепенно батальономъ и полкомъ, Канроберъ получилъ, наконецъ, въ 1848 году, начальство надъ колонною, назначенною для покоренія Аурскихъ горцевъ. Онъ напалъ на непріятеля врасплохъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ Бея-Ахмета. Вслѣдъ затѣмъ покорилъ Джуружурскихъ кабиловъ, а при штурмѣ Заатаха, въ 1849 году, начальствовалъ подъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ, взошелъ въ проломъ крѣпости, при чемъ изъ числа его окружавшихъ было убито 4 офицера и 16 рядовыхъ. Это дѣло доставило ему командорскій крестъ Почетнаго Легіона. Произведенный въ генералы и призванный въ 1850 году въ Парижъ, Канроберъ былъ назначенъ адъютантомъ къ президенту республики и произведенъ въ 1853 году въ дивизіонные генералы. Получивъ въ командованіе 1-ю пѣхотную дивизію, онъ поступилъ въ составъ экспедиціоннаго корпуса, съ которымъ и отправился въ Турцію въ 1854 году.

Канроберъ былъ извѣстенъ французской арміи какъ человѣкъ весьма храбрый. Его мужество, спокойствіе на полѣ битвы и вѣрный взглядъ, необыкновенная пылкость въ критическую минуту возбуждали удивленіе солдатъ, „*но только своей дивизіи*,—говоритъ его соотечественникъ;—ибо нечего скрывать, этотъ блистательный генералъ не созданъ для главнаго предводительства и не способенъ командовать арміею. Его умъ привыкъ дѣйствовать въ тѣсной рамкѣ и не въ силахъ обнимать разомъ общаго: во время битвы онъ займется только однимъ пунктомъ и пренебрежетъ другими, привяжется со всѣмъ жаромъ къ одной части и не будетъ знать, что происходитъ съ другими“.

Храбрый на полѣ битвы, Канроберъ во всѣхъ своихъ административныхъ и боевыхъ распоряженіяхъ былъ до крайности нерѣшителенъ.

— Нельзя браться за все вдругъ,—повторялъ онъ часто и поступалъ во всемъ медленно—нерѣшительно.

Его сотоварищъ, лордъ Рагланъ, по характеру чистый англичанинъ, любившій комфортъ и изящныя рѣчи, не отличался также большою подвижностью, и оба главнокомандующіе потратили много времени на взаимное совѣщаніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ.

Пользуясь этимъ, наши защитники значительно подвинулись въ устройствѣ укрѣпленій и сдѣлали все, что могли, по своимъ средствамъ. Они успѣли утолстить и возвысить нѣкоторые бастіоны и батареи, удлин-

нить ихъ фасы, приспособить ихъ къ ружейной оборонѣ, вырыть рвы, поставить на укрѣпленія орудія, устроить завалы, исправить нѣкоторые пороховые погреба и насыпать нѣсколько новыхъ батарей, частію изъ мѣстной, частію изъ приносной земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣли сдѣлать засѣки и устроить волчьи ямы, чтобы хотя сколько-нибудь затруднить непріятелю доступъ къ городу.

Къ вечеру 14-го сентября, въ день занятія союзниками Балаклавы, на оборонительной линіи южной стороны было поставлено 172 орудія, и для защиты ихъ сосредоточено около 15.000 челов. разнаго рода оружія, даже съ пиками, но все это, конечно, было ничтожно и не могло бы остановить предпріимчиваго непріятеля.

„Хорошъ гарнизонъ,—писалъ Корниловъ,—для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ; но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ, если устоимъ—если же нѣтъ...

„По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой,—но все это можетъ только увеличить рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля“.

Дѣйствительно, не завидно было положеніе малочисленнаго гарнизона, разбросаннаго на семи-верстномъ разстояніи, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ мѣстности, окружающей городъ.

Не говоря уже о томъ, что сообщеніе между укрѣпленіями затруднялось глубокими оврагами, мы должны вспомнить, что Южная бухта раздѣляла самый городъ на двѣ части: Городскую и Корабельную, которыя могли сообщаться между собою только по одной узкой дорожкѣ, огибавшей бухту и пролегавшей черезъ Пересыпь, по горамъ и оврагамъ. При такомъ неудобномъ сообщеніи взаимная помощь войскъ, расположенныхъ на Городской и Корабельной сторонахъ, была крайне сомнительною. Хотя по распоряженію Нахимова и былъ устроенъ черезъ Южную бухту плавучій мостъ изъ бриговъ, шкунъ и плотовъ, но сообщеніе по немъ было затруднительно и почти невозможно, въ особенности подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и стрѣлковъ. Слѣдовательно, войска, расположенныя въ двухъ частяхъ города, въ случаѣ штурма союзниковъ на одну изъ нихъ, должны были разсчиты-

вать только на собственныя средства, не ожидая посторонняго содѣйствія и помощи.

Большая часть укрѣпленій имѣли слабую полевую профиль, были не окончены и, не имѣя передъ собою рвовъ, оставались совершенно доступными для непріятеля. Укрѣпленія не составляли еще тогда непрерывной линіи: между ними почти вездѣ были обширные и совершенно открытые промежутки. Оборона многихъ мѣстъ ограничивалась небольшими завалами, на которыхъ были поставлены орудія малыхъ калибровъ.

Къ этому надо прибавить, что хотя на оборонительной линіи и было поставлено 172 орудія, но они были разбросаны на семиверстномъ разстояніи и имѣли незначительную дальность выстрѣла, такъ что оборона впереди лежащей мѣстности была весьма слаба, а многія мѣста и вовсе не имѣли никакой обороны.

Если союзники имѣли еще нѣкоторыя уважительныя причины къ тому, чтобы отказаться отъ штурма укрѣпленій сѣверной стороны города, то становится совершенно непонятнымъ, почему они, перейдя на южную сторону рейда, не штурмовали почти беззащитный городъ, въ который они могли войти съ распущенными знаменами.

Пользуясь превосходствомъ своего вооруженія и занявъ своими штуцерными прилегающія къ городу высоты, непріятель могъ свободно подойти ближе, чѣмъ на 100 саженъ, и безнаказанно разстрѣливать наши войска, стоявшія за укрѣпленіями, ихъ не прикрывавшими, и нанести огромный вредъ прежде, чѣмъ двинуться на штурмъ.

Несмотря на всѣ невыгоды и опасное положеніе, въ которомъ находился гарнизонъ, защитники готовы были на всякаго рода пожертвованія. Каждый изъ бывшихъ на укрѣпленіяхъ положилъ стоять, пока хоть искра жизни останется въ тѣлѣ.

„Матросы особенно одушевлены,—писалъ Корниловъ,—и съ жаждою помышляютъ о битвѣ за родину“. Почти у каждаго изъ нихъ позади бастіоновъ, на которыхъ они стояли, былъ домъ,—его родина, жена, дѣти все-все, что свято и драгоцѣнно въ жизни. Здѣсь на батареяхъ собрались не пришлецы изъ разныхъ странъ, а родные братья-труженики на общую пользу огромной и родной семьи матушки Россіи: здѣсь были не союзники, а одного поля ягодки, дѣти

русскаго царя. Дѣятельность внутренней жизни приняла иные размѣры, иные образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, наступила минута рѣшительной борьбы, когда каждый сталъ стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли, оберегателемъ ея славы, защитникомъ мѣстъ близкихъ русскому сердцу.

Жители, матросы и солдаты сразу, безъ всякихъ толкованій, поняли свое положеніе: они рылись въ землѣ, воздвигая линію батарей; они же носили землю тамъ, гдѣ нехватало ея, для насыпи укрѣпленій, и ставили на батареи свои огромныя пушки. Все это дѣлалось „такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь, вся отданная за вѣру и отечество“. Одинаково вскормленные, всѣ они составляли часть одного народа русскаго, подвластнаго одному Монарху, принадлежащаго одной вѣрѣ, имѣющаго одинъ языкъ, одушевленнаго и проникнутаго одною волею. Стойкій и рѣшительный народъ рѣшился защищать городъ отъ нашествія иноплеменниковъ и встрѣтить врага безъ ключей и хлѣба-соли, а по-русски—штыками и чугунными снарядами.

Утромъ 14-го сентября въ виду Севастополя появилось нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ и судовъ. Одни изъ нихъ бѣжали по направленію къ Балаклавѣ, другіе дѣлали промѣры, заглядывали въ различныя бухты: Казачью, Камышевую и проч., отыскивая удобныя мѣста для стоянки своего флота. Въ то же время изъ Севастополя видно было, какъ союзные главнокомандующіе производили рекогносцировку ближайшихъ окрестностей города, а вице-адмиралъ Корниловъ объѣзжалъ оборонительную линію укрѣпленій. Осмотрѣвъ работы, Владиміръ Алексѣевичъ рѣшился на слѣдующій день, по русскому обычаю, начать защиту города крестомъ и молитвою, знаменующими начало всякаго желаннаго дѣла на православной Руси.

— Пусть прежде всего напомнятъ войскамъ слово Божіе,—говорилъ Корниловъ,—а потомъ я передамъ имъ слово царское.

Съ ранняго утра стали наши войска на свои боевыя позиціи, въ ожиданіи торжественной процессіи [1]). Духовенство, съ образами, хо-

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь подробнаго расположенія войскъ по оборонительной линіи потому, что въ послѣдующіе дни оно было значительно измѣ-

ругвями и крестами, совершало крестный ходъ, медленно подвигаясь по всей оборонительной линіи. Почти въ каждомъ укрѣпленіи процессія останавливалась, чтобы отслужить молебенъ, окропить войско св. водою и осѣнить крестнымъ знаменіемъ. Горячо молились защитники не о спасеніи собственнаго живота, а о спасеніи роднаго имъ города, о спасеніи славы отечества. Тысячи теплыхъ молитвъ возносились къ небесамъ, молитвъ чистыхъ, солдатскихъ - безслезныхъ, но горячихъ и искренныхъ. По окончаніи крестнаго хода, Корниловъ объѣзжалъ войска. Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, онъ ѣхалъ вдоль линіи, привѣтствуемый громкими криками.

— Царь надѣется,—говорилъ онъ войскамъ,—что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: позади насъ море, впереди непріятель. Кн. Меншиковъ обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атакуетъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду; тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду! и если я самъ прикажу отступить—коли и меня!

Громкое неумолкаемое „ура!“ было отвѣтомъ войскъ на слова любимаго начальника.

— Ваше дѣло,—говорилъ Корниловъ, подвигаясь далѣе и обращаясь къ одному изъ пѣхотныхъ батальоновъ—ваше дѣло сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи,—такъ принимайте его по-русски: тутъ ужъ знакомое дѣло—штыковая работа.

Стоявшіе на укрѣпленіяхъ матросы, завидя издали приближеніе своего начальника, привѣтствовали его громкимъ „ура!“

— Я давно знаю васъ за молодцовъ,—говорилъ имъ Корниловъ,—а съ молодцами говорить долго нечего.

— Умремъ за родное мѣсто,—отвѣчали моряки на слова адмирала.

нено. Желающіе могутъ найти это въ книгѣ Жандра, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя“ и проч , стр. 227, и въ сочиненіи Э. Тотлебена: „Оборона Севастополя“, ч. I, стр. 240.

Одушевленіе войскъ и желаніе, постоявъ за себя, отмстить врагу сдѣлались всеобщими.

Смотря въ это время на пропеченныя южнымъ солнцемъ, загорѣлыя лица стоявшихъ на укрѣпленіяхъ, можно было видѣть, что всѣ они одушевлены спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ; видно было, что всякій постоитъ за себя и исполнитъ свой долгъ, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ. Увѣренность въ своей силѣ солдатъ и радостные крики ихъ, на привѣтливыя слова Корнилова, закончили этотъ величественный день въ жизни Севастопольскаго гарнизона.

Въ это время о кн. Меншиковѣ никто не вспоминалъ, имя его произносилось съ неудовольствіемъ, и всѣ симпатіи стремились къ Корнилову, на котораго смотрѣли какъ на Богомъ вдохновеннаго человѣка. Дѣйствительно, онъ трудился безъ устали, и казалось, не чувствовалъ ея.

Владиміръ Алексѣевичъ днемъ не сходилъ съ лошади, переѣзжая съ позиціи на позицію, а вечеромъ всѣ собирались къ нему за приказаніями. Онъ слѣдилъ за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы и за порядкомъ расположенія войскъ; распоряжался не только войсками, но лично наблюдалъ за ходомъ инженерныхъ работъ, самъ назначалъ мѣста для батарей, указывалъ направленіе ихъ фасовъ и амбразуръ.

Однажды, незадолго до перваго бомбардированія Севастополя, шестой резервный батальонъ Минскаго полка былъ посланъ на Пересыпь для возведенія новой батареи. Прійдя на назначенное мѣсто, батальонъ простоялъ безъ дѣла почти до разсвѣта. Наконецъ, явился флотскій офицеръ и сказалъ, что, для постройки батареи, слѣдуетъ взять бывшія на берегу Южной бухты желѣзныя цистерны [1]), насыпать ихъ землею и устанавливать одну надъ другою, въ три ряда, такъ чтобы осталось четыре промежутка для амбразуръ.—„Не зная совершенно мѣстности Севастополя, пишетъ участникъ [2]), и въ какомъ мѣстѣ

---

[1]) Желѣзные ящики кубической формы, употребляемые на судахъ для храненія воды.

[2]) А. Штейнъ. „Одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ“ (рукоп.).

и для какой охраны строить эту батарею", минцы рѣшили, что батарея должна защищать входъ въ бухту, а потому на выдающемся мыску уложили ящики, насыпали ихъ землею и оставили четыре амбразуры. Работа была уже кончена, когда подъѣхалъ къ нимъ вице-адмиралъ Корниловъ.

— Что это вы, господа, устроили батарею для французовъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.—Она совершенно не для насъ; мы ожидаемъ непріятеля съ юга, а батарея обращена на сѣверъ.

Батарея была дѣйствительно обращена задомъ къ непріятелю. Корниловъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее казаку, самъ шагами размѣрилъ длину, обозначилъ ее колышками и указалъ направленіе для орудій.

— Теперь,—сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ,—во избѣжаніе насмѣшки, постарайтесь по указанію моему перестроить ее наново.

Работа закипѣла; офицеры, подавая собою примѣръ, помогали нижнимъ чинамъ, и въ первомъ часу по полудни батарея была готова.

Безустанная дѣятельность начальника штаба Черноморскаго флота скоро доставила ему всеобщее уваженіе и довѣренность.

„Корниловъ не сходитъ съ лошади,—писалъ одинъ изъ участниковъ горячихъ дней въ Севастополѣ [1]),—распоряженія самыя быстрыя, благоразумныя, вниманіе ко всему и ко всѣмъ доставили ему довѣренность не только моряковъ, но общую. Въ Севастополѣ не найдется ни одного человѣка, который бы не чувствовалъ, не понималъ благодѣтельнаго вліянія на всѣ дѣла нашего несравненнаго адмирала".

Являясь всюду и слѣдя за всѣмъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, Корниловъ скоро заслужилъ всеобщее довѣріе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Въ послѣднихъ онъ старался поддержать энергію и внушить убѣжденіе о необходимости драться до послѣдней крайности. Рѣчь его была проста, доступна пониманію солдата и затрогивала такія душевныя струны, которыя всегда будутъ дороги русскому человѣку.

---

[1]) А. Поповъ къ ген.-адъют. Анненкову отъ 27-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис., по секретн. описи, д. № 58.

— Московцы! — сказалъ онъ однажды, обращаясь къ нижнимъ чинамъ Московскаго полка,—вы находитесь здѣсь на рубежѣ Россіи, вы защищаете дорогой уголокъ русскаго царства. На васъ смотритъ царь и вся Россія. Если только вы не исполните своего долга, то и Москва не приметъ васъ какъ московцевъ [1]).

Въ эти немногіе дни Корниловъ, проявившій необыкновенную дѣятельность и добровольно принявшій на себя всю отвѣтственность передъ отечествомъ, сталъ неизмѣримо выше его окружающихъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ, не потерявшихся въ столь трудныхъ обстоятельствахъ; это былъ человѣкъ, сдѣлавшійся руководителемъ обороны не по старшинству, а по своимъ способностямъ и энергіи. Хладнокровный въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, Корниловъ смотрѣлъ на дѣло прямыми глазами, не увлекаясь, но и не отчаяваясь.

„Наши дѣла улучшаются,—писалъ онъ [2]);—инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ, но чего ожидать кромѣ позору съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности, при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6-ть резервныхъ батальоновъ и 15-ть морскихъ изъ матросъ [3]); изъ послѣднихъ четыре пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены, и плохо пріобучены; но что будетъ, то будетъ—другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія. Хотимъ биться донельзя, врядъ-ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію; пускай достанутся развалины!..“

---

[1]) Тотлебенъ. „Оборона Севастополя“, ч. I, 265.

[2]) 15-го сентября. Жандръ, 231.

[3]) Здѣсь не включены 3-й Тарутинскій и 2-й Морской батальоны.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*

Приложеніе № 1-ый.

I.

Записка генералъ-адъютанта Безака военному министру отъ 31-го августа 1853 г. № 8300.

Генералъ-адъютантъ Безакъ, при подробнѣйшемъ осмотрѣ Севастопольской крѣпости, обратилъ особенное вниманіе на сопротивленіе, которое могутъ оказывать приморскія и сухопутныя ея укрѣпленія, въ случаѣ появленія въ превосходныхъ силахъ непріятеля на Черномъ морѣ, и осмѣливается изложить слѣдующее свое, по этому предмету, мнѣніе.

Фарватеръ, по которому пришлось бы идти непріятельскому флоту, вездѣ обстрѣливается хорошо расположенными батареями и такимъ большимъ числомъ орудій, что нельзя предполагать столь отважнаго и искуснаго непріятеля, который, для уничтоженія въ гавани нашего флота и заведеній, рѣшился бы открытою силою ворваться съ своими кораблями въ рейдъ, тѣмъ болѣе для него опасный, что встрѣченный выстрѣлами изъ 300 орудій, онъ и по минованіи батарей еще подвергается сильному дѣйствію артиллеріи, направленной ему въ тылъ. Поэтому можно, кажется, смѣло утверждать, что Севастопольская гавань, со всѣми заведеніями, совершенно обезпечена отъ непріятельскаго флота со стороны моря. Можно также съ достаточною увѣренностію считать внѣ опасности и сухопутную сторону Севастополя, въ случаѣ войны съ Турціею; но если Россія будетъ имѣть дѣло съ какою-либо изъ державъ европейскихъ, то обстоятельства совершенно измѣняются. Такъ напри-

мѣръ: если бы Англія рѣшилась когда-нибудь вести противъ Россіи упорную войну, то, конечно, она употребитъ всѣ свои силы и не пожалѣетъ никакихъ пожертвованій, чтобы овладѣть важнѣйшимъ на Черномъ морѣ военнымъ пунктомъ, Севастополемъ, какъ для уничтоженія нашего флота и морскихъ заведеній, такъ и для пріобрѣтенія другихъ чрезвычайно важныхъ выгодъ. Исполнить это открытою силою, съ флотомъ не представляется возможности, а потому остается средство сдѣлать дессантъ. При этомъ возникаютъ два вопроса: могутъ ли англичане произвести высадку съ достаточнымъ числомъ войскъ, и, сдѣлавши высадку, могутъ ли они ожидать успѣха?

Послѣ удачныхъ высадокъ, исполненныхъ Бонапартомъ въ Египтѣ въ числѣ около 40.000 человѣкъ и англичанами въ Португаліи, Испаніи, а также въ совокупности съ русскими въ Голландіи, при чемъ перевозимо было за одинъ разъ до 18.000 человѣкъ, съ многочисленною артиллеріею, огнестрѣльными и продовольственными припасами, нельзя не согласиться, что если Англія будетъ господствовать на Черномъ морѣ, то она безъ затрудненія можетъ подвезти къ Севастополю довольно значительныя силы, употребивъ на то не болѣе 2-хъ или 3-хъ тысячъ собственныхъ людей, а остальныхъ изъ турецкой арміи. Въ транспортныхъ судахъ недостатка быть не можетъ, потому что для этого достаточно наложить амбарго на греческіе купеческіе корабли, шкиперамъ которыхъ Черное море вполнѣ и хорошо извѣстно.

Допустивъ возможность высадки въ значительныхъ силахъ, самый успѣхъ ея будетъ зависѣть отъ числа нашихъ войскъ, противупоставленныхъ непріятелю, и силы тѣхъ укрѣпленій, которыми онъ принужденъ будетъ овладѣть.

Если предположить, что въ Севастополѣ будетъ постоянный гарнизонъ въ двѣ пѣхотныя дивизіи—какъ нѣкоторые признаютъ необходимымъ,—то конечно съ 30.000 пѣхоты и съ 10.000 вооруженныхъ матросовъ можно отразить всякую высадку, хотя бы съ сухопутной стороны не было никакихъ укрѣпленій, но генералъ-адъютантъ Безакъ думаетъ, что едва-ли полезно и даже возможно будетъ отдѣлить, собственно для обороны Севастополя, такія значительныя силы. Нѣтъ сомнѣнія, что англичане, находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, будутъ стараться занять наши войска, какъ въ Европейской, такъ

и Азіатской Турціи, а можетъ быть успѣютъ склонить на свою сторону и другія европейскія державы, такъ что придется вести войну въ одно время на западной и на восточной границахъ Имперіи, какъ это уже и прежде случалось—тогда не только нельзя будетъ послать въ Севастополь двухъ дивизій, но вѣроятнѣе всего, что оборона столь важнаго пункта, составляющаго главную защиту не только Черноморскаго флота, но и всего южнаго края Россіи, будетъ ввѣрена морскимъ экипажамъ, при помощи одного или двухъ полковъ пѣхоты.

Признавая, что таковая оборона Севастополя съ сухопутной стороны, со средствами, ограниченными военными обстоятельствами, легко можетъ встрѣтиться, генералъ-адъютантъ Безакъ долгомъ считаетъ сказать, что въ такомъ случаѣ необходимо принять для защиты этой крѣпости нѣкоторыя мѣры, самою осторожностію требуемыя.

Севастопольскія укрѣпленія расположены на двухъ берегахъ, раздѣленныхъ широкою бухтою, составляющею рейдъ; поэтому оборона крѣпости малыми силами, съ сухопутной стороны, довольно затруднительна, тѣмъ болѣе, что и приморскія батареи, преимущественно же открытыя, по крайней мѣрѣ на ночное время, потребуютъ гарнизона отъ пѣхоты. Особенно не безопасна отъ внезапнаго нападенія, въ ночное время, батарея № 10, которая, между тѣмъ, есть самая важная, потому что выдается болѣе прочихъ въ море и съ нея можно дѣйствовать по фарватеру на самое дальнее разстояніе.

Батареи Павловская, Николаевская и № 8-го по мѣстоположенію безопасны съ горжи. Горжа № 10 батареи обороняется съ Александровской батареи, а горжа съ Александровской—обороняется съ батареи № 8-го и бастіона № 7-го. Когда окончится сухопутное укрѣпленіе южнаго берега, то можно будетъ почитать крѣпость съ этой стороны хорошо защищенною противъ дессанта, да и теперь высадка на южномъ берегу весьма затруднительна, потому что подъ выстрѣлами № 10-го батареи вдается далеко въ берегъ Карантинная бухта, которую высадившимся войскамъ пришлось бы обходить далеко, по мѣстности, перерѣзанной оврагами, каменистой и весьма удобной для защиты.

Сѣверный берегъ, по мнѣнію генералъ-адъютанта Безака, менѣе южнаго безопасенъ противу высадокъ; при томъ же горжи батарей Константиновской и № 4-го не вполнѣ обезпечены отъ внезапной атаки,

и потому не безполезно было бы, при входахъ въ эти батареи, устроить ворота съ амбразурами, за коими поставить малаго калибра орудія. Для обороны сѣвернаго берега съ сухопутной стороны, существуетъ укрѣпленіе, которое въ нынѣшнемъ запущенномъ положеніи безъ затрудненія можно взять открытою силою, послѣ чего непріятелю удобно въ немъ держаться до подвоза новыхъ подкрѣпленій; и ему легко тогда расположить на высотахъ свою артиллерію и уничтожить съ горжи батареи Константиновскую, Михайловскую и № 4-го.

Для отвращенія этого генералъ-адъютантъ Безакъ полагалъ бы необходимымъ: Сѣверное укрѣпленіе привести немедленно въ хорошее состояніе, поднять валы, исправить эскарпъ и возстановить всѣ три моста, прежде для входа въ укрѣпленіе существовавшіе, дабы гарнизону удобнѣе было поспѣшно выходить для нападенія на непріятеля, который покусился бы сдѣлать высадку. Три передовыхъ укрѣпленія, которыя совсѣмъ запущены, нужно бы исправить и полезно было бы, на приличныхъ мѣстахъ, устроить нѣсколько новыхъ полевыхъ укрѣпленій, для обстрѣливанія лощинъ, окружающихъ мѣстность.

Сверхъ того, въ тѣхъ мѣстахъ прибрежныхъ, къ которымъ могутъ подходить на близкій пушечный выстрѣлъ фрегаты, полезно устроить временныя батареи, которыя должны подкрѣпляться подвижными отрядами съ легкими орудіями, для чего необходимо, чтобъ при войскахъ въ Севастополѣ были двѣ полевыя батареи восьми-орудійнаго состава—одна на сѣверномъ, а другая на южномъ берегу.

Когда Сѣверное укрѣпленіе съ передовыми верками приведено будетъ въ надежное оборонительное положеніе, то можно надѣяться, что оборона Севастополя, въ случаѣ высадки даже значительныхъ силъ, сдѣлается возможною морскими экипажами, при помощи одного или двухъ полковъ пѣхоты.

II.

Записка о мѣрахъ, которыя предполагается принять на первый случай для защиты противъ Турціи и ея союзниковъ всего прибрежья Черного моря отъ устья Дуная до г. Керчи.

Защита южной нашей границы по берегу Чернаго моря.

По берегу моря, отъ устья р. Дуная, для вошедшихъ въ Черное море непріятельскихъ флотовъ, первымъ удобнымъ рейдомъ представляется Одесса. Далѣе, по берегу острова Тендры, заливу Каркинитскому, мимо мыса Тарханъ-Кута, до Евпаторіи не имѣется удобнаго пристанища. Въ Евпаторіи довольно хорошій рейдъ, потомъ Севастополь, Ялта на южномъ берегу и превосходный портъ въ Ѳеодосіи. Къ Керчи корабли, фрегаты и пароходо-фрегаты не могутъ подходить по мелководію [1]); большія суда должны останавливаться на разстояніи болѣе 15 верстъ отъ города.

Входъ въ Днѣстровскій лиманъ возможенъ для самыхъ мелкихъ только пароходовъ, по глубинѣ 6-ти футовъ.

Въ Бугскій и Днѣпровскій лиманы, мимо Очакова, могутъ проходить небольшіе пароходы, по глубинѣ 14 футовъ; по Днѣпру же къ Херсону $9^1/_2$ футовъ глубины. Кромѣ того фарватеръ очень извилистъ и для безопаснаго плаванія обозначенъ баканами (знаками); снявъ баканы, плаваніе становится весьма затруднительнымъ, по многочисленнымъ мелямъ.

Для подхода къ Керчи 12 футовъ глубины. Въ Керченскомъ проливѣ 14 футовъ, но въ Азовскомъ морѣ, возлѣ портовъ, весьма мелко, такъ что только самые малые пароходы могутъ совершать плаваніе.

Изъ сего обзора береговъ должно заключить, что непріятельскіе флоты, войдя въ Черное море, могли бы имѣть слѣдующія цѣли:

1) Бомбардированіе Одессы, для наложенія денежной контрибуціи,

---

[1]) Суда сидятъ въ водѣ: корабли отъ 23 до 27 футовъ, фрегаты 20 футъ; пароходо-фрегаты отъ 16 до 20 футъ. Бриги—отъ 14 до 16 футовъ.

и уничтоженіе купеческихъ нашихъ судовъ, какія бы находились въ портѣ. Уничтоженіе морскихъ заведеній въ Николаевѣ.

2) Уничтоженіе флота и заведеній въ Севастополѣ.

3) Возмущеніе въ Крыму татаръ, доставивъ имъ оружіе.

4) Уничтоженіе, на восточномъ берегу, Черноморской береговой линіи и содѣйствіе немирнымъ горцамъ.

На судахъ непріятель можетъ имѣть дессантнаго войска отъ 20.000 до 30.000 человѣкъ.

По существу цѣлей, охраненіе прибрежья Чернаго моря должно быть подраздѣлено на три участка:

I. Одесса, Николаевъ и Херсонъ.

II. Крымъ.

III. Восточный берегъ.

О послѣднемъ участкѣ не будетъ говорено, такъ какъ сіе не входитъ въ смыслъ даннаго предположенія.

I. Берега Херсонской губерніи.

Одесса, весьма важный, торговый, многолюдный и богатый городъ, средоточіе коммерческихъ оборотовъ южной части Россіи, привлечетъ безъ сомнѣнія, вниманіе непріятеля.

Дѣйствію непріятельскаго флота на Одессу, если бы онъ предпринялъ бомбардированіе, мало можно представить защиты. На каждомъ изъ моловъ, съ двухъ сторонъ рейда (молъ практическій и карантинный) устроены каменныя батареи. Трудно предполагать, чтобы батареи сіи могли долго противустоять дѣйствію съ кораблей, но съ другой стороны, по устройству Одессы на крутомъ возвышенномъ берегу, бомбардированіе не очень удобно. Противъ дессантнаго войска предполагается имѣть въ Одессѣ, въ сборѣ, одну пѣхотную дивизію съ артиллеріею и одинъ донской казачій полкъ.

Въ Николаевѣ, какъ выше было сказано, могутъ проходить только пароходы меньшаго размѣра, на которыхъ можетъ быть привезено немного дессантнаго войска. Посему предполагается имѣть на семъ

пунктѣ 4 баталіона резервной бригады и одну резервную пѣшую батарею.

Трудно предположить, чтобы непріятель могъ проникнуть въ Херсонъ, но, болѣе для успокоенія жителей, расположить въ семъ городѣ, сверхъ находящагося батальона внутренней стражи, два резервные баталіона.

Остальные два баталіона резервной бригады помѣстить въ Очаковѣ.

Въ сложности войскъ назначается: Пѣхоты 16 баталіоновъ. Артиллеріи 4 батареи. Казаковъ 1 полкъ.

Одинъ подвижной артиллерійскій паркъ.

Сверхъ того резервная бригада, съ резервною пѣшею батареею.

II. Крымъ.

Пространство берега отъ Евпаторіи до Өеодосіи составляетъ выпуклую дугу, коей центральный почти пунктъ Симферополь. Расположивъ части войскъ въ Евпаторіи, Севастополѣ, Ялтѣ и Өеодосіи, главный резервъ предполагается помѣстить въ Симферополѣ.

Евпаторія имѣетъ довольно хорошій рейдъ, гдѣ судамъ однако же нельзя наливаться водою. Для дессанта Евпаторія не имѣетъ удобствъ: поселеній татарскихъ мало, кругомъ однѣ степи, а движеніе къ Севастополю неудобно, ибо главныя силы, двинувшись изъ Симферополя на перерѣзъ, поставятъ непріятеля въ большое затрудненіе, слѣдовательно, Евпаторія не можетъ служить опорнымъ пунктомъ для дѣйствій. Городъ сей извѣстенъ туркамъ по нѣкоторымъ торговымъ сношеніямъ и по преданію. Здѣсь предполагается имѣть только сотню казаковъ, какъ передовой постъ.

Севастополь, самый важный пунктъ на Черномъ морѣ, имѣетъ бухту, превосходно укрѣпленную, входъ въ которую весьма затруднителенъ. Попытку непріятеля войти въ Севастополь собственно морскою силою едва-ли можно предположить, въ особенности при нахожденіи тамъ же нашего флота; быть можетъ, непріятель старался бы высадить дессантъ, дабы дѣйствовать съ сухаго пути. Резервная бригада въ самомъ Севастополѣ и на сѣверной сторонѣ одинъ полкъ пѣхоты съ

полевою батареею, при содѣйствіи средствъ морскаго вѣдомства, кажется, достаточно охранили бы Севастополь.

Ялта важенъ по татарскому населенію въ горной части Крыма, въ которой татары имѣютъ болѣе энергіи и жизни, нежели степные. Пунктъ сей важенъ также по средоточію дорогъ и горныхъ тропинокъ, которыми необходимо владѣть; шоссе идетъ въ одну сторону чрезъ Алушту въ Симферополь, въ другую сторону въ Севастополь и двѣ горныя тропинки къ Бахчисараю. Укрѣпить собственно Ялту по берегу моря затруднительно, а потому дессанту можно только противодѣйствовать. На семъ пунктѣ предполагается имѣть передовой отрядъ изъ полка пѣхоты и батареи артиллеріи, отъ котораго отдѣлить баталіонъ съ двумя орудіями въ Алушту, и укрѣпить горные проходы и дороги, чему способствуетъ гористая мѣстность. При отрядѣ имѣть роту саперъ и сотню казаковъ.

Между Ялтою и Ѳеодосіею незначительный рейдъ въ Судакѣ, гдѣ разведены виноградные сады частныхъ владѣльцевъ. Какъ мѣсто сіе не имѣетъ никакого значенія, то предполагается здѣсь казачій только пикетъ.

Ѳеодосія, превосходный портъ, важенъ еще въ томъ отношеніи, что находится вблизи восточнаго берега, гдѣ нѣтъ столь удобнаго рейда. Новороссійскъ, одинъ только замѣчательный портъ на восточномъ берегу, подверженъ порывистымъ съ горъ вѣтрамъ. Непріятельскіе флоты, для дѣйствія на восточный берегъ, могли бы желать имѣть основаніемъ Ѳеодосію, тѣмъ болѣе, что она изобильна прѣсною водою и въ разстояніи 60-ти верстъ отъ Карасубазара и 25-ти отъ Стараго Крыма, многочисленнаго населенія татаръ. Для защиты сего пункта предполагается помѣстить въ Ѳеодосіи бригаду пѣхоты съ двумя пѣшими батареями и одною сотнею казаковъ.

Для укрѣпленія Ѳеодосіи приморскими батареями, можно устроить таковыя на Западной и Восточной сторонахъ города. Выстрѣлы батарей по рейду были бы совершенно дѣйствительны.

Выше было сказано, что къ Керчи суда большаго размѣра не могутъ подходить. Если бы непріятель имѣлъ нѣсколько малыхъ пароходовъ, то Керчь можетъ быть защищенъ средствами, имѣющимися въ распоряженіи начальника Черноморской береговой линіи.

Въ его вѣдѣніи находится 6-ть пароходовъ и 8 баркасовъ, вооруженныхъ, которые, при появленіи непріятельскихъ флотовъ въ Черномъ морѣ, должны сосредоточиться въ Керчи, ибо на восточномъ берегу удобная бухта только въ Новороссійскѣ, гдѣ непріятель могъ бы легко ихъ истребить. Кромѣ того, Керчь не можетъ служить непріятелю предметомъ дѣйствій, ибо пунктъ сей не имѣетъ для него важности, ни приморской, ни какъ основаніе для дѣйствій во внутрь края. Для овладѣнія же Керчью, противникъ можетъ употребить незначительныя только средства, коимъ незатруднительно противопоставить защиту.

Въ Карасубазарѣ предполагается расположить сотню казаковъ для наблюденія за татарами.

Для поддержанія войскъ, располагаемыхъ въ Өеодосіи, Ялтѣ, Севастополѣ и Евпаторіи, имѣть резервъ въ Симферополѣ, изъ бригады пѣхоты съ двумя пѣшими батареями, бригады кавалеріи съ конною батареею и двухъ сотенъ казаковъ. Изъ Симферополя резервъ можетъ двинуться равномѣрно удобно, по хорошимъ путямъ, къ Евпаторіи, Севастополю, Ялтѣ и Өеодосіи; къ первымъ тремъ пунктамъ 60 верстъ разстоянія, къ Өеодосіи 100 верстъ.

Бригаду кавалеріи или даже дивизію, преимущественно полезно было бы имѣть драгунскую, которая, перенесшись съ быстротою на угрожаемый пунктъ, можетъ дѣйствовать и какъ пѣхота.

Въ Симферополѣ при резервѣ необходимо имѣть подвижной артиллерійскій паркъ.

Изложивъ въ подробности расположеніе войскъ въ Крыму, общій составъ оныхъ будетъ слѣдующій:

Пѣхоты: 24 батальона дѣйствующихъ, 8 батальоновъ резервной бригады и одна рота саперъ.

Кавалеріи: 20 эскадроновъ.

Артиллеріи: 6 пѣшихъ батарей. Одна батарея конная. Казачій одинъ полкъ. Одинъ подвижной артиллерійскій паркъ.

Какъ по Дунаю, такъ и по берегу Чернаго моря находятся пикеты таможенной стражи; они будутъ служить отчасти передовою цѣпью, т. е. извѣщательными постами, для доставленія свѣдѣній о появленіи непріятельскихъ флотовъ. Но какъ нижніе чины сей стражи большею частію пѣшіе, то въ болѣе важныхъ мѣстахъ цѣпь сію необходимо

усилить казачьими постами. Для сей цѣли предполагается имѣть, сверхъ опредѣленныхъ казаковъ, еще два донскіе полка: одинъ въ Херсонской губерніи, другой въ Крыму.

Обзоръ сей защиты Дунайской границы и береговъ Чернаго моря удостовѣряетъ, что для управленія войсками необходимы два главные отдѣльные начальника: одинъ для командованія войсками въ Бессарабіи и Херсонской губерніи, другой въ Крыму. Сіе необходимо по весьма значительному отдаленію Крыма отъ прочихъ частей описываемаго пространства, по самостоятельности дѣйствій, которыя могли бы предстоять на Крымскомъ полуостровѣ, и по важности событій, могущихъ произойти на каждомъ изъ двухъ совершенно отдаленныхъ одинъ отъ другаго участковъ.

Общее исчисленіе всѣхъ войскъ.

А) На Дунайской границѣ.

15-ая пѣхотная дивизія въ полномъ составѣ.
Двѣ роты 5-го сапернаго баталіона.
Бригада 5-й легкой кавалерійской дивизіи.
15-ая полевая артиллерійская бригада.
Одна конная батарея 5-й конно-артиллерійской бригады.
15-ый артиллерійскій подвижной паркъ.
Донской казачій № 1-го полкъ.
Два донскихъ казачьихъ полка.
Резервная бригада 15-ой пѣхотной дивизіи.

Б) Въ Херсонской губерніи.

14-ая пѣхотная дивизія.
14-ая полевая артиллерійская бригада.
14-ый артиллерійскій подвижной паркъ.
Донской казачій № 22-го полкъ.
Еще одинъ казачій полкъ.
Резервная бригада 14-й пѣхотной дивизіи, съ резервною пѣшею батареею.

Собственною Его Величества рукою карандашемъ написано:

В) Въ Крыму.

«Она на Кавказѣ!!!» 13-я пѣхотная дивизія.

«какихъ»? Одна бригада пѣхоты отъ другихъ войскъ.

? ? ? Рота 5-го сапернаго баталіона.

Бригада или дивизія кавалеріи.

! ! ! 13-я полевая артиллерійская бригада.

«Какихъ»? Двѣ пѣшія батареи отъ другихъ войскъ.

Одна или двѣ конныя батареи.

13-й подвижной артиллерійскій паркъ.

Донской казачій № 39 полкъ (3 сотни сего полка уже въ Крыму и 3 сотни около Одессы).

«Отъ куда»? Еще одинъ донской полкъ.

Слѣдовательно, къ войскамъ 5-го пѣхотнаго корпуса нужно было бы добавить:

Одну бригаду пѣхоты съ двумя пѣшими батареями.

Одну бригаду или дивизію кавалеріи съ соотвѣтствующею артиллеріею.

Два донскихъ казачьихъ полка.

14-й пѣшей резервной батареѣ дать орудія.

13-й артиллерійскій подвижной паркъ сформировать, т. е. къ получаемымъ осенью сего года телѣгамъ купить лошадей.

Артиллерійскіе огнестрѣльные запасы. Въ Измаилѣ и Бендерахъ находятся мѣстные парки.

Въ Одессѣ находится одинъ комплектъ зарядовъ и патроновъ для дивизіи, приготовленный для дессанта.

Въ Херсонѣ мѣстные парки.

Въ Севастополѣ мѣстные парки и, сверхъ того, одинъ комплектъ зарядовъ и патроновъ для дивизіи, приготовленной для дессанта.

Въ случаѣ защиты береговъ полезно было бы одинъ мѣстный паркъ изъ Севастополя перевести въ Симферополь.

Продовольственные запасы. Въ Одессѣ имѣется сухарей на шесть недѣль по числу 21.000 человѣкъ.

Въ Севастополѣ такая же пропорція по числу 19.000 человѣкъ.

Сверхъ сего въ каждомъ изъ опредѣленныхъ пунктовъ заготовить по числу войскъ, на первый случай, двухъ-мѣсячную пропорцію провіанта и на одинъ мѣсяцъ фуража.

III.

Копія съ рапорта генералъ-адъютанта Лидерса, командующему войсками 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову отъ 4 сентября 1853 года № 1602.

Въ дополненіе рапорта моего вашему сіятельству отъ 10-го августа № 1467, имѣю честь донести, что по осмотрѣ южнаго берега Крыма въ военномъ отношеніи оказалось слѣдующее.

Дороги отходятъ отъ моря въ двухъ мѣстахъ Ялтѣ и Алуштѣ. Отъ Ялты идетъ шоссе между горами и моремъ: къ западу чрезъ ворота на Байдары и въ Севастополь, къ востоку на Алушту.

Отъ Алушты во внутренность края ведутъ двѣ дороги: одна, служащая продолженіемъ южно-берегскаго шоссе на Махмудъ-Султанъ въ Симферополь, другая въ горы на Бешевъ (въ просторѣчіи Бешуй), соединяющаяся съ дорогою изъ Бахчисарая въ Симферополь.—Сверхъ сего по всему пространству южно-берегскаго шоссе идутъ въ горы пять тропинокъ: изъ Дерменъ-кой и Юрзуфа (Гурзуфа) въ Ку-ушъ, изъ Ялты—въ Узенбашъ, Алупки—въ Кокозъ, и Мердвенъ (лѣстница) ведущая въ Байдарскую долину.

Тропинки сіи, начинаясь арбяной дорогой, скоро съуживаются и превращаются въ крутыя, висящія надъ пропастью дорожки, а приближаясь къ вершинѣ—въ каменныя изсѣченныя въ скалахъ лѣстницы; ходить по симъ тропинкамъ могутъ только привычные люди, а въ особенности лошади; движеніе самой незначительной части пѣхоты будетъ

сопряжено съ такими трудами и опасностями, что едва-ли можетъ повесть къ какой-либо полезной цѣли. Самая удобная изъ сихъ тропинокъ изъ Алупки въ Кокозъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго въ 20 верстахъ, потребовала для перехода на хорошей лошади $6^1/_2$ часовъ; посему тропинки сіи не имѣютъ никакого значенія въ военномъ отношеніи и могутъ быть только наблюдаемы небольшими отрядами, поставленными въ Ку-ушѣ, Узенбашѣ и Кокозѣ, что̀ можетъ имѣть и другую выгоду, ибо присутствіе войскъ въ горахъ и такихъ большихъ аулахъ уничтожило бы всякую попытку къ возстанію. Воды въ сихъ аулахъ много и мѣста достаточно.

Устранивъ по вышеизложеннымъ причинамъ тропинки изъ военнаго обозрѣнія, остается разсмотрѣть дороги.

Двигаясь изъ Ялты на ворота, непріятель встрѣтитъ много препятствія; если отрядъ будетъ портить въ узкихъ мѣстахъ шоссе и уничтожать мосты, каждая подобная порча можетъ задержать непріятеля на нѣсколько часовъ. Батареи на 8 орудій въ самыхъ воротахъ сдѣлаютъ на семъ мѣстѣ позицію неприступною; гарнизонъ для сихъ батарей можетъ быть до надобности помѣщенъ въ Байдарахъ. Теперь воды подлѣ воротъ весьма мало по бездождію, и потому, что отвели татары; противъ послѣдняго обстоятельства, въ случаѣ крайности, можно принять мѣры.

Въ самой Ялтѣ, командированный мною инженерный штабъ-офицеръ, подполковникъ Геннерихъ, сдѣлалъ предположеніе укрѣпленія на 20-ть орудій, дабы непріятель, не въ большомъ числѣ не могъ безнаказанно приблизиться къ городу, для нанесенія ему вреда, для снабженія себя водою или для выхода на шоссе. Дессантъ же, сдѣланный въ сторонѣ, дабы взять укрѣпленіе въ тылъ, отразятъ поставленныя подлѣ города войска.

По шоссе, ведущему изъ Алушты въ Симферополь, также трудно предположить, чтобы непріятель рѣшился двинуться. По крутому подъему, на протяженіи 9-ти верстъ, онъ съ трудомъ ввезетъ свою артиллерію, а около Кутузовскаго фонтана, попадетъ въ лѣсистое дефиле, гдѣ будетъ встрѣченъ войсками изъ Симферополя, и при неудачѣ, которую можно предсказать, потеряетъ артиллерію.

Остается единственная и въ этомъ отношеніи чрезвычайно важная

дорога, по которой непріятель можетъ проникнуть въ горы: это изъ Алушты въ Бешевъ. Дорога сія идетъ по долинѣ Узенбаша, сначала садами; на пятой верстѣ и въ двухъ верстахъ въ сторону находится селеніе Корбеклы (240 дворовъ), прислоненное къ одному изъ скатовъ Чатырдага, неудобное для обороны. Далѣе дорога переваливается черезъ Азызхыръ, пролегая густымъ лѣсомъ, спускается въ долину Улу-Узень и, въ 10-ти верстахъ отъ Бешева, идетъ по мѣстности совершенно открытой. Дорога сія вездѣ весьма удобна для движенія артиллеріи, но съ начала марта до послѣднихъ чиселъ мая, по разлитіи водъ, совершенно недоступна для проѣзда.

Чтобы проникнуть съ артиллеріею съ южнаго берега въ горы по описанному пути, надобно непремѣнно достигнуть Бешева. Дорога изъ Бешева въ Ку-ушъ также удобна для движенія артиллеріи; перевалъ чрезъ Азансынъ представитъ незначительное затрудненіе. Отъ Ку-уша въ Бахчасарай дорога хорошая, также какъ изъ Узенбаша и Кокоза и между сими пунктами.

По важности дороги, ведущей въ Бешевъ изъ Алушты, можно укрѣпить сіе мѣстечко, къ чему положеніе его на древнемъ, искусственномъ, отрѣзномъ гласисѣ много способствуетъ.—Инженеръ-подполковникъ Геннерихъ сдѣлалъ для сего предположеніе, означенное на представляемомъ планѣ [1]).

---

[1]) Плана при дѣлѣ не оказалось.

Приложеніе № 2-й.

Составъ войскъ, находившихся въ распоряженіи кн. Меншикова къ 1-му сентября 1854 года.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Резервной бригады 13-ой пѣхотной дивизіи.					
Резервные баталіоны:					
Брестскаго пѣхотнаго полка	2	—	—	—	—
Бѣлостокскаго	2	—	—	—	—
Литовскаго	2	—	—	—	—
Виленскаго	2	—	—	—	—
Первая бригада 14-ой пѣхотной дивизіи.					
Волынскій пѣхотный полкъ	4	—	—	—	—
Минскій	4	—	—	—	—
16-ая пѣхотная дивизія.					
Первая бригада.					
Владимірскій пѣхотный полкъ	4	—	—	—	—
Суздальскій	4	—	—	—	—
Вторая бригада.					
Углицкій егерскій полкъ	4	—	—	—	—
Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ	4	—	—	—	—
Вторая бригада 17-ой пѣхотной дивизіи.					
Бородинскій егерскій Наслѣдника Цесаревича (нынѣ лейбъ-Бородинскій) полкъ	4	—	—	—	—
Тарутинскій егерскій полкъ	4	—	—	—	—
Шестой стрѣлковый баталіонъ	1	—	—	—	—
Шестой саперный батальонъ	1	—	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Вторая бригада 6-ой легкой кавалерійской дивизіи.					
Гусарскій Его Императорскаго Высочества Николая Максиміановича полкъ . .	—	8	—	—	—
Гусарскій Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ.	—	8	—	—	—
Донскаго казачьяго № 39-го полка. . .	—	—	3	—	—
Донской казачій № 57 полкъ	—	—	6	—	—
Артиллерія.					
14-ой артиллерійской бригады.					
Легкая № 3 батарея	—	—	—	8	—
„ № 4 „	—	—	—	8	—
16-ой артиллерійской бригады.					
Батарейная № 1-го батарея.	—	—	—	12	—
Легкая № 1-го „	—	—	—	12	—
„ № 2-го „	—	—	—	12	—
Примѣчаніе. Батарейная № 2 батарея этой бригады находилась въ Одессѣ.					
17-ой артиллерійской бригады.					
Легкая № 4 батарея	—	—	—	8	—
„ № 5 „	—	—	—	8	—
Конно-легкая № 12 батарея	—	—	—	—	8
Донская резервная конно-легкая № 4 батарея.	—	—	—	—	8
Первая половина подвижнаго № 8 парка[1]).					
Итого	42	16	9	68	16

Примѣчаніе. Сверхъ того въ Симферополѣ находились: вторая рота Таврической полубригады пограничной стражи и одна рота Таврическаго гарнизоннаго батальона, другая же рота этого батальона, еще 13-го марта, была отправлена въ Кинбурнъ.

[1]) Вторая половина подвижнаго № 8 парка находилась въ Новочеркаскѣ. Арх. деп. Ген. шт., 1 отд., дѣло № 52.

Приложеніе № 3-й.

Составъ войскъ, находившихся въ вѣдѣніи генерала Хомутова къ 1-му сентября 1854 года.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальо-новъ.	Эскадро-новъ.	Сотенъ.	Командъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Первой бригады 17-ой пѣхотной дивизіи.						
Московскій пѣхотный полкъ . . .	4	—	—	—	—	—
Бутырскаго пѣхотнаго полка . . .	1[1])	—	—	—	—	—
Черноморскіе казачьи пѣшіе:						
№ 2-го батальонъ	1	—	—	—	—	—
№ 4-го „	1	—	—	—	—	—
№ 8-го „	1	—	—	—	—	—
Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона. . .	1/4	—	—	—	—	—
Резервный Черноморскій линейный батальонъ	1	—	—	—	—	—
Таврическій гарнизонный полубатальонъ, съ прикомандированными къ нему рекрутами	1/2	—	—	—	—	—
Керченскій гарнизонный полубатальонъ, съ прикомандированными къ нему рекрутами	1/2	—	—	—	—	—
Полубатальонъ Азовскаго казачьяго войска	1/2	—	—	—	—	—
Θеодосійская отдѣльная рота пограничной стражи	1/4	—	—	—	—	—
Рота Керчь-Еникольской полубригады пограничной стражи	1/4	—	—	—	—	—
Θеодосійской инвалидной команды 77 человѣкъ	—	—	—	1	—	—
Находившіяся на Черноморской береговой линіи команды Азовскихъ казаковъ.	—	—	—	5	—	—

[1]) Остальные три батальона находились въ Закубанскомъ отрядѣ.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ.	Командъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Донской казачій № 53 полкъ . .	—	—	6	—	—	—
„ „ № 60 „ . .	—	—	6	—	—	—
„ „ № 67 „ . .	—	—	6	—	—	—
Эскадронъ л.-гв. Черноморскаго казачьяго войска	—	1	—	—	—	—
Батарейная № 3 батарея 17-ой артиллерійской бригады	—	—	—	—	8	—
Донская конно-легкая № 2 батарея .	—	—	—	—	—	8
„ конно-батарейная № 3 батарея	—	—	—	—	—	8
Итого	$11^1/_4$	1	18	6	8	16

(См. Арх. департ. Генеральн. штаба, 1 отд., № 88).

Приложеніе № 4-й.

Вѣдомость наличнымъ шанцовымъ и рабочимъ инструментамъ, состоявшимъ на лицо при Севастопольской инженерной командѣ къ 21-му августа 1854 г.

I.

Кирокъ землекопныхъ. .	69
Клиньевъ желѣзныхъ . .	6
Лопатъ желѣзныхъ . . .	45
„ деревянныхъ . .	123
Ломовъ желѣзныхъ . . .	18
Ложекъ цилиндрическихъ.	14
Молотовъ каменноломныхъ	7
Протравниковъ мѣдныхъ.	6
Сверлъ желѣзныхъ. . . .	11
Носилокъ безъ боковъ. .	2
Тачекъ съ боками	4
Тачекъ съ окованными колесами.	10
Мѣшковъ холщевыхъ . .	13.430

II.

Шанцовые носимые инструменты.

Топоровъ обыкновенныхъ .	108
Кирокъ	30
Лопатъ.	203
Мотыгъ	15
Ломовъ.	6

Приложеніе № 5-й.

Составъ французскихъ войскъ, высадившихся въ Крыму.

Главнокомандующій, маршалъ Леруа-де-Сентъ-Арно.

Начальникъ главнаго штаба, бригадный генералъ Мартенпре.

Начальникъ артиллеріи, генералъ Тири.

Начальникъ инженеровъ, генералъ Бизо.

Военный интендантъ, Бланшо.

			баталь.
1-я пѣхотная дивизія генерала Канробера.	1-я бригада полковника Бурбаки, а впослѣдствіи генерала Эспинаса	1-й стрѣлковый батальонъ	1
		1-й полкъ зуавовъ .	2
		7-й линейный полкъ .	2
	2-я бригада генерала Винуа	9-й стрѣлковый батальонъ	1
		20-й линейный полкъ.	2
		27-й „ „	2
	При дивизіи состоялъ.	Иностраннаго легіона.	1
2-я пѣхотная дивизія генерала Боске.	1-я бригада генерала д'Отмара	50-й линейный полкъ.	2
		3-й полкъ зуавовъ .	2
		Алжирскіе стрѣлки. .	2
	2-я бригада генерала Буа	Третій стрѣлковый батальонъ	1
		7-й легкій полкъ . .	2
		6-й линейный полкъ .	2
3-я пѣхотная дивизія принца Наполеона.	1-я бригада генерала Моне.	19-й стрѣлковый батальонъ	1
		2-й полкъ зуавовъ .	2
		3-й полкъ морской пѣхоты	2
	2-я бригада генерала Тома.	20-й легкій полкъ. .	2
		22-й легкій полкъ. .	2
4-я пѣхотная дивизія генерала Форе.	1-я бригада генерала де-Лурмеля. . . .	5-й стрѣлковый батальонъ	1
		19-й линейный полкъ.	2
		26-й линейный полкъ.	2
	2-я бригада генерала д'Орелля.	39-й линейный полкъ.	2
		74-й линейный полкъ.	2

		эскад.
Кавалерія.	Одинъ эскадронъ спаговъ . . . . Одинъ эскадронъ 1-го африканскаго конно-егерскаго полка	2
		оруд.
Артиллерія.	Восемь батарей пѣшихъ, 2 конныхъ и 2 резервныхъ	68
	Осадныхъ орудій	65

Инженерныя войска состояли изъ команды саперъ и минеровъ, въ числѣ которыхъ было 43 офицера и 866 человѣкъ нижнихъ чиновъ всего. 909

Всего 40 батальоновъ, 2 эскадрона, полевыхъ 68 орудій и инженерная команда.

Примѣчаніе 1-е. Изъ числа 65 осадныхъ орудій, было сформировано средствами Турціи 41 орудіе, въ числѣ коихъ было 16 пушекъ, 8 гаубицъ и 17 мортиръ. Для этихъ орудій было приготовлено зарядовъ: на каждую пушку по 700, гаубицу 500, мортиру 300, что̀ составляло 20.300 зарядовъ. Къ этимъ 41 орудію было доставлено изъ Тулона 12 пушекъ, 6 гаубицъ и 6 мортиръ съ 26.410 зарядовъ.

Примѣчаніе 2-е. При арміи находилось 2.904 лошади.

Составъ англійскихъ войскъ, высадившихся въ Крыму.

Главнокомандующій, лордъ Рагланъ.

			батал.
Легкая дивизія генерала Броуна.	1-я бригада генерала Кодрингтона . . .	7-й пѣхотный полкъ.	1
		23-й „ „	1
		33-й „ „	1
	2-я бригада генерала Буллера	2-й стрѣлковый полкъ..	2
		19-й пѣхотный полкъ.	1
		77-й „ „	1
		88-й „ „	1
1-я дивизія Герцога Кембриджскаго.	1-я бригада генерала Бентинка.	Гвардейскій гренадерскій	1
		Кольдстримскій . . .	1
		Гвардейскіе шотландскіе стрѣлки	1
			1
	2-я бригада генерала Колинъ Кемпбеля.	42-й пѣхотный полкъ	1
		79-й „ „	1
		93-й „ „	1

			батальон.
2-я дивизія генерала Лесси Эванса.	1-я бригада генерала Пенефетера. . . .	30-й пѣхотный полкъ.	1
		35-й „ „	1
		95-й „ „	1
	2-я бригада генерала Адамса.	41-й пѣхотный полкъ.	1
		47-й „ „	1
		49-й „ „	1
3-я дивизія генерала Ингленда.	1-я бригада генерала Джона Кемпбеля .	1-й пѣхотный полкъ.	1
		38-й „ „	1
		50-й „ „	1
	2-я бригада генерала Эйра	4-й пѣхотный полкъ.	1
		28-й „ „	1
		44-й „ „	1
4-я дивизія генерала Каткарта.	1-я бригада генерала Гольди.	21-й пѣхотный полкъ.	1
		46-й „ „	1
		57-й „ „	1
	2-я бригада генерала Торренса	20-й пѣхотный полкъ.	1
		63-й „ „	1
		68-й „ „	1

	оруд.
Девять полевыхъ батарей 6-ти орудійнаго состава	54

			эскадр.
Кавалерійская дивизія графа Лукана.	Легкая кавалерійская бригада лорда Кардигана	17-й уланскій полкъ.	2
		8-й гусарскій „	2
		11-й „ „	2
		4-й легкій драгунскій полкъ	2
		13-й „ „	2
	Изъ бригады генерала Скарлета	Гвардейскій драгунскій полкъ	3

Итого 32 батальона, 13 эскадроновъ и 54 орудія.

Приложеніе № 6-й.

Составъ войскъ, собранныхъ на р. Алмѣ.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Резервной бригады 13-ой пѣхотной дивизіи.					
Резервные батальоны Брестскаго полка. .	2	—	—	—	—
„ „ Бѣлостокс. „ . .	2	—	—	—	—
Первая бригада 14-ой пѣхотной дивизіи.					
Волынскій пѣхотный полкъ	4	—	—	—	—
Минскій „ „	4	—	—	—	—
16-ая пѣхотная дивизія.					
Первая бригада: Владимірскій пѣхотный.	4	—	—	—	—
Первая бригада: Суздальскій „	4	—	—	—	—
Вторая бригада: Углицкій егерскій . .	4	—	—	—	—
Вторая бригада: Великаго Князя Михаила Николаевича . .	4	—	—	—	—
Вторая бригада 17-ой пѣхотной дивизіи.					
Бородинскій егерскій Наслѣдника Цесаревича полкъ	4	—	—	—	—
Тарутинскій егерскій полкъ	4	—	—	—	—
Шестой стрѣлковый батальонъ	1	—	—	—	—
Шестаго сапернаго батальона	½	—	—	—	—
Морской стрѣлковый батальонъ.	1	—	—	—	—
Вторая бригада 6-ой легкой кавалерійской бригады.					
Гусарскій Е. И. В. Николая Максиміліановича	—	8	—	—	—
Гусарскій Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго	—	8	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Конн.
Донской казачій № 57 полкъ	—	—	5	—	—
„ „ № 60 „	—	—	6	—	—
Артиллерія.					
14-ой артиллерійской бригады.					
Легкая № 3-го батарея	—	—	—	8	—
„ № 4-го „	—	—	—	8	—
16-ой артиллерійской бригады.					
Батарейная № 1-го батарея	—	—	—	12	—
Легкая № 1-го „	—	—	—	12	—
„ № 2-го „	—	—	—	12	—
17-ой артиллерійской бригады.					
Легкая № 4-го батарея	—	—	—	10	—
„ № 5-го „	—	—	—	10	—
6-ой конно-артиллерійской бригады.					
Конно-легкая № 12 батарея	—	—	—	—	8
Донская батарейная № 3 батарея	—	—	—	—	8
„ резервная легкая № 4 батарея	—	—	—	—	8
Итого	42½	16	11	72	24

Приложеніе № 7-й.

1.

Письмо вдовы подполковника Е. И. Конторино—князю Меншикову.

Свѣтлѣйшій князь
Милостивый государь
Александръ Сергѣевичъ!

Извѣстно вашей свѣтлости, что 8-го сентября, когда наши войска, отступивши отъ Бурлюка (Алмы), стали на позиціи въ деревнѣ Эфендикой, состоящей на Каченской землѣ (т. е. на рѣкѣ Качѣ), мѣсто это находится противъ моего имѣнія, тотчасъ войска разорили доходъ моихъ двухъ садовъ: фруктоваго и виноградняго, уничтожены всѣ фрукты и виноградъ сада, приносящаго ежегодно до 4-хъ тысячъ ведеръ вина, домъ развалили и порубили, мебель поломали, одежду, постели, посуду, бѣлье и серебро унесли, амбаръ, винокурню и кладовыя развалили, находившіеся тамъ съѣстные припасы, равно старое вино, водку, спиртъ, муку и зерно, скотину и птицу уничтожили; всѣ инструменты для обработки виноградниковъ и деревьевъ унесены, вся посуда, находившаяся въ экономіи, для винодѣланія и гонки водки, порублена, побита и унесена; сѣно и хлѣбъ сожгли. Имѣю также садъ виноградный въ деревнѣ Эскель, на Каченской же долинѣ; тамъ виноградъ весь истребили, дающій мнѣ ежегодно болѣе 1.000 ведеръ вина; ограды во всѣхъ трехъ садахъ поломали,—совершенно опустошили мое имѣніе. Это бѣдственное положеніе моего имѣнія, которое служило мнѣ послѣднею опорою къ пропитанію, содержанію моему и платежу казенныхъ долговъ, лежащихъ на этомъ имѣніи, въ Таврическомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Несмотря на битву 8-го сентября, происходившую въ 12-ти верстахъ отъ имѣнія моего, я рискнула оставаться тамъ до той бѣдственной минуты, пока нашими войсками наполнилась Каченская долина, надѣясь, что просьбы мои и присутствіе сколько-нибудь сохранятъ мой доходъ, но на мои просьбы не обращено было вниманія. Не обращая вниманія ни на что,—все разорили; сколько имѣла при себѣ крестьянъ, въ ту минуту разбѣжались, нанятые ушли, я и дочь моя испугавшись

ушли и теперь остались рѣшительно безъ всего. Пенсіономъ я также обижена, нечѣмъ жить, я въ лѣтахъ, дочь моя слабаго здоровья; несмотря на это, мы бы занялись работой, чтобы пропитать себя, но въ это критическое время трудно снискивать пропитаніе работой, всякій сберегаетъ свои деньги, а у меня украли и послѣднія мои тысячу рублей серебромъ изъ ящика коляски, которая стояла на дворѣ. Я суетилась кого-нибудь найти, чтобы насъ вывезли; народомъ наполнился мой дворъ и послѣднюю мою надежду къ содержанію моему у меня отняли. Это несчастіе вынуждаетъ меня теперь, принять на себя смѣлость, обратиться къ вашей свѣтлости, не какъ къ великому воеводѣ, защитнику и покровителю всего Крыма, но какъ къ человѣколюбцу рода человѣческаго, оказать мнѣ и дочери моей законное и справедливое удовлетвореніе, въ пополненіе нашихъ убытковъ. Мы женщины, и вѣроятно насъ обидятъ, безъ вашей защиты, такъ какъ у насъ нѣтъ родныхъ мужскаго пола, а нашъ слабый полъ не способенъ хлопотать по присутственнымъ мѣстамъ, и не имѣя издержекъ, ничего не получимъ, останемся обижены. Зима не далеко, ни дровъ, ни хлѣба, ничего рѣшительно нѣтъ, я и дочь моя должны съ голоду и холоду умереть. Свѣтлѣйшій князь, будьте такъ милостивы, велите насъ не обидѣть, не оставьте безъ вниманія просьбы несчастной вдовы.

Вашей свѣтлости милостиваго государя всепокорнѣйшая слуга вдова подполковника Елена Ильина, дочь Конторино.

„ „ Сентября 1854 г.
Жительство имѣю
въ г. Симферополѣ.

2.

Письмо Екатерины Бухариной—князю Меншикову.

Ваша свѣтлость
Милостивый государь
Князь Александръ Сергѣевичъ!

Обратите ваше милостивое вниманіе на просьбу изгнанницы и разоренной помѣщицы, при отступленіи войскъ нашихъ 9-го числа сентября. Я жила въ имѣніи своемъ на рѣчкѣ Черной въ Инкерманѣ, но казаки

пріѣхавъ приказали мнѣ удалиться, по случаю приближенія непріятеля, что̀ я тотчасъ исполнила, отправясь въ г. Севастополь съ семействомъ своимъ и людьми, оставя при имѣніи двухъ сторожей. Но не взирая на это, у меня все расхитили насильственнымъ образомъ, какъ-то: сѣно, солому, ячмень, рожь, вино, водку и всѣ годовые запасы, въ саду и огородахъ фрукты, зелень и виноградъ, изъ котораго я беру каждогодно по двѣ тысячи ведеръ вина, скотъ, всю посуду изъ магазина, мѣдную, деревянную, бочки, экипажи, карету привели въ самое жалкое состояніе, коляску тоже, а мелкій экипажъ увезли совсѣмъ. Потеря моя простирается болѣе нежели на пятнадцать тысячъ руб. сереб.; это все мое состояніе, которымъ я содержала себя, престарѣлую родительницу, пятнадцати-лѣтнюю дочь и пятнадцать душъ крестьянъ. Теперь, лишась всего, я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи, что̀ и заставило меня безпокоить вашу свѣтлость какъ начальника и единственное лицо, къ которому я могу прибѣгнуть, бывъ совершенно увѣрена, что просьба моя не останется безъ вниманія, и ваша свѣтлость дадите мнѣ средство къ существованію и вознаградите за понесенную потерю не отъ непріятеля, а отъ своихъ.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости всепокорная слуга вдова генералъ-маіора Екатерина Бухарина.

1854 года 7-го ноября
г. Бахчисарай.

3.

Письмо Екатерины Бухариной главнокомандующему южной арміею и военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму его сіятельству генералъ-адъютанту и кавалеру князю Горчакову.

Вашему сіятельству имѣю честь доложить, что въ прошломъ году 9-го сентября я должна была оставить имѣніе свое, по случаю приближенія непріятеля, оставя въ ономъ для охраненія людей. Но не взирая ни на что, проходящіе полки и именно: Донской казачій господина полковника Попова, Его Высочества Лейхтенбергскій гусарскій и Его Импе-

раторскаго Величества пѣхотный Бородинскій истребили и забрали: сѣна 5.000 пудовъ, соломы 68 саженъ, разнаго зерноваго хлѣба до ста четвертей, муки ржаной 28 четвертей, пшеничной 5 и крупичатой 2 четверти; крупъ пшена 15 пудовъ; меду 10 пудовъ, стараго вина въ бутылкахъ болѣе 700 бутылокъ; миндалю сладкаго очищеннаго 10 четвертей, черносливу сушенаго 18 пудовъ; въ домѣ изъ погреба вынуто болѣе ста бутылокъ лучшаго заграничнаго вина и забраны всѣ зимніе запасы. Офицеры упомянутыхъ полковъ дозволили даже себѣ взять нѣкоторыя вещи изъ дому; остальное забрано господиномъ генералъ-маіоромъ Жабокритскимъ, командующимъ въ это время отрядомъ на высотахъ Инкермана и пріѣзжавшимъ нѣсколько разъ ко мнѣ въ имѣніе для приказаній. Въ то же время разобранъ домъ для постройки, батареи въ Кейтанниной балкѣ; взято еще съ двухъ домовъ: полы, потолки, балки, двери и черепица; разобраны печи и кирпичъ взятъ; экипажи, карету, коляску и бричку привели въ самое разрушительное положеніе; легкій экипажъ, три пары повозокъ окованныхъ и четыре мажары новыхъ увезли; лошадей семь и нѣсколько рогатаго скота угнали; взято 180 желѣзныхъ лопатъ, плуга два желѣзныхъ, инструментъ каменный, какъ-то: кирокъ 8, ломовъ 2, молотовъ 4, пилъ: для камней 3, и деревянныхъ продольныхъ 2; косъ 21, серповъ 50, куба мѣдныхъ два и разной посуды мѣдной; болѣе ста бочекъ, ведеръ 20 паръ, коновокъ 50, ушатовъ 30, прессовъ 6, мельница для винограда, чановъ въ 100 ведеръ 4 съ крышками и жестяными трубками и остальную принадлежность къ винодѣлію. По моему счету болѣе нежели на двадцать тысячъ рублей серебромъ одной движимости, не считая того, что сады приведены въ совершенное опустошеніе. Въ прошломъ году я лишена была всего доходу и нынѣшній тоже, ибо сѣно все выкошено, хлѣбъ посѣянный вытравленъ лошадьми, послѣдній виноградъ истребленъ въ садахъ пѣхотными полками шестаго корпуса. Лишась за два года доходовъ, коихъ получала отъ семи до восьми тысячъ рублей серебромъ въ годъ, и остатками коихъ жила еще и въ настоящее время проживая въ городѣ Бахчисараѣ въ купленномъ небольшомъ домѣ, въ которомъ была постоянно стѣснена постоемъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ; не получая ни дровъ, ни свѣчей, какъ приказано было свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ производить всѣмъ вдовамъ воен-

ныхъ чиновъ. Оставшись безъ всѣхъ средствъ къ своему содержанію, я рѣшилась безпокоить ваше сіятельство всепокорнѣйшею просьбою, дабы вы обратили милостивое вниманіе свое, оказавъ мнѣ справедливую защиту и удовлетвореніе; а также и освободивъ меня отъ постоя.

Подлинную подписала вдова генералъ-маіора Екатерина Бухарина. 21-го августа 1855 года.

4.

Письмо Екатерины Бухариной военному министру его высокопревосходительству генералу-отъ-артиллеріи и кавалеру Николаю Ануфріевичу Сухозанету 2-му.

Вдова генералъ-маіора Екатерина Иванова Бухарина, имѣя имѣніе въ Инкерманѣ на Черной рѣчкѣ близъ Севастополя, въ 1854 году 9-го сентября при приближеніи непріятеля къ Инкерману, должна была внезапно оставить имѣніе свое со всею движимостью и бѣжать въ Севастополь, гдѣ, проживъ мѣсяцъ, испытала всѣ ужасы первой бомбардировки и по настоянію высшаго начальства должна была выѣхать въ Бахчисарай, гдѣ жила годъ слишкомъ. Не имѣя, кромѣ малаго половиннаго пенсіона, никакихъ средствъ содержать какъ свое семейство, такъ и людей въ числѣ семнадцати душъ обоего пола и дѣтей, обращалась съ покорнѣйшею просьбою о помощи къ его сіятельству главнокомандующему военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму князю Меншикову, къ статскому совѣтнику господину Крылову, къ его превосходительству барону Корфу и къ его превосходительству генералъ-адъютанту Философову, но никѣмъ не была услышана и ни отъ кого не получила даже отвѣта, наконецъ обратилась съ просьбою къ главнокомандующему южною арміею и военно-сухопутными и морскими силами къ его сіятельству господину генералъ-адъютанту и кавалеру Горчакову, который, выслушавъ личную мою просьбу, приказалъ подать докладную записку на его имя съ поименованіемъ, что истреблено и кѣмъ, что̀ я и сдѣлала, и на что̀ получила отвѣтъ черезъ дежурнаго генерала, генералъ-лейтенанта Ушакова, что господинъ главнокомандующій послалъ мою докладную записку при своемъ рапортѣ къ военному министру для доклада государю императору, копію съ которой при семъ имѣю честь

представить. Въ Бахчисараѣ при увеличившейся дороговизнѣ всѣхъ необходимыхъ къ жизни продуктовъ, лишившихъ трехъ-годичнаго дохода съ имѣнія, котораго я получала отъ семи до восьми тысячъ рублей серебромъ и по предложенію начальства принуждена была уѣхать во внутренности Россіи, что̀ меня вовлекло въ ужасныя издержки и долги. И теперь, находясь въ Петербургѣ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, обращаюсь со всепокорнѣйшею просьбою къ вашему высокопревосходительству, прося вашего милостиваго вниманія и ходатайства у государя императора о вознагражденіи меня за все потерянное, за что̀ я буду на всю жизнь искренно признательна за облегченіе того горя, которое я испытала и испытываю. Подписала: вдова̀ генералъ-маіора Екатерина Бухарина 7-го іюня 1856 года.

5.

Отношеніе генералъ-адъютанта Коцебу таврическому гражданскому губернатору.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ
Южной арміи
и
военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, въ Крыму находящихся.

По части дежурнаго генерала.

Отд. об. ауд.

15-го іюля 1855 года.

№ 13238.

Главная квартира на позиціи на Инкерманскихъ высотахъ близъ Севастополя.

Военному губернатору г. Симферополя и таврическому гражданскому губернатору, свиты его императорскаго величества господину генералъ-маіору и кавалеру графу Адлербергу.

Дворянинъ Адгли-Али-Мурза-Ногаевъ въ присланномъ на имя господина главнокомандующаго прошеніи объяснилъ:

1) Что вскорѣ послѣ высадки непріятеля, близъ дерев. Контуганъ, командиръ Донскаго казачьяго № 57 полка, подполковникъ Тацынъ, по приказанію бывшаго главнокомандующаго, г. генералъ-адъютанта князя Меншикова, сжегъ весь хлѣбъ и сѣно, находившіеся въ большомъ количествѣ въ д. Джов-

джурокъ, принадлежащіе просителю, дабы хлѣбъ тотъ и сѣно не достались непріятелю при проходѣ его къ Бурлюку.

2) Что послѣ сего, войска наши, отступивъ къ Мекензіевой горѣ и остановившись въ д. Отаркой, разорили другую деревню просителя—Зеланкой, производивъ тамъ фуражировку, съ разрѣшенія же генералъ-адъютанта князя Меншикова.

и 3) Что въ настоящемъ году, дворянинъ Ногаевъ имѣлъ надежду на доходъ отъ сѣнокосныхъ луговъ, находящихся при означенныхъ двухъ деревняхъ, но дохода этого онъ теперь лишился, потому что всѣ татары, населявшіе деревни, выведены въ другія отдаленнѣйшія мѣста и до сего времени не допускаются къ водворенію на прежнее жительство.

Посему Ногаевъ проситъ о вознагражденіи его за всѣ убытки, которые по показанію его простираются на сумму 23.000 руб. сер.

По докладу объ этомъ господину главнокомандующему, его сіятельство изволилъ приказать поставить просителя въ извѣстность, что понесенные имъ убытки относятся къ разряду потерь, причиняемыхъ войною, и будутъ ли за нихъ впослѣдствіи вознагражденія, теперь сказать нельзя.

Сообщая объ этомъ вашему сіятельству и препровождая при семъ прошеніе дворянина Адгли-Али-Мурзы-Ногаева, имѣю честь просить сдѣлать зависящее распоряженіе о объявленіи ему приказанія господина главнокомандующаго; показанные же просителемъ убытки имѣть въ виду, на будущее время, а между тѣмъ по возможности удостовѣриться въ справедливости оныхъ.

Подписалъ: начальника штаба, генералъ-адъютантъ Коцебу.

Приложеніе № 8.

„Считая,—пишетъ Веревкинъ [1]),—что въ арміи нашей было всего приблизительно 28.000 ружей и слѣдовательно состояло при нихъ комплектныхъ патроновъ—въ сумахъ и ящикахъ—2.800.000, кажется, будетъ невозможно обвинять насъ въ преувеличеніи, если мы признаемъ, что въ сраженіи 8-го числа нами разстрѣляно до $^1/_3$ всего числа, т. е. около 900.000 патроновъ; зарядовъ же при артиллеріи состояло около 13.500, изъ коихъ въ сраженіи также израсходовано, по самому умѣренному счету, не менѣе трети, т. е. до 4.500 зарядовъ. Въ половинѣ же подвижнаго парка тогдашняго состава возилось всего патроновъ пѣхотныхъ 175.000 и зарядовъ артиллерійскихъ всѣхъ родовъ 3.638. Слѣдовательно, чтобы пополнить расходъ зарядовъ и патроновъ въ арміи, недостаточно было присоединить къ ней половину парка № 8-го, а необходимо было, чтобы опорожненныя повозки его нѣсколько разъ сходили въ Севастополь и возвратились оттуда, принявъ заряды и патроны“.

Еслибы князь Меншиковъ составилъ себѣ заранѣе опредѣленный планъ дѣйствій, то конечно движеніе его къ Севастополю, только для пополненія боевыхъ запасовъ, не имѣло бы мѣста. Онъ долженъ бы былъ предвидѣть, что, послѣ каждаго сраженія, для арміи необходимо пополненіе боевыми запасами. Главнокомандующему должно было быть извѣстнымъ, что въ каждомъ полку было по шестнадцати патронныхъ ящиковъ, изъ коихъ каждый вмѣщалъ въ себѣ по 10.000 патроновъ, такъ что въ девяти пѣхотныхъ полкахъ и двухъ резерв-

[1]) Очеркъ сраженія при р. Алмѣ (рукоп.).

*

ныхъ батальонахъ, сосредоточенныхъ на р. Алмѣ, было не менѣе 148 патронныхъ ящиковъ, заключавшихъ въ себѣ 1.480.000 патроновъ, да на людяхъ въ патронныхъ суммахъ около 1.800.000 боевыхъ патроновъ. Такимъ образомъ, все число патроновъ, бывшихъ при войскахъ, доходило до 3.280.000. Предположивъ, какъ пишетъ Н. Веревкинъ, что третья часть патроновъ (1.094.000) была разстрѣляна во время сраженія, при войскахъ все-таки оставалось 2.186.000 патроновъ. Изъ этого числа для пополненія патронныхъ сумъ 24.489 человѣкъ, оставшихся въ строю, потребовалось бы 1.469.340 патроновъ, а 716.660 патроновъ остались бы въ патронныхъ ящикахъ. Имѣя почти по сто патроновъ на человѣка, кн. Меншиковъ, еслибы пожелалъ, могъ отправить половину состоявшихъ при полкахъ патронныхъ ящиковъ въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы они приняли тамъ еще 716.660 патроновъ и затѣмъ черезъ Мекензіеву гору двинулись на Бахчисарай на присоединеніе къ отряду. Туда же могъ придти и полупаркъ № 8 съ 175.000 патроновъ. Такимъ образомъ, у отступившихъ на Бахчисарай войскахъ кн. Меншикова было бы около 3.078.000 патроновъ, т. е. болѣе чѣмъ по 125 патроновъ на человѣка. Съ такимъ числомъ патроновъ онъ имѣлъ полную возможность выдержать два большихъ сраженія съ непріятелемъ. Мы не говоримъ о томъ, что на соединеніе съ нимъ былъ направленъ отрядъ, при которомъ находился полупаркъ съ полнымъ числомъ патроновъ и зарядовъ. Пополненіе артиллеріи могло быть произведено точно такимъ же образомъ, и недостатка зарядовъ точно также быть не могло.

Приложеніе № 9-й.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ патроновъ, отпущенныхъ отъ Севастопольскаго артиллерійскаго гарнизона въ войска съ начала военныхъ дѣйствій 8-го сентября по 18-е октября 1854 года.

Время отпуска. Число.	Мѣсяцъ.	Въ какія части отпущены патроны.	Количество отпущенныхъ патроновъ. Въ 1⁸/₁₀ золотн.	Въ 2 золотника.	Въ 2¹/₂ золотн.
12	Сент.	Въ подвижной № 8-го паркъ.	10299	21776	—
16	—	Въ 6-ой саперный батальонъ.	15850	—	—
22	—	Въ Донской № 57-го полкъ.	—	1000	—
23	—	На батарею между 4 и 5 бастіонами	—	4000	—
—	—	Въ Бородинск. егерск. полкъ.	9600	—	—
—	—	Въ Тарутинскій	1250	—	—
25	—	Въ Московск. пѣхотн. полкъ.	1870	—	—
28	—	Для рекрутскихъ партій 1-й.	—	—	40000
—	—	„ „ „ 2-й.	—	—	40000
—	—	„ „ „ 3-й.	—	—	41200
—	—	Въ 29-й Флотскій экипажъ.	—	—	20000
—	—	„ 32-й „ „ .	—	—	10000
—	—	„ 38-й „ „ .	—	—	9000
—	—	„ 42-й „ „ .	—	—	2400
—	—	„ 43-й „ „ .	—	—	2250
—	—	„ 45-й „ „ .	—	—	7500
—	—	Въ комендантское управленіе	—	—	4800
—	—	На транспортную шхуну „Ялта“.	—	—	400
—	—	На корветъ „Орестъ“ . .	—	—	150
—	—	На транспортъ „Кинбурнъ“.	—	—	700
—	—	Жителямъ г. Севастополя .	—	—	44930
—	—	Для ротъ Севастопольскаго артиллерійскаго гарнизона.	—	—	15725
—	—	Для отставныхъ нижнихъ чиновъ и жителей Балаклавы	—	—	3120
—	—	На бастіонъ № 6. . . .	—	—	15000

Время отпуска. Число.	Мѣсяцъ.	Въ какія части отпущены патроны.	Количество отпущенныхъ патроновъ. Въ $1^3/_{10}$ золотн.	Въ 2 золотника.	Въ $2^1/_2$ золотн.
29	Сент.	Во 2-й пѣхотный Черноморскій казачій батальонъ	3200	—	—
4	Окт.	Въ Тарутинскій полкъ	1882	—	—
7	—	„ Бородинскій „	1400	—	—
8	—	„ Бутырскій „	5000	—	—
—	—	„ Московскій „	1400	—	—
9	—	„ Бутырскій „	1300	27769	—
10	—	„ Московскій „	3000	—	—
11	—	„ Минскій „	1347	—	—
—	—	„ Московскій „	3000	—	—
—	—	„ Тарутинскій „	901	—	—
12	—	„ Бутырскій „	4742	—	—
13	—	„ Бородинскій „	4380	—	—
14	—	„ Московскій „	9160	—	—
16	—	„ Московскій „	3028	—	—
—	—	„ Бородинскій „	4675	35687	—
17	—	„ Московскій „	7760	—	—
—	—	„ Бутырскій „	6109	8148	—
—	—	„ Бородинскій „	4675	35687	—
—	—	„ Тарутинскій „	1226	—	—
—	—	„ Донской казачій № 60	150	—	—
		Итого	107204	134067	257175[1])

Примѣчаніе. Патроны въ $1^3/_{10}$ золотника полагались для штуцерныхъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями.

---

[1]) Вѣдомость эта приложена къ рапорту начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ южнаго округа ген.-маіора Пихельштейна отъ 18-го октября № 4508. См. Арх. Штаба Инспек. всей артилл. по 2 отд., дѣло № 8059

Приложеніе № 10-й.

Письма военнаго министра кн. Долгорукова князю Меншикову.

1.

Петербургъ, 21-го сентября 1854 г.

Вы совершили безподобное движеніе, любезный князь, направившись на Бахчисарай. Всѣ въ удивленіи, какъ отъ мысли, такъ и исполненія этого смѣлаго маневра. Дай Богъ, чтобы оно сопровождалось еще большими успѣхами и чтобы, несмотря на численность нашихъ непріятелей, они узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло! Если вы имѣете возможность тревожить ихъ казаками и не атакуя прямо, угрожать ихъ флангамъ и тылу, то я полагаю, они будутъ въ большомъ затрудненіи. Анненковъ мнѣ пишетъ, отъ 15-го числа, что равноденственные вѣтры уже начались. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія, — продолжаются ли они? Можетъ быть благое Провидѣніе, по своему неизреченному милосердію, пришло къ намъ на помощь. Мы будемъ возсылать теплыя мольбы, чтобъ это такъ было и чтобы вы могли выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ вы находитесь. Императоръ вамъ пишетъ лично и сообщаетъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ съ цѣлію помочь вамъ, на сколько это возможно. Вы конечно будете значительно успокоены, если наши подкрѣпленія придутъ вò-время. Его Величество имѣетъ къ вамъ полную довѣренность и надѣется, что ваши войска, при первой же встрѣчѣ съ непріятелемъ, будутъ вамъ содѣйствовать какъ нельзя лучше.

Теперь мы къ вамъ отправляемъ нѣсколько отличныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Штабъ гвардіи съ удовольствіемъ вамъ уступаетъ Попова и Веймарна. Точно также мы вамъ посылаемъ нѣсколько старшихъ офицеровъ для командованія полками, потерявшими своихъ начальниковъ при Алмѣ; остальные должны быть выбраны вами изъ ввѣреннаго вамъ корпуса. Меня безпокоитъ неизвѣстность, какимъ образомъ вы пополняете недостатокъ провіанта и боевыхъ снарядовъ. Херсонъ и проч. пункты, гдѣ сосредоточены наши запасы, въ вашемъ полномъ распоряженіи.

Прощайте, любезный князь.

Позвольте пожелать вамъ отъ всего сердца полной побѣды.

2.

Гатчино, 26-го сентября 1854 г.

...Переходъ непріятеля съ сѣверной стороны Севастополя на южную довольно страненъ, потому что сѣверную сторону онъ находилъ болѣе удобною для атаки. По моему мнѣнію, причину этого надо искать въ вашемъ фланговомъ движеніи. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, какія будутъ послѣдствія?

Южная сторона, какъ мнѣ кажется, должна оказать сильное сопротивленіе и если при этомъ непріятель будетъ тревожимъ летучими отрядами (corps mobile), то это ему надѣлаетъ такихъ хлопотъ, что волей или неволей, а долженъ будетъ бросить свою затѣю. Богъ насъ не оставитъ. Молю его, чтобъ ваша энергія не ослабѣвала и надѣюсь, что въ скоромъ времени мы получимъ отъ васъ хорошія извѣстія...

Приложеніе № 11-й.

Письма князя Горчакова князю Меншикову.

I.

Кишиневъ, 7-го сентября 1854 г.

Я только-что получилъ копію съ приказа, любезный князь, даннаго вами Кнорингу, выслать къ вамъ со всевозможною поспѣшностію бригаду кавалеріи, потому что у непріятеля 4.000 кавалеристовъ и что онъ высадился съ превосходными силами. Этого-то я всегда и боялся.

Я нахожу ваше положеніе чрезвычайно труднымъ.

Посвятите нѣсколько минутъ, чтобъ сообщить мнѣ вашу систему обороны и главное какъ велика дѣйствительная численность вашихъ войскъ? Не пустое любопытство заставляетъ меня дѣлать вамъ этотъ вопросъ. Я желаю согласовать мои дѣйствія съ извѣстіями о вашемъ положеніи и съ бо̀льшими или меньшими вашими успѣхами. Я рѣшительно не знаю, какія силы привелъ вамъ Хомутовъ, при извѣстіи о произведенной высадкѣ.

Я пріостановилъ свое движеніе.

Такъ какъ вы сами не можете дать мнѣ свѣдѣній, которыя я прошу, потому что все ваше время занято, то поручите это моему брату. Податель этого письма, внукъ великаго Суворова, онъ довольно смышленъ, и подробности, не требующія секрета, вы можете ему передать словесно. Пожалуйста не задерживайте его болѣе двухъ дней, потому что я въ большомъ безпокойствѣ. Мы разсуждаемъ въ трудную минуту...

Простите за послѣдній совѣтъ. Мнѣ кажется чрезвычайно важно затянуть дѣло какъ можно долѣе; чѣмъ болѣе непріятель будетъ удаленъ отъ мѣста своей высадки, тѣмъ труднѣе ему будетъ существовать.

Да пошлетъ небо вамъ счастливый успѣхъ.

II.

Кишеневъ, 10-го сентября 1854 г.

Вы увидите изъ сегодняшняго моего отзыва, что я ничѣмъ не пренебрегъ, чтобъ честно вамъ помочь. Я нахожу ваше положеніе крайне затруднительнымъ, но все-таки имѣю хорошую надежду, такъ какъ я узналъ, что Хомутовъ привелъ вамъ значительное подкрѣпленіе. Ради Бога увѣдомьте какъ велики ваши силы, хотя бы для того только, чтобъ вывести меня изъ мучительной неизвѣстности.

Если даже посылаемыя мною подкрѣпленія придутъ тогда, когда Севастопольскій флотъ будетъ уже сожженъ, все-таки они явятся настолько вò-время, чтобъ помочь вашимъ дѣйствіямъ, когда непріятель станетъ опять садиться на суда, потому что я думаю, что если вамъ не удастся разбить непріятеля до потери флота, то вы со славою вознаградите это, когда онъ захочетъ оставить Крымъ. Греве вамъ передастъ, что было бы полезно отправить въ Николаевъ 3.000 ружей, чтобъ вооружить писарей, кантонистовъ и прочихъ, которые тамъ находятся. Считаю долгомъ сообщить вамъ объ этой мелочи, присовокупляя, что въ Херсонскомъ арсеналѣ должно быть много ружей.

P. S. Ради Бога прикажите моему брату, или кому-нибудь, сообщать о вашихъ дѣлахъ поподробнѣе. Я держу войска подъ открытымъ небомъ изъ боязни еще болѣе ихъ удалить отъ васъ; а была бы пора ихъ размѣстить по квартирамъ. Позвольте сообщить вамъ небольшое обстоятельство, которое могло отъ васъ ускользнуть. Въ нашей тактикѣ существуетъ построеніе батальона въ ротныя колонны. Это драгоцѣнное построеніе, когда приходится драться съ превосходными силами. Въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, въ первой линіи четыре батальона. Образуя первую линію изъ 4-хъ ротныхъ колоннъ и поставивъ въ интервалы артиллерію, выигрываются три лишніе батальона для резерва,

а такъ какъ первая линія есть не что иное какъ пушечное мясо для непріятеля, то она вполнѣ выполняетъ свое назначеніе.

III.

Кишиневъ, 16-го сентября 1854 г.

Любезный князь! Мои оффиціальныя отношенія уже васъ поставили въ извѣстность, что я не потерялъ ни одного дня, въ отправленіи къ вамъ значительнаго подкрѣпленія. Въ эту ночь я получилъ повелѣніе императора поступить такъ, какъ я предполагалъ относительно вашего усиленія. Изъ сегодняшняго моего отзыва вы узнаете, какія я принялъ къ тому мѣры. Ради Бога, любезный князь, пожертвуйте за каждые два или три дня по полчаса, чтобъ сообщить мнѣ о положеніи дѣлъ въ Крыму, о вашихъ предположеніяхъ и надеждахъ.

Въ настоящее время моя армія единственная надежда имперіи (ressource de l'Empire). Необходимо поэтому, чтобы я избѣгалъ несвоевременныхъ движеній; съ другой стороны я готовъ сдѣлать для васъ не только возможное, но и невозможное. Итакъ скажите мнѣ откровенно, чего вы отъ меня хотите? Главное увѣдомьте меня: надѣетесь ли вы удержаться въ Севастополѣ до прихода войскъ, направленныхъ мною въ Крымъ, и если не въ самомъ Севастополѣ, то хотя на полуостровѣ? Если сообщеніе Перекопа съ внутренностію страны прервано, присылайте мнѣ курьеровъ черезъ Арабатскую стрѣлку.

IV.

Кишиневъ, 20-го сентября 1854 г.

Простите, любезный князь, что, несмотря на всю затруднительность вашего положенія, я надоѣдаю вамъ многими письмами. Дѣлаю это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что мнѣ необходимо постоянно знать, что у васъ дѣлается, чтобы согласно съ этимъ располагать и мои дѣйствія, во-вторыхъ, потому, что я горю желаніемъ помочь вамъ насколько возможно. Изъ моего оффиціальнаго отзыва къ вамъ вы узнаете распоряженія, мною сдѣланныя, чтобъ облегчить снабженіе вашихъ войскъ

какъ продовольствіемъ, такъ и боевыми припасами. При этомъ случаѣ считаю долгомъ васъ увѣдомить, что, насколько мнѣ извѣстно, въ Херсонѣ долженъ находиться складъ (депо) боевыхъ припасовъ (думаю три мѣстныхъ артиллерійскихъ парка). Войска, которыя я къ вамъ посылаю, превосходны. Генералы Липранди и Врангель самые достойные изъ всей моей арміи. Что касается до Корфа, командующаго Уланскою дивизіею, то его я не знаю, но говорятъ, что онъ безтолковъ. Чтобы сколько-нибудь вознаградить за его глупость, я ему придалъ генеральнаго штаба подполковника Батезатула, одного изъ лучшихъ моихъ офицеровъ. Кромѣ того я прикомандировалъ къ Липранди, въ должность начальника штаба, флигель-адъютанта Его Величества князя Васильчикова, храбраго и благороднаго человѣка, знакомаго къ тому же съ дѣломъ, такъ какъ онъ въ продолженіе года исправлялъ должность начальника штаба при отрядѣ, который занималъ Малую Валахію.

Богушевскій, посланный мною въ Перекопъ, также очень способный человѣкъ.

Изъ посланныхъ вамъ маршрутовъ вы убѣдитесь, что войскамъ приказано идти съ наивозможною поспѣшностію. Нѣтъ сомнѣнія, что, при такомъ быстромъ маршѣ, они сильно утомятся, и у нихъ будетъ много больныхъ, и потому благоволите разсчитать, не окажется ли возможнымъ замедлить движеніе нѣкоторыхъ колоннъ, чтобы онѣ пришли болѣе свѣжими.

Врангель и Липранди могутъ подать хорошіе совѣты во всемъ, что касается до сохраненія людей, даже въ самыя трудныя минуты. Думаю отправить къ вамъ еще двухъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Позвольте, любезный князь, подать вамъ совѣтъ. Въ вашемъ критическомъ положеніи, найдите возможность воспользоваться средствами, которыя представляетъ Херсонъ съ его коммиссаріатскою коммиссіею и его артиллерійскими складами, а также (не воспользуетесь ли) военными поселеніями Никитина, которыя располагаютъ всѣми средствами, чтобы обезпечить ваше будущее продовольствіе: сообщите мнѣ откровенно ваши намѣренія, ваши опасенія и надежды. Думаете ли вы, что непріятель, завладѣвъ Севастополемъ, захочетъ утвердиться въ Крыму, или же вы полагаете, что онъ уйдетъ оттуда? Какъ только непріятель овладѣетъ Севастополемъ, тотчасъ дайте мнѣ знать. Для меня въ высшей степени важно узнать это какъ можно скорѣе.

V.

Кишиневъ, 23-го сентября 1854 г.

Пріѣхавшій вчера Щербатовъ привезъ мнѣ вашъ отзывъ отъ 20-го сентября. Я нахожу, что ваше положеніе улучшилось. Повидимому, непріятель раздумываетъ, и вы воспользовались его медленностію, получивъ возможность: съ одной стороны усиливать Севастопольскій гарнизонъ по вашему желанію, и съ другой—спасти большую его часть, отступая съ нею во внутрь страны, въ случаѣ, если удержать Севастополя не будетъ возможности. Я не сомнѣваюсь, что у васъ найдутся средства удержаться въ Крыму до прибытія подкрѣпленій, которыя я вамъ послалъ. Съ ихъ прибытіемъ, вы будете въ состояніи не только оспаривать у непріятеля каждый шагъ, если бы онъ захотѣлъ двинуться впередъ, но и дѣйствовать противъ него съ успѣхомъ, потому что если бы онъ пошелъ въ глубь страны (что̀ и предположить почти невозможно, за неимѣніемъ у него правильныхъ перевозочныхъ средствъ), вы будете имѣть возможность изнурять и ослаблять его, не прибѣгая къ рѣшительному сраженію. Мнѣ кажется, любезный князь, что ваша система должна состоять въ томъ, чтобы по возможности тянуть дѣло, не предпринимая ничего невѣрнаго. Позвольте вамъ напомнить, что Корфъ большой дуракъ (est une grand bêta) и что совершенно необходимо ему запретить атаковать непріятеля въ его укрѣпленной позиціи у Евпаторіи; словомъ, обстоятельно опредѣлить, что вся его обязанность заключается въ веденіи малой войны, потому что иначе онъ настолько глупъ и атакуетъ укрѣпленія, что безъ сомнѣнія будетъ во вредъ его дивизіи и покроетъ ее стыдомъ [1]).

VI.

Кишиневъ, 25-го сентября 1854 г.

Очень радъ, что̀ вы довольны Тотлебеномъ. Если непріятель не захватитъ Севастополя неожиданно, а предприметъ осадныя работы, то

[1]) Военно-Ученый Арх., дѣло № 4253 ч. II.

Тотлебенъ можетъ быть весьма полезенъ при этого рода войнѣ и для дѣйствія контръ-апрошами, которыя вы вѣроятно изберете, какъ лучшую систему, для противодѣйствія непріятелю. Онъ отлично понимаетъ это дѣло и знакомъ съ системою, употребляемою турками въ подобныхъ обстоятельствахъ. Эта система, какъ вамъ извѣстно, состоитъ въ возведеніи новыхъ построекъ, по мѣрѣ того какъ непріятель устраиваетъ свои траншеи и возводитъ батареи, и въ отраженіи нападеній на передовыя постройки, содержа сильные резервы въ мѣстныхъ закрытіяхъ, чтобы броситься на атакующаго въ ту минуту, когда онъ идетъ на приступъ. Этотъ способъ обороны мнѣ кажется вполнѣ примѣнимъ въ настоящемъ положеніи, потому что вы приняли мѣры къ постепенному усиленію Севастопольскаго гарнизона до значительной цифры, къ тому же огромная окружность, которую предстоитъ защищать, хотя въ сущности представляетъ невыгоды, но въ настоящемъ случаѣ поможетъ къ устройству контръ-апрошныхъ работъ, направленныхъ на фланги непріятельскихъ подступовъ [1]).

VII.

Кишиневъ, 29-го сентября 1854 г.

Отъ посылаемыхъ мною вашему сіятельству офицеровъ извѣстился я, что по причинѣ твердости грунта, на коемъ производятся нынѣ земляныя работы при Севастополѣ, употребляемый для оныхъ шанцевый инструментъ весьма скоро приходитъ въ негодность.

Принимая въ соображеніе важность сего обстоятельства въ настоящемъ случаѣ, а равно и то, что вамъ можетъ встрѣтиться и впредь для другихъ работъ надобность въ инструментѣ, между тѣмъ какъ въ скоромъ пополненіи таковаго вы можетъ быть на мѣстѣ встрѣтили бы затрудненіе, я почелъ не лишнимъ, на всякій случай, сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1. Отнесся къ оберъ-интенданту Черноморскаго флота контръ-адмиралу Метлину, дабы онъ, буде имѣются желѣзныя лопаты и кирки въ морскихъ складахъ въ Николаевѣ, отправилъ сколь можно большее число оныхъ хотя до 5.000 штукъ въ Севастополь, на срочныхъ подводахъ

---

[1]) Военно-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

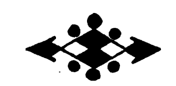
или иным скорѣйшимъ способомъ; если же таковыхъ инструментовъ не имѣется въ морскихъ складахъ, то искупилъ бы таковые у торговцевъ и частныхъ лицъ.

2. Предписалъ генералъ-адъютанту Анненкову равномѣрно искупить въ Одессѣ до 5.000 штукъ желѣзныхъ лопатъ и кирокъ и такимъ же образомъ отправить въ Севастополь... Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ, чтобы деньги, какія будутъ издержаны на покупку и отправленіе сихъ инструментовъ, были немедленно возвращены изъ имѣющейся въ моемъ вѣдѣніи экстраординарной суммы. Сдѣлавъ таковое распоряженіе лишь для выигранія времени, я считаю долгомъ сообщить о томъ вашему сіятельству на тотъ конецъ, что если бы вы нашли эти мѣры ненужными, то приказали бы отмѣнить оныя [1]).

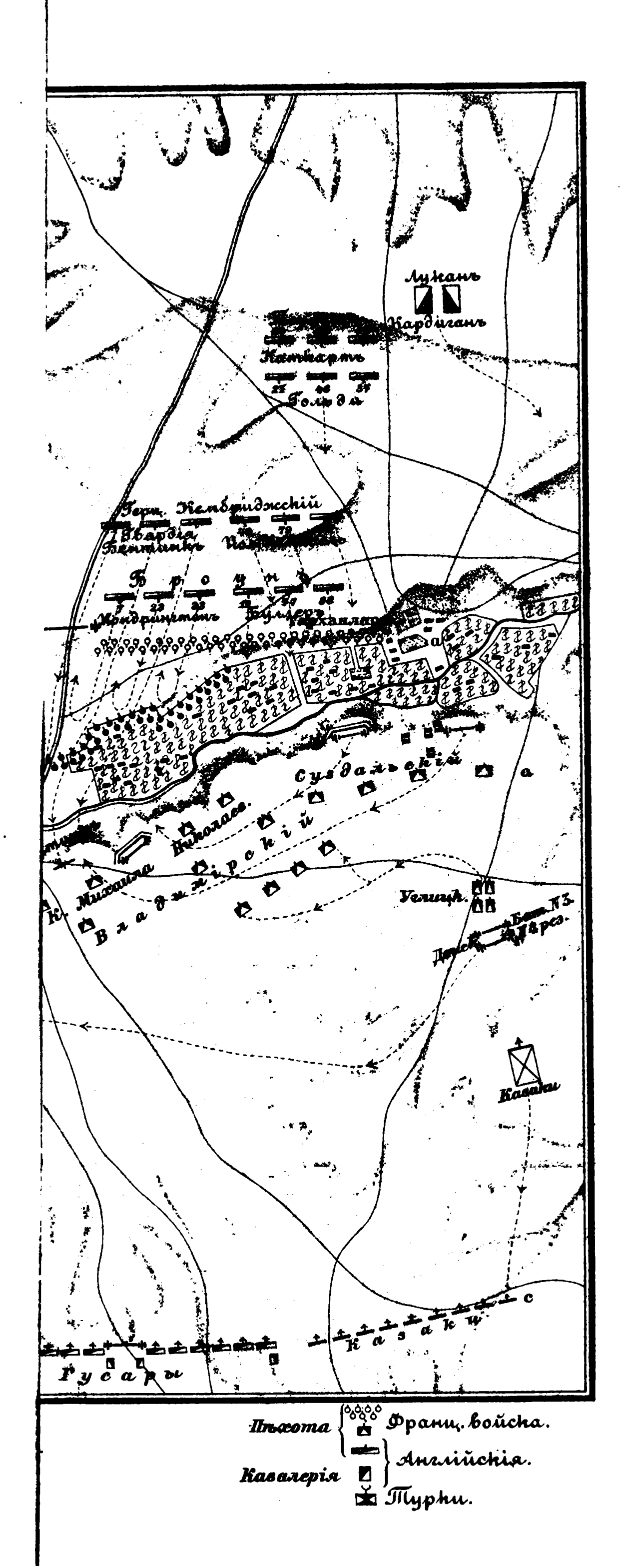
[1]) Военно-Учен. Архивъ, дѣло № 4306.

АЛФАВИТЪ
собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Мекензіевы
высоты
Инкерманскія
сты
Инкерманскія высоты
Инкерманъ
р. Черная
Трактиръ
Телеграфная
гора
Чоргунъ
Камары
Олеум

Луканъ
Кардиганъ
Гольдя
Герц. Кембриджскій
Бентинкъ
Броунъ
Кондрингтонъ
Буллеръ
Суздальскій
Николаев.
Владимірскій
К. Михаила
Уелингъ.
Казаки
Казаки
Гусары
Пѣхота
Франц. войска.
Англійскія.
Кавалерія
Турки.

